

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UCD LIBRARY

YAN 21 000

Handwritten text, possibly a signature or name, located in the bottom left corner of the page.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАВНЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНИИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

2

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(съ двумя портретами и снимкомъ почерка.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(В. О., 9 листа, № 12.)

1868.

KRAUS REPRINT LTD.
Niedelmeiderstr. 12
6600
UCD LIBRARY

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-
петербургъ, Іюль 1868 г.

Непрямънный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій*.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія Русскаго языка и и словесности.....	I.—LII.
За іюнъ 1867 года.....	I.
» августъ.....	IV.
» сентябрь.....	XII.
» октябрь.....	XXVIII.
» ноябрь и декабрь.....	XXXVII.
Засѣданія 19 декабря 1867 г.....	XL.
За январь и февраль 1868 г.....	XLI.
Приложенія къ протоколамъ:	
Матеріалы для исторіи библиотеки Московскаго главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ (П. Пекарскаго).....	XIV.
Отзывъ академика Грота о русско-французскомъ словарѣ г. Макарова.....	XXI.
Прошеніе Ломоносова о пенсіи и чинѣ. 1742 г. (Сообщ. акад. П. Пекарскимъ).....	XXVI.
Письмо Ломоносова къ князю А. М. Голицыну..	XLVI.
Идеи для живописныхъ картинъ изъ Россійской исторіи (Сообщ. П. Пекарскимъ).....	XXVII.

Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Ака- демника П. Пекарскаго. Съ портретомъ и снимкомъ по- черка Рычкова.....	№ 1.
Литовскія народныя пѣсни. Съ переводомъ на русскій языкъ. Н. А. Юшкевича.....	№ 2.
Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ. П. Лавров- скаго.....	№ 3.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. Академика П. Пекарскаго	№ 4.
Труды православной Академіи наукъ и художествъ. Статья И. И. Срезневскаго	№ 5.
Литературные труды П. И. Кеппена. Статья академика А. А. Кунника	№ 6.
Отчетъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1867 годъ. Составленный академикомъ А. В. Никитенко. Съ портретомъ преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго. . .	№ 7.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОНОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Іюль 1867 года.

Академикъ Срезневскій сообщилъ Отдѣленію, что у члена-корреспондента Академіи, профессора В. И. Григоровича оказалось 6 листовъ той самой рукописи, которую привозилъ съ собою въ Петербургъ докторъ И. И. Шафарикъ и которая, по отзыву Срезневскаго, принадлежитъ къ драгоценнымъ остаткамъ юго-западной славянской письменности XII вѣка. Помянутые листки, равно какъ и другіе отрывки, подарены лично г. Григоровичу въ Слѣпченскомъ монастырѣ во время его путешествія по славянскимъ землямъ. Этотъ ученый славистъ сообщилъ также академику Срезневскому и другія, привезенныя имъ въ Петербургъ, древнія рукописи. Нѣкоторыя изъ нихъ любопытны по записямъ, опредѣляющимъ время ихъ написанія. Другія важны какъ дополненія источниковъ для опредѣленія особенностей юго-западнаго юсоваго письма. Наиболѣе замѣчательными академикъ считаетъ: пареміиикъ, вѣроятно, XIII вѣка; триодъ, чрезвычайно разнообразную по содержанію и заключающую, между прочимъ, «канонъ отцемъ» на сыропустную субботу, гдѣ упоминается о трехъ святыхъ славянскихъ: Кириллѣ философѣ, Меодіи и Іоаннѣ рыльскомъ; книгу апостольскихъ чтеній, столь же древнюю, быть можетъ, какъ и рукопись И. И. Шафарика. Выписки изъ этихъ и другихъ древнихъ памятниковъ г. Срезневскій предполагаетъ помѣстить, въ видѣ дополненія, въ печатаемомъ имъ сборникѣ памятниковъ юсоваго письма. Отдѣленіе считаетъ такое сообщеніе В. И. Григоровичемъ рукописей своему сочлену какъ выраженіе его участія и вниманія къ трудамъ Отдѣленія, а потому опредѣлено засвидѣтельствовать ему искреннюю за то признательность.

Сборникъ II Отд. И. А. Н. Т. И.

И. И. Срезневскій обратилъ вниманіе Отдѣленія на изданіе, предпринятое три года назадъ въ Загребѣ съ поддержкой Иллирійской Матицы, подъ заглавіемъ «Книжевникъ». Давая въ немъ мѣсто статьямъ и по природознавію, издатели однако болѣе всего обращаютъ вниманіе на предметы славянской археологіи, филологіи и литературы. Исслѣдованій самостоятельныхъ по новымъ источникамъ сравнительно мало, но разработка вопросовъ по прежде извѣстнымъ источникамъ внушаетъ къ себѣ уваженіе. Изъ авторовъ статей, достойныхъ особеннаго вниманія, г. Срезневскій называетъ гг. Ягича, Рачскаго и Богишича. Статьи перваго преимущественно касаются филологіи и археологіи. Г. Рачскій пишетъ почти всегда историческія статьи; особенно любопытно его обзорѣніе источниковъ древней исторіи юго-западныхъ славянъ, начиная съ Константина Порфиророднаго. Г. Богишичу въ «Книжевникѣ» принадлежитъ довольно большое сочиненіе, заключающее въ себѣ сводъ юридическихъ народныхъ понятій и обычаевъ славянъ; оно далеко оставляетъ за собою все, что сдѣлано было до него по этой части, и представляетъ въ себѣ не мало и новыхъ данныхъ. Съ открытіемъ юго-славянской академіи, «Книжевникъ», какъ слышно, перейдетъ въ распоряженіе самой академіи. Можно быть увѣреннымъ, что какъ органъ ученаго общества, онъ будетъ издаваемъ еще съ большимъ вниманіемъ къ достоинству своему, съ меньшею исключительностью мнѣній, съ меньшею самоувѣренностью и большимъ знаніемъ того, что дѣлается и сдѣлано другими славянами, особенно русскими, новая научная литература которыхъ за исключеніемъ кое-чего изъ того, что сдѣлано въ нашей Академіи Наукъ, очень мало извѣстна сотрудникамъ «Книжевника». При этомъ г. Срезневскій напомнилъ о «Часописѣ» Чешскаго музея, когда-то занимавшемъ, безспорно, первое мѣсто между западными славянскими повременными изданіями, и выразилъ желаніе, чтобы его редакція и нынѣ заботилась о поддержаніи уваженія къ нему во всемъ славянскомъ мірѣ въ той же мѣрѣ, въ какой заботились о томъ прежніе редакторы «Часопися» до шестидесятихъ годовъ.

Академикъ Некарскій, съ разрѣшенія г. управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, представилъ Отдѣленію хранящуюся въ государственномъ архивѣ русскую, до-петровскую карту съ изображеніемъ озеръ: Ильмена и Ладожскаго, рѣкъ Волхова и Невы, Финскаго залива и части Балтійскаго моря съ берегами Швеціи. Изъ русскихъ городовъ здѣсь означены: Новгородъ,

Пековъ, Олоонецъ и другіе; на р. Невѣ нанесенъ одинъ городъ Канцы, съ примѣчаніемъ: «Отъ Канецъ до моря 7 верстъ». О рѣкѣ Невѣ отмѣчено: «Рѣка Нева тече изъ Ладожскаго озера; отъ верхнева устья до Канецъ 40 верстъ». Вообще, при обозначеніи какъ русскихъ, такъ и шведскихъ городовъ, показаны разстоянія между ними русскими верстами. Карта наклеена на грубой холстинѣ и найдена между столбами приказа тайныхъ дѣлъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Отдѣленіе опредѣлило издать эту любопытную во многихъ отношеніяхъ карту при первомъ удобномъ къ тому случаѣ.

Тотъ же академикъ читалъ въ Отдѣленіи найденные имъ матеріалы касательно переговоровъ о приобрѣтеніи библіотеки исторіографа и академика Миллера для московскаго главнаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Изъ этихъ матеріаловъ оказывается, что еще во времена Петра Великаго при коллегіи состоялъ исторіографомъ аббатъ Кружали. Доводя о томъ до свѣдѣнія императрицы Екатерины II, Миллеръ доказывалъ необходимость отдѣльнаго собранія рукописей и рѣдкихъ книгъ при сказанномъ архивѣ тѣмъ, что, по мнѣнію его, будущіе начальники этого учрежденія, долженствовавшіе быть, подобно ему, исторіографами и академиками, обязаны также заниматься русскою исторіею и, слѣдовательно, имѣть подъ руками обширную, приспособленную именно къ такимъ занятіямъ библіотеку. Желая, чтобъ библіотека оставалась на вѣчныя времена при московскомъ главномъ архивѣ, Миллеръ въ то же время настаивалъ, чтобъ собранныя имъ рукописныя и печатныя сокровища были, послѣ его смерти, доступны для пользованія отечественной публики. Матеріалы по этому предмету помѣщены ниже, въ приложеніи.

Въ юніѣ оконченъ печатаніемъ, подъ наблюденіемъ академика Пекарскаго, четвертый выпускъ «Русской исторической библіографіи», составленный, какъ и первые три, гг. П. и Б. Ламбиныи *). Цѣль и составъ изданія остаются тѣ же, какіе опредѣлены въ началѣ академикомъ Кунникомъ. Въ четвертомъ выпускѣ указаны историческія сочиненія и статьи за 1858 годъ. Академія дала возможность и средства продолжать безостановочно и далѣе «Русскую историческую библіографію», которая принята съ одобреніемъ всѣми, кто имѣлъ надобность справляться съ нею.

*) «Русская историческая библіографія», годъ четвертый, поступила въ продажу у всѣхъ комиссіонеровъ Академіи. Цѣна выпуску 96 коп. Первые три выпуска за годы 1855, 1856 и 1857 продаются у тѣхъ же комиссіонеровъ.

Академикъ Бычковъ окончилъ печатаніемъ составленное имъ обстоятельное библиографическое описаніе книгъ гражданской печати, вышедшихъ въ царствованіе Петра Великаго и хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ этомъ трудѣ нашли мѣсто нѣсколько изданій, остававшихся неизвѣстными нашимъ библиографамъ. Сверхъ того А. Ф. Бычковъ, желая, чтобъ каталогъ имѣлъ значеніе для исторіи русскаго правописанія и нашей азбуки, дѣлалъ изъ каждой, болѣе замѣчательной книги выписки, съ сохраненіемъ въ точности всѣхъ особенностей печати и правописанія.

Тотъ же академикъ сообщилъ И. И. Срезневскому находящуюся у него часть супрасльскаго рукописи, тѣмъ болѣе драгоценной, что сверхъ небольшихъ отрывковъ, списанныхъ Востоковымъ, и небольшихъ снимковъ у самого г. Срезневскаго, у него не было изъ этого памятника ничего, кромѣ печатнаго изданія Миклошича, прекраснаго для изученія перевода статей, помѣщенныхъ въ памятникахъ, но не въ палеографическомъ отношеніи.

Издаваемого на счетъ Отдѣленія и подъ редакцію академика Бычкова «Бѣлорусскаго Словаря» г. Носовича, отпечатано 26—30 листы.

Августъ 1867 года.

Управляющій уральскимъ горнымъ училищемъ, Н. К. Чупинъ, сообщивъ Отдѣленію, что имъ найдено въ Екатеринбургскомъ архивѣ много неизвѣстныхъ матеріаловъ для жизнеописанія перваго русскаго историка, В. Н. Татищева, а также письма его къ разнымъ лицамъ, предложилъ о напечатаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ матеріаловъ въ «Запискахъ Академіи». Г. Чупинъ часть извѣстій своихъ о Татищевѣ уже напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1860 года, № 203, «Библіотека В. Н. Татищева въ Екатеринбургѣ»), «Пермскихъ Вѣдомостяхъ» (1867 года, «Письмо Гениина къ гр. Ф. М. Апраксину» и «В. Н. Татищевъ и первое его управленіе уральскими заводами»), и въ «Горномъ Журналѣ» (1866 г. № 11, «Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати»).

«Въ теченіе нынѣшняго же года, пишетъ между прочимъ г. Чупинъ въ Отдѣленіе, появятся въ нашихъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (т. е. Пермскихъ) еще три статьи мои о Татищевѣ: 1) Дополненіе къ представляемой при семъ (печатной) статьѣ изъ тѣхъ

же вѣдомостей; 2) В. Н. Татищевъ: пребываніе его въ Петербургѣ въ 1722 г.; разбирательство ссоры его съ Демидовымъ; служба его на Уралѣ при Геннингѣ; Краткій очеркъ жизни его съ 1724 по 1734 годъ; 3) Второе управленіе Татищева Уральскими заводами.

«Въ іюлѣ или началѣ августа пошлю для напечатанія въ Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія статью: Дѣятельность Татищева по части народнаго образованія; въ Русскій Архивъ г. Бартонова—Отрывокъ изъ оффиціальнаго дневника или поденной записки Татищева 1734 г. (о назначеніи его вторично главнымъ начальникомъ на Уралѣ, о составленіи ему инструкціи, о переговорахъ его по сему предмету съ кабинетъ-министрами, о прощальной аудіенціи у Императрицы Анны) и переписку Татищева съ графомъ Брюсомъ, бергмейстеромъ Блюэромъ, Геннингомъ, Демидовыми и проч. (1720—1724 г.). За тѣмъ напечатаю письма его къ кабинетъ-министрамъ Остерману и кн. Черкасскому, Хрущову (помощнику Татищева, казенному вмѣстѣ съ Волынскимъ), казанскому губернатору Мусину-Пушкину, сибирскому губернатору Плещееву, Феофану Прокоповичу и проч. (1734—1739).

«Крогѣ того у меня есть еще нѣсколько важныхъ матеріаловъ для біографіи Татищева, стоящихъ надпечатанія и выписанныхъ изъ дѣлъ здѣшняго архива; таковы:

1) Любопытное представленіе Татищева сибирскому горному начальству о дѣлахъ, усмотрѣніемъ и разсужденіемъ рѣшенія требующихъ, 11 января 1722, 12 стр. въ листъ и напечатаніе его же въ сибирское горное начальство, отъ 18 января 1722 г., на 9 страницахъ.

2) Каталогъ книгъ Татищева, хранящихся въ здѣшней заводской бібліотекѣ. Книги эти (большую частію нѣмецкія, нѣсколько польскихъ и французскихъ, одна голландская и одна шведская) отданы были Татищевымъ въ Екатеринбургскую горную школу при отъѣздѣ его въ Оренбургскій край въ 1737 году.

3) Свѣдѣніе о посылкѣ изъ Петербурга съ Татищевымъ Кириака Кондратовича, о пребываніи Кондратовича въ Екатеринбургѣ и о занятіяхъ его въ должности учителя латинскаго языка въ горной школѣ, также о порученіяхъ, возлагавшихся на него Татищевымъ *).

*) Изъ помѣщенной въ Современникѣ статьи о Кондратовичѣ (1858 г., т. LXIV, отд. I, стр. 452—484) видно, что онъ называлъ себя придворнымъ философомъ. Въ поденной запискѣ Татищева 1734 г. титулъ Кондратовича гораздо скромнѣе: придворный гуслистъ. («А притомъ повелѣла (императрица) взять съ собою бывшаго при дворѣ гуслиста Кондратовича и надѣлать надъ нимъ накрѣпко, чтобъ извѣстнаго не врагъ».)

4) Сношенія Татищева съ Академіей Наукъ по выпискѣ учителей, книгъ и инструментовъ для Екатеринбургской школы (въ 1735 и 1736 годахъ).

5) Донесенія Татищеву отъ гиттенмейстера Улиха, съ которымъ Татищевъ отправилъ въ Петербургъ, въ 1735 г., для обученія въ Академіи Наукъ, четырехъ учениковъ Екатеринбургской школы: о опредѣленіи ихъ въ ученья, о содержаніи пищею и одеждою и проч. (Въ первомъ своемъ донесеніи, отъ 29 апрѣля, Улихъ пишетъ:... «27 числа марта подагъ я въ Академію промеморію господину камергеру и президенту барону фонъ Корфу, который тому весьма радовался, что отъ такого весьма дальняго мѣста дѣти присылаются, и приказалъ тѣмъ же часомъ, чтобъ г. Шумахеру оныхъ принять. Токмо послѣ того приключились разныя тягости, ибо при Академіи такого учрежденія еще нѣтъ, по которому бы дѣтямъ пищу и квартиру имѣть можно было; къ тому жъ наши почти первыя были, которыхъ приняли и проч.)»...

Сколько можно судить по оглавленію найденныхъ г. Чупинымъ извѣстій о Татищевѣ, они могутъ служить полезнымъ матеріаломъ для пополненія пробѣловъ въ жизнеописаніи этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля, а потому Отдѣленіе постановило увѣдомить г. Чупина о готовности своей помѣстять въ академическихъ изданіяхъ открытые имъ матеріалы и письма. А такъ-какъ нѣкоторые изъ нихъ печатались и будутъ печататься въ разныхъ изданіяхъ, подобная же разбросанность отрывочныхъ извѣстій объ одномъ и томъ же лицѣ представляетъ не мало неудобствъ при отысканіи ихъ послѣдующими изслѣдователями, то опредѣлено обратиться также съ просьбою къ г. Чупину о составленіи подробнаго обзоренія всѣхъ вообще извѣстій, хранящихся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ и касающихся Татищева, съ указаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя уже напечатаны и которыя остаются незаданными. Обзореніе это можетъ послужить вмѣсто предисловія къ матеріаламъ, имѣющимъ быть напечатанными въ «Запискахъ Академіи».

Академикъ Пекарскій представилъ оконченное печатаніемъ изслѣдованіе свое: «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» *). Сюда вошли, между прочимъ, извѣстія изъ непечатанныхъ до нынѣ «Записокъ Рычкова» и обширной переписки

*) Въ 8°, IV и 184 стр.; съ портретомъ Рычкова и снимкомъ его почерка. Продается у книгопродавецъ-коммисіонеровъ Академіи Наукъ и въ Комитетѣ Правленія ея по 1 руб.

его, также неизданный, съ академикомъ Миллеромъ. Последняя болѣе всего касается исторіи, географіи и естественныхъ произведеній Оренбургскаго края, и, между прочимъ, содержитъ въ себѣ извѣстія о бѣгствѣ Волжскихъ калмыкъ изъ Россіи, о Пугачевскомъ бунтѣ и т. п.

Академикъ Пекарскій сообщилъ Отдѣленію о рукописи, доставленной ему магистромъ О. Ѡ. Миллеромъ и принадлежащей г. Рыбникову. Она озаглавлена: *Letopisec 17-go godu* и заключаетъ въ себѣ рассказъ, въ формѣ лѣтописнаго повѣствованія, о русскихъ событіяхъ 1700 года. Въ современныхъ извѣстіяхъ объ этой эпохѣ нѣтъ недостатка; но всѣ они принадлежатъ къ разряду официальныхъ или писанныхъ подъ вліяніемъ взгляда, благопріятнаго Петровскимъ нововведеніямъ. Въ рукописи же г. Рыбникова все повѣствованіе проникнуто недовольствомъ къ тому, что происходило въ тогдашней Россіи, хотя выѣстъ съ тѣмъ незамѣтно несколько, чтобы авторъ принадлежалъ къ раскольникамъ. Такъ наприм., говорится, какъ о ереси, о празднованіи новаго года 1-го января и о счисленіи времени отъ Рождества Христова, а не отъ созданія міра; описываются строгія мѣры при введеніи европейской одежды и запрещеніи носить русское платье; жалуется, что иноземцевъ-еретиковъ признаютъ уже христіанами и ласково обходятся съ ними; наконецъ слѣдуютъ любопытныя подробности о неудачахъ нашихъ въ походѣ противъ шведовъ.

Тотъ же академикъ отыскалъ въ старинныхъ академическихъ бумагахъ разъясненіе, по какой причинѣ дѣла походной канцеляріи князя Александра Даниловича Меншикова хранятся нынѣ въ архивѣ Академіи Наукъ. Въ 1749 г. извѣстный собиратель свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, дворянинъ Петръ Крекшинъ довелъ до свѣдѣнія Академіи, что въ Петропавловской крѣпости лежатъ безъ всякаго надзора и подвергаются гніенію дѣла помянутаго князя. По ходатайству тогдашней академической Канцеляріи, Сенатъ разрѣшилъ разобрать и принять въ Академію для храненія всѣ бумаги князя Меншикова, имѣвшія историческое значеніе. Разборъ и описаніе ихъ возложены были на академикомъ Герарда Фридриха Миллера и Штрубе де-Пирмовъ и на адъютанта Модераха. При этомъ случаѣ, первый изъ нихъ предлагалъ озаботиться о всѣхъ вообще историческихъ матеріалахъ, хранящихся при казенныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, «дабы безъ должнаго времени потерянныя такія, къ исторіи весьма потребныя доказательства въ бережливое охраненіе отданы были и потомъ къ всеобщей поль-

зѣ употреблены быть могли...» На это представленіе, впрочемъ, не обращено было вниманія, и дѣла, не принадлежащія къ походной канцеляріи бывшаго любимца Петра Великаго, оставлены были по прежнему гнить въ сырыхъ помѣщеніяхъ, не защищенныхъ отъ наводненій: о нихъ снова вспомнили только въ началѣ царствованія императора Николая Павловича.

Академикъ Бычковъ сообщилъ Отдѣленію, что, по порученію археографической комиссіи, онъ настоящимъ гѣтомъ занимался обзорѣніемъ библиотеки ярославскаго Спасскаго монастыря, имѣющей довольно богатое собраніе рукописей, съ которыми онъ ознакомился болѣе или менѣе подробно. Всѣхъ рукописей находится въ монастырской библиотекѣ 204, изъ которыхъ 13 писаны на пергаментѣ, а остальные на бомбицинѣ или на тряпичной бумагѣ. Между пергаментными рукописями болѣе замѣчательны: а) Псалтирь, XIII вѣка (уставомъ, на 177 листахъ), въ которой каждый стихъ псалма начинается съ особой строки и кинноварною буквою; б) Слова Никона Черногорца, XIII вѣка (полууставомъ; въ два столбца, разныхъ почерковъ, 262 листа), которыхъ переводъ и грамматическій строй языка значительно отличаются отъ перевода и языка этихъ же словъ въ рукописяхъ XV вѣка. При этомъ онъ представилъ слѣдующіе отрывки изъ той и изъ другой: изъ Псалтиря:

Нач. ка° Г̄ пл̄мъ двѣвъ аГ̄
 Възлюблю та Г̄и крѣпости мои
 Г̄ѣ оутверженьи мои и прибѣжище мои избавитель мои
 Бѣѣ мои помощникъ мои оуповаю на нь
 Защитникъ мои рогъ спсѣньи моего заступникъ мои
 Хвала призовоу гѣ
 И ѿ врагъ моихъ спсѣуса.

Изъ словъ Никона Черногорца:

(л. 1-й, столб. 1-й.)

Сло̄ объѣмла

сложеннѣ книгъ. тѣкова
 отѣковани. Г̄и бл̄г̄ви ѿче ;:
 Сии книги гѣа оубо заповѣ
 дн. и сихъ тѣковани. и
 моуще. также съвѣкоу
 плающе и послѣдоующе ѿ
 оубьскыхъ оученин. кдина

главизна. отъ другом при
 млющи виноу. якоже се
 нѣкимъ златы чепи съ дра
 гымъ каменимъ. и съ жь
 нѣчюгьмъ съплетены. вы
 ю хрьстьянскоу оукрашаю
 ть аще и вѣра ксть права
 ибо и дѣла съвършають вѣ
 роу. а вѣра основани дѣло
 мъ. без вѣры ничтоже оу
 спѣмъ якоже и вѣра кро
 мѣ дѣлѣ мъртва ксть ѡ се
 бе. якоже пишется. Нъ рѣ
 ть кто ты вѣроу имаши
 азъ же дѣла. покажи ми
 вѣроу ѿ дѣлѣ своохъ. и а
 зъ покажу ти дѣла ѿ вѣ
 ры своихъ. ты вѣроуши
 яко кднѣ ксть бѣ. добрѣ
 твориши. и бѣси вѣроу
 ть и трепещють. и симъ оу
 бо великыи апѣль Ишковъ
 глѣтъ I яко тако ксть отъ
 ваѣ троудолюбѣць. да обря
 щеть ѿ. и второк слово въ
 сихъ книгахъ. кмоу же по
 чинки. иже мѣтвы ино
 го ища самъ лѣннво живе

(л. 1-й, столб. 2-й.)

ть. ничсо же оуспѣмъ.
 мы же оубо на послѣдоу
 ющамъ възидемъ :•: ~

Изъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ, слѣдующія обращаютъ на себя вниманіе: 1) Иоаннъ Лѣствичникъ (уставомъ, XVII в.), въ концѣ котораго помѣщено «толкованіе негодѣ познаваемымъ вписаннымъ рѣчемъ, понеже положени суть рѣчи вкнигахъ ѿ начальныхъ преводникъ ово словенски, ино сербски, а другая бол-

гарьски и гречески». Вотъ примѣры нѣкоторыхъ поудобъ познаваемыхъ словъ: *качество* — естество каковому есть; *качество* — нѣра есть коллика; *смерчъ* — пивница, облакъ дождевный, иже ѿ моря воду взимаетъ, яко въ губу, и наца проливаетъ на землю; *соломобіе* — еже къ тѣлу страсть і оугодное тому; *задание* — скровенъ глаголь; *свойство* — кто имать что особно; *мамличисше* — кобелничше иже не ѿ законныя жены отрока; *беука* — ходецъ; *доблестъ* — крѣпость, мужество; *промырство* — лукавство; *осликодушенъ* — иже всяку скорбь приражающъса могой понести, и т. п. 2) Другой списокъ того же Іоанна Лѣствичника, любопытный глѣтъ, что исполненъ въ 6929 (1421) году «в Константій градѣ, въ царствѣи обители пресвятая владычица наша Богородица Иперивлепто», убогимъ Евсевиємъ и непотребнымъ Ефремомъ. 3) Третій списокъ того же Іоанна Лѣствичника, въ выходной глѣтописи котораго между прочимъ сказано: «Вѣдомо же буди сіа бгѣдѣхвенная книга глѣмая Лѣствица писана с переводу бгѣспасаемаго града Кіева прчтныи обители прчтныи бцѣы чтѣнаго и славнаго ея оуспенія печерьскія и прибныи ѿцѣ Антонія и Феодосія Печерьскія писанъ же печерьскій перево^а бжтвенная глѣствица в глѣта зцѣ г го^а мая въ д^а при велико^а кнзѣ Казимерѣ королѣ и при архиепископѣ Іонѣ всеа Рѹсїи и при бгѣовѣрны^а кнзе^а Семена и Михаила Олековичевъ и при архимарите Печерьско^а Николе в Печерьской обители наипса бжтвенную глѣствицу смиренныи ермона^а Варсоноіе и совершеніе же принде сіа бгѣдѣхвенная книга глѣмая Лѣствица глѣта зрѣ^а го го^а мѣца октябрия въ д^а на память стго сщениѣмичка Ероѣи повелѣниємъ и списаннемъ Ірославля Повѣскаго изагорода с посады Дмитръсково попа Герасима Силвестрова сѣа Попова напса же бжтвению глѣствицѣ грѣшныи сщениѣерем Ермиль Тверицкіа слѣбвды». 4) Патерикъ Печерскій, съ слѣдующею выходною глѣтописью: «Сня же книга пре^а сего писаны быша, нарицаемыя Патерикъ Печерскій житна и чудеса святыи ѿцѣ, въ глѣ^а 6968, индикта 8, оемилнос 7, іюля 19, на память святаго апостола Іюды брата Господня, въ богоспасаемѣмъ граде Кіевѣ, во обители пречистыа Богоматере и преподобныхъ ѿцѣ пашихъ Автона и Феодисма в монастырѣ Печерьскомъ, при княженни благовѣрнаго князя Семиѣна Александровича и при анхимандрите печерьскомъ Николѣ, а повелѣниємъ икона (vis) Касіана, крылошенина печерьскаго, а написаны быша книги сѣа на имя священноиноку киръ Акакію бывшаго намѣст-

ника киевскаго. Нынѣ же сия книги написаны быша нарицаемыи Патерикъ в глѣ 6970, индикта 10, сѣмелице 29, мѣсяца ноябрьска въ 21 день, въ богоспасаемѣмъ градѣ Москвѣ, въ обители великаго Възнесенія, при княженіи благовѣрнаго и великаго князя Василья Васильевича и при сыноу его благовѣрномъ великомъ князи Иванѣ Васильевича и при священномъ архиепископѣ Феоодоси, а повелѣниемъ благовѣрныхъ и христолюбивыхъ книгънишнихъ иноки Еоупраксиа, а роукою многогрѣшныхъ дву дьячшишковъ Григорья и Ермолая, скорости ради дѣла, тѣхъ же святыхъ молитвами и чудотворецъ и преподобныхъ ѿць нашихъ печѣрьскихъ Антониа и Феоодосиа Господи Ісусе Христе Боже помилуй насъ». 5) Сборникъ, въ которомъ между другими статьями помѣщены: «Никѣфора іеромонаха Паскалеуса о таинствѣ покаянія и исповѣданія и о нужди тогъ» и «Показательное изъясненіе (составленное по повелѣнію патріарха Адріана) въ кое время и кимы словесы пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову». Въ послѣдней предлозаны заимствованію изъ разглагольства Енифанія Славинецкаго и Сумеона Полоцкаго слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ двухъ ученыхъ: «Призванъ изъ Кіева въ царствующій градъ Москву, въ глѣто 7157, благочестивымъ царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ, ради наученія малыхъ дѣтей еллинскому наказанію, нѣкто іеромонахъ, именовъ Енифаній Славинецкій, мужъ многоученъ не токмо филосоѣин, но и самыя ееологіи искуснѣйшій разсудитель и опаснѣйшій претолковникъ еллинскаго, латинскаго, славенскаго и полскаго языковъ, яко показуютъ дѣла его. Бѣ же и нынѣ нѣкто іеромонахъ, именовъ Симеонъ Полоцкій, и той учивыйся аще и не только, и точію полатински и по-полски, греческаго же писанія ни малѣйше что знающе...» 6) Сборникъ, содержащій въ себѣ поученія и посланія митрополита Фотія. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ напечатаны археографическою комиссіею. Объ этой рукописи упоминаетъ преосвященный Филаретъ въ своемъ Обзорѣ русской духовной литературы. 7) Нѣсколько переводовъ съ греческаго языка, совершенныхъ во второй половинѣ XVII вѣка. Изъ этихъ переводовъ болѣе замѣчательенъ переводъ труда Матвея Властаря, исполненный съ пергаментной рукописи, писанной въ 6808 году «по седми глѣтѣхъ точію самаго съчиненія» и хранящейся «даже до днесъ (7208 года) въ вѣнцѣишкѣ патріархія царствующаго града Москвы». Настоящій переводъ сборника Властаря былъ порученъ справщику книгъ при типографіи, іеромонаху Евѣмнію; прежній былъ неудовлетворителенъ, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста послѣсловія: «Вина

же втораго нынѣшняго сего преведенія паки еллинскаго діалекта на славенскій сія: понеже прежде сего в гѣто 7050 аще и добрѣ преведено бѣ или с малыми нѣкиими оскудѣнии, рекше неисправленія или и погрѣшенія (забвенію бо и недостатку всякъ человекъ подлежатъ и безъ погрѣшенія нѣкоего неудобно, аще и велии остроумъ и опасенъ, быти кому), но послѣ преведенія онаго по времени отъ неискуснопреписателей (увы!) зѣло растгѣся не токмо правый разумъ, лежащій въ ней, преписываніемъ погнѣбе, но и противности многія въ ней наплодипшася (прочитайя тую прежде преведеную купно съ сею новопреведеною книгою удобъ познать какова суть в тѣй книгѣ ѿ преписующихъ случипшася погрѣшенія).

Сентябрь 1867 года.

Академикъ Срезневскій, возвратясь изъ командировки отъ Археологическаго Общества, представилъ фотографическій снимокъ съ находящагося въ Кіевѣ портрета митрополита Евгенія и прочелъ записку свою о богатыхъ собраніяхъ рукописей и вообще древностей, принадлежащихъ епископу чигиринскому Порфирію.

И. И. Срезневскій, по недостатку времени, могъ воспользоваться только частію того, что собрано преосвященнымъ Порфиріемъ во время его многолѣтнихъ странствій по востоку (въ 1843—1861 гг.); но осмотрѣвъ все, убѣдился, что еслибъ въ Кіевѣ не было ничего привлекательнаго для археолога, кромѣ этихъ собраній, то и тогда, ради ихъ однихъ, ему надобно было бы ѣхать въ Кіевъ. Къ тому же они, по просвѣщенному благодущію владѣльца, доступны всякому этого достойному, и доступны не они одни, но и пояснительныя замѣчанія ученаго собирателя, нерѣдко столько же важныя для изслѣдователя, какъ и самыя древности, имъ собранныя. Пользуясь собраннымъ и своими путевыми записками, преосвященный Порфирій приготовилъ къ изданію въ свѣтъ еще нѣсколько сочиненій, важныхъ для археолога и филолога.

Академикъ Гротъ, возвратясь изъ заграничнаго путешествія, заявилъ, что, находясь въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, онъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ затрудненіяхъ, какими подвергаются книжныя сообщенія между Россією и другими славянскими странами. Въ особенности поразительно, что часто послыки съ книгами, отправляемыя изъ обоихъ названныхъ городовъ, по непонятнымъ причинамъ возвращаются съ русской границы посылателямъ. Со стороны Россіи два обстоятельства наиболѣе препятствуютъ распространенію въ славянскихъ земляхъ нашихъ изданій: 1) высокая

плата, взимаемая на почтѣ за пересылку ихъ и 2) то, что русскіе книгопродавцы, при отправленіи книгъ, требуютъ немедленной за нихъ уплаты, а не довѣряютъ ихъ на комиссію. Устраненіе препятствій ко ввозу въ Россію западно-славянскихъ литературныхъ произведеній было бы тѣмъ важнѣе, что многія изъ нихъ только у насъ и могли бы находить достаточный сбытъ.

Отдѣленіе, принявъ эти замѣчанія съ сочувствіемъ, выразило желаніе, чтобы они обратили на себя вниманіе лицъ, которыя могутъ содѣйствовать къ устраненію изложенныхъ неудобствъ.

Тотъ же академикъ, возбудивъ вопросъ о способѣ печатанія перешлски Державина въ собраніи его сочиненій, сообщилъ, что довольно значительный отдѣлъ ея составляютъ письма директора казанской гимназіи Каница, писанныя около 1780 года на нѣмецкомъ языкѣ, и прочелъ извлеченія изъ нихъ въ приготовленномъ имъ переводѣ. Согласно съ мнѣніемъ Я. К. Грота, Отдѣленіе находитъ правильнымъ печатать не только письма самого Державина, но и письма къ нему разныхъ лицъ, причемъ изъ числа послѣднихъ долженъ быть сдѣланъ выборъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ либо по содержанію, либо по значенію писавшихъ ихъ; что касается собственно до писемъ Каница, то въ русскомъ переводѣ они также могутъ быть помѣщены съ выборомъ и съ сокращеніями, но подлинники ихъ слѣдуетъ напечатать, хотя бы въ приложеніяхъ или примѣчаніяхъ, цѣликомъ.

По порученію Отдѣленія, академикъ Гротъ разсматривалъ изданный недавно г. Макаровымъ русско-французскій словарь, представленный авторомъ на судъ Отдѣленія, и прочелъ свой отзывъ о немъ. Отдѣленіе, вполне одобривъ этотъ отзывъ, опредѣлило сообщить его г. Макарову и напечатать (см. ниже, въ Приложеніи).

Академикъ Пекарскій отыскалъ въ архивѣ академической канцеляріи (книга № 21) слѣдующій проектъ академика Николая Юсифа Деліа, поданный президенту Академіи Наукъ, барону Корфу въ декабрѣ 1785 года, и тогда же переведенный В. К. Тредіаковскимъ на русскій языкъ (ореографія подлинника):

«Полезный проѣктъ, чтобъ дать каждому С. Петербургскому обывателю способъ, какъ исправно заводить по солнцу стѣнные и карманные часы».

«Понеже находятся исправные меридіаны въ обсерваторіи, чрезъ которые всегда можно знать на всякой день прямой часъ, когда солнце придетъ на полдень, такъ же и чрезъ посредство вѣрныхъ часовъ, которые въ обсерваторіи, можно всегда вѣдать пря-

мой же часъ, хотя бы не видно было солнца цѣлой мѣсяцъ; того ради надлежало бы однажды выстрѣливать изъ пушки точно въ самый полдень, и для того надобно бы было приказать тѣмъ, которые бѣ имѣли стрѣлять съ адмиралтейскаго бастіона, что противъ обсерваторіи, чтобъ они на каждой день были готовы не много прежде полудня къ выстрѣлу въ самую ту минуту, какъ съ обсерваторіи дастся имъ сигналъ, каковъ опредѣленъ быть имѣть. Можно объявить о семъ и въ вѣдомостяхъ, что выстрѣлъ сей чинится на всякой день токмо для выше объявленныя причины» *).

Баронъ Корфъ представилъ о томъ въ Императорскій Кабинетъ 27-го декабря 1735 года, за № 1,050; но докладъ этотъ оставленъ былъ безъ отвѣта. Такимъ образомъ мысль, осуществленная въ Петербургѣ, какъ извѣстно, въ весьма недавнее время, предложена была Делилемъ не болѣе, не менѣе какъ 132 года тому назадъ.

Академикъ Пекарскій читалъ вновь найденныя имъ подробности о вызовѣ въ Академію Наукъ и воспитаніи тамъ тѣхъ 12 воспитанниковъ московской греко-славянской академіи, въ числѣ которыхъ былъ и Ломоносовъ.

Тотъ же академикъ читалъ остававшееся до сихъ-поръ неизвѣстнымъ прошеніе Ломоносова 1762 года, въ которомъ онъ, исчисляя свои заслуги, проситъ уволить его изъ Академіи съ пожалованіемъ ему чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ежегодной пенсіи въ 1,800 руб. Это прошеніе напечатано ниже, въ приложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

П. Пекарскаго.

20 апрѣля 1780 года исторіографъ Герардъ Фридрихъ Миллеръ, представляя императрицѣ Екатеринѣ II начало своего собранія трактатовъ, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, въ концѣ доклада писалъ:

«Великая, всемилостивѣйшая государыня императрица! Немоощю отъ вашего императорскаго величества скрывать не должно, по

*) Есть также и другой современный переводъ этого предложенія, сдѣланный Михаиломъ Грѣвлингомъ.

которой неуповательно, чтобъ въ семъ упражненіи далеко я пред-
успѣлъ: много останется дѣлать находящимся при Архивѣ ассес-
сорамъ и будущему по мнѣ историографу. Прилично историографу
жить въ Москвѣ для способности Архивовъ. Петръ Великій опре-
дѣлилъ быть при коллегіи иностранныхъ дѣлъ историографу абба-
ту Кружали, который упоминается по запискамъ архивскимъ, что
съ 1716 по 1720 годъ брагъ жалованіе. Вашему величеству оста-
лось по своей любви къ російской исторіи изъ сего примѣра сдѣ-
лать законъ, чему препятствовать не должно, что подъ именемъ
историографа онъ будетъ и членомъ Академіи Наукъ и будетъ по-
лучать жалованье отъ Академіи, какъ узаконено въ регламентѣ
академическомъ 1747 года.

На семъ основаніи и какъ историографу безъ пристойной би-
бліотеки быть не можно, не сумнѣваюсь я и на то получить ваше-
го императорскаго величества всемилоствѣйшее соизволеніе, что
я наобрълся собственную мою библіотеку, изъ знатнаго числа весь-
ма рѣдкихъ книгъ и не безважныхъ манускриптовъ состоящую,
послѣ моей смерти посвящать публикѣ, дабы немалые тѣ мои для
исторіи російской начатыя труды въ пользу отечества удобнымъ
образомъ всегда продолжаемы были, а отъ коллегіи иностранныхъ
дѣлъ просить буду, чтобъ позволили опредѣлить мѣсто для сей
моей библіотеки при московскомъ Архивѣ. Она уже описана ассес-
соромъ Стриттеромъ такъ, что листочка изъ ней потеряться не-
можетъ. Она уже сама собою не мала и снабдена нужнѣйшими для
россійской исторіи и сосѣдственныхъ государствъ книгами; къ ней
же и находящіяся при Архивѣ книги присовокуплены будутъ. Но
не бесполезно будетъ опредѣлить еще по сту или по двѣсти руб-
левъ въ годъ на укомплектованіе оной, и сей расходъ держать
историографу.

Сіе мое завѣщаніе не трудно вашему величеству согласнымъ
учинить съ должностью, которую я настоящимъ моимъ наследни-
камъ—женѣ и дѣтямъ обязанъ, не трудно всѣхъ насъ счастливыми
учинить паче вашего чаянія, и паче того, чтобы съ продажи моей би-
бліотеки домашнимъ моимъ прійти могло. Всенижайше прошу, чтобъ
меня пожаловали небольшимъ числомъ недвижимаго деревенскаго
имѣнія въ наследство, чѣмъ бы жена моя и дѣти послѣ меня себя
содержать могли, и чтобъ то было не въ весьма дальнемъ отъ
Москвы разстояніи и съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ и въ томъ не
укоснить, дабы щедротою вашего величества я самъ еще пользо-
ваться могъ, ежели Господь Богъ жизнь мою на нѣкоторое время

продлить изволить. Черезъ то награждена будетъ и пятидесяти пятилѣтняя моя въ Россіи служба, по коей во всей имперіи нѣтъ старѣе меня служителя, дѣйствительно въ службѣ находящагося. А дѣти мои, коихъ я воспиталъ для услуженія отечеству—и дѣйствительно они служатъ капитанами—прямые будутъ сыны отечества, потому что иностраннный человѣкъ, пока онъ въ Россіи не исполнитъ, всегда будетъ иностранцемъ».

Библіотеку Миллера поручено было осмотрѣть А. Обрескову, который 15 ноября 1781 года писалъ къ графу Ивану Андреевичу Остерману:

«Почтеннѣйшее вашего сіятельства писаніе отъ 5 сего ноября, содержащее высочайшее и всемілостивѣйшее ея императорскаго величества повелѣніе осмотрѣть архиву г. статскаго совѣтника Миллера и спознать отъ него о цѣнѣ оной архивы, я имѣлъ честь получить 12 сего и въ тотъ же день ѣздилъ къ нему, г. Миллеру, и высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе на покупку оной архивы, трудами его собранной, ему объявилъ, что онъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и начувствительнѣйшею благодарностію-принялъ. На вопросъ же мой о цѣнѣ, отвѣтствовалъ, что онъ все предаетъ въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе и будетъ доволенъ тѣмъ, что отъ щедроты ея пожаловано ни будетъ. Въ послѣдованіи же разговоровъ примѣтить я могъ, что коли бы ему пожаловано столько, чтобъ онъ возмогъ купить деревенку не въ весьма дальнемъ разстояніи отъ Москвы около четырехсотъ душъ, то совершенно бы былъ доволенъ. Въ тѣхъ же разговорахъ понялъ я желаніе его, чтобъ оная архива всегда при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ не раздробительно оставалась, да и могущая быть купленною деревня всегда бы зависѣла отъ той же государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, яко *фидекомисъ*, и никогда бы наслѣдниками и потомками его ни продана, ни заложена быть не могла, а только бы упомянутые наслѣдники и потомки довольствовались получаемыми съ нея доходами. Архива же кажется на взглядъ многочисленна, а какъ скоро каталогъ въ надлежащій порядокъ приведется, то буду имѣть честь оный къ вашему сіятельству доставить».

Изъясненія о моей вышлотеки.

Когда я просилъ, чтобъ всемілостивѣйшая государыня императрица соизволила указать при смерти моей принять мою библио-

теку въ Архивъ, а меня бы за то пожаловать, для безубыточнаго награжденія фамиліи моею, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы деревнею или деньгами, на которыя деревню около четырехсотъ душъ купить можно было, то не думалъ я чрезъ то библиотекѣ моею цѣну поставить, развѣ только для примѣру объявить мое мнѣніе, чѣмъ бы мое желаніе совершенно исполнено быть могло. Лаская я себя надеждою, что всемілостивѣйшая государыня императрица, по обыкновенной своей щедротѣ, притомъ и долготѣлную мою, вѣрную и полезную службу въ разсужденіе принять изволить и не допустить, чтобъ моя жена и дѣти послѣ меня въ бѣдности остались или за отданіе ихъ наслѣдства въ архивъ на меня жаловаться могли.

Вообще разсуждая, во что библиотека моя могла стоить мнѣ покупкою, чего у меня не записано и чрезъ оцѣнку книгъ и манускриптовъ того найти не возможно. То извѣстно, что я снабдеиъ былъ всегда изобильнымъ жалованьемъ; что жилъ весьма умѣренно, время препроводилъ въ трудахъ, а не гуляніихъ, слѣдовательно по пятидесяти-семи-лѣтней службѣ должно бы было остаться у меня не малому капиталу, но онаго нѣтъ. Сбереженные у меня деньги употребилъ я на книги и манускрипты, дабы тѣмъ лучше исполнить по моей должности, потому что въ библиотекѣ академической многихъ весьма нужныхъ книгъ не доставало. Представлялъ же я себѣ наибольше предметомъ книгъ о исторіи руссiской и о всемъ состояніи руссiйской имперіи, конхъ по возможности собиралъ полное число въ Россіи и въ другихъ государствахъ, на всякихъ языкахъ печатанныхъ; да при томъ не пренебрегалъ книгъ о сосѣдственныхъ съ нами государствахъ, безъ конхъ руссiйскому историку обойтись не возможно. Легко статья можетъ, что на сію для общей пользы учиненную издержку употребилъ я, сравнивая годъ съ годомъ, около двухъ-сотъ рублей въ годъ, съ начала меньша, а по умножающему(ся) жалованью и больше.

Между сими книгами есть не малое число такихъ, кои по ихъ рѣдкости и важности не иначе, какъ съ великимъ трудомъ и за чрезвычайную цѣну сысканы быть могутъ. Я упомяну только о нѣкоторыхъ и собственно до Россіи подлежащихъ, причемъ я поставлю онымъ цѣну для примѣру во что мнѣ стали.

Folio.

Korb Diarium itineris in Moscoviam. Viennae, 1698.....	10 p.
Panegyricus Petro I dictus. Kioviae. 1709. На лат. яз.	} 5 »
Слово похвальное кн. Меншикову въ Кіевѣ, 1709 г.	
Сборникъ П. Орд. Н. А. Ш. Т. II. 3	

<i>Rerum Moscoviticarum auctores varij. Fr. 1600</i>	6 р.
<i>Ant. Possevini Moscovia et alia opera. Colon. 1587</i>	4 »
<i>Polonicarum rerum scriptores in tres tomos distributi, Basiliae, 1582</i>	15 »
<i>Okolski, Orbis polonus tribus tomis. Cracoviae, 1641</i>	20 »
<i>Niesieckiego, Herbownik polskoi, въ 4 томахъ 1728</i>	20 »
<i>Olearius, Reisebeschreibung, 1696</i>	10 »

In quarto:

<i>Библия российская, печатанная въ Итуанинъ въ 1519 не полная въ двухъ томахъ</i>	10 »
<i>Jacobi, Nobilis Dani (Uhlefeldii) Hodoeporicum Ruthenicum, Francof. 1608</i>	2 »
<i>Assemanni, Kalendaria Ecclesiae Universae orientis et occidentis 6 tomis, Romae, 1705</i>	30 »
<i>Vertrautes Schreiben von den jetzigen conjuncturen in Moscau, 1705</i>	} 6 »
<i>Beantwortung des lügenhaften Pasquills: Vertrautes Schreiben von den jetzigen conjuncturen in Moscov. 1706</i>	
<i>Catalogi duo codicum manuscriptorum Athanasii Schiadae. Moscauae. 1728</i>	2 р.

In octavo:

<i>Possevini, Moscovia, Antwerpiae. 1587. Сія книга содержитъ одно его путешествіе въ Россію</i>	2 »
<i>Etat de Russie par Margeret. Paris 1669</i>	10 »
<i>Relation de Moscovie par Neuville, à la Haye 1699</i>	2 »

Цѣна всѣхъ оныхъ книгъ 154 рубля. Умалчиваю для краткости о книгахъ, до исторіи сосѣдственныхъ государствъ касающихся, а оныя всѣ российскому исторіи описателю необходимо потребны. Причисляю къ онымъ и книги, исторію универсальную и западныхъ государствъ описующія, потому что исторію не рѣдко и по онымъ справляться должно. Книги старыя находятъ въ старомъ переплетѣ, въ коемъ мнѣ достались, а новыя переплетены въ переплетъ французскій.

Есть у меня, и не мало, книгъ богословскихъ, юридическихъ, медицинскихъ, философскихъ, до исторіи натуральной касающихся, и древнихъ классическихъ авторовъ и школьныхъ книгъ, коихъ я изъ отдачи съ прочими не исключаю, но оставаться-ли онымъ при Архивѣ, оное должно завѣсть отъ высшаго повелѣнія.

Манускрипты состоятъ нѣлы въ переплетѣ, а бѣльшее число возложено на матеріалы въ портфеляхъ, концы содержаніе подробно еще не описано. Изъ сихъ ни одного листа потеряться не должно. Многое сочинено или записано мною для будущаго употребленія, нѣкое списано по моему указанію изъ Разряднаго архива и съ находящихся въ партикулярныхъ домахъ книгъ и записокъ.

Родословная исторія древнихъ великихъ князей, царей и высочайшаго императорскаго дома особливѣмъ тщаніемъ у меня описана, чему свидѣлствуютъ многія, мною сочиненныя родословныя таблицы на александрійскихъ листахъ и на склейкахъ. Географическое описаніе россійской имперіи, къ коему я, въ Сибири путешествуя, собственными примѣчаніями основаніе положилъ, приимено многими послѣ того и понынѣ со всѣхъ сторонъ имѣ общераспространенныя и у меня описываемыя планами и ландкартами, не упоминая о печатныхъ ландкартахъ, особливо же о шведскомъ и польскомъ атласахъ, мною уже въ 1779 году въ Архивъ взнесенныхъ для нужнаго при дипломатическомъ корпусѣ употребленія.

Послѣднее обогащеніе моей библіотеки чинилъ я списываніемъ важнѣйшихъ писемъ своеручныхъ Петра Великаго, въ 13-ти томахъ содержащихся въ нашемъ Архивѣ, и приведеніемъ оныхъ въ порядокъ по годамъ и числамъ, чѣмъ много услужить надѣюсь тому, кто другими дѣлами не занятъ, описаніе исторіи великаго императора главнѣйшимъ своимъ упражненіемъ имѣть будетъ.

Всѣ оныя манускрипты ни у кого, кромѣ меня, не находятся: они собраны, сочинены, описаны и выписаны мною по лучшему моему знанію, не для одного любопытства, но въ намѣреніи, чтобъ полезнѣйшую услугу сдѣлать государству, коему я съ самаго пріѣзда моего, т. е. съ 1725 года, всѣ мои труды и способности единственно жертвовалъ и при разныхъ случаяхъ дѣйствительные тому явилъ опыты. Какое же россійская исторія чрезъ мои труды получила приращеніе, а непросвѣщенный народъ чрезъ Ежемѣсячныя Сочиненія, въ двадцати томахъ мною изданныя,—наставленія, с темъ распространять за извѣстнее почитаю. Увѣренъ я, что величайшая государыня императрица, во неизмѣримой своей щедротѣ, высочайшую свою милость до конца жизни моей по имѣ продолжать, библіотеку мою и всѣ мои письма въ Архивъ указать принять и за долголѣтнюю мою службу по нижайшему моему челобитію меня награждать не откажется.

Г. Ф. Шварцъ.

8 декабря 1781 года.

9 декабря 1781 года, Обресковъ писалъ къ графу Остерману:

«Получа почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 30 ноября, ѣздяль я вновь къ г. статскому совѣтнику Миллеру и съ сугубымъ прилежаніемъ осматривалъ архиву его, состоящую во многихъ тысячахъ разныхъ печатныхъ книгъ и манускриптовъ, и скажу вамъ, милостивому государю моему, что по наружности нашель я ее въ наилучшемъ состояніи и порядкѣ, а содержанія ихъ того болѣе уваженія достойны, ибо между печатными есть нѣкоторыя весьма знаменитыя, другія же рѣдкія; а есть и такія, которыхъ въ нынѣшнія времена ни за какія деньги достать не можно; такожъ и между манускриптами подобнаго же свойства многіе находятся, а особливо всѣ пятидесятилѣтнимъ и болѣе всегдашними и непрерывными его трудами выработанныхъ; которыя наиболѣе касаются до нашего любезнаго отечества и до сосѣдственныхъ государствъ съ разными ремарками, благоразуміемъ и просвѣщеніемъ, каковыя сей почтенный старикъ въ теченіи долговременной его жизни и по всегдашнемъ его при сихъ дѣлахъ упражненіи приобрѣсти могъ,—наполненными, каковыхъ, милостивый государь мой, конечно нигдѣ нѣтъ, да и быть не можетъ. И мнѣ кажется, что сохраненіе сей его архивы во всей цѣлости можно будетъ для государства почитать сущимъ сокровищемъ, и потомки наши во оной могутъ о государствѣ нашемъ почерпать знанія преобширныя. Въ прибавокъ же къ сему моему вашему сіятельству покорнѣйшему изъясненію посылаю при семъ пополнительнѣе изъясненіе самого его, г. Миллера, о свойствѣ помянутой его архивы, которое предоставляя на разсмотрѣніе вашего сіятельства, имѣю честь быть и пр.

Того же 9 декабря 1781 года, Миллеръ самъ писалъ къ графу Остерману:

Eurer Hochgräflichen Excellence Hohe Gnade und Bemühungen zu meinem Besten, werden ich und meine familie niemahls nach Würde gnugsam mit Danke erkennen können. Se. Excell. der Herr v. Obreskow haben von mir eine weitere Erklärung wegen meiner Bücher und Manuscripten verlangt, die ich gegeben habe. Eine Schätzung des innern wahren Werthes, insonderheit der Manuscripten, ist gantz unmöglich. Was Ihre Kaiserliche Majestät mir allergnädigst zu zuwerden belieben, das wird mich so vollkommén befriedigen, dass ich es eher für ein Mildes Geschenk, als für eine Bezahlung, ansehen werde. In Vergleichung mit andern von Jhro Kaiserl. Majestät gekauften Bibliotheken, kann wegen des Werthes der meinigen, edi einen weit grözere Nutzen verspricht, kein Zweifel übrig bleiben.

Meine Manuscripta sind an Zahl und Wichtigkeit dem gemäs, was man von 50 und mehr jährigen Bemühungen, die alle zum besten des Reichs abgezillet haben, erwarten kann. Man kann aber solches auch schon daraus abnehmen, wenn gewisse Ansarbeitungen bey mancher Gelegenheit von mir gefordert worden, die ich sogleich geliefert habe, welches nicht möglich gewesen wäre, wenn ich nicht so viel vorgearbeitet und auf alle Arten von Kenntnizen in Ansehung des Russischen Reichs mich in Bereitschaft gesetzt hätte. Zu letzt kann ich nicht sicherer gehen, als wenn ich mich einzig und allein auf Jhro Kaiserlichen Majestät aller höchste Gnade verlasze, wovon ich seit 20 und mehr Jahren so viele Proben habe. Hierin mich zu befestigen, bitte ich Eure Hochgräfliche Excellence auf das sehnlichste, denen ich alles erspriessliche Wohlergehen von Hertenzen anwünsche, und in tiefster submission etc.

ОТЗЫВЪ АКАДЕМИКА ГРОТА О РУССКО-ФРАНЦУЗКОМЪ СЛОВАРѢ Г. МАКАРОВА.

Потребность въ подробномъ русско-французскомъ словарѣ ощущалась у насъ очень давно, и недостатокъ такого пособия, при значительной распространенности у насъ французскаго языка, служилъ однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ того, какъ бѣдна наша учебная и ученая литература и какъ мало у насъ охотниковъ предпринимать серьезные, многолѣтніе труды.

Наконецъ нашелся человекъ, задумавшій составить такой словарь обоимъ языкомъ, который въ неслишкомъ большомъ объемѣ представлялъ бы возможно-полное и надлежащимъ образомъ разработанное содержаніе. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровымъ въ замѣчательной степени успѣшно. Употребивъ на то не болѣе трехъ лѣтъ, г. Макаровъ подалъ отрадный примѣръ дѣятельности настойчивой и неутомимой. Словарь его удовлетворяетъ болышей части требованій, установленныхъ для пособій этого рода, и можно, кажется, съ увѣренностью предсказать, что онъ сдѣлается надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучать одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другаго; особенно будетъ онъ нуженъ при переводахъ съ русскаго на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Одно изъ главныхъ достоинствъ въ подобномъ трудѣ есть полнота, — полнота, во 1-хъ, въ собраніи словъ объясняемаго язы-

ка, во 2-хъ—въ объясненіи этихъ словъ и въ указаніи всѣхъ случаевъ разнообразной передачи ихъ на другомъ языкѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ новый словарь довольно близко подходитъ къ цѣли своей, и притомъ въ объясненіи словъ г. Макаровъ постоянно держится разумной системы: сначала идутъ соответствующія русскому слову, въ разныхъ значеніяхъ его, французскія слова, а потомъ, въ такомъ же порядкѣ, относящіяся къ каждому значенію фразы. Со стороны фразеологіи этотъ словарь отличается рѣдкимъ богатствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ пословицы, въ большей части случаевъ передаваемые пословицами же; только тогда, когда недостаетъ подобозначащихъ, ихъ замѣняетъ объясненіе; то и другое всякій разъ обозначается особымъ указаніемъ. Такимъ образомъ трудъ г. Макарова, выполненный съ добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, долженъ быть признанъ заслуживающимъ одобренія. Само собою разумѣется однакожь, что въ изданіи такого объема неизбежны недосмотры и несправности. Отдавая полную справедливость достоинствамъ словаря, считаю себя не вправѣ умолчать о нѣкоторыхъ пропускахъ и промахахъ, которые въ немъ замѣчены мною. Остановиться на нихъ обязанъ я тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выразилъ желаніе узнать недостатки своего словаря для исправленія ихъ въ будущемъ.

Хотя г. Макаровъ и внесъ въ свой трудъ многія общеупотребительныя русскія слова, которыхъ, по крайней-мѣрѣ до замѣчательнаго труда г. Даля, не было въ нашихъ словаряхъ (напримѣръ: обуславливать, объединять, научный, клумба и др.), однакожь и въ разсматриваемомъ словарѣ мы не находимъ еще многихъ словъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, еще новы, но и тѣ уже приобрѣли или по крайней-мѣрѣ болѣе и болѣе приобрѣтаютъ право гражданства. Г. Макаровымъ между прочимъ, пропущены слѣдующія слова *): бытовой*, водораздѣлъ, главенство*, голосованіе*, дословный, завзятый, законоположеніе, замкнутость, издѣльный (—ая повинность), корениться, крѣпостникъ*, мѣропріятіе, набросокъ*, накидокъ* (esquisse), настроеніе, неуререкаемый, обрядовой, общеніе, орудовать, отступное, передвиженіе, плоскогорье, полноправный*, правомѣрный, представительство, прѣреканіе, принудительный, противовѣсь (—вѣсіе)*, проходимецъ*, равноправный, самовосхваленіе*, самодуръ, самодѣтельность, самообольщеніе*,

*) Обозначая звѣздочкой такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до-сихъ-поръ русскихъ словарей.

самосознаніе*, самоуправленіе*, сдержанность* (и сдержка), собственникъ*, сопоставлять, сторонникъ, ступеняться, суть (имя сущ.), творчество, хлыщъ*, цѣлесообразный*, человѣчный, численность.

Кромѣ того забыты еще нѣкоторыя слова другого рода, хотя не столь употребительныя, болѣе спеціальныя, но также несомнѣнно принадлежащія къ составу языка: они частью встрѣчаются у писателей не слишкомъ давняго періода (напр. занисловіе, нѣщечко), частью живутъ въ народѣ (взбуровить, ерунда, малика, живейный, неумѣльный, обознаться, посовѣтъ, раздробь), частью же извѣстны какъ научныя или ремесленныя термины (хрусталикъ, засидки *).

Наконецъ, между вошедшими въ русскій языкъ иностранными словами недостаетъ у г. Макарова нѣкоторыхъ весьма замѣтныхъ. Конечно, не всѣ употребляемыя современными писателями иноязычныя слова заслуживаютъ сохраненія, но многія не хуже прежде-утвердившихся; въ этомъ отношеніи важно имѣть въ виду степень потребности въ словѣ, и кажется, современный лексикографъ не можетъ отвергать такихъ словъ, какъ напр., солидарность, организовать, централизація, социальный, принципъ, или: кепи, керосинъ и проч., которымъ однакожъ въ словарѣ г. Макарова менѣе востачивилось чѣмъ другимъ, въ родѣ ампула, ангажировать, сидръ, папироска и т. п.

Объясненія и переводы въ новомъ словарѣ вообще вѣрны и удачны. Есть въ немъ однакожъ слова, которыя объяснены не во всѣхъ своихъ значеніяхъ или вообще не совсѣмъ полно и не довольно точно. Вотъ тому примѣры.

«Говоръ, le bruit de gens qui parlent». Здѣсь унущено изъ виду значеніе, усвоенное этому слову въ послѣднія десятилѣтія, именно: *parlois, jargon* (мѣстное нарѣчіе).

«Грамотность, l'écriture et la lecture». Но *грамотность* означаетъ преимущественно *умѣнье* читать и писать.

«Дѣятель, астеуг, agent». Очевидно, что ни то, ни другое изъ этихъ французскихъ словъ не годится для передачи столь общеупотребительныхъ выраженій: *дѣятель общественный, дѣятель такой-то эмажи*. Надобно было перифрастически объяснить употребленіе этого слова.

«Задатокъ, les arrhes». Русское слово употребляется въ смыслѣ гораздо обширнѣйшемъ, напр. въ выраженіи: задатки будущаго развитія.

*) Описание засидокъ (Lichtbraten) на одной петербургской фабрикѣ см. въ «Русскомъ Империѣ» 1906, № 202.

«Наплясаться, danser tout son soûl, jusqu'à satiété». Это только собственное значеніе слова; но есть еще и другое: натерпѣться, намаяться.

«Направление, direction». Надо было прибавить: *tendance*.

«Насущный, — хлѣбъ, le pain quotidien». Но русское прилагательное соединяется не съ однимъ словомъ *хлѣбъ*; въ предисловіи къ своему словарю самъ г. Макаровъ употребилъ выраженіе: «одна изъ насущнѣйшихъ потребностей». *Quotidien* не выражаетъ кореннаго значенія слова *насущный*, которое прямо переведено съ греческаго *ἐπιούσιος* (*на существованіе нужны*). Слѣдовало прибавить: *vital*, и потомъ приведенное выраженіе съ объясненіемъ его: *besoin impérieux* или т. п.

«Оброчный, de redevance, payant une redevance». Забыто реченіе: *оброчныя статьи*.

«Печать, le cachet, sceau; le scellé; impression; les caractères». Здѣсь недостаетъ еще *presse*, въ значеніи котораго слово *печать* въ недавнее время стало удачно употребляться.

«Починъ, le commencement, étrenne; frontière». И тутъ недостаетъ недавно приданнаго слову значенія: *initiative*.

«Присяжный, de serment, assermenté; le juré, membre du jury». Не объясненъ терминъ *присяжный постренный*, котораго не находимъ и подъ словомъ *постранный*.

«Протестъ, protêt». Слово взято только въ самомъ специальномъ своемъ значеніи, какъ коммерческій терминъ, тогда какъ общій смыслъ его остался въ сторонѣ.

«Путевой, de voyage». Не занесено реченіе *путевой дворъ*, которое начали употреблять въ значеніи французскаго *gare du chemin de fer* (нѣмецкаго *Bahnhof*).

«Разбирать». Между многими приведенными при этомъ глаголѣ значеніями забыто одно, соответствующее выраженію: быть разборчивымъ (напр. въ пищѣ), *être difficile dans le choix de...*

«Разборчивый». Здѣсь напротивъ указано значеніе, ускользнувшее при глаголѣ *разбирать*, но не приведено то, которое встрѣчается напр. въ выраженіи: довольно разборчивый почеркъ

«Разводить». Забытъ случай употребленія этого глагола съ творительнымъ: *руками*.

«Рознь, la différence, diversité». А *divergence* въ смыслѣ разномыслія, несогласія, *désunion, division*?

«Сводиться, être mené (du haut en bas)». Не показано значеніе слова въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: всѣ эти толки сводятся на одну главную мысль.

«Черный». Не выставлено названіе *черная рыба*, который означается всѣ виды мелкой рыбы въ отличіе отъ крупной, называемой *красною*, какъ и показано подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Фразы, которыхъ переводъ вообще свидѣтельствуеетъ объ основательномъ знаніи французскаго языка, помѣщены не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ; напр. выраженія: «Онъ очень занятъ собою, онъ занятъ чтеніемъ» должны бы находиться не подъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *занимать*, а подъ причастіемъ *занятой*, такъ-какъ оно поставлено, по общему правилу автора, особо.

Особо поставлены также косвенные падежи личныхъ мѣстоименій, и г. Макаровъ справедливо указываетъ въ предисловіи на это преимущество своего словаря. Но на томъ же основаніи слѣдовало бы помѣщать особо и тѣ глагольныя формы, которыя своими начальными буквами отличаются отъ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ нужно бы, кромѣ *здать, идти, молоть, стлать, брать, жать, мять* и т. п. выставить на своемъ мѣстѣ, по азбучному порядку, и формы: *зжеду, шелъ, мемо, стело, беру, жму, жму, мну* и проч.

Выше сказано было, что нѣкоторыя фразы встрѣчаются не такъ, гдѣ ихъ должно искать. Въ примѣръ того приведу еще одинъ случай. Пословица: «не всякое лыко въ строку» помѣщена подъ словомъ *елкій*, тогда какъ настоящее мѣсто ей было бы подъ словами *лыко* или *строка*. Притомъ и объясненіе этой пословицы: «Il ne faut pas regarder de trop près или il faut être indulgent quelquefois» не совсѣмъ удовлетворительно. Подъ словами *лыко* и *строка* читатель не найдетъ разгадки, почему въ народномъ изреченіи соединены эти два понятія. Имя сущ. *строка* переведено только словомъ *ligne*, но въ сущности смыслъ его гораздо обширнѣе: оно значитъ вообще *рядъ* (напр. въ шитьѣ), и на этомъ основаніи употребляется также, когда рѣчь идетъ о плетеніи лаптей. Мастеръ этого дѣла отбрасываетъ тѣ лыки, которыя кажутся ему недовольно чисты и гладки для употребленія въ строку или полосу. Вотъ начало пословицы. Уже позднѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали говорить: «Не всякое слово въ строку». Г. Снегиревъ объясняетъ пословицу о лыкѣ такъ: «не всякія мелочи, пустяки вводить въ дѣло». Г. Даль даетъ ей слѣдующее толкованіе, принятое и въ разбрасномъ словарѣ: «не будь чрезмѣру строгъ и взыскателя». Кажется, точнѣе былъ бы такой переводъ: «не всякое слово, необдуманно сказанное, стоитъ вниманія и должно выбѣяться въ виду».

Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ словарѣ г. Макарова, охотно сознаю однако же, что они не могутъ и не должны

заслонять собою громадной массы всего хорошаго, что въ нейъ заключается. Безъ подобныхъ указаній со стороны, такой обширный трудъ никогда не можетъ приблизиться къ желаемому совершенству. Въ настоящемъ же случаѣ они казались мнѣ тѣмъ нужнѣе, что неутомимый авторъ уже перешелъ къ другому однородному предпріятію: онъ готовитъ въ тѣхъ же или, можетъ быть, еще въ большихъ размѣрахъ французско-русскій словарь. Пожелаемъ ему въ этомъ новочъ предпріятіи такого же успѣха, какого заслуживаетъ недавно-изданный трудъ его.

ПРОШЕНІЕ ЛОМОНОСОВА О ПЕНСИИ И ЧИНѢ, 1762 ГОДА *).

Сообщено Академикомъ П. Пекарскимъ.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица всероссійская Государыня всемилоостивѣйшая.

Бьетъ челомъ Коллежской Совѣтникъ Махайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ; а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты,

1.

Въ службѣ Вашего Императорскаго Величества состоя третпять одинъ годъ. обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ, и въ нихъ приобрулъ толь великое знаніе, что по свидѣтельству разныхъ Академій и великихъ людей учоныхъ принесъ я ими знатную славу Отечеству во всемъ учономъ свѣтѣ, чему показать могу подлинныя свидѣтельства: и таковыми ученіемъ, одами публичными рѣчьми и диссертациями по'зоваѣ и украшалъ я Вашу Академію передъ всѣмъ свѣтомъ дватцать лѣтъ К сему

2.

На природномъ языкѣ разнаго рода моими сочиненіями Грамматическими, Риторическими, Стихотворческими, Историческими, такъ же и до высокихъ Наукъ надлежащими Физическими, Хими-

*) Въ Госуд. архивѣ, X разрядъ, Прошенія, бывшія въ дѣлопроизводствѣ И. П. Елагина, книга I. Правописаніе сохрaнено подлинника.

ческими и Механическими стилъ Россійской въ минувшіе дватцать лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ, и много способнѣе сталъ къ выраженіямъ идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуесть общая аппробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ употребляемыя и нѣхъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служи"; *Прометію*

3.

Присудствуя въ Канцеляріи Академіи Наукъ членомъ полшеста года безъ повышенія чина и безъ прибавки жалова"я; что однако моимъ товарищамъ учинено было; отпра"лялъ я должность мою по положеннымъ на меня Департаментомъ со всяческимъ раченіемъ, такъ что Гимназія, Университетъ и Географической Департаментъ пришли во много лутчее передъ прежнимъ состояніе; *Коллежской Состыни*"

4.

Помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частой ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, та" что прошлой зимы и весны лежалъ я двѣнадцатъ недѣль въ смертной постелѣ и нынѣ тяжко боленъ; *Михайло*

5.

Не взирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и безпорочную службу для приращенія Наукъ въ Отечество близъ двѣнацати лѣтъ въ одномъ чину оставленъ я низжайшій произво"деніемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статскі" чинахъ; которымъ при семъ реестрѣ сообщается и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ; *Васильевъ сынъ*

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества милосердіемъ благоволено было сіе мое низжайшее прошеніе принять и меня для вышепомянутой болѣзни уволить отъ службы Вашего Императорскаго Величества вовсе; а за понесенные мною сверхъ моей профессіи труды, и для того что я многократно многими въ производеніи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произведеніемъ въ Статскіе Дѣйствительные Со-

вѣтники съ ежегодною пенсією по тысячи по осьми сотъ рублей, по моему смерти изъ Статской Конторы. Между тѣмъ въ покоѣ и въ уединеніи отъ хлопотъ бывающихъ по должности пользуюсь таковою Вашего Императорскаго Величества всевысочайшею щедротю въ часы свободные отъ болѣзни не премину въ наукахъ посылно упражняться въ пользу отечества; *Ломоносовъ*

Всемиловѣйшая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитѣи рѣшеніе учинить. Июля дня 1762 года. Прошеніе писалъ Академіи Наукъ Геодезіи Студентъ Илья Аврамовъ *руку приложилъ*.

(На отдѣльномъ листѣ при прошеніи рукою того же Аврамова.)

Коллежской Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ обойденъ въ прозвощеніи, и молодшіе его въ статскихъ чинахъ пожалованы:

- 1) Иванъ Козловъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Геральдъ-Рекетъ Мейстеръ;
- 2) Дмитрей Лобковъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Геральдъ Мейстеръ;
- 3) Федоръ Квашинъ Самаринъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Оберъ Президентъ;
- 4) Николай Давыдовъ Статской Совѣтникъ и Вице Президентъ;
- 5) Алексѣй Яковлевъ Статской Совѣтникъ;
- 6) Князь Егоръ Амилохоровъ Статской Совѣтникъ и Прокуроръ;
- 7) Иванъ Ермолаевъ Статской Совѣтникъ;
- 8) Андрей Суровцовъ Статской Совѣтникъ;
- 9) Борисъ Никитинъ Статской Совѣтникъ;
- 10) Алексѣй Еропкинъ Статской Совѣтникъ;
- 11) Федоръ Швевъ Вице Президентъ;
- 12) Андрей Самаринъ Церемоніенъ-Мейстеръ;
- 13) Князь Александръ Черкаской Брегадиръ;
- 14) Михайло Титовъ Статской Совѣтникъ;
- 15) Иванъ Таубертъ Статской Совѣтникъ.

Октябрь 1867 года.

Академикъ Пекарскій читалъ извлеченное имъ изъ академическаго архива извѣстіе о бывшихъ въ Петербургѣ въ 1780 году частныхъ училищахъ. По приказанію Императрицы Екатерины II, въ мартѣ и апрѣлѣ означеннаго года академики Ейлеръ-сынъ, Лепехинъ, Протасовъ, Зуевъ и Монсѣнковъ осматривали всѣ

частныя пансіоны и школы, находившіеся тогда въ Петербургѣ; причемъ дѣлали испытанія воспитанниковъ и собирали свѣдѣнія о содержателяхъ и учителяхъ этихъ учебныхъ заведеній. Результаты занятій названныхъ академиковъ изложены въ обстоятельномъ описаніи, которое представляетъ довольно цѣльную картину воспитанія молодаго поколѣнія зажиточныхъ жителей Петербурга во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ болѣе части частныхъ учебныхъ заведеній все преподаваніе ограничивалось уроками французскаго, иногда нѣмецкаго языковъ и первыми правилами ариметки. Между содержателями и учителями пансіоновъ попадаются прикащикъ, фехтовальный учитель, поварь и т. п. Весьма немногіе изъ содержателей получили университетское образованіе. Одинъ изъ нихъ, Августъ Вицманъ, издатель «St. Petersburgisches Wochenblatt zur Aufnahme der Oeconomie», по отзыву академиковъ, былъ человѣкъ хорошо подготовленный и ученый; но зато у него почти не было учениковъ. На Петербургской сторонѣ существовала школа извѣстнаго потомъ автора Записокъ объ Екатеринѣ II и Императорѣ Павлѣ, Ивана Масона. Экзаминаторы наши: «Какъ г. Масонъ, по причинѣ своей должности въ кадетскомъ корпусѣ, мало имѣетъ времени обучать самъ въ своемъ пансіонѣ, и какъ его помощники въ наукахъ и языкахъ не весьма искусны, то не можно ожидать отъ его учениковъ никакихъ дальнихъ успѣховъ... Этотъ новый матеріалъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, дополняющій біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, будетъ напечатанъ впоследствии.

Академикъ Гротъ доложилъ, что такъ-какъ памятникъ надъ могилою покойнаго А. Х. Востокова на Волковомъ кладбищѣ нынѣ уже совершенно оконченъ, то онъ долгомъ считаетъ представить, для храненія при дѣлахъ отдѣленія, списки пожертвованій, сдѣланныхъ на этотъ предметъ, по вызову отдѣленія, почитателями памяти академика Востокова и составившихъ сумму въ 644 р. 60 к., на счетъ которой и поставленъ памятникъ. Положено: при напечатаніи о томъ выразить живѣйшую признательность отдѣленія всѣмъ лицамъ, благоволившимъ принять участіе въ подпискѣ на этотъ предметъ.

Академикъ Срезневскій прочелъ слѣдующую записку: «Въ концѣ мая я докладывалъ отдѣленію о томъ, что докторомъ Я. Шафарикомъ, во время его пріѣзда на этнографическую выставку, сообщена была мнѣ рукопись XII вѣка, письма не русскаго и не сербскаго, заключающая въ себѣ значительную часть книги

апостольскихъ чтеній, и что г. Шафарикъ обѣщалъ осенью доставить не только работу свою объ этомъ памятникѣ, но и самый подлинникъ. Вполнѣ увѣренный, что работа г. Шафарика будетъ достойна вниманія отдѣленія и что подлинникъ еще разъ будетъ въ моихъ рукахъ, я все-таки списалъ весь памятникъ, снялъ снимки съ нѣсколькихъ страницъ и сдѣлалъ о немъ свои замѣтки, часть которыхъ и сообщилъ отдѣленію. Все это оказалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что весною же я получилъ отъ В. И. Григоровича еще часть той же рукописи, не находившуюся въ рукахъ г. Шафарика; имѣя снимки и списокъ, я легко могъ въ этомъ убѣдиться и новозаявленной части памятника дать въ своемъ списокѣ должное мѣсто. Выѣстъ съ тѣмъ дружеской общительности В. И. Григоровича я обязанъ сообщеніемъ, между прочимъ, и другаго важнаго памятника того же рода и отдѣла: книги апостольскихъ чтеній тоже, вѣроятно, XII вѣка и тоже письма не русскаго и не сербскаго, но особеннаго правописанія. Этотъ памятникъ любопытенъ, между прочимъ, и потому, что въ немъ по мѣстамъ кирилловское письмо замѣнено глаголицей. Снявъ снимки и съ этого памятника, я и его списалъ вполнѣ для того, чтобъ имѣть возможность сравнивать съ нимъ памятникъ, прежде означенный. В. И. Григоровичу я обязанъ за сообщеніе и еще нѣсколькихъ памятниковъ такого же письма, XII—XIII вв. Всѣ эти памятники были для меня важны, между прочимъ, и въ отношеніи къ сборнику памятниковъ юсоваго письма, иною печатаемому. Я воспользовался ими для того, помѣстивъ извлеченія изъ нихъ въ дополненія, и приготавливаю ихъ описаніе для обозрѣнія, которое печатается какъ введеніе къ сборнику. Поѣздка моя въ Кіевъ была также полезна для дополненія издаваемого иною сборника: въ богатыхъ и разнообразныхъ собраніяхъ преосвященнаго Порфирія я нашелъ нѣскольکو отрывковъ изъ древнихъ памятниковъ того же юсоваго письма, сдѣлалъ и съ нихъ снимки и списки, и считаю нужнымъ дать и имъ мѣсто въ издаваемой книжкѣ. Позволю себѣ повторить разъ уже высказанное въ отдѣленіи убѣжденіе, что изъ памятниковъ юсоваго письма, чѣмъ болѣе ихъ отыскивается, тѣмъ яснѣе становится, что и въ нихъ такъ же, какъ въ памятникахъ русскихъ и сербскихъ, только сквозь покровъ мѣстныхъ нарѣчій, виднѣется чистое старо-славянское нарѣчіе, то нарѣчіе, котораго главныя черты вскрыты были изъ памятниковъ русскаго письма проникательностью Востокова, и которое болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій приближается къ древнѣйшему образу славянскаго языка

и богѣ всѣхъ другихъ объясняетъ неясныя черты каждаго изъ нихъ.» Принято съ признательностью.

Академикъ Гротъ заявилъ, что, съ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго, 21-го выпуска Словаря почетнаго члена Академіи В. И. Даля, нынѣ окончены этотъ замѣчательный трудъ. По мнѣнію Я. К. Грота, успѣшное довершеніе столь обширнаго лингвистическаго предпріятія заслуживаетъ полнаго вниманія Академіи и должно быть встрѣчено отдѣленіемъ русскаго языка и словесности съ особеннымъ сочувствіемъ. Хотя и неоспорно, что этотъ Словарь въ научномъ отношеніи удовлетворяетъ не всѣмъ современнымъ требованіямъ, но зато съ практической стороны онъ представляетъ великія достоинства. Самая мысль, выраженная въ заглавіи его, составить Словарь *жизно великорусскаго языка* была нова въ нашей лексикографіи и указываетъ на настоящую точку зрѣнія при оцѣнкѣ труда г. Даля. Этотъ трудъ былъ дѣломъ цѣлой жизни его. Главнѣйшій матеріалъ лексикона собранъ не изъ книгъ, а изъ живаго источника, т. е. изъ самыхъ устъ народа почти во всѣхъ концахъ Россіи, куда заводила г. Даля, и часто на долгое время, разнообразная судьба его и разнородная служба. Къ счастью, мысль записывать поражающія его русскія слова, поговорки и пословицы родилась у него еще въ ранней молодости, и такимъ образомъ въ его рукахъ скопился мало-по-малу необъятный запасъ того, что составляетъ богатство народнаго языка. Наконецъ, восемь лѣтъ тому назадъ, г. Даль рѣшился оставить службу, чтобы, поселившись въ Москвѣ, исключительно посвятить себя разработкѣ этого драгоценнаго матеріала. Съ удивительною настойчивостью, не отвлекаясь отъ своего труда никакими другими интересами и занятіями, онъ успѣлъ въ семь лѣтъ напечатать четыре большіе тома Словаря. Этотъ Словарь, самый полный изъ всѣхъ досегѣ существующихъ русскіихъ словарей, будетъ отнынѣ однимъ изъ главныхъ источниковъ русской лексикографіи, необходимою справочною книгой не только для всѣхъ исследователей русскаго языка и народной жизни, но и для всякаго мыслящаго русскаго человѣка, понимающаго значеніе роднаго языка. Сверхъ богатства содержанія Словарь г. Даля имѣетъ еще и другія существенныя преимущества: авторъ вездѣ старался давать словамъ простыя и точныя опредѣленія, и, сообщивъ въ первый разъ множество техническихъ народныхъ названій по промысламъ и ремесламъ, а также по естествовѣдѣнію, пріобрѣлъ неменьшую заслугу вѣрнымъ объясненіемъ ихъ. При многихъ уже извѣстныхъ словахъ, давно занесенныхъ въ словарь

онъ показалъ нѣкѣмъ неотгѣченныя прежде примѣненія ихъ въ народномъ языкѣ. Въ его объясненіяхъ словъ и въ приводимыхъ имъ безчисленныхъ выраженіяхъ, поговоркахъ и пословицахъ разсѣяны драгоценныя указанія на нравы, повѣрья и обычаи русскаго люда. Другаго рода услугу оказалъ г. Даль изслѣдователямъ языка въ грамматическомъ отношеніи, выставивъ рѣзко и убѣдительно неправильность господствовавшаго долго взгляда на залогъ русскаго глагола; онъ осязательно доказалъ путаницу, происходящую отъ заимствованнаго изъ чужезычныхъ грамматикъ понятія, будто при каждомъ глаголѣ необходимо опредѣлять залогъ его и притомъ по тѣмъ самымъ категоріямъ залоговъ, какія приняты въ другихъ языкахъ. Поэтому г. Даль въ первый разъ изгналъ изъ словаря одностороннее указаніе залоговъ, и наука отчасти уже воспользовалась его наблюденіемъ, конечно, требующимъ еще дальнѣйшаго развитія. Сознавая, что строгая и подробная критика безъ сомнѣнія отыщеть въ Словарѣ г. Даля недостатки, не только частныя, но и общіе, особенно въ отношеніи къ группировкѣ словъ, къ корнесловію, къ системѣ правописанія, академикъ Гротъ заключилъ замѣчаніемъ, что тѣмъ-не-менѣе на его взглядъ Словарь г-на Даля, по указаннымъ уже достоинствамъ, составляетъ чрезвычайно важное явленіе въ русской лексикографіи и литературѣ. Отдѣленіе, вполне соглашаясь съ этимъ отзывомъ, опредѣлило внести Словарь г. Даля на одинъ изъ первыхъ конкурсовъ Ломоносовской преміи.

И. И. Срезневскій представилъ на вниманіе сочленовъ два фотографическіе снимка съ болонской псалтыри XII вѣка, сдѣланные, по его просьбѣ и назначенію, для его сборника памятниковъ юсоваго письма, подъ наблюденіемъ М. А. Пинто. Вмѣстѣ съ тѣмъ И. И. Срезневскій заявилъ, со словъ г. Пинто, что бібліотекарь университетской болонской бібліотеки, гдѣ хранится означенная рукопись, находитъ возможнымъ высылку оной въ Академію Наукъ въ Петербургъ, если только русскій посланникъ при дворѣ итальянскомъ обратится съ ходатайствомъ объ этомъ къ итальянскому министру народнаго просвѣщенія. По важности этого памятника для изслѣдованій палеографическихъ и лингвистическихъ сравнительно съ другими памятниками такого же рода, отдѣленіе положило ходатайствовать, чтобы болонская псалтырь была доставлена въ Академію Наукъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Академикъ Пекарскій читалъ написанное имъ изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Редакторъ, сотрудники и цензура русскаго жур-

наша въ 1755 — 1764 годахъ». Первый русскій учено-литературный журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія» не разъ обращалъ на себя вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей, по богатству, разнообразію и значенію напечатанныхъ тамъ статей. Покойный В. А. Милютинъ посвятилъ этому изданію три обширныя статьи (въ «Современникѣ» 1851 г.), основанныя исключительно на тѣхъ печатныхъ свѣдѣніяхъ, которыя представляетъ самый журналъ. Само собою разумѣется, что такія свѣдѣнія, знакомя съ содержаніемъ изданія, не даютъ понятія о значеніи редактора стариннаго журнала и его отношеніяхъ къ сотрудникамъ; не раскрываютъ безвѣстныхъ авторовъ, трудившихся въ журналѣ иногда болѣе, чѣмъ извѣстные писатели, наконецъ совершенно молчатъ о степени свободы, предоставленной въ старину журналу при высказываніи въ немъ мыслей касательно религіи, политики и литературы, т. е. о журнальной цензурѣ. Полагая, что подобныя извѣстія полезно принимать въ соображеніе при историко-литературной оцѣнкѣ старинныхъ русскихъ періодическихъ изданій, П. П. Пекарскій въ упомянутомъ изслѣдованіи сообщилъ, на основаніи рукописныхъ источниковъ, разныя подробности о закулисной сторонѣ въ существованіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій», сторонѣ, остающейся обыкновенно невѣстной большинству современниковъ, но тѣмъ-неменѣе играющей важную роль въ журналистикѣ. Отдѣленіе, находя въ этомъ трудѣ много новыхъ, весьма любопытныхъ данныхъ для исторіи литературы XVIII вѣка, изъявило желаніе, чтобы онъ скорѣе былъ напечатанъ.

П. П. Пекарскій доставилъ сдѣланную имъ въ Государственномъ Архивѣ (разр. XVI) выписку высочайшаго повелѣнія императрицы Елисаветы Петровны 28-го іюля 1743 года, объявленнаго барономъ И. А. Черкасскимъ, о томъ, «чтобъ въ предлагаемыхъ Ея Величеству къ подписанію или для прочтенія письмахъ никакихъ рѣчей подъ титуломъ, также и верхнихъ литеръ не писать, но чтобъ всѣ литеры изображаемы были надлежащимъ порядкомъ въ строкахъ». Этого повелѣнія нѣтъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Академикъ Бычковъ прочелъ сохранившееся въ копіи, сдѣланной Оленинымъ, любопытное письмо къ нему Державина о разговорѣ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ по поводу перваго представленія трагедіи «Эдицъ въ Аѳинахъ» въ 1804 году. Передано для напечатанія въ изданіи сочиненій Державина академику Гроту, который отозвался, что этого письма еще нѣтъ въ

Сборникъ II Отд. Н. А. Н. Т. П.

имѣющемуся у него собраніи писемъ поэта. Вместе съ тѣмъ онъ заявилъ, что пополненіе матеріаловъ для біографіи Державина все еще продолжается и что въ недавнее время доставлены отъ Г. К. Рѣпинскаго копии съ двухъ бумагъ этого рода, найденныхъ имъ въ одномъ изъ здѣшнихъ архивовъ. Положено выразить г. Рѣпинскому искреннюю признательность Отдѣленія.

Авторъ нѣмецко-русскаго словаря, г. Павловскій, представилъ на судъ Академіи Наукъ недавно напечатанное въ Ригѣ 2-е изданіе этого труда, заслужившаго въ свое время на конкурсѣ демидовскихъ наградъ почетный отзывъ Академіи. Новое изданіе przeprowadжено было нынѣ общимъ собраніемъ на разсмотрѣніе Отдѣленія русскаго языка и словесности. Академикъ Срезневскій, который, по порученію Отдѣленія, разсмотрѣлъ этотъ словарь преимущественно по отношенію къ 1-му его изданію, прочиталъ слѣдующій отзывъ.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1856 г. Нынѣ вышедшее второе отличается отъ перваго исправленіями и дополненіями, при которыхъ трудъ г. Павловскаго становится еще болѣе полезнымъ.

Цѣль составленія этого словаря была преимущественно, почти исключительно — помочь тѣмъ нѣмцамъ, которые хотятъ пользоваться богатствами русскаго языка, излагая, что бы то ни было, по-русски. По этому составитель и обратилъ особенное вниманіе на все, что можетъ быть нужно нѣмцу: на удареніе русскихъ словъ въ ихъ разныхъ измѣненіяхъ, на самыя ихъ измѣненія, если они уклоняются отъ обыкновенныхъ, что называется правильныхъ, на особенныя формы словъ, непонятныя для нѣмцевъ, каковы, напр. виды глаголовъ, на управленіе словъ другими, и потому на употребленіе падежей и предлоговъ и т. д. Само собою разумѣется, что нѣмецъ не можетъ не нуждаться, при переводѣ съ своего языка на русскій, въ точномъ различіи всѣхъ оттѣнковъ значенія нѣмецкаго слова посредствомъ словъ русскіихъ, а потому г. Павловскій не довольствовался общимъ обозначеніемъ смысла нѣмецкаго слова, но старался отдѣлить каждый оттѣнокъ его значенія, на сколько было нужно, особеннымъ русскимъ словомъ, приводя при этомъ нѣмецкіе синонимы или описанія. Не только не забыты, но въ очень большомъ числѣ приведены русскія обычныя выраженія для перевода обычныхъ выраженій нѣмецкихъ. Дано мѣсто даже и поговоркамъ и пословицамъ наиболѣе употребительнымъ.

Какъ все это сдѣлано г. Павловскимъ, можно понять изъ многихъ примѣровъ:

Въ словѣ *dünn* отдѣлены слѣдующіе отгѣнки значенія: 1) *nicht dick, fein* — тонкій; 2) о волосахъ, тканяхъ: *undicht* — рѣдкій; 3) о тѣлесномъ сложеніи: *mager, schwächlig* — худощавый; 4) о жидкостяхъ: жидкій. Эти отгѣнки значенія слова *dünn* объяснены въ выраженіяхъ: *dünne Leinwand* — рѣдкое пологло, *dünne und grobe L.* — рѣдкая холстина, рѣдъ и рѣднина; *dünnes Bier* — слабое пиво; *dünne Grütze* — каша; *d. werden (undicht w.)* — рѣдѣть; о тканяхъ: истираться, изнашиваться; о тѣлосложеніи (*mager w.*) — худѣть; *dünn machen (verdünnen, flüssig m.)* — разжижать; о доскѣ и т. п. утонять; *durch dick und d. gehen* — идти; не разбирая; *er bohrt gerne wo das Brett am dünnsten ist* — онъ не любитъ трудиться, онъ всё старается, какъ бы ему было полѣгче. За этимъ слѣдуютъ сложные слова: *dünnbärtig; dünnbeinig* и проч.

Въ словѣ *fein* отмѣчены слѣдующіе отгѣнки значенія: 1) *dünn*, о бумагѣ и т. п. тонкій; 2) *zart* — вѣжливый; 3) *gebildet* — образованный; *f. im Umgange, bescheiden* — тонкій, вѣжливый, учтивый; 4) о дождѣ, пескѣ, порохѣ и т. п. — мелкій; *von guter Sorte* — хороший; *feines Gold* — чистое золото. Далѣе отмѣчены особые случаи употребленія слова *fein*: *f. Schrift* — мелкое письмо; *f. Brod* — сѣтный хлѣбъ; *f. Kamm* — частый гребень; *f. Geschmack* — тонкій вкусъ; *f. Geruch* — чуткое обоняніе; *f. Blick* — пронзительный взоръ; *f. Lebensart* — свѣтскость, вѣжливое обращеніе. Слѣдуютъ въ большомъ числѣ особые выраженія, и между прочими: *f. Nase, f. Fuchs, f. gedacht und f. gesagt* и проч.

Мѣтки, что называется, коренныя русскія слова и выраженія для перевода однозначашихъ словъ и выраженій нѣмецкихъ встрѣчаются на каждой страницѣ. Такъ на первыхъ двухъ листкахъ, между прочимъ, находимъ: *den Hut ab* — шляпу долой; *er hat auch eins abbekommen* — ему также досталось; *er ist ganz abgebrannt* — у него вѣтъ ни копѣйки за душой; *einen tüchtig abbrechen* — отдуть корѣ, отвалить кому бока; *es ist ein abgedroschenes Zeug* — это старье; *es will mir das Herz abdrücken* — у меня сердце идетъ, щемитъ сердце, тоска меня беретъ; *es ist noch nicht aller Tage Abend* — увидимъ еще, чѣмъ дѣло кончится, Богъ вѣсть что еще будетъ; *abfahren* — отправиться на тотъ свѣтъ.

Пословицы и поговорки встрѣчаются также очень часто, — и вотъ примѣры ихъ обозначенія: *das Alter drückt*, — старость не радость; *da haben wir's* — вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день; *besser ein dünner Hab'ich denn ein fetter Hätt'ich* — лучше всего что есть у корѣ; лучше синица въ рукѣ нежели журавль на небѣ; *eine*

Hand wäscht die andere — рука руку мѣть; jung gewohnt, alt gethan — какѡвъ въ колыбѣлку, такѡвъ и въ могилку: selbst ist der Mann — умъ царь въ головѣ; es ist nicht so leicht gethan wie gesagt — скѡро сказка скѡзывается, да не скѡро дѣло дѣлается.

Одно, вѣроятно, найдутъ неудобнымъ нѣмцы, пользуясь словаремъ г. Павловскаго: это — отсутствіе буквального нѣмецкаго перевода русскихъ выраженій, пословицъ, поговорокъ. при помощи которыхъ они могли бы понять ихъ прямой смыслъ и имѣли бы возможность лучше ознакомиться съ выразительностью русскаго языка.

Изъ всего отмѣченнаго, кажется, достаточно видно, что «Словарь» г. Павловскаго, предназначенный для нѣмцевъ, въ такой же степени, если не болѣе, пригоденъ и для русскихъ, изучающихъ нѣмецкій языкъ. Въ этомъ отношеніи недостаетъ въ немъ только обозначеній тѣхъ видовизмѣненій нѣмецкихъ словъ, въ которыхъ измѣняются буквы, какъ — Haus, Häuser; Gott, Götter; gehen, ging, gegangen; nehmen, nimmt, genommen.

Приведенные выше примѣры взяты на удачу. «Словарь» г. Павловскаго обработанъ одинаково весь, съ начала до конца, каждое слово такъ же какъ другое—разумѣется, по мѣрѣ надобности. Излишняго, что можно было бы пропустить, не много; не много и недомолвокъ. Не много и забытыхъ. Видно, что подъ руками г. Павловскаго были хорошіе нѣмецкіе словари и что онъ пользовался ими и своимъ знаніемъ обоихъ языковъ съ полною добросовѣстностью. Сравнивать его съ другими подобными нѣмецко-русскими словарями невозможно: это до-сихъ-поръ единственный словарь, къ которому можно обращаться съ увѣренностью, что найдешь нужное. Конечно, и величина его (2,100 столбцевъ мелкой, убористой печати) не такова, какъ величина всѣхъ другихъ: словарь Рейфа, напримѣръ, если выключить изъ него объясненія французскія и англійскія, заключаетъ въ себѣ мѣста не болѣе одной восьмой доли словаря г. Павловскаго.

Если первое изданіе этого важнаго труда заслужило почетный отзывъ Академіи Наукъ (въ 1856 году), то тѣмъ болѣе достойно такого отзыва это второе изданіе, въ которомъ и ошибочныхъ словъ и выраженій (каковы, напримѣръ, вымороченное ииѣніе 227, б, вовлечь въ затруднительное положеніе 265, а) очень мало, а опечатокъ (въ родѣ Arbeit вм. Arbeit 194 б) почти вовсе нѣтъ. Нельзя не жалѣть, что Академія нынѣ лишена возможности выразить свое признаніе достоинствъ труда г. Павловскаго такою

наградю, каковы были демидовскія; можно было бы надѣяться, что онъ будетъ признанъ достойнымъ ея.

Отдѣленіе, воплѣ одобряя эту оцѣнку, опредѣлило представить ее въ общее собраніе Академіи.

Ноябрь и декабрь 1867 года.

Для распространенія свѣдѣнія объ историческихъ задачахъ, предложенныхъ Академіею Наукъ на соисканіе наградъ графа Уварова, положено: экземпляры объявленія о послѣднихъ задачахъ разослать въ Духовныя академіи и историко-филологическіе факультеты русскихъ университетовъ съ покорнѣйшею просьбой перепечатать это объявленіе въ издаваемыхъ ими новременныхъ сборникахъ или циркулярахъ. *)

По случаю выхода въ свѣтъ книги: «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», правнукъ этого писателя, Дмитрій Николаевичъ Рычковъ, принесъ въ даръ Академіи Наукъ собраніе рукописей, прежде уже доставленное имъ по просьбѣ Отдѣленія какъ матеріалъ для означеннаго труда академика Пекарскаго. Положено, выразивъ жертвователю живѣйшую признательность Отдѣленія, довести о томъ до свѣдѣнія Общаго Собранія.

Академикъ Куникъ доставилъ сдѣланный подъ его надзоромъ, по соглашенію съ Отдѣленіемъ, снимокъ съ подлинной «привалегія», или грамоты, пожалованной Ломоносову императрицей Елисаветой Петровной на учрежденіе стеклянной фабрики. Положено: принести А. А. Кунику искреннѣйшую благодарность Отдѣленія за хлопоты, которыя онъ обязательно принялъ на себя въ этомъ дѣлѣ, представлявшемъ особенныя трудности по множеству рисунковъ на поляхъ грамоты и нынѣ оконченномъ совершенно удовлетворительно; снимокъ препроводить въ академическую бібліотеку, подлинную же грамоту возвратитъ владѣльцу ея, Н. М. Орлову.

Академикъ Гротъ представилъ рукопись г. Кеневича: *Историческія и бібліографическія примечанія къ баснямъ Крылова,*

---

*) При напечатаніи этого объявленія въ «Запискахъ» Академіи вкрався важная опечатка. IV-ая задача должна читаться слѣдующимъ образомъ: *Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, книгъ и брошюръ, изданныхъ въ семьѣ Русскихъ въ евро- и юго-западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтія (не XVII, какъ было напечатано).*

расположеніемъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ тѣмъ, не будеть ли признано полезнымъ и умѣстнымъ издать этотъ трудъ, на счетъ Отдѣленія, ко дню празднованія столѣтней годовщины знаменитаго баснописца, 2-го будущаго февраля. Въмѣстѣ съ тѣмъ прочитано было составленное г. Кеневичемъ предисловіе къ его розысканіямъ. Отдѣленіе, находя, что изложенныя тутъ мысли свидѣтельствуютъ о вѣрномъ пониманіи авторомъ своей задачи и о правильности употребленныхъ имъ при выполненіи ея приемовъ, одобрило предположеніе объ изданіи труда его. По прочтеніи рукописи г. Кеневича въ засѣданіяхъ Отдѣленія, положено, передавъ автору сдѣланныя при чтеніяхъ замѣчанія, приступить къ печатанію этого труда. При семъ академикъ Бычковъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе г. Кеневича на неизвѣстные ему автографы 15-ти басенъ Крылова и на экземпляръ одного изданія ихъ съ собственноручными поправками баснописца, поступившіе въ Императорскую Публичную бібліотеку уже послѣ того, какъ г. Кеневичъ посѣщалъ ее для собранія матеріаловъ къ своему труду. А. Ѳ. Бычковъ изъявилъ готовность доставить ему случай воспользоваться этими дополнительными пособіями.

Академикъ Пекарскій довелъ до свѣдѣнія Академіи, что сдѣланный имъ списокъ современнаго разсказа о неудачномъ походѣ Русскихъ подъ Нарву въ 1700 году, о которомъ было заявлено въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій, передать имъ въ распоряженіе Археографической Комиссіи.

Академикъ Срезневскій доложилъ, что въ дополненіяхъ къ сборнику юсоваго письма, кромѣ добавочныхъ выписокъ изъ памятниковъ, въ сборникъ занесенныхъ и тоже совершенно неизвѣстныхъ (какова болонская псалтырь и паремейникъ В. И. Григоровича), дано мѣсто извлеченіямъ еще изъ слѣдующихъ: изъ Охридской книги апостольскихъ чтеній, XII вѣка, изъ Слѣпченской книги апостольскихъ чтеній, XII вѣка, изъ тріоди В. И. Григоровича, XII—XIII вѣка, изъ Зографскаго трофологія, XII—XIII вѣка, изъ Зографскаго четвероевангелія, 1305 года, и изъ Хиландарскаго четвероевангелія, 1322 года. Выписки сличены съ другими древними памятниками. Принято къ свѣдѣнію.

П. П. Пекарскій представилъ на разсмотрѣніе сочленовъ подлинную договорную грамоту Тверскаго великаго князя Бориса Александровича съ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, хранящуюся въ Государственномъ Архивѣ. А. Ѳ. Бычковъ, вслѣдствіе того доложилъ, что эта грамота была напечатана дважды: въ

сборникъ Мухомова и въ I томѣ актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи; время происхожденія этого документа означалось неправильно, пока не было положительно опредѣлено Археографическою комиссіею, издавшею послѣдній изъ названныхъ сборниковъ: грамота эта относится къ 3 августу 1427 года.

По составленію исторіи Академіи Наукъ г. Пекарскій въ 1865—1867 годахъ занимался извлеченіемъ изъ старинныхъ дѣлъ академической канцеляріи извѣстій, относящихся до этого ученаго учрежденія, а также и вообще касающихся исторіи русской литературы XVIII вѣка. Въ истекающемъ году окончилъ онъ разсмотрѣніе, по означеннымъ дѣламъ, заключающимся въ 322 фоліантахъ, періода отъ 1726 по 1765 годъ, избраннаго имъ для I-го тома исторіи Академіи. Затѣмъ оставалось приступить къ изученію отдѣльныхъ эпизодовъ этого періода, по которымъ сохранились болѣе или менѣе любопытныя и подробныя свѣдѣнія. Изъ такихъ эпизодовъ окончательно обработаны слѣдствіе о поступкахъ академическаго совѣтника Шумахера и пререканія его съ академиками за присвоеніе имъ себѣ неограниченной власти по всѣмъ дѣламъ Академіи. Въ настоящее время П. П. Пекарскій знакомится съ матеріалами для описанія такъ называемой Камчатской ученой экспедиціи. Она продолжалась 10 лѣтъ, въ ней участвовало 5 членовъ Академіи, и результаты, добытые четырьмя изъ нихъ, высоко цѣнятся въ исторіи наукъ и особенно въ области естествознанія. Не смотря на то, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ, хотя бы вкратцѣ, было изложено все то, что приобрѣтено науками отъ этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго путешествія. Встрѣтивъ въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ для описанія его множество характеристическихъ подробностей быта Русскихъ и инородцевъ восточной Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, академикъ обращаетъ на нихъ особенное вниманіе, съ тѣмъ, чтобы, независимо отъ исторіи Академіи Наукъ, составить сводъ всего, что можетъ касаться исторіи и этнографіи этихъ странъ.

Академикъ Срезневскій прочелъ составленную имъ статью о трудахъ новоучрежденной въ Загребѣ Югославянской Академіи и внесъ рукопись этой статьи для напечатанія въ «Запискахъ» Академіи.

По поводу приближенія столѣтней годовщины рожденія Крылова Отдѣленіе опредѣлило ознаменовать день 2-го февраля чтеніями о жизни и дѣятельности этого писателя и довести о томъ

заблаговременно до свѣдѣнія Общаго Собранія, отъ усмотрѣнія котораго будетъ зависѣть принять участіе въ этомъ литературномъ празднествѣ назначеніемъ торжественнаго собранія въ память Крылова или предоставить Отдѣленію имѣть въ означенный день публичное чрезвычайное засѣданіе.

Засѣданіе 19 декабря 1867 года.

Засѣданіе это было посвящено воспоминанію о заслугахъ родившагося сто лѣтъ тому назадъ кievскаго митрополита Евгенія Болковитинова. Въ предшедшіе два года Академія Наукъ торжественно праздновала столѣтнюю память двухъ великихъ русскихъ писателей, изъ которыхъ каждый запечатлѣлъ своимъ именемъ цѣлую литературную эпоху. Настоящее собраніе имѣло болѣе скромный характеръ: преосв. Евгеній заслужилъ своею дѣятельностью уваженіе и признательность ученаго міра, и потому-то Отдѣленіе русскаго языка и словесности сочло умѣстнымъ ознаменовать день столѣтней годовщины его рожденія чрезвычайнымъ собраніемъ своихъ членовъ, какъ дѣйствительныхъ и почетныхъ, такъ и корреспондентовъ. Засѣданіе это почтили своимъ присутствіемъ г. министр народнаго просвѣщенія и г. президентъ Академіи Наукъ. Въ числѣ присутствовавшихъ, принадлежащихъ къ Отдѣленію въ качествѣ почетныхъ членовъ или корреспондентовъ, были: К. С. Сербиновичъ, Ф. И. Тютчевъ, И. П. Шувальгинъ, М. И. Сухомлиновъ и др., также члены историко-филологическаго Отдѣленія по русской исторіи: Н. Г. Устряловъ и А. А. Куникъ.

Къ этому собранію были приготовлены три чтенія. Академикъ Срезневскій, опредѣливъ литературно-историческое значеніе покойнаго архипастыря, обозрѣлъ въ систематическомъ порядкѣ важнѣйшія его сочиненія, которыя могли бы составить цѣлыхъ восемь томовъ. Затѣмъ онъ прочелъ отрывки изъ многолѣтней переписки Евгенія съ казанскимъ профессоромъ Городчаншиновымъ, и наконецъ очертилъ отношеніе перваго къ ученому кругу избранныхъ современныхъ дѣятелей, группировавшихся вокругъ канцлера графа Н. П. Румянцева. Къ числу ихъ принадлежалъ уже и Востоковъ.

Академикъ Бычковъ избралъ предметомъ своего чтенія составленные Евгеніемъ два словаря русскихъ писателей; воспользо-вавшись для этого хранящимися въ Императорской Публичной Библиотекѣ рукописями покойнаго митрополита, А. Ф. Бычковъ имѣлъ

возможность сообщить нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ отдѣлѣ трудовъ Болховитинова.

Академикъ Гротъ прочелъ обзоръ сношеній преосвященнаго съ Державиннымъ на основаніи бывшей между ними переписки, въ которой ученый архипастырь является наставникомъ поэта въ исторіи литературы и теоріи искусства. Кромѣ писемъ, Евгений посылалъ Державину цѣлыя тетради замѣтокъ, знакомящихъ со взглядами автора по разнымъ литературнымъ вопросамъ. Переписка касается, между прочимъ, открытой Евгениемъ юрьевской грамоты, окончательно изслѣдованной и описанной И. И. Срезневскимъ, а также неизданнаго и повидимому не сохранившагося *Изслѣдованія* преосвященнаго *о славянскомъ переводѣ Св. Писанія*.—Въ промежуткахъ между чтеніями разсматривались относящіяся къ нимъ автографы, рисунки и снимки.

Читанныя въ этомъ засѣданіи статьи и письма, съ приложеніями къ нимъ, будутъ изданы Отдѣленіемъ.

Январь и февраль 1868 года.

Читаны полученныя академикомъ Гротомъ письма: 1) отъ ректора Московской Духовной Академіи А. В. Горскаго, съ препровожденіемъ, по просьбѣ Отдѣленія, трехъ фотографическихъ карточекъ и писаннаго акварелью г. Спревичемъ портрета покойнаго митрополита Филарета, причемъ протоіерей Горскій проситъ принять этотъ портретъ въ даръ Академіи. Положено выразить почтенному жертвователю живѣйшую благодарность Отдѣленія, портретъ же, по снятіи съ него фотографіи, передать, вмѣстѣ съ карточками, художнику Пожалостину для изготовленія гравюры; 2) отъ П. И. Саввантова, сообщающаго по рукописямъ митрополита Евгения нѣсколько свѣдѣній о приготовительныхъ трудахъ преосвященнаго къ изслѣдованію *о славянскомъ переводѣ св. писанія*; къ чему Я. К. Гротъ съ своей стороны присовокупилъ, что въ *Києвскихимъ*, по поводу академическаго собранія 18-го декабря, заявлено, что первоначальная редакція означеннаго труда, присланнаго знаменитымъ архипастыремъ въ Россійскую Академію, хранится въ двухъ не совсѣмъ сходныхъ между собою спискахъ въ *Кієво-софійской* соборной библиотекѣ, подъ № переплета 592-мъ: 3) отъ Г. К. Рѣпинскаго съ увѣдомленіемъ, что г. управляющій министерствомъ юстиціи изъявилъ свое согласіе на оставленіе въ архивѣ Академіи Наукъ сообщеннаго имъ, г. Рѣпинскимъ, дѣла нѣ-

шанки Корюкаловой, въ которомъ находятся подлинныя письма Державина. При семъ случаѣ академикъ Гротъ доложилъ, что въ прошломъ году имъ получены еще: отъ Д. Ѳ. Кобеко собственноручная записка Державина къ П. И. Сумарокову, и отъ П. А. Ефремова — копія съ трехъ записокъ Державина къ Гнѣдичу и съ письма Гнѣдича къ поэту. Положено выразить доставителямъ искреннѣйшую признательность Отдѣленія.

Академикъ Бычковъ читалъ полученное имъ отъ профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. А. Чистовича письмо, въ которомъ авторъ рукописнаго изслѣдованія: «Феофанъ Прокоповичъ и его время», заслужившаго въ 1865 году демидовскую, а въ 1867 уваровскую премію, проситъ о напечатаніи этого сочиненія въ академическомъ изданіи. Отдѣленіе, находя, что напечатаніе труда г. Чистовича было бы полезно для науки, безъ содѣйствія же Академіи нѣтъ надежды, чтобъ онъ былъ изданъ, положило дать ему мѣсто въ «Сборникѣ» отдѣленія, съ тѣмъ, чтобъ г. Чистовичъ принялъ во вниманіе одобренныя комиссіею уваровскихъ наградъ замѣчанія въ рецензій академика Пекарскаго.

Академикъ Срезневскій читалъ записку о древнемъ памятникѣ русскаго письма, псалтырь безъ толкованій, которой листки доставлены ему А. Ѳ. Бычковымъ. «Основываясь на соображеніяхъ палеографическихъ», сообщаетъ И. И. Срезневскій, «я отношу этотъ памятникъ къ XI вѣку. Памятникъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, между прочимъ, что и въ немъ при псалмахъ подъ строками находятся гадальныя приписки. До-сихъ поръ извѣстна была псалтырь съ такими приписками только въ спискѣ XIV вѣка». Выписка эта войдетъ въ продолженіе издаваемыхъ И. И. Срезневскимъ свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малонизвѣстныхъ памятникахъ.

Учитель Императорской Казанской гимназій В. В. Владиміровъ доставилъ въ Отдѣленіе составленный имъ сборникъ матеріаловъ для исторіи названнаго ученаго заведенія, подъ заглавіемъ «Историческая записка о 1-й казанской гимназій», въ трехъ частяхъ. По отзыву П. П. Пекарскаго, составителю его нельзя не быть благодарнымъ за его стараніе о возможной полнотѣ своего сборника, для чего онъ усердно вносилъ всѣ извѣстія, попадавшіяся ему въ архивахъ казанскаго учебнаго округа. Кроме того г. Владиміровъ обращался за свѣдѣніями къ разнымъ лицамъ, воспитывавшимся въ Императорской гимназій. Изъ полученныхъ этимъ путемъ извѣстій обращаютъ на себя особенное вниманіе, по своей искренности

и теплоѣ, воспоминаніа, доставленныя А. Е. Лазаревымъ (изъ Курска). Вообще трудъ г. Владимірова заслуживаетъ вниманія какъ собраніе матеріаловъ для будущей исторіа нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которая, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ остается мало разработанною.

Часть январскихъ засѣданій Отдѣленія была сверхъ того посвящена разсужденіямъ и чтеніямъ по поводу наступавшей столѣтней годовщины дня рожденія Крылова.

Академикъ Срезневскій заявляетъ, что онъ получилъ: 1) отъ кандидата И. В. Помяловскаго нѣсколько книгъ и данныхъ, касающихся жизни митрополита Евгенія, которыя представляютъ, между прочимъ, и новыя свѣдѣнія. Изъ нихъ ясно усматривается, что пресвященный Евгеній занялся собираніемъ матеріаловъ для «Исторіа россійской іерархіа», прежде чѣмъ приступилъ къ этому труду Амвросій Орнатскій; 2) отъ г. Верковича изъ Сереза одну изъ пѣсенъ болгарскихъ, вновь имъ записанныхъ, относящихся къ древнимъ вѣрованіямъ, сходнымъ съ индѣйскими; при этомъ доставилъ онъ и письмо, въ которомъ удостовѣряетъ о важности этихъ пѣсенъ. Пока нельзя отвергать занимательности сообщенной пѣсни въ отношеніи къ особенностямъ македонскаго нарѣчіа.

Въ 1760 году Ломоносовъ представлялъ академической канцеляріа о необходимости снятіа точныхъ копій съ древнихъ изображеній и фресковъ, сохранившихся по стариннымъ русскимъ городамъ *). Все дѣло, кажется, ограничилось тогда канцелярскими отписками. Въ 1764 г. Ломоносову поручила императрица Екатерина II чрезъ Бецкаго указать замѣчательнѣйшія событіа изъ русской исторіа для картинъ, предназначавшихся въ покои императорскаго дворца. Не имѣя подъ руками извѣстій о старинномъ русскомъ платьѣ, Ломоносовъ обращался къ тогдашнему вице-канцлеру князю А. М. Голицыну съ просьбой о доставленіи подобныхъ матеріаловъ изъ архива коллегіа иностранныхъ дѣлъ. Собственноручное письмо объ этомъ Ломоносова найдено нынѣ академикомъ Пекарскимъ. По мнѣнію его, попавшая ему отдѣльная статья подъ заглавіемъ: «Идеа для живописныхъ картинъ изъ россійской исторіа» должна имѣть соотношеніе съ порученіемъ, возложеннымъ на Ломоносова, такъ-какъ она писана рукою студента Ильи Абрамова, переписывавшаго въ означенное время многія донесенія и работы Ломоносова. Определено письмо и статью напечатать въ приложе-

*) Биларскаго «Матеріалы для біогра. Лом.» стр. 463—465

ніи къ протоколу, какъ матеріалъ для жизнеописанія знаменитаго писателя.

Академикъ Пекарскій представилъ экземпляръ оконченнаго печатаніемъ 5-го выпуска «Исторической библіографіи» (за 1859 г.), составленной при его участіи, по порученію Академіи, братьями П. П. и Б. П. Ламбинными. Принято съ выраженіемъ сочлену искренней признательности за постоянное содѣйствіе этому полезному труду.

Въ пятницу, 2-го февраля, въ Императорской Академіи Наукъ происходило чрезвычайное публичное собраніе для празднованія столѣтней годовщины рожденія И. А. Крылова.

Рядъ чтеній, приготовленныхъ къ этому дню, открылъ академикъ Я. К. Гротъ, который, послѣ краткаго очерка біографіи Крылова, обозрѣлъ литературное поприще его и остановился особенно на его дѣятельности по изданію журналовъ *Зритель* и *С-Петербургскій Меркурій*, въ которыхъ онъ явился колкимъ сатирикомъ нравовъ и строгимъ противникомъ нововведеній Карамзина. Затѣмъ г. Гротъ очертилъ переходъ Крылова къ баснѣ, значеніе его въ этомъ родѣ поэзіи и содержаніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ его басенъ, которыя имѣютъ предметомъ нравы русскаго общества и современные историческія событія. Наконецъ разсмотрѣны были заводимыя на Крылова обвиненія, особливо же неблагопріятный для него отзывъ Вигеля, и отношенія къ нему графа Хвостова, а вмѣстѣ съ тѣмъ обрисована и личность баснописца.

За тѣмъ читалъ академикъ И. И. Срезневскій, который въ своей рѣчи обратилъ вниманіе на языкъ Крылова съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) на языкъ его басенъ, какъ произведеній, которыя до-сихъ-поръ остаются въ числѣ сочиненій, перечитываемыхъ, изучаемыхъ и любимыхъ, 2) на языкъ другихъ произведеній Крылова, теперь уже забытыхъ. Басни важны, какъ образцы чиста русскаго языка, представляющіе богатство его выразительности всегда кстати и съ достоинствомъ. Другія, прежде написанныя стихотворенія Крылова, которыхъ часть издана въ 1792—1793 г., важны какъ доказательства, что и въ то время могъ писатель выражаться чисто по-русски, когда хотѣлъ. Находя обильные примѣры также правильнаго употребленія чистаго русскаго языка у многихъ писателей прошлаго вѣка, г. Срезневскій приходитъ къ заключенію, что и въ то время могъ бы господствовать въ литературѣ чисто русскій языкъ, если бы писатели выражались не бессознательно, какъ случалось. Крыловъ является, какъ баснописецъ,

однимъ изъ главныхъ писателей, дѣйствовавшихъ въ литературѣ по признаніи необходимости дать литературному языку народное направленіе.

Наконецъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ читалъ о переводахъ басенъ Крылова на иностранные языки и о взглядахъ иноземной критики на художественное достоинство этихъ произведеній. Изложивъ въ началѣ всю трудность передачи на иностранные языки басенъ Крылова, въ которыхъ русская жизнь отражается какъ въ зеркалѣ, г. Бычковъ перешелъ къ разсмотрѣнію явившихся переводовъ на языки французскій, итальянскій, нѣмецкій, славянскіе и восточные, и при каждомъ разрядѣ переводовъ сообщилъ взгляды критиковъ на басни Крылова, которыя были первоначально встрѣчаемы, какъ напр. нѣмецкою критикой, не слишкомъ дружественно, и которыя потомъ были оцѣняемы какъ слѣдуетъ.

Послѣ г. Бычкова долженъ былъ читать академикъ А. В. Никитенко рѣчь *о басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи*; но предъидущія чтенія заняли слишкомъ много времени, и потому рѣчь г. Никитенко осталась не прочитанною.

Во время самаго засѣданія, Академія получила слѣдующую телеграмму изъ Кіева, отъ ректора тамошняго университета.

«Университетъ св. Владиміра, чувствуя торжественнымъ актомъ память славнаго русскаго баснописца въ столѣтнюю годовщину его рожденія, поздравляетъ Императорскую Академію Наукъ съ торжествомъ въ честь бывшаго ея члена.»

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, Академіею была тотчасъ же отправлена телеграмма:

«Въ Кіевъ Ректору Университета.

«Академія Наукъ благодаритъ Университетъ за его привѣтствіе и присоединяетъ свой голосъ къ изъявленіямъ уваженія къ памяти Крылова, оглашающимъ въ настоцій день стѣны высшаго образовательнаго учрежденія въ Кіевѣ—матери городовъ русскихъ и колыбели русскаго просвѣщенія.»

Кромѣ того, поздно вечеромъ того же дня, получена слѣдующая телеграмма изъ Курска, отъ директора тамошней гимназіи:

«Курская гимназія, торжественно празднуя совершившееся нынѣ столѣтіе со дня рожденія знаменитаго нашего баснописца, Ивана Андреевича Крылова, почтительно привѣтствуетъ высшее въ Имперіи ученое учрежденіе, Императорскую Академію Наукъ, слишкомъ за полстолѣтія предъ симъ принявшую въ число своихъ членовъ сегоднешняго славнаго юбиляра.»

На другой день, 3-го февраля, Академія получила еще телеграмму изъ Симбирска, отъ тамошней гимназіи:

«Память о безсмертномъ нашемъ баснописцѣ, Крыловѣ, навсегда священна для благодарныхъ соотечественниковъ. Мы, воспитатели и воспитанники Симбирской гимназіи, шлемъ усердное поздравленіе высокочтимому сословію Академіи, празднующей сегодня столѣтній юбилей своего знаменитаго члена».

Ко дню Крыловскаго юбилея, Отдѣленіе русскаго языка и словесности издало въ свѣтъ сочиненіе В. О. Кеневича: *«Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова»*.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

ПИСЬМО ЛОМОНОСОВА КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОЛИЦЫНУ *)

Млѣивый Гдѣрь Князь Александръ Михайловичъ.

Ваше Сіятельство всепокорнѣйше просить принимаю смѣлость о учиненіи мнѣ млѣиваго вспоможенія въ произведеніи нѣкотораго дѣла, служашаго къ чести Россійскихъ прѣковъ. Всемлѣивѣйшая Гдѣря благоизволила повелѣть чрезъ его Превосходительство Ивана Ивановича Бецкаго чтобы я выбравъ и° Россійско' Исторіи знатныя приключенія, для написанія Картинъ, конми бы украсить при дворѣ нѣкоторыя комнаты. Немалой здѣсь нахожу недостатокъ въ изображеніи стариннаго нашего платья разныхъ чиновъ. Свѣдѣніе о семъ сыскать едвали гдѣ лутче можно, какъ в' Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Особливожь есть въ оной описаніе коронаціи и другихъ церемоній Гдѣря Црѣя Михайла Федоровича, съ личными изображеніями на пергаментѣ, сообщеніемъ сего можете, Млѣивый Гдѣрь подать мнѣ великое вспомошествованіе; въ упованіи сего, какъ и завсегда, съ достодолжныи° высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Генваря 24 дня
1764 года.

Помѣта на письмѣ неизвѣстною рукою: «Посему посланъ приказъ въ Московской архивъ 29 генваря 1764 г.»

*) Письмо это собственноручное Ломоносова и напечатано здѣсь вполнѣ съ сохраненіемъ ореографіи и описокъ подлинника.

ИДЕИ ДЛЯ ЖИВОПИСНЫХЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ **).

1. *Взятіе Искореста.* Во время вечера передъ городомъ въ лагерѣ по повелѣнію Великія Княгини Ольги привязываютъ къ голубямъ и къ воробьямъ зажженные фитили; иныхъ пускаютъ съ фитилями изъ на воздухъ иные уже лѣтять къ городу, и городъ мѣстами отъ того загорѣлся. Между тѣмъ войско пѣшее и конное спѣшитъ на приступъ. Сія картина будетъ весьма новая, и отъ двойкаго свѣту, то есть отъ зари и отъ огней, особенное смѣшеніе тѣни составить, въ тѣмъ могутъ показать живописцы искусство.

2. *Основаніе христіанства въ Россіи.* Великій Князь Владимиръ (при немъ супруга Анна, греческая царица, сыновья отъ прежнихъ женъ, нѣкоторые греки съ царвеною прѣбывшіе) повелѣваетъ сокрушать идоловъ, почему иныхъ расщѣкаютъ, иныхъ жгутъ, иныхъ съ горъ кievскихъ бросаютъ въ воду и плавающихъ съ шестью погружаютъ или отъ берегу отпихиваютъ, камнями бросаютъ, камни къ нимъ привязываютъ (фигуры идольскія есть у меня въ лицахъ и описанныя, кои могу сообщить). На Почайной рѣчкѣ на берегу стоитъ первый митрополитъ кievскій Михаилъ со всѣмъ соборомъ, иныхъ самъ погружая, иныхъ нижнее духовенство. Иные, забредши въ воду, сами погружаются обоюго пола и всякаго возраста люди, матери со младенцами и пр. Иные, выходя изъ воды, принимаютъ отъ священниковъ кресты на шею и благословеніе, помазуются миромъ, одѣваются. На горѣ начинаютъ строить церковь Десятинную, ставятъ кресты на мѣста сверженныхъ идоловъ.

3. *Советъ Владиміру отъ духовенства.* Великій князь Владиміръ Святославичъ, принявъ крещеніе, сталъ весьма кротокъ, отпускалъ всякія вины и свобождалъ разбойниковъ отъ казни, изъ чего воспослѣдовали многія грабительства и заперлись дороги отъ разбоевъ. Митрополитъ, съ архіереями собравшись, увѣщалъ Государа, чтобы чинилъ достойное наказаніе злодѣямъ, въ противномъ случаѣ грозилъ ему самому небеснымъ гнѣвомъ. На картинѣ можно представить, что Владиміръ хотя къ тому и склонился, однако отвращаетъ лицо отъ привезенныхъ къ казни и сильному разбойнику Могуту вины прощаетъ, принявъ его въ число своихъ богатыхъ.

4. *Единоборство князя Мстислава.* Редедя, князь Косожскій, вы-

***) Эта статья писана рукою находившагося для письмоводства у Ломоносова студента Ильи Абрамова. Напечатана съ соблюденіемъ правописанія подлинника, но разстановка знаковъ препинанія принята нынѣшняя.

завѣвъ на поединокъ князя Мстислава Владиміровича съ тѣмъ, чтобы побѣдителю достались войска съ женою и съ дѣтьми. Мстиславъ былъ, какъ описываютъ, тучонъ, бѣлъ и красноволосъ. Редедя, натурально рассудить, долженъ быть смугль, какъ Азіатець. Мстиславъ поборогъ. Войско стояло по обѣимъ сторонамъ близъ Дону. Кромѣ услованія борцовъ, разныя страсти обѣихъ сторонъ зрителей изобразить требуетъ искусства.

5. *Горислава*. Владимиръ, взявъ за себя насильно Рогнѣду, или Гориславу, княжну полоцкую, послѣ на другихъ женился и ее оставилъ. По нѣсколькихъ лѣтахъ, заѣхавъ въ данное ей мѣсто увеселительное, и легъ почевать съ нею. Горислава, хотя отмстить обиду и смерть своего отца и братьевъ, умыслила князя соннаго зарѣзать; но онъ, по случаю проснувшись, схватилъ ее руку съ ножемъ и велѣлъ готовиться на смерть, чтобы она убравшись во всю, княгинѣ приличную, богатую утварь, ожидала его къ себѣ съ саблею и была готова къ смерти. Какъ Владимиръ пошелъ къ ней въ спальню, чтобы умертвить, малолѣтній сынъ его Изяславъ, отъ Гориславы рожденный, по наученію материну, внезапно выскочилъ изъ потаеннаго мѣста съ обнаженною саблею и въ слезахъ сказалъ: мать моя не одна. Я ее долженъ защищать пока живъ. Убей меня прежде, чтобы я смерти ея не видѣлъ. Владимиръ, умилясь, опустилъ руки и послѣ уволилъ Гориславу съ сыномъ на удѣлъ въ Полоцкѣ въ ея отчину.

6. *Мономахово единоборство*. Владимиръ Мономахъ одолѣлъ на поединкѣ Генуесскаго Кафинскаго князя (Дожа), снимаетъ съ него золотую цѣпь и прочіе признаки его чина (признаки можно въ примѣръ написать съ уборовъ венеціанскихъ дождей, или генуесскихъ). Дѣйствіе представить въ виду моря, гдѣ корабли и галеры много могутъ картину украсить.

7. *Мономахово вѣнчаніе на царство*. Неофитъ, митрополитъ ефесскій, налагаетъ корону императоровъ греческихъ; прочія царскія утвари несутъ архіереи и другое духовенство. При семъ должно наблюдать, чтобы все было со здѣшнимъ и съ греческимъ сходно. Бояре греческіе стоятъ съ подарками отъ царя Алексѣя Комнина, состоящіе въ золотой и серебряной посудѣ и въ другихъ поставкахъ.

8. *Побѣда Александра Невскаго надъ Нѣмцами Ливонскими на Чудскомъ озерѣ*. Сраженіе случилось на Чудскомъ озерѣ апрѣля 5 дня. При семъ дѣлѣ, то можетъ представиться отмѣнно, что происходило на льду. Гдѣ пристойно изобразить бѣгущихъ, какъ они,

стѣснясь и проломивъ тягостію ледъ, тонуть. Иные другъ друга изъ льду тянуть, иные напротивъ того другъ друга погружаютъ и колютъ какъ непріятелей. Кровь по льду и съ водою смѣшанная особливый видъ представить.

9. *Обрученіе князя Феодора Ростиславича.* Сей князь, будучи въ Ордѣ, такъ понравился царицѣ татарской, что всячески старалась выдать за него свою любезную дочь за мужъ; но онъ не хотѣлъ на ней жениться, пока не приняла христіанской вѣры. На сей картинѣ можно изобразить, какъ невѣста отъ жениха крестъ и перстень принимаетъ. Мать, царица татарская, соединяя ихъ руки, съ радостію на то смотритъ, и склонной отецъ моновленіемъ изъявляетъ дозволеніе. Мурзы татарскіе удивляются, бояре російскіе оказываютъ радость. При чѣмъ можно написать Татарскую и старинную нашу музыку.

10. *Начало сраженія съ Мамаемъ.* Съ обѣихъ сторонъ стоятъ полки, съ правой—россійскіе, съ лѣвой—татарскіе. Въ foregroundѣ Великій Князь Дмитрій Ивановичъ, всѣ готовятся къ бою. По середкѣ татаринъ Челу-бей, ростомъ какъ Голиафъ, сражается съ Пересвѣтомъ черницомъ схимникомъ. Оба другъ друга пронзили копьями. Сраженіе начинается въ войскѣ.

11. *Низверженіе татарскаго ша.* Великій Князь Иванъ Васильевичъ, на великокняжескомъ стулѣ сидя, гнѣвнымъ лицомъ повергаетъ на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повелѣніе. Татаръ, связаныхъ безчестно, вонъ выводятъ. Россійскіе бояре поклоненіемъ и разными движеніями изъявляютъ свою радость и благодарность Государю.

12. *Приселеніе Новгородцевъ подъ самодержавство.* На площади Новгородской, предъ церковью Свѣтлыя Софія, Великій князь Иванъ Васильевичъ верхомъ сидя повелѣваетъ принять отъ Новгородцевъ грамоты Ерослави своему намѣстнику при Архіерей. Вѣчевой колоколъ, или набатъ, Новгородцамъ служившей къ самовольнымъ скопищамъ, летитъ сброшенъ съ колокольни. Маршъ Посадницѣ руки назадъ вяжутъ. Новгородцы, коней къ Москвѣ отвозятъ, прощаются съ своими ближними. Народу множество; иные, поднявъ руки къ колокольнѣ, кричатъ; иные разными движеніями подають печальные, иные—радостные знаки. На коняхъ Бояре Московскіе усмѣшками и помаваніями оказываютъ свое удовольствіе. При Великомъ Князѣ для безопасности копѣйщики.

13. *Царина Сумбиха,* по смерти Царя Казанскаго Сифа-Кирея взята изъ Казани съ сыномъ и съ безчисленнымъ богатствомъ въ

положить и приведена въ Москву къ Царю Ивану Васильевичу. Государя должно изобразить на царскомъ престолѣ, еще въ младыхъ лѣтахъ (здѣсь требуется живописное искусство, чтобы со старого и угрюмаго портрета дѣлать молодой и веселой, не потерявъ подобія, за тѣмъ что Царицу принимаетъ милостиво). Царица Казанская упавъ на колѣна, и прося прощѣнія и милосердія униженныиъ лицемъ и слезами чрезвычайную красоту свою возвышаетъ. На сына своего младенца, лежащаго ницъ, указываетъ. За нею ближніе ея Татары и служительницы открываютъ и приносятъ многочисленныя сокровища Азіатическія; при Государѣ его приближенныя.

14. *Право высокой фамилии Романовыхъ на престолъ Всероссийскій.* Царь Федоръ Ивановичъ, приближаясь къ кончинѣ, при Патриархѣ Іовѣ и при Боярехъ подаетъ скипетръ брату своему двоюродному Боярину Федору Никитичу Романову, но онъ отъ того извиняется. Годуновъ взглядываетъ завистливыми глазами. Царицу Ирину Федоровну, обирающую въ печали, поддерживаютъ.

15. *Помбелъ Расстригина.* Передъ Грановитю Полатю поверженнаго Расстригу и многими ранами узвѣннаго и окровавленнаго за ногу веревкою тянуть. Иные полякомъ рубятъ. Бояринъ Князь Иванъ Васильевичъ Шуйской увѣряетъ народъ съ краснаго крыльца, что оной Дмитрей былъ ложной. Бояре нѣкоторые, указывая въ Грановитю Полату, гдѣ сквозь окно видно престолъ, предлагаютъ ему царство.

16. *Козма Мимичъ.* На Нижегородской пристани представить купца старика на возвышенномъ мѣстѣ, указывающаго на великую близъ себя кучу мѣшковъ съ деньгами, а другою рукою народъ поновающаго. Многіе, крутомъ стоя, ему внимаютъ пригѣжно, иные деньги въ чаны высыпаютъ, иные мѣшки приносятъ, слышатъ серебряныя кофѣйки изъ чересовъ; приносятъ въ одно мѣсто разные товары; кладутъ передъ него письменныя обязательства. Всѣ разными движеніями изъявляютъ охоту къ освобожденію отечества отъ раззоренія.

17. *Олеги Князь приступаетъ къ Царю граду сухимъ путемъ на парусахъ.* Видъ весьма будетъ хорошей и подобной маскарадамъ Петра Великаго: на передѣ, въ суднѣ особливомъ сидя, повелѣваетъ; множество парусовъ между кустарниками, колеса подъ судами; видѣ припряженныя лошади Печенѣгами правящія, кон тогда сухимъ путемъ пришли подъ Царь градъ. На горизонтѣ проспектъ Царя града. Греки выходятъ на встрѣчу съ дарами.

18. *Олеги угрожаетъ отъ змѣя умираетъ.* Представить головную

зонаднику юсть, кою Олегъ икнулъ ногою. Бояре и слуги поддерживають се страхомъ. Волхвы предсказаніе дѣлають разные виды своего вѣрнаго предвѣщанія.

19. *Сраженіе Святослава съ Печенѣгами съ порога.* Представить тѣсныя мѣста между каменными горами, сквозь кои Днѣпръ протекаетъ порогами. Святославъ борется противъ стремленія воды съ Россійскимъ войскомъ на веслахъ, на шестахъ, греблем, бечовою и сражается съ неприятелемъ, жестоко съ береговъ нападающимъ. Въ главномъ группѣ бьется самъ Князь уже раненой. Около его много Печенѣжскихъ труповъ. Опровергающіеся суда разными видами, нилы и зажженные, плавающіе и утопающіе раненыя люди, выходящіе изъ быстрины противъ неприятеля, санныя дѣломъ и мѣста обстоятельствомъ представлять чрезвычайную фигуру.

20. *Избавленіе Коса отъ осады Печенѣжской стѣною переплылъ Россійщина черезъ Днѣпръ.* Въ переднемъ мѣстѣ представить на одной половинѣ Печенѣжскія палатки со стрѣляющими за шюванемъ Печенѣгами; но онъ безвредно переплываетъ за Днѣпръ къ Россійскому стану, чтобы подать вѣсть о бѣдности и тѣснотѣ въ городѣ и тѣмъ побудить войско къ нападенію на неприятеля судами.

21. *Князь Кіевскій Святославъ Ярославичъ кажетъ свое великое богатство Посламъ Нѣмецкимъ.* Посолъ былъ изъ духовенства. Можно поставить какого каталіицкаго прелата и приметъ посольскихъ людей въ старинномъ мѣщанскомъ платьѣ. Святослова богато одѣтого и съ боярами въ дорогихъ шубахъ и шапкахъ изъ мягкой рухляди. Богатство состоящее въ дорогихъ мѣлахъ, нарцахъ версидскихъ и греческихъ; въ золотыхъ и серебряныхъ санитиныхъ сосудахъ, каменныхъ цѣтныи украшенныхъ, въ ковскихъ уборахъ и въ ружьѣ старинномъ, въ жемчугахъ. Приличныя притомъ движенія казателей и зрителей оживятъ картину.

22. Князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской въ опасности отъ злодѣя, коего прислалъ Зарудной изъ вѣдь Москвы, чтобы его заколотъ и не допустить его изъ Ярославля къ Москвѣ для ея освобожденія. Злодѣй проиався мимо Пожарскаго, спотыкнувшись и ударивъ слугу его въ ногу. Князь запрещаетъ около стоящимъ злодѣя зарубить и велитъ его везти въ вѣдь Москву и отдать жива на обличеніе завѣстникамъ.

23. Тотъ же Князь Пожарской бьется съ Поляками раззоряющими Москву и уже раненаго жестоко валѣтъ себя къ верху поднять, и своимъ ободраетъ противъ неприятеля.

24. Царь Иванъ Васильевичъ Шуйской при вѣчаніи своемъ на царство кленется Бояромъ, что онъ прежнихъ враждебъ поминъ не будетъ и безъ ихъ совѣта ничего дѣлать не станетъ.

25. Гермогенъ Патріархъ Московскій посаженъ въ тюрьмѣ и уже умирая голодомъ и жаждою не согласуется съ принуждающими Поляками, чтобы возвести на царство Польскаго Королевича Владислава, но проклятіемъ оное отрицаетъ и отъ Михайла Солтыкова, которой ножъ на него занесъ, крестомъ оборочается.

Дел. Н. Брусе, С.П.Б. в Моск. Л. 1771/8

**ПЕТРЪ ПВАНОВИЧЪ
РЫЧКОВЪ**

Род. 1 Октября 1712 г. † 15 Октября 1777 г.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
ИЗДАВАЕМЫЙ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 1.

ЖИЗНЬ
И
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕПИСКА
ПЕТРА ИВАНОВИЧА РЫЧКОВА.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И СНИМКОМЪ ПОЧЕРКА РЫЧКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Всѣхъ стр., 9 лѣт., № 12.)

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-
петербургъ, 22-го іюня 1867 года.**

Непремѣнный Секретарь, Академикъ К. Веселовскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. 1712—1788 годы. Родъ и происхождение Рычкова. Рассказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и поступленіи на частную службу въ Петербургѣ.....	1—6
II. 1784—1780 годы. И. К. Кирилловъ и В. Н. Татищевъ—первые покровители Рычкова. Служба его въ оренбургскомъ краѣ. Переписка съ В. Н. Татищевымъ о русской исторіи и географіи. Первые историко-литературные труды Рычкова.....	6—31
III. 1751—1758 годы. Поѣздка Рычкова въ Петербургъ съ представленіями о торговлѣ съ Индією. Значеніе чиновъ въ прошедшемъ столѣтіи. Переводы Рычкова съ нѣмецкаго. Посылка къ Ломоносову въ рукописи «Оренбургской Топографіи». Недоразумѣніе по поводу періодическаго наданія «Ежегодныя Сочиненія». Начало переписки съ академикомъ Миллеромъ. Сотрудничество Рычкова въ «Ежегодныя сочиненіяхъ»...	31—40
IV. 1759—1769 годы. Избраніе Рычкова въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ. Нерасположеніе Ломоносова. Отставка и жизнь Рычкова въ деревнѣ. Начало автобиографіи.хлопоты о поступленіи вновь на службу. Представленіе императрицѣ Екатеринѣ II. Возвращеніе на службу въ Оренбургъ.....	40—56
V. Печатныя сочиненія и статьи Рычкова по части Исторіи и Географіи Россіи. Недостатокъ въ нихъ критики источниковъ. Указанія на то Шлецера. Историко-географическія извѣстія въ письмахъ Рычкова къ Миллеру.....	56—87
VI. Доставленіе Рычковымъ извѣстій въ Академію Наукъ по части естествовѣдѣнія. Статьи его, помѣщенныя въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. Сношенія его съ современными писателями и учеными. Участіе въ ученой экспедиціи сына его, Николая Петровича Рычкова. Посѣщеніе с. Спаскаго академиками Лепехинымъ, Палласомъ и другими.....	87—122
VII. 1770—1778 годы. Бѣгство калмыковъ изъ русскихъ предѣловъ въ Китай. Неудовольствіе на Рычкова оренбургскаго губернатора за описаніе этого событія. Извѣстія о возмущеніи на Янкѣ. Избраніе Рычкова въ Москвѣ въ члены Вольнаго Россійскаго Собранія.....	122—185

VIII. 1778—1777 годы. Пугачевщина. Записки о ней Рычкова. Враждебныя отношенія къ нему оренбургскаго губернатора. Последнія работы Рычкова по описанію оренбургскаго края. Кончина.....	Стран. 185—155
--	---------------------------------

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Сематскій докладъ о винахъ Татищева (къ стр. 12).....	156—160
II. Письмо Татищева къ Рычкову 1749 г. (къ стр. 18)....	161—168
III. О картахъ оренбургской губерніи 1752 г. (къ стр. 63, 64).....	167—169
IV. О причинахъ удаленія изъ Россіи калмыковъ (къ стр. 125, 126)...	170—175
V. Цѣны съѣстныхъ припасовъ въ Оренбургѣ во время пугачевской осады (къ стр. 187).....	176—177
Алфавитный указатель именъ и предметовъ.....	178—188
Поправки.....	184

Имя Петра Ивановича Рычкова, автора разных сочинений и статей, касающихся оренбургскаго края, известно очень хорошо каждому, занимающемуся исторіею инородцев восточной Россіи, а также судьбами сейчасъ названнаго края въ XVIII столѣтіи. Труды по этой части Рычкова остаются и донинѣ въ числѣ главныхъ пособій; но біографическихъ подробностей о немъ самомъ почти нѣтъ никакихъ, такъ-какъ въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія ¹⁾ — этомъ во многихъ случаяхъ единственномъ даже и въ наше время источникѣ для жизнеописаній русскихъ ученыхъ и литераторовъ — помѣщенъ только не полный перечень его сочиненій, да невѣрно указанъ годъ его кончины.

Въ журналѣ «Библіотека для чтенія» ²⁾ напечатанъ былъ «Отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожновыхъ», подписанный Николаемъ Рычковымъ. Бывавшему въ оренбургскомъ краѣ не трудно догадаться, что здѣсь подъ видомъ повѣсти изъ стариннаго быта разсказанъ съ нѣкоторыми легендарными прикрасами рядъ дѣйствительно случившихся происшествій, въ чемъ еще болѣе утверждаютъ имена лицъ, выведенныхъ въ отрывкѣ и такъ

---

¹⁾ Изд. Москвитина, 1845, ч. II, 158, 159.

²⁾ 1862 года, № 1, стр. 120—160; № 2, стр. 1—48.

мало переименованныхъ, что въ околodкѣ, гдѣ происходили описываемыя г. Н. Рычковымъ событія, не трудно угадать настоящія фамиліи ихъ. Здѣсь также выведенъ владѣлецъ села Спасскаго, Петръ Ивановичъ Рожновъ, знатокъ разныхъ будто-бы европейскихъ языковъ и сочинитель даже такихъ сочиненій, которыя, по своему политическому характеру, не могли быть изданы въ свѣтъ. Притомъ разсказано, что бумаги Рожнова пошли на обклейку комнатъ въ селѣ Спасскомъ; что будто бы въ этихъ бумагахъ была переписка съ Державинымъ (хотя это болѣе чѣмъ сомнительно) и т. п. Вообще по нѣкоторымъ подробностямъ замѣтно, что авторъ «Отрывка» подъ Петромъ Ивановичемъ Рожновымъ разумѣлъ сочинителя «Оренбургской топографіи». Разсказъ по видимому основанъ на однихъ устныхъ преданіяхъ, сохранившихся въ семействѣ Рычковыхъ, а потому тамъ переданы нѣныя подробности о родоначальникѣ ихъ невѣрно, а другія пройдены молчаніемъ.

При разысканіяхъ для исторіи Академіи Наукъ, въ архивахъ ея сначала мнѣ встрѣчались только отрывочныя письма Рычкова къ В. Н. Татищеву и академическому совѣтнику Шумахеру, но потомъ въ бумагахъ исторіографа Миллера нашлись три большіе фоліанта писемъ къ этому академику отъ Рычкова ¹⁾.

Извѣстно, что въ казенныхъ и частныхъ архивахъ дѣловая и домашняя переписка лицъ, жившихъ въ Россіи XVIII столѣтія, не представляетъ особенной рѣдкости: но у насъ чувствуется большой недостатокъ въ такъ называемомъ *commercium epistolicum* ученыхъ, писателей и вообще образованныхъ людей о предметахъ наукъ и литературы, чѣмъ такъ богаты прочіе европейскіе народы и чѣмъ такъ дорожатъ тамъ, потому что въ подобнаго рода перепискѣ всегда можно найти богатые матеріалы для исторіи наукъ и вообще образованія данной эпохи. Въ Россіи не

¹⁾ Эти фоліанты носятъ общее заглавіе «Письма къ исторіографу Миллеру отъ разныхъ особъ. Р». Въ первомъ фоліантѣ подъ № XXIV, письма Рычкова съ 1757 по 1764 годъ включительно. Здѣсь же одно письмо его къ Ломоносову и нѣсколько писемъ Андрея Петровича Рычкова. Во второмъ подъ № XXV—съ 1765 по 1773 г. включительно. Въ третьемъ подъ № XXVI—съ 1774 по 11 ноября 1777 года. Для избѣжанія частыхъ повтореній, въ настоящемъ жизнеописаніи не дѣлается, при выпискахъ изъ писемъ Рычкова, ссылокъ на описанные здѣсь фоліанты, которые хранятся вмѣстѣ съ прочими бумагами Миллера въ архивѣ академической конференціи.

только наука, но и литература долгое время не составляла потребности общества: ею занимались или между дѣломъ, или для приобрѣтенія выгодъ по службѣ.

Въ перепискѣ Рычкова съ Миллеромъ, продолжавшейся почти безъ перерывовъ въ теченіи двадцати лѣтъ, вопросы науки и литературы всегда стоятъ на первомъ планѣ; все же прочее занимаетъ тамъ второстепенное мѣсто. Это обстоятельство придаетъ особенную цѣну перепискѣ Рычкова. Правда, что при дальнѣйшихъ поискахъ въ академическихъ архивахъ мнѣ удалось найти еще нѣсколько образчиковъ учено-литературной переписки русскихъ людей съ Академіею Наукъ, но всѣ они, не говоря уже о томъ, что до сихъ поръ еще не изданы въ свѣтъ, не обнимаютъ такого долгаго періода и не отличаются такимъ разнообразіемъ.

Новость и богатство подробностей этой переписки для литературной исторіи Россіи XVIII вѣка побудили меня къ дальнѣйшему собранію относящихся до Рычкова извѣстій. Академикъ А. А. Куникъ передалъ мнѣ приобрѣтенный имъ для академической библіотеки списокъ съ семейныхъ записокъ Рычкова, въ которомъ, однако, не доставало одного листка въ началѣ и нѣсколькихъ въ концѣ. П. И. Бартеневъ съ радушною готовностію поспѣшилъ доставить изъ московской библіотеки г. Чертова полный экземпляръ тѣхъ же записокъ, что и дало мнѣ возможность пополнить списокъ, предназначенный для Академіи. За тѣмъ, по сношенію отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, потомокъ автора «Оренбургской Топографіи» Д. Н. Рычковъ сообщилъ въ мое распоряженіе нѣсколько писемъ, хозяйственныхъ тетрадей и дипломовъ своего предка. Изъ нихъ въ особенности важны въ историко-литературномъ отношеніи 12-ть писемъ В. Н. Татищева, исключительно посвященныхъ разсужденіямъ о разныхъ предметахъ по русской исторіи. Для пополненія всѣхъ этихъ матеріаловъ я пользовался протоколами академической конференціи съ 1755 по 1777 годы, гдѣ иногда упоминается о доставленныхъ Рычковымъ сочиненіяхъ, извѣстіяхъ и предметахъ, также описаніями путешествій академикомъ Палласа, Лепехина и другими печатными источниками, ссылки на которые дѣлаю въ текстѣ настоящаго жизнеописанія.

Всѣ эти, имѣвшіеся подъ моими руками матеріалы дали мнѣ

возможность представить свѣдѣнія о Рычковѣ, какъ писателѣ и образованномъ человѣкѣ своего времени. Теперь остается сдѣлать очеркъ его служебной дѣятельности, тѣмъ болѣе замѣчательной, что онъ служилъ въ оренбургскомъ краѣ въ тѣ времена, когда въ немъ совершались въ высшей степени любопытныя для историка измѣненія въ отношеніяхъ тамошнихъ инородцевъ къ русскимъ и притомъ при такихъ замѣчательныхъ правителяхъ, каковыми были Кириловъ, Татищевъ и Неплюевъ. Понятно, что описаніе этого рода дѣятельности Рычкова, бывшаго близкимъ человѣкомъ сейчасъ названныхъ лицъ, состоитъ въ связи съ исторіею цѣлаго края. Матеріалы для нея хранятся еще нѣкъмъ не тронутые въ канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора, а также въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и ожидаютъ трудолюбивыхъ и усердныхъ изслѣдователей. Будемъ надѣяться, что со временемъ такихъ лицъ явится въ столицахъ и губерніяхъ болѣе, чѣмъ имѣемъ мы ихъ нынѣ.

П. Пезарскій.

I.

1712 — 1722 годы.

Годъ и происхожденію Рычкова. Разказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и вступленіи на частную службу въ Петербургѣ.

Петръ Ивановичъ Рычковъ родился въ Вологдѣ 1 октября 1712 года.

«Хотя истинное благородство, говоритъ онъ въ своихъ семейныхъ запискахъ, нашпаче въ честномъ воспитаніи и въ добродѣтеляхъ, нежели въ породѣ состоитъ, (однако) издревле не только у насъ, но почти вездѣ въ обычай вошло знатность породы не меньше достоинства и добродѣтели уважать. По здравому разсужденію та токмо знатность и древность породы во всѣхъ случаяхъ предпочтенія достойна, которая съ заслугами отечеству, съ достоинствомъ и съ добродѣтелями соединена. Но намъ такого застарѣлаго и повсемѣстнаго обыкновенія перемѣнять не должно и невозможно. Въ самомъ Св. Писаніи находятся тому жъ мнѣнію подобныя слова, а именно: «похвала дѣтямъ отцы ихъ».

«Вамъ, дражайшіе мои дѣти, предками своими тцеславиться нельзя и не должно, однакъ и стыдиться причины нѣтъ, хотя бы кто отъ незнанія и подлостію васъ попрекнулъ. Меня самого иногда тѣмъ безразсудные люди цопрекали, но отъ скромности моей, всегда сами устыдятся, отходили. Подлинно въ предкахъ нашихъ, сколько я свѣдомъ, не только бояръ и генераловъ, но и полководцевъ не было. Однакъ не всѣ генералы отъ генераловъ рождены... Предки наши... въ тѣ смутныя времена, какъ по-

ляки на Россію впадене чинили (чего и вологодскіе предѣлы не миновали), на Вологдѣ поселилися. Изъ которыхъ нѣкоторые, по тогдашнему обыкновению, въ разныхъ городскихъ службахъ употреблялись; нѣкоторые жъ и купечество тутъ и въ Архангельскомъ порту производили. Первый и знатнѣйшій изъ оныхъ назывался Өерапонть, а по народному названію Рычакъ и Рычка. Отъ сего-то Өерапонта, сказывали они, что нашъ родъ и прованіе происходятъ»...

Отецъ Рычкова, Иванъ Ивановичъ, по примѣру своихъ родныхъ, также торговалъ на Вологдѣ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Ивановичемъ, отправляя хлѣбъ и другіе товары по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ къ Архангельску для отпуска въ Голландію и другія земли. Вообще изъ словъ сына можно замѣтить, что Иванъ Рычковъ любилъ иноплеменцевъ. Во время пребыванія въ Вологдѣ, онъ былъ въ сношеніяхъ съ сосланными туда шведскими плѣнными и одному изъ нихъ, графу Бонде, успѣлъ оказать какое-то одолженіе, что, какъ увидимъ сейчасъ, пригодилось Рычкову впоследствии. Неосмотрительность и расточительность брата его, Михайлы, вступившаго въ подряды съ приказомъ большой казны по отпуску за границу тогдашнихъ казенныхъ товаровъ: поташа, смольчуга, икры, клея и щетины, произвели разстройство въ торговыхъ дѣлахъ Рычковыхъ. Къ этому присоединились и неудачи: суда, плившія съ помянутыми товарами къ Архангельску, разбились, слѣдствіемъ чего былъ огромный казенный начеть, такъ-что Рычковы лишились почти всего своего имущества.

Иванъ Рычковъ съ женою (Капитолиною Ивановною, дочерью вологодскаго купца Свѣшниковъ) и дѣтьми покинулъ Вологду и переселился въ Москву. Здѣсь въ 1722 году, вѣроятно по ходатайству бывшихъ шведскихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ графъ Бонде, состояли при Карлѣ Фридрихѣ, герцогѣ шлейзвигъ-голлтинскомъ, старикъ Рычковъ получилъ при дворѣ его званіе купчины, или гофъ-фактора, и оставался въ немъ до самаго отъѣзда герцога изъ Россіи. Голлтинскіе министры Стамкенъ и графъ Бонде, и послѣ этого событія, покровительствовали Рычкову и держали его при себѣ.

«Въ 1720 году ... былъ я, говоритъ про себя его сынъ,

около восьми лѣтъ, читать и писать по русски умѣлъ уже нарочито. По прибытіи въ Москву, не смотря на всѣ свои безпокойства и затрудненія, отецъ мой вскорѣ отдалъ меня учить иностранныхъ языковъ и сперва голландскаго, потому что великую склонность имѣлъ къ коммерціи и къ сей націи; да и свѣдѣнія какъ о внутреннихъ, такъ и о внѣшнихъ торгахъ былъ весьма достаточнаго. Нѣсколько научивши меня того языка и первой части ариметики, отдалъ меня для совершеннѣйшаго познанія онаго и другихъ языковъ, и для обученія бухгалтерской науки и внѣшней коммерціи къ тогдашнему полотняныхъ фабрикъ директору Ивану Павловичу Тамесу. Имѣвши съ нимъ издавна дружбу, онъ уповалъ, что я познаниемъ сихъ дѣлъ буду отечеству не безпотребенъ, а и себѣ не бесполезенъ. Сей господинъ Тамесъ былъ подлинно мужъ великаго свѣдѣнія не только въ коммерціи, но и во многихъ статскихъ дѣлахъ, и за его разумъ и многіе полезные проекты къ заведенію и распространенію въ Россіи разныхъ мануфактуръ находилса въ особенной милости у его величества высокославныя памяти государя императора Петра Великаго¹⁾. Онъ меня, какъ сына, любилъ и въ своей конторѣ не только языковъ и бухгалтерству училъ, но и при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и представленіяхъ, къ размноженію мануфактуръ и къ пользѣ російской коммерціи чинимыхъ, употреблялъ. И хотя я тогда несовершенно еще возраста былъ, слѣдственно и понятія ко всему тому достаточнаго не имѣлъ, однакъ въ познаніи

---

¹⁾ Къ иностранцу Ивану Тамесу, или Тамсену, для изученія бухгалтеріи, Петръ Великій посылалъ русскихъ учениковъ (Дѣянія П. В. Голицева, изд. 2, т. VIII, 50, 51; IX, 498). О немъ нерѣдко упоминается въ Дневникѣ Берггольца, см. рус. пер. г. Амона, II (М. 1858 г.) 91—95; IV (М. 1860 г.), 101. Въ «Извѣстіяхъ о фабрикахъ и заводахъ въ Россіи 1727 года» (Госуд. Архивъ, разр. XIX) находимъ, что «полотняная фабрика въ Москвѣ директора Ивана Тамеса съ компанейщики купецкими людьми зачата въ 718-мъ году по повелѣнію Петра Великаго и по просьбѣ компанейщиковъ. Въ 1719 г. государь пожаловалъ имъ два дома Авраама Лопухина: одинъ каменный близъ Пречистенскихъ воротъ, другой деревянный загородный въ Хамовникахъ, а также село Кожму въ судальскомъ уѣздѣ съ 641 крестьянскимъ дворомъ. Капитала на фабрику затрачено съ 1718 по 1728 годъ 24.700 рубл. Сначала тамъ было 184, а въ 1727 году 448 стала; мастеровыхъ — 851 человекъ. Дѣлались на фабрикѣ полотна разныхъ сортовъ, салфетки, тики, скатерти и пр., которые «происходятъ въ продажу въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ и отпускаются за море» (л. 65, 66).

оныхъ дѣлъ еще тогда и суще отъ него нарочитое познаніе получилъ... По смерти его жилъ я нѣсколько времени при моемъ родителѣ, котораго безпокойства отъ бѣдствій брата его, а моего дяди, еще тогда продолжались, да и конца было имъ не видно. Въ такихъ нашихъ обстоятельствахъ принужденъ я былъ не только мое ученіе, но и родителей моихъ оставлять, сыскивать способы къ ихъ облегченію и гдѣ бы себя употребити, что какъ и мнѣ, такъ и имъ было не безъ печали, тѣмъ намъ, что они, покойные, никакого безпутства во мнѣ не видѣли, но еще и годность нарочитую съ немалою и всегдашнюю охотою къ наукамъ примѣчали, а гдѣ и какъ меня пристроить, по тогдашнему своему состоянію, способѣ не находили».

«Между тѣмъ около 1730 году родитель мой, поѣхавъ въ Санктпетербургъ, взялъ меня съ собою, гдѣ графъ Бонде, министръ его королевскаго величества герцога голштинскаго, рекомендаціями своими способствовалъ ко опредѣленію моему въ службу при бывшемъ тогда Кабинетѣ, или Дворѣ. И хотя обѣщанія имѣлъ онъ надежныя, но дѣйствительное опредѣленіе отъ времени до времени откладывавано, а наконецъ сказано было, чтобъ подождать до состоянія новаго штата, при чемъ я и остался».

«Въ ту жъ санктпетербургскую бытность, родитель мой сдружился съ англичаниномъ Вильямомъ Элмзеномъ, который хотя не такого совершенства, какъ покойный Тамесъ, однакъ по премногу доброй человекъ и знатной капиталистъ былъ. Сей, видя, что я изъ русскихъ нѣмецкой языкъ не худо умѣю, и имѣя въ своей дирекціи казенные ябургскіе и жабинскіе заводы со многими числомъ мастеровыхъ изъ русскихъ и иностранныхъ людей (изъ которыхъ между русскими большая половина была изъ солдатъ, тому мастерству обученныхъ), просилъ родителя моего, дабы я у него правителемъ тѣхъ заводовъ былъ, пока ко опредѣленію моему въ службу окажутся лучше и надежнѣйшіе способы. Признавъ меня къ тому, по знанію нѣмецкаго языка, способнымъ, онъ обѣщалъ мнѣ между тѣмъ не только честное содержаніе, но и деньгами достаточно наградить, а особливо ежели я прекращу бывшія тогда между иностранными мастеровыми людьми несогласія и безпокойства, ибо они, разноглаголаные на бывшаго предъ тѣмъ управителя англичанина Жинктига

за многія его безпутства, чинили сами разныя своевольства.. Съ такою-то кондиціею я отъ моего родителя на тѣ заводы былъ отпущенъ (они отъ Санктпетербурга были верстахъ во ста). Подлинно я, тутъ живучи во всемъ на коштѣ помянутаго господина Элизена, честное и достаточное содержаніе возымѣлъ; да и удалось мнѣ всѣ тѣ многія безпокойства прекратить и въ надлежащій установъ привести».

«Здѣсь-то будучи, спознался я съ управителемъ тамошнихъ дворцовыхъ волостей Прокофѣемъ Даниловичемъ Гуляевымъ и женился первымъ бракомъ на старшей его дочери Анисѣ Прокофьевнѣ, съ позволенія моихъ родителей, которые для того моего сговору и сочетанія изъ Москвы въ Ямбургъ нарочно ко мнѣ пріѣзжали. По вступленіи моемъ въ супружество, вслѣски уже принужденъ я былъ домогаться сыскивать фундаментальное себѣ мѣсто и дѣйствительное въ службу опредѣленіе, къ чему еще и сіе побуждало, что оба оныя стеклянные заводы разсуждено было перевести въ другія мѣста и въ другую сторону, а именно одинъ къ Ладожскому каналу, а другой въ Санктпетербургъ, гдѣ они и построены вновь».

«По прибытіи въ Санктпетербургъ увѣдалъ я, что, по опредѣленію правительствующаго сената, въ Санктпетербургскую портовую таможену принять былъ иностранный бухгалтеръ съ такою кондиціею, чтобъ тутъ содержаніе книгъ и счетовъ по европейской бухгалтерской регулѣ установить. Ему для того окладнаго жалованья положено было по 800 рубл. въ годъ, а когда русскихъ обучитъ оному дѣлу, то обѣщано было особое награжденіе; чего ради дано ему было изъ Академіи нѣсколько молодыхъ людей въ ученіе, знающихъ ариметику. Ему жъ велѣно было придать и переводчика; ибо онъ тѣ книги содержалъ не на русскомъ, но на нѣмецкомъ языкѣ. Въ разсужденіи сего дѣла явился я у г. статскаго совѣтника Кириллова, который тогда въ правительствующемъ сенатѣ былъ оберъ-секретаремъ, и, донесши, что я бухгалтерству съ издѣтства учился, просилъ опредѣленія. Онъ, воговоря со мною о томъ и усмотря, что я оное разумѣю, велѣлъ мнѣ въ прательствующій сенатъ объ опредѣленіи меня къ тому дѣлу подать прошеніе, кое я, подавъ, вскорѣ и опредѣленіе получилъ о бытіи мнѣ при портовыхъ и при оныхъ бухгалтерскихъ

дѣлахъ переводчикомъ и означенному бухгалтеру помощникомъ, съ жалованнымъ по 150 руб. въ годъ. И хотя съ годъ бывши у оныхъ дѣлъ, обнадеженъ былъ опредѣленіемъ на мѣсто того, по контракту служившаго бухгалтера, ко всему тому, для чего онъ былъ опредѣленъ; но какъ помянутый г. статскій совѣтникъ, по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоановны, опредѣленъ былъ для многихъ государственныхъ интересовъ и важныхъ намѣреній, и повелѣно ему было между прочихъ чиновъ принскать и съ собою взять искуснаго бухгалтера, то по тому именному указу въ 1734 году отъ правительствующаго сената опредѣленъ и съ нимъ отправленъ я былъ въ ту экспедицію бухгалтеромъ»...

II.

1734 — 1750 ГОДЫ.

И. К. Кириловъ и В. Н. Татищевъ — первые покровители Рычкова. Служба его въ оренбургскомъ краѣ. Переписка съ В. Н. Татищевымъ о русской исторіи и географіи. Первые историко-литературные труды Рычкова.

Въ 1734 году, въ Петербургѣ была снаряжена экспедиція, которой прямымъ послѣдствіемъ, хотя не вдругъ и не безъ препятствій, было окончательное утверженіе русскаго господства надъ обширнымъ краемъ, получившимъ потомъ названіе оренбургскаго. Поводомъ къ снаряженію экспедиціи послужило заявленіе желанія хана меньшей киргизской орды Абуилъ-хаира вступить въ подданство Россіи и просьба его о построеніи русскаго города на устьѣ р. Ори. По этому случаю оберъ-секретарь сената, Иванъ Кириловичъ Кириловъ представилъ предположенія о средствахъ и мѣрахъ для приведенія въ исполненіе намѣреній Петра Великаго касательно киргизъ-кайсаковъ и о распространеніи торговли съ Азією. Предположенія Кирилова заслужили одобреніе, и на него было возложено какъ построеніе на рѣкѣ Ори города, еще прежде основанія своего названнаго Оренбургомъ, такъ и осуществленіе всѣхъ мѣръ, которыя признаны были необходимыми для подчине-

нія Россіи тамошнихъ инородцевъ. Въ экспедиціи Кирилова, кромѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, были: историографъ по части естествовѣденія, живописецъ, студенты московской духовной Академіи, наконецъ геодезисты для сниманія картъ и описанія мѣстностей. Въ должность бухгалтера при экспедиціи поступилъ Петръ Ивановичъ Рычковъ ¹⁾.

Кириловъ принадлежеть, безспорно, къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей, вышедшихъ изъ школы Петра Великаго. Рычковъ, который зналъ его близко, оставилъ намъ такое описаніе его: «онъ хотя незнатной природы былъ, но прилежными своими трудами и острымъ понятіемъ, въ канцеляріи правительствующаго сената, изъ самыхъ нижнихъ чиновъ проихождая, еще при жизни высокославной памяти государя императора Петра Великаго въ чинъ сенатскаго секретаря произведенъ и при разныхъ случаяхъ имѣлъ счастье достоинство свое со многими его императорскаго величества удовольствіемъ засвидѣтельствовать, а особливо имѣвшееся у него натуральною охотою къ ландкартамъ и географическимъ описаніямъ... Онъ первый взялъ на себя трудъ всероссійскія ландкарты собирать и чрезъ обрѣтавшихся при сенатѣ геодезистовъ атласъ россійской имперіи и генеральную россійскую ландкарту сочинять... Наукамъ хотя формально не обученъ былъ и оныхъ основательно не зналъ; но былъ великой рачитель и любитель наукъ, а особливо математики, механики, исторіи, экономіи и металлургіи, не жалѣя при томъ никакого своего труда и изживенія»... ²⁾.

Что Кириловъ горячо любилъ науки и искренно желалъ успѣховъ имъ, то свидѣлствуютъ его близкія отношенія къ нашей Академіи Наукъ. Вскорѣ послѣ учрежденія ея, онъ вступилъ въ обширную переписку съ академикомъ Николаемъ Юсифомъ Делилемъ касательно географіи Россіи и составленія точ-

¹⁾ См. его «Исторія оренбургская» въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ», январь, 1759 г. стр. 1—47; февраль, стр. 100—112. Къ Кирилову поступилъ и отецъ Рычкова «для установленія и утвержденія новой коммерціи». Онъ пріѣхалъ въ Самару уже послѣ смерти Кирилова, и Татищевъ поручилъ-было ему сочинить дупеческій тарифъ и уставъ; но старикъ Рычковъ, не успѣвъ этого исполнить, умеръ въ 1738 г., о чемъ есть въ Запискахъ сына и въ «Сочинен. и перев.» 1759 г., апрѣль, стр. 385.

²⁾ Ibid., мартъ 1759 г., стр. 223—224.

ныхъ картъ ея. Даже въ бытность свою въ оренбургской экспедиціи, посреди тяжелыхъ заботъ и безпокойствъ, не забывалъ сообщать Академіи извѣстій по части естественной исторіи и съ любопытствомъ освѣдомлялся о ходѣ работъ по части русской картографіи, столь близкой его сердцу¹⁾

Вскорѣ по прибытіи въ оренбургскій край, Кириловъ убѣдился, что предположенія, которыя такъ легко составляются въ кабинетахъ за тысячи верстъ отъ мѣста событій, трудно осуществлять на дѣлѣ. Правда, ему удалось основать городъ, но башкирцы, видя въ томъ рѣшительный ударъ ихъ независимости, взбунтовались. Основателю Оренбурга, вмѣсто распространенія торговли съ Азіею, вмѣсто поисковъ рудъ для обогащенія государства, пришлось вести упорную борьбу съ полудикимъ народомъ, рѣшившемся на все, чтобы отстоять послѣдніе остатки своего господства надъ обширною страной. Среди тревогъ и несбывшихся надеждъ, Кириловъ умеръ 14 апрѣля 1737 года въ Самарѣ, гдѣ и похороненъ при церкви св. Николая Чудотворца²⁾.

Мѣсто Кирилова заступилъ Василій Никитичъ Татищевъ— другая, еще болѣе выдающаяся личность въ исторіи русской литературы и просвѣщенія XVIII столѣтія. Куда бы ни заносила судьба Татищева, онъ всюду оставался вѣренъ своей привязанности къ научнымъ разысканіямъ и вообще ко всему, что относилось къ просвѣщенію. Въ поѣздку по казенному порученію

¹⁾ Такъ напр. 14 декабря 1734 года, Кириловъ писалъ къ вновь назначенному тогда президенту Академіи Наукъ, барону Корѣу: «поздравляю ваше превосходительство, получа высшую дирекцію надъ учрежденною Академіею и несумнѣнно надѣюсь, чрезъ прилежное руководство ваше, въ лучшемъ состояніи оную увидѣть и плодами ея всему обществу пользоваться. При случаѣ жъ моего пути обрѣтенныхъ разныхъ родовъ травъ и корней, кои обрѣтающіеся со мною господа ботаникъ и аптекаръ мимоходомъ усмотрѣли, о тѣхъ принявъ смѣлость вашему превосходительству каталогъ сообщить, и ежели оный угоденъ покажется, тогда господамъ академическимъ членамъ приказать отдать. Впрочемъ какіе сысканы на пути разные камни, и металы и минералы, о томъ впредь донесу, а паче уповаю услужить, когда въ наилучшихъ мѣстахъ будущею весною буду»... (Eingekommene Briefe von 1734 bis 1736 въ архивѣ акад. конференціи). Переписка Кирилова съ Академіею по части географіи Россіи въ первый разъ стала извѣстна только въ прошломъ году изъ труда г. Свенске: «Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской имперіи, изд. Акад. Наукъ въ 1745 г.» См. Прилож. № 2 къ IX т. Записокъ Акад. Н. 1866 года.

²⁾ «Сочиненія и переводы» 1759 г., мартъ, стр. 223.

въ Швецію онъ знакомится съ тамошними учеными, пишетъ для нихъ статью о мамонтовыхъ костяхъ, разыскиваетъ и списываетъ разные материалы для древней русской исторіи; въ Сибири собираетъ массу историческихъ и географическихъ извѣстій о Россіи; поручаетъ тамъ составлять словари инородческихъ языковъ; отыскиваетъ древности и рѣдкости въ могилахъ; служа въ Екатеринбургѣ, устраиваетъ школу. Во время двухлѣтняго управленія оренбургскимъ краемъ, онъ заводитъ также школу въ Самарѣ для татаръ и калмыковъ, и здѣсь, по его указаніямъ, начали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и сочинять татарско-калмыцкій словарь. Въ Астрахани, его пытливыи умъ занимали остатки жилищъ прежнихъ влстителей золотой орды.

Рычковъ такъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о службѣ своей въ первые годы пребыванія своего въ оренбургскомъ краѣ: «будучи въ той экспедиціи какъ отъ него, Кириллова, такъ и бывшихъ послѣ его генералитетовъ, употребляемъ я былъ всегда (кромѣ одного перваго года) и почти безотлучно къ нужнѣйшимъ военнымъ дѣламъ. Они (т. е. начальники), по тогдашнимъ башкирскимъ безпокойствамъ, о томъ, какъ бы счетныя книги по регулѣ бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но усмотря, что я въ такихъ строгихъ случаяхъ къ правленію канцелярскихъ дѣлъ другихъ былъ способнѣе, все канцелярское правленіе на меня одного положили. При такихъ обстоятельствахъ имѣли они меня всегда и во всѣхъ походахъ безотлучно при себѣ и подлинно содержали меня въ отчѣнной милости»...

Несомнѣнно, что молодой Рычковъ поддавался вліянію такихъ людей, какими были первые два начальника его, и этимъ только можно объяснить себѣ, почему онъ впоследствии пріобрѣлъ себѣ у современниковъ довольно обширную извѣстность какъ писатель и любитель наукъ. Къ Татищеву Рычковъ питалъ чрезвычайное уваженіе и, вспоминая о немъ уже гораздо послѣ его кончины, называлъ не иначе, какъ отцемъ и благодѣтелемъ своимъ. Удаленіе Татищева отъ оренбургскихъ дѣлъ не прекратило сношеній его съ бывшимъ подчиненнымъ, и послѣдній велъ съ нимъ дѣятельную переписку.

«Милостивѣйшій государь мой и отецъ Василій Никитичъ, писалъ къ нему Рычковъ изъ Самары 25-го февраля 1741 года.

Вашего превосходительства милостивое писаніе отъ 10 и 21 числа сего февраля удостоился получить, за которое, якожь и за всѣ вашего превосходительства неизреченныя милости, рабское приношу благодареніе. Что же принадлежитъ до переводу предисловія нѣмецкаго переводчика Дергамова ¹⁾, оный я оставивать не намѣренъ былъ, да и труда надъ нимъ не много, ибо не великъ, только поохотился напередъ самого автора переводить. Окончавъ же онаго, и то предисловіе перевести не премину».

«Отъ 18-го числа сего до вашего превосходительства пространно писалъ, нынѣ же къ тому прибавить имѣю, что къ началу въ татаро-калмыцкой нашей школѣ лексикону (съ русскими началами татаро-калмыцкой) уже двѣ литеры дѣйствительно сдѣлали и, кажется, съ добрымъ успѣхомъ продолжаются. Не худо-ли, милостивѣйшій государь мой, что я такимъ образомъ русскія слова переводить велѣлъ, чтобъ татарское и калмыцкое прежде русскими и калмыцкими, а потомъ уже и тѣми языки писать, ибо разсудилъ, что у насъ въ напечатаніи татарскихъ и калмыцскихъ литеръ произойдетъ великое затрудненіе. А когда будетъ и русскими литерами изображенное, то и умѣющимъ и неумѣющимъ тѣхъ языковъ чтеніемъ будетъ во употребленіе, и въ напечатаніи всего онаго русскими литерами труда будетъ не столько. Сіе мое предпріятіе годится-ль, всепокорно васъ, милостивѣйшаго государя, прошу наградить меня своимъ милостивымъ увѣдомленіемъ. Нампаче же прошу къ его сіятельству ²⁾ отписать, чтобъ я въ такихъ моихъ стараніяхъ вспомогаемъ былъ. Хотя и такъ его сіятельству натоковалъ, что все оное не токмо для здѣшнихъ мѣстъ, но и для всего общества дѣло пренужное, и онъ тому согласуетъ уже и не оставляетъ; но вашего превосходительства одно слово всего моего лучше представленія. Я нынѣ особливо радъ, что его сіятельство всѣ заведенныя здѣсь школы, надъ коими никакого почти призрѣнія не было, приказалъ во одинъ бывшій князь Ми-

¹⁾ Вильямъ Дергамъ (Derham) род. 1657 (1660?) г., умеръ каноникомъ въ Уэстминстерѣ 1785 (1788) г. Его сочиненія *Physico-Theologie* и *Astrologie* были переведены и изданы на нѣмец. яз. въ первой половинѣ XVIII вѣка. (*Pieter's Universal Lexicon*, 4-е изд., т. IV, 856).

²⁾ Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ, которому ввѣрено было управленіе оренбургскимъ краемъ послѣ увольненія Татищева.

ханца Андреевича¹⁾ домъ собрать и все надсматривать приказалъ. Въ высочайшій кабинетъ не безъ основанія отъ его сятельства представлено о распространеніи здѣшнихъ училищъ: ежели бы милостивая резолюція воспослѣдовала, то бѣ я надѣялся не малому плоду отъ того произрасти...²⁾

Съ своей стороны князь Урусовъ, увѣдомляя (въ мартѣ 1741 года) Татищева, что заботы его о татарско-калмыцкой школѣ въ Самарѣ не остались безплодными, упоминалъ о лексиконѣ и переводахъ: «во всемъ томъ старается у меня г. Рычковъ, и ему оное поручено, котораго въ томъ охота и прилежность, надѣюсь, вашему превосходительству извѣстна...³⁾». Въ одно время съ княземъ Урусовымъ, Рычковъ извѣщалъ Татищева:

«Школа, о которой ваше превосходительство изъ прежнихъ моихъ писемъ извѣстны, время отъ времени къ лучшему состоянію приходитъ. Особливо же нынѣ по письму вашего превосходительства къ его сятельству всякаго споспѣшествованія надѣюсь, ибо онъ великую къ тому охоту показывать началъ. А когда его свѣтлость князь Алексѣй Михайловичъ⁴⁾ о томъ отпишетъ, то и большаго во всемъ приращенія уповаемъ. Нынѣ его сятельство посылаетъ къ вашему превосходительству нѣсколько тетрадей сочиняемаго здѣсь татарско-калмыцкаго лексикона, въ которомъ сочиненій я, низжайшій, имѣя малое участіе, всепокорнѣйше прошу сіе ваше начало милостивно рассмотретьъ, годится-ль въ дѣло? увѣдомленіемъ не оставить. Что касается въ ономъ до русскаго, то хотя оное набрано изъ лексикона полкарповскаго,

¹⁾ Князь Михайлъ Андреевичъ Бѣлосельскій, бывший, по словамъ Рычкова въ Запискахъ, въ Самарѣ и Оренбургѣ «по нѣкоторымъ несчастнымъ его случаямъ». Въ 1736 г., по оговору ссыльнаго Егора Столѣтова, этого князя Бѣлосельскаго судили за рассказы его о царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, Биронѣ и пр. Онъ впрочемъ ни въ чемъ не сознался. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны Рычковъ зналъ его въ Петербургѣ генералъ кригсъ-комиссаромъ.

²⁾ Входящія письма 1740—1743 годовъ, въ архивѣ академической канцеляріи.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (род. 1690 † 1742 г.) нынѣ тогда званіе великаго канцлера.

однакъ греческіе мокронизмы ¹⁾, необыкновенныя словенскія званія выкидываны, а напротивъ того многое, что припамятовалось, объяснено простыми рѣчами, а въ иномъ и прибавлено. Только кажется мнѣ топерь, грамматическія изъясненія (которыя отчасти въ сочиняемомъ уже употреблены), предлоговъ и союзовъ нашихъ не нужны. Да и толмачи переводить ихъ не умѣютъ, и для того ихъ оставлю и буду тщиться, чтобъ во всемъ томъ сочиненіи болѣе простотѣ подражать, которая у насъ съ вышепомянутыми языки довольно согласуетъ, особливо же, что въ татарскомъ усматриваются многія такія званія, кои съ нашими во всемъ сходны».

«Ахунъ нашъ ²⁾ по персидски и по турецки говорить умѣетъ, чего ради буду стараться, чтобъ хотя не мнѣ и не вдругъ, то со временемъ и по маленьку оба сія языки къ предназначеннымъ сообщать. И хотя въ затѣяхъ моихъ многіе предосуждаютъ, вѣдаючи кромѣ того многія мои несвободности, но доброму намѣренію Богъ помогаетъ. Нынѣ при семъ всенижайшемъ моемъ письмѣ, по любопытству вашего превосходительства, прилагаю реестръ арабскимъ наукамъ, которыя мнѣ ахунъ, по татарски записавъ, далъ и сказывалъ, что нѣкоторыя книги о тѣхъ наукахъ изъ Бухарь достать возможно. Не изволите-ли повелѣть, чтобъ о тѣхъ, которыя надобнѣе, постараться и о томъ меня увѣдомить. Оныя хотя не въ употребленіе, но къ довольнои куріозите служить могутъ».

«Ахунъ уложенъ весьма прилежно переводить и перевелъ уже двѣ главы на татарской языкъ первую и середка (такъ ему сперва захотѣлось, но я нынѣ приказалъ сначала ничего не пропускать переводить) о татевныхъ дѣлахъ, а другую начальную о молитвенномъ омываніи. Первая хотя на русской языкъ и переведена, токмо переводъ весьма нечистъ; къ тому требуются на

¹⁾ «Лексиконъ трехъязычный, сирѣчь реченій словенскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ сокровище» изданъ Федоромъ Поликарповымъ въ Москвѣ 1704 г. Подъ мокронизмами Рычко въ разумѣлъ греческія выраженія Поликарпова, которыя считалъ несвойственными нашему языку (тасагопѣе).

²⁾ Магометанскій духовный, называвшійся, какъ увидимъ ниже, Махмудомъ Абдрахмановымъ. Татищевъ упоминаетъ о немъ въ «Ист. росс.» Кн. I, часть 2, стр. 278 и слово ахунъ переводить—епископъ магометанскій.

многое примѣчанія, которыя по растолкованіямъ ахуновымъ по-тщусь сочинить, и затѣмъ ее до вашего превосходительства не послать. Предлагаю же токмо нѣсколько статеекъ первыхъ, ибо сіи безъ примѣчаній не очень ясны»...¹⁾

Съ конца 1745 года, Татищевъ, удаленный отъ службы, жилъ въ своихъ помѣстьяхъ. Памятниками его административной дѣятельности остались множество оффиціальныхъ донесеній и разнородныхъ представленій. По нимъ можно судить о неутомимой дѣятельности, о его умѣ, знаніяхъ, опытности и — должно сознаться — о его недостаткахъ, бывшихъ, правда, непремѣнною принадлежностью едва-ли не всѣхъ администраторовъ его времени, но тѣмъ не менѣе неприятно поражающихъ историка. По мыслямъ, которыя высказывалъ Татищевъ, по своей любви къ знаніямъ и просвѣщенію онъ шелъ впередъ своего вѣка, стоялъ выше окружающей его среды; по образу же дѣйствій на служебномъ поприщѣ онъ не отличался ни чѣмъ отъ стариннаго воеводы въ отдаленномъ городкѣ. Изъ сенатскаго доклада, представленнаго императрицѣ Елизаветѣ не задолго до удаленія его отъ должности астраханскаго губернатора, оказывается, что онъ не дѣлалъ часто различія между деньгами казенными и своими и допускалъ злоупотребленія и за рубли, и за башкирскихъ иноходцевъ, даже за овчинки и волчьи мѣха (см. приложение I).

Эта двойственность въ Татищевѣ, какъ администраторѣ и писателѣ, исчезла только тогда, когда онъ лишился мѣста. По взглядѣ своемъ изъ Астрахани, Татищевъ написалъ къ барону Черка-

¹⁾ Входящія письма 1740 — 1743 гг., въ архивѣ академической конференціи. При письмѣ Рычкова приложены слѣдующія статьи: 1) «Науки, которыя на арабскомъ языкѣ ученымъ людямъ принадлежать». Здѣсь перечислены названія ихъ. 2) Отрывокъ изъ мухаметанскаго уложенія, гл. 12: «О татевныхъ и воровскихъ дѣлахъ». 3) Съ заглавіемъ: «Хвала высшему Богу, сотворшему небо и землю и вся предѣлы, и божеская его милость пророку Мохамету со всѣми его послѣдователями. Я, всенужайшій и многогрѣшный рабъ, ахунъ Махмутъ Адрахмановъ, по просьбѣ моего почтеннаго друга, призывая всемогущаго Бога въ помощь, перевелъ съ арабскаго на татарскій языкъ сію малую книжицу о бывшихъ въ прешедшихъ лѣтахъ царяхъ, ханахъ и салтанахъ, наипаче того ради, что въ нашемъ государствѣ арабскаго языка не многіе искусны, и дабы всенародно татарскому языку оная книжка известна быть могла, которая состоитъ въ трехъ токмо главахъ, еже учинено въ Оренбургѣ по махаметанскому счисленію 1153, а по христіанскому 1740 года. Съ татарскаго на русскій языкъ переведена при учрежденной въ оренбургской комиссіи татаро-камыцкой школѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 г.»

сову письмо, гдѣ изобразилъ, какъ непривлекательна была тогда жизнь въ отдаленныхъ захолустьяхъ и какъ чувствовалась тамъ необходимость «справосудіе возставить, немощнымъ обиды и коварныя ябеды пресѣчь» ¹⁾. При чтеніи этого письма нельзя не прийти въ недоумѣніе, какъ могло оно быть писано человекомъ, за нѣсколько недѣль удаленнымъ за злоупотребленія отъ губернаторской должности? При занятіяхъ русскою исторіею XVIII вѣка часто возникаютъ такіа недоумѣнія.

Послѣднія пять лѣтъ жизни, проведенныя Татищевымъ вдали отъ дѣлъ, мало извѣстны. Чтò занимало его въ это время, можно видѣть только изъ переписки его съ Академіею Наукъ, а также съ Рычковымъ. Собственноручныя письма его къ послѣднему уцѣлѣли въ семейныхъ бумагахъ потомка его, Д. Н. Рычкова, и здѣсь будетъ кстати воспользоваться ими, такъ какъ онѣ, знакомя съ отставнымъ Татищевымъ, дадутъ понятіе и о бывшемъ его подчиненномъ.

«Государь мой Петръ Ивановичъ, писалъ Татищевъ изъ села своего Болдина 18-го августа 1749 г., ваше тщаніе къ исторіи обнадеживаетъ меня многое, ко извѣстію достойное, получить. Въ той надеждѣ прилагаю, посылаю (sic) изъ первой части моея исторіи гл. 18 и прошу, оную разсмотря, погрѣшности исправить, недостатки дополнить и, колико заблагоразсудите, яснѣйшею и полнѣйшею сдѣлавъ, ко мнѣ прислать, чтобъ прочее за тѣмъ не остановилось. И если вамъ потребно, то могу вамъ и болѣе главъ, вчернѣ написанныхъ, прислать».

«Лексиконъ историческій, надѣюсь, прежде сего посланный 13-го числа, уже получили ²⁾. Я вамъ еще рекомендую выписать ландкарты Птолемея или Пеутингерovy для знанія, какъ тогда о положеніи народовъ, областей и пр. разумѣли ³⁾. Я ихъ

¹⁾ Приложение № 4 къ IV т. Записокъ Акад. Наукъ, 1884 г., стр. 45, 46.

²⁾ Въ библиотекѣ Татищева находился Allgemeines Historisches Lexicon въ четырехъ томахъ. По всей вѣроятности это былъ нѣмецкій, сдѣланный Готшедомъ переводъ знаменитаго Dictionnaire historique et critique Бэля. На нѣмецкомъ языкѣ онъ издавъ въ Лейпцигѣ въ четырехъ томахъ въ 1741—1744 годахъ.

³⁾ Географическое сочиненіе грека Клавдія Птолемея (жизль въ первой половинѣ II вѣка по Р. Х.) извѣстно во многихъ изданіяхъ и на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Копраду Пеутингеру (род. 1465 † 1547 г.) обязаны сохраненіемъ древней карты, относимой нѣкоторыми ко временамъ императора

имѣлъ двѣ, да архіепископъ московскій ¹⁾ недавно у меня одну выпросилъ, а другая при мнѣ каждадневно надобна».

«Прежде вы начали татарскій лексиконъ сочинять, и весьма бы нуженъ, къ чему Меннинскій ²⁾ много служить можетъ; но у меня мало употребляемъ, для того что татарскаго и арабскаго чгтать не умѣю. Еслибъ кто взялся оный перевести, я бы не пожалѣлъ дать 100 руб.»

«Весьма мнѣ нужно изъясненіе нѣкоторыхъ словъ изъ тѣхъ языковъ, если въ оныхъ нѣкоторыя не сарматскія; но оныя могутъ чуваша, черемиса, мордва и вотяки изъяснить. Прошу, если можно, оныя мнѣ изъясня, прислать, объявляя при каждомъ, какого языка»...

6-го сентября 1749 года: «...Лексиконъ историческій въ 4-хъ том. fol. до васъ давно послалъ въ Москву и велѣлъ съ надежнымъ ѣздокомъ отправить, ибо на почтѣ не приняли. Нынѣ же писалъ — если не посланъ, чтобъ секретарю Коптяжеву отдать. Переводы прошу, не слѣша, исправно списать, и, мои примѣчанія уничтожа, по вашему лучшему знанію сочинить и сюда прислать, хотя бы то не весьма скоро учинилось»...

21-го сентября 1749 года: «Прежде послалъ вамъ изъ первой части Исторіи гл. 18 о татарѣхъ и просилъ, чтобъ оную исправили и дополнили по вашему большему о томъ извѣстію. Но что древностей принадлежитъ, то я, изъ многихъ авторовъ перевода, изъяснялъ, которыя и вамъ не бесполезны быть могутъ. Для того при семъ, выбравъ къ вашему предпріятію ³⁾ нужнѣйшія Птолемея географа, Константина Порфирогенита и Геродота, посылляю съ моими изъясненіями: не можете-ли что поправить или пополнить, ибо такъ пословица увѣряеть: умъ добро, а два лучше»...

Феодосія и извѣстной подъ именемъ Tabula Peutingeriana. Грессе (Trésor de livres rares et précieux, T. V, 246) указываетъ всѣ изданія ея XVI, XVII и XVIII вѣковъ.

¹⁾ Платонъ Малиновскій, архіепископъ московскій съ 14 апрѣля 1748 г. но 14 июня 1754 года. Исторія Росс. іерархіи, М. 1807 г., I, 91.

²⁾ Францъ Меннинскій (род. 1628 † 1698 г.), авторъ арабско-персидско-турецкаго словаря, изд. въ первый разъ подъ заглавіемъ Thesaurus Linguarum orientalium, 1680—1687, въ трехъ частяхъ.

³⁾ Ниже будетъ говорено, что Рычковъ занимался собраніемъ извѣстій о татарахъ. Извѣстно также, что глава 18 «Исторіи рос.» Татищева озаглавлена: «Остатки скивъ, турки и татара».

12-го октября 1749 года: «Ваше пріятное письмо отъ 13-го сент. сей день получилъ и за присланную ландкарту благодарствую. Токмо въ сибирской сторонѣ многая неисправность, и что назначенъ древній протокъ изъ Арала въ Каспійское—оное мною басня. Въ бытность мою въ Астрахани, какъ были трухменскіе послы, которые съ тѣмъ были присланы, чтобъ ихъ принять въ подданство и построить у нихъ крѣпости, я прилежно ихъ о томъ спрашивалъ, ибо они по всему берегу Каспійскаго моря обитаютъ отъ Эмбы до Красныхъ Водъ или Агурчинскаго залива. Они сказали, что проходъ былъ, да горы, шедшись, завалили; а между обоими великія горы, какъ и русскіе, ѣздившіе съ ними до Хивы, увѣряли, что возможно тому быть. Заливъ Балханской и Астрабатской прилежно посыланними отъ меня описанъ, но никакого знака не найдено, для того остается недостовѣрное южнаго берега Арала описаніе: Ежели возможность дастся, хотя бы на то денегъ не пожалѣть трухменцамъ, когда къ вамъ придутъ. А понеже вы объявили, что оную карту исправите и дополните, того ради прошу меня оною снабдить»...

«... О ландкартахъ Птолемеевыхъ такожде въ Петербургъ сей день съ нарочно посланнымъ писалъ, и ежели есть, то къ Рождеству или прежде получу и пришлю. Ихъ всего 28, и онѣ весьма вамъ нужны»...

2-го ноября 1749 года: «Прежде послалъ я вамъ нѣсколько главъ Исторіи Русской первой части, но которыя не памятую. Нынѣ же, по требованію вашему, посылаю еще, которыя переписаны бѣляе. Другія ово не переписаны, ово не довольно разсмотрѣны лежать, которыя со временемъ пришлются».

«Я васъ прошу внятно разсмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ какой погрѣшности, и о томъ дать знать, а оныя, не сообщая другимъ, а паче несмысленнымъ, ко мнѣ возвратить, ибо хотя я ни о чемъ болѣе прилежу, какъ ясною исторіею моему отечеству славу и честь приумножить, а невѣдущимъ дать спознаніе, вѣдущимъ же болѣе и лучше причину къ большому изъясненію и исправленію погрѣшностей, которыхъ человекъ, какъ бы отъ природы мудръ и науками просвѣщенъ ни былъ, избѣжать не можетъ; какъ Давидъ говорилъ: всякъ человекъ — ложь. Да сіе бываетъ, что и правое дѣло другимъ является не правымъ и погрѣшнымъ,

какъ тому тысячъ примѣровъ сыскать можно. Въ язычникахъ видимъ Сократа и другихъ за признаніе истиннаго Бога, обличеніе невѣжества, наставленіе къ благоправію пострадали. Не меньше того видимъ въ христіанствѣ, какъ Аванасія Великаго, Златоустаго и другихъ великихъ учителей не токмо изгоняли, чиновъ и чести лишали, но нечестивые соборы, яко еретиковъ и безбожниковъ, проклинали. Для такихъ злостныхъ потребна мудрость осторожности, какъ я въ предисловіи отчасти изъяснилъ»...

1-го декабря 1749 года: «За присланное разсмотрѣніе о имени татаръ при письмѣ вашемъ отъ 11 октября, вчера полученномъ, весьма благодарствую, ибо много въ немъ полезнаго нахожу, хотя притомъ нѣчто изъ древнихъ греческихъ басенъ взято, яко горы Имай. Греки о нихъ писали разное: ибо мѣстоугою, отъ Тауроса идущею въ Индію ¹⁾, по которому славный испанскій географъ Мартиніе ²⁾ разумѣетъ тѣ горы, что между Персіи и Вавилона проходятъ; а Птоломей точно такъ положилъ какъ ахунъ говоритъ, но имя Имай есть греческое; а можетъ и въ тамошнихъ языкахъ что либо значить. Равно рѣка Татаръ или Тата, которую Павелъ Венетъ вымыслилъ, вашъ ахунъ отъ европейскихъ взялъ, что Рубрикъ и Карпеннъ въ ихъ ѣздахъ писали. Хотя весьма далеко простираются, однако довольно видно, что Рубрикъ далѣ Кіева не былъ, а Карпеннъ, Волги не переѣзжая, потомъ писали, что многіе ученые довольно примѣтили. Что ахунъ въ Китаехъ татаръ кладетъ, то паки отъ слышанія европейцевъ, ибо тамъ оное имя неизвѣстно, а сказываютъ Манжуръ Иманчу древнѣйшимъ ихъ званіемъ. И сіе точно такъ, какъ вы изъяснили о имени нѣмецъ, данномъ отъ славянъ германяномъ, которое и греческіе историки, Константинъ Порфирогенитъ, Анна Комнина и другіе употребляли. Такъ европейцы, оскорблясь отъ татаръ нашедшихъ, всѣ неизвѣстные народы, власно какъ у грекъ варвары, отъ египтянъ скиои именованы, въ которыхъ разные народы, яко: славяне, германяне, сарматы и туть именованы. Да имя татаръ вошедшіе въ Европу сами

¹⁾ Здѣсь и въ подлинникѣ что-то пропущено.

²⁾ Антоній-Августинъ Брузенъ де ла Мартиньеръ, авторъ *Dictionnaire géographique*, котораго первое изданіе вышло въ 1726 году.

не употребляли, но писались могулы, какъ Батыевы и внуковъ его граматы свидѣтельствуютъ. Сему примѣръ Плиній: о имени моря Каспійскаго писавъ, сказалъ, что оное имѣеть много разныхъ званій отъ прилежащихъ предѣлъ, в римляномъ отъ народа Каспиевъ, жившихъ по рѣкѣ Куръ; Каспи — грекомъ; какъ Александръ чрезъ Ирнанію ко оному приближился Ирнанское стало вѣдомо; русскимъ отъ народа хвалисовъ — Хвальнское. Болгары отъ козаръ, или разбойниковъ, Козаромъ и пр. именовали».

«Равно Руссія или Россія такъ много разныхъ названій отъ разныхъ народовъ имѣеть. Литва, имѣя крайній къ нимъ предѣлъ Крени, или Смоленскъ, именуеть Русь кренитами; финны отъ вендовъ, обладавшихъ ихъ, — венеенма; сѣверные, яко отъ нихъ нихъ на востокъ, — остерики и остерунгъ и пр. Но я надѣюсь, что вы изъ Бухаріи можете лучшія извѣстія получить и оную темноту изъяснить».

«Вы упомянули о персидской исторіи: оную весьма бы нужда перевести, токмо при переводѣ надобно въ исторіи искусство довольное, чтобъ имена людей, народовъ и урочищъ не перевелъ, какъ-то многіе погрѣшаютъ, напр. греки Переяславль именовали Мегалополь. Порфирогенитъ, описуя пороги днѣпровскіе и города русскіе, клалъ по два и по три имени: 1) славянское; 2) русское или сарматское и 3) греческое. Напр. народъ греч. Меланхлени, русск. Муставами, слав. черны порты, а сами зовутся Мусталяны, а послѣднее значитъ черный народъ»...

Это письмо можетъ служить комментариемъ къ тому, что потомъ высказалъ Татищевъ въ 18-й главѣ своей «Исторіи российской», кн. 1, часть 2, стр. 274 — 278, гдѣ также приводятся свидѣтельства «любомудраго assessора оренбургскаго господина Рычкова», а также и знаконца оренбургскаго ахуна.

Слѣдующее за тѣмъ письмо Татищева ¹⁾ писано въ концѣ декабря 1749 года по поводу присылки къ нему Рычковымъ своего «Краткаго извѣстія о татарахъ», которое хранится въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

Въ февралѣ 1750 года: «Абулгасіеву исторію я сожалѣю, что вы оной не поправили и погрѣшностей не изъяснили, а за

¹⁾ Оно напечатано въ приложеніи къ настоящей біографіи подъ № II.

тѣмъ она, по желанію многихъ въ печать не годится, развѣ вы потрудитесь оное впредь исполнить и любопытный міръ удовольствовать, а напаче о положеніяхъ тамошнихъ вы паче всѣхъ правильнѣе изъяснить, а Страленберговы погрѣшности исправить можете.

О торгахъ русскихъ и промыслахъ сочиненіе ваше ¹⁾ хвалы достойно, хотя нѣгдѣ недостаточно и нндѣ погрѣшно, для того я послалъ оное въ Москву, чтобъ переписать и потомъ дополнить. Между оными первое и главное: вышцены латинскія и французскія слова, что всѣ ученые за гнусно почитаютъ.

2. Половцевъ вы именовали русскими: оные были, яко и печенеги, сарматы и подъ властію русскою не были. Бористень рѣка Днѣпръ — имя сарматское и градъ, греками построенный, отъ рѣки названъ, а не славенское.

Кремки градъ — имя турецкое, яко Кремль и Крымъ ничто иное, какъ крѣпость или укрѣпленіе.

Недостатокъ же о торгахъ отъ неимѣнія при васъ сѣверныхъ и греческихъ писателей, въ которыхъ, яко и у Порфиrogenита, нѣчто находится, что русскіе великіе подарки золотомъ и серебромъ отъ грекъ брали. А сѣверные сказуютъ, что въ области русской Курляндіи великой ярмаркѣ бывалъ, на которомъ много золота продавали и парчей дорогихъ.

Греки главные русскіе товары кладутъ: кожи звѣрей и скотовъ, бобровую струю и медъ. Изъ Болгаріи они получали шелковыя и бумажныя парчи, а о соли погрѣшено, ибо русскіе около Новограда имѣли свои варницы издревле, потомъ въ Галичѣ и Москвѣ, изъ Галича къ Соливычегодской, оттуду въ Пермь. А малая Русь, яко и греки, изъ Крыма получали. Что Страленбергъ въ Перми портъ положилъ, то явно совралъ, но были порты Гордорики нынѣ Старая Ладога да Алденбургъ при морѣ, но гдѣ точно никто не знаетъ, а думаю гдѣ были Канцы. О портѣ и торгѣ архангельскомъ Саверій ²⁾ достаточно показалъ, которая

¹⁾ О немъ будетъ говорено ниже.

²⁾ Philemon Louis Savary, авторъ Dictionnaire universel de commerce изд. въ первый разъ въ 1723 году. Въ 1747 г. Академія наукъ надала переводъ Сергія Волчкова «Экстрактъ Саваріева лексикона о коммерціи», въ 4^о.

прошлаго года переведена и напечатана, и есть чтанія достойна. О новгородскомъ торгу въ Либигѣ Исторія анзеватская такожь многое показываетъ, чего по нашимъ исторіямъ не находится, что я надѣюся при исправленіи онаго вашего труда пространнѣе показать.

О лексиконѣ историческомъ я всегда подтверждаю, чтобъ къ вамъ хотя по одной книгѣ сослали, и если вашъ курьеръ потребуетъ, то конечно отдадутъ. Если бы вамъ случай былъ самимъ прѣхать, то бѣ вы могли книгъ потребныхъ довольно получить. За тѣмъ пребываю . . . . .

Р. С. Еще напоминаю, если не утрачена посланная отъ меня 18 глава о татарѣхъ, оную мнѣ возвратить»....

5-го марта 1750 года: «Я по объявленію вашему сердечно желаю, чтобъ Ивана Ивановича ¹⁾ и васъ здѣсь видѣть, и совѣтую, если бы его не уволили, какъ и не надѣюсь, то вамъ для его и своей пользы не худо бы побывать и новыхъ строеній посмотреть и какъ старые гнѣютъ и валятся.

Абулгаси ханова исторія получена ²⁾ и я за оную прежде васъ благодарилъ, но еще послалъ бы къ вамъ Андрея Лызлова Скинскую ³⁾ исторію, токмо опасаюсь, чтобы въ пересылкѣ не утратить, а она къ татарской исторіи много потребна. О посланной отъ меня къ вамъ 18 главѣ изъ русской исторіи я доднес не отповѣди не получилъ. Если утрачена, то прошу меня увѣдомить. За тѣмъ пребываю . . . . .».

22-го марта 1750 года: «ваше пріятное письмо отъ 10 числа съ приложеніемъ получилъ; въ отвѣтъ же на оное сообщая: 1) о коммерціи древней въ чемъ ваше сочиненіе недостаточно, то я вамъ прежде внятно показалъ, развѣ то письмо до васъ не дошло. Я для лучшаго вамъ усмотрѣнія нѣконхъ обстоятельствъ

¹⁾ Неплюевъ, опредѣленный «главнымъ командиромъ оренбургской комиссіи» въ началѣ 1742 года. «Сочиненія и переводы» Юль, 1759 года, стр. 501, 502.

²⁾ Сочиненіе Абуль-гаси Мухамедъ Багадуръ хана, хивинскаго историка (род. 1606 † 1664 г.), было тогда извѣстно по французскому изданію, сдѣланному съ перевода нѣмецкой рукописи шведа Шёнстрема, въ Брюсселѣ 1726 г., подъ заглавіемъ: «Histoire généalogique des Tatares».

³⁾ Первая часть труда Лызлова издана въ 1776 году, а во второй разъ 1787 г., въ трехъ частяхъ.

одну главу при семь посылаю токмо прошу, оную не утратя, возвратить.

2) О исторіи русской ваше намѣреніе есть презрѣдное, токмо весьма трудное и такое, что или басни принужденъ за истину принять, или начавъ, оставить, для того-что вамъ многихъ потребныхъ тому извѣстій неостанетъ, не токмо необходимо нужныхъ иностранныхъ, яко польской, венгерской, шведской и прусской, съ которыми наша древняя исторія много связана, но паче русскихъ разныхъ временъ и по разнымъ мѣстамъ писанныхъ собрать не можете. Вы мнѣ упомянули о манускриптѣ древнемъ, писанномъ бѣлорусскимъ письмомъ, изъ коего выписку прислали. Я прошу меня обстоятельно увѣдомить, въ которое время онъ конченъ, а по нач(ал)у видно, что сочиненъ въ царство Іоанна Вас. II или послѣ. Въ немъ показуется басня первая о родѣ Августовъ, другая о Рюрикѣ изъ Прусь, что вымыслилъ князь Михайлъ Глинскій, дѣдъ царя Іоанна II-го, а Макарій митрополитъ, повѣря сему польскому врагу, за истину принялъ, что уже давно людьми мудрыми за басню принято. Другихъ вракъ въ оной не поминую, напр. Ольга шуринна Рюрикова, князя урманскаго, именуетъ племянникомъ. Въ порядкѣ великихъ князей болѣе всѣхъ погрѣшность, ибо по Владимірѣ I-мъ Святополкъ, по немъ Ярославъ, по Ярославу Ізяславъ, Святославъ II, Всеволодъ I, Святополкъ II, Владиміръ II, Ярополкъ II, Мстиславъ Великій, Всеволодъ II, Ізяславъ II, Георгій II, изъ чего вы уразумѣете, кака въ той лѣтописи проронка. Я мню, что она по Степенной сочинена, гдѣ только родословіе наблюдалось, а исторіи всѣ смѣшаны»....

28-го марта 1750 года: «ваше письмо отъ 20 февраля сейчасъ получилъ, и за увѣдомленіе благодарствую, и въ отвѣтъ сообщая :

1. О Россѣ въ сынгѣхъ Виніаминихъ я имѣю библію острожскую, а московской, не чая такой несогласности, не посмотрѣлъ, да хотя и есть оное, въ доводъ о Россіи не касается.

2. О коммерціи я послалъ князю Борису Юсупову, который великую къ тому охоту имѣеть... Стрыковскаго Исторію на польскомъ я имѣю, и можно сказать, что она болѣе о Руси и Литвѣ сочинена, но какъ онъ былъ поета, такъ часто далеко отъ

порядка и правости отдалялся. Онъ сказываетъ, что имѣлъ 15 разныхъ русскихъ исторей, однакожь у него многое весьма нужное пропущено, а невѣроятное внесено, хотя онъ русскихъ исторій лучше польскихъ и старѣе почитаетъ.

Геродотъ о пенькѣ сказуетъ, что много родится и лучшая, а чтобъ тѣмъ въ Греки торговали, не нахожу, хотя то быть могло. Тѣ, которые особливо торгъ въ Грецію сихъ странъ описывали, товары знаемы кладутъ: кожи звѣрей и скотовъ, медъ, бобровая струя, воскъ, а болѣе не нахожу; но они подъ именемъ Индіи и Серики иногда разумѣли болгаръ и хвалисовъ, отъ которыхъ получали парчи и шолкъ, какъ вы въ посланной главѣ 16 и 17 усмотрите. Геродотъ о множествѣ орѣховъ и масла у болгаръ сказуетъ, именуя дерево понтикумъ, какъ я въ гл. 12 изъяснилъ, но оное они для себя употребляли, какъ и нынѣ въ казанской губерніи орѣхами изобильно.

О исторіи, которую вы отъ пріятели получили мною сочиненія князя Глинскаго, который басню о Августовѣ отродіи изъ Литвы принесши Рюрика изъ Прусь произвелъ, что въ главѣ 32, посланной къ вамъ, усмотрите, и сія басня у насъ давно опровергнута, какъ я вамъ и прежде писалъ»....

Р. S: «Я удивился, что пасторъ о кораблѣ соломоновѣ мнитъ; оному строену быть на Черномъ мори 3 цар. гл. 10, чему Иосифъ Флавій согласуетъ; но Калметъ ¹⁾ или паче Байль доводно отвергаетъ, что оное бы было египетской власти, гдѣ Соломонъ никакого участія не имѣлъ и, какъ малой владѣтель, сильному египетскому противно учинить не могъ. А жиды, прославляя себя, писали, что въ голову пришло, какъ у насъ враль слагатель Синописа многія безпутства внесъ, наприкладъ: въ Мамаевѣ битвѣ не было русскихъ войскъ въ собраніи съ Литвою болѣе 42.000, а татаръ 30.000, побитыхъ татаръ мильонъ 200.000, русскихъ 253.000, чего никогда въ Руси не бывало и собрать не можно. Явная ложь, что въ Новѣградѣ посадникъ былъ одинъ, развѣ по нуждѣ въ войскѣ другой, а побито ихъ 30. Умѣли бо есмы выдумать грамоту Александрову и проч.!»

¹⁾ Augustin Calmet авторъ Commentaire sur tous les livres de l'Ancien et du Nouveau Testament, 1707 — 1716; Dictionnaire historique et critique de la Bible, 1722—1728 etc.

На это письмо Рычковъ отвѣчалъ изъ Оренбурга 5-го мая 1750 года слѣдующимъ длиннымъ посланіемъ:

«Милостивый государь мой и отецъ Василій Никитичъ.

«Вашего превосходительства милостивое писаніе отъ 22 числа марта я, со вседолжнымъ почтеніемъ, получаю. За которое, купно же и за премногія милости, которыя продолжать и умножать ко мнѣ изволите, нижайшее благодареніе приношу и при томъ доношу:

«Разсмотрѣніе на сочиненіе мое о коммерціи я уже получаю, по которому, ежели время допустить, намѣренъ еще письмо написать и въ томъ несправности онаго, по наставленію вашего превосходительства, поправить и недостатки пополнить. Я же, по написаніи онаго (2-го №), еще касающагося до сей матеріи нѣсколько собралъ. Къ тому жъ конректоръ Апицъ (который находится въ Москвѣ при школѣ новой лютерской церкви) прислалъ ко мнѣ на то свои ремарки, въ которыхъ достойное ко внесенію есть, то я не премину изъ онаго надлежащее внести и, прежде приступа къ настоящему о коммерціи разсмотрѣнію, елико мнѣ можно, потщуся сію матерію повывести. Мнѣ разсудилось сіе дѣло труда достойнымъ написать по тому, что объ ономъ у насъ едва кто писывалъ ли, толь написать, что любопытныя вашего превосходительства собранія, которыми меня наградить изволили и еще жалуете, написать всѣхъ у меня имѣющихся книгъ способствуютъ. Какъ скоро оное письмо (№ 3) сочиню, то я къ вашему превосходительству въ милостивое разсмотрѣніе немедленно сообщу. Прямнутыхъ же присланныхъ ко мнѣ ремарковъ, тако жъ и съ письма онаго конкретора и какую я къ нему при письмѣ послалъ нынѣ записку, съ того прилагаю копіи.

2. Оный же конректоръ прислалъ ко мнѣ атласъ, въ нѣсколькихъ картахъ состоящій, тому какъ о свѣтѣ издревле разумѣли, Онъ кажется весьма не худъ и достоинъ смотрѣнія. При которомъ на всякую карту довольно пространное описаніе на латинскомъ языкѣ (тутъ же приложилъ). Отъ него жъ при томъ же получаю я еще карту, г. профессоромъ Бееромъ изъ исторіи Геродотовой учиненную; но сія, надѣюсь, у вашего превосходительства есть. Я стараюсь изъ того атласа о скивахъ и прочее, къ нашей исторіи надлежащее, на нѣмецкій, а потомъ въ русскій языкъ пере-

вести. О чемъ, ежели достойное явится, впредь вашему превосходительству донесу.

3. Что я въ письмахъ и сочиненіяхъ моихъ иностранныя иногда слова включаю, сіе не отъ чего много происходитъ, какъ отъ недовольнаго знанія нашихъ, свойственно къ тѣмъ дѣламъ подлежащихъ терминовъ, въ чемъ нижайше прошу милостиваго оставленія. Я никогда безъ крайней нужды такихъ иноязычныхъ словъ не употреблялъ, а впредь буду стараться, чтобъ въ лучшее свидѣніе нашихъ придти и оныхъ, ежели можно, никогда уже не употреблять.

4. Милостивѣйшій государь! я охотно бѣ принялся за сочиненіе русской исторіи тѣмъ методомъ, о коемъ напредъ сего вашему превосходительству доносилъ, и хотя авторами, требующимися къ тому, подлинно недостаточенъ, но въ тѣхъ манускриптахъ, которыми ваше превосходительство, по отеческой своей милости, снабдить меня изволили, уповаю бѣльшая часть нужнѣйшихъ обстоятельствъ есть. Ежели похочетъ кто разсматривать Пущендорфову шведскую исторію, или Любнеговы вопросы о политической исторіи, то и въ нихъ, елико до древности надлежитъ, также многія неясности и несовершенства, что въ вашей тѣмъ паче незазорно есть. Довольно, когда токмо методъ вообще апробуется, ибо уже къ начатому и не перемѣняя формы, дополнки чинить не трудно. У меня нынѣ три лѣтописца: 1) тотъ, о которомъ я прежде вашему превосходительству доносилъ, содержащій въ себѣ сперва греческую исторію, въ кою отъ времени царя Константина Брадатаго нѣкоторыя славенскія, а паче болгарскія дѣянія вношены, и продолженъ до 1531 году. О древности онаго богѣе не могу донести какъ сіе, что на послѣднемъ листу есть тутъ украинскаго письма разныя записки, въ которыхъ упоминаются годы 1629, 1634 и 1657. 2) Такого жъ письма получилъ я недавно чрезъ великую просьбу отъ одного, здѣсь находящагося офицера. Онъ тотъ же, что и вышеписанной, токмо въ первомъ находится сокращеніе къ русской исторіи, кое я прежде къ вашему превосходительству послалъ, а въ семь итѣ, и сербская исторія въ немъ нѣсколько сокращена; токмо сей предпочитаю первому для того, яко онъ подписанъ на первомъ листу хорошимъ письмомъ тако: «Петръ Могилъ, архіепис-

скою метрополи кievской, рукою власною», и кажется нѣтъ сумнѣнія, что та рука сего въ literalной нашей гисторiи толь знатнаго прелата. 3) Получилъ я отъ заводчика Осокина съ великимъ трудомъ, а онъ досталъ его изъ раскольниковскихъ рукъ; писалъ уставомъ на лощеной бумагѣ съ юсами. По штилю и по письму можно мнить, что онъ въ древности первымъ двумъ не уступаетъ, а кажется и старѣе. На первыхъ листахъ есть на немъ подпись русскимъ полууставнымъ, но плоховатымъ письмомъ тако: «архіепископъ Феодосій великаго Новгорода и Пскова». Онъ сначала сходенъ со обоими вышеписанными, но въ послѣднихъ вѣкахъ російская гисторiя въ немъ гораздо обстоятельнѣе¹⁾. Я какъ на второй и на сей, а къ тому и на синописъ кievской печати (только изъ онаго послѣдніе листы у меня утрачены), на страстной недѣлѣ упразднившись отъ канцелярскихъ дѣлъ, сочинилъ реестры по наставленію вашего превосходительства, за которое нижайше благодарствую. Со оныхъ реестровъ, такожь и со оглавленія, при третьемъ имѣющагося, для познанія вашему превосходительству тѣхъ книгъ, а притомъ уже и на синописъ съ сдѣланнаго, осмѣлился при семъ приложить копи, но въ томъ милостиваго оставленія прошу, что оныя реестры не чисто переписаны, ибо на бѣло написанные вклеилъ я въ тѣ книги. Ваше превосходительство изъ оныхъ реестровъ изволите усмотрѣть достоинство тѣхъ книгъ, о чемъ увѣдомленія буду ожидать. Я еще обнадеженъ получить лѣтописецъ Нестеровъ, ежели не солгутъ мнѣ тѣ люди, которые меня присылкою онаго увѣрили. Къ тому жъ въ всецкую провинцію къ пріятелямъ писалъ, чтобъ ихъ, у тамошнихъ раскольниковъ развѣдывая, даствовать постарались, и когда получу, то на каждой учиня реестры по предназначенному, вашему превосходительству увѣдомить не премину.

5. Сколько главъ имѣю я изъ гисторiи вашего превосходительства и чего не достаетъ, тому при семъ прилагаю росписъ. Полученныя переписавъ и, когда они вашему превосходительству потребны, долженствую возвратить. Я не только всякой вашего превосходительства манускриптъ, какъ бы черно онъ ни написанъ,

¹⁾ Объ этихъ двухъ спискахъ лѣтописей Рычковъ упоминаетъ и дѣлаетъ изъ нихъ выписки въ своемъ «Введеніи къ Астраханской топографіи», М. 1774 г., стр. 6, 7.

но и тѣ письма, гдѣ токмо поправленія рукою вашего превосходительства приписанныя есть, между моими книгами за сокровище имѣю; но когда оныя главы вашему превосходительству надобны, то я ихъ всё, переписавъ, съ вѣрною оказіею къ вашему превосходительству отошлю. Между тѣмъ же рабски прошу остальными главами, въ знакъ вашей отеческой ко мнѣ милости, меня наградить. Какъ оныя, такъ и всё тѣ, кои ваше превосходительство мнѣ уже пожаловали и еще отечески жаловать обѣщать изволите, въ рукахъ моихъ тугѣ и безплодно не останутся, токмо дай Боже, дабы я чрезъ отеческія ваши милости въ такое состояніе былъ приведенъ, чтобъ въ сихъ дѣлахъ съ лучшимъ способомъ и беззазорно простираться могъ не для меня, но для пользы любезнаго отечества. А 18 главу я уже давно къ вашему превосходительству послалъ, но нынѣ въ запасъ вторично посылаю.»

6. «Впрочемъ, что до исполненія надлежитъ сего вашего превосходительства приказу, дабы мнѣ, разсмотря вашего превосходительства сочиненія, донести, какія гдѣ дополненіе или изъясненіе надлежитъ, сіе дѣло выше моей мѣры и свѣдѣнія, да и не чаю, чтобъ кто съ резонномъ могъ какую либо критику на оную учинить, развѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя въ настоящія политическія дѣла имѣютъ свое втеченіе, напримѣръ, проповѣдь св. апостола Андрея и другія тому подобныя окрестности, а паче въ томъ, что отчасти къ церковной исторіи касается, купно же и въ штатскихъ дѣлахъ имѣя полное свѣдѣніе, сами все то совершенно предсмотрѣть изволите, чего я выяснить не въ состояніи. Да и сіе дерзнулъ означить не иначе, какъ въ надеждѣ вашего превосходительства отеческой ко мнѣ милости, которой я подвергаюсь.»

7. Бухарскихъ семянъ, въ томъ числѣ хлопчатой бумаги и дынныхъ, досталъ я отъ Абдула Сейтова, которые при семъ до васъ, милостивѣйшаго государя, посылаю. А книгу персидскую перевести здѣшній ахунъ хотя и можетъ, токмо на татарскій языкъ, а со онаго уже толмачи и подьячіе могутъ перевести на русской, и штиль развѣ мнѣ поправлять, ибо здѣсь чистоту онаго знающихъ нѣтъ. Къ тому же потребно вѣдать, какой матеріи та книга и коль великая. По причинѣ сего разсудилъ я писать и себя рекомендовать къ господину Шумахеру, къ которому при семъ

два письма включаю: одно русское, а другое нѣмецкое. Ежели изволите признать сіе за непротивно, то низжайше прошу при милостивой вашей рекомендаціи оба оныя къ нему отправить. А буде негодятся или ненадобны, то ихъ уничтожить. На конецъ сего, все должное мое благодареніе приношу за гисторической лексиконъ, который я при письмѣ служителя вашего Ташлыкова въ апрѣлѣ исправно получилъ. За всѣмъ же тѣмъ рабски прошу содержать меня въ отеческихъ вашихъ милостяхъ неотмѣнно, которыми подвергаюсь и желая вашему превосходительству всецѣлаго здравія съ самопожелаемыми благополучіями есмь и до конца жизни моея пребуду

вашего превосходительства
милостивѣйшаго государя моего и отца
всепокорнѣйшій слуга
Петръ Рычковъ.

Р. S. «Низжайше прошу не прогнѣваться на меня, что сіе моею рукою не писалъ за многими суетами при отправленіи почты. Его превосходительство Иванъ Ивановичъ ¹⁾ самъ къ вамъ, милостивѣйшему государю, писать обѣщалъ какъ на писаніе ваше, такъ и за поклонъ, которой отъ меня его превосходительству, по приказанію вашему, объявленъ» ²⁾.

Татищевъ еще въ 1741 году старался расположить въ пользу Рычкова совѣтника Академіи наукъ Шумахера и для того высылалъ къ нему списки съ писемъ и статей бывшаго своего подчиненнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы Академія наградила усердіе Рычкова серебряною медалью: «онъ самъ будетъ прилежать чѣмъ долѣе служить, и другіе тому поревнуютъ».... И другой разъ: «еще къ вамъ, моему государю, на пенію, не возможно ли ему отъ Академіи хотя небогатай, но видной подарокъ послать».... ³⁾.

Въ 1744 г., Рычковъ составилъ для правительственныхъ

¹⁾ Нензюевъ, о котомъ упоминалось уже въ письмахъ Татищева.

²⁾ Входящія письма 1750—1751 годовъ, въ архивѣ академической канцеляріи.

³⁾ Письма Татищева къ Шумахеру 11 марта и 27 августа 1741 года, въ входящихъ письмахъ 1740—1748 гг., въ архивѣ академической канцеляріи.

цѣлей подробное описаніе г. Оренбурга, которое впоследствии послужило основаніемъ послѣдующихъ его трудовъ объ оренбургскомъ краѣ¹⁾). Татищевъ спрашивалъ въ 1747 г. Шумахера, есть ли въ Академіи этотъ трудъ и обѣщавъ доставить съ своими «дополнками и изъясненіями»²⁾). Когда же Татищевъ получалъ отъ Рычкова его извѣстіе о татарахъ, то сталъ просить Шумахера, чтобы онъ похлопоталъ для автора званіе совѣтника или почетнаго члена Академіи наукъ. Извѣстіе о татарахъ (оно, какъ будетъ сказано ниже, уцѣлѣло въ рукописи до нынѣ) было далеко не такое произведеніе, за которое можно бы было избрать Рычкова въ члены ученаго общества, а потому Шумахеръ, по своей обычной увертливости, не высказывая этого прямо, совѣтовалъ только Рычкову самому обратиться къ президенту Академіи наукъ, графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, или же къ Теплову, бывшему въ большой довѣренности у него: «послѣдній, писалъ онъ 9 апрѣля 1750 г., всегда около г. президента и имѣеть наилучшій способъ представлять о подобныхъ вещахъ его сіятельству»...³⁾). Между тѣмъ Шумахеръ спрашивалъ Татищева, не знаетъ ли онъ кого нибудь, кто бы взялся перевести на русскій языкъ какую-то персидскую исторію? Когда о томъ узналъ Рычковъ, то писалъ уже прямо къ Шумахеру, что переводчика можно найти и что онъ къ тому предлагаетъ свои услуги⁴⁾).

Письмо Рычкова Татищевъ послалъ 30 мая 1750 года къ Шумахеру и въ тоже время писалъ къ нему:

«Хотя я прежде вамъ неоднократно писалъ о г. Рычковѣ, чтобъ учинить его почтеннымъ (sic) членомъ, но вашъ отвѣтъ и тогда не могъ ему сообщить.... Я хотя разумѣю что г. профессоръ Миллеръ, какъ человекъ преученый, и многимъ чтаніемъ

¹⁾ Оно хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ киргизъ-кайсацкихъ дѣлахъ 1744 г. № 5. См. «В. Н. Татищевъ и его время» г. Н. Попова (М. 1861 г.), стр. 558.

²⁾ Письмо Татищева 28 декабря 1747 г. во Входящихъ письмахъ 1744—1747 годовъ архива академической конференціи.

³⁾ Исходящія письма 1749—1751 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

⁴⁾ Письма Рычкова одно на русскомъ, другое на нѣмецкомъ языкахъ, оба отъ 5 мая 1750 г., въ архивѣ академической конференціи во Входящихъ письмахъ 1750—1751 годовъ.

превсполнены, памятью и разсужденіемъ преодарены, однакожь неудобно въ древней исторіи все одному изслѣдовать для того, если бы сей Рычковъ, яко великій къ тому охотникъ и способъ имѣть, много бы могъ послужить, если бы членомъ былъ удостоены. Для котораго я въ запасъ письмо г. ассесору Теплому положилъ; если разсудите, что оное можетъ быть дѣйствительно, прошу ему съ вашею рекомендаціею вручить»....¹⁾). Шумахеръ снова отвѣчалъ, 30 іюля 1750 г., что онъ не добился отъ Теплова никакого рѣшенія о Рычковѣ, а потому и остается въ невѣдѣніи по этому предмету²⁾). Письмо Шумахера не застало въ живыхъ Татищева: онъ умеръ 15 іюля 1750 года.

Что касается до сочиненія Рыčkова о татарахъ, то оно дошло до Академіи только 3 сентября 1750 года и донынѣ хранится въ русскомъ отдѣленіи ея бібліотеки³⁾, съ такимъ заглавіемъ: «Краткое извѣстіе о татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разубѣются. Собрано въ Оренбургѣ изъ книгъ турецкихъ и персидскихъ и по сказкамъ бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ людей къ разсмотрѣнію при сочиненіи обстоятельнаго о сихъ народахъ описанія»⁴⁾).

«Сіе, говоритъ Рычковъ въ предисловіи, хотя и довольно вѣдомая изъ гисторіи древностей, отъ многихъ искусныхъ людей уже изслѣдованная правда, что называемые татарскіе народы суть сущее отродіе древнихъ скифовъ; но что собственно къ имени ихъ принадлежить, то есть: когда, отъ кого или отчего началось, какое имѣетъ знаменованіе; и нынѣ оное имя конимъ народамъ свойственно есть, сіе (какъ мнѣ мнится) по европскимъ гисторіямъ, видя въ нихъ толь много различныхъ сказаній, изъяснить не только трудно, но кажется и едва возможно ль, ибо изъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Исходящія письма 1749 — 1751 годовъ, въ архивѣ академической канцеляріи.

³⁾ Рычковъ полагалъ, что это сочиненіе его потерялось, потому что 18 января 1762 года писалъ къ Миллеру: «Описаніе о татарахъ, кое я сочинилъ изъ словъ и переводовъ бывшаго въ Оренбургѣ ахуна Ибраима, въ прошломъ годѣ умершаго, въ пожарной мой случай знатно утратилось, ибо я между собранными тетрадочъ не нашелъ»...

⁴⁾ Рукопись въ листъ, на 41 стр.; на концѣ значится, что сочинена Рычковымъ въ Оренбургѣ 10 апрѣля 1750 года.

всѣхъ вѣдомыхъ мнѣ воляей, по нынѣшнему состоянію тѣхъ азіатскихъ народовъ, которыхъ мы татарами именуемъ, кажется, что бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ европейцы (если позволительно сказать) подъ симъ именемъ болѣею частью такіе народы описывали, которые сами сего имени никогда не употребляли, увѣряясь токмо сказаніямъ, а иногда и по своимъ разнымъ мнѣніямъ, не бывъ въ тѣхъ сторонахъ и не зная орижена, гдѣ подлинно татарской народъ начался, какъ и куда распространялся. Сіе сомнѣтельство, по моему послѣдному мнѣнію, ничимъ столько изъяснено и истолковано не можетъ быть, какъ прилежнымъ свисканіемъ и исправными переводами древнихъ азіатскихъ гисторій, а паче такими, какія у самихъ тѣхъ народовъ находятся, которыхъ ежели у живущихъ въ Россіи нѣтъ, то изъ Бухаръ и изъ другихъ тамошнихъ землицъ достать не невозможно, что особъ завиститъ отъ мудраго предусмотрѣнія всероссійской императорской Академіи Наукъ, а паче когда по благоизобрѣтенію и соизволенію ея въ здѣшней сторонѣ такіе люди будутъ къ тому употреблены, которые къ гисторіи натуральную склонность и охоту имѣютъ съ свѣдѣніемъ европейскихъ языковъ, безъ чего въ сочиненіяхъ оной прямой методъ познать не безъ труда, ибо одинъ переведенной изъ сего роду на европейскіе языки Абулгази Багадуръ ханъ, по многымъ окрестностямъ, едва доволенъ-ли всѣ тѣ трудности и потребности изъяснить, которыя у любопытныхъ въ разсужденіи сихъ народовъ происходятъ. Нужность сего изъясненія тѣмъ паче уважается, что не только свисское, но и татарское имя въ руссіюскую нашу гисторію имѣетъ нѣкакую инфлюенцію. И хотя я, по волѣ одного моего милостиваго благодѣтеля¹⁾ и по моей особенной склонности къ гисторіи, съ недавно отправленными изъ Оренбурга до Бухары и далѣе купцами заказалъ, чтобъ, не жалѣя денегъ, о тамошнихъ народахъ гисторическія книги, хотя бь онѣ и на арабскомъ языкѣ были, доставить; кои въ заведенной при Оренбургѣ школѣ съ арабскаго на татарской, а съ татарскаго на русской перевести не невозможно; но получу-ль и какъ скоро, того не знаю. Между тѣмъ же имѣя отъ него повелѣніе, чтобъ о сихъ народахъ вѣдомое мнѣ объявить къ тому, еже онъ прежде изо-

1) Конечно Татищева.

бразиль, не могъ преминуть, дабы въ разсмотрѣніе не донести того, что я чрезъ мою не маловременную здѣсь бытность отъ ученыхъ махOMETанъ слыхалъ и изъ ихъ книгъ чрезъ переводы, та-кожь и по званію моему изъ дѣлъ извѣстился»...

О различныхъ названіяхъ татарскихъ народовъ, происхожденіи и первоначальныхъ мѣстахъ ихъ жительства Рычковъ почерпалъ изъ источниковъ, которые описываетъ такъ: «все вышесписанное не съ словъ, но изъ книгъ собрано, а по ббольшей части изъ печатнаго турецкаго атласа, который по турецки именуется Джиганнаме и учиненъ изъ гисторическихъ и географическихъ арабскихъ и латинскихъ книгъ географами турецкими Ибрагимомъ и Абубекиромъ, по повелѣнію султана Магомета, употребля притомъ разныя на персидскомъ языкѣ гисторическія книги и описанія авторовъ Ларунса Батламяюса и Фялцуса, которыя здѣсь въ Оренбургѣ у вышешомянутаго ахуна и у переводчика Уразина находятся».

III.

1751 — 1756 годы.

Поѣздка Рычкова въ Петербургъ съ представленіями о торговлѣ съ Индією. Значеніе чиновъ въ прошедшемъ столѣтіи. Переводы Рычкова съ нѣмецкаго. Носылка къ Ломоносову въ рукописи «Оренбургской топографіи». Недоразумѣніе по поводу періодическаго изданія «Еже-мѣсячныхъ сочиненія». Начало переписки съ академикомъ Миллеромъ. Сотрудничество Рычкова въ «Еже-мѣсячныхъ сочиненіяхъ».

Послѣ князя Урусова и генераль-лейтенанта Соймонова, въ 1742 году, начальникомъ Рычкова сдѣлался Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, извѣстный въ исторіи русской литературы какъ авторъ Записокъ, которыя впоследствии напечатаны въ журналѣ Свиньина «Отечественныя Записки». Рычковъ, находясь при Неплюевѣ «безотлучно», не распространяется однако въ автобиографіи своей о служебной дѣятельности: «сколько, гдѣ и при какихъ дѣлахъ былъ я, говоритъ онъ, употребляемъ — сіе описывать оставляю, избѣгая тщеславія. Все сіе по дѣламъ оренбургской комиссіи, а потомъ губернской канцеляріи останется вѣдо-

мо»... Изъ «Исторіи оренбургской» видно, что въ 1744 году Неплюевъ брать Рычкова съ собою въ Москву, и въ эту поѣздку ихъ въ сенатѣ были утверждены разныя предположенія по будущему управленію Оренбургскимъ краемъ. Между прочимъ 15 марта 1744 года учреждена Оренбургская губернія, въ которую первымъ губернаторомъ назначенъ тотъ же Неплюевъ.

Въ 1751 г. Рычковъ былъ отправленъ своимъ начальникомъ въ Петербургъ «съ представленіями объ оренбургской коммерціи и о распространеніи оной въ полуденную Азію даже до Индіи. При сихъ представленіяхъ я жъ, замѣчаетъ Рычковъ въ Запискахъ, былъ употребленъ...¹⁾». Въ Петербургѣ, 11 іюля 1751 г., Рычковъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, о чемъ и упомянуто имъ въ автобіографіи, какъ о событіи чрезвычайной для него важности. Еще въ 1743 году, Неплюевъ ему выхлопоталъ за усердную службу земли въ Оренбургскомъ краѣ, на которыхъ, между прочимъ, онъ и поселилъ

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ спустя, Рычковъ рассказывалъ объ этомъ: «Учрежденная въ Оренбургѣ съ хивинцами и бухарцами и съ другими азіатскими народами коммерція только приумножилась, что не упоминаю о вывозѣ многого числа золота и серебра, и самыя дорогія каменья и другіе, изъ Индіи выходящіе товары въ привозѣ быть стали, чимъ твердость и важность полезныхъ наобрѣненій премудраго и самимъ Богомъ просвѣщеннаго ея (императрицы Елизаветы) родителя самимъ уже дѣломъ объявились. Приращеніе годъ отъ году толь сильной и для Россійскихъ подданныхъ весьма полезной коммерціи оренбургскимъ главнымъ командирамъ, по даннымъ инструкціямъ и указамъ, всегда было предметомъ и побужденіемъ умножать ее посылкою Россійскихъ каравановъ въ Хиву и Бухарію и приласканіемъ азіатскихъ купцевъ, дабы чрезъ то отъ времени до времени отворить путь въ Восточную Индію, отводя между тѣмъ киргизъ-кайсацкой народъ отъ обыкновеннаго имъ купеческихъ каравановъ грабительства и склоняя оный разными средствами къ спокойному житію и къ безопасному тѣмъ каравановъ препровожденію... Съ представленіями по этому предмету Неплюевъ и генералъ-маіоръ Тевкелевъ послали Рычкова. «И хотя на все то (въ сенатѣ и иностранной коллегіи)... благосклонныя опредѣленія учинены; по особакому же той коллегіи разсмотрѣнію его, Рычкова, ... для произведенія того въ дѣйство, какъ знаящаго всѣ тѣ дѣла и порядки употребить рассуждено; но, по опредѣленію правительствующаго сената, для другихъ резоновъ и нуждѣйшихъ надобностей, оныя, Рычковъ, удержанъ при тайномъ совѣтникѣ Неплюевѣ товарищемъ, а вмѣсто его велѣно было опредѣлить къ тому другаго на томъ же основаніи, какъ объ немъ, Рычковѣ, вышерѣченная коллегія представляла. Однако все то, за разными обстоятельствомъ, продолжалось и понынѣ (1768 г.) осталось безъ исполненія... См. статью Рычкова: «Мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія стороны и о средствахъ, къ тому подлежащихъ» при письмѣ къ Минлеру отъ 18 декабря 1768 года, въ Писмакъ къ послѣднему, портфель XXIV въ архивѣ академической канцеляріи.

деревню, впоследствии село Спасское; но эту награду, какъ легко замѣтить изъ Записокъ Рычкова, онъ считалъ далеко не такъ важною, какъ полученіе на сороковомъ году жизни чина коллежскаго совѣтника. Оставивъ на память своимъ дѣтямъ и докладъ по этому случаю Неплюева и форменный указъ, онъ пишетъ притомъ: «И понеже сіе чрезвычайное, послѣдовавшее мнѣ пожалованіе почитаю я за особенное божеское смотрѣніе и ея величества къ вѣрнымъ подданнымъ за щедрое милосердіе и за великое въ жизни моей благополучіе, то какъ съ онаго о мнѣ отъ его превосходительства представленія (въ коемъ всѣ мои службы сокращенно означены), такъ и съ воспослѣдовавшаго на то именнаго ея императорскаго величества высочайшаго и всемилостивѣйшаго указу вамъ (т. е. дѣтямъ) для знанія и памяти прилагаю при семъ копію. Я признаюся, что, по слабости человѣческой, не рѣдко случалось мнѣ въ грусть и въ сожалѣніе приходитъ, разсуждая о моей службѣ и часто видя, что мои сверстники, въ полковой службѣ находящіеся, по одной ихъ линіи и по старшинству чинами меня превосходили и въ благополучіяхъ своихъ предуслѣвали; но по той воспослѣдовавшей со мною божеской и монаршей милости остается вамъ собственной и домашней примѣръ, какъ Богъ трудящихся призираетъ и склоняетъ монаршескія сердца къ милосердію и награжденію оныхъ. Совѣтую и подтверждаю вамъ: вѣренныя вамъ дѣла (не смотря на то, что другіе съ меньшимъ трудомъ и достоинствомъ васъ чинами превосходятъ), по присяжной вашей должности, не ослабѣвая, по тщательнo и трудолюбиво во всѣхъ случаяхъ съ неизмѣнною надеждою божеской и монаршеской милости наблюдать и исполнять и простую нашу пословицу: за Богомъ молитва, а за государемъ служба никогда не пропадаетъ, — за достовѣрную въ памяти имѣть и вѣрить словамъ премудраго Сираха: царево сердце въ рудѣ божіи. Я вамъ сіе за правило и наставленіе предаю и еще подтверждаю: несмотря ни на какія затрудненія и помѣшательства, въ должностяхъ вашихъ прилежность умножать и трудъ къ трудамъ прилагать, крѣпко надѣясь о событіи оной пословицы, которая на мнѣ, отцѣ вашемъ, самымъ дѣломъ исполнилась!»....

Рычковъ отмѣтилъ также въ автобіографіи, что въ тогдaшнее пребываніе его въ Петербургѣ графъ Алексѣй Петровичъ

Бестужевъ-Рюминъ, всѣ сенаторы и въ особенности помянутый въ предыдущей главѣ (стр. 11) князь Михаилъ Бѣлосельскій принимали его очень милостиво. Впрочемъ, служебные хлопоты и чиновное не помѣшали Рычкову удѣлять досуги и на дѣла, не похожія на канцелярскія. Въ ожиданіи отъѣзда въ Оренбургъ, онъ, по его словамъ въ Запискахъ, «увидѣлъ въ академической книжной палатѣ одно нравоучительное письмо, съ греческаго на германскій языкъ переведенное. Оно хотя отъ язычника и прежде Рождества Христова глѣтъ за 300 отъ оратора Сократа къ Денонику (сыну его друга Гиппоника) писано, но, просмотрѣвши, нашелъ въ немъ много общихъ и такихъ правилъ, которыя я, ... не читавши еще письма того, въ мысляхъ воображалъ»... Поэтому Рычковъ купилъ письмо и въ Петербургѣ же перевелъ его, исключивъ послѣ изъ него все то, что по его мнѣнію казалось излишнимъ для русскаго читателя.

Нѣтъ сомнѣнія, что тогда же Рычковъ познакомился и съ Ломоносовымъ, который въ то время уже пользовался, какъ писатель, огромною извѣстностью. Въ 1755 году Рычковымъ была окончена первая часть главнѣйшаго изъ его трудовъ «Оренбургская топографія», и онъ поспѣшилъ отправить ее въ рукописи къ Ломоносову (2 февраля, 1755 года). Напоминая въ письмѣ о благосклонности, которую Ломоносовъ выказывалъ ему во время пребыванія его въ Петербургѣ, Рычковъ просилъ разсмотрѣть его трудъ, исправить погрѣшности и, наконецъ, представить Академіи Наукъ¹⁾. 1-го іюня 1755 года, онъ препроводилъ «Оренбургскую Топографію» прямо отъ себя въ Академію, при чемъ писалъ, что въ предисловіи къ изданному ею 1745 года Атласъ россійской имперіи приглашались любители географіи содѣйствовать ученому обществу къ усовершенствованію и исправленію картъ Россіи, и что именно по этому онъ приступилъ, по правиламъ, изложеннымъ въ томъ же предисловіи, къ составленію специальныхъ картъ оренбургскаго края, а для объясненія ихъ написалъ «Оренбургскую Топографію»²⁾.

Карты и сочиненіе Рычкова разсматривались въ академической конференціи 31 іюля и 2 августа 1755 года. Въ оба раза

¹⁾ Записки Академіи Наукъ 1865 г., т. VIII, прил. № 7, стр. 68, 69.

²⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга, іюль 1755 г. за № 201.

присутствовалъ Ломоносовъ, и собраніе одобрило къ изданію труды Рычкова¹⁾. Впослѣдствіи времени онъ рассказывалъ: «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ персонально меня знаетъ. Онъ получа первую часть моей «Топографіи», письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; дагь мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія апробована; писалъ, что пріятели и непріятели (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди...»²⁾.

Между тѣмъ, еще въ 1751 году при Академіи Наукъ слысано было начало статьи Рычкова (но безъ указанія его имени): «Разговоры о коммерціи», той самой, о недостаточности которой писалъ Татищевъ автору въ февралѣ 1750 года (см. выше стр. 19). Рукопись до 1755 года лежала въ Академіи безъ употребленія, а въ этомъ году академикъ Миллеръ, начавъ издавать «Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія», въ февральскомъ и апрѣльскомъ нумерахъ журнала помѣстилъ статью Рычкова, подъ заглавіемъ «Переписка между двумя пріятелями о коммерціи»³⁾ и подписалъ подъ нею, вмѣсто имени сочинителя, буквы N. N. Въ концѣ выражена была надежда издателя, что авторъ «не оставитъ продолжать свои разсужденія, которыя ожидать мы будемъ тѣмъ нетерпѣливѣе, тѣмъ больше надѣемся внесеніемъ оныхъ въ сіи наши сочиненія показать любопытствующимъ въ дѣлахъ, до коммерціи касающихся, пріятную услугу». Прочитавъ это, Рычковъ 3 мая 1755 года успѣшилъ довести до свѣдѣнія Академіи, что авторъ Письма о коммерціи — онъ: «я хотя я не свѣдомъ, какъ и чрезъ кого то мое письмо императорской Академіи Наукъ сообщено, но по благосклонному ея разсмотрѣнію, увидѣлъ его въ печать изданное, не мало тѣмъ обрадованъ»⁴⁾. Рычковъ прислалъ тогда и потомъ 28 іюня того же года продолженія статьи. При этомъ ему вообразилось, что издателемъ «Ежемесячныхъ сочиненій и переводовъ» не можетъ быть кто нибудь другой кромѣ его петербургскаго знакома —

¹⁾ Протоколы академической канцеляріи 1754—1757 годовъ.

²⁾ Письмо къ Миллеру 17-го мая 1760 г., въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 года, т. VIII, прил. № 7, стр. 66, 69.

³⁾ Ежемесячныя сочиненія 1755 г. стр. 106—122, 307—338.

⁴⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга іюль 1755 г., № 201.

Ломоносова, такъ благосклонно отозвавшася объ «Оренбургской топографіи». Вслѣдствіе того онъ послалъ прямо къ нему третье письмо о коммерціи, вмѣстѣ съ замѣчаніями касательно исправленія русскаго атласа. Это недоразумѣніе провинціала возбудило неудовольствіе Ломоносова. Извѣстно изъ обнародованныхъ въ послѣднее время матеріаловъ, что онъ, по неприязни къ Миллеру, съ самой первой книжки академическаго журнала, враждебно относился къ нему и старался затруднять изданіе его всѣми зависящими способами. Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру, рассказываетъ самъ, какъ принялъ Ломоносовъ его послѣднее письмо: «онъ отозвался ко мнѣ, оказывая свое неудовольствіе объ этихъ книжкахъ (т. е. Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ) и что оныя мои пьесы подлежатъ нѣкоторой критики (хотя я ихъ, да и всѣ мои сочиненія дѣлалъ не ради того, чтобъ имъ въ печати быть, но для разсмотрѣнія отъ искуснѣйшихъ); совѣтовалъ мнѣ трудиться и его увѣдомлять о принадлежащемъ къ исторіи натуральной. Съ того времени прекратилъ я мою съ нимъ переписку. Я примѣтилъ, что онъ мѣсячныя изданія порочилъ напрасно, а отъ меня требовалъ того, что мнѣ, по незнанію моему, исполнить было трудно. Не сіе-ль приводитъ его въ движеніе, когда мое имя упоминается, но можетъ быть я и ошибаюсь?»...¹⁾

Продолженіе «Писемъ о коммерціи» напечатано Миллеромъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», декабрьской книжкѣ 1755 года (стр. 493 — 515). Въ первомъ рассказывается о торговлѣ по свидѣтельствамъ въ книгахъ Св. Писанія и древнихъ писателей, а потомъ слѣдуетъ весьма поверхностный историческій очеркъ русской торговли. Въ четвертомъ, послѣднемъ письмѣ сообщены, по словамъ Рычкова «тѣ мои примѣчанія, которыя я, по моей въ купеческихъ дѣлахъ небольшой практикѣ, всегда признавалъ за важныя»... Здѣсь есть свѣдѣнія, полезныя и для нашего времени, такъ какъ они даютъ понятіе о потребностяхъ и нуждахъ въ дѣлѣ русской торговли болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до насъ. Помѣщенное въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1757 года²⁾ «Про-

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, 1865 г., т. VIII, прил. № 7, стр. 71. Отвѣтъ Рычкова Ломоносову (26 августа 1755 г.) напечатанъ въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» г. Билярскаго, стр. 299.

²⁾ Январь, стр. 50—60.

долженіе переписки о коммерціи написано уже самимъ Миллеромъ, чтобы подбить, какъ онъ говорилъ, Рычкова на дальнѣйшую присылку статей о торговлѣ. Въ томъ же журналѣ ¹⁾ Миллеръ напечаталъ «Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о российскомъ государствѣ», гдѣ говорится, что для русскихъ уже наступило время, когда имъ надобно своими сочиненіями опровергнуть всѣ ошибки и невѣрности иностранныхъ писателей о Россіи и что прежде всего необходимо составить покрайней мѣрѣ краткія русскія исторію и географію. «Но къ сему дѣлу требуется много времени и едва остается надежда, чтобы обстоятельная исторія и достаточное описаніе Россіи могли когда на свѣтъ быть изданы, развѣ во всякой губерніи будетъ человѣкъ искусствомъ и прилежаніемъ подобный г. совѣтнику Рычкову въ оренбургской губерніи, который въ прошедшемъ году прислалъ въ Академію Наукъ описаніе помянутой губерніи съ презрѣдными ландкартами»...

Для привлеченія Рычкова къ сотрудничеству въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ», Миллеръ не ограничился однѣми печатными похвалами, но вступилъ съ нимъ въ переписку. Въ написанномъ по русски 28 іюля 1757 года письмѣ (послѣ Миллеръ писалъ къ Рычкову по нѣмецки), историографъ просилъ о доставленіи подробностей о торговлѣ въ Оренбургѣ, Астрахани и Темерниковѣ по образцу составленнаго имъ описанія о сибирскихъ торгахъ.

«Я бы желалъ, писалъ при томъ Миллеръ, чтобы ваше высочордіе описали особливо оренбургскую коммерцію по всѣмъ ея обстоятельствамъ, взявъ въ примѣръ мое описаніе ²⁾ о сибирскихъ торгахъ, а буде во извѣстіяхъ не появится недостатокъ, то и астраханскую и темерниковскую. Нѣкоторый мой пріятель у города Архангельскаго обѣщалъ описать архангелогородскую, а другимъ надобно описать украинскую, бѣлогородскую, и малоросійскую, смоленскую, рижскую, ревельскую, выборгскую и тѣмъ

¹⁾ 1757, мартъ, стр. 124.

²⁾ Бятышъ Каменскій, въ «Словарѣ достоп. людей», СПБ. 1847 г., III, стр. 279, несправедливо приписалъ это сочиненіе Ф. И. Соймонову. Ошибка въ «Словарѣ» перешла потомъ въ «Пермскій сборникъ» (Москва, 1860 г.), въ приложеніи ко 2-й книжкѣ, стр. III, IV.

подобныя части коммерціи, не упоминая о санктпетербургской, понеже я оную, получивъ свободное время, самъ для себя оставляю. Такимъ образомъ можно будетъ со временемъ собрать полное описаніе коммерціи всея російскія имперіи, яко дѣло не мало-важное, въ чемъ мы имѣли по сіе время недостатокъ. Я не могу также оставить, чтобъ васъ не просить о сообщеніи второй части Оренбургской вашей Топографіи. Первая часть давно всѣмъ академическимъ собраніемъ апробована, чтобъ напечатать, а варты — вырѣзать на мѣди; токмо за многими другими дѣлами оное еще не учинено. Вы изволите вѣдать по Росписи губерніямъ, что я употребилъ въ пользу нѣкоторыя, въ первой части находящіяся извѣстія¹⁾. Ежели вы найдете сверхъ того чтò къ прибавленію и поправленію, то прошу мнѣ оное сообщить, а я къ вамъ посылаю при семъ описаніе о торгахъ и росписъ губерніямъ, въ особливыхъ книгахъ напечатанныя для лучшей способности при употребленіи оныхъ»...²⁾.

Рычковъ былъ чрезвычайно доволенъ и предложеніями и тѣмъ, что Миллеръ печатно отозвался съ похвалою о немъ. Послѣ благодареній за то, въ письмѣ 6 сентября 1757 г. онъ писалъ къ нему:

«О коммерціи оренбургской въ Топографіи моей кратко отъ меня уже упомянуто, но когда потребно обстоятельнѣйшее, то сіе сочиненіе большаго труда не сдѣлаетъ, потому что на тотъ торгъ, который въ Оренбургѣ съ азіатскими народами на подобіе ярмарки производится, въ оренбургской губернской канцеляріи установленныя отъ меня по алфавету подробныя вѣдомости есть. А и провинціальныя торги описать не трудно, чтò я намѣрялся внести во вторую часть моей Топографіи. Можетъ быть, что въ состояніи буду я астраханскую коммерцію такъ, какъ вы желаете, описать; но ко описанію темерниковской, по ея новости и отдале-

¹⁾ «Росписъ губерніямъ, провинціямъ, городамъ, крѣпостямъ и другимъ достопамятнымъ мѣстамъ, въ російской имперіи находящимися» помѣщалась въ академическихъ календаряхъ, а потомъ съ поправками непечатава въ первыхъ книжкахъ «Ежемесячныхъ сочиненій» 1757 года.

²⁾ П портфель Писемъ Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

нiю, никакого способу у насъ не находится....). Въ надеждѣ оказанной ко мнѣ вашей благосклонности, осмѣлился я нынѣ на ваше разсмотрѣнiе послать одну пьесу о деревенскомъ житiи. Не годится-ль она съ дополненiемъ и поправленiемъ вашими въ мѣсячныя сочиненiя, безъ употребленiя моего имени? Я ее, какъ вы сами изволите усмотрѣть, по ббльшей части собралъ изъ книги г. фонъ-Рора, названной Haushaltungs-Bibliothek, употребляя на то въ здѣшнемъ деревенскомъ житiи свободные часы¹⁾. Еще другую, такую жъ пьесу о земледѣлiи такъ какъ оно въ здѣшнихъ мѣстахъ производится, надѣюсь вскорѣ окончить, которую въ свое время до васъ же отправлю; а затѣмъ и о другихъ частяхъ экономическихъ, ежели время допустить, намѣренъ вѣдомое мнѣ писать и, буде дозволите, къ вамъ же на разсмотрѣнiе сообщать; ибо я за самое нужное и полезное дѣло почитаю, чтобъ оно такъ, какъ и коммерцiя по губернiямъ или провинцiямъ, описано было, изъ чего можетъ со временемъ и у насъ собственная экономическая книга составлена быть; вмѣсто того, что нынѣ почти все иностранныя употребляются, въ конхъ съ состоянiемъ нашихъ мѣстъ сходственнаго весьма мало находится.

Въ ноябрьской книжкѣ «Ежемесячныхъ Сочиненiй» на 1767 годъ, стр. 405 — 430, посланная Рычковымъ статья напечатана, подъ заглавiемъ «Письмо о упражненiи въ деревенскомъ житiи». Здѣсь, какъ и самъ авторъ ее сознается, сущность заимствована изъ названнаго выше сочиненiя Рора. Между прочимъ Рычковъ тамъ прибавилъ отъ себя такое замѣчанiе: «ежели бъ у нашихъ дворянъ къ береженiю лѣсовъ и къ содержанiю въ нихъ всякаго рода животныхъ такiя учрежденiя были, какiя въ Европѣ дѣлаются, и какъ о томъ въ экономическихъ книгахъ пишутъ, а дворовыхъ людей, конхъ у насъ обыкновенно въ числѣствѣ и въ

¹⁾ Въ «Географическомъ лексиконѣ россiйскаго государства» Ф. Полунина (М. 1773 г.) о Темерниковѣ сказано, что это была казачья станица на лѣвомъ берегу р. Дона отъ Черкасскаго внизу въ 30-ти верстахъ, при устьѣ рѣчки Темерника. Здѣсь при императрицѣ Елизаветѣ начата постройкою крѣпость св. Дмитрiя, а при Екатеринѣ II учреждена таможня для торга съ Турцiею. Въ 1766 г. здѣсь было получено таможенныхъ доходовъ съ приходившихъ изъ Константинополя судовъ и съ отпускъныхъ за границу товаровъ 48.867 руб. 4½ коп. Свѣдѣнiя о томъ въ Государств. архивѣ, разрядъ XIX.

²⁾ Письмо это Рычковъ писалъ изъ своего села Спасскаго.

праздности не мало бываетъ, и отъ того они часто тунейдцями дѣлаются и въ безпутное житіе впадаютъ, — къ егерству такъ, какъ гдѣ состояніе мѣсть требуетъ, обучать, то по моему мнѣнію и отъ сего не малая бѣ польза послѣдовать могла»...

Рычковъ послалъ также къ Миллеру и переводы свои съ нѣмецкаго: Письмо Сократа къ Деноннику, о которомъ уже было говорено (стр. 34), а другое отъ матери къ дочери изъ изданія *Der Welt-Bürger*. Оба перевода напечатаны въ апрѣльской книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» 1758 г., стр. 326 — 358, безъ обозначенія имени переводчика, какъ онъ самъ о томъ просилъ. Эти переводы Рычковъ въ автобіографіи своей предлагаетъ читать дѣтямъ и подражать ему въ жизни: «хотя, говоритъ онъ, во мнѣ, любезные мои дѣти, такихъ совершенствъ подлинно нѣтъ; добродѣтелью и знаніемъ во многомъ оскудѣваю, однакъ ласкаю себя надеждою, что не всѣ васъ возненавидятъ и не всѣ васъ будутъ оуждать, когда вы въ молодыхъ своихъ лѣтахъ и всегда также себя поведете, какъ я съ молоду жилъ. Да и нынѣшнее мое, вами видимое и понятное уже поведеніе безчестно и бесполезно вамъ не будетъ, когда вы также поступать станете»...

IV.

1759 — 1769 годы.

Избраніе Рыčkова въ члены корреспонденты Академіи Наукъ. Нерасположеніе Ломоносова. Отставка и жизнь Рыčkова въ деревнѣ. Начало автобіографіи. Хлопоты о поступленіи вновь на службу. Представленію императрицѣ Екатерицѣ II. Возвращенію на службу въ Оренбургъ.

Выше было уже говорено о ходатайствѣ Татищева, чтобы Рычковъ былъ принятъ въ почетные члены Академіи Наукъ. По вступленіи послѣдняго въ переписку съ Миллеромъ, у него снова явилась надежда достигнуть того, что не удалось сдѣлать для него Татищеву. Въ письмѣ къ Миллеру, безъ года и числа, но очевидно писанномъ въ концѣ 1759 года, Рычковъ такимъ образомъ изъяснялся по этому предмету:

«Государь мой! Вашему высокоблагородію довольно извѣстно, что въ оренбургской губерніи, гдѣ я при дѣлахъ съ 1734 году нахожусь, какъ внутри оной, такъ и въ смежныхъ къ ней провинціяхъ, т. е. въ Хивѣ, въ Бухарин, въ Балхѣ и далѣе, весьма много такихъ обстоятельствъ, кои въ разсужденіи всѣхъ частей гисторіи достойны описанія. И хотя я сначала бытности моею тамъ по охотѣ моею, старался и всегда стараюсь, дабы чрезъ посылаемыхъ въ тѣ мѣста, гдѣ что-либо куріозное есть, достоверно развѣдывать, а иногда и описывать, какъ то нѣсколько видно изъ первой части Топографіи моею, коя по вашему увѣдомленію, уже и академическимъ собраніемъ апробована; но еще болѣе, уповаю, окажется во второй ея части при подробномъ описаніи тамошнихъ мѣстъ; кою желательно мнѣ въ наступающемъ годѣ вашему жъ высокоблагородію на разсмотрѣніе сообщить. Критика и негодованіе, которымъ новыя дѣла часто подвержены бываютъ, и у насъ въ тѣхъ моихъ стараніяхъ не рѣдко самыя лучшіе случаи изъ рукъ у меня отнимаютъ, ибо почитается то иногда за ненужное, а иногда къ должности моею за непринужденное. И такъ я, видя вашу ко мнѣ особливую благосклонность и ласкаясь тѣмъ милостивымъ признаніемъ, кое въ разсужденіе гисторіи обо мнѣ напечатать и тѣмъ въ публику явить уже изволили ¹⁾, осмѣлился нынѣ на ваше разсужденіе то самое сообщить, что желалось мнѣ на словахъ вашему высокоблагородію донести.

«Ежели бъ возможно и непротивно было, стараніемъ и предстательствомъ вашимъ въ разсужденіе первой части описанія моего объ оренбургской губерніи (кою толь милостиво принять и апробовать уже соизволили), по силѣ регламента императорской Академіи Наукъ причислить меня за то въ титулярные ея члены для гисторіи и объ ономъ въ оренбургскую губернскую канцелярію дать знаніе, то тѣмъ не только бъ подались мнѣ лучшіе и удобнѣйшіе способы все то свободно и охотно исполнять, что въ нашей сторонѣ оная Академія признаетъ и меня опредѣлитъ (sic), но и отъ всякаго нареканія и негодованія совершенно бъ уже свободенъ я былъ».

Миллеръ взялся хлопотать объ этомъ и 30 марта 1758 года

¹⁾ См. выше, стр. 37.

представляя академической канцеляріи, что Рычковъ — «человѣкъ такой, отъ котораго Академія впредь имѣть можетъ не малую пользу»: онъ обѣщаль доставлять карты, составлявшіяся при оренбургской губернской канцеляріи, и успѣлъ уже сообщить нѣсколько статей, напечатанныхъ въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ и переводахъ». «Токмо онъ, прибавляя Миллеръ, въ награжденіе за сію службу просить о опредѣленіи его въ академическіе почетные члены. Того ради канцеляріи Академіи Наукъ представляю: не соблаговолено ли будетъ о томъ учинить опредѣленіе... Сначала это представленіе имѣло мало успѣха, и Миллеръ писалъ къ Рычкову 30 мая 1758 года: «дѣло о принятіи вашего высокородія почетнымъ членомъ нашей Академіи еще въ прежнемъ состояніи. Его сіятельство г. президентъ обѣщаль, но примѣра еще такова нѣтъ и не безъ охотниковъ, которые того желаютъ. И больше кажется, что надлежитъ прежде почтить сямъ званіемъ нѣкоторыхъ изъ первѣйшихъ господъ здѣшнихъ...»¹⁾.

Въ ноябрѣ 1758 г. Миллеръ повторилъ свое представленіе уже на имя президента Академіи Наукъ, а 21 января 1759 года академическая канцелярія составила докладъ, подписанный Ломоносовымъ, Таубертомъ и Штелинымъ, въ которомъ послѣ выписки изъ ходатайства Миллера о Рычковѣ, слѣдуетъ: «а по мнѣнію канцеляріи академической кажется, что для важности и славы Академіи Наукъ безъ дальняго разсмотрѣнія въ оную членовъ не принимать, а особливо тѣхъ, кои общаго въ ученюмъ свѣтѣ латинскаго языка основательно не знаютъ и главныхъ, ученому человѣку необходимо нужныхъ словесныхъ наукъ, также математики по послѣдней мѣрѣ элементарной и философій

---

¹⁾ Л. портфель писемъ истор. Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 гг. въ архивѣ академической канцеляріи. Вообще съ 1758 г. у Миллера возникла довольно оживленная и обширная переписка съ Рычковымъ. Первый обыкновенно писалъ по нѣмецки, второй ствѣчалъ по русски и сначала извѣщался въ томъ. Такъ напр. 20 августа 1758 г. онъ сообщалъ Миллеру: «я на ваше нѣмецкии языконъ написанное отвѣтствую новимъ природнымъ, да и то не моею рукою. Сему причина съ одну сторону слабость и погрѣшности, которыя я, пишучи по нѣмецки, въ себѣ нахожу, а съ другую настоящая недосужность; но я всегда не только за равное, но еще и за большее мое удовольствіе буду почитать, когда вы на мои письма, по русски писанныя, на вашемъ природномъ языкѣ писать позволите, чрезъ что въ лучшемъ стилѣ оваго не мало проинтовать надѣюсь»...

не разумѣютъ; но только тѣхъ по разбору въ члены вписывать, которые въ вышепомянутаго знаніе имѣютъ, а особливо себя показали въ чемъ ученому свѣту. Но ежели кто хотя вышепомянутыхъ знаній, требуемыхъ для надлежащаго члена, не имѣетъ, а можетъ какими записками и извлеченіями служить Академіи, такихъ принимать въ корреспонденты, и для того по примѣру парижской Академіи Наукъ, не соблаговолено ли будетъ учредить классъ корреспондентовъ, которымъ на то давать дипломы». Гр. Разумовскій утвердилъ этотъ докладъ, и академическая канцелярія, 28 января 1759 г., давая знать конференціи объ учрежденіи корреспондентовъ, присовокупила: «а онымъ корреспондентамъ давать дипломы, и начать сіе учрежденіе принятіемъ въ такіе корреспонденты, съ даніемъ дипломы, коллежскаго совѣтника Рычкова ¹⁾»).

По полученіи увѣдомленія объ этомъ, Рычковъ нѣсколько разъ усиленно просилъ Миллера о скорѣйшей высылкѣ къ нему диплома. Полученіе его отмѣчено въ запискахъ Рычкова между достопамятными событіями въ жизни его 1759 года. Подлинныя дипломы на латинскомъ языкѣ и нѣмецкое письмо о немъ Миллера, сохраняются у потомка Петра Ивановича — Дмитрія Николаевича Рычкова. Переводы съ этихъ бумагъ помѣщены также въ запискахъ. Здѣсь приводится письмо Миллера въ переводѣ на русскій языкъ самого Рычкова.

«Высокоблагородный господинъ совѣтникъ! При семъ получаете вы диплому о принятіи васъ въ число академическихъ корреспондентовъ. Оно служитъ въ доказательство, какимъ образомъ Академія, съ одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородія, которая вы къ поспѣшествованію наукъ и къ пользѣ отечества уже учинилъ, а съ другую, сколько желаетъ она впредь имѣть пользы отъ прилежанія и искусства вашего. Вы еще первые въ Россіи, которому отъ нея сія честь отдается. Оную получаете вы не чрезъ исканіе ваше, ниже по представленію вашихъ друзей, ибо вы сами персонально Академіи незнаемы, но свѣдомы единственно по вашимъ письмамъ, которыя вы, для распространенія наукъ и для поспѣшествованія общей пользы, со-

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, кн. № 239.

чинили, такожъ и чрезъ вашу, бывшую со мной корреспонденцію, чрезъ которую Академія различными образы пользы свои имѣла. Сіи обстоятельства изъясляютъ нынѣ сущее достоинство тоя дипломы. Теперь зависитъ отъ вашего высокоблагородія ту надежду, которая Академія на васъ имѣеть, отъ времени до времени наиболѣе возвращать. Впрочемъ, ежели что есть и Академія найдется въ состояніи что либо въ угодность вашу учинить, то какъ его сіятельство г. президентъ, такъ и все наше собраніе и каждый членъ онаго почтутъ то за свое удовольствіе. Я же и пр.

Говоря о Рычковѣ, Миллеръ печатно придавалъ ему первоначально титулъ «члена корреспонденціи» вм. члена корреспондента, и это для Ломоносова было поводомъ къ нападкамъ на Миллера. Послѣдній 17 апрѣля 1760 г. писалъ Рычкову: «при семъ имѣете вы получить двадцать отдѣльныхъ отисковъ описаніе пещеры... Вы замѣтите перемену въ вашемъ титулѣ; но это произошло не отъ меня, а отъ г. совѣтника Ломоносова. Онъ распорядился такъ въ типографіи, а я замѣтилъ это не прежде, какъ мнѣ были принесены совсѣмъ уже отпечатанные экземпляры. Впрочемъ, это мелочи, которыя вамъ нисколько не вредятъ¹⁾: свѣтъ, напротивъ, всегда будетъ признавать великія ваши заслуги»²⁾.

«Я, отвѣчалъ на это Рычковъ 17 мая 1760 года, не признаю никакой дифференціи въ томъ, чтобъ именовать корреспондентомъ или членомъ корреспонденціи. Мнѣ кажется первое еще и преимущественнѣе, развѣ въ вашихъ академическихъ поведеніяхъ иначе. Но и послѣднее въ вашихъ изданіяхъ, а именно въ Краткомъ содержаніи вашихъ Комментаріевъ и въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ уже есть. Чрезъ что и то, и другое явно, а я никакихъ высшихъ преимуществъ не требую, но еще и прошу, дабы для избѣжанія критики и всякихъ споровъ, при сочиненіяхъ моихъ имени не ставить»...

¹⁾ Въ черновомъ письмѣ было первоначально написано, а потомъ зачеркнуто: «allein das sind Kleinigkeiten; über dergl. unglünstige Striche werden»...

²⁾ III портфель писемъ исторіогр. Миллера къ разнымъ особамъ. 1759—1760 гг., въ архивѣ акад. корреспонденціи.

Въ 1758 г. Неплюевъ получилъ увольненіе отъ управленія оренбургскою губерніею, а въ 1759 г. на его мѣсто прибылъ въ Оренбургъ тайный совѣтникъ Анастасій Романовичъ Давыдовъ. При немъ Рычковъ, въ письмахъ къ Миллеру, сталъ настаивать на необходимости для него формальной бумаги изъ Академіи объ оказаніи ему содѣйствія при исполненіи ученыхъ порученій, а 16 марта 1760 г. писалъ: «увѣдомляю васъ, какъ друга и милостивца моего, что на послѣдней почтѣ, по моему желанію и прошенію, полученъ здѣсь указъ, коимъ я уволенъ отъ здѣшнихъ дѣлъ для рекреациі и излеченія моихъ болѣзней на годъ... чимъ я не мало порадованъ, ибо съ одну сторону въ здоровьѣ моеиъ подлинно слабъ, а съ другую — желалось мнѣ отъ нынѣшнихъ здѣшнихъ суетъ и хлопотъ поотдалиться и пожить съ покоемъ, а за тѣмъ и въ Санктпетербургѣ побывать для разныхъ моихъ надобностей. Сіе не токмо не прѣпятствуетъ мнѣ ни мало съ вашимъ высокоблагородіемъ толь пріятную и полезную корреспонденцію продолжать, но доставляетъ еще и лучше къ тому способы. Село мое, называемое Спасскимъ, на самой московской почтовой дорогѣ между Казанью и Оренбургомъ, отъ Бугульмы въ 15-ти верстахъ»...

Съ мая 1760 г. Рычковъ началъ жить въ этомъ селѣ, откуда 3 іюня того же года писалъ къ Миллеру: «Я наслаждаюсь и пользуюсь деревенскимъ житьемъ. Домашняя моя экономія даетъ мнѣ столько же упражненія, какъ и канцелярія, но безпокойства здѣсь такого, какъ въ городѣ, не вижу. Дай Боже исправиться мнѣ въ моемъ здоровьѣ и въ нуждахъ, а потомъ отправиться къ вамъ узнать съ вашимъ высокоблагородіемъ, съ другомъ и милостивцомъ, котораго никогда не видывалъ, но одолженъ благостію вашею, кою чувствовать и благодарить долженъ»...

Въ январѣ и февралѣ 1761 года Рычковъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ получилъ окончательное увольненіе отъ службы. Между хлопотами о томъ, онъ успѣлъ, впрочемъ, побывать въ академическомъ засѣданіи 12 февраля, когда тамъ былъ извѣстный впоследствии своими записками о Россіи аббатъ Шаппъ, а также Ломоносовъ. «Я, рассказываетъ между прочимъ Рычковъ въ Запискахъ о своемъ пребываніи тогда въ Петербургѣ, не могу здѣсь преминуть и сего, что небольшими моими трудами и сочи-

неніями, которыя отъ меня посылаемы въ Императорскую Академію Наукъ, и отъ нея, по апробаціи, въ печать уже выданы, а особливо жъ сочиненіемъ оренбургскаго историческаго и географическаго описанія, какъ отъ Академіи, такъ и отъ многихъ знатныхъ особъ удостоился похвалу и благодарность получить, и тѣмъ тамъ не мало жъ пользовался»...

Извѣстно, что въ январѣ 1761 года Ломоносовъ представилъ президенту Академіи обвиненія противъ Миллера. Тамъ, въ первомъ пунктѣ значилось: «г. Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложь и общество обманываетъ, напр. Рычкова представилъ почетнымъ членомъ. А какъ его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно, коль неправедны бываютъ протоколы конференціи, кои онъ одинъ подписываетъ». Изъ другихъ обвиненій достойны примѣчанія тѣ, въ которыхъ Ломоносовъ ставитъ въ преступленіе Миллеру, что этотъ въ статьяхъ о Россіи пишетъ «занозливыя рѣчи» и «печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстригины — самую мрачную часть российской исторіи!»¹⁾

Въ то самое время, какъ Ломоносовъ послалъ къ президенту Академіи свое представленіе противъ Миллера, Рычковъ еще былъ въ Петербургѣ, откуда выѣхалъ въ мартѣ того же 1761 года. Миллеръ, не получая послѣ того около двухъ мѣсяцевъ писемъ отъ него, подозрѣвалъ, что Рычковъ прекратилъ переписку вслѣдствіе внушеній Ломоносова, а потому въ черновомъ письмѣ къ Рычкову, 14 іюня 1761 года, писалъ: «я считалъ невозможнымъ, чтобы такой усердный корреспондентъ былъ въ состояніи не писать такъ долго, если бы только не охладѣлъ ко мнѣ въ своей пріязни. Я предполагалъ, что здѣсь виною тому одинъ человекъ, о которомъ вы очень хорошо знаете, чего могу я навѣрное ожидать отъ него, и что можетъ быть онъ васъ убѣдилъ не имѣть со мною болѣе переписки; можетъ статься, что вы повѣрили ему, когда онъ говорилъ вамъ о моей погибели, надъ чѣмъ онъ сильно трудился во время вашего пребыванія

¹⁾ Материалы для біографіи Ломоносова, Бялявскаго, стр. 488—492.

здѣсь, и вы рѣшились выжидать, что изъ этого выйдетъ? Если я во всемъ этомъ ошибся, то мнѣ это будетъ столько же пріятно, сколько достовѣрно, что его клеветы мнѣ не повредятъ. Однако онъ добился-таки того, что я не смѣю продолжать новой русской исторіи. Вотъ и все, и я тѣмъ доволенъ: это былъ опытъ, который и безъ того я хотѣлъ продолжать только до тѣхъ поръ, пока не узнаю, какъ онъ будетъ принятъ»... Осторожному Миллеру вѣроятно показалось, что высказываться такъ будетъ слишкомъ откровенно, а потому онъ зачеркнулъ сейчасъ сдѣланную здѣсь выписку и вмѣсто нея написалъ слѣдующее: «но что за причина, почему вы такъ долго не писали? Объ этомъ вы ничего не сообщаете, хотя вамъ извѣстно, что для отпущенія въ грѣхахъ необходимо покаяніе. Не могу отрицать, что весьма желалъ бы узнать рѣшеніе этой загадки (die Auflösung dieses Räthsels zu erfahren)...¹⁾».

«При возобновленіи корреспонденціи нашей, отвѣчалъ Рычковъ 9 іюля 1761 г., ничто больше не препятствовало какъ распутье вешнее, за которымъ я, паче моего чаянія, принужденъ былъ въ разныхъ мѣстахъ продолжаться. Sie есть существенная правда, und kein Räthsel dabei!».

Ко времени пребыванія Рычкова въ Спасскомъ относится начало его семейныхъ Записокъ, выписки изъ которыхъ не разъ уже приводимы были въ настоящемъ изслѣдованіи. Эта автобіографія начинается такимъ обращеніемъ къ своимъ дѣтямъ:

«Должность отцовская, съ которою я для васъ отъ Провидѣнія божія опредѣленъ, и любовь моя родительская издавна и часто побуждали меня написать вамъ такое письмо, которое бъ къ честному и добродѣтельному житію было вамъ нѣкоторымъ правиломъ и наставленіемъ, оставленнымъ отъ отца вашего. Притомъ желалось мнѣ и сіе вамъ сообщить, чрезъ чтобъ вы имѣли хотя нѣкоторое познаніе о вашихъ предкахъ, а особливо о приключеніи моего и вашего отца, которые вамъ по крови ближайшіе есть. Я такое познаніе почитаю за особливо нужное въ фамиліяхъ, потому что оно составляетъ нѣкоторый родъ собственной и домашней исторіи, коя съ какими бы случаями соединена ни была, но здра-

¹⁾ IV портфель писемъ истор. Миллера, 1761 — 1762 гг., въ архивѣ академической конференціи.

вому разсужденію потомкамъ роду не безпотребна, но и полезна въ безпристрастномъ разсмотрѣніи случаевъ, которымъ жизнь человѣческая подвержена бываетъ. Пребывая по сіе время въ трудахъ и попеченіяхъ, съ должностію чина моего соединенныхъ, не возможно было мнѣ удовлетворить оному моему желанію. Ныѣшнее же, правительствующимъ сенатомъ для рекреациі и излеченія моихъ болѣзней отъ канцелярскаго присутствія пожалованное мнѣ увольненіе и спокойная деревенская жизнь подають изрядный къ тому случай, который я, по возможности моей, буду употреблять въ вашу и въ мою пользу сочиненіемъ сего письма»...

Послѣ разсказа о своихъ предкахъ и приступая къ описанію приключеній изъ собственной жизни, Рычковъ замѣчаетъ: «мнѣ случилось читать, что въ Швеціи недавно такое учрежденіе учинено и опубликовано въ народъ, дабы не только изъ знатныхъ, но и изъ посредственныхъ бы людей всякъ житія своего Записки содержалъ и оныя въ публичный архивъ на сохраненіе отдавалъ въ томъ разсужденіи, что въ такихъ Запискахъ современемъ нужнаго для народной гисторіи много будетъ. Сіе шведское учрежденіе подлинно охуждать нельзя. Не излишнее бѣ было, ежели бы и у насъ такія записки всѣмъ въ обычай вошли. Я, какъ вашъ отецъ, каждому изъ васъ о такихъ Запискахъ совѣтъ мой даю»...

Краткія извѣстія о службѣ и занятіяхъ, указанія дней рожденій, браковъ, кончины членовъ многочисленнаго семейства автора, также различные переѣзды и хлопоты его, а иногда отступленія съ нравоучительными наставленіями — таково содержаніе семейныхъ Записокъ Рычкова, доведенныхъ до 20 марта 1777 года, слѣдовательно оканчивающихся за семь только мѣсяцевъ до смерти его. Надобно сознаться, что онъ, увлекшись узкою задачею — писать записки исключительно для своего семейства — не успѣлъ выразиться въ нихъ вполне. Здѣсь онъ является преимущественно провинціальнымъ чиновникомъ, успѣвшимъ достигнуть значительнаго для своего времени чина (Рычковъ умеръ статскимъ совѣтникомъ) и нѣкотораго достатка. Впрочемъ, Записки Рычкова полезны какъ второстепенный и дополнительный матеріалъ послѣ обширной переписки Рычкова съ Миллеромъ.

Не прошло полутора лѣтъ житія Рычкова въ деревнѣ, какъ у него начались тамъ разныя неприятности. Такъ 8 декабря 1761

года онъ писалъ къ Миллеру: «несчатіе, случившееся съ моимъ домою, не допускаетъ меня нынѣ пространно писать, ибо 5 числа по утру здѣшній мой домъ (который гораздо былъ немалъ) весь до подошвы выгорѣлъ, и я принужденъ теперь трудиться, чтобъ какъ нибудь на зиму объюртоваться, а лѣтомъ новый домъ строить.... Богу благодареніе, что нужнѣйшія домашнія вещи успѣли повытаскать. Главный мой убытокъ состоитъ въ книгахъ моихъ, коихъ у меня до 800 было. Хотя ихъ ббольшую часть выбросали въ окна, но въ такомъ ужасномъ случаѣ съ надлежащимъ береженіемъ не могли то дѣлать, да и бросали ихъ въ мокрый снѣгъ и на разныя стороны, какъ кому удалось, то надѣюсь многія испортились и передраны. Особливо жаль мнѣ многихъ манускриптовъ, мисцеллей и переводовъ, мною самимъ учиненныхъ. Сей убытокъ почитаю я невозвратнымъ»....

Пожаръ въ деревнѣ и дороговизна жизни въ Оренбургѣ побудили Рычкова думать о поступленіи вновь на службу: «между прочаго слышно мнѣ, писалъ онъ къ Миллеру 27 декабря 1761 года, что г. ассесоръ Веревкинъ, которой былъ при казанской гимназій директоромъ съ полученіемъ жалованья по 600 р. въ годъ, отудова паки отлучился. И хотя его нѣкоторые опять туда ожидаютъ, но другіе мнятъ, что онъ не возвратится, что по его обстоятельствамъ и статья иногда можетъ¹⁾. Сіе мѣсто, ежели оно сдѣлается порозжимъ, по моимъ лѣтамъ и по моимъ склонностямъ, а особливо для воспитанія малолѣтнихъ моихъ дѣтей, кажется для меня не несходно бѣ, ибо большихъ трудовъ и безпокойствъ такъ, какъ я въ Оренбургѣ имѣлъ, не востребуетъ. Буду я не въ дальности отъ моихъ деревень и заводовъ, кои, будучи въ Казани, править мнѣ не трудно. Чтожъ до гимназій принадлежитъ, то ласкаюсь надеждою предъ нынѣшнимъ ея состояніемъ въ лучшее привести. А между тѣмъ и для вашихъ академическихъ дѣлъ, а особливо въ разсужденіи сея обширныя и многонародныя губерніи былъ бы я тутъ не безпотребенъ: по меньшей мѣрѣ не меньшее бѣ и не худшее бѣ описаніе учинилъ ей, какъ и орен-

¹⁾ Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, бывший ассесоромъ московскаго университета, съ 1758 по февраль 1760 года находился директоромъ казанской гимназій, а потомъ губернаторскимъ товарищемъ въ Казани. См. Москвитинъ 1842 года, № 12, Истор. Мат., стр. 398—402.

бургское»... Рычковъ въ заключеніе просилъ Миллера похлопотать за него въ этомъ случаѣ и у президента Академіи Наукъ и у куратора московскаго университета И. И. Шувалова. Миллеръ однако скоро увѣдомилъ, что на мѣсто директора казанской гимназіи уже назначенъ Шуваловымъ другой ¹⁾.

Побывавъ въ концѣ 1762 года въ Москвѣ (повидимому для хлопотъ о полученіи чина статскаго совѣтника, слѣдовавшаго ему при отставкѣ) и съѣздивъ въ началѣ слѣдующаго въ Ростовъ «для молебствія новоявленному чудотворцу Димитрію», Рычковъ возвратился въ Спасское, гдѣ вскорѣ потомъ случилось у него происшествіе, часто повторявшееся при существованіи крѣпостнаго права.

«Въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1763 году, записано въ семейныхъ Запискахъ Рычкова, въ селѣ Спасскомъ и въ деревнѣ Верхосудьѣ произошелъ мятежъ и безпокойства отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, которые, принявъ намѣреніе къ отбывательству, стали отваживаться на побѣги, и бѣжало ихъ около двадцати человекъ, въ томъ числѣ и староста села Спасскаго Абрамъ Лонгиновъ. Изъ коихъ семь человекъ, явись въ Оренбургѣ и подавъ въ губернскую канцелярію челобитныя, показали, яко бы они не крѣпостные, но вольные люди; но какъ сему не повѣрено было, и до присылки крѣпостей отданы они были въ каторжную работу, то другіе, узнавъ про то, раскаялись и изъ бѣговъ воротились; а нѣкоторые были переловлены и успокоены были уже тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ кнудомъ, а другіе плетми, по опредѣленію оренбургской канцеляріи, въ селѣ Спасскомъ, при собраніи всѣхъ крестьянъ, наказаны. Для котораго наказанія и заплочный мастеръ изъ Оренбурга нарочно былъ присланъ». 31 августа 1763 года о томъ же Рычковъ такъ писалъ къ Миллеру: «у меня здѣсь въ селѣ очень конфузно: между крестьянами человекъ двѣнадцать бѣжало. Сіе меня не мало беспокоитъ и не допускаетъ о дѣлахъ вашихъ мыслить и писать порядочно, ибо отъ плутовъ нѣскольکو и въ опасности нахожусь. Стараюсь, чтобъ они были усмирены въ силѣ указовъ канцелярскимъ опредѣленіемъ..

¹⁾ IV портфель писемъ истор. Миллера 1761 — 1762 годовъ, въ архивѣ академ. конференціи.

Осенью 1763 года до Рычкова дошелъ слухъ о назначеніи его директоромъ казанской гимназіи, и поэтому онъ, 20 октября 1763 г., писалъ къ Миллеру:... «Подлинно способы ко описанію казанской и астраханской губерній тутъ были бы хорошіе. А при томъ, не хвалясь, могу сказать и гимназія бѣ тамошняя другой видъ возымѣла».... 20 декабря 1763 г.: «о казанской гимназіи слышу, что она нынѣ еще въ худшемъ состояніи противъ прежняго, ибо профессоръ бывшій тутъ человекъ хотя и ученый, но смиренный и безгласный¹⁾. А нынѣ и о томъ сказывали мнѣ, яко бы онъ, пріѣхавъ изъ Москвы, недавно умеръ. Я бы радъ былъ ежели бѣ предпріято было изъ сего училища сдѣлать что нибудь познатнѣе и дать ему ную форму, но мнѣ не разсуждается самому на то напрашиваться. Развѣ не буду ль я нынѣшнею зимою самъ въ Москвѣ, тогда переговорю съ Васильемъ Евдокимовичемъ²⁾. Сказываютъ и то, что учителя уже болѣе полугода жалованья своего не получали, и насовалось тутъ людей незнающихъ много»....

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II было дѣлано много попытокъ къ преобразованію разныхъ отраслей государственнаго управленія. По свидѣтельству Шлецера, то было золотое время для всѣхъ прожектеровъ. Между прочимъ тогда поднятъ былъ вопросъ, занимавшій еще Петра Великаго — о торговлѣ Россіи съ Индіею. Поэтому поводу въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ»³⁾ явилась статья «Изясненіе о способахъ къ произведенію російской коммерціи

¹⁾ Данила Савичъ, директоръ казанской гимназіи и въ то же время экстра-ординарный профессоръ московскаго университета, былъ сынъ сотника слободскаго сумскаго полка Василья Савича; сначала учился въ кievской духовной академіи, а потомъ — за границей съ 1750 по 1754 годъ. Онъ хотѣлъ-было поступить на службу при Академіи Наукъ, но послѣ опредѣлился въ московскій университетъ. Архивъ акад. канц. кн. № 189 и Протоколы конференціи 10 іюля 1754 г.

²⁾ Адогуровъ, воспитанникъ и адъюнктъ Академіи, а впослѣдствіи наставникъ русскаго языка великой княгини Екатерины Алексѣевны. По прикосновенности его къ дѣлу о канцлерѣ гр. А. П. Бестужевѣ-Рюминѣ, мечтавшемъ при императрицѣ Елизаветѣ о переворотѣ въ пользу супруги тогдашняго великаго князя Петра Фѣдоровича, Адогуровъ подвергся почетной ссылки въ Оренбургъ, гдѣ и познакомился съ Рычковымъ. Въ 1763 г., когда послѣдній писалъ о казанской гимназіи, Адогуровъ былъ уже кураторомъ московскаго университета.

³⁾ Ноябрь, 1763 г., стр. 401—406.

изъ Оренбурга съ бухарскою, а изъ оной и съ индѣйскими областями». Здѣсь предлагалось: товары въ Бухару отправлять по Янку до Гурьева городка, а отсюда Каспійскимъ моремъ до залива Красноводскаго; для склада товаровъ имѣть крѣпость на Огурчинскихъ островахъ, и оттуда отправлять ихъ сухимъ путемъ до Балхи и Бадакшана. Въ упоминаемой статьѣ нѣсколько разъ говорилось съ похвалами о Рычковѣ, который уже писалъ объ этомъ предметѣ въ Оренбургской Топографіи. Это возбудило въ Рычковѣ желаніе напомнить правительству о предположеніи, сдѣланномъ имъ и генералъ-маіоромъ Тевкелевымъ еще въ 1759 году касательно постройки города на устьѣ р. Эмбы, отчего они надѣялись не только распространенія русской торговли до Индіи, но и окончательнаго покоренія киргизовъ, а, стало-быть, прекращенія грабежей каравановъ и пр. 13 декабря 1763 г. Рычковъ послалъ къ Миллеру «Мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія стороны и о средствахъ, къ тому надлежащихъ». Вскорѣ потомъ онъ узналъ, что въ Петербургѣ учреждена особая коммиссія о коммерціи, и вслѣдствіе того часто писалъ къ Миллеру о своей готовности ѣхать въ Петербургъ, когда бы его туда потребовали. Такъ какъ въ коммиссіи однимъ изъ главныхъ дѣятелей былъ Григорій Тепловъ¹⁾, то Рычковъ просилъ Миллера поговорить ему о немъ, доставить посланное «Мнѣніе» и пр. Исторіографъ отвѣчалъ ему (8 іюля 1764 г.), что по отзыву Теплова «Мнѣніе» Рычкова не скоро еще понадобится, потому что коммиссія намѣрена сначала обрабатывать общія положенія. «И такъ, прибавляя Миллеръ, не думайте быть скоро вызваннымъ для того. Да и зачѣмъ вамъ желать этого? Не лучше ли спокойно проводить свою старость дома и въ своемъ семействѣ? По крайней мѣрѣ я думалъ бы такъ, бывши на вашемъ мѣстѣ. Имѣй я клочекъ земли, которая бы могла меня прокормить, какъ бы скоро бѣжалъ тревоженій²⁾!»...

По видимому это письмо охладило охоту Рычкова къ дальнѣйшимъ искательствамъ, и, 7 августа 1764 г., не говоря уже болѣе о планахъ участвовать въ работахъ коммиссіи о коммерціи,

¹⁾ Также адъюнктъ, а потомъ ассессоръ въ канцеляріи нашей Академіи.

²⁾ У портрета писемъ истор. Миллера, въ архивѣ академической канцеляріи.

онъ распространяется въ письмѣ къ Миллеру о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ въ Спасскомъ:

«Вы означили мнѣ ваши трудности. Я, напротивъ того, о мохъ вамъ доношу. Здѣсь въ деревнѣ съ женою и съ меньшими дѣтьми, коихъ при мнѣ шестеро, сплю сколько хочу. Напившись съ ними чаю, хожу или ѣзжу на мѣдной мой заводъ, которой отъ дому моего не далѣе двухъ сотъ саженой. Тамъ бываю съ часть или и больше. Возвратясь оттоль, смотрю церковное строенье (церковь каменная изрядною архитектурою здѣсь строится, и сіе глго окончить ее надѣюсь). Иногда схожу на винокуренной мой заводъ и на мельницу. Ёзжу въ деревню мою, которая отсель верстахъ въ пяти-шести, или на поле, гдѣ сѣвъ хлѣбный, съ женою и дѣтьми. За столъ обѣдать сажусь съ своими въ шести или семи человекъхъ; но рѣдкой депъ проходить, чтобъ проѣзжаго не случилось, ибо живу на большой дорогѣ и имѣю у себя пріятелей. Вотъ жизнь моя, которую я здѣсь препровождаю. Три сына вмѣсто меня служатъ отечеству. Огорченія и досады, какія въ деревенскомъ житьѣ бывають, сносѣе городскихъ, да и нѣтъ надѣюсь, въ свѣтѣ такого мѣста и состоянія, гдѣ бъ ихъ не было»... 2 октября 1764 г.: «я, изъ гостей отъ сына моего Андрея возвратясь домой, нашель у себя самую любезную компанію. Всѣ дѣти и внучата его превосходительства г. генералъ-маіора Алексѣя Ивановича Тевкелева¹⁾ ко мнѣ пріѣхали. Ёзда ихъ была сюда не менѣе 200 верстъ. Вотъ какъ у насъ въ деревняхъ друзья и пріятели живутъ! Теперь у меня здѣсь маленькой Римъ (по Цицероновымъ словамъ) тѣмъ наипаче, что вчерасъ и севодня мимо села моего марширующіе азовскаго полку офицеры, заѣзжая ко мнѣ, умножаютъ у меня людство и компанію»...

Описаніе событій 1764 года Рычковъ въ своей автобіографіи заканчиваетъ такимъ образомъ: «знатнѣйшимъ приключеніемъ сего году, да и жизни моей къ великому благополучію надлежитъ почестъ то, что я, по высочайшему ея императорскаго величества

¹⁾ Этотъ Тевкелевъ, при Петрѣ Великомъ старшій переводчикъ иностранной коллегіи, принималъ при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ главное участіе въ подчиненіи Россіи киргизъ-кайсаковъ. Разсказъ его о своихъ службахъ, также извѣстія о родѣ, къ сожалѣнію не конченныя, во «Временникъ моск. общества исторіи», кн. XIII, 1852 г. Слѣсь, стр. 15—21.

именному указу, декабря 16 числа пожалованъ статскимъ совѣтникомъ по докладу правительствующаго сената»...

Въ 1766 г. Рычковъ опять начинаетъ свои хлопоты о поступленіи на службу... «Недостатки мои, писалъ онъ къ Миллеру 15 апрѣля, что долѣ, то болѣ усиливаются. На сихъ дняхъ бѣжалъ у меня съ заводу слуга, кой былъ тутъ прикащикомъ: унесъ съ собою и послѣднія мои деньжонки. И такъ не знаю, какъ исправляться. Продаю оренбургскій мой дворъ, но и на те купца нѣтъ—я уже за половины цѣны радъ бы его отдать. Мое намѣреніе въ томъ нынѣ состоитъ, чтобъ распродавъ всѣ заводы (кои одни только хлопоты, а не прибыли приносятъ) и вступя въ службу съ жалованьемъ, предать всего себя на услуги отечеству»....

Въ мартѣ 1767 года Рычковъ ѣздилъ въ Москву и въ Запискахъ о своемъ тамъ пребываніи отмѣтилъ слѣдующее: «12 числа марта имѣлъ я счастье предстать ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей моей монархинѣ (Екатеринѣ II) и удостоился изъ устъ ея величества услышать слѣдующія слова: «я извѣстна, что вы довольно трудитесь въ пользу отечества, за что вамъ благодарна». Послѣ того поднесъ я ея величеству сочиненія моего печатную книжку, подъ именемъ «Опытъ казанской исторіи», съ приобщенною къ ней на высочайшее ея императорскаго величества дедикаціею, которую сама принявъ изъ рукъ моихъ, изволила еще болѣе благодарить и болѣе часа въ парадной своей опочивальнѣ разговаривала со мною, спрашивая меня о городѣ Оренбургѣ, о ситуаціи тамошнихъ мѣстъ, о хлѣбопашествѣ и о коммерціи тамошней такъ снисходительно и милостиво, что сей день намлучшимъ и счастливѣйшимъ въ жизни моей почитать мнѣ надлежитъ. Предводителями къ сему счастью были мнѣ въ началѣ г. коллежскій совѣтникъ, историографъ и профессоръ Федоръ Ивановичъ Миллеръ и его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ».

Изъ писемъ этого періода отъ Рычкова къ Миллеру видно, что первому сильно надобно уже неудачи по деревенскому хозяйству и онъ часто напоминалъ своему пріятелю ходатайствовать за него то у того, то у другаго изъ милостивцевъ. Такъ 1 сентября 1767 года писалъ о выгоды для него мѣста губерна-

торскаго помощника въ Казани. «Не возможно ли вамъ самнѣ, ежели пристойно и обстоятельства дозволятъ, побывать у его сіятельства генераль-прокурора и употребить ваше въ томъ ходатайство? Я часто удивляюсь, разсуждая о себѣ и о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ. Мое намѣреніе и желаніе ни къ чему иному не клонится какъ токмо усердно служить отечеству. Партикулярнаго моего ничего тутъ больше нѣтъ, какъ лучший способъ къ воспитанію дѣтей моихъ. 600 рублей не велико жалованье. Къ лакомству и къ нажиткамъ я не склоненъ. Со всѣмъ тѣмъ очень я несчастливъ. Утѣшаюсь иногда словами евангельскими: миръ убо свое любилъ бы. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Благодарю еще Вышняго, что не лишенъ я моего пропитанія».

«Радуюсь, что уложенная комиссія имѣетъ благополучное начало и хорошій успѣхъ. Оренбургскаго депутата для любопытства не изволите-ль узнать? Онъ фаворитъ губернаторскій—безъ сумнѣнія по его видамъ инструированъ¹⁾. Какъ ни желали прочіе дворяне, чтобъ я выбранъ былъ въ депутаты, но губернаторская сторона превозможе. Онъ, сказываютъ, передо мною два бала лившихъ имѣлъ. Сіе мнѣ не обидно, ибо въ числѣ балатированныхъ два генераль-маіора и нѣсколько полковниковъ находились. Предводитель выбранъ такой же»...

Еще въ началѣ 1769 г. Рычковъ продолжалъ жаловаться Миллеру на неполученіе мѣста. «Я, писалъ онъ 31 января, по прежнему продолжаю жизнь мою деревенскую и, взирая на обращенія нынѣшнія, часто удивляюсь, а иногда и тужу объ моей судьбинѣ; но мы не всегда познаваемъ прямо что для насъ хорошо или худо!»...

Наконецъ 21 августа 1769 года Рычковъ сообщалъ Миллеру: «Теперь получилъ я отъ оренбургскаго губернатора письмо отъ 20 числа сего. Пишетъ онъ ко мнѣ, что въ разсужденіи соляныхъ дѣлъ, кои нынѣ, за недостаткомъ въ Украинѣ соли, весьма уважаются и поручены въ главную дирекцію генераль-

¹⁾ Оренбургскимъ губернаторомъ былъ тогда Иванъ Андреевичъ Рейндеритъ, а депутатомъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія отъ дворянъ оренбургскаго уѣзда секундъ маіоръ Иванъ Толстой, сдавшій отчетъ своею обязанностію, 4 августа 1768 года, Фурьеру преображенскаго полка Матвѣю Толстому. Русскій Вѣстникъ 1861 г. № 12; прилож. стр. 59.

поручику, сенатору и кавалеру Еропкину (кой нынѣ въ Москвѣ находится) писалъ, что для учрежденія съ лучшимъ порядкомъ поставокъ шлецкой соли противъ прежняго, опредѣлить меня съ жалованьемъ по 1000 руб. въ годъ, и притомъ весьма много и сильно меня рекомендовагь. Я уповаю, что сей генералъ вамъ или вашимъ друзьямъ не незнаемъ есть. Прошу васъ, какъ милостивца и друга, съ вашей стороны пристойнымъ образомъ и елико возможно вамъ будетъ способствовать оному дѣлу и тѣмъ меня одолжить еще; а что услышите или увѣдаете увѣдомленіями меня не оставить»...

V.

Печатныя сочиненія и статьи Рычкова по части Исторіи и Географіи Россіи. Недостатокъ въ нихъ критики источниковъ. Указанія на то Шлецера. Историко-географическія извѣстія въ писмахъ Рычкова къ Миллеру.

Скорое помѣщеніе въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ» статей Рычкова, а также настояніе Миллера о доставленіи разныхъ извѣстій видимо поощряли перваго къ дальнѣйшимъ работамъ. Въ началѣ 1758 года онъ послалъ къ Миллеру «Описаніе о началѣ оренбургской комиссіи» и статью о тамошнемъ земледѣліи.

«Исторія ваша о оренбургской комиссіи, отвѣчалъ Миллеръ 30 мая 1758 года, весьма достойна печатанія. Я бы желалъ оную, для ускоренія, вносить по частямъ въ «Ежемесячныя Сочиненія», токмо безъ позволенія вашего не смѣю. Прошу ко мнѣ описать, что ваше о томъ мнѣніе. Потому она можетъ вторымъ изданіемъ печатана быть вмѣстѣ съ Топографією вашей оренбургскою. Что надлежитъ письма о земледѣльствѣ, то я внесъ уже первую часть онаго въ нынѣшній мѣсяцъ Сочиненій, который впредь сообщать имѣю, когда весь будетъ отпечатанъ»....¹⁾).

Послѣдняя статья Рычкова напечатана въ «Сочиненіяхъ и

¹⁾ П портфель писемъ историографа Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

переводахъ» 1758 года¹⁾, подъ заглавіемъ: «Письмо о земледѣльствѣ въ казанской и оренбургской губерніяхъ», гдѣ заключаются довольно обстоятельныя извѣстія о положеніи хлѣбопашества въ означенныхъ губерніяхъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени, о тогдашнихъ земледѣльческихъ орудіяхъ, о способахъ обработки земель, посѣвѣ и уборкѣ хлѣбовъ.

Что касается до другаго сочиненія, то Рычковъ, 26 іюня 1758 г., благодаря Миллера за обѣщаніе издать въ свѣтъ его трудъ, намекалъ также и о томъ, чтобы притомъ Миллеръ присовокупилъ что-нибудь въ похвалу автора. «Вы уже по милости своей, говорилъ онъ, довольноую честь учинили мнѣ засвидѣтельствомъ моихъ малыхъ трудовъ сочиненіемъ вашимъ о поправленіи историческихъ погрѣшностей, у иностранныхъ писателей находящихся²⁾. И хотя я не требую сего, чтобъ при ономъ напечатаніи мое имя было точно употреблено, однакъ почитаю не за излишнее, ежели ко обѣимъ онымъ частямъ соизволите учинить и напечатать краткое предрѣчіе по вашему разсужденію въ тотъ видъ, чтобъ къ такимъ сочиненіямъ въ другихъ мѣстахъ находящіеся охотники могли быть приохочены»...

Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» 1759 года помѣщена сначала «Исторія оренбургская по учрежденію оренбургской губерніи», гдѣ разсказаны событія, касающіяся этого края отъ временъ Петра Великаго до 15 марта 1744 года, т. е. до окончательнаго образованія оренбургской губерніи. Въ «предъизвѣщеніи» Рычковъ говоритъ, что онъ это сочиненіе «не такъ для настоящаго, какъ для будущаго, т. е. потомственнаго времени» писалъ.... Дѣла человѣческія, если о нихъ не сохранится письменныхъ извѣстій или забываются, или же искажаются въ устныхъ пересказахъ. «И о новой нашей оренбургской губерніи, ежели о ея началѣ и происхожденіяхъ не останется достовѣрнаго описанія, въ послѣдующихъ вѣкахъ такое жъ забвеніе или неосновательныя мнѣнія могутъ происходить»...

Если къ «Исторіи оренбургской» примѣнять нынѣшнія требованія науки, то нельзя не признать ее крайне одностороннею.

¹⁾ Май и іюнь, стр. 410—428 и 483—524

²⁾ Здѣсь Рычковъ напоминаетъ о статьѣ Миллера «Предложеніе о исправленіи погрѣшностей» и пр., о которой см. выше, стр. 37.

Авторъ ея, какъ чиновникъ и притомъ принимавшій самъ участіе въ осуществленіи большей части тогдашнихъ административныхъ мѣръ, которыя онъ описываетъ, придаетъ особенно важное значеніе имъ и только объ нихъ считаетъ нужнымъ распространиться. Поэтому понятно, что въ «Исторіи оренбургской» нельзя найти разъясненія отношеній испоконныхъ обывателей края къ русскимъ, переходившимъ туда въ позднѣйшія времена; тамъ нѣтъ указаній на истинныя причины частыхъ возстаній инородцевъ и того взаимнаго ожесточенія, съ которымъ велась борьба предъ окончательнымъ подчиненіемъ края русскому господству. Материалы для всего этого остаются пока не разработанными въ рѣдко затрогиваемыхъ еще въ наше время архивныхъ дѣлахъ, а въ трудѣ Рычкова можно только найти обзоръ административныхъ распоряженій въ данную эпоху. При всемъ томъ и теперь «Исторія оренбургская» уже тѣмъ полезна, что избавляетъ отъ труда разыскивать такіе источники, которые, не заключая въ себѣ извѣстій первой важности, необходимы однако для соображеній при оцѣнкѣ событій, совершавшихся въ оренбургскомъ краѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Самъ Рычковъ очень мѣтко указалъ на недостатки своего труда, замѣтивъ въ концѣ своего «предъизвѣщенія»: «отъ сего, хотя и неискускаго изображенія самыя искуснѣйшіе люди возымѣютъ причину все оное не только въ исторической порядокъ привести, но и самую основательную исторію, т. е. о положеніи и о натуральныхъ свойствахъ оренбургскихъ мѣстъ, о состояніи и раздѣленіи внутри и внѣ оренбургской губерніи находящихся народовъ, и о прочихъ знатнѣйшихъ случаяхъ и дѣйствахъ, собирая надлежащія къ тому извѣстія, наилучшимъ образомъ сочинять и продолжать».

Для Рычкова было весьма лестно видѣть напечатанною свою «Оренбургскую исторію». Сообщая о томъ Миллеру 20 марта 1759 года, онъ писалъ также: «Въ примѣчаніяхъ, которыя въ сей исторіи положены, съ Топографіею моею, уповаю, могутъ оказаться нѣкоторыя небольшія разности, потому что я объ оренбургской комиссіи писалъ еще въ 743 и 744 годахъ и тогда о здѣшнихъ мѣстахъ и народахъ не былъ въ такомъ свѣдѣніи, какъ послѣ при другомъ помянутомъ сочиненіи. Но мнѣ, что весьма тѣ разности невелики и непримѣтны, которыя одною ремаркою»

на все то легко поправлены быть могутъ. Сожалѣю токмо я о семъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшней исторіи нескладности въ сенсѣ. Видно, что въ моемъ экземплярѣ, который я до вашего высокоблагородія послалъ, находятся описки, которыхъ я не усмотрѣлъ, или то погрѣшности типографскія, однакожь онѣ весьма рѣдки»....

Миллеръ намѣревался издать «Исторію оренбургскую» на нѣмецкомъ языкѣ. «При чемъ думаю, писалъ онъ Рычкову 19 апрѣля 1759 г., можно упомянуть и о имени вашемъ, да для большаго вѣрности и надобно, развѣ вы, по чрезвычайной вашей modestiи, инако прикажете»¹⁾.

«Когда ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Рычковъ 20 мая 1759 года, за потребно изволили признать, дабы Оренбургскую Исторію для иностранныхъ напечатать и на нѣмецкомъ языкѣ, то при оной, ежели надобно, мое имя означить можете. Она подлинно такъ ведена, какъ дѣла происходили; но въ разсужденіи разныхъ бывшихъ здѣсь командировъ, изъ которыхъ нѣкоторые понинѣ здравствуютъ, при русской имя мое упоминать, кажется, нужды нѣтъ, ибо многіе знаютъ, что оное описаніе мною учинено. Къ тому жъ какъ бы не возмнилось изъ нихъ, что про одного съ большею похвалою и съ лучшими обстоятельствами писано, нежели про другаго. И такъ могутъ толковать за пристрастіе. Сіе я вашему высокоблагородію, какъ уже дознанному моему благодѣтелю и милостивцу, изъясняю»...

5 августа 1759 г. Рычковъ доставилъ Миллеру продолженіе «Исторіи оренбургской», обнимающее событія въ краѣ съ 1744 по 1751 годъ. «Казалось мнѣ, говорилъ онъ притомъ, ежели продолжаемо будетъ сіе, то можетъ оно служить къ немалой пользѣ не только по канцеляріи для новыхъ командировъ, но и для историческихъ сочиненій... Сверхъ того прилагаю табель вмѣсто той, которая на концѣ прежде посланной книги приложена. Сію я дополнилъ тѣмъ, что въ прежней не доставало. Можетъ статья, что вы въ разстояніяхъ противъ оной въ нынѣшней нѣкоторое несходство усмотрите; но сіе отъ того, что здѣсь по дорогамъ

¹⁾ П портфель писемъ истор. Миллера, 1757 — 1759 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

неоднократно разными мѣры были, а всѣ одна противъ другой разноту имѣютъ. Къ тому жъ нѣкоторыя крѣпости и форпосты съ мѣста на мѣсто переносены. Сіе я ради того означиваю, дабы вы въ усмотрѣнной разнотѣ извѣстны были о причинахъ. Нынѣшняя табель, какъ я мню, учинена съ надеждащею исправностію, о чемъ я канцелярскимъ служителямъ весьма рекомендовагъ»....

Князь М. Оболенскій¹⁾, указывая, что упомянутое «Прибавленіе къ оренбургской исторіи» съ 1744 по 1751 г. хранится въ рукописяхъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, замѣчаетъ, что оно въ «Исторіи пугачевского бунта» Пушкина не напечатано. Чтò оно не помѣщено въ сейчасъ названномъ сочиненіи, то это, конечно, случилось отъ того, что перепечатывать его въ другой разъ не было надобности, такъ какъ «Прибавленіе къ оренбургской исторіи» издано въ свѣтъ еще Миллеромъ въ тѣхъ же «Сочиненіяхъ и переводахъ» въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ за 1759 годъ. Что касается до «Табели о состояніи оренбургской линіи», то напечатанная Миллеромъ²⁾ во многомъ разнится отъ приложенной къ письму Рычкова (5 августа 1759 года), почему надобно предполагать, что Миллеръ напечаталъ бывшую у него прежде табель до полученія новой.

«Я, писалъ Рычковъ 11 ноября 1759 года, радъ, что поправилось вамъ описаніе здѣшнихъ дѣлъ по 750 годъ. Подлинно не худо бъ было, когда бъ во всѣхъ губерніяхъ знатнѣйшія приключенія такъ были описываемы; но притомъ нѣкоторая предосторожность нужна, а особливо при такихъ недавнихъ случаяхъ, какіе въ послѣднемъ описаніи отъ меня къ вамъ сообщены. Хотя и все вѣрно и безпристрастно описывано, а нарочито когда командиры и производители дѣла оныя описанія читають, можетъ легко

¹⁾ «Историческія замѣчанія» въ Русскомъ Архивѣ 1865 года, № 3, стр. 387.

²⁾ «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» 1759 г. августъ, стр. 128—134. Изъ писемъ Рычкова въ 1774 году видно, что имъ, во время осады Оренбурга отъ Пугачева, составлено было продолженіе Оренбургской исторіи съ 1751 по 1774 годъ, и онъ просилъ Миллера о напечатаніи этого продолженія вмѣстѣ съ «Исторіею оренбургскою», изд. въ первый разъ въ 1759 г.; эта просьба, однако, не была осуществлена, такъ какъ Рычковъ отказался давать книгу на свой счетъ, какъ предлагалъ ему это Миллеръ.

показаться и возмниться имъ, что объ одномъ мало и кратко, а о другомъ много и пространно писано, и причитать то въ вину сочинителю, хотя бь онъ и съ доброю совѣстью писалъ»....

Въ январѣ 1760 г. поѣздка по дѣламъ службы въ Башкирію дала возможность Рычкову сообщить Миллеру 13 января того же года слѣдующее: «Въ нынѣшнюю мою бытность, хотя съ великимъ затрудненіемъ (ибо, собравъ башкирцевъ человекъ до тридцати изъ старшинъ и изъ лучшихъ людей, ѣздилъ верхомъ чрезъ глубокой снѣгъ безъ дороги верстъ двадцать) ѣздилъ я смотрѣть пещеру, въ бурзянской волости имѣющуюся, которой во всей Башкиріи славнѣе и больше нѣтъ; по меньшей мѣрѣ изъ описаній, которыя мнѣ вѣдомы, не нахожу. Я описаніе ее приобшу въ мою Топографію, а и прежде, какъ вещь чрезвычайную, съ рисункомъ ея, каковъ въ скорости возможно было мнѣ сдѣлать съ бывшимъ при мнѣ, инженеръ науку знающимъ человекомъ, не премину до васъ отправить такъ скоро, какъ время допустить оное описаніе, планъ и проспектъ мѣста сочинить».... Въ другомъ письмѣ отъ 19 января Рычковъ говоритъ о пещерѣ: «мнѣ мнится, что она курьезнѣе той пещеры, коя Baumanns Höhle называется и во всей Германіи за славную почитается»...

Извѣстіе объ этой пещерѣ напечатано Миллеромъ¹⁾ подъ заглавіемъ: «Описаніе пещеры, находящейся въ оренбургской губерніи при рѣкѣ Бѣлой, которая изъ всѣхъ пещеръ, въ Башкиріи находящихся, за славную и наибольшую почитается». Это та самая статья, въ концѣ которой Ломоносовъ распорядился вѣстому члену *корреспонденціи* напечатать титулъ *корреспондента* при имени Рычкова, о чемъ говорено уже выше въ главѣ IV, на страницѣ 44.

Въ III-й главѣ, на стр. 38, видѣли, что Миллеръ, съ самаго начала своей переписки съ Рычковымъ, напоминалъ ему

¹⁾ «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащихъ, мартъ 1760 г., стр. 195—225. Въ приложенной къ статьѣ гравюрѣ теченіе р. Бѣлой стрѣлкою означено невѣрно, отчего пещера вышла на лѣвомъ берегу рѣки, тогда какъ она на правомъ. Рычковъ намѣревался также описать другую подобную пещеру на рѣкѣ Икѣ, но это впоследствии исполнилъ сынъ его Николай: см. «Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ російскаго государства, 1769, 1770 годовъ» (Спб. 1770, въ 4^о) I, стр. 94 и слѣд.

Сборникъ II Отд. Ш. А. И.

о доставленіи второй части Оренбургской Топографіи. Она получена была академикомъ при письмѣ отъ 4 мая 1760 года, гдѣ Рычковъ писалъ:... «Понеже въ приведеніи ея въ надлежащую исправность имѣлъ я великія трудности не только по слабости моего здоровья, которою давно уже одержимъ, но и по тому, что собирая требованныя для того извѣстія (хотя нѣкоторыя изъ нихъ были и за секретарскими руками), находилъ въ нихъ многія погрѣшности, кои нужно было съ другими вѣдомостями сличать и поправлять по тому, что казалось мнѣ правильнѣе и сходнѣе, не упоминаемая штиль и метода, который, совсѣмъ не годился. При такихъ затрудненіяхъ и неспособностяхъ можетъ статья, что иногда и въ моемъ сочиненіи какія либо ошибки окажутся; но я не могъ продолжать болѣе удержаніемъ у себя сея книги для неоднократныхъ учиненныхъ мнѣ отъ вашего высокоблагородія объ немъ напоминаній, разсуждая, что и самое несовершенное лучше нежели ничего; однакъ не чаю, чтобы по нынѣшнему состоянію здѣшней губерніи многія погрѣшности въ ней нашлись, которыхъ я, сколько возможно было, остерегался».

«Оныя обстоятельства заставили меня въ предисловіи книги означить о томъ напередъ для того, дабы не подвергнуть себя болѣе критикѣ, которая бываетъ иногда въ модѣ. Вы мнѣ, какъ мой милостивецъ и другъ, простите сіе, что я тутъ имя вашего высокоблагородія и г. Гмелина упомянулъ въ сходство моего намѣренія, ибо не только оно, но и всю книгу посылаю я на ваше разсмотрѣніе. Вы во всемъ томъ и убавить, и прибавить по разсужденію вашему можете... Наконецъ повторяю я прежнее мое прошеніе, чтобы при напечатаніи моего имени не ставить, развѣ въ нѣмецкомъ переводѣ, какъ то ваше высокоблагородіе напредъ сего изволяли означить, ежели оный будетъ учиненъ съ вашими примѣчаніями».

Когда Рычкову стало извѣстно о началѣ печатанія его Оренбургской Топографіи, то онъ 13 февраля 1762 г. писалъ къ Миллеру:... «мнѣ мнится, что необходимо потребно приложить къ ней хотя краткое предисловіе и означить тутъ, что она еще въ 1754 году писана; въ которое время обстоятельства оренбургскія противъ нынѣшняго во многомъ были отѣнны, что въ слѣдующей второй части хотя и изъяснено, но и затѣмъ нѣкоторыя пе-

ремъны есть. Чаятельно, что впредь и противъ нынѣшняго не безъ перемянъ будетъ по новости сея губерніи. Я много бѣ отъ вашего высокоблагородія одолженъ былъ, и книгѣ бѣ къ великому украшенію и одобренію послужило, ежели бѣ вы по вашему искусству такое предрѣчіе отъ себя къ ней приложить изволили и что еще къ ней въ дополненіе потребно тутъ же бѣ помянули. Можетъ быть и я въ томъ дополненіи потрудился бѣ со временемъ, ежели буду тамъ по прежнему при дѣлахъ. А когда мнѣ случая не будетъ, то тѣмъ другіе къ тому будутъ побуждены. Буде же вамъ, при многихъ вашихъ трудахъ, не достанетъ на сіе времени, то не присовѣтуете ль мнѣ отъ себя оное написать и къ вамъ на разсмотрѣніе прислать?»...

13 октября 1762 года: «для изъясненія Топографіи и для лучшаго понятія содержащихся въ ней матерій весьма нуженъ реестръ, который я, сочиня здѣсь, при семъ прилагаю и прошу приказать, ежели и вы за потребно его признаете, напечатать оный для всѣхъ экземпляровъ и, сколько надлежитъ для меня, ихъ прислать. Признаваюсь я, что по обстоятельству ему быть надлежало—многія имена и званія, находящіяся въ книгѣ, пропустилъ для того, что сія работа очень мнѣ скучна показалась. Къ тому жь о многихъ разсудилось мнѣ, что они ко изъясненію здѣшнихъ мѣстъ не весьма и нужны, а другія подъ общими званіями разумѣются, напр. звѣрь, рыба и пр.»...

Въ теченіе 1762 года въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» напечатаны обѣ части «Оренбургской Топографіи». Хранящаяся нынѣ въ русскомъ отдѣленіи академической бібліотеки рукопись этого сочиненія разнится отъ печатнаго изданія тѣмъ, что въ ней видное мѣсто занимаютъ двѣнадцать картъ въ листъ большаго формата, къ которымъ извѣстія Рычкова служатъ объяснительнымъ текстомъ. Въ предисловіи, также не напечатанномъ при «Оренбургской Топографіи» на томъ, конечно, основаніи, что тамъ подробно говорится о составленіи тѣхъ картъ, замѣчено: «нельзя сказать, чтобъ всѣ оныя (карты) сочинены были такъ исправно и достаточно, якобъ впредь никакого дополненія и поправленія онѣ не требуютъ. Однако жь то можно объявить, что онѣ (яко и сіе описаніе) болѣею частію сочинены съ прежнихъ ландкартъ, журналовъ и съ

репортовъ въ тѣ мѣста нарочно для разныхъ надобностей посланныхъ офицеровъ, знающихъ геодезію, и чрезъ особливыхъ геодезистовъ, исключая однѣ токмо дальнѣйшія заграничныя мѣста (но и сія съ разныхъ же, прежде сочиненныхъ, а отчасти и съ иностранныхъ ландкартъ, нѣсколько жъ и съ словесныхъ объявленій, взятыхъ отъ достовѣрныхъ, въ тѣхъ мѣстахъ бывалыхъ людей, вношены), чего ради отъ губернской канцеляріи и приказано было на каждую ландкарту записку имѣть, откуда что взято и гдѣ впредь повѣрка или дополнка надобна».

Карты эти были составляемы прапорщикомъ геодезіи Красильниковымъ съ товарищами и имѣютъ нынѣ значеніе для занимающихся судьбами оренбургскаго края въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Карты позднѣйшихъ временъ, быть можетъ, болѣе исправны, но не въ состояніи дать понятія о прежнемъ оренбургскомъ краѣ, который быстро утрачивалъ свой первобытный характеръ и измѣнялъ первоначальный видъ вслѣдствіе сильнаго наплыва въ него переселенцевъ со всѣхъ концовъ Россіи. Къ этому надо присовокупить и то, что спеціальныя карты Красильникова и товарищей его отличаются своею обстоятельностью: тамъ занесены, напримѣръ, самыя незначительныя деревеньки и поселки ¹⁾. По этимъ уваженіямъ, здѣсь признано не-безполезнымъ помѣстить въ III-мъ приложеніи обстоятельное описаніе названныхъ картъ.

Обращаясь къ печатному изданію «Оренбургской Топографіи», находимъ, что при первой части ея нѣтъ никакаго вступленія, но въ началѣ второй есть «предисловіе», гдѣ Рычковъ говорить:

¹⁾ Вотъ примѣръ тому: извѣстно, что одинъ изъ близкихъ родственниковъ Карамзина отвергалъ преданіе, что исторіографъ родился въ селѣ Михайловкѣ-Карамзинкѣ, лежащей въ бывшей оренбургской, нынѣ самарской губерніи, только на голословномъ увѣреніи, что это село не существовало около 1765 года, когда родился Карамзинъ. Въ послѣдствіи дознано, что это селеніе уже было въ 1778 году въ сосѣдствѣ съ другими двумя: Ляховомъ и Путиловомъ. (См. «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» изд. Отдѣленіемъ русск. языка и словесности, СПб. 1866 г., стр. 453, 454.) Карта Красильникова, составленная за десять лѣтъ до рожденія исторіографа и представляющая большую московскую дорогу отъ Оренбурга до Кичуевскаго Фельдшанца, окончательно рѣшаетъ, что помянутый родственникъ Карамзина ошибался: въ 1765 году деревня Карамзина уже значится здѣсь въ нынѣшнемъ бугарчкѣскомъ уѣздѣ, рядомъ съ деревнями Путиловой и Ляховомъ.

....«Великая за-яцкая степь, гдѣ располагаются двѣ киргизъ-кайсацкія и одна каракалпацкая многочисленныя орды, нынѣ подданныя россійской имперіи, и обширныя башкирскія мѣста, наполненныя разныхъ минеральныхъ и древнихъ признаковъ, которыя въ разсужденіи всѣхъ частей исторіи достойны осмотровъ и испытанія отъ людей, во всѣхъ наукахъ совершенныхъ. Россійская наша исторія могла бѣ изъ того имѣть знатное приращеніе тѣмъ паче, что отъ оныхъ обитающихъ здѣсь народовъ, между которыми никакихъ ученыхъ людей не бывало и нѣтъ, о такихъ мѣстахъ и вещахъ обстоятельно и достовѣрно вывѣдать невозможно. Въ разсужденіе сего не мало надлежитъ сожалѣть, что посланные отъ санктпетербургской императорской Академіи Наукъ гг. профессоры Миллеръ и Гмелинъ, за прежде бывшимъ башкирскимъ бунтомъ, здѣшней губерніи одинъ токмо край съ сибирской стороны, да и сего небольшую часть видѣли; а притомъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ не могло имъ быть безъ препятствій и опасностей въ ихъ намѣреніяхъ. Напротивужь того сибирская губернія и самая отдаленнѣйшая Камчатка счастливѣе были тѣмъ, что отъ оныхъ, въ наукахъ толь славныхъ мужей безъ всякаго помѣшательства осматрѣны и описаны. А между тѣмъ сіе мое первое и простое описаніе служить можетъ для извѣстія». Свое предисловіе авторъ заканчиваетъ такимъ желаніемъ: «Даждь, Боже! чтобъ главные правители здѣшнихъ дѣлъ и народовъ съ ихъ помощниками всегда просвѣщаемы были совершеннымъ знаніемъ всего того, что внутрь и внѣ сей обширной губерніи для государственныхъ интересовъ надобно и полезно, и здѣшняя бѣ азіатская коммерція дѣйствительно распространялась и умножалась во всей полуденной Азіи до самой Индіи по извѣстнымъ намѣреніямъ блаженной и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго, а чрезъ то бѣ и описаніе оренбургской губерніи отъ искуснѣйшихъ людей приведено было въ полное совершенство, чего я, какъ вѣрный рабъ и сынъ отечества, всеусердно желаю. Писано въ Оренбургѣ апрѣля 22, 1760 года».

Въ томъ же 1762 году сочиненіе Рычкова вышло отдѣльною книгою въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Топографія Оренбургская, то есть обстоятельное описаніе оренбургской гу-

берши, сочиненное коллежскимъ совѣтникомъ и императорской Академіи Наукъ корреспондентомъ Петромъ Рычковымъ», въ 8°, I, 331; II, 262 стр. Миллеръ, извѣщая объ отдѣльномъ изданіи Топографіи, высказалъ о необходимости подобныхъ трудовъ и въ прочихъ губерніяхъ: «что же при такомъ сочиненіи наблюдать надлежитъ, въ томъ Оренбургская Топографія вѣрно и достаточно предводительницею служить можетъ»¹⁾.

Въ началѣ 1763 г. Рычковъ былъ въ Москвѣ и оттуда писалъ къ Миллеру, 9 января: «Топографія здѣсь у многихъ хорошо пріемлется».... 6 февраля:.... «Присланные мнѣ экземпляры Топографіи послужили мнѣ изряднымъ способомъ рекомендовать себя тутъ, гдѣ я еще не очень знакомъ былъ. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой говорилъ: для чего при нихъ нѣтъ ландкартъ и чертежей? Я однако не могъ его сіятельству донести, что хотя оныя отъ меня въ Академію и посланы и апробованы къ печати, но знатно не исправились напечатаніемъ ихъ. Онъ на то отзывался, что они весьма бѣ нужны, и рекомендовалъ мнѣ, чтобъ я о тамошнихъ странахъ описанія мои продолжалъ»...

Появленіе въ свѣтъ «Топографіи Оренбургской» было для своего времени событіемъ замѣтнымъ и въ литературѣ, и въ обществѣ. Изъ нея въ первый разъ узнаны были разныя подробности о такомъ краѣ, который мало былъ извѣстенъ не только большинству публики, но и самому правительству. Послѣднее, отправляя туда главныхъ начальниковъ, давало имъ полномочія, въ силу которыхъ тѣ могли распоряжаться въ странѣ по собственному усмотрѣнію и не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ Россіи смутно знали, что въ оренбургскомъ краѣ идетъ отчаянная борьба между туземнымъ населеніемъ и новыми пришельцами изъ нашихъ; что тамъ непрерывныя возстанія; что туда требуются войска, и т. д. При такомъ положеніи края трудъ о немъ Рычкова былъ важною новостью для современниковъ. Нынѣ онъ, конечно, не имѣетъ уже этой цѣны, но все таки остается единственною справочною книгою, безъ которой нѣтъ никакой возможности обойтись, какъ скоро рѣчь заходитъ о состояніи оренбургскаго края въ прошломъ столѣтіи.

¹⁾ «Ежегодныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ», мартъ 1763 г., стр. 269, 270.

Шлецеръ обратилъ на «Топографію Оренбургскую» особенное вниманіе и составилъ обширный обзоръ ея, который помѣщенъ въ *Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen* ¹⁾. «Къ достопамятствамъ сего жъ 1766 году въ разсужденіи моемъ, занисано въ автобіографіи Рычкова, и сіе причесть надлежитъ, что въ Геттингенскихъ объявленіяхъ объ ученыхъ дѣлахъ, подъ дирекціею королевскаго собранія наукъ, въ мартѣ мѣсяцѣ напечатана рецензія на Оренбургскую мою Топографію съ немалымъ выхваленіемъ. Я ее, переведа на русскій языкъ, приобщилъ къ той моей Топографіи, коя въ домашней моей библиотекѣ нѣбдетъ»...

Академикъ Палласъ, во время путешествія своего по оренбургскому краю въ 1769 году, принялся за переводъ Топографіи на нѣмецкій языкъ, о чемъ Рычковъ писалъ къ Миллеру 11 ноября 1770 года: «Г. профессоръ Палласъ пишетъ ко мнѣ, что онъ самъ зачалъ переводить на нѣмецкой языкъ Топографію Оренбургскую и намѣренъ приобщить къ ней свои примѣчанія, а потомъ напечатать ее въ Берлинѣ. Съ его переводу намѣрилось я сдѣлать переводъ на русской языкъ только такъ, какъ онъ напишетъ. Увѣдомьте меня, милостивый государь мой, можетъ-ли сія книга вторично напечатана быть въ университетѣ ²⁾ на нашемъ языкѣ съ примѣчаніями г. профессора и съ моими дополненіями. Г. профессоръ по нѣскольку листовъ переводу своего хотѣлъ ко мнѣ присылать, а я ихъ, переводя на русской языкъ, сталъ бы къ вамъ присылать для напечатанія. И на сіе буду отъ васъ увѣдомленія ожидать»... 18 ноября 1770 года: «Г. Палласъ отъ 4 ноября пишетъ ко мнѣ: mit Uebersetzung der Topographie bin ich bis in die Mitte des vierten Capitel gekommen, und werde, wann es Ew. Hoch... angenehm ist, eine Probe davon aber in Schwarzen zu übersenden die Ehre haben»... 4 декабря 1770 года: «теперь получилъ я письмо отъ г. профессора Палласа и перевода его Оренбургской Топографіи пять листовъ мелкаго нѣмецкаго письма. Переводъ весьма прекрасной»...

Что Палласъ придавалъ особенное значеніе труду Рычкова, то можно видѣть изъ словъ его въ предисловіи къ «Путешествію

¹⁾ I Band, 1766, SS. 217—220; 249—254; 264—268.

²⁾ Московскомъ, такъ какъ Миллеръ съ 1765 г. жилъ уже въ Москвѣ.

по разным провинціямъ россійской имперіи», гдѣ послѣ упоминанія съ похвалою о «Топографіи Оренбургской» замѣчено, что она «по справедливости достойна быть переведена на другіе языки». Продолженіе своего перевода «Топографіи Оренбургской» Палласъ вѣроятно оставилъ по тому, что въ 1771 и 1772 годахъ напечатаны два нѣмецкіе перевода этого сочиненія, а именно:

Въ V-й части извѣстнаго изданія Бюшинга *Magazin für die neue Historie und Geographie*, 1771, (стр. 457 sq.) — первая часть «Топографіи Оренбургской» въ переводѣ Христіана Генриха Газа, пастора въ Зульцѣ, а въ VI-й части—окончаніе ея (стр. 473 sq.). Бюшингъ въ общемъ предисловіи къ V-й ч. своего Магазина говоритъ: «переводъ описанія оренбургской губерніи г. Рычкова, безъ сомнѣнія, будетъ принятъ съ удовольствіемъ, такъ какъ, по важности этого труда, его давно желали видѣть на нѣмецкомъ языкѣ. Замѣчательно, что переводъ сдѣланъ проповѣдникомъ въ альтенбургскомъ княжествѣ, который былъ самъ себѣ учителемъ въ русскомъ языкѣ и изучалъ его при пособіи многихъ вспомогательныхъ источниковъ, найденныхъ имъ въ Вольфенбюттельской бібліотекѣ»... Не удивительно поэтому, что въ переводѣ Газа не мало неточныхъ мѣстъ и промаховъ: они указаны Миллеромъ въ рукописной статьѣ его «Погрѣшности г. Газа въ переводѣ оренбургской исторіи»,—хранящейся, вмѣстѣ съ другими бумагами академика, въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾. «Могу сказать, писалъ Рычковъ къ Миллеру 14 сентября 1771 года, что не непріятно мнѣ было видѣть изъ письма вашего о переводѣ и о напечатаніи Топографіи моеи въ Германіи. Вы много одолжите меня, милостивый государь мой, ежели г. Бюшинга Историческаго Магазейна тѣ части, въ коиъ оная Топографія будетъ, пожалуете мнѣ достанете. Деньги» и проч.—18 іюля 1773 года: «Переводъ Оренбургской Топографіи и Казанской Исторіи читаетъ г. губернаторъ, но не хвалитъ его, да и я примѣтилъ нѣкоторыя выраженія, съ моимъ подлинникомъ не очень сходныя. Г. профессора Палласа переводъ гораздо будетъ лучше и совершеннѣе»...

¹⁾ «Герардъ Фридрихъ Миллеръ» г. Соловьева въ *Современникѣ* 1854 года, т. XLVII, отд. II, стр. 148.

Секретарь и переводчик въ Ригѣ Родде издагъ тамъ *Orenburgische Topographie* въ двухъ частяхъ въ 1772 г. Въ предисловіи его сказано: «Топографія Оренбургская, какъ сочиненіе, отличающееся превосходными достоинствами, не требуетъ пространной оцѣнки. Образованной публикѣ извѣстно, что до сихъ поръ мало знали описанныя тамъ страны и что недоставало надлежащей достовѣрности тому немногому, что встрѣчалось въ отрывочныхъ описаніяхъ о нихъ. Господинъ сочинитель съ давнихъ уже поръ живетъ въ оренбургской губерніи и теперь находится тамъ же начальникомъ главнаго солянаго правленія. Слѣдовательно онъ имѣлъ случай почерпать извѣстія изъ оффиціальныхъ дѣлъ оренбургской губерніи. Онъ часто ссылается на нихъ, и они носятъ на себѣ печать достовѣрности. Многіе предметы онъ самъ видѣлъ и изслѣдовалъ наблюдательнымъ окомъ, а то, что основано на устныхъ разсказахъ, оправдывается ссылками на заслуживающихъ довѣрія людей. Главное, что во всемъ сочиненіи видѣтъ безпристрастный человѣкъ, усердный желатель раскрытія истины и споспѣшествователь общественному благу».

Въ 1763 г. Миллеръ предложилъ русскимъ читателямъ на рѣшеніе вопросы: почему русскихъ государей называютъ бѣлыми царями, а часть Литвы Бѣлою Россіею ¹⁾? Прочитавъ это приглашеніе, Рычковъ послалъ въ отвѣтъ Миллеру свою статью по этому предмету.

Академикъ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что изъ читателей его изданія выискался наконецъ одинъ, который прислалъ отвѣтъ на печатно предложенный вопросъ: Миллеръ и прежде помѣщалъ въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ задачи на рѣшеніе любителей и знатоковъ, но таковыхъ въ тѣ времена не находилось. «Я получилъ, отвѣчалъ Миллеръ Рычкову 7 іюля 1763 года, два экземпляра вашей статьи о бѣломъ царѣ. Она меня очень обрадовала — вы одни доказываете, что мои старанія не тщетны ²⁾»...

Статья Рычкова въ формѣ письма къ Миллеру помѣщена

¹⁾ Ежемѣсячныя сочиненія, 1763 года апрѣль, стр. 361 — 368; май, стр. 478 — 480.

²⁾ V-й портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ въ архивѣ академической конференціи.

въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ ¹⁾ съ примѣчаніемъ; ...«хотя въ ономъ совершеннаго помянутаго задачи рѣшенія не находится, чего по видимому надѣяться и не можно, однако всякой признавать долженъ, что историческія и географическія розысканія, здѣсь сообщенныя, вѣдущей похвалы достойны»... По мнѣнію Рычкова, титулъ бѣлаго царя придавался русскимъ государямъ потому, что «цвѣтъ бѣлой въ Россіи издревле былъ почтеннѣйшій, а напротивъ того черной значилъ всегда подлость и уничтоженіе»... Онъ утверждалъ также, что азіатскіе государи придавали русскимъ царямъ этотъ титулъ въ подражаніе русскимъ. Это же говорилъ и генералъ-маіоръ Тевкелевъ. «Онъ, писалъ Рычковъ къ Миллеру 14 сентября 1763 г., подтвердилъ мое мнѣніе, что то званіе изъ Россіи къ нимъ пришло. Только-де сперва, когда татарскіе государи были сильнѣе російскихъ, російскихъ государей именовали акъ-бін, т. е. бѣлой князь и государь; а наконецъ изъ того уже акъ-падыша, т. е. бѣлый царь, или императоръ произошло»... Названіе Бѣлой Россіи Рычковъ производилъ отъ бѣлаго платья, «въ Россіи въ великомъ употребленіи бывшаго», и въ подтвержденіе тому ссылался на сочиненія Татищева. При этомъ Миллеръ сдѣлалъ слѣдующее справедливое возражаніе: «Г. Рычковъ да позволитъ намъ при семъ примѣчать, что свидѣтельства новѣйшихъ сочинителей о древнихъ происшествіяхъ доказательствомъ историческимъ служить не могутъ, если на свидѣтельствахъ древнихъ не основаны. Намъ не безызвѣстно было, что г. Татищевъ въ ономъ мнѣніи находился, хотя мы о томъ именно не объявляли. Почтеніе наше къ похвальнымъ заслугамъ сего искуснаго мужа по истиннѣ превелико, и не можемъ мы не сожалѣть о томъ, что изрядныя его сочиненія—тридцатилѣтнихъ трудовъ плоды—въ печать не производятся: но сего по нашему мнѣнію не довольно, чтобъ съ нимъ въ семъ дѣлѣ согласиться. Мы ссылаемся на всѣ російскіе лѣтописцы, на Нестора преподобнаго съ его продолжателями. Изъ нихъ бы было доказать, что Бѣлая Русь до Москвы и далѣе простиралась, чего мы въ нихъ не нашли. И того ради остаемся мы при прежнемъ мнѣніи»...

Въ томъ же 1763 году Миллеръ предлагалъ рѣшить: отчего

¹⁾ 1763 годъ, августъ, стр. 120—123.

произошло названіе Черной Россіи ¹⁾? Рычковъ прислалъ отвѣтъ, заимствованный, по его словамъ, изъ сочиненій Татищева; но при этомъ онъ предупреждалъ Миллера (30 августа 1763 года): «нѣ мнитса весьма трудно и не надежно отгадывать древнія званія городовъ и мѣстъ, и не думаю, чтобъ то при всякомъ случаѣ нужно было. Кажется, что въ томъ весьма немного реальнова или существеннаго найдется къ исторіи. Сіе я вамъ, какъ истинному другу и милостивцу, осмѣливаюсь сказать... (31 августа 1763 года): «дѣла и вещи, которыя отъ гаданія нашего происходятъ, рѣдко вѣроятными бывають... Я по нынѣ того мнѣнія, что сія задача ваша (о бѣломъ царѣ), такъ какъ и о Черной Россіи съ Черною, суть не рѣшимыя. Вы сами лучше моего изволите знать, что о такихъ вещахъ въ старину не только у насъ, но и у другихъ народовъ весьма мало думали, и званія мѣстамъ и людямъ часто прилагались по одному воображенію безъ всякаго свойственнаго имъ резона»...

Когда была окончена печатаніемъ «Топографія Оренбургская», то Миллеръ совѣтовалъ Рычкову приняться за составленіе географіи Россіи.

«Я бѣ, отвѣчалъ онъ изъ Спасскаго 28 марта 1763 года, охотно взялся за то, чтобъ сочинить введеніе къ географіи всероссійской имперіи; но ежели оное обстоятельное надобно, то въ немъ гораздо больше трудности, нежели въ историческомъ сочиненіи. Что до исторіи надлежитъ, сіе можно брать изъ разныхъ книгъ и сочиненій, а въ географіи нужно будетъ справки и сношенія имѣть съ такими людьми, которые о принадлежностяхъ къ ней никакого почти понятія не имѣють. Довольно для меня, ежели бѣ я в Казанскую губернію подъ именемъ Топографіи Казанской описалъ. Сдѣлайте мнѣ отъ Академіи формальное предложеніе и доставьте мнѣ требующіеся къ тому способы, дабы я могъ свободную корреспонденцію имѣть и надобныя къ тому извѣстія получать, то бѣ я сію часть географіи россійской, а можетъ быть и астраханскую бѣ на себя взялъ; но не могу и тутъ обнадѣжить васъ скорымъ исполненіемъ всего того, а буду отъ времени до времени продолжать сколько моя возможность, по слабости силъ

¹⁾ Ежемѣсячныя сочиненія 1763 г. июль, стр. 96.

моихъ, допустить. Изъ такихъ частныхъ или мѣстныхъ описаній не трудно уже будетъ и всецѣлую географію сочинить...

Вслѣдствіе этого письма, Миллеръ, 5 мая 1763 года, представлялъ академической канцеляріи, чтобъ изъ сената былъ выработанъ указъ объ оказаніи Рычкову содѣйствія при составленіи имъ географическихъ описаній казанской и астраханской губерній ¹⁾.

Донесеніе Миллера оставалось въ академической канцеляріи безъ помѣты и исполненія до 15 мая. Въ этотъ день Ломоносовъ далъ туда знать, что онъ уволенъ вовсе изъ Академіи ²⁾, а Таубертъ тогда же распорядился записать въ канцелярское постановленіе, чтобы о Рычковѣ представить въ сенатъ по возвращеніи его изъ Москвы въ Петербургъ. 26 августа 1763 года это дѣйствительно было исполнено, но сдѣлано ли что нибудь сенатомъ о Рычковѣ, изъ тогдашней переписки о немъ въ академической канцеляріи не видно.

Между тѣмъ Рычковъ продолжалъ писать къ Миллеру о необходимости оффиціального содѣйствія; такъ 26 мая 1763 года онъ сообщалъ ему: «Признаніе ваше въ ученыхъ извѣстіяхъ ободраетъ меня къ сочиненію географіи ³⁾»; но буду ожидать отъ васъ къ тому плана и наставленія, о чемъ я на предварившихъ почтахъ писалъ. Г. Волковъ ⁴⁾, нынѣ въ Оренбургѣ обрѣтающийся вице-губернаторомъ, не чаю, чтобъ мнѣ съ своей стороны доставлялъ къ тому хорошіе способы, хотя онъ мнѣ весьма уже давно знакомъ, а я его всегда считалъ моимъ пріятелемъ. Я къ нему при письмѣ, какъ къ другу, послалъ Оренбургскую Топографію, но онъ, сказываютъ, и не посмотря въ нее, отдалъ ее другому и на мое

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга подъ № 275.

²⁾ Матеріалы для биографіи Ломоносова, собр. Биларскимъ стр. 608.

³⁾ Здѣсь Рычковъ разумѣетъ хвалебный о немъ отзывъ Миллера въ Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ 1763 г. мартъ, о чемъ говорено выше на стр. 64.

⁴⁾ Дмитрій Волковъ пользовался особеннымъ значеніемъ на дѣла при императорѣ Петрѣ III, а по возшествіи на престолъ императрицы Екатерины II былъ назначенъ въ Оренбургъ вице-губернаторомъ на мѣсто возвращеннаго оттуда Адодурова. Въ Государственномъ Архивѣ хранится письмо къ Волкову Рыčkова 16 іюня 1762 года, писанное слѣдовательно до извоженія Петра III. Здѣсь Рычковъ напоминаетъ Волкову о его къ нему «спасительствѣхъ», особенно же въ послѣднюю его бытность въ Петербургѣ, и проситъ содѣйствія объ опредѣленіи вновь на службу.

письмо отвѣту (sic) не удостоилъ. Не знаю тому причины, но сей опытъ худую надежду подаетъ мнѣ въ собраніи оттудова къ до-
полненію оной книжки. Сіе вамъ, какъ моему истинному другу,
разсудилось сообщить»...

Изъ слѣдовавшихъ за тѣмъ писемъ Рычкова въ іюні —
августѣ 1763 года видно, что онъ приступилъ — было къ приго-
товительнымъ работамъ по составленію географическихъ описаній
названныхъ двухъ губерній, но другія занятія и надежда быть
вызваннымъ въ Петербургъ для участія въ работахъ по комис-
сiи о коммерціи отвлекли Рычкова отъ географіи. О кабинет-
ныхъ своихъ работахъ онъ вспомнилъ только послѣ рѣзкаго замѣ-
чанія Миллера о его суетномъ желаніи служить въ Петербургѣ
(см. выше, гл. IV, стр. 52), и 31 іюля 1764 года увѣдомлялъ
его: «Помнится я къ вамъ писывалъ о сочиненіи казанской исто-
ріи, и вы сами меня къ тому ободряли исходатайствованіемъ указа
о дачѣ мнѣ потребныхъ къ тому извѣстій. Я тогда же было-при-
нялся за нее и нѣсколько главъ написалъ. Нынѣ у досугу раз-
сматривалъ. Она доходитъ до времени царя Ивана Васильевича.
Сожалѣю, что обстоятельнѣе не могъ я писать за недостаткомъ
у меня потребныхъ къ тому извѣстій; но чтобъ и тотъ мой трудъ
небольшой втунѣ не остался, думалъ я оное до васъ послать подъ
именемъ «Опыта казанской исторіи»... Другую часть сего Опыта
послѣ могу прислать. Въ ней показаны будутъ походы къ Казани
царя Ивана Васильевича и нынѣшнее города состояніе. За симъ
можно и легче будетъ прочія сей губерніи мѣста описывать»...

7 августа 1764 года: «На прошедшей почтѣ послалъ уже я
до вашего высокоблагородія первый листокъ Опыта моего казан-
ской исторіи. Опытомъ назвалъ я ее какъ еще несовершенную,
а притомъ и вашему послѣдую ¹⁾... Я васъ, какъ друга и мно-
стивца, прошу посылаемое нынѣ разсмотрѣть и несправности
выправить по вашему разсужденію и искусству. Можетъ быть,
что я во многомъ ошибся и не такія доказательства приводилъ,
какія требуются. Я изъ того выбирать, что у меня нынѣ есть.
Сожалѣю, что и писца исправнаго у меня нынѣ нѣтъ: кое-какъ
переписано, а мнѣ самому не удалось хорошенько высмотрѣть,

¹⁾ Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» 1761 года помѣщенъ Миллеромъ
«Опытъ новѣйшихъ исторіи о Россіи».

но сіе у васъ можетъ быть исправлено... Списокъ казанской исторіи г. Пестрикова, который уже покойникъ, весьма плохъ. Многое такъ дурно писано, что выразумѣть трудно, и я принужденъ въ слѣдующихъ главахъ употребить мой. Но можетъ быть отъ сего моего опыта подастся поводъ другимъ лучшее и обстоятельное описаніе учинить. Я вашего мнѣнія: что нибудь лучше, нежели ничего!»

20 ноября 1764 года: «Послѣ отсылки къ вамъ второй части Опыта казанской исторіи, кою я выписывалъ изъ описанія бывшаго въ Казани географа Пестрикова, получилъ я еще описаніе казанское. Надпись его есть слѣдующая: «Сказаніе вкратцѣ о началѣ царства казанскаго и о побѣдахъ великихъ князей московскихъ со царями казанскими, и о взятіи того жъ царства казанскаго благочестивѣйшимъ царемъ и великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ». Сочинитель не именовалъ сего, но видно, что онъ былъ русскою изъ военныхъ людей, попалъ въ полонъ и жилъ въ Казани при ханѣ Сипъ-Гиреѣ въ близости и въ милости его двадцать лѣтъ. По взятіи жъ Казани, вышелъ онъ къ царю Ивану Васильевичу и обращенъ паки въ христіанство. Кажется, что оно самое то, изъ котораго г. Пестриковъ выписывалъ. Только списокъ попался мнѣ худаго письма и со многими описками. Я, случая то и другое, разсудилъ въ свободные часы мое сочиненіе снова переписать все моею рукою, и какія несходства или въ семъ послѣднемъ пополненіи явятся, оныя внести подъ чертою въ примѣчанія или на погѣ подъ X »...

Миллеръ не былъ доволенъ Опытомъ казанской исторіи Рычкова и 13 сентября 1764 г. писалъ къ нему: «по моему мнѣнію вы притомъ должны еще воспользоваться Лызлова Скинской Исторіею. Вы упоминаете Пестрикова, а слѣдуетъ ссылаться только на извѣстныхъ казанскихъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ Пестриковъ, какъ кажется, выписывалъ слово въ слово ¹⁾»...

«Пріятнѣйшее ваше письмо отъ 13 сентября получилъ я, отвѣчалъ 27 ноября 1764 г. Рычковъ, 22 числа сего ноября.... Лызлова Скинской Исторіи у меня нѣтъ. И такъ, ежели возможно и вамъ не трудно, то не сомозволите-ль вы у себя изъяс-

¹⁾ V-й портфель писемъ исторіографа Миллера, въ архивѣ академической конференціи.

нить и доволнить мое описаніе вашими примѣчаніями. Я уже доносилъ, что поналось мнѣ въ руки и то, изъ коего Пестриковъ выбиралъ и въ первую мою часть чтѣ надлежитъ изъ него дополнить примѣчаніями подѣ чертой. Ежели-бъ письмо ваше ускорилося, то бѣ я, не упоминая Пестрикова, все въ самой текстъ вносить. Теперь надобно будетъ все снова передѣлывать—не знаю, доволнить ли мнѣ время, ибо нѣсколько слабъ здоровьемъ нахожусь»...

Несмотря на такіа отговорки, Рычковъ однако послѣдовалъ скоро совѣту Миллера и принялся за поправки и дополненія, но академикъ рѣшительно не удовлетворялся этимъ. «Казанскую исторію, писалъ онъ 27 декабря 1764 г., безъ сомнѣнія слѣдуетъ переработать. Кромѣ Лызлова есть много другихъ рукописей и въ особенности лѣтописцовъ времени Ивана Васильевича, но объ этомъ подробнѣе въ другой разъ ¹⁾»...

«Опытъ казанской исторіи» Рычкова печатался при Академіи уже послѣ отъѣзда изъ Петербурга Миллера, о чемъ авторъ увѣдомлялъ его 18 ноября 1766 года: «Опыту моего казанской исторіи первыхъ главы Иванъ Ивановичъ Таубертъ съ г. профессоромъ Шлецеромъ посылалъ въ Геттингенъ (?), чтобъ экзаменовать ихъ въ историческомъ собраніи; но наконецъ всю книжку приказалъ онъ печатать съ моего манускрипта и прислалъ уже ко мнѣ семь главъ печатанныхъ, чтѣ половину книжки сочиняетъ, и требовалъ, дабы я ко оной книжкѣ дедикацію на имя ея величества и предувѣдомленіе поскорѣе прислалъ, чтѣ я и отправилъ къ нему изъ Оренбурга 28 сентября на его разсмотрѣніе; но по сіе время не имѣю отъ него на то извѣстія. Со оной дедикаціи и предувѣдомленія для вашего свѣдѣнія прилагаю при семъ копіи. Не погнувайтесь, милостивый государь мой, что я тутъ имя ваше употребилъ, не согласясь съ вами: за скоростію сіе сдѣлалъ изъ благодарности и почтенія моего къ вамъ въ сходственность моеи идеи. Книжку самую противъ той, какова отъ меня послана была къ вамъ, во многихъ мѣстахъ я поправилъ противъ данной мнѣ отъ васъ казанской лѣтописи. Тутъ же прибавилъ особую главу

¹⁾ V-й пергаменъ писемъ исторіографа Миллера, въ архивѣ академической канцеляріи.

о татарскихъ ханахъ, начавъ отъ Батыя до послѣдняго, по со-
вѣту вашему»...

«Опытъ казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ» на-
печатанъ въ 1767 году¹⁾, и въ мартѣ того года Рычковъ пред-
ставилъ Екатеринѣ II свою книгу, о чемъ говорено уже выше
на стр. 54, гл. IV. «Всѣ великіе государи, сказано въ посвя-
щеніи императрицѣ, были всегда великіе любители исторіи. Ваше
императорское величество, превосходя ихъ..., чтеніе историческихъ
книгъ почитаете всегда наипріятнѣйшимъ упражненіемъ. Потому
осмѣливаюсь я сей малый» и пр...

Въ предисловіи Рычковъ выражаетъ сначала желаніе имѣть
полную исторію Россіи. «...Да и нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ,
чтобъ то не исполнилось. Съ начала санктпетербургской импера-
торской Академіи Наукъ, основанной императоромъ Петромъ Ве-
ликимъ, отцемъ отечества, потрудились уже и нынѣ въ ней упраж-
няются самыя знатныя и ученые люди. Собранія, отъ искусныхъ
и трудолюбивыхъ мужей учиненныя, и издаваемые въ печать раз-
ныя манускрипты подъ именемъ Россійской Библіотеки послужатъ
къ тому великимъ способомъ и руководствомъ. Начало ея оста-
вилъ уже намъ покойный статскій совѣтникъ Ломоносовъ —
примѣръ, достойный подражанія».

«Но... общая исторія всей Россіи, чтобъ быть ей полною и
совершенною, по великости имперіи и по множеству ея провинцій,
изъ которыхъ въ древнія времена во многихъ бывали особенныя
царства и княженія, необходимо требуетъ особенныхъ описаній.
Такое описаніе о началѣ Новгорода и великомъ семъ княженіи
имѣемъ уже мы ученымъ мужемъ²⁾ сочиненное; сибирское цар-
ство имъ же описано; отдаленнѣйшая Камчатка имѣетъ уже свою
исторію³⁾; новая оренбургская губернія, подъ именемъ исторіи и
топографіи, по возможности моею представлена... Исторія казан-
скаго царства, по ея многимъ переменамъ, мѣшавшимся съ исто-
рією о всей Россіи, была бъ для насъ еще важнѣе и полезнѣе

¹⁾ Въ 8°, 10 нек. стр. (посвященіе и предисловіе), 196 стр. и реестръ на
86 нек. стр.

²⁾ Миллеромъ.

³⁾ Крашенинникова.

сибирской... Опытъ сей казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ послужить къ тому началомъ»...

Отсутствие исторической критики и ученыхъ приемовъ—главные недостатки этого труда Рычкова. Какъ перерабатывалъ онъ имѣвшіеся подъ руками его матеріалы, видно изъ собственнаго его разсказа на стр. 67 о спискахъ казанскаго лѣтописца: «въ послѣдованіи сего Опыта, всѣ оныя списки, сличая, буду считать за одинъ и стану изъ нихъ сокращать и вносить здѣсь одно то, что покажется мнѣ вѣроятнѣе, достойнѣе примѣчанія и съ нынѣшнемъ состояніемъ сходственнѣе»... Рычковъ, что впрочемъ вѣрѣдко встрѣчаемъ и у современныхъ намъ составителей статей по русской исторіи, не понималъ различія между первоначальными источниками и вспомогательными и пользовался ими безразлично. Такъ Миллеръ ему указывалъ, что онъ сдѣланное Пестриковымъ извлеченіе изъ лѣтописи положилъ въ основаніе всему своему разсказу, какъ первоначальный источникъ, а между тѣмъ Пестриковъ составлялъ свое извлеченіе въ тѣ времена, въ которыя жилъ и Рычковъ, и притомъ изъ тѣхъ же лѣтописцевъ, которые были, какъ оказалось послѣ, и въ рукахъ Рычкова.

Въ «Опытѣ казанской исторіи» нѣтъ также того, что дѣлаетъ донинѣ «Оренбургскую Топографію» полезною книгою для справокъ,—это по возможности обстоятельныхъ, собранныхъ очевидцемъ извѣстій о современномъ состояніи края. Четырнадцатая глава «Опыта» озаглавлена «О мѣстоположеніи города Казани и о нынѣшнемъ состояніи онаго» и есть ничто иное, какъ краткое описаніе, сдѣланное тѣмъ же Пестриковымъ въ 1739 году, т. е. почти за тридцать лѣтъ до выхода книги.

Шлецеръ посвятилъ и этому сочиненію Рычкова довольно обширную рецензію ¹⁾, гдѣ высказалъ, что о казанскомъ царствѣ существуютъ на русскомъ языкѣ множество рукописныхъ сказаній то искаженныхъ, то интерполированныхъ и, стало быть, требующихъ такой же трудной и тонкой критики, какъ и всѣ прочія русскія лѣтописи. «Однако, продолжаетъ Шлецеръ, всѣ эти рукописныя сказанія, кажется, принадлежать одному сочинителю, именно неизвѣстному русскому XVI вѣка, который попалъ въ

¹⁾ Göttingische Anzeigen, 1769, B. 2, SS. 1340—1349.

Сборникъ II Отд. Ш. А. Н.

Казань пленнымъ и жилъ двадцать лѣтъ при дворѣ Свѣтъ-Гирея... Г. Рычковъ предлагаетъ извлеченіе изъ этой лѣтописи, во не столько для удовлетворенія читателя, сколько для возбужденія любопытства и вниманія его въ качествѣ предвозвѣстника полнѣйшаго описанія примѣчательной казанской губерніи, котораго желаетъ и онъ, и каждый другъ и знатокъ исторіи... Въ первой главѣ говорится о древнихъ обитателяхъ казанскаго края. Здѣсь много темнаго, но не по винѣ трудолюбиваго автора—его ввели только въ заблужденіе плохіе руководители. Лызловъ, писавшій въ 1690 г., рагузенинъ Орбини, который переведенъ по приказанію Петра въ 1722 году, Бароній и тому подобныя не имѣютъ уже болѣе никакого значенія при изслѣдованіяхъ о темныхъ и сбивчивыхъ временахъ переселенія народовъ, и мы желали бы лучше часто ихъ видѣть имена Дюканжа, Пейсовеля, Дежнева, Эрбоу и др. Никогда славяне не жили на Волгѣ, а тѣмъ менѣе переходили, какъ баснословитъ Орбини, изъ Скандинавіи чрезъ Померанію къ Каспійскому морю. Историкъ въ 1767 г. не долженъ вовсе упоминать подобныхъ разсказовъ, или же говорить о нихъ такъ, какъ взрослый человѣкъ говоритъ о глупостяхъ своего дѣтства. Геродотъ зналъ объ этихъ странахъ очень мало, а его послѣдователи Страбонъ, Плиній и пр. еще менѣе. Что за народъ были бугары—это теперь еще загадка... Въ заключеніе Шлецеръ говоритъ: «Теперь слѣдуетъ прежде всего собрать съ польдюжину казанскихъ лѣтописей и напечатать лучшую и полнѣйшую изъ нихъ in extenso и буквально, какъ Никоновскую Лѣтонись, а отмѣны остальныхъ помѣстить на поляхъ. Голое извлеченіе возбуждаетъ только любопытство, не удовлетворяя его; возбуждаетъ смущеніе въ историкѣ; расползаетъ давнишнія заблужденія лѣтописцевъ-неучей и подаетъ поводъ къ высиживанію новыхъ заблужденій»...

Рычковъ услышалъ объ этомъ разборѣ въ 1770 г. и тотчасъ же просилъ Миллера о доставленіи ему статьи хотя бы только для прочтенія. Желаніе его скорѣе за тѣмъ было исполнено, но справедливыя замѣчанія Шлецера не были ему по-сердцу, и онъ подъ вліяніемъ раздраженнаго авторскаго самолюбія писалъ, 2 іюня 1770 г., къ Миллеру: «Рецензію г. Шлецера я читалъ. Она меня не трогаетъ, но показываетъ въ разныхъ мѣстахъ чрез-

мѣрное самолюбіе, или паче самохвальство сочинителя ея. Неуваженіе тѣхъ писателей, которыхъ я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляю, не заслуживаетъ (?) возраженія. Славяна-ль по Волгѣ жили, или татара въ старину подъ именемъ болгарь, онъ и самъ не знаетъ и ничего не утверждаетъ. Сіе ему, какъ историкъ, чести не дѣлаетъ (!), но что тутъ въ давныя времена русскіе и новгородцы находились, на сіе мы очень много находимъ у себя вѣроятныхъ доказательствъ. Оставляю сіе»...

Изъ писемъ Рычкова къ Миллеру въ 1768 и 1769 годахъ видно, что первый занимался матеріалами, касающимися исторіи Астрахани и 31 января, 1769 г., послѣ отсылки двухъ первыхъ частей ея, писалъ: «Ко астраханской исторіи принадлежащаго имѣю я у себя только Разина бунтъ, и тамошнее отъ него разореніе описано съ нарочитымъ пространствомъ. Я думаю сіе внести къ симъ собраніямъ особою частію, начавъ сперва тамошнимъ замѣшательствомъ, причиненнымъ отъ Марины Сендомирской побѣгомъ ея туда; потомъ бунтъ Разина, а напоследокъ въ 1704 году при Петрѣ Великомъ бывшее замѣшательство, о которомъ Страленбергъ упоминаетъ»...

По полученіи отъ Миллера примѣчаній и дополненій на первыя двѣ части астраханской исторіи, Рычковъ 1 августа 1769 года отвѣчалъ: «...Примѣчанія ваши неоднократно я читалъ: они достойны великаго вниманія. Я къ моему сочиненію намѣренъ ихъ, переведа на русскою языкъ, особымъ примѣчаніемъ сообщить; но прежде нежели сіе учиню, оное примѣчаніе на ваше разсужденіе къ вамъ сообщу и буду слѣдовать вашему наставленію. Подлинно, что столь отдаленныя отъ насъ времена инако не можемъ мы разбирать какъ догадками, но кто просвѣщеннѣе науками и достаточенъ во чтеніи, тотъ основательнѣе и ближе приходитъ къ истинѣ, покрайней мѣрѣ къ вѣроятности. Мнѣ кажется и наши лѣтописцы (sic), хотя они и не самимъ Несторомъ писаны, не во всѣхъ случаяхъ отвергать надобно. Въ спискѣ Никона патріарха, кой въ печать изданъ, Команъ и Русь не въ одномъ мѣстѣ за единый народъ признаваются. Другіе гораздо сего старѣе тоже утверждаютъ, Равномѣрно и о Тматорокани еще во время царя Ивана Васильевича говорили и писали (что и въ вашей, сообщенной ко мнѣ выпискѣ изъ лѣтописи сего государя показано), что она тутъ

была, гдѣ нынѣ Астрахань. И такъ сіе мнѣніе гораздо старѣе Лызлова и уже прошло ему болѣе двухсотъ лѣтъ. Уповаю и тогда были какія нибудь о семъ сказанія или старыя люди, сему послѣдовавшіе. Преподобный Несторъ, упоминая многія книжества, весьма мало изъясняетъ о ихъ мѣстоположеніяхъ. Имъ самимъ сказуемую Тмуторокань не трудно къ нынѣшнимъ астраханскимъ предѣламъ причестъ, рассуждая разные набѣги и уходы, въ Тмуторокань бывшіе. Вотъ, дражайшій другъ, почти все то, что я на примѣчанія ваши сказать могу».

Сочиненіе, о которомъ говорится въ сейчасъ приведенныхъ выпискахъ изъ писемъ Рычкова, напечатано было въ Москвѣ въ 1774 году, подъ заглавіемъ: «Введеніе къ Астраханской топографіи, представляющее въ первой части разныя извѣстія о древнемъ состояніи сей губерніи и обитавшихъ въ ней народовъ; а во второй — о покореніи сего царства подъ державу російскихъ монарховъ», въ 8°, на 76 стр.

Этотъ трудъ Рычкова не имѣетъ никакой цѣны, потому что здѣсь еще болѣе замѣтны поспѣшность и полнѣйшее отсутствіе критики, такъ что авторъ не дѣлаетъ никакого различія, наприм. между лѣтописцами и Лызловымъ; Эминнымъ, творцемъ російской исторіи и Миллеромъ и т. д., но всѣхъ ихъ приводитъ съ одинаковою вѣрою въ ихъ непогрѣшимость.

Изъ писемъ Рычкова къ Миллеру можно видѣть, что сверхъ обмѣна мнѣній по поводу печатавшихся отъ времени до времени сочиненій перваго, онъ сообщалъ ему разныя свѣдѣнія по части географіи и исторіи оренбургскаго края.

Такъ 26 февраля 1758 года Рычковъ доставилъ Миллеру росписъ картъ и журналовъ, хранившихся въ Оренбургѣ при «географическихъ дѣлахъ». Въ отвѣтъ своемъ 30 мая 1758 г. Миллеръ писалъ ¹⁾: «Я не знаю что изъ нихъ выбрать—всѣ хороши и всѣ надобны, а при оренбургской канцеляріи надобны-ли, того мнѣ неизвѣстно. Если тамъ не надобны, то кажется бы можно учинить канцелярское опредѣленіе, чтобъ для вѣщней пользы и для поправленія и дополненія російскаго атласа послать оныя въ Академію. Можетъ быть сыщется въ оренбургской канцеляріи и

¹⁾ П портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ, въ архивѣ академич. канцеляріи.

указъ, при которомъ оный атласъ въ тамошнюю, какъ во всѣ прочія губерніи, посланъ въ такой силѣ, чтобъ сообщить въ Академію все, что служить можетъ оному атласу въ поправленіе и дополненіе. И изъ прочихъ губерній уже не мало ландкартъ сообщено. Чего ради и оренбургская губернія потому же исполнить можетъ: но сіе я пишу токмо примѣромъ, а больше полагаюсь на собственное ваше раченіе и услужливость, довольно вѣдая, что сими качествами болѣе добра дѣлается въ канцеляріяхъ, нежели многократно подтвержденными приказами»...

19 октября 1758 года Рычковъ увѣдомилъ Миллера: «я приказалъ при здѣшнихъ географическихъ дѣлахъ новую ландкарту сочинять такъ, чтобъ на оной всѣ здѣшнія и сибирскія пограничныя мѣста и смежныя къ нимъ народы до самой китайской стѣны показаны были съ частію китайскаго государства, кои къ Россіи ближе... Вы, уповаю, простите мнѣ, что я въ незнаемыхъ и неописанныхъ мѣстахъ извѣстную вамъ Страленбергову карту и приложенную при переводѣ татарской исторіи Абулгази Хана французскую (печатанную въ Лейденѣ) употребить велѣлъ, ибо безъ того о тамошнихъ мѣстахъ полной идеи имѣть вамъ не можно бы»... 3 декабря того же 1758 года, Рычковъ эту карту доставилъ въ Академію.

По требованію Миллера, Рычковъ 28 іюля 1759 года сообщилъ ему: «киргизцы называютъ себя просто казаками, а иногда и съ приложеніемъ слова кыргызъ, или кыргызъ-казакъ. Слово кыръ значитъ на ихъ собственномъ языкѣ степь, а казакъ—вольный человѣкъ; изъ чего слагается степной или вольной человѣкъ. Сара-казакъ почти тожь, только съ персидскаго языка, ибо сара на персидскомъ языкѣ—степь. Степь еще и аланъ называютъ здѣшніе народы; потому изъясненіе всецѣхъ башкирцовъ, вамъ учиненное, не ложно»...

Въ 1759 году былъ отправленъ въ среднюю киргизъ-кайсацкую орду геодезистъ, который, возвратясь оттуда, сочинилъ карту всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ. Ее Рычковъ также переслалъ Миллеру, равно какъ и вѣдомости всѣхъ горныхъ заводовъ въ губерніяхъ оренбургской и казанской.

25 ноября 1759 г. онъ же писалъ Миллеру: «усматривая изъ письма вашего, съ какою благоугодностію принимаются у

вась новья ландкарты, прилагаю при семъ карточку Закамской линіи, которую я во второй части моей Топографіи при описаніи Ставропольскаго вѣдомства обстоятельно описалъ, наипаче для того, что сія линія, какъ уже покинутая, а многимъ казеннымъ коштомъ строенная, со временемъ оставитъ о себѣ малые токмо признаки и подастъ причину къ разнымъ мнѣніямъ. Уповаю, сіе апробовать изволите»...

Въ письмѣ отъ 16 декабря 1759 года онъ такъ объясняетъ извѣстный у киргизовъ обычай: «баранта разумѣется захватъ въ такомъ случаѣ, ежели киргизецъ одинъ у другаго украдетъ что-либо и добровольно не отдаетъ, то обиженный старается отогнать или отхватить лошадей, а иногда и людей захватываютъ и такъ долго держать, пока къ раздѣлкѣ принудятъ. Такимъ образомъ и цѣлые роды одинъ за другимъ разбираются. Да и въ здѣшнихъ дѣлахъ захватъ киргизцевъ повелѣно чинить, когда они воровство или злодѣйство учинятъ».

24 февраля 1760 года Рычковъ доставилъ Миллеру «записку о экспедиціи князя Бековича», говоря притомъ: «я здѣсь болѣе извѣститься о томъ не могъ». Между тѣмъ въ томъ же году въ январской книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» (стр. 1 и слѣд.) Миллеръ помѣтилъ «Извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ». Здѣсь между прочимъ упоминается вкратцѣ о посылкѣ князя Александра Бековича Черкаскаго въ Хиву съ офицерами Александромъ Когнинымъ (sic) и княземъ Васильемъ Урусовымъ. Прочитавъ эту статью, Рычковъ, 16 марта 1760 года, писалъ къ Миллеру, что о князѣ Бековичѣ сообщилъ ему со словъ генералъ-маіора Тевкелева. «Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я, продолжаетъ Рычковъ, сочиненіе вашего высокоблагородія о песошномъ золотѣ и пр. Сожалѣю, что за отлученіемъ моимъ отсюда трудно будетъ выписать о крѣпостяхъ иртышскихъ, ниже Омска построенныхъ, такожъ и о тѣхъ, кои по Ишиму строены: нынѣ всѣ оныя Новою Сибирскою линіею именуются. Сіе началось въ 1743 году, когда Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ въ Шадринску видѣлся. Я съ Иванъ Ивановичемъ тамъ былъ, и все дѣло

было моихъ рукъ по тогдашнему времени въ разсужденіи зюнгорцевъ, частью же и для китайцевъ. Ежели вы формально отъ меня о семъ потребуете, то изъ деревни формально жъ потребую выписки изъ канцеляріи и вась оными примѣчаніями оттуда увѣдомлю. Въ описаніи оренбургскомъ хотя и есть о томъ, но очень кратко: я его писалъ не ради того, чтобъ ему напечатану быть».

«Видно, что вамъ трудно находить обстоятельныя извѣстія, касающіяся до экспедиціи князя Александра Бековича ¹⁾. Мое, здѣсь учиненное можетъ служить за нѣкоторое дополненіе. Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ едва былъ ли съ Бековичемъ. Онъ здѣсь главнымъ командиромъ былъ и меня безмѣрно любилъ. Про Бековича я отъ него ничего не слыхалъ. То знаю, что онъ съ Кожиннымъ для описанія Каспійскаго моря отъ государя посланъ былъ, и оное описали они обстоятельно. Достохвальное ваше раченіе ко описаніямъ въ здѣшней сторонѣ имѣющихся владѣній влагааетъ мнѣ мысль когда нибудь, а паче по возвратѣ изъ отпуску извѣстіями объ оныхъ служить. Сіе можетъ со временемъ третью часть составить здѣшняго описанія»...

6 апр. 1760 г. Рычковъ послалъ Миллеру копія съ инструкціи, данной Петромъ Великимъ князю Александру Бековичу Черкасскому, и съ двухъ указовъ поручику Кожину. Эти матеріалы попались Рычкову въ копіяхъ съ писемъ государя къ генералъ-адмиралу Апраксину. 23 мая того же года къ Миллеру же доставленъ стараніями Рыčkова «проспектъ г. Оренбурга», сочиненный инженеръ-капитаномъ Ригельманомъ.

Миллеру были надобны извѣстія о добываніи сѣры около Волги, и Рычковъ 3 іюня 1760 г. писалъ по этому случаю: «Сѣрной заводъ на той сторонѣ (т. е. на правой по теченію) Волги, отъ города Самары, какъ помнится, верстъ 18 или 20, къ оренбургской губерніи не принадлежитъ. Я тамъ самъ неоднократно

¹⁾ Двадцать лѣтъ спустя послѣ первой печатной статьи Миллера о князѣ А. Черкасскомъ, въ изданіи 1772 г. «Журналъ или подневной запискѣ» Петра Великаго т. II, стр. 841 — 897, сообщены подробныя и обстоятельныя извѣстія о неудачной экспедиціи этого князя въ Хиву. Въ Москвитинѣ 1842 года, часть VI, № 12, Ист. матер., стр. 878 — 894, «Записка о поѣздахъ Александра Бековича князя Черкаскаго къ восточному берегу Каспійскаго моря и о сухопутной экспедиціи его въ Хиву». Записка эта составлена также на основаніи современныхъ матеріаловъ.

бывалъ проѣздомъ, но не любопытствовалъ. То только знаю, что онъ на самомъ берегу Волги подъ высокой горой. Сѣрную землю выкапываютъ тутъ изъ горы и вывариваютъ изъ нея сѣру. А сѣрнымъ ключамъ быть тутъ не надѣюсь; попадаетъ же тутъ и натуральная сѣра, цвѣтомъ и чистотою подобная янтарю. Помните я нѣсколько кусочковъ до вашего высокоблагородія ей отправилъ. Ожидаю къ себѣ въ гости изъ Ставрополя г. подполковника Куроѣдова, кой въ тамошней канцеляріи присутствуетъ и мнѣ дядя. Онъ, по близости сего мѣста находясь, все знаетъ. Я, отъ него извѣстясь, васъ увѣдомлю, а можетъ быть и самъ тамъ не буду ль. О пригородѣ Сергіевскѣ во второй части моей Топографіи найдете вы по обстоятельству, нежелъ въ первой. Только нынѣ при ономъ сѣрнаго и никакого завода тутъ нѣтъ. Бывшій тутъ заводъ сѣрной перенесенъ на вышеозначенное мѣсто за Волгу. Чертежи оренбургскихъ публичныхъ строеній вмѣсто того, чтобъ имъ праздно у меня лежать, разсудилъ я нынѣ къ вамъ отправить; не пригодятся-ль они у васъ? У меня къ черной книгѣ въ концѣ также сообщены по сему: 1. Церковь соборная дѣтняя. 2. Тоже земная. 3. Приходская петропавловская. 4 и 5. Троицкая и никольская. 6. Загородная св. Георгія. 7. Губернская канцелярія. 8. Губернаторскій домъ. 9. Гостиной дворъ. 10. Мѣновой дворъ. 11. Питейные выходы, надъ которыми полиція и корчемная контора. 12. Артиллерійской дворъ. 13. Соборная церковь въ Ставрополѣ. 14. Тоже въ Троицкой крѣпости. Все каменное».

(Р. S). «Г. Подполковникъ Куроѣдовъ у меня здѣсь уже былъ. О сѣрномъ заводѣ обстоятельное извѣстіе онъ обѣщалъ мнѣ прислать изъ Ставрополя, къ чему я ему записку далъ. Между тѣмъ онъ меня увѣрилъ, что сѣрную землю изъ горы добываютъ, а не изъ ключей вывариваютъ. Заводъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи. Для работы приписано нѣсколько крестьянъ ясашныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые и въ здѣшней губерніи въ пригородѣ Сергіевскѣ живутъ. Командиромъ опредѣляется офицеръ отъ помянутой канцеляріи. Онъ привезъ мнѣ нѣсколько самородной сѣры, но я помню, что оной кусокъ нарочитой величины къ вашему высокоблагородію я послалъ».

Въ юнѣ Рычковымъ доставлено обѣщанное извѣстіе о сѣрномъ заводѣ, но его не сохранилось въ видѣнныхъ мною бумагахъ Миллера.

Въ апрѣльской книжкѣ 1760 г. «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» Миллеръ помѣстилъ свое изслѣдованіе «О началѣ и происхожденіи казаковъ», гдѣ (на стр. 307) говорятъ, откуда могло произойти названіе казакъ, а также и о личиныхъ казакахъ, при чемъ (стр. 322) есть ссылка на Оренбургскую исторію Рычкова. Послѣдній, 5 іюня 1760 года писалъ объ этомъ къ академику: «Мнѣ никакой противности нѣтъ, что при описаніи происхожденія казачья Исторію Оренбургскую сокращеніе и не тѣми словами навели, какъ въ ней написано; но то, что вы Сакмарскъ показали на устьѣ рѣки Сакмары (стр. 326), требуетъ, кажется, изъясненія, ибо оупь отъ устья ввѣрхъ версть съ 50; по меньшей мѣрѣ 40 ниже Сакмарска—Сентова слобода и Бердская казачья. О семъ изъ моего описанія ясныя изволите усмотрѣть. Прочее все великой похвалы достойно»...

18 февраля 1762 г. Рычковъ послалъ къ Миллеру уцѣлѣвшую у него часть Географическаго Лексикона Татищева, а 26 мая того же года писалъ: «ежели я буду по досуженіе, то, исправя, до вашего высокоблагородія сообщу Василья Никитича сочиненія. Я сберу всѣ, сколько у меня ихъ отъ пожарнаго случая осталось, и до васъ по частямъ буду сообщать. Весьма много тутъ найдется достойнаго къ внесенію въ мѣсячныя книжки.... Уфимскую, такъ называемую Золотую Книгу нынѣ достать уже не можно, потому что всѣ тамошнія дѣла и архивъ погорѣли. А городъ Уфа послѣ казанскаго взятія спустя года три или четыре застроенъ. Трудно такія извѣстія точно показывать, гдѣ къ сохраненію ихъ никакого тщанія никогда не имѣлось»...

7 ноября 1768 г. Рычковъ, послѣ полученія отпечатанныхъ Миллеромъ въ Москвѣ листовъ «Исторіи російской», Татищева, увѣдомлялъ: «за сообщенный мнѣ экземпляръ трудовъ его превосходительства Василья Никитича Татищева покорнѣйше благодарю. Что до примѣчанія моего надлежитъ на стр. 277 и слѣд., гдѣ описалъ его превосходительство титулъ по содержанію моего сообщеннаго къ нему извѣстія¹⁾, то помнитса на требованіе ваше

¹⁾ Во 2-й части 1-й книги «Исторіи рос.» Татищевъ на стр. 277 упоми-

доносилъ уже я вамъ, что какъ татарское ахуномъ сочиненное, такъ и переводъ съ него между прочихъ книгъ, у меня имѣвшихся, въ бывшій въ домѣ моемъ пожаръ згорѣли. Ежели оное вамъ нужно, то уповаю Евграфъ Васильевичъ (сынъ Татищева) не можетъ ли приискать у себя то самое, которое я къ покойному родителю его послалъ; но мнѣ мнится, что въ томъ большой нужды нѣтъ: оное ахуномъ сочинено было тогда, когда я Абулгазіи хановой исторіи у себя не имѣлъ, а нынѣ, справясь съ оною, доношу».

«Въ главѣ 3-й описываетъ онъ точно, что Аланча ханъ имѣлъ двухъ сыновъ близнецовъ: одинъ назывался Татаръ, а другой— Могуль; изъ коихъ отъ перваго родъ татаръ произошелъ, которыхъ многія племена или поколѣнія описаны у него особливо во 9-й главѣ. И такъ невозможно сказать, чтобъ совсѣмъ неизвѣстно было, отчего имя Татаръ произошло и гдѣ начало имѣло (стран. 277, строки 2 и 3¹⁾). Я думаю, что оно исчезло или угасло для бывшихъ у мугульцовъ съ татарами великихъ и частыхъ междоусобей. Не множество-ль примѣровъ въ исторіи, что имена народовъ премѣнились, и такія званія нынѣ употребляются, кои ни малаго сходства съ древними не имѣютъ, да и не знаютъ уже они головой, какъ назывались они встарину. Въ Топографіи моей стр. 73 и 74, часть I, сіе жъ означено. Во второй части на стр. 48 и слѣд. упомянулъ я и вышеозначенное ахунское сочиненіе (ибо тогда было оно еще въ рукахъ моихъ), гдѣ извольте еще усмотрѣть, что до сего имени принадлежитъ. Впрочемъ, не знаю я оснований, по которымъ Василій Никитичъ сказанія Абулгазіевы (на стран. 279) отвергаетъ».

«На стр. 278 сверху строка 14 — Карабанъ татара живутъ на острову *сосенаю* озера. Думаю, что надлежитъ быть соленаго озера. По обстоятельству можетъ быть то Аральское озеро, но и другихъ соленыхъ и островистыхъ озеръ тамъ много. Станется, что въ древности имѣли обычай золотить зубы они *яно старте-*

наеть о доставленіи ему «любомудрымъ ассессоромъ» Рычковымъ свѣдѣній о татарахъ, о чемъ, см. выше стр. 18.

¹⁾ Татищевъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ: «что имени татаръ принадлежитъ, отчего оно произошло и гдѣ начало имѣло, о томъ никто не извѣстенъ, хотя ученыхъ было довольно»...

сіе почитаются — опечатка: надлежитъ конечно читать: яко старѣйшіе».

«Тутъ же сверху строка 26, гдѣ жилъ 25 лѣтъ, надлежитъ быть 250 лѣтъ, какъ то и у Абулгасія читается¹⁾».

«Имена Афетовыхъ дѣтей по Абулгасію: 1. Туркъ. 2. Гарабъ. 3. Сакланъ. 4. Русь. 5. Маникакъ. 6. Звинъ. 7. Конаръ. 8. Гарахъ. Кажется мнѣ, что ахунъ нѣсколько вынисывалъ и изъ Абулгасіевой исторіи; но можетъ быть списокъ его былъ прѣдѣломъ переводу французскаго и русскаго въ семь мѣстѣ инаковъ».

«Вотъ все, что я по письму вашему объявить нынѣ могъ. Впрочемъ, примѣтилъ я много опечатокъ и неясныхъ словъ въ напечатанномъ экземплярѣ. Видно, что и тотъ самый, который отъ Евграфъ Васильевича сообщенъ въ университетъ къ печатанію, не слитенъ съ подлиннымъ и имѣетъ множество ошибокъ. Весьма изрядно предостерегли вы честь свою въ вашемъ предувѣдомленіи»...

VI.

Доставленіе Рычковымъ извѣстій въ Академію Наукъ по части остоствовѣдѣнія. Статьи его, помѣщенныя въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. Сношенія его съ современными писателями и учеными. Участіе въ ученой экспедиціи сына его, Николая Петровича Рычкова. Посѣщеніе с. Спасскаго академикомъ Лаврентьевымъ, Палласомъ и другими.

Всѣ точныя науки въ послѣднее время сдѣлали громадныя успѣхи и далеко опередили то, что еще недавно казалось въ нихъ едва достигаемымъ. Вотъ почему большая часть новѣйшихъ специалистовъ по этимъ наукамъ почти всегда пренебрегаютъ историческою стороною своей науки. Гордые только вчера добытыми результатами, они заняты только ими и оставляютъ безъ вниманія и длинный путь, который велъ къ позднѣйшимъ открытіямъ, и труды и усилія предшествовавшихъ дѣятелей, быть можетъ заблуждавшихся, но тѣмъ не менѣе облегчавшихъ возможность этихъ

¹⁾ Всѣ замѣченныя Рычковымъ опечатки исправлены и стр. 278 перепечатана. Только по недосмотру, *вм.* старѣйшіе, и здѣсь напечатано «старѣйшіе».

открытій. При всемъ глубокомъ уваженіи къ специалистамъ, изучающимъ свою науку въ ея послѣднемъ фазисѣ развитія, я, однако, смѣю думать, что для полнаго пониманія этого развитія, для вѣрной оцѣнки каждой вновь добытой истины, наконецъ, для уразумѣнія того направленія, которому надобно слѣдовать для дальнѣйшаго преуспѣянія науки, для всего этого мало одного, хотя бы даже и глубокаго знанія современнаго состоянія науки. Знакомство съ ея прошедшею судьбою и съ трудами нашихъ предшественниковъ, даже ихъ ошибки и заблужденія при отысканіи истинъ, все это служитъ въ поученіе тому, кто хочетъ не только вполне овладѣть наукою, знать настоящіе ея успѣхи, но и содѣйствовать успѣхамъ ея въ будущемъ.

Современный естествоиспытатель, взглянувъ на содержаніе настоящей главы, быть можетъ встрѣтитъ съ недоувѣріемъ, если не болѣе, имя Рычкова являющимся въ лѣтописяхъ естественныхъ наукъ въ Россіи XVIII столѣтія. Между тѣмъ въ дѣйствительности это было такъ. Переписка Рычкова съ Миллеромъ, когда она касается естественныхъ наукъ, лучше всего показываетъ, на какой невысокой степени стояли онѣ не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ. Незнакомый даже съ азбукою предмета, Рычковъ однако успѣлъ нѣкоторыми изъ своихъ наблюдений и извѣстій упредить дѣятеля съ такимъ громкимъ именемъ въ исторіи естествознанія, каковымъ былъ Палласъ. Разгадку тому слѣдуетъ искать въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ поставленъ былъ Рычковъ, жившій долгое время въ маловѣдомомъ оренбургскомъ краѣ, въ любознательности его, а также въ близкомъ общеніи его съ Академіею Наукъ.

Въ 1758 г. въ *Novi Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae* ¹⁾ была между прочимъ напечатана статья Іоанна Георга Гмелина, подъ заглавіемъ «*Mus aquaticus scoticus Clar. Auctor Raii Synops. quadrup. Russ. выхухоль*». Краткое обзорѣніе ея помѣщено, по принятому тогда обычаю, въ началѣ Комментаріи ²⁾, и здѣсь академикъ Миллеръ, тогдашній непремѣнный секретарь Академіи, объяснивъ неточности и противорѣчія разныхъ ученыхъ въ описаніи выхухоли, приводитъ по-

¹⁾ Т. IV, pp. 383—386.

²⁾ *Ibid.*, pp. 46, 49.

томъ извѣстія, которыя Рычковъ доставилъ объ этомъ животномъ, водящемся по берегамъ Волги и Янка (Урала), и заканчиваетъ свой обзоръ такими словами:

Nactenus notitiae a Ritschkovio V. Ampliss. suppeditatae, ex quibus abunde patet, notabilem esse morum diversitatem inter animal Americanum et nostrum, nisi quis suspicari velit, quaedam falsa Sarrazino impacta fuisse ab aliis, aut minus recte ab ipso intellecta, quae forsitan nec in ipsa Canada fidem merentur.

25 февраля 1759 года Миллеръ обратился съ просьбою къ Рычкову о доставленіи изъ оренбургской губерніи разныхъ предметовъ для натурального кабинета барона Александра Сергѣевича Строганова, который составилъ свое собраніе во время заграничнаго путешествія и желалъ пополнить его произведеніями и животными, составляющими принадлежность собственно Россіи, какъ-то: всякаго рода руды и камни съ указаніемъ мѣстонахожденій ихъ; большой кусокъ шлецкой соли; кусокъ самородной соли изъ окрестностей Самары; нѣсколько гнѣздъ птички ремеза (*ragus pendulinus*)¹⁾, чучелу землянаго зайца (*mus jaculus*), бѣлужій камень и т. п. «Касательно камня изъ бѣлуги, писалъ тогда же Миллеръ, прошу васъ помочь намъ рѣшить нелюумѣніе о его свойствахъ. Когда докторъ Гмелинъ и я были въ 1733 году въ Казани, то намъ подарилъ тамъ нѣсколько камней Несефъ Никитичъ Кудрявцевъ, говоря, что ихъ находятъ въ головѣ бѣлуги²⁾. Но потомъ здѣсь разсматривали внимательно нѣсколько бѣлужьихъ головъ, въ которыхъ не нашлось подобныхъ камней. Не бываютъ-ли они быть можетъ въ желудкѣ или въ жабрахъ рыбы? Глотаются-ли она ихъ или же они зарождаются въ ней? Не встрѣчается-ли такихъ камней на берегахъ рѣкъ, гдѣ водятся бѣлуга? Какое употребленіе и какая польза этихъ камней? Подробные отвѣты на эти вопросы будутъ помѣщены въ изданіяхъ Академіи какъ это уже случилось по поводу недоразумѣнія, разрѣшеннаго вами ка-

¹⁾ О рѣдкости ремезовыхъ гнѣздъ въ европейскихъ натуральныхъ кабинетахъ упоминаетъ Штраленбергъ на 417 стр. своего сочиненія о Россіи «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», Stockholm, 1780.

²⁾ Штраленбергъ въ томъ же сочиненіи о Россіи, на стр. 823, 824 говоритъ, что эти камни находятъ въ головѣ бѣлуги.

сательно выхуоли, что заслужить похвалу не только въ Россіи, но и у иностранныхъ народовъ. Не можете ли вы также приказать сдѣлать рисунокъ съ живой выхуоли и доставить его въ Академію?»¹⁾).

Рычковъ, по обычной своей услужливости, а также и по тому, что баронъ Строгановъ, какъ зять тогдашняго вице-канцлера, графа Воронцова, былъ вліятельнымъ человекомъ, взялся охотно исполнить всѣ эти порученія, о чемъ и увѣдомлялъ подробно Миллера 29 марта 1759 года «Предварительно жъ сіе могу донести, писалъ онъ тогда, что оный камень въ головѣ бѣлуги никогда не находится, а находятъ по ббольшой части въ желудкѣ ихъ. Земляные зайцы здѣсь находятся. У нихъ переднія ноги весьма короткія, а заднія очень долги. Поймать и побитыхъ переслать ихъ нетрудно. Какъ объ нихъ, такъ и о птицахъ, какихъ въ вашей сторонѣ не находится, закажу и пересылкою оныхъ служить не премину»...

6 мая 1759 года, Рычковъ, посылая въ Академію чучелу выхуоли, писалъ: «ее прислали ко мнѣ изъ Сорочинской крѣпости (которая отсѣль²⁾ въ 176 верстахъ по рѣкѣ Самарѣ); послана живая, и въ пути была жива сутки, потомъ издохла. Вы сами изволите усмотрѣть, что весь запахъ состоитъ у нее въ хвостѣ, а шерсть, уповаю, отъ онаго духу набирается, и пахнетъ тѣмъ же и со временемъ выдыхается. Въ рту у нея сверху только два зуба весьма острые и всегда наружѣ, одинъ съ другимъ очень плотно соединены; видомъ они на подобіе сошниковъ. Больше ничего примѣчанія достойнаго объ ней не знаю»...

13 мая 1759 года: «...при семъ посылаю три гнѣздышка резиновыхъ, которыя я вчерась получилъ отъ воеводы исецкой провинціи. О птичкѣ пишетъ онъ, что еще поймать не могли: какъ поймана будетъ, то пришлетъ. О гнѣздахъ никакого иного примѣчанія сообщить не могу кромѣ сего, что здѣсь у женщинъ есть обыкновеніе по кусочку изъ оныхъ класть на уголье и окуривать тѣмъ въ домахъ, а особливо дѣтей—признавають, что то здорово. Я сіе пробовалъ: духъ отъ сего куренья показался мнѣ непроти-

¹⁾ П портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ лицамъ, 1757—1759 годовъ.

²⁾ Отъ Оренбурга.

вещь; но вы сами сіе лучше изслѣдовать можете»... Впослѣдствіи Рычковъ выслалъ нѣсколько чучель ремеза, а 1 іюля 1759 года добавляя: «Ремезовы гнѣзда бывають по большей части на таловыхъ кустахъ и на березовыхъ сучьяхъ обыкновенно близъ воды. Матерія, изъ коей гнѣздо состоитъ, по большой части таловой цвѣтъ и нѣсколько жлоокъ красивныхъ и другихъ травъ, кои имѣють волокно на подобіе льну. Въ зимнія времена сихъ птичекъ не видать, но куда они отлетаютъ, освѣдомиться я не могъ. Богѣе я не могъ освѣдомиться. Впрочемъ Страленбергово описаніе сея птички и Тициусово, находящееся въ Лейпцигскихъ Комментаріяхъ вашему высокоблагородію не безъизвѣстно».

Труднѣе было Рычкову добыть бѣлужій камень, который наконецъ получилъ отъ янцкаго войсковаго атамана Андрея Никитча Бородинна.

«По его объявленію, писалъ Рычковъ къ Миллеру 2 іюня 1759 года, въ бѣлугахъ и въ осестрахъ камни весьма рѣдко находятся, что подтверждается и симъ, яко онъ неоднократно ко мнѣ отъезжалъ въ письмахъ, что во всемъ ихъ городѣ не могъ такой камень промыслить, а принужденъ былъ писать въ Гурьевъ и на другія рыбныя ватаги, дабы, отыскавъ, къ нему прислали, и нынѣшній полученъ имъ оттуда.

«Они двоякаго существа: одни бывають морскіе и рѣчныя, поглощенные помянутыми рыбами, находятся въ кутыряхъ, то есть въ желудкахъ тѣхъ рыбъ. Сіи весьма крѣпки и во всемъ подобны тѣмъ, которые въ тамошнихъ водахъ ordinarily находятся и отъ натуральныхъ камней никакого различія и особенности не имѣють. И такъ мое прежнее донесеніе, что тѣ камни не въ головахъ оныхъ рыбъ, но въ желудкахъ находятся, основано было на семъ родѣ. Однакожь я, въ моихъ пунктахъ сумнѣваясь, о истинѣ не оставилъ г. войсковаго атамана нарочно спрашивать и о томъ: одново-ль свойства тѣ камни или разныхъ и не суть-ли поглощенные рыбами изъ морскихъ и рѣчныхъ каменьевъ, что, какъ выше значить, и не напрасно я учинилъ; да и Страленбергъ во описаніи своемъ такого-жь мнѣнія былъ».

«О другомъ настоящемъ, т. е. въ бѣлугѣ родящемся камнѣ, г. войсковаго атамана объявляетъ, что онъ находится не въ кутырѣ, т. е. въ желудкѣ, и не въ кишкахъ помянутыхъ рыбъ, во

есть у нихъ жила къ наросту во ниже клед, на которой обильно-всено у сихъ рыбъ, а именно: у самцовъ жировые молоки, а у самокъ кра ложится; и на концѣ-де оной жилы бываетъ поше-лекъ или перепонка, гдѣ тотъ камень находится, но весьма не во многихъ и очень рѣдко. А кромѣ сего мѣста въ кутырахъ и нигдѣ нидѣ не находится. При томъ случаѣ какъ сей камень изъ рыбы вынимается, есть онъ мягокъ, а когда пообсохнетъ, тогда бываетъ крѣпокъ, однакожь теркою отирать или ножемъ оскабливать его можно. О матеріи его и къ чему онъ пригоденъ объявилъ г. атаманъ, что у нихъ невзвѣстно; но я отъ многихъ яцкихъ старшинъ и казаковъ, да и отъ покойнаго войсковаго жъ атамана Ильи Меркульева слыхалъ, что наскобля его даютъ женщинамъ въ самыхъ трудныхъ родахъ и якобы отъ того дѣлается имъ весьма скорое разрѣшеніе, но безъ крайней нужды на то его не употребляютъ. Сей камень, который я нынѣ посылаю до васъ, имѣетъ фигуру на подобіе сердца цвѣтомъ изъ желта бѣловатъ; наружность его поздравата, но внутренность крѣиче и поскобленная даетъ видъ и глянцъ, схожіи къ рыбной кости. Впрочемъ чувствуется отъ него изрядный запахъ, но изъ какихъ матерій онъ состоитъ—сіе ваше высокоблагородіе удостовѣрнѣ испытать изволите. Впрочемъ отъ г. доктора Риндера, находящагося здѣсь, слыхалъ я, что онъ такіе камни имѣлъ напередъ сего разныхъ фигуръ, но всѣ были они цвѣтомъ бѣловаты, такъ какъ и вышеописанный. А матеріа-де ихъ имѣетъ сходство съ жерновкой, т. е. съ камешками, изъ раковъ вынимаемыми (Krebs Stein).

При донесеніи сего не могъ я преминуть и о семъ васъ увѣдомить, что я какъ отъ яцкихъ, такъ и отъ башкирскихъ старшинъ и гулебщиковъ неоднократно слыхалъ, якобы изъ дикихъ сивней, коихъ на зайцкой степи весьма много, у большихъ кабановъ, или вепрей, въ головахъ изрѣдка-попадаются камешки жъ; но нгѣ ихъ видывать не случалось. Помянутый г. докторъ объявилъ мнѣ, что они находятся у сихъ звѣрей въ желудкахъ, а не въ головахъ, и онъ самъ такой камень видывалъ величинаю больше курячева янца. Постараюсь я о семъ удостовѣриться, и, ежели достану и узнаю что либо въ томъ вѣроятное, о семъ ваше высокоблагородіе впредь увѣдомить не премину»...

24 іюля 1759 года: «Отъ 3 числа іюня посылаю до васъ бѣ-

лужий камень, доносилъ я, что буду стараться и находящійся въ кабакахъ, то-есть въ дикихъ свиньяхъ, отыскивать. Г. янцовой войсковой атаманъ Бородинъ на сихъ дняхъ прислалъ ко мнѣ оный чрезъ сына своего, который я имѣю честь при семъ до вашего высокоблагородія послать. Вы сами лучше, нежели я, о свойствѣ и надобностяхъ онаго изволите разсудить. По запаху его уршному легко можно понять, что онъ въ пузырьѣ того звѣря рѣдится, какъ то меня и многіе знающіе про то увѣрили; но притомъ сказывали, что онъ весьма изрѣдка у сихъ звѣрей бываетъ. Янцые казаки употребляютъ его съ немалюю пользою въ запорахъ уршны и въ каменныхъ болѣзняхъ. Да и г. докторъ Риндеръ, адѣсь обрѣтающійся, рекомендуетъ его за немалый въ такихъ случаяхъ способъ. Впрочемъ, его превосходительство г. генерал-майоръ Тевкелевъ сказывалъ мнѣ, что у киргизъ-кайсаковъ о семъ кабаньемъ камнѣ есть разныя суевѣрства, а особливо содержать они то, яко бы ихъ колдуны и ворожецы, кладя сей камень въ воду съ нѣкоторыми церемоніями и словами, гѣтомъ — дожди, а зимою бури и всякія непогоды, когда ни похотятъ, могутъ производить, и ежели они, киргизцы, спознаютъ того, кто оный камень при себѣ имѣетъ, почитаютъ его обществу ихъ за вредительнаго человѣка и не токмо бить, но иногда и до смерти убить его стараются»...

Въ ноябрѣ 1759 г. Рычковъ переслалъ къ Миллеру новый камень, встрѣчающійся изрѣдка въ желудкахъ барановъ.

Будучи въ Башкиріи, а также въ своемъ имѣніи, Рычковъ обратилъ вниманіе на весьма рѣдкую въ остальной Европѣ птичку — водяного воробья (*stagnus cinclus, cinclus aquaticus*). «Я, писалъ онъ 13 января 1760 года, въ вышеписанную мою бытность въ Башкиріи на тѣхъ рѣчкахъ, кои никогда не мерзнутъ, моими глазами видѣлъ родъ водяныхъ воробьевъ, кои въ воду ныряютъ и въ берегахъ гнѣзды свои имѣютъ. Для сей особенности оставившись, съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ они вылетаютъ и сами воду воду уходятъ. Перья на нихъ черноваты; подъ шеей нѣскольکو бѣло; величиною немного побольше обыкновеннаго воробья. Одинъ офицеръ обѣщалъ мнѣ, застрѣливъ ихъ пары двѣ, прислать, кои до васъ отправлю»... 22 июля 1761 года: «Въ Топографіи Оренбургской означено уже отъ меня, что въ здѣшней

губерніи есть особливой родъ воробьевъ, которые гнѣзда свои имѣютъ и дѣтей выводятъ въ береговыхъ норахъ, куда они не иначе входятъ какъ сквозь воду, и для того избираютъ такія рѣки, которыя зимою или всѣ не мерзнутъ или большія полыньи имѣютъ и быстрого теченія. Я самъ, въ 1760 году въ январѣ мѣсяцѣ будучи въ Башкиріи, на одномъ мѣстѣ долго на нихъ смотрѣлъ, удивляясь, какъ они то изъ воды вылетали и сидѣли при берегахъ и на закраинахъ льда, то паки въ воду, власно какъ бы брошеной камень, повергались и уходили въ свои норы. Нѣкоторые-жъ и въ берегу подъ водою на сучьяхъ имѣвшася тутъ валежника сидѣли, такъ что ихъ тутъ не очень глубоко сквозь чистую и прозрачную воду видѣть было можно. Величина ихъ побольше обыкновеннаго воробья, но перья темныя и издали почти черными кажутся; подзобокъ, на груди и на брюхѣ перья у нихъ сѣроваты. Подробно всего затѣмъ я не описываю, что при семъ посылаю до васъ онаго въ натурѣ, который на сихъ дняхъ здѣсь у меня въ селѣ (Спасскомъ) застрѣленъ. Вы сами его разсмотрѣть и описать лучше моего можете. Они и въ адѣшнихъ мѣстахъ не на всѣхъ рѣкахъ и изрѣдка усматриваются, такъ что у меня въ селѣ, когда его усмотрятъ, почтають за диковинку. Простой народъ мнѣ здѣсь, якобы кровью и жиромъ ихъ у людей помазанныя ноги и въ самые жестокіе морозы не забнутъ; но сіе я отъ достовѣрныхъ слышалъ, что обмороженные у людей члены жиромъ ихъ скоро залечиваются»...

Рычковъ, 30 января 1760 года, увѣдомлялъ также Миллера объ употребленіи, которое дѣлаютъ башкиры изъ обыкновенной крапивы: «въ за-уральской Башкиріи будучи, почти во всѣхъ башкирскихъ деревняхъ видѣлъ, что башкирскія бабы и дѣвки, собирая въ осень крапиву, умѣютъ такъ ее учредить какъ посконь: прядутъ изъ нея нитки и дѣлаютъ изъ нихъ холстины. Я признаваю, что сіе ихъ обстоятельство и руководѣлье не недостойно описанія. Ежели потребно, то я могу кудели, нитокъ и холста крапивныхъ на разсмотрѣніе отправить. Мнѣ мнѣтся по куделѣ, что веревки и канаты не хуже пеньковыхъ изъ крапивной кудели могутъ дѣланы быть»...

Миллеръ, какъ видно по отвѣтамъ Рычкова, не рѣдко задавалъ ему дѣлать описанія разныхъ предметовъ, встрѣчавшихся

въ оренбургскомъ краѣ. Такъ 6 апрѣля 1760 года Рычковъ писалъ: «О киргизскихъ овцахъ доношу: вообще одинъ родъ ихъ въ обѣихъ ордахъ, то-есть и въ меньшей и въ средней. Они курдюки имѣють круглыя и толстыя на подобіе большихъ и круглыхъ короваевъ, въ коихъ бываетъ ветчинное и другое сало завернуто, и которые о срединѣ своей имѣють раздѣленіе снизу. Помнится мнѣ, въ первой части моей Топографіи онѣя овцы уже описаны. Бываютъ изрѣдка пригоняемы отъ нихъ (?) и трухменскія овцы, коихъ здѣсь (въ Оренбургѣ) называютъ и бухарскими. Онѣ величиною не больше обыкновенной русской овцы, ноги имѣють короткія, шерсть мягкую и кудрявую. У сихъ курдюковъ нѣтъ, но хвосты длинныя и плосковатыя. Черкасскія же овцы въ здѣшнихъ мѣстахъ хотя у многихъ есть, но онѣ курдюковъ на здѣшней травѣ не получаютъ, но еще и шерсть свою отмѣняютъ: она становится отъ времени до времени песиговата и жестока. Напротивъ того, киргизскія овцы, когда отгоняють ихъ вдаль, бывшіе свои курдюки года черезъ два совсѣмъ теряють. Я мню, что тамошнія травы такой состанціи (субстанціи) не имѣють, кака въ родящейся на киргизскихъ степяхъ есть; да и здѣсь на хуторахъ годъ отъ году тѣ ихъ курдюки меньше становятся, и овцы мельчаютъ. Можетъ быть, то наше содержаніе въ хлѣвахъ и въ запертыхъ мѣстахъ не сходно съ ихъ натурой»...

24 сентября 1761 года: «между прочаго писали вы о вишневомъ кустарникѣ, кой находится въ Исецкой провинціи: есть-ли онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и пр.? Оногдасъ позабылъ я на то доносить. Его здѣсь очень много, и вишни случаются такъ крупны, что не хуже садовыхъ и вкусомъ, и величиною. Да и во многихъ дачахъ его не мало. Ежели онъ въ огородъ пересаженъ бываетъ, то какъ кустъ, такъ и плодъ на хорошей землѣ лучше дѣлается. И я вашего мнѣнія, что садовыя шпалеры изъ него могутъ быть не худы, но не надѣюсь, чтобъ онъ выше человѣка вверхъ подниматься могъ»...

«Письма съ пустыми вѣжливостями пишу я, говорилъ Миллеръ Рычкову въ письмѣ своемъ отъ 24 сентября 1761 года, очень не неохотно. Надобно-ли, чтобъ я всегда васъ утруждалъ новыми порученіями? Если да, то вотъ вамъ одно: желаю знать

что это за слово *карлук*¹⁾, татарское или калмыцкое и что оно собственно значитъ? Понимать-ли подъ нимъ рыбный пузырь (Blase), или приготовленный рыбій клей? Далѣе, хотять имѣть свѣдѣнія: какъ готовится рыбій клей? и притомъ получить подробное описаніе всего производства; изъ какихъ рыбъ и изъ какой именно добывается лучший? изъ одного ли пузыря или и изъ другихъ частей? Изъ всѣхъ ли вмѣстѣ пузырярей онъ выдѣлывается или изъ каждаго отдѣльно?

«О клѣ я, отвѣчалъ на это Рычковъ 21 октября 1761 г., уповаю вамъ услужить нарочитымъ описаніемъ. Изъ письма вашего выписавъ, посылаю я въ Оренбургъ къ моему корреспонденту, дабы онъ о всемъ, подробнѣе освѣдомясь, меня увѣдомилъ. Сіе я, получа, постараюсь въ порядокъ привести и къ вамъ сообщить. Мнѣ весьма пріятно, когда вы мнѣ предлагаете о такихъ матеріяхъ, кои я исполнить въ состояніи нахожусь»...

20 ноября 1761 года Рычковъ выслалъ къ Миллеру обѣщанное «Описаніе, какъ въ Яицкомъ городкѣ клей дѣлается», и имъ воспользовался нашъ академикъ въ статьѣ своей «О рыбьемъ клѣ»²⁾. Изъ нея узнаемъ, что французскій ученый Дю Гамель, по порученію парижской Академіи Наукъ, обращался къ Миллеру о сообщеніи достовѣрныхъ свѣдѣній, какъ готовится рыбій клей въ Россіи, о чемъ въ тѣ времена мало знали за границею.

Въ февралѣ 1762 года Рычковъ, получивъ отъ своего пріятеля, командира Сакмарской дистанціи, маіора Пазухина, кость и полагая, что она должна принадлежать къ остову какой нибудь допотопной огромной птицы, послалъ кость въ Академію; но здѣсь, по отзыву адъютанта Протасова, кость эта оказалась частью передняго ребра, сросшагося по какому нибудь случаю съ грудною костью у оленя или лося³⁾.

29 іюня 1762 года Рычковъ писалъ къ Миллеру:

«Послѣ дождливыхъ погодъ, продолжавшихся здѣсь съ мѣсяць,

¹⁾ О словѣ *Carluck* oder *Hauszblasen* упоминается у Штразенберга на стр. 323 «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia»...

²⁾ Ежемѣсячныя сочиненія, декабрь 1763 года, стр. 488—495.

³⁾ Протоколы 1762 года подъ 15-мъ апрѣлемъ, въ архивѣ академической канцеляріи.

на поляхъ появилось здѣсь такое множество червей, что прежде никогда ихъ столько не видало. Они шли и по дорогамъ стадами въ такомъ множествѣ, что почти всю землю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывали. Сперва напали они на посѣянные конопши, на горохъ и на макъ, и гдѣ нападали тутъ все на-чисто поѣдали. Усматриваны уже были они и на другомъ хлѣбѣ, особливо на ячменѣ, на овсахъ и полбѣ, а частію и на ржѣ, и всѣхъ здѣшнихъ обывателей привели-было въ отчаяніе хлѣбовъ (sic), да инаково и быть не могло бѣ, ежели бѣ сія многочисленная гадина съ такою жѣ алчною и безъ разбору все пожирать стала, какъ сперва начала. Послѣ того какъ миновались мокрая погоды и сильныя дожди, оставя хлѣбы, стала она жрать траву лебеду, осотъ и другія мягкія. А понеже сихъ травъ и между посѣянныхъ хлѣбовъ было весьма много, то оставляя хлѣбъ въ цѣлости, оную траву на многихъ десятинахъ всю пожрала и хлѣбъ такъ, какъ выполола. Я самъ съ великимъ удивленіемъ смотрѣлъ на одну десятину посѣяннаго у меня проса, кое было еще не полото и заросши травою, кою крестьяне называютъ осотъ. Сей десятины одву половину оныя черви такъ чисто выпололи, что ни одной травинки въ ней не осталось, а просо все въ цѣлости. Однимъ словомъ — руками такъ чисто нигдѣ не выполото; а другая половина осталась съ травою и выполота бабами. Нынѣ оной гадъ почти весь уже пропагъ — видно, что отъ сухихъ и жаркихъ дней. И такъ отъ чаемаго вреда Богъ спасъ. Величина оныхъ червей съ небольшимъ въ дюймъ, цвѣтомъ темносѣрые съ желтоватыми полосками вдоль ихъ, а нѣкоторые были и зеленоватые»...

19 сентября 1762 года Рычковъ увѣдомлягъ Миллера, что намѣренъ поднести президенту Академіи Наукъ клыкъ мамонта, необыкновенный по величинѣ (2 $\frac{1}{2}$; ршина) и вѣсу (1 пуд. 30 фунтовъ) и что на рудникахъ Твердышева найдено окаменѣлое дерево въ 160 пудъ. Послѣднее Рычковымъ описано въ статьѣ «О мѣдныхъ рудахъ и минералахъ»¹⁾. 30 января 1763 года онъ же писалъ Миллеру: «Я слышалъ, что окаменѣлаго дерева большую шкуку, у Твердышева въ Оренбургѣ имѣющуюся, разсудили вы взять въ Академію, и о томъ отъ васъ въ

¹⁾ Труды Вольнаго экономическаго общества, часть IV, стр. 56.

правительствующій сенатъ внесено доношеніе; но жаль, что резолюція продолжается и какъ бы способное къ переѣзду время совсѣмъ не прошло. Она конечно болѣе 100 пудъ и достойна того, чтобъ ей быть при Академіи для очевиднаго доказательства тѣмъ, которые претворенію изъ существа въ существо спорятъ. Я чаю, можно-бъ и цѣлое дерево обрѣчь и вынуть, но на то уже не малой коштъ понадобится. Перевозъ онаго могъ бы поштучно учиненъ быть, которыя по привозѣ на мѣсто собрать и составить не трудно. Но вѣдаю, что у насъ такія дѣла не безъ труда исполнить»...

Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію слушающихъ»¹⁾ была помѣщена статья «О травахъ, изъ которыхъ краски дѣлаются». Здѣсь въ концѣ было упомянуто о растущей въ Украинѣ травѣ Polygonum Polonicum, на которой въ началѣ лѣта находятъ красныя шарички Coccus Polonicus, окрашивающіе въ алыіи цвѣтъ и замѣняющіе потому кошениль. Прочитавъ это Рычковъ, 29 іюня 1763 года, писалъ къ Миллеру: «Въ здѣшней сторонѣ такіе шарички находятъся на кореньѣ травы, изъ которой растетъ ягода клубника. Изъ оныхъ шаричковъ выходятъ червячки или коровки, наполненныя самою алою краскою; но ті шарички подъ кореньемъ не красныя, но синеваты; только тогда бываютъ красны, когда ихъ поджарятъ. Я, сравнивая ихъ съ кошенилемъ (по нашему: канцелярское семя), признаваю ихъ за такую ту краску. Въ Кинельской черкасской слободѣ находящіеся черкасы²⁾, да и здѣсь, собирая оныя шарички изъ подъ клубники во свое время, красятъ шерсть и другія вещи въ самую хорошую и кармазину подобную краску. Я велѣлъ нынѣ домашнимъ моимъ робятамъ немного оныхъ шариковъ собрать, которые на ваше разсмотрѣніе при семъ нынѣ посылаю. Они по ббльшей части мелковаты, но сіе можетъ быть отъ сего, что еще не успѣли; однакъ червочки изъ нихъ уже выходили, а нѣкоторые между ими и такой величины, какъ я въ самой хорошей кошенили видалъ. Сказываютъ, что сіи червочки, побывши на клубничныхъ кореньяхъ, переходятъ на корни другихъ травъ, получаютъ другой видъ и другаго цвѣта краску производить.. Ежели вы признаете

¹⁾ Апрель, 1763 г., стр. 454—459.

²⁾ Такъ въ то время обыкновенно называли малороссовъ.

за надобно, то я постараюсь о семъ больше развѣдать и, сдѣлавъ описаніе, оное до васъ сообщу. Извольте посмотрѣть въ Гюбневомъ натуральномъ лексиконѣ подъ словомъ кошениль, *Coccinille*, то найдете великое сходство оныхъ шариковъ съ сею краскою, съ тою токмо разностию, что въ Америкѣ собираютъ ихъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ. Я мню, что въ здѣшней и въ казанской губерніи не мало сей краски можно собирать, когда бы собраніе оныхъ введено было въ обычай. Одну вѣточку приложилъ я при семъ нарочно, дабы могли вы видѣть, какъ оныя шарички или червочки подъ корешкомъ сидятъ. Когда краску дѣлаютъ, то изсушивши ихъ полегоньку, толкутъ. Думаю, что также надобно и съ ними поступать, какъ кошениль употребляютъ. Однако я отпишу въ черкасскую слободу нарочно о семъ, чтобъ меня увѣдомили»...

Вѣроятно, что чтеніе этого письма Рычкова навело Миллера на мысль: не происходитъ ли названіе Червонной Руси отъ червца (*coccus polonicus*), о чемъ и было имъ высказано въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ ¹⁾. Сверхъ того, 4 августа 1763 года, онъ писалъ къ Рычкову: «открытіе такого неизвѣстнаго въ натуральной исторіи предмета, какъ кошениль въ оренбургской и казанской губерніяхъ и притомъ на кустикахъ земляники (*und an Erdbeer - Stauden*), заслуживаетъ великой признательности. Я не премину огласить это во всеобщую извѣстность для вашего прославленія; но предварительно необходимо болѣе разысканій и свѣдѣній, изъ которыхъ горный совѣтникъ и профессоръ химіи г. Леманъ обѣщалъ составить статью для пересылки къ вамъ ²⁾»...

«Я, отвѣчалъ на это Рычковъ 31 августа 1763 года, радъ что здѣшній *coccus*, находящійся подъ кустиками клубничника (сія ягода и видомъ, и вкусомъ отлѣнна отъ той земляники, коя у васъ въ сторонѣ родится и называется *Erdbeere*, хотя подлинно того же роду, но другой специсъ новый—о томъ уповаю извѣстны). Когда г. совѣтникъ и профессоръ Леманъ сочинитъ объ

¹⁾ Июль, 1763 г., стр. 96: «Во времена великаго князя Владиміра Великаго былъ въ той странѣ городъ Червень и тамошніе города вообще червенскими городами назывались. Отчего сіе? Не по червѣ ли, или по инсекту (*coccus polonicus*), красную краску производящему, коей и въ Малой Россіи довольно?»...

²⁾ V портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ.

ней свое предложеніе, то не премину я онымъ клубочкамъ и червячкамъ описаніе сдѣлать, поелику развѣдать о нихъ можно».... 5 сентября 1763 года: «...При семъ прилагаю краткое описаніе, которое я сдѣлалъ, освѣдомясь у кинельскихъ черкасъ; да и пробу онаго, отъ нихъ же присланную... Черкасы называютъ то червецъ. И мѣсяцъ іюнь, въ коемъ оной собирается, по старинному ихъ нарѣчію червецъ же именуется»...

Въ слѣдствіе этого описанія адъюнктомъ Академіи по части естественныхъ наукъ Кѣльрейтеромъ составлена была статья, о которой Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру отъ 20 декабря 1763 года отозвался: «...приложенное описаніе г. доктора Кѣльрейтера о червецѣ я прочиталъ. Оно такъ сочинено какъ ученому человѣку сочинять надлежитъ, а особливо примѣчаніе о самомъ червочкѣ весьма тщательно, и на будущее лѣто послужить мнѣ къ наблюденіямъ моимъ способомъ. 5 пунктовъ, на концѣ онаго прилагаемые, кажется, что въ моемъ краткомъ описаніи отвѣтствованы». Ниже будетъ еще сказано, что Рычковъ свои наблюденія надъ червцемъ, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ статьи Кѣльрейтера, послалъ потомъ въ Вольное Экономическое Общество, которое помѣстило это въ «Трудахъ» своихъ. Далѣе, изъ протоколовъ академической конференціи видно, что 20 августа 1767 года директоръ Академіи, графъ Владиміръ Орловъ предложилъ на разсмотрѣніе академикомъ присланные отъ Рычкова образцы клубники (*potentilla*), вмѣстѣ съ водящимися на нихъ насѣкомыми (*socius*). 23 августа аптекарь и почетный членъ Академіи Модель сообщилъ ей результаты сравненій кошениля американскаго, польскаго и оренбургскаго: оказалось, что послѣдній, уступающая во многомъ первому, далеко однако превосходила польскій.

15 ноября 1763 года Рычковъ писалъ къ Миллеру: «Въ надеждѣ вашей ко мнѣ благости и дружбы, прилагаю я при семъ три плитки, изъ коихъ бѣловатая почитается здѣсь за самородную флюсовую извѣстку и употребляется у меня при мѣдномъ моемъ заводѣ съ хорошимъ успѣхомъ и дѣйствомъ вмѣсто сженой извѣсти. Она лежитъ въ горѣ; по бѣльшей части мелка такъ, какъ мука; а между тѣмъ есть и куски на подобіе камня, но весьма мягкіе, изъ коихъ я плиточку для способности къ посылкѣ ножемъ обрѣзалъ. Желтоватая жъ двѣ плитки изъ такой же мягкой ма-

терин состоятъ и въ мѣдиплавильной печкѣ вмѣсто флюса служить. Но мнѣ разсудилось ихъ послать до васъ на разсмотрѣніе: не будутъ ли онѣ сходствовать съ галмеемъ? Покорно прошу васъ ихъ разсмотрѣть и увѣдомить меня по вашему свѣдѣнію, за какую матерію почитать ихъ надлежитъ. Обѣ оныя матеріи неподалеку одна отъ другой и въ высокой горѣ находятся отъ села моего верстахъ въ шести. Я бы радъ былъ, когда бъ то настоящій галмей оказался, котораго, сколько мнѣ извѣстно, у насъ въ государствѣ еще понынѣ не отыскано. Еще покорно прошу прислать ко мнѣ для пробы и виду кусочекъ каменнаго угля самого хорошаго. Есть здѣсь и онаго признаки. Чего ради съ настоящимъ углемъ хочется мнѣ ихъ сличить, а по сличеніи бъ до васъ на разсмотрѣніе и ихъ послать».

Что писалъ въ отвѣтъ на это письмо Миллеръ не извѣстно, такъ-какъ въ черновой его перепискѣ не уцѣлѣло многихъ изъ его писемъ къ Рычкову.

20 декабря 1763 года было напечатано «Извѣстіе о сочиняемой россійской минералогіи», въ которомъ объявлено было, что Ломоносовъ намѣренъ «сочинить описаніе рудъ и другихъ минераловъ, находящихся на всѣхъ россійскихъ заводахъ», а потому къ заводчикамъ была обращена просьба о доставленіи академику образцевъ имѣвшихся у нихъ рудъ. Какъ скоро дошло о томъ свѣдѣніе до Рычкова, то онъ, 1 мая 1764 года, отправилъ къ Ломоносову чрезъ Миллера описаніе мѣдныхъ рудъ своего завода, которымъ Ломоносовъ остался доволенъ¹⁾. По смерти его оно было препровождено Рычковымъ (въ іюлѣ 1766 года) въ Вольное Экономическое Общество и тамъ напечатано въ «Трудахъ», о чемъ будетъ указано ниже.

1 сентября 1767 года Рычковъ послалъ къ Миллеру описаніе землянаго зайца, (*Lepus minutus* или *dipus jaculus*). Этого описанія не сохранилось при письмѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «прилагаю описаніе землянаго зайца, котораго я теперь имѣю у себя живаго и, смотря на него, оно учинилъ. Звѣрокъ весьма куріозный, а особливо когда скачетъ, то больше схожъ на прекрасную птичку, нежели на звѣрочка. Ежели не умретъ и

¹⁾ Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, приложение къ VIII т. Записокъ Академіи Наукъ, № 7, стр. 71—78.

оказія будетъ, намѣряюсь послать его зимой къ графу Володимиру Григорьевичу (Орлову). Два тучелка послалъ уже я къ Ивану Ивановичу Тауберту, хотя они и были попорчены».

Въ засѣданіи академической конференціи 2 ноября 1767 года разсматривалась эта посылка Рычкова, и академикъ Палласъ высказалъ по этому случаю свое предположеніе, что въ оренбургскомъ краѣ должны еще найтись неизвѣстныя животныя, которыя ожидаютъ описаній ¹⁾.

«Для поощренія въ Россіи земледѣльства и экономіи», въ 1765 году составилось въ Петербургѣ Вольное Экономическое Общество. Членами учредителями его являются или первѣйшіе изъ тогдашнихъ сановниковъ: графы Орловы, Воронцовы, Чернышевы, или люди, приближенные къ императрицѣ, каковыми были: Адамъ Олсуфьевъ, баронъ Александръ Черкасовъ, Григорій Тепловъ, или, наконецъ, академики: Леманъ, Фалькъ и распоряжавшійся судьбами Академіи, совѣтникъ ея Иванъ Таубертъ ²⁾. Послѣдній былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Рычковымъ, а потому неудивительно, что съ самого начала существованія Общества онъ былъ избранъ въ число членовъ его.

«При окончаніи сего 1765 года, рассказываетъ Рычковъ въ своихъ Запискахъ, получилъ я ордеръ отъ г. тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева изъ Санкт-Петербурга отъ 10 числа ноября, коимъ онъ увѣдомилъ меня, что 2 числа того жъ (мѣсяца) выбранъ я въ члены Вольнаго Экономическаго Общества для поощренія въ Россіи земледѣлія и домостроительства, при которомъ сообщилъ онъ и письмо ея императорскаго величества, коимъ изволила она то общество апробовать и подтвердить. Сіе избраніе, безъ всякаго моего исканія учиненное, и приобщеніе меня къ толь знатному обществу, въ которомъ знатнѣйшія особы и многіе сенаторы присутствуютъ, почитаю я въ нынѣшней моеи приватной деревенской жизни не только знат-

¹⁾ Протоколы 1767 г. въ архивѣ академической конференціи.

²⁾ Исторія И. Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 по 1865 годы, СПБ. 1865 г., стр. 1—4.

нынѣ приключеніемъ, но и за промыслъ Божій, ведущій меня явно къ продолженію службы»...

Эта надежда на поступленіе вновь на службу при посредствѣ вліятельныхъ и савонныхъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества, а также и горячность, съ какою обыкновенно принимался Рычковъ за всякое новое дѣло, сдѣлали то, что въ первые годы существованія общества онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ его по доставленію сельско-хозяйственныхъ статей.

«Я, писалъ онъ къ Миллеру, 5 февраля 1766 года, уже пять писемъ отправилъ въ собраніе Экономическаго Общества. Г. Клингштетъ¹⁾ пишетъ ко мнѣ нынѣ, что тѣ, кои получены и въ собраніи читаны, приняты изрядно... Весьма полезно, когда бы и во всѣхъ губерніяхъ экономическія собранія учредить разсудили. Въ здѣшней (оренбургской) я въ состояніи лучшихъ людей къ тому привести, ежели мнѣ оное рекомендовано будетъ, а паче, когда я буду въ Оренбургѣ. Надобно токмо разсмотрѣніе имѣть въ сочиненіяхъ ихъ человѣку искусному, ибо многіе хорошо мыслятъ, но не всѣ такъ пишутъ, чтобъ годилось въ публику или въ вышее собраніе»....

31 марта 1766 года: «Полезное бы было дѣло, ежели бы въ собраніи нашего общества должность секретарская такому человѣку прилежному была поручена какъ вы, милостивый государь! Отъ сего очень много зависитъ. Повѣрьте, милостивый государь мой и другъ, я бы самъ отъ того не отрекся для споспѣшества полезнымъ намѣреніямъ нашего общества, ежели бы мнѣ дали жалованье, или бы для полученія онаго причислили бы меня къ такому мѣсту, чтобъ я, получая отъ моего жалованья, безъ нужды содержаться могъ. Недостатки мои и не малолюдное семейство мое не дозволяютъ мнѣ безъ онаго служить»...

1) Тимофей Ивановичъ фонъ-Клигштетъ вице-президентъ юстицъ коллегіи ливонскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ и членъ-основатель Вольнаго экономическаго общества. Къ нему обращалась иногда Екатерина II, требуя мнѣній его о разныхъ отрасляхъ управленія; онъ подавалъ представленія касательно просвѣщенія и торговли въ Россіи. Нѣкоторыя изъ его статей помѣщены въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. См. «Алфавитный указатель статей, напечат. въ Трудахъ», В. Всеволодова (СПБ. 1849 года) стр. 113, 114.

25 ноября 1769 года Вольное Экономическое Общество присудило Рычкову серебряную медаль за сообщеніе туда разныхъ сочиненій и опытовъ. 20 января 1770 года, оно выразило своему сочлену удовольствіе за доставленные имъ «копакъ и ширинку холста, которые сдѣланы изъ пуха травы кипрейника», а жене его выдана тогда же золотая медаль «въ знакъ благодарности за оказанное усердіе нашему обществу сообщеніемъ какъ прежняго¹⁾, такъ и нынѣшняго новаго рукодѣлія». Увѣдомляя о томъ Рычкова, Таубертъ писалъ 21 января 1770 года: «Я поздравляю ее (Алену Денисьевну Рычкову) съ ея отличною честію, о которой извѣстна уже всемілостивѣйшая государыня, и которая всемірно возбудить должна и другихъ дворянскихъ женъ къ подражанію ея примѣру»...

«Что жена моя, говорилъ Рычковъ въ письмѣ къ Миллеру 24 февраля 1770 года, удостоена золотой медали, о семъ она и я имѣемъ уже извѣстіе чрезъ Ивана Ивановича Тауберта... Я недавно медаль получилъ съ вырѣзаніемъ на оной моего имени при письменномъ благодареніи, но серебряную. Жена моя счастливѣе меня, но я ей не завидую»...

31 октября 1770 года, Таубертъ снова увѣдомлялъ Рычкова: «Вчера Экономическое наше Общество праздновало генеральнымъ собраніемъ всѣхъ членовъ день своего учрежденія въ домѣ его сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева. Сколь скоро въ исходѣ перваго часа пополудни всѣ члены съѣхались, то во первыхъ читано было письмо ея императорскаго величества къ обществу, которымъ оное подъ высочайшее свое покровительство всемілостивѣйше принять соизволила. Потомъ объявлено было президентомъ о розданныхъ по разнымъ задачамъ медаляхъ. Изъ оныхъ опредѣлены вамъ, милостивому государю моему, одна большая золотая, а г. капитану Болотову такая-жъ по задачѣ о сочиненіи наказа для деревенскаго управителя. Сердечно васъ поздравляю сею отличною честію. Бывшіе въ семъ комитетѣ члены: его сіятельство графъ Романъ Ларионовичъ (Воронцовъ), Григорій Николаевичъ Тепловъ, полковникъ Александръ Андреевичъ Волковъ и я тѣмъ довольно доказали, сколько

¹⁾ Рычковъ прежде прислалъ образчики издѣлій изъ козьего пуха.

мы всё готовы вашимъ заслугамъ при всякомъ случаѣ отдать справедливость. Теперь уповаю вы перестанете завидовать любезной вашей супругѣ и оставите сію страсть одному ея полу»...

Изъ диплома на эту послѣднюю медаль (3 ноября 1770 года) видно, что сочиненіе Рычкова было представлено подъ девизомъ: «вѣкъ жить — вѣкъ учиться и трудиться», а Болотовъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ, свою рукопись снабдилъ девизомъ: «устрой его въ дѣлахъ, яко же подобаетъ ему; аще не послушаетъ, всади его въ оковы¹⁾».

Полагаю не лишнимъ сообщить здѣсь описаніе статей Рычкова, напечатанныхъ въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ и нынѣ вниманія по заключающимся въ нихъ подробностямъ. Онѣ непременно пригодятся со временемъ для исторіи оренбургскаго края, а между тѣмъ, будучи помѣщены въ сельско-хозяйственномъ изданіи, могутъ остаться не замѣченными.

«Труды», часть II, 1766 года: а) стр. 63 — 68. «Опытъ о козьей шерсти». Здѣсь предлагается пряденіе и вязаніе изъ козьего пуха (или подсада), какъ новый способъ извлекать выгоду изъ козы. По словамъ Рычкова выходитъ, что онъ первый ввелъ въ употребленіе подобныя издѣлія. Извѣстно, что вязанные изъ мягкой козьей шерсти платки, чулки и другія вещи приготовляются донныѣ въ одномъ только оренбургскомъ краѣ, откуда ихъ вывозятъ въ Петербургъ и за границу. б) Стр. 89 — 101; «О мануфактурахъ изъ хлопчатой бумаги и изъ верблюжей шерсти». Извѣстія о попыткахъ къ разведенію хлопчатой бумаги въ южныхъ мѣстахъ оренбургскаго края при помощи хивинцевъ, бухарцевъ и ташкентцовъ, въ странахъ которыхъ она произрастаетъ въ изобиліи. Для этой цѣли подъ Оренбургомъ въ 1745 году была основана татарская слобода Сеитова, такъ названная по имени татарина Сеита Хаялина. Цѣна бумажнаго хлопка въ Оренбургѣ была во времена Рычкова: въ сыромъ видѣ 10—15 копѣекъ за фунтъ; въ пряжѣ 30 — 40 коп. Въ концѣ статьи говорится о

¹⁾ Указанія объ этомъ можно найти въ Запискахъ Рычкова: также въ подлинномъ дипломѣ и письмахъ къ нему Тауберта и А. Нартова, сохранившихся въ семейныхъ бумагахъ Д. Н. Рычкова.

ломотнахъ изъ верблюжьей шерсти и о выгодѣ отъ сбыта ея за границу.

Часть IV, 1766 года: с) Стр. 30—56, «О мѣдныхъ рудахъ и минералахъ, находящихся въ Оренбургской губерніи». Это самое описаніе, какъ сказано выше на стр. 101, Рычковъ послалъ Ломоносову. d) Стр. 57—64, «Опытъ о березовой водѣ».

Часть V, 1767 года: e) Стр. 43—59, «Опытъ виннаго куренія на домашній расходъ» — рассказъ о гонкѣ спирта изъ молока и сыворотки. f) Стр. 70—77, «О дѣлѣ юфтей». Сообщается о зыдѣлкѣ въ Россіи юфти. Статью эту первоначально не рѣшались печатать, о чемъ Рычковъ писалъ къ академику Штелину: «Я радъ, что сочиненіе мое о юфтяхъ втунѣ не осталось. Графъ Романъ Ларіоновичъ (Воронцовъ) сказывалъ мнѣ нѣкоторыя обстоятельства, для чего оно прежде напечатано не было, но мнѣ мнится, что тѣ причины не подлежатъ большому уваженію. Много околичностей при семь дѣлѣ, для которыхъ въ другихъ государствахъ манифактуру сію размножить невозможно»¹⁾. g) Стр. 150—196, «О содержаніи пчелъ»; объ этомъ же предметѣ: часть IX, 1768 г., стр. 1—27, «Первое продолженіе о пчелахъ»; стр. 139—163, «Выписи изъ разныхъ писателей о пчелахъ и краткія объ нихъ примѣчанія»; часть XI, 1769 года, стр. 1—34: «Третье продолженіе о пчелахъ». Всѣ эти статьи примѣчательны, какъ первое обстоятельное описаніе русскаго пчеловодства. Здѣсь можно найти рассказы и повѣрья нашихъ старинныхъ пчеляковъ, описанія ухода ихъ за пчелами и, наконецъ, состояніе въ XVIII столѣтіи этого промысла, процвѣтавшаго въ старинной Руси. Конечно, Рычковъ, не будучи ученымъ естествоиспытателемъ, внесъ въ свои рассказы много невѣроподобнаго, но тѣмъ не менѣе они и въ наше время полезны для изученія старинныхъ повѣрьевъ и пр. Для наблюденій своихъ Рычковъ, какъ видно изъ его статей, пытался устривать стеклянные ульи. «Г. Таубертъ совѣтывалъ мнѣ, писалъ онъ къ Штелину, 24 мая 1767 года, чтобъ я сочиненіе мое о пчелахъ согласилъ съ описаніемъ Реомюровымъ и другихъ иностранныхъ писателей. Но мнѣ разсудилось напередъ то описать, какъ сіе содержаніе у насъ произво-

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, т. VII, стр. 125.

дятся. Другіе могутъ описатьъ иностранныя описанія и примѣчанія. Я собственными моими опытами нашелъ, что оныя описанія съ натурою нашихъ пчелъ не во всемъ сходны, что означится и въ шестѣ моей. По изданіи ея въ публику, можно всякому своими испытаніями увѣриваться и продолжать сію экономію съ лучшимъ наблюденіемъ, которая и въ самыя наши древнія времена обществу великую пользу дѣлала и нынѣ приносить можетъ. Весьма полезно, ежебѣ особо напечатанные экземпляры ко мнѣ пожалуете пришлете. Они многихъ возбуждаютъ къ примѣчаніямъ и представленіямъ о семъ полезномъ дѣлѣ...¹⁾ 30 іюня 1767 года онъ же къ Миллеру: «до села Спасскаго доѣхалъ я (изъ Москвы) и съ же ною моею благополучно. Топерь утѣшаюсь деревенскимъ житіемъ и дѣлаю опыты мои надъ пчелами, примѣчая движенія ихъ, посадя нѣсколько съ матками ихъ въ стеклянныя банки, а и улья нарочно для того по близости покоевъ моихъ поставилъ. По сіе время описаніе мое нахожу довольно справедливымъ»...

Часть VI, 1767 года: і) Стр. 56—68, «Примѣчанія о прежнемъ и нынѣшнемъ земледѣліи». Помнѣнію Рычкова земледѣліе въ старину было въ лучшемъ состояніи: «правители и самыя хорошіе помѣщики почитали у насъ за первый пунктъ къ чести и благоденствію умножать въ крестьянахъ охоту къ земледѣлію и, живучи въ деревняхъ своихъ умѣренно, сами были въ томъ предводители и надзиратели. Такимъ многолѣтнимъ искусствомъ и присмотромъ, безъ сомнѣнія, извѣдали они всѣ правила земледѣлія... Прежде, когда процвѣтало и избыточествовало у насъ земледѣліе, самыя лучшіе люди считали себѣ въ честь умножать оное и поощрять къ тому крестьянъ, а притомъ и жили въ деревняхъ своихъ умѣренно и бережно. Но нынѣ живущіе въ оныхъ молодые помѣщики за честь ставятъ себѣ то, когда выстроютъ себѣ пространныя дома, уберутъ ихъ богато, имѣютъ при себѣ не малое число офиціантовъ и ливрейныхъ служителей, а къ тому для выѣзду нарядной, двойной, или еще и тройной экипажъ. Не давно и суще не болѣе двадцати лѣтъ назадъ, знатные, разумные и заслуженные штабъ-офицеры и дворяне не малопомѣстные, изъ которыхъ многіе были мнѣ друзьями и пріятельми, имѣли у себя

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, т. VII, стр. 125.

домы посредственные, слугъ при себѣ человѣка по два или по три въ простомъ, но въ чистомъ платьѣ; для выѣзду одну или двѣ простыя-жъ, токмо хорошія, крѣпкія и спокойныя коляски съ принадлежностью. Однимъ словомъ: все было у нихъ надобное въ надлежащей умѣренности и крѣпости. Напротивъ того нынѣ дѣти ихъ и наследники, имѣя тожъ число крестьянъ или еще и меньше и чинъ субалтерна или не выше капитанскаго, живучи въ деревняхъ своихъ уволенными отъ службы, не жалѣя себя и крестьянства своего, свою возможность употребляютъ въ тѣ излишества, о коихъ выше упомянуто... Надобно признаться, что нынѣшнія помѣщичьи деревни начинаютъ уже украшаться хорошими домами, убранными покаями, отчасти жъ и регулярными садами, вмѣсто того, что прежде за довольное украшеніе считали въ нихъ умѣренной, но спокойной домъ съ принадлежностями, огородъ и садъ простой, но плодovitой; за самое жъ лучшее почитали хорошія житницы и на гумнахъ множество хлѣбныхъ кладей и одоньевъ. О прочемъ въ разсужденіи нынѣшняго деревенскаго житія не вступаю уже въ подробности, дабы не раздражить мнѣ тѣмъ многихъ моихъ знакомцевъ, сосѣдей и пріятелей... к) Стр. 69—83, «О кошенилѣ и червецѣ», а также въ IX части 1768 года, стр. 164—173, «Прибавленіе къ сочиненію о кошенилѣ и червецѣ»; часть XV, 1770 года, стр. 80—87, «О размноженіи російскаго червеца». Что объ этомъ предметѣ переписывался Рычковъ съ Миллеромъ, о томъ говорено выше на стр. 98. Въ первой статьѣ, кромѣ своихъ наблюдений, Рычковъ приводитъ способъ добыванія и употребленія червеца въ краску малороссіянами, жившими на рѣкѣ Кинели въ тогдашней оренбургской губерніи. л) Стран. 84—112, «О сбереженіи и размноженіи лѣсовъ». Здѣсь говорится о различныхъ родахъ деревьевъ въ Россіи и объ употребленіи каждаго изъ нихъ. При этомъ замѣчено, что въ Башкиріи вмѣсто пеньки и покони употребляютъ крапиву: «они, ее подкашивая, мочать, стелютъ и треплютъ равномерно почти такъ, какъ у насъ со льномъ, съ коноплями и покосью поступаютъ... Сіе употребленіе въ Башкиріи есть самое старинное. Крапивные наруса, упомянутые въ Лѣтописи препод. Нестора, на стран. 26 (отъ 904 по 907 г.) не могутъ ли разумѣться за такія крапивныя холстины? Сіе оставляю на разсмотрѣніе другимъ»... (Ср. выше стр. 94).

Часть VII, 1767 года: м) Стр. 1.—25, «О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи». Въ этой статьѣ сообщены довольно любопытныя извѣстія о нравахъ и хозяйствѣ башкиръ, киргизовъ, калмыковъ, а также о переселеніи (около 1740 года) въ оренбургскій край, по распоряженію правительства, малороссіянь. н) Стр. 111—212, «Отвѣты на экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія по разности провинцій кратко и по возможности изъясненные въ разсужденіи оренбургской губерніи». И здѣсь есть полезныя свѣдѣнія для исторіи не только сельскаго хозяйства, но и состоянія цѣлаго края и его разнородныхъ обитателей въ прошломъ столѣтіи.

Часть IX, 1768 года: о) стр. 74 — 82, «О травяныхъ корешкахъ и семянахъ, пригодныхъ къ винной сидкѣ». р) Стр. 82 — 91, «О горячей угольной землѣ», гдѣ описаны опыты Рычкова съ каменнымъ углемъ, отысканнымъ въ дачахъ одной татарской деревни. Выше было уже приведено его письмо 1768 г., въ которомъ просилъ Рычковъ Миллера о доставленіи образчика каменнаго угля. Въ 1769 г. онъ писалъ къ академику Штелину: «Вы весьма меня одолжите, когда пришлете ко мнѣ нѣсколько экземпляровъ повторенной печати (т. е. втораго изданія) наставленія вашего къ сысканію каменныхъ угольевъ. Я того мнѣнія, что они въ здѣшней губерніи въ разныхъ мѣстахъ сысканы быть могутъ, когда приложится о томъ стараніе...¹⁾».

Часть XIII, 1769 года: q) Стр. 44 — 64, «О травяномъ пухѣ и о домашнемъ его употребленіи вмѣсто хлопчатой бумаги и пр.» и «О краскѣ изъ травы кипрейника и о пухѣ изъ той же и еще изъ другой травы въ прибавленіе къ прежнему». г) Стр. 100—112; «О урожаѣ хлѣба» въ 1769 году.

Часть XV, 1770 года: s) Стр. 66—70, «О стручкахъ перечныхъ», которые разводили жители г. Самары. t) Стр. 71—75, «О крапивной кудели и о употребленіи въ пряжу и въ другія экономическія надобности»; также въ части XVIII, 1771 года, стр. 215—226, «О крапивномъ холстѣ». Ср. выше статью подъ буквою l.

Часть XVI 1770 года: u) Наказъ прикащикамъ

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, т. VII, кн. 2, стр. 126.

Сборникъ II Отд. II. А. И.

Часть XVII, 1771 года: w) Стр. 167—174, «О пряжѣ изъ ветошекъ и тряпицъ и о употребленіи оной въ разныя рукодѣлія».

Часть XX, 1772 года: x) Стр. 25—61, «Описаніе Илецкой соли», съ подробнымъ планомъ Илецкой зацѣпты и тогдашнихъ соляныхъ копей. Это первое и притомъ довольно подробное историческое описаніе илецкаго солянаго промысла, тѣмъ болѣе имѣющее цѣну, что авторъ во время составленія статьи былъ главнымъ начальникомъ соляной части въ Оренбургѣ. Въ письмѣ Рычкова къ Миллеру 27 октября 1771 года между прочимъ читаемъ: «давно уже писали ко мнѣ изъ Экономическаго Общества о сочиненіи описанія илецкой соли. Нынѣ я вздумалъ оное написать, бывъ уже дважды по должности моей на мѣстѣ добыванія ея... Я почти исторически тутъ писалъ, не вступая ни въ какія физическія мои примѣчанія. Г. Академіи профессоръ Палласъ и докторъ Лепехинъ, будучи тамо, оное уже исполнили»...

Часть XXIV, 1773 года: y) Стр. 171—177, «Способъ къ сбереженію съѣстныхъ вещей отъ поврежденія и гнилости». Рычковъ предлагаетъ здѣсь для храненія припасовъ ящики со стѣнками изъ пластинокъ соли. z) Стр. 178—184, «О спиртѣ изъ вербовныхъ цвѣтовъ и изъ травы, называемой воробьиной».

Последнюю статью, посланную Рычковымъ въ Вольное Экономическое Общество, была подъ заглавіемъ «О приготовленіи въ пишу во время крайней нужды говяжьихъ и бараньихъ кожъ». Здѣсь сообщалось, что во время шестимѣсячной осады Оренбурга отъ Пугачева цѣны на хлѣбъ и вообще на всѣ съѣстные припасы возвысились до такой степени, что четверть ржи продавалась по 140 и 150 руб. Рычковъ, желая помочь бѣднымъ и немущимъ жителямъ, придумалъ вываривать желе или студень изъ коровьихъ и бараньихъ кожъ и печь изъ нихъ булки, пироги и пр. Онъ при этомъ ссылался на весь городъ, что его изобрѣтеніе тамъ принесло пользу, потому что приготовленные по его способу хлѣбъ, студень и пр. продавались гораздо дешевле обыкновенныхъ и, по свидѣтельству докторовъ, нисколько не были вредны. Статью свою Рычковъ подписалъ полнымъ именемъ, а не скрылъ его, какъ требовалось то уставомъ Экономическаго Общества, подъ какимъ либо девизомъ. Поэтому, 5 января 1775 года, ему было дано знать, что хотя ему и слѣдовало бы

назначить за его полезное изобрѣтеніе золотую медаль, однако сдѣлать этого нельзя по несоблюденію означеннаго правила. Рычковъ отвѣчалъ на это Обществу, что ему именно необходимо было сказать, что его опыты удались въ тяжелую оренбургскую осаду: «къ тому жъ разсуждалъ, что она писана была мною не по задачѣ Экономическаго Общества, но единственно по моимъ опытамъ, а потому и мнилъ я, что нѣтъ резону скрывать въ ней имя такого сочинителя, который всѣ свои силы употребилъ съ нѣкоторымъ еще и расходомъ (претерпѣвая при томъ отъ самолюбивыхъ людей критику), въ пользу здѣшняго общества, утомленнаго тогда крайнею нуждою и опасностію»... Рычковъ, по обыкновенію своему, обратился къ Миллеру съ просьбою хлопотать за него у вліятельныхъ членовъ Экономическаго Общества, чтобы ему была выдана удержанная медаль. «Я, писалъ онъ къ Миллеру 5 марта 1775 года, въ разсужденіи бывшей здѣсь нужды и изобрѣтенія моего къ отрадѣ и пользѣ здѣшняго города, ожидалъ-было себѣ хорошаго за то воздаянія, но вмѣсто онаго и обыкновенную медаль у меня удержали. Разсудите, не убавится-ль или и не угаснетъ ли вовсе къ таковымъ трудамъ и изобрѣтеніямъ въ доброжелательныхъ людяхъ охота?»... Кажется, что домогательство Рычкова осталось неисполненнымъ отъ Экономическаго Общества; по крайней мѣрѣ 16 апрѣля 1775 года онъ писалъ къ Миллеру: «правда, что я огорченъ отъ экономическаго собранія удержаніемъ золотой медали, мнѣ присвоенной, и не знаю, могу-ль себя преодолѣть, чтобъ впредь піесы мои въ оное посылать».

Переписка Рычкова съ Миллеромъ, кромѣ сообщеній по части исторіи, географіи и естественныхъ произведеній оренбургскаго края, заключается по большей части въ изъясненіяхъ преданности и расположенія къ исторіографу, а также въ извѣстіяхъ объ исполненіи взаимныхъ порученій.

Въ самомъ началѣ возникновенія этой переписки, именно 18 февраля 1759 года, Рычковъ писалъ къ Миллеру: «я истинно за особое мое удовольствіе почитаю съ такимъ ученымъ и честнымъ мужемъ, какъ ваше высокоблагородіе есть, дружество

и письменное сношеніе имѣть и пользѣ общей, елико знанія моего есть, споспѣшествовать. О пересылкѣ мѣсячныхъ книжекъ покорно вашего высокоблагородія прошу; изъ находящихся же въ реестрѣ (академической книжной лавки) ежели 5 и 6 томы ролевоу Исторіи вышли изъ печати, то оныя прислать. А сверхъ того, буде въ книжной лавкѣ находятся на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующія, а именно: Homers Werke (Піас), 3 Theile mit Kupfern in 4°, Frankf. 1753 — R. 18. Jablonski, Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften — 4, 50, Sara, Kunst stets fröhlich zu seyn — 35 ¹⁾».

«Я оныя выбралъ изъ имѣющагося у меня реестра печатаннаго при Академіи 1755 году, но ежели нынѣ оныхъ книгъ въ наличности нѣтъ, покорно прошу выписать. А особливо желательно мнѣ имѣть у себя Гомерову поэму всю, ежели она есть на нѣмецкомъ языкѣ, ибо въ латинскомъ я весьма недостаточенъ. Кромѣ сихъ, ежели изъ моральныхъ новыми лучшими авторами меня снабдите, то почту я за великое ваше одолженіе. Деньги обязуюсь съ должнымъ благодареніемъ пересылать, или, по приказанію вашему, эквивалентомъ изъ здѣшнихъ вещей служить. Гомера, ежели изволите достать, прошу въ самой лучшей переплетѣ положить; прочія жъ и здѣсь могутъ переплетены быть. Пересылка же ихъ, ежели нарочныхъ къ намъ не случится, можетъ, уповаю, и на ординарной почтѣ учинена быть; потребно только увязать ихъ бережно и адресовать на мое имя такъ, какъ и письма изволите надписывать, припечатывая печатью академическою»...

24 декабря 1759 года: «Извѣстно мнѣ, что вы съ его высококородиємъ г. бригадиромъ Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ имѣете дружеское и честное обхожденіе. Я почелъ бы себя весьма счастливымъ, когда бъ удостоился причтенъ быть въ число его друзей и служивиковъ. Буде не противно, прошу васъ,

---

¹⁾ Въ послѣдствіи времени Рычковъ уже не любилъ вовсе книгъ для легкаго чтенія. Такъ напр., 18 іюля 1778 г., онъ писалъ къ Миллеру: «Сказки арабскія и другія симъ подобныя не дѣлаютъ мнѣ удовольствія: я ихъ отдаю моимъ дочерямъ. Онѣ охотно такіа пустоши читаютъ. Изъ обертки оныхъ книгъ видѣлъ я, что отпечатывается лексиконъ русской географической»... а потому просилъ о покупкѣ его для себя.

какъ моего милостивца и друга, рекомендовать меня его высоко-родію при засвидѣтельствѣваніи моего должнѣйшаго почтенія».

Въ началѣ же своей переписки съ Миллеромъ, Рычковъ пересылалъ черезъ него поклонны Василью Кириловичу Тредьяковскому и женѣ его, Марьѣ Филиповнѣ. Послѣдняя была дочь протоколиста Филипа Сибилева, служившаго въ оренбургской экспедиціи въ одно время съ Рычковымъ.

Когда Рычковъ узналъ, что Миллеръ переходитъ на службу въ Москву, то писалъ къ нему, 15 января 1765 г.: «я твердо надѣюсь, что и въ тамошнюю вашу бытность нелишусь любезной и полезной мнѣ вашей корреспонденціи. А между тѣмъ вы же не оставите меня и въ томъ, какъ оную продолжать съ Академіею и къ кому адресъ мой имѣть»... 2 іюня 1765 года: «будете ли вы что въ Москвѣ печатать, пожалуй увѣдомить, дабы я и мои сочиненія, какія когда случатся, для того къ вамъ сообщить могъ». 5 февраля 1766 г.: «...«позвольте мнѣ признаться: я сумнителенъ былъ нѣсколько, не получая вашихъ писемъ на мои, къ вамъ посылаемые, и сіе самое было причиною, что я пересталъ было къ вамъ писать, дабы не трудить васъ напрасно при многихъ вашихъ окупаціяхъ; но въ разсужденіи дружбы ни малого сумнѣнія у меня не было. Дай Боже все по вашему желанію, и корреспонденція бѣ наша также продолжаться могла какъ и прежде. Иванъ Ивановичъ Таубертъ ко мнѣ благосклоненъ и корреспонденція моя по Академіи съ нимъ ¹⁾»... 8 октября 1766 года: «увѣрьтесь, милостивый государь мой, что никакая корреспонденція больше не можетъ меня веселить какъ та, которую я съ вами имѣлъ и желаю имѣть»...

30 іюня 1767 года ²⁾: «Г. Шлецеръ пишетъ ко мнѣ, требуя моей корреспонденціи, и обѣщаетъ сочиненія мои, переводя, сообщать отъ себя шведской и геттингенской Академіямъ, къ чему

¹⁾ Переписка Рычкова съ Таубертомъ пока не отыскана, за исключеніемъ немногихъ писемъ послѣдняго. Они хранятся въ семейныхъ бумагахъ Д. Н. Рычкова, о которыхъ упоминалось выше. Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру 9 іюня 1771 года, такъ говорилъ по случаю смерти Тауберта: «о кончинѣ Ивана Ивановича Тауберта первого вашего письма не получилъ. Узналъ впервые изъ книжнѣйшаго: очень, крайне сожалѣю и не могъ удержаться отъ слезъ, лишившись столь любезнаго и полезнаго друга»...

²⁾ Съ 1767 г. Рычковъ писалъ къ Миллеру въ Москву по такому адресу: «домъ его за Яузскимъ мостомъ, идучи на гору, первыя каменные извѣстныя полаты на лѣвой сторонѣ, гдѣ прежде бывала аптека».

онъ разныя матеріи мнѣ предложилъ. Я не знаю его состоянья. Иванъ Ивановичъ Таубертъ пишетъ ко мнѣ, дабы я о томъ васъ спросилъ, а онъ самъ моральный его характеръ не весьма выхваляетъ. Покорно прошу увѣдомить меня дружески, могу ль я съ нимъ вступить въ корреспонденцію и какъ далеко оную распространять». 1 сентября 1767 года: «Г. Шлецеръ дважды ко мнѣ писалъ, и я ему также отвѣтствовалъ; впрочемъ буду я слѣдовать вашему совѣту ¹⁾». Вѣ послѣдствіи времени, Рычковъ, въ порывѣ раздраженнаго авторскаго самолюбія, отзывался неблагоприятно о Шлецерѣ за его разборъ «Опыта Казанской Исторіи», о чемъ было уже говорено выше въ гл. V, на стран. 78, 79.

Всѣ сыновья Рычкова, по тогдашнему обыкновенію, были съ малолѣтства записаны въ разные полки. Одинъ изъ нихъ, Николай Петровичъ, родился, какъ видно изъ записокъ отца, въ 1746 году отъ первой его жены ²⁾ и числился сначала въ драгунскихъ трюнкѣ, потомъ въ ревельскомъ, наконецъ пензенскомъ пѣхотномъ полкахъ. Въ послѣднемъ молодой Рычковъ, въ 1763 году, произведенъ былъ въ прапорщики, а въ 1767 году выпущенъ въ отставку съ чиномъ капитана. О немъ старикъ Рычковъ писалъ къ Миллеру 14 января 1767 года: «вручитель сего, сынъ мой Николай, котораго не изволили еще видывать. Рекомендую его въ вашу милость и призрѣніе въ надеждѣ той дружбы и милости, которыми вы меня жалуете, уповаю, что онъ полезными вашими совѣтами и наставленіями, какъ молодой человѣкъ, будетъ пользоваться». 26 іюня 1767 года: «извѣстенъ я, что сынъ мой Николай, по старанію моему, опредѣленъ въ команду г. профессора Палласа, о чемъ и самъ г. профессоръ ко мнѣ пишетъ»... ³⁾.

«Команда Палласа» была ничто иное, какъ одна изъ пяти

¹⁾ Къ сожалѣнію въ черновой перепискѣ Миллера не сохранилось письма его о томъ, какъ поступать въ сношеніяхъ съ Шлецеромъ.

²⁾ П. И. Рычковъ былъ женатъ два раза: въ первый — на Анисѣ Прокофьевнѣ Гуляевой, скончавшейся въ 1761 г.; второй разъ — въ 1762 г. на дочери симбирскаго помѣщика, оставшаго капитанъ-поручика преображенскаго полка Дениса Никитича Чирикова, Аленѣ Денисьевнѣ.

³⁾ 14 сентября 1771 года въ письмѣ къ Миллеру Рычковъ, говоря о сынѣ своемъ Николаѣ и Палласѣ, прибавлялъ: «они съ нимъ великіе друзья»...

ученыхъ экспедицій, которыя были снаряжены, по волѣ императрицы Екатерины II, Академію Наукъ въ 1768 году, а окончили свои разысканія въ 1773 году. Эти экспедиціи, въ силу данныхъ имъ отъ Академіи пространныхъ инструкцій, обязаны были обращать вниманіе на все, что имѣло отношеніе къ климату, почвѣ, естественнымъ произведеніямъ, промысламъ, ремесламъ, обычаямъ, преданіямъ, языкамъ и т. п. Счастливый выборъ ученыхъ, ихъ неутомимое рвеніе и благородная любовь къ наукамъ, все это произвело то, что добытыми въ эти путешествія результатами справедливо гордилась и доннынѣ гордится наша Академія Наукъ.

Молодой Рычковъ, состоя въ распоряженіяхъ Палласа и получая изъ казны 200 рубл. въ годъ жалованья, объѣздитъ въ 1769 и 1770 годахъ часть нынѣшнихъ губерній: казанской, оренбургской, уфимской, вятской и пермской. Не имѣя ученой подготовки, въ чемъ откровенно сознавался самъ, онъ выказалъ однако много добросовѣстности и усердія при выполненіи данной ему инструкціи, такъ-что его описанія и доннынѣ могутъ служить съ пользою въ особенности по значительному количеству довольно точныхъ для своего времени чертежей и извѣстій о древнихъ городищахъ и объ устныхъ преданіяхъ, съ ними связанныхъ ¹⁾; также о нравахъ, обычаяхъ и занятіяхъ разнородныхъ обитателей пробѣжанныхъ имъ странъ ²⁾; наконецъ о состояніи горнаго дѣла въ названныхъ губерніяхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Трудъ Н. Рычкова напечатанъ на счетъ Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: «Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ російскаго государства 1769 и 1770 году» (СПб., 1770, въ 4^о) и «Продолженіе Журнала, или дневныхъ записокъ путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ російскаго государства 1770 г.» (СПб., 1772, въ 4^о). О третьей книгѣ описанія путешествія Н. Рыч-

¹⁾ Какъ напр.: о развалинахъ болгарскаго города Булумеда въ пригородѣ Биларскѣ; о чертовѣ городищѣ близъ Елабуги; о развалинахъ Старой Казани; о городищѣ около г. Чердыни и о ил. др.

²⁾ Какъ-то: въ I части о черемисахъ, стр. 78—94; 152—156; о тептяряхъ 129—142; о вотакахъ, 156—166. Во II-й части помѣщены извлеченія изъ вятской лѣтописи «О древностяхъ города Халынова и вятской страны», стр. 86—82; подробности о солиномъ промыслѣ въ Соликамскѣ, стр. 95—107 и пр.

кова, изданной около того же времени, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ ¹⁾.

Всѣ ученые, которые участвовали въ оренбургскихъ ученыхъ экспедиціяхъ, долгомъ считали побывать въ селѣ Спасскомъ или видѣться съ владѣльцемъ его въ Оренбургѣ. Первый, посѣтившій Рычкова въ его имѣніи, былъ академикъ Лепехинъ. Онъ, какъ отмѣчено въ запискахъ Рычкова, пріѣхалъ туда съ сыномъ его Николаемъ 30 августа 1768 года, послѣ осмотра мѣстъ по рѣкѣ Черемшану.

«Время, говоритъ по этому случаю Лепехинъ, было уже позднее и для растенія мало надежное; почему я за полезное для меня призналъ просить совѣта у г. статскаго совѣтника Петра Ивановича Рычкова, мужа отмѣнными любопытными упражненіями у насъ знаменитаго, который въ то время жительствовалъ въ селѣ своемъ Спасскомъ, отстоящемъ въ ста верстахъ отъ Черемшанской крѣпости, куда я на другой день и пріѣхалъ... По пріѣздѣ нашемъ въ Спасское село, г. статскій совѣтникъ П. И. Рычковъ принялъ меня съ особливою благосклонностью и ласкою, гдѣ между разговорами о моемъ путешествіи совѣтовалъ мнѣ предпріять возвратный путь къ Волгѣ по Соку, которая рѣка по самой срединѣ ставропольской провинціи протекаетъ; но чтобы оный путь съ большимъ успѣхомъ могъ быть совершенъ, совѣтовалъ требовать изъ бугульминскаго вѣдомства отставнаго вахмистра Василья Кривцова и выборнаго въ селѣ Сокъ-Кармагѣ новокрещеннаго мордвина Айткула, которыхъ онъ, г. статскій

---

¹⁾ Николай Петровичъ Рычковъ, какъ видно изъ писемъ отца его къ Миллеру въ 1772 г., въ этомъ же году былъ переименованъ въ коллежскіе ассессоры и назначенъ «на Ахтубу къ новозаводимымъ тамъ шелковымъ заводамъ главнымъ директоромъ»... «онъ инструкцію имѣетъ не отъ мануфактуръ-коллегіи, но за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ; денежнаго жалованья 500 р. въ годъ, притомъ еще разныя выгоды»... «Ахтубинская шелковая фабрика затата была въ государствование Елизаветы Петровны, но пришла скоро въ разстройку. А деревья туовыя, какъ убѣждаютъ нѣкоторые, еще при Петрѣ Великомъ посажены, кои нынѣ устарѣли и листья ихъ для червей почитаютъ не полезнымъ»... «Сынъ мой Николай (писано въ сентябрѣ 1772 года) могъ уже до сорока крестьянскихъ семей, подчиненныхъ ему, склонить на то, что каждой изъ нихъ шелковой промыселъ добровольно своимъ семействомъ урокомъ производить обязался, что у Двора совсѣмъ невѣроятнымъ казалось. Заводъ отъ Царицына верстахъ въ 30-ти на адъшней, т. е. на луговой сторонѣ Волги, отъ устья Ахтубы вверхъ не знаю сколь далеко»...

совѣтникъ, прежде употреблялъ для прѣиска мѣдной руды по Соку. Получа такія наставленія, немедленно отправилъ я солдата въ Черемшанскую крѣпость за моимъ обозомъ, а остатки дня проводилъ въ разсматриваніи любопытныхъ его (т. е. Рычкова) упражненій надъ пчелами, котораго сообщества таинствы испытую, употреблялъ онъ улей съ стеклянными окошками, сдѣланный на подобіе того, какой въ такихъ же упражненіяхъ употребляемъ былъ славнымъ насѣкомыхъ испытателемъ Реомюромъ».

«По утру, въ провозжаніи г. статскаго совѣтника, пошли мы на ближайшія противъ его села горы, гдѣ по подгорью попалось намъ въ великомъ изобиліи воробьиное семя¹⁾».... Находя разведеніе его невыгоднымъ для сельскихъ хозяевъ, Лепехинъ совѣтуетъ сѣять подсолнечники (*helianthus annuus*), такъ-какъ кромѣ масла, стебли ихъ можно употреблять на топливо, и потомъ продолжаетъ: «Съ горъ возвратились мы часу во второмъ по полудни, гдѣ г. статскій совѣтникъ приказалъ приготовить намъ постной столъ изъ такихъ рыбъ, какія въ небольшой, мимо его села протекающей рѣчкѣ Майтанкѣ водятся. Рыбы сіи тѣмъ большаго примѣчанія достойны, что намъ ихъ прежде нагдѣ видѣть не случилось. Это были пеструшки (*salmo fario*) и кутема (*salmo lacustris*). Послѣ обѣда предметомъ нашего осмотра были алебастровыя горы, верстахъ въ четырехъ отъ села находящіяся... Алебастръ оказался смѣшаннымъ съ сѣрыми частицами, «что самъ г. статскій совѣтникъ съ немалымъ своимъ урономъ извѣдалъ въ новопостроенной каменной церкви, отчего весь иконостасъ такъ почернѣлъ, какъ бы онъ уже за долгое время былъ позолоченъ. По возвращеніи съ алебастровыхъ горъ, показывали намъ близъ села Спасскаго остатки двухъ рудниковъ, принадлежащихъ ему же, г. совѣтнику»... За тѣмъ у Лепехина слѣдуютъ тѣ самыя извѣстія, которыя Рычковъ помѣстилъ въ посланной имъ прежде Ломоносову, а потомъ напечатанной въ «Трудахъ Экономическаго Общества» статьѣ, см. выше стр. 106.

«8 числа, пишетъ Лепехинъ, г. статскій совѣтникъ пригласилъ насъ любопытное зрѣлище. Призвавъ одного башкирца,

¹⁾ *Lithospermum officinale*, о которомъ, какъ видѣли выше на стран. 110, Рычковъ прислалъ статью въ Вольное Экономическое Общество.

приказалъ ему показать способъ, какъ они лазятъ въ свои борты и сохраняютъ соты отъ лакомыхъ до меду медвѣдей»... И здѣсь подробности у Лепехина приведены тѣ же, которыя помѣстилъ Рычковъ въ своихъ статьяхъ о пчеловодствѣ, напечатанныхъ въ тѣхъ же «Трудахъ». Лепехинъ не пропустилъ также распрашивать и о крапивѣ (*urtica sibirica*), изъ которой у башкиръ дѣлались холсты, о чемъ прежде Рычковъ сообщалъ и Миллеру и Вольному Экономическому Обществу. «Позднее время, заключаетъ Лепехинъ, не дозволило болѣе медитъ въ Спасскомъ селѣ. И такъ выѣхали оттуда въ село Борисоглѣбское»...¹⁾

«Октября 4 числа (1768 года), отмѣчено въ Запискахъ Рычкова, прѣхалъ ко мнѣ г. профессоръ Палласъ для совѣтованія о дѣлахъ, до его экспедиціи принадлежащихъ, а 11 числа того жъ поѣхалъ онъ отъ меня для осмотра по р. Соку лежащихъ мѣстъ. А сынъ мой Николай на другой день отправленъ отъ него въ Оренбургъ»...

Въ знаменитомъ «Путешествіи по разнымъ провинціямъ российской имперіи»²⁾ Палласъ рассказываетъ: «пятого числа (октября) проѣхали мы по лежащей отъ Кичуя почтовой дорогѣ деревню Малую Бугульму на рѣчкѣ того же имени и прибыли въ Спасское село, въ которомъ обыкновенно живетъ прославившійся своими сочиненіями и по заслугамъ почтенія достойный г. статскій совѣтникъ Рычковъ, гдѣ я по причинѣ ласковаго принятія и весьма пріятнаго обхожденія онаго преученаго мужа, пробылъ до 11 числа сего мѣсяца. Помянутое село стоитъ на превеселомъ мѣстѣ, которое окружаютъ горныя, отчасти лѣсомъ оброслыя увалы. Почти въ срединѣ села бьетъ большой чистый ключъ и течетъ по бѣлому мергелю, который примѣчанія достоинъ наипаче по тому, что скотъ охотно его ѣстъ, хотя и не находится въ немъ соляныхъ частицъ»... За тѣмъ слѣдуютъ упоминанія о рыбѣ кутемѣ (*salmo lacustris*) и о водяномъ воробѣѣ (*sturnus cinclus*). О послѣднемъ Палласъ сказалъ то же самое, что (см. выше стр. 93) писалъ Рычковъ въ письмахъ къ Миллеру. Далѣе Палласъ описываетъ земляного зайца (*lepus minutus, dipus jaculus*),

¹⁾ Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Т. III, Спб. 1821 г. Записки академика Лепехина, стр. 144, 201, 204—210.

²⁾ Изд. 2-ое, Спб. 1809 г. ч. I, стр. 148.

выухоль (*sorex moschatus*), сѣрный городокъ, червецъ (*cossus polonicus*), водящійся на кустахъ клубники (*polentilla reptans*)¹⁾. Всѣ эти описанія знаменитаго естествоиспытателя послѣ извѣстныхъ уже намъ, первоначальныхъ извѣстій Рычкова о тѣхъ же предметахъ, не представляютъ ничего новаго.

Проводивъ изъ Спасскаго ученыхъ гостей своихъ, Рычковъ писалъ 7 ноября 1768 года къ Миллеру: «г. профессоръ Палласъ жилъ у меня здѣсь больше недѣли, а прежде его былъ г. докторъ Лепехинъ и жилъ столько же. Я уповаю, довольны они были совѣтами. Они зимуютъ въ Симбирскѣ».

Въ 1769 году, въ оренбургскую губернію пріѣзжали, также по порученію Академіи Наукъ, астрономы: Морицъ Ловичъ²⁾. Вольфгангъ Людовикъ Крафтъ³⁾ и младшій сынъ знаменитаго математика, артиллерійскій поручикъ Христофоръ Эйлеръ⁴⁾. Изъ писемъ къ Миллеру Рычкова оказывается, что всѣ эти ученые долгомъ сочли побывать въ селѣ Спасскомъ, чтобы видѣться съ владѣльцемъ его. По вступленіи вновь на службу, будучи уже въ Оренбургѣ, Рычковъ познакомился съ членами другой ученой экспедиціи, равнодѣрнымъ образомъ снаряженной Академіею Наукъ, — Іоанномъ Петромъ Фалькомъ и Іоанномъ Готлибомъ Георги. О нихъ-то Рычковъ писалъ къ Миллеру 28 октября 1770 года: «письмо къ г. аптекарю Георги вчера съ

1) Ibid., стр. 284, 285, 288, 306, 309.

2) Его астрономическія наблюденія въ Гурьевѣ напечатаны въ «Collectio omnium observationum, quae occasione transitus Veneris per solem A. MDCCLXIX ... fuerunt. Petropoli MDCCLXX. Ловичъ занимался потомъ геодезическими работами по устройству канала между Волгою и Дономъ и въ августѣ 1773 г. былъ умерщвленъ сообщниками Пугачева. Vasmeister's Russische Bibliothek, III, 414—416.

3) Плодомъ путешествія этого академика въ оренбургскій край были, между прочимъ, помѣщенные въ *Novi Commentarii Academiae Petropolitanae* статьи: Т. XIV, pars secunda, pp. 555—569: «Determinatio longitudinis geographicae observatorii orenburgensis»; Т. XV, pp. 571 sq.: *Observationes astronomicae anni 1769, 1770 institutae, una cum determinationibus geographicis aliquot locorum Imperii Rossici inde deductis*, гдѣ есть точное опредѣленіе широты и долготы г. Уфы. Кроме того Крафтъ принадлежит «*Auszug aus den Beobachtungen, welche zu Orenburg bey Gelegenheit des Durchgangs der Venus vorbey der Sonnenscheibe angestellt worden sind*»... S.P.burg, 1769.

4) Христофоръ Эйлеръ прохождение Венеры чрезъ Солнце наблюдалъ въ Орской крѣпости; онъ также производилъ астрономическія наблюденія въ Янцонъ городѣ. Ср. *Collectio omnium observationum quae occasione transitus Veneris etc.* в *Russische Bibliothek von Vasmeister*, I, 296.

же я отослалъ. Онъ и г. профессоръ Фалькъ, какъ слышу, здѣсь; но ко мнѣ рѣдко ходятъ, хотя и недалеко отъ меня живутъ... И въ постскриптумѣ: «Г. Георгія теперь у меня былъ, сказывалъ, что г. профессоръ Фалькъ боленъ, зачѣмъ и ѣхать нынѣ не можетъ»¹⁾).

Любовь Рычкова къ наукамъ не могла не быть извѣстна Академіи, и этимъ можно объяснить себѣ, почему всѣ бывавшіе въ оренбургской губерніи академики, посылаемые отъ ученаго общества, искали случая видѣться съ гостепріимнымъ владѣльцемъ Спасскаго. Его знаніе края и обширныя, вслѣдствіе давняго пребыванія тамъ, связи конечно были очень полезны путешественникамъ въ такой отдаленной сторонѣ. Пишущій эти строки, самъ уроженецъ оренбургской губерніи, позволяетъ себѣ занести здѣсь одну черту изъ семейныхъ воспоминаній. Изъ нихъ впервые онъ услышалъ о Рычковѣ, такъ какъ въ царствованіе императрицы Екатерины II секундъ маіоръ Николай Николаевичъ Пекарскій служилъ въ Уфѣ по соляной части, которою въ оренбургскомъ краѣ завѣдывалъ Рычковъ. Этотъ Пекарскій, какъ подчиненный его, любилъ въ разговорахъ съ своими дѣтьми вспоминать объ умѣ и знаніяхъ своего начальника, казавшихся отставному секундъ маіору необыкновенными, а также и о томъ, что на немъ, по порученію Рычкова, въ бытность въ Уфѣ напихъ академикомъ, лежала обязанность показывать «ученымъ вояжерамъ» (такъ называлъ ихъ мой дѣдъ) уфимскія окрестности, почему онъ, между прочимъ, ѣздилъ съ ними осматривать и ту удивительную пещеру, которая впервые была описана его начальникомъ (см. выше, стр. 61).

До 1770 года въ изданіяхъ Академіи Наукъ небыло помѣщено ни одного изслѣдованія о водящихся въ Россіи насѣкомыхъ. Иностранные ученые замѣчали этотъ пробѣлъ въ энтомологіи, и знаменитый Линней писалъ по этому поводу къ академикку Эрнку

---

¹⁾ Фалькъ, ученикъ Линнея, пріѣхавшій въ Россію по его рекомендаціи, страдалъ ипохондрією: во время путешествія, онъ ревностно старался о выполненіи своихъ обязанностей, но ему все казалось, что своими трудами наноситъ только вредъ и безчестіе Академіи. Въ 1774 г. въ Казани Фалькъ кончилъ жизнь свою pistolетнымъ выстрѣломъ. Изданіемъ въ свѣтъ его Записокъ занимался Георгія, и онѣ изданы и на русскомъ языкѣ въ IV-мъ томѣ «Полнаго собранія путешествій по Россіи».

Лаксману: «*Insecta ex omnibus fere orbis terrarum partibus accerpi et nuperrime etiam magnam collectionem illarum quae Caput Bonae Spei abit, de Russicis autem et Sibiricis insectis entomologis nihil constat. Maximopere vellam ut nonnulla eorum mittere*». Это побудило Лаксмана заняться русскими насекомыми и обратиться при томъ къ Рычкову съ просьбою о содѣйствіи ему въ разысканіяхъ по этому предмету. «Писалъ ко мнѣ, говоритъ Рычковъ въ письмѣ къ Миллеру 18 ноября 1770 г., изъ Петербурга г. профессоръ Лаксманъ, увѣдомляя, что онъ намѣренъ издать въ публику собраніе его насекомыхъ, у насъ въ имперіи находящихся. Онъ не довольно знаетъ ихъ общія и особенныя званія, проситъ меня, чтобъ я учинилъ въ томъ ему вспоможеніе. Увѣдомьте меня, милостивый государь мой, о его обстоятельствахъ и можно ль мнѣ содержать съ нимъ въ томъ и въ прочемъ корреспонденцію?»

Въ семейныхъ бумагахъ потомка Рычкова уцѣлѣлъ и черновой отвѣтъ его къ Лаксману: «Намѣреніе ваше издать въ публику собраніе ваше о насекомыхъ, у насъ въ имперіи находящихся, весьма похвально и полезно, а наипаче ежели бь оно изъяснено было притомъ микроскопическими примѣчаніями, а потомъ и физическими разсужденіями, каковыя мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ видать случалось. У насъ по се время ни одной книги о сей матеріи нѣтъ. Не знаю, государь мой, въ состояніи ль я собрать наименованія тѣмъ изъ сихъ животныхъ, которымъ, кромѣ генеральныхъ, никакихъ особенныхъ именъ у насъ нѣтъ; однако по возможности моей для толь полезнаго зданія стараться не отрицаюсь, когда экземпляры сихъ животныхъ отъ васъ получу. Между тѣмъ прилагаю при семъ реестръ тѣмъ, кои мнѣ теперь на память пришли; но сія имена у насъ по бѣльшей части генеральныя на цѣльнй родъ. Спеціальныя званія подлинно вновь вымышлять у насъ надобно»...

Въ XIV т. (*pars prior*) *Novi Commentarii Academiae Petropolitanae*, стр. 593 — 604 напечатано Лаксманомъ «*Novae insectorum species*» съ двѣнадцатю изображеніями разныхъ насекомыхъ. Статья эта и есть первое научное изслѣдованіе по части русской энтомологіи.

Рычковъ былъ также въ перепискѣ съ историкомъ княземъ

Михаиломъ Михайловичемъ Щербатовымъ ¹⁾ и зналъ Козицкаго, бывшаго адъюнкта Академіи, а потомъ служившаго при кабинетѣ императрицы Екатерины II. О немъ-то Рычковъ писалъ къ Миллеру 28 января 1776 года: «Здѣсь очень много говорятъ о несчастливой кончинѣ Григорья Васильевича Козицкаго. Покорно прошу, съ какими обстоятельствами и по какой причинѣ она ему учинилась — увѣдомить. Мнѣ мнится, что онъ былъ человекъ разумной и надобной. Сказываютъ, что онъ самъ себя изволюгъ ножемъ ²⁾»...

VII.

. 1770 — 1773 годы.

Вѣстова каляныкъ изъ русскнхъ предѣловъ въ Китай. Неудовольствіе на Рычкова оренбургскаго губернатора за описаніе этого событія. Вѣстога о возмущеніи на Яикѣ. Избраніе Рычкова въ Москвѣ въ члены Вельнаго россійскаго собранія.

Богатыя соляныя копи, при которыхъ только въ XVIII-мъ столѣтіи построена русская крѣпостца, подъ названіемъ Илецкая Залцта, были доступны, до окончательнаго покоренія и умирненія оренбургскаго края, всѣмъ и каждому. «Всякъ для себя ѣдигъ за солью, говоритъ Рычковъ, ломалъ и бралъ ее на мѣстѣ добыванія, сколько кому вознадобилось, да и ссужаться имъ между собою было не запретно»... Уже Кириловъ, этотъ первый «на-

¹⁾ Такъ въ письмѣ къ Миллеру 26 декабря 1774 г. Рычковъ писалъ: «Письмо мое къ его сіятельству князю Михайлѣ Михайловичу Щербатову вемерно прошу при случаѣ отдать и подкрѣпить меня въ его милости»...

²⁾ Увольненіе Козицкаго изъ службы совпадаетъ съ тою эпохою, когда князь Григорій Григорьевичъ Орловъ потерялъ вліяніе при дворѣ и, вѣстѣ съ своимъ братьями, удаленъ отъ дѣлъ. Козицкому покровительствовали Орловы. Поручикъ Васильевъ въ своемъ дневникѣ такъ занесъ о самоубійствѣ Козицкаго: «Статскій совѣтникъ Григорій Васильевичъ Козицкій, причинившій самъ себѣ смерть, отпѣтъ былъ въ церкви Григорія Богослова, чтѣ между Петровки и Дмитровки. Сему доброму и ученому человеку, буди вѣчная память. Причина его смерти меланхолія, и хотя нѣсколько поколовъ себя ножомъ въ бокъ и, сказываютъ сдѣлалъ 82 раны, только наконецъ въ памяти отцу духовному исповѣдалъ все.» Отеч. Записки, 1856 г., т. CV, № 4, отд. I, стр. 506.

чинатель» въ дѣлѣ утвержденія русскаго господства въ краѣ, въ 1734 году обращалъ вниманіе правительства на добываніе илецкой соли, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ: «славная илецкая соль отъ сего города (Оренбурга) имѣетъ быть въ близости, кою-де въ приращеніе высочайшихъ интересовъ употребить можно». Но башкирцы еще не были усмирены окончательно, а потому и солью продолжали всё пользоваться по старинѣ безданно и безошплинно. Въ 1753 году однако учреждено было особое соляное комиссарство и опредѣлено съ того времени соль продавать отъ казны по 35 коп. за пудъ, добываніе котораго обходилось отъ 4½ до 6 копеекъ. Послѣ того одинъ только годъ за башкирцами было оставлено право брать соль даромъ: въ 1754 году оно было уничтожено, а въ вознагражденіе за то съ нихъ прекращено взиманіе ясака въ 205¼ руб. 78 коп. ежегодно. 8 февраля 1770 года окончательно утвержденъ былъ докладъ о мѣрахъ къ увеличенію дохода казны отъ распространенія илецкой соли внутри Россіи. Тогда-то получило начало главное правленіе оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ, а начальство надъ нимъ ввѣрено было Рычкову¹⁾.

Весь 1770 годъ прошелъ у новаго начальника въ заботахъ и хлопотахъ объ увеличеніи дохода казны. Въ январѣ 1771 года онъ по служебнымъ дѣламъ ѣздилъ въ Москву, откуда вернулся въ оренбургскій край 26 января 1771 года, а 17 слѣдующаго февраля писалъ къ Миллеру: «не задолго до приѣзду моего сюда, произошло въ здѣшней сторонѣ печальное происшедшее (sic): вольскіе калмыки во многихъ тысячахъ и едва не всё, встревожась, съ женами, и съ дѣтьми и со скотомъ перешли черезъ рѣку Яикъ на киргизскую сторону, учиня не мало злодѣйствъ, и, какъ слышно усильствомъ пробираются на тѣ мѣста, гдѣ прежде зюнгорцы, ихъ однородцы, кочевали. Вотъ какая чудная революція! Вы легко можете понять, какое при сихъ обстоятельствахъ свѣдѣніе и провѣщаніе надобно. Сіе я единственно для вашего знанія сообщаю»...

Надобно думать, что въ началѣ въ Россіи не ясно понимали все значеніе этого событія. Это можно видѣть изъ отвѣта Рыч-

¹⁾ «Описаніе илецкой соли» въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, часть XX. стр. 29—40.

кова Миллеру 7 апрѣля 1771 года: «калмыки вольскіе не для отпущенія киргизцамъ чрезъ Яикъ перешли, но съ худшимъ намѣреніемъ, причина напередъ великія злодѣйства. Между прочаго жъ и ту роту драгунскую обманомъ съ собою захватили, коя обыкновенно при ихъ намѣстникѣ находилась. Они, кромѣ малой части всѣ взволновались и теперь, какъ сказываютъ, въ вершинахъ уже Эмбы находятся, ежели еще не далѣе. Сей револьтъ въ системѣ здѣшнихъ заграничныхъ дѣлъ великую перемену дѣлаетъ и могутъ отъ него быть дурныя послѣдованія, ежели поступлено будетъ не съ такимъ предусмотрѣніемъ, какъ должно. Я не приобщенъ къ этимъ дѣламъ, да и приватно не спрашиваютъ моего объ нихъ мнѣнія, хотя я въ подобныхъ сему случаяхъ довольно уже искусился и могу выговаривать, что здѣшнія заграничныя обстоятельства не меньше мнѣ извѣстны, какъ и внутреннія. Опасаюсь крайне того, чтобъ вспомня обо мнѣ, что я здѣсь, не заставили меня трудиться въ нихъ тогда, когда не будетъ уже способа обратить ихъ въ лучшую сторону. И мои силы совсѣмъ оскудѣваютъ. Самому мнѣ вызываться на то непристойно и не буду».

«Со всѣхъ сторонъ производятъ не малолюдные наряды. Главный корпусъ опредѣляется въ степь изъ Орской крѣпости, надъ которымъ командиромъ главнымъ полковникъ Траубенбергъ. Съ нимъ же командированъ и старшій мой сынъ Андрей, въ сергѣевскомъ полку подполковникомъ находящійся. Не знаю, какой они возмогутъ поискъ сдѣлать, имѣя людей и лошадей, крайне изнуренныхъ, а особливо въ нынѣшнее время, когда вездѣ великое разлитіе водъ и притомъ многіе недостатки».

«Вотъ, милостивый государь мой, нынѣшнее состояніе здѣшнихъ главныхъ и самонужнѣйшихъ дѣлъ. Увидимъ, что будетъ послѣ. Изъ сего легко вамъ понять, могу ль я продолжать оренбургскую исторію и писать о такихъ дѣлахъ, о какихъ со мною, да и ни съ кѣмъ здѣсь не говорятъ, а содержать ихъ въ вышнемъ секретѣ. Всѣ сіе написалъ я къ вамъ, какъ истинному другу и милостивцу, единственно для вашего свѣдѣнія».

Удаленіе калмыковъ изъ предѣловъ Россіи принадлежитъ, безспорно, къ любопытнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи XVIII столѣтія. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого переселенія на-

рода не съ Востока на Западъ, какъ обыкновенно происходили подобныя переселенія въ давнія времена, но съ Запада на Востокъ, становится очевиднымъ тѣсная связь этого происшествія съ тѣми волненіями, которыя послѣдовательно, почти одно за другимъ, возникали въ восточныхъ предѣлахъ европейской Россіи и подъ конецъ разрѣшились пугачевщиною. Поэтому удаленіе калмыковъ изъ Россіи стоятъ внимательнаго и всесторонняго изученія; но здѣсь слѣдуетъ говорить о немъ не столько, на сколько это можетъ служить объясненіемъ переписки Рычкова съ Миллеромъ въ продолженіи 1771 года.

Упомянутый въ предыдущей главѣ сынъ Рычкова, Николай Петровичъ, какъ только узналъ, что изъ Орской крѣпости отправляется отрядъ въ киргизскую степь для преслѣдованія калмыковъ, то поспѣшилъ присоединиться къ нему для «ислѣдованія достопамятныхъ мѣстъ, находящихся во владѣніи киргизъ-кайсацкаго народа и собранія продуктовъ, находимыхъ въ той странѣ». Такимъ образомъ Николай Рычковъ является современнымъ свидѣтелемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ событій, бывшихъ прямымъ послѣдствіемъ переселенія калмыковъ.

Въ изданныхъ Академіею Наукъ 1772 года «Дневныхъ Запискахъ путешествія капитана Николая Рычкова въ киргизъ-кайсацкой степѣ (sic) 1771 году ¹⁾», авторъ, между прочимъ, рассказываетъ, что отъ намѣстника калмыцкаго ханства Убаши было послано къ киргизъ-кайсацкому хану нѣсколько калмыковъ, изъ которыхъ одинъ увѣрялъ, что переселеніе его единовѣрцевъ послѣдовало единственно по волѣ ихъ властителей и что народъ идетъ за ними противъ своего желанія. Киргизцы, попавшіе въ плѣнъ къ калмыкамъ и потомъ бѣжавшіе отъ нихъ, рассказывали, что послѣдніе «съ жалостнымъ воплемъ» вспоминаютъ о Волгѣ и что главнѣйшею причиною удаленія ихъ съ береговъ ея были наущенія ихъ ламы Лаузина Ланчина ²⁾, который, пользуясь ихъ суевѣріемъ, закиналъ народъ именемъ боговъ возвратиться въ Зюнгорію. Какъ свидѣтельство калмыка, такъ и рассказъ киргизцевъ до нѣкоторой степени должны быть справедливы, но изъ нихъ

¹⁾ Въ 4^о, на 104 страницахъ.

²⁾ Вѣстникъ Бергманъ, поправляя Рычкова, называетъ этого ламу *Loosang Dschaltzan*.

нельзя еще понять окончательно причины переселенія такой огромной массы народа. Палласъ ¹⁾ при описаніи бѣгства калмыковъ прежде всего ссылается на «Дневныя Записки» Николая Рычкова, потомъ говоритъ о влияніи на народъ духовныхъ ихъ, которые стращали калмыковъ, что русскіе намѣрены вводить у нихъ христіанство, земледѣліе и рекрутство; наконецъ намекаетъ, что было множество другихъ второстепенныхъ причинъ и неизбѣжныхъ обстоятельствъ, по которымъ калмыки считали себя обиженными отъ русскаго начальства. Все это ускорило удаленіе калмыковъ съ Волги.

Китайскій князь Циши ²⁾ всю вину этого событія приписываетъ внушеніямъ мятежныхъ единоплеменниковъ ихъ изъ поколѣній Дербетовъ, Хайтовъ и Хошутовъ ³⁾, которые, послѣ пораженія ихъ китайцами въ Зюнгоріи, въ 1756 году перешли на жительство къ волжскимъ калмыкамъ. «Син-то самые нечестивые пришельцы, говоритъ названный китайскій писатель, хитрыми своими совѣтами успѣли обольстить слабого Убаши, тургутскаго (т. е. калмыцкаго) хана, и склонить къ тому, что онъ рѣшился, оставивъ навсегда Россію, бѣжать въ Зюнгорію... О. Іоакимъ, въ своемъ «Историческомъ обзорѣ Обратовъ или калмыковъ» (СПб., 1834 года) на стр. 229 — 230, и г. Левшинъ въ «Описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей (СПб., 1832 года), ч. II, стр. 250—252, повторили только извѣстія китайскаго сочинителя.

Наиболѣе обстоятельное описаніе удаленія калмыковъ изъ Россіи составлено Веніаминомъ Бергманомъ въ его статьѣ, подъ заглавіемъ «Versuch zur Geschichte der Kalmüken Flucht von der Wolga» ⁴⁾. Здѣсь все приписано интригамъ и хитрымъ внушеніямъ Цѣбекъ-Дорджи, родственника тогдашняго намѣстника калмыцкаго ханства Убаши. Н. Нефедьевъ въ сочиненіи

¹⁾ Samlungen historischen Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, Petersb. 1776, I, Th., SS. 88—90.

²⁾ Переводъ его съ китайскаго подлинника, сдѣланный С. Липовцовымъ, помѣщенъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ Григорія Спасскаго, 1820 года, часть XII, стр. 168—188.

³⁾ О. Іоакимъ называетъ ихъ: Дурботъ, Хойтъ и Хошотъ, а предводителемъ ихъ — Сэрмыъ Тайцзи Чжунгарскій.

⁴⁾ Bergman's Nomadische Streifereien unter den Kalmüken, Riga 1804, Th. I, SS. 139—246.

«Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ» (СПб., 1834 г.), на стр. 67, 68, повторяетъ вкратцѣ предположеніе Бергмана, не указывая, впрочемъ, на первоначальный источникъ.

Подполковникъ Кишинскій, бывшій приставомъ при помянутомъ Убаши, нестерпимою гордостью и надменнымъ обращеніемъ съ нимъ много способствовалъ, по словамъ Бергмана, къ скорѣйшему осуществленію калмыками намѣренія покинуть навсегда русскіе предѣлы. Астраханскій губернаторъ Бекетовъ имѣлъ о томъ достовѣрныя извѣстія, а потому и предупреждалъ Кишинскаго, но этотъ не обращалъ на то никакого вниманія. Въ концѣ 1770 года Бекетовъ былъ въ Петербургѣ, и къ этому-то времени долженъ относиться, «всепопданнѣйшій докладъ¹⁾», подписанный графомъ Никитою Панинымъ, княземъ Александромъ Голицынымъ, графомъ Григорьемъ Орловымъ и Никитою Бекетовымъ. Въ этомъ, по многимъ отношеніямъ любопытномъ документѣ подробно разсматриваются жалобы Убаши на стѣсненія калмыцкаго народа отъ иностранныхъ колонистовъ, начавшихъ селиться при Екатеринѣ II по луговой сторонѣ Волги. Замѣчательно, что Кишинскій соглашался, что это стѣсненіе дѣйствительно существуетъ, но не отъ однихъ иностранныхъ колонистовъ (извѣстно, что ими завѣдывалъ и вообще распоряжался о переселеніи иностранцевъ въ Россію всесильный тогда графъ Григорій Орловъ), но и вообще отъ сильнаго прилива всякаго рода переселенцевъ, начавшихъ въ недавнія только времена занимать тѣ страны. Названныя лица въ помянутомъ докладѣ подтвердили это, прибавивъ, что точно переселенцы стали захватывать земли, которыми дотогѣ пользовались безраздѣльно одни калмыки. По этимъ уваженіямъ въ докладѣ представлялось, чтобы сдѣлать карту мѣстностей, обитаемыхъ калмыками, и потомъ постановить о недопущеніи тамъ на будущее время новыхъ поселеній. На докладѣ было уже написано «поручить астраханскому губернатору, а впрочемъ быть по сему», но это рѣшеніе нельзя было исполнить: 5 января 1771 года калмыки съ семействами и стадами своими тронулись съ береговъ Волги въ древнюю отчину свою Зюнгорію (см. IV приложение).

¹⁾ Безъ года и числа, въ дѣлахъ Государственнаго Архива, разрядъ XVI.

Рычковъ относился неодобрительно къ распоряженіямъ мѣстнаго начальства касательно погони за калмыками: его видимо оскорбляло, что оренбургскій губернаторъ не только не просилъ совѣтовъ, но даже ничего не говорилъ ему о томъ. Такъ 14 апрѣля 1771 года Рычковъ, извѣщая Миллера, что въ Оренбургѣ о калмыкахъ ничего неизвѣстно, прибавилъ: «да едва и есть ли здѣсь знающіе прямо ихъ намѣренія. Кажется мнѣ, что предприемлемые на то наряды очень коловратны (kräbsgängig) происходятъ»... За тѣмъ въ продолженіи апрѣля и мая 1771 года Рычковъ писалъ къ Миллеру о томъ, что ему сообщали изъ степи сыновья его Андрей и Николай. Такъ какъ въ «Дневныхъ Запискахъ» послѣдняго весь походъ русскаго отряда описанъ полнѣе, то и не настоятъ надобности передавать здѣсь писемъ о томъ старика Рычкова, который 9 іюня 1771 года увѣдомилъ Миллера: «команды, отправленныя для преслѣдованія калмыкъ, не возмогли ничего надъ ними произвестъ, за великимъ ихъ отдаленіемъ, будучи отъ походу степнаго, а паче отъ худыхъ водъ и за недостаткомъ провіанта принуждены возвращаться на линію. Нѣкоторые уже и возвратились (въ томъ числѣ и дѣти мои), изнуренные крайнимъ голодомъ и болѣзнями. Словомъ—едва спаслись они отъ погибели и возвратились въ жалостномъ состояніи»...

24 іюня 1771 года: «...вы давно уже изволили ко мнѣ писать, чтобъ сообщить вамъ извѣстіе о побѣгѣ волскихъ калмыкъ. Мнѣ не можно, по нынѣшнимъ здѣшнимъ обстоятельствамъ, сдѣлать описаніе, справливаясь съ происходившими о томъ дѣлами; но развѣдывалъ я отъ пріѣзжавшихъ сюда изъ Астрахани, изъ Яшскаго городка изъ изъ другихъ мѣстъ; также и отъ бывшихъ въ партіяхъ (изъ сихъ въ главной двое дѣтей моихъ было), а съ того и сочинено краткое извѣстіе, которое при семъ къ вашему высокоблагородію посылаю¹⁾. Ежели разсудите вы изъ того что либо передать публикѣ, то прошу васъ имени моего тутъ не употреблять. Я не знаю и не могу провидѣть, чимъ дѣло сіе окончается. Сынъ мой большой (Андрей) командированъ на сибирскую линію для подкрѣпленія оной въ нужномъ случаѣ съ тѣмъ корпусомъ, которой въ степи былъ... Другой сынъ здѣсь и лежитъ

¹⁾ Этого описанія не сохранилось при письмѣ.

боязнь отъ понесенныхъ въ томъ походѣ великихъ трудностей».

8 сентября 1771 года: «...для меня ничего на семь свѣтъ нѣтъ пріятнѣе какъ споспѣшествовать высочайшимъ интересамъ. Удовольствіе мое было чрезвычайное, что сочиненіе мое о уходѣ калмыкъ стараніемъ вашимъ до высочайшаго свѣдѣнія дошло. Выходъ зюнгорскихъ калмыкъ въ Россію, бывшій въ 1758 году, былъ въ бытность мою при здѣшнихъ губернскихъ и заграничныхъ дѣлахъ¹⁾; могу сказать и то, что—подъ моимъ распоряженіемъ; но нынѣ къ этимъ дѣламъ ни малѣйшаго приступа имѣть мнѣ не можно. ... Теперь вспомнилъ я одно разумнаго человѣка изреченіе о книгахъ (Монтанье, кн. 2, часть 9): тѣ однѣ исторіи прямо добрыми назвать можно, которыя отъ такихъ людей писаны, кои сами въ правленіи дѣлъ были или знатное участіе въ нихъ имѣли. Римскія исторіи почти всѣ такія²⁾). Ежели вы хотите другу своему еще сдѣлать честь и благодѣяніе, употребите въ своемъ представленіи оную Монтаніеву рѣчь. Вспомните къ ней мои о здѣшнихъ мѣстахъ сочиненія и представьте отъ себя, какъ вы сами лучше признаете. Я въ угодность высочайшей и всемиловитивѣйшей моей монархини, сколько силъ моихъ есть и будетъ, трудиться не престану».

14 сентября 1771 года: «сынъ мой Андрей, находящійся на иртышской линіи съ корпусомъ, пишетъ ко мнѣ отъ 16 августа изъ Шульбинскаго форпоста слѣдующее: «г. майоръ Зейфертъ, посланной для развѣдыванія о калмыкахъ, пріѣздомъ своимъ рѣшилъ наше сумнѣніе. Калмыки вообще приняты въ подданство китайское. Слѣдственно дѣло наше рѣшено». Весьма разумна была пропозиція ваша о посылкѣ по симъ дѣламъ въ Китай нарочьного»... 29 сентября 1771 года: «большой мой сынъ пишетъ, что онъ получилъ уже ордеръ съ командою своею назадъ слѣдовать и надѣется въ ноябрѣ здѣсь быть. Повторяетъ, что калмыки приняты въ подданство китайское и потому посылка нашихъ войскъ безплодно окончилась; но при лучшемъ ихъ рас-

¹⁾ Рычковъ напоминаетъ здѣсь о зюнгорцахъ, которые, будучи разбиты китайцами, переселились изъ Зюнгоріи на берега Волги къ калмыкамъ.

²⁾ Рычковъ это мѣсто изъ Опытовъ Монтаня привелъ на 71, 72 страницъ своего «Введенія къ астраханской топографіи».

пораженіи могли бѣ они желаемою успѣхъ имѣть; токмо знающихъ здѣшнія мѣста и способы въ совѣтъ на то не призывали¹⁾»).

Надобно думать, что Рычковъ не ограничился порицаніемъ мѣръ мѣстныхъ властей въ письмахъ къ Миллеру, но высказывался такимъ же образомъ и при другихъ случаяхъ. Въ провинціи подобныя пересуды быстро расходятся въ обществѣ и составляютъ насущную потребность его. Неудивительно, что оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ, о которомъ сначала Рычковъ говорилъ съ отличной стороны, узнавъ объ отзывѣхъ послѣдняго, отчего послѣдовала перемена въ ихъ отношеніяхъ. Такъ 10 ноября 1771 года Рейнсдорпъ писалъ къ Миллеру: «я постоянно сообщаю г. статскому совѣтнику Рычкову часть содержанія вашихъ писемъ, и это потому, что я, не говоря о другихъ добрыхъ качествахъ, очень хорошо знаю образъ его мыслей и не нахожу благоразумнымъ сообщать ему безразлично всякія новости²⁾»...

Еще болѣе раздосадованъ былъ Рейнсдорпъ, когда узналъ отъ самого Миллера, что Рычковъ переслалъ къ нему описаніе объ удаленіи калмыковъ. «Усмотрѣвъ изъ вашего письма отъ 28 декабря, писалъ Рейнсдорпъ къ историографу 19 января 1772 года, что г. статскій совѣтникъ Рычковъ составилъ историческое сочиненіе о бѣгствѣ калмыковъ, я удивляюсь болѣе тому, что этотъ человѣкъ, изъ суетной довѣрчивости въ силу своего вера, взялъ на себя описаніе о событіяхъ, которыя для него были совершенно сокрыты, почему это описаніе должно быть полно невѣрностей. Вся переписка по этому дѣлу какъ въ военной, такъ и въ государственной коллегіяхъ считается тайною. Всѣ предписанія и донесенія пишутся по секрету, и полное собраніе бумагъ заключается въ кипѣ документовъ изъ пятидесяти дестей. Это и

1) Далѣе изъ письма Рычкова отъ 17 ноября 1771 года видно, что тогда же онъ послалъ къ Миллеру «ко описанію о уходѣ калмыкъ окончаніе», составленное по извѣстіямъ его сына Андрея, который слышалъ ихъ отъ киргизовъ и майора Зейферта.

2) ...«Habe ich... dem H. Etats-Rath Rytschkow jederzeit einen Theil von Inhalte Dero Schreiben communiciret, weil ich bey einer ganz genauen Kenntniss seiner Denckungs Art (ohneachtet aller übrigen guten Eigenschaften) nicht rathsame befunden habe, ihm alle Neuigkeiten ohne Unterschied mitsuthellen». См. XXII портфель писемъ къ историографу Миллеру въ архивѣ академической канцеляріи.

есть чистѣйшій источникъ, изъ котораго можетъ быть почерпнуть истинный ходъ этого непрятнаго событiя. Впрочемъ, у меня образовалось изъ трехлѣтняго опыта почти математическое доказательство, что у этого человѣка неограниченное себялюбіе есть любимая страсть. Изъ тщеславія онъ выказывается признательнымъ; но какъ скоро проносится сообразный съ истинною приговоръ его пустымъ проектамъ или безвкуснымъ комплициямъ, то низкая зависть направляетъ его къ самымъ чернымъ поступкамъ для того, чтобы коварно придуманнымъ злословіемъ возбудить сомнѣніе къ проникательности возражателя. Это настоящій портретъ Тартюфа! Впрочемъ я отдаю всю справедливость его, хотя и невоздѣланному уму...¹⁾

Николай Рычковъ, оканчивая описаніе въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ»²⁾ удаленія калмыковъ изъ Россіи, сказалъ: «калмыцкой побѣгъ былъ источникомъ, родившимъ различное зло и разрушившимъ спокойствіе народовъ, обитающихъ въ оренбургской губерніи. Излишно бы было изчислять весь вредъ, проистекшій изъ сего случая. Всякой, вошедъ въ связь сего дѣла и изчисля убытки, нанесенные казнѣ отправленіемъ двухъ многочисленныхъ корпусовъ противу сихъ мятежниковъ, разрушеніе на тотъ годъ

¹⁾ ...«Da ich aus Eur Hochwohlgebohrnen schätzbaren Schreiben vom 28 Decembre ersehe, daz der H. Etats-Rath Rytschkow eine historische Verfassung vom Abzuge der Kalmküken zusammen getragen, so wundert mir nichts mehr als daz dieser Mann, aus eitelem Vertrauen auf seine Stärke in der Feder, eine Beschreibung unternommen hat, deren Anecdoten ihm gänzlich verborgen sind, und die folglich voller Unrichtigkeiten seyn muss. Der gantze Verlauf dieser Sachen ist so wohl vom Reichs- als Krieges-Collegio als eine geheime expedition tractiret worden. Alle ordres und raports sind no sekery expediret, und die Samlung aller Chartequen beträgt einen Stoss acten von 50 Buch Papier welches wohl die reineste Quelle bleibet, aus welcher der wahre Zusammenhang dieses unangenehmen Vorfalles, geschöpft werden könnte. Im übrigen habe ich aus einer dreyjährigen Erfahrung, fast Mathematische Beweise, daz eine unumschränketete Eingeliebe die Lieblings Leidenschaft dieses Mannes ausmachet. Er scheint aus Eitelkeit dankbahr, so bald man aber seine seichten projecte oder seine abgeschmackten compilationes pflichtmässig beurtheilet, so lenket ihn der finstere Neyd zu den schwärtzesten Anschlägen, um die Einsichten eines Widersprechers, durch heimtückische erdichtete Verleumdungen zu ahnen, dieses ist die wahre Abschilderung eines Tartuffe! Im übrigen lasze ich seinem, ob zwar ungebildeten Genie alle Gerechtigkeit wiederfahren»... XXII портфель писемъ исторіографа Миллера.

²⁾ СПб. 1772 года, стр. 99. 100. Г. Нилъ Поповъ, въ сочиненіи «Татищевъ и его время», на стр. 358, приписалъ ошибочно это описаніе погони за калмыками Петру Рычкову.

коммерціи и съ нею наилучшей части доходовъ оренбургской губерніи, и, наконецъ, самую пользу, бывшую отъ сего скотоводствующаго народа, легко понять можетъ, сколь много сіе смятеніе нанесло вреда и сколь потеря сія должна намъ быть чувствительна»...

Начало слѣдующаго 1772 года въ оренбургской губерніи ознаменовалось новыми смутами. «Вы, писалъ старикъ Рычковъ къ Миллеру 19 января того года, довольно уже знаете исторію о побѣгѣ калмыковъ. Топерь у насъ въ сторонѣ такой же чрезвычайной случай произшелъ. Яицкіе казаки, по многимъ своимъ преждебывшимъ дерзостямъ, до такой отважности дошли, что бывшего у нихъ въ городкѣ генерала-маіора Михаила Михайловича фонъ Траубенберга (человѣка честнаго и добраго) съ нѣсколькими офицерами и съ частію его команды убили до смерти. Вы легко можете понять, какія по сей причинѣ могутъ быть въ здѣшней сторонѣ вновь движенія. Сіе случилось 12 числа сего мѣсяца. Что впредь будетъ изъ сего, не премину я васъ увѣдомить»... 16 февраля 1772 года: «башкирцы спокойны, а возмущились яицкіе казаки, убивъ до смерти генералъ-маіора Траубенберга. О семъ ожидается здѣсь резолюція, что повелѣно будетъ дѣлать?» За тѣмъ въ письмахъ Рычкова краткія извѣстія о пріѣздѣ генералъ-маіора Фреймана для усмиренія яицкихъ казаковъ и при этомъ предупрежденія, что ему, Рычкову, неизвѣстны всѣ подробности, такъ какъ онъ не имѣетъ доступа къ подлиннымъ бумагамъ объ этомъ дѣлѣ. 10 мая 1772 года онъ извѣщалъ исторіографа: «Здѣсь у насъ все по прежнему. Состояніе яицкаго, вамъ уже извѣстнаго дѣла . . . . весьма критично; ибо никакихъ обстоятельствъ онаго въ достовѣрность не знаю. Время покажетъ намъ, чимъ сіе дѣло кончится. Какъ бы не сдѣлалось оно наконецъ похожимъ на калмыцкое». Говоря послѣднее, Рычковъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду какія нибудь основанія, такъ какъ впоследствии оказалось, что сами яицкіе казаки намѣревались передаваться въ подданство турецкому султану, и о томъ же подавалъ имъ мысль Пугачевъ, когда еще не принималъ на себя самозванства¹⁾. 7 іюля 1772 года: «здѣсь нѣтъ у насъ ничево новаго

¹⁾ «Допросы Пугачева» въ Чтеніяхъ общ. исторіи в древн. москов., 1868 г., кн. II, матер., стр. 6, 7.

хорошего. Япцкія дѣла, какъ слышно, что дагѣ, то гаже (je länger, je ärger); но обстоятельно увѣдомить мнѣ васъ нынѣ не можно, ибо я ни мало къ нимъ не участенъ... 14 іюня 1772 г.: «Здѣсь обстоитъ все по прежнему. Япцкое дѣло вскрылось тѣмъ, что собравшись они тысячахъ въ десяти, отважились препятствовать идущему къ нимъ подъ командою г. генералъ-маіора Фреймана корпусу (кой состоялъ въ трехъ тысячахъ); не допустя его до своего городка верстъ за 60, выжгли степь. Окружа его со всѣхъ сторонъ своимъ людствомъ, требовали, чтобъ онъ къ нимъ не ходилъ, а возвратился бѣ назадъ; но сей искусной генералъ, простоявъ на безводномъ мѣстѣ сутки, дабы степной пожаръ угасъ, не смотря на ихъ многолюдство, пошелъ къ городку прямо и отбивая ихъ отъ корпуса пушками, принудилъ ихъ самихъ возвратиться назадъ. Они, прибывъ въ городокъ, думали было противиться; но многіе отъ того отреклись, изъ за чего главные ихъ зачинщики человекъ съ 300 бѣжали, а прочіе отъ побѣгу удержаны и покорились, и г. Фрейманъ безпрепятственно съ командою своею вступилъ въ ихъ городокъ. Вотъ на чемъ япцкое наше дѣло вскрылось. Надобна была неустрашимость и храбрость противу превосходнаго людства, кою г. генералъ маіоръ дѣйствительно исполнилъ (sic). Топерь потребенъ разумъ и хорошее распоряженіе, какимъ образомъ поступить въ изслѣдованіи бывшаго беззаконства и въ установленіи между оными людьми наилучшихъ порядковъ»... 21 іюня 1772 года: «О япцкомъ дѣлѣ, чимъ оно кончилось, я къ вамъ уже писалъ. Къ тому сіе служить въ прибавокъ, что и бѣжавшіе казаки всѣ переловлены. Слѣдствіе о ихъ бунтѣ и злодѣйствахъ производимо будетъ здѣсь. Весь сей нерегулярный корпусъ имѣеть быть учрежденъ на другомъ уже основаніи».

12 іюля 1772 года: «У насъ развѣ сіе одно новымъ почестъ, что о япцкихъ мятежникахъ комиссія уже здѣсь начата и пойманныхъ злодѣевъ (коихъ со сто человекъ сюда привезено) допросы производятся. Главные изъ нихъ говорятъ, что послѣднее ихъ намѣреніе было бѣжать съ женами и дѣтьми на Каспійское море и тамъ усилиться; особливо же намѣревались они завладѣть Астработомъ или Хивою»...

Зимою 1772 года Рычковъ собрался было ѣхать по дѣламъ

службы въ Москву, но при этомъ случаѣ губернаторъ нашегъ возможность хотя отчасти выместить Рычкову за его пересуды и поспѣшное доставленіе въ столицы описанія событій во вѣрен-ной Рейнсдорпу губерніи. «Что до ѣзды моеѣ къ вамъ въ Москву надлежитъ, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ декабрѣ 1772 года, то хотя и получилъ я отъ главнаго моего командира, т. е. отъ Михайла Яковлевича Маслова, формальной ордеръ и думалъ я по сіе число быть уже въ дорогѣ; однако, сверхъ чая-нія моего, сдѣлалось въ томъ небольшое заппнаніе. Иванъ Андре-евичъ, здѣшній г. губернаторъ, не имѣя у себя отъ Михайла Яков-левича никакого о томъ сообщенія, на репортъ мой къ нему по-данной съ прошеніемъ дозволенія и подорожной, отозвался мнѣ предложеніемъ своимъ, что онъ при нынѣшнихъ, якобы много-дѣльныхъ у меня въ комиссіи обстоятельствахъ къ отъѣзду мо-ему согласиться не можетъ»...

Рейнсдорпъ съ своей стороны писалъ Миллеру 24 дека-бря 1772 года: «г. статскій совѣтникъ Рычковъ еще здѣсь и теперь не можетъ еще отправиться во первыхъ потому, что этого не допускаютъ новыя солянныя учрежденія, а во вторыхъ онъ меня обошелъ, какъ хозяина дома, и просилъ о дозволеніи безъ моего вѣдома¹⁾».

Рычкова видимо огорчало это происшествіе. 20 декабря 1772 года писалъ онъ къ Миллеру: «уныніе и слабость моего духа по штилю сего письма узнать изволите. Трудно противъ рожна прать. Простите меня въ худости моихъ выраженій».

Рейнсдорпъ могъ только отдалить поѣздку Рычкова, ко-торый въ январѣ 1773 года отправился-таки въ Москву. Здѣсь, учрежденное при московскомъ университетѣ учено-литературное общество — Вольное Россійское Собраніе предложило ему званіе своего члена. Въ письмѣ къ Рычкову по этому поводу, между прочимъ, говорилось: «Вольное Россійское Собраніе, совершенно извѣстное, съ какою ревностію вспомоствовали всегда с. петер-

---

¹⁾ «H. E. R. Rytschkow ist noch hier und wird auch vor der Hand nicht reysen können, weil es vors erste die neuen Salts Einrichtungen nicht erlauben, und weil er zweitens mir als Wirth vom Hause vorbeÿ gegangen ist, so dass er ohne mein Vorwissen um Urlaub gebethen hat»... XXII портфель писемъ къ истор. Миллеру въ архивѣ академической канцелярціи.

бургской Академіи Наукъ и Вольному Экономическому Обществу, основательно питаетъ себя надеждою, что если предложеніе вами будетъ принято, то сообщенія ваши не менѣе принесутъ пользы и чести, какъ донинѣ приносили обоемъ упомянутымъ мѣстамъ»... Внеся это письмо въ свои записки, Рычковъ отмѣтилъ также тамъ: «марта 2 числа имѣлъ я честь въ первые присутствовать въ Вольномъ Россійскомъ Собраніи московскаго университета. Къ сему предводителемъ моимъ былъ самъ тайный совѣтникъ и кураторъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино, и одинъ изъ профессоровъ говорилъ на русскомъ языкѣ касающуюся до меня рѣчь»...

Покинувъ Москву въ началѣ марта, Рычковъ заѣхалъ въ село Спасское, гдѣ оставался за распутицею довольно долгое время; 28 апрѣля 1773 года пріѣхалъ въ Оренбургъ и оттуда 15 мая извѣщалъ, между прочимъ, Миллера: «Вчера съобѣдалъ я у г. губернатора. Могу сказать вамъ, какъ моему истинному другу, что онъ нынѣ ко мнѣ очень хорошъ и благосклоненъ, и старается самъ о построеніи для меня казеннымъ коштомъ весьма хорошаго и покойнаго дому».

VIII.

1773 — 1777 годы.

Нугачевщина. Записки о ней Рычкова. Враждебныя отношенія къ нему оренбургскаго губернатора. Последнія работы Рычкова по описанію оренбургскаго края. Кончина.

До сентября 1773 года письма Рычкова къ Миллеру не отличались особенною занимательностью. По большей части въ нихъ шла рѣчь о покункѣ разныхъ книгъ и о печатаніи Вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ при московскомъ университетѣ «Введенія къ астраханской топографіи».

Въ сентябрѣ 1773 года словоохотливый въ перепискѣ съ исторіографомъ Рычковъ вдругъ сдѣлался скрытнымъ и таинственнымъ. 3 числа того мѣсяца онъ писалъ: «мы никогда еще въ такомъ безпокойствѣ не находились какъ нынѣ; а въ чемъ оно состоитъ, о томъ увѣдомлю васъ впредь». Однако въ слѣдующемъ

письмѣ отъ 5 сентября нѣтъ никакого разъясненія помянутому безпокойству, и есть только обыкновенное извѣстiе: «у насъ здѣсь все по прежнему: засуха еще продолжается, отчего и хлѣбъ дорожаетъ. Я съ дѣтьми по сіе число здоровъ» и пр. 12 сентября Рычковъ все письмо наполнилъ о книгопродавцѣ Веверѣ, о глинѣ, находимой при Чебаркульской крѣпости и пр., и мимоходомъ замѣтилъ: «стоишь нѣтъ у насъ ничего новаго». 19 сентября: «здѣсь у насъ нѣтъ ничего новаго. Да и что можетъ быть въ такой отдаленности достойное къ вашему увѣдомленію? Вы насъ онѣмъ не оставляйте»... Наконецъ 26 сентября Рычковъ рѣшился сдѣлать такой неясный намекъ при упоминаніи о тамошнемъ губернаторѣ: «не знаю, будетъ-ли онъ къ вамъ сегодня писать за недосугомъ своимъ по причинѣ нѣкотораго, вновь около Яицкаго городка оказавшагося безпокойства, куда посылаетъ онъ команды». Вновь оказавшееся безпокойство происходило отъ появленія въ окрестностяхъ Яицкаго городка Пугачева. Здѣсь въ первый разъ 15 августа 1773 г. одинъ пьяный казакъ разболталъ, что у нихъ на хуторахъ проживаетъ царь Петръ Федоровичъ¹⁾, что и побудило тамошняго коменданта подполковника Симонова посылать команды для поимки самозванца. Извѣстно, что эти поиски кончились ничѣмъ, и 5 октября Пугачевъ началъ осаду Оренбурга.

«Наши обстоятельства, писалъ оттуда Рычковъ къ Миллеру 25 ноября 1773 года, такія, какихъ сначала здѣшняго города не бывало, и я отъ роду моего не видывалъ. Долговременное неполученіе писемъ можъ дать вамъ идею, сколь трудно находить способъ къ отправленію отсюда писемъ; а почты ordinarily уже съ два мѣсяца нѣтъ отъ насъ въ отправленіи. Супостатъ нашъ, не малое число людей и около ста артиллерійскихъ орудій имѣющій, многократно уже покушался на взятіе города; но всегда былъ отбиваемъ, и нынѣ стоитъ отъ насъ недалеко, т. е. въ Бердской слободѣ. Помощь наша отъ Госнода, сотворшаго небо и землю: мы всю нашу надежду имѣемъ на него. Когда спасемся отъ злодѣевъ, тогда буду я писать обстоятельнѣе и постараюсь ваше любопытство удовлетворить.... Въ нынѣшнее стропотное наше время сдѣлать я описаніе съ имѣющеюся у меня

¹⁾ «Записка полковника Пекарскаго» Москвитинъ 1841 г. № 6, истор. матеріалы, стр. 440, 441.

старинной и невразумительной почти тетради о бунтѣ Стеньки Разина и его единомышленниковъ ¹⁾). Оно по его подробностямъ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ какъ я читывалъ у нашихъ и иностранныхъ писателей. Какъ скоро отворится у насъ безопасный проѣздъ, то я сіе описаніе перешлю къ вамъ»...

Безопаснаго проѣзда, о которомъ писалъ Рычковъ, пришлось ожидать долго. «Мы, сообщалъ онъ Миллеру 4 декабря 1773 года, еще и по нынѣ въ осадѣ отъ злодѣевъ. Недавно покушались они овладѣть Верхне-Озерною крѣпостью, дѣлали къ ней сильные приступы; однакожь отбиты съ немалымъ урономъ. Къ нашему городу не дѣлаютъ они нынѣ приступовъ, зная, что городъ топерь въ хорошемъ оборонительномъ состояніи. Мнѣя принудить они насъ къ сдачѣ хлѣбнымъ недостаткомъ, коего мы еще не имѣемъ, а между тѣмъ ожидаемъ съ вашей стороны помощи. Г. Каръ и Фрейманъ сюда еще не бывали»... Только въ концѣ марта 1774 года побѣда князя Голицына надъ мятежниками освободила Оренбургъ отъ долговременной осады. «Бѣдственное наше состояніе, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ апрѣлѣ того года, съ начала октября понынѣ продолжавшееся, не допускало меня къ пріятнѣйшей съ вами перепискѣ. Въ какой мы нуждѣ и крайности находились, топерь не достаетъ мнѣ времени описывать: изъ приложенной вѣдомостцы продажному здѣсь хлѣбу и харчу легко вамъ узнать, далеко-ль мы были отъ погибели ²⁾). То-перь избавились мы отъ злодѣевъ божескимъ и монаршескимъ защищеніемъ, стараніемъ же его сіятельства князя Петра Михайловича Голицына и его превосходительства Федора Юрьевича Фреймана».

«Во время осады, когда нечего было дѣлать, описалъ я астра-

¹⁾ Повидному Рычковъ любилъ останавливаться на тѣхъ событіяхъ изъ прошедшаго, которые напоминали ему настоящее. Такъ въ 1772 г., когда во всей Россіи были толки о моровой язвѣ, онъ послалъ къ Миллеру списокъ ее бывшій въ Россіи во время царя Алексѣя Михайловича моровомъ по-вѣтріи».

²⁾ Объ этой вѣдомости Рычковъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ объ оренбургской осадѣ; но вѣроятно Пушкинъ не видалъ ее въ доставленныхъ ему спискахъ Записокъ, почему она и не помѣщена при «Исторіи пугачевскаго бунта». Ср. «Сочиненія Пушкина» изд. П. В. Анненкова, т. VI, стр. 487 и 566. По этой причинѣ означенная вѣдомость помѣщена мною въ приложеніи V.

ханской бунтъ Стеньки Разина и его сообщниковъ. Сіе извѣстіе прилично къ астраханской исторіи, а потому и прилагаю я оное при семъ на ваше дружеское разсмотрѣніе. Не разсудите-ль вы сообщить его общему нашему милостивцу, Ивану Ивановичу Меллиссино? Можетъ быть прикажетъ онъ его напечатать въ историческихъ издаваемыхъ нынѣ отъ университета сочиненіяхъ ¹⁾...

Въ исторической литературѣ о пугачевщинѣ Рычковъ занимаетъ видное мѣсто какъ авторъ записокъ объ этомъ событіи. Подобно современнику своему, полковнику Пекарскому, также описывавшему мятежъ, Рычковъ былъ только очевидцемъ осады г. Оренбурга, и потому въ запискахъ обоихъ этихъ лицъ особенно обстоятельно занесены разныя подробности сейчасть названнаго эпизода изъ пугачевского бунта. Разница же между ними та, что Рычковъ свою лѣтопись составилъ тотчасъ послѣ осады, употребляя литературныя приемы, соблюдая искусственность въ изложеніи и вмѣщая притомъ оффиціальныя бумаги разныхъ вліятельныхъ лицъ, которые знали его какъ извѣстнаго литератора. Михаилъ Николаевичъ Пекарскій въ пугачевщину былъ четырнадцатилѣтнимъ сержантомъ; сочинялъ свою записку по памяти въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, безъ всякой литературной обработки. Онъ не распространялся о малозвѣстныхъ ему военныхъ дѣйствіяхъ главныхъ начальниковъ, но изъ сыновней любви къ памяти отца своего, Николая Николаевича, занесъ, напр., въ свое описаніе, что при осадѣ г. Уфы во время одной вылазки отбита у мятежниковъ пушка маіоромъ Пекарскимъ ²⁾.

Записки Рыčkова, какъ и бѣльшая часть матеріаловъ русской исторіи XVIII столѣтія, изданы съ описками и безъ критической оцѣнки. Пушкинъ, напечатавшій ихъ при своей Исторіи пугачевского бунта, мало былъ знакомъ съ біографіею ихъ автора, котораго считалъ академикомъ. Митрополитъ Евгеній ³⁾ Записки

¹⁾ Здѣсь Рычковъ разумѣетъ периодическое изданіе «Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія», въ которомъ, однако, не было напечатано извѣстіе Рыčkова.

²⁾ «Записка полковника Пекарскаго о бунтахъ яицкихъ (что нынѣ уральскіе) казаковъ и о самозванцѣ Емельянѣ, донскомъ казакѣ Пугачевѣ» напечатана въ Москвитинѣ 1841 года, № 6, истор. матер., стр. 488 — 488. Подлинникъ хранится нынѣ въ Публичной Библіотекѣ, куда поступилъ изъ погодинскаго древнехранилища.

³⁾ «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», II, стр. 159.

П. И. Рычкова о пугачевскомъ бунтѣ приписалъ сыну его Николаю. Въ весьма недавнее время часть этихъ записокъ и притомъ любопытнѣйшая, на основаніи невѣрныхъ и произвольныхъ соображеній, приписана была Матвѣю Чернышеву, никогда не думавшему прибавлять ни одной строки къ лѣтописи Рычкова¹⁾.

Мысль составить описаніе осады Оренбурга первый подавъ Рычкову князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, побѣдитель Пугачева. «Его сіятельство, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ апрѣлѣ 1774 года, бывъ здѣсь въ городѣ недолго, весьма благосклонно со мною обошелся. Я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ: рекомендовалъ мнѣ сдѣлать описаніе злодѣйской осады въ бытность тутъ губернатора»...

Въ маѣ 1774 года: «...Его сіятельство князь Петръ Михайловичъ ко мнѣ очень благосклоненъ и просилъ меня рассмотреть и въ порядокъ привести походныя его записки со всѣми дѣйствами, до освобожденія Оренбурга и многихъ здѣшнихъ мѣстъ учиненными, что я уже и сдѣлалъ, чѣмъ онъ весьма доволенъ былъ. Уповаю, что сей журналъ скоро онъ и отправитъ. Дѣла и распоряженія его всѣ достойны великой славы. Словомъ погибли бы мы здѣсь, ежели-бъ не спасъ насъ его сіятельство, разбивъ предводителя и самозванца Пугачева на двухъ сраженіяхъ.

«Что касается до описанія того, сколько мы претерпѣли, то не надѣюсь я, дабы его превосходительство г. губернаторъ согласился на письмо ваше давать мнѣ потребныя къ тому извѣстія изъ имѣющихся у него. Да и самъ онъ немного ихъ имѣетъ, ибо коммуникація сюда и отсюда совсѣмъ была пресѣчена. Я, по елику видѣлъ самъ и слышалъ отъ другихъ, содержалъ у себя для памяти и собственнаго моего свѣдѣнія ежедневную записку, чтобъ со временемъ можно было составить изъ нея сего бѣдственнаго нашего времени описаніе; но опасаюсь, какъ бы тѣмъ не подвергнуть мнѣ себя у друзей моихъ еще бѣльшему нареканію противъ того, какому подверженъ былъ сынъ мой Николай за описаніе похода, бывшаго за бѣжавшими калмыками. Я люблю правду и не могу иначе не только писать, но и говорить. Прошу васъ, какъ моего истиннаго друга, сказать мнѣ на сіе ваше мнѣніе».

¹⁾ Русскій Архивъ 1865 года, № 8, стр. 385, 386.

За тѣмъ, послѣ краткихъ извѣстій о дальнѣйшихъ движеніяхъ Пугачева, прибавлено: «Жена его, на коей онъ женился на Янкѣ (была она тамъ великая волочайка, а собой недурна), и кою онъ называлъ царцею, и всѣ тамошніе злодѣи также ее признавали, поймана, и скоро, уповаю, сюда будетъ привезена... Село мое Спасское и еще двѣ деревни, близъ онаго имѣющіяся, злодѣями совсѣмъ разорены, не только дома, но и церкви разграблены. Убытку мнѣ по меньшей мѣрѣ тысячъ на десять рублей. Пуще всего сожалею я объ моей библиотекѣ, коя отъ злодѣевъ сожжена и истреблена».

8 мая 1774 года: «Новаго у насъ ничево нѣтъ кромѣ сего, что Пугачева жена, на коей онъ женился въ Яницкомъ городкѣ, сюда привезена. Другая его жъ жена и съ дѣтьми содержится въ Казани. Здѣшнія барыни изъ любопытства видѣть въ предупомянутой отгнѣнную красоту ѣздятъ ее смотрѣть; но на мои глаза не нашель я никакого чрезвычайнаго въ ней хорошества»...

19 мая 1774 года: «Вчера съ пріѣхалъ сюда въ городъ его сіятельство г. генералъ-поручикъ и кавалеръ, князь Федоръ Федоровичъ Щербатовъ, да и обѣдали мы вчера съ всѣмъ вмѣстѣ у здѣшняго г. прокурора Ушакова на именинахъ жены его. Его сіятельство васъ довольно знаетъ, о чемъ самъ мнѣ сказывалъ. За столомъ, не нарочно сдѣлался у насъ разговоръ о исторіи здѣшняго осаднаго времени. Его сіятельство разсуждалъ, что надобно оной бытъ безпристрастной и упредить, чтобъ французы и другіе иностранные народы не издали въ публику о сей нашей осадѣ и о самозванцѣ Пугачевѣ несправедливыхъ извѣстій. Всѣ согласовали, что я къ оному сочиненію способнѣе другихъ. Я отзывался, что текущихъ или настоящихъ время исторію всякому сочинителю, а наипаче справедливому и безпристрастному писать сумнительно. Притомъ надобно имѣть обо всемъ полное свѣдѣніе и пр. Князь Федоръ Федоровичъ отзывался, чтобъ я, написавъ оную какъ самовидѣцъ многихъ бывшихъ дѣлъ, не издавалъ ее нынѣ въ публику. Всѣ на то согласовали, а г. губернаторъ, сидя подлѣ меня, сказывалъ, что вы къ нему писали, дабы онъ снабдилъ меня потребными къ тому извѣстіями и пр.; да и обѣщавъ свои журналы и анекдоты, принадлежащіе къ тому, сообщить. Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ журналъ свой мнѣ уже

поручилъ, и оной уже изготовленъ по освобожденіе Оренбурга отъ осады. Князь Федоръ Федоровичъ тожъ обѣщалъ, а потому и всему отъ онаго труда невозможно мнѣ было отговориться. Я при случаѣ сдѣлаю тому напередъ шагъ и покажу имъ, да и вамъ пришло. Вы, какъ мой истинный другъ, не худо сдѣлаете, когда въ этомъ подкрѣпите и исходатайствуете какое нибудь къ тому одобреніе. Довольно бъ было для меня ежели бъ сіе дѣло пристойнымъ образомъ Академія или кто изъ знатныхъ господъ мнѣ отрекомендовали, ибо я опасуюсь какъ бы, принявшись за оное, не придти мнѣ въ слабость и безсиліе. Весьма уже началъ я оскудѣвать въ моихъ силахъ по причинѣ ввѣренныхъ мнѣ здѣшнихъ соляныхъ дѣлъ, въ великую разстройку злодѣями приведенныхъ, и не знаю, достанетъ ли моихъ силъ, возстановитъ оныя и привестъ въ тотъ порядокъ, въ которой они отъ меня были приведены»...

29 мая 1774: «Иванъ Андреевичъ (губернаторъ Рейнсдоргъ) далъ уже мнѣ списывать свой журналъ. Князя Петра Михайловича журналъ имѣю жъ. Ежели поотдосужусь, буду я изъ нихъ и изъ моихъ записокъ составлять описаніе. Не знаю, буду-ли я ободренъ чимъ нибудь по претерпѣннымъ мною великимъ разореніямъ. По сіе время питаютъ меня еще одними обѣщаніями. Весьма много бъ споспѣшествовали къ моей пользѣ, ежели-бъ нашли случай изъясниться о томъ съ Петромъ Дмитриевичемъ Еропкинымъ и съ Михайломъ Яковлевичемъ Масловымъ, моимъ шефомъ»... Въ PS: «доношу вамъ, милостивому государю моему: я съ моей стороны всѣ способы употребляю привлекать къ себѣ благосклонность его превосходительства Ивана Андреевича; но сей, весьма мною любимой человекъ отвращаемъ бываетъ людьми, суще не достойными его милости, привыкшими къ самолюбію и ласкательству. Я не могу быть таковъ, какъ они, и никогда такимъ не бываю: черное не называю бѣлымъ. Вотъ вамъ, любезной мой другъ и милостивецъ, причины тому, для чего я часто выдерживаю огорченія и возбуждаю противу себя ненавистниковъ добру. Изъ сего краткаго вы все прочее понять и разсудить можете по вашему во всѣ дѣла проищанію».

Въ іюлѣ 1774 года у Рычкова была уже готова первая часть его Записокъ, гдѣ онъ описалъ о яцкихъ казакахъ, волненіяхъ въ Яцкомъ городкѣ и первое появленіе Пугачева до его

приближенія къ Оренбургу, т. е. до 1 октября 1773 года. Послѣ того Рычковъ сдѣлался боленъ, и потому работа его остановилась. 3 сентября 1774 г., пославъ первую часть Миллеру, онъ писалъ: «каждая часть будетъ въ себѣ содержать теченіе мѣсячнаго времени. Изъ послѣдующихъ увидите вы, милостивый государь мой, много чуднаго, и я сумнѣваюсь, описывая справедливо все, какъ (бы) не сдѣлать себѣ предосужденія. У меня приготовлено уже къ перепискѣ октябрь, ноябрь и декабрь. Осталось приготовить январь, февраль и мартъ: Прочее въ другомъ томѣ будетъ описывано... Прошу васъ дать мнѣ ваше мнѣніе и совѣтъ, ежели сіе издавать въ публику годится, то гдѣ напечатать? Не лучше-ль въ Академіи, гдѣ вы о томъ, чрезъ кого пристойно, постараться можете»... Черезъ 8 дней Рычковъ уже сообщилъ, что описаніе осады имъ уже почти окончено, а 18 сентября 1774 года имъ же писано къ Миллеру:

«Два извѣстія имѣю вамъ топерь сообщить ко взаимному нашему удовольствію. Первое, что Пугачевъ съ сообщниками его, ниже Царицына верстъ со сто (Царицынымъ завладѣть онъ не могъ) г. полковникомъ Михельсономъ совершенно разбитъ, какъ то вы изъ приложенной при семъ съ приказу копіи усмотрѣть изволите. А другое еще того важнѣе, что и самъ онъ, Пугачевъ, пойманъ его жъ сообщниками и связанной привезенъ уже въ Яицкой городокъ, гдѣ топерь и содержится. Онъ, послѣ пораженія его г. Михельсономъ, пробирался къ Яицкому городку, слѣдовательно снова къ намъ и въ Башкирію; и будучи верстахъ въ 50 отъ Яицкаго городка на узеняхъ (узенями называются тѣ мѣста, кои, начинаясь вблизи онаго городка, пошли къ самому Каспійскому морю, гдѣ великіе болота, камыши и кустарники), имѣя при себѣ сообщниковъ не болѣе 150 человекъ, оными своими сообщниками связанъ; отъ коихъ по увѣдомленію въ Яицкой городокъ, посланною за нимъ командою и тѣми его сообщниками привезенъ въ городокъ и отданъ находящемуся тутъ по слѣдственной секретной комиссіи гвардіи капитанъ-поручаку Маврину. Вотъ, милостивый государь мой, извѣстіе новое, которымъ каждый вѣрный сынъ отечества обрадованъ быть долженъ. Сей великой злодѣй въ алатырскомъ, въ саранскомъ и въ пензенскомъ уѣздахъ ужасное множество дворянъ съ ихъ фамиліями погубилъ и несмѣтныя причи-

нелъ губительства и разоренія. Даруй Боже, чтобъ изъ сего здѣсь поскорѣе возстановлена была тишина и спокойствіе; но злодѣй почти всю чернь возмутилъ, а притомъ башкирцовъ и киргизцовъ»...

P.S. «Топерь снова посѣщенъ я печалью, но такую, которой для меня больше быть не можетъ: сынъ мой старшій (34 лѣтъ), тотъ, который былъ полковникомъ и синбирскимъ комендантомъ, деташированъ былъ съ малою командою на скопившихся около Синбирска злодѣевъ. Онъ трафилъ на многочисленную толпу злодѣевъ. Онъ тутъ скончался — убитъ оными злодѣями. Сдѣлайте въ такомъ случаѣ своему другу отраду и утѣшеніе. Кончина его тѣмъ хороша, что онъ жизнь положилъ за отечество».

Потерю сына описалъ Рычковъ и въ своихъ Запискахъ, которыя за послѣдніе особенно годы не отличались пространными извѣстіями: «Во время бывшей г. Оренбургѣ отъ злодѣя Пугачева шестимѣсячной осады, не только въ ежедневномъ страхѣ и погибели весь городъ, слѣдовательно и я съ женою и дѣтьми и со всѣми домашними находился, но и село мое Спасское съ двумя деревнями сообщниками злодѣя разорены, и бывшіе тамъ пожитки, а при томъ святыя церкви и немалая моя бывшая тамъ библіотека расхищена; и хуторъ мой подгородній, называвшійся тогда Маловскимъ, самымъ злодѣемъ ограбленъ и выжженъ; которое мнѣ разореніе, по самой меньшей цѣнѣ считая, гораздо больше двадцати тысячъ. Но все оное, хотя и великое разореніе не столько меня огорчило, какъ безвременная кончина старшаго моего сына. Сей мой любезной и долголѣтней жизни достойной сынъ, будучи въ г. Синбирскѣ полковникомъ и комендантомъ, зная, что отъ возмущенія Пугачева въ синбирскомъ уѣздѣ едва не вся чернь взволновалась и устремилась на убійство и ограбленіе дворянъ, да и самой уже городъ угрожаемъ былъ отъ нихъ нападеніемъ и гибелью, для охраненія по возложенной на него должности, какъ комендантъ и вѣрный сынъ отечества, собравъ изъ гарнизона, до прибытія его въ великой разстройкѣ бывшаго, около ста человекъ, да столько жъ изъ улановъ и копейщиковъ, недавно составленныхъ изъ помѣщичьихъ слугъ и крестьянъ, съ одною пушкою (ибо и всѣхъ при семъ городѣ было только двѣ), выступили противъ оныхъ скопляющихся въ уѣздѣ мятежниковъ и бунтовщи-

ковъ. Онъ имѣлъ счастье сбить и разсыпать двѣ злодѣйскія толпы многочисленныя: одну—въ селѣ Озеркахъ, гдѣ оныя злодѣи дважды на команду его нападали, а другую—подъ деревней, называемой Щучья, въ коей живутъ новокрещены и нѣсколько помѣщичьихъ мужиковъ. Узнавъ же, что подъ пригородомъ Корсунемъ, верста со ста отъ Сибирска, есть еще злодѣйское сборище, въ коемъ находилось ихъ болѣе 700 человекъ, имѣя у себя предводителемъ помѣщика Кондакова слугу, который отъ Пугачева названъ былъ полковникомъ и коего прозванье было Фирсовъ. И хотя корсунскіе жители передались всѣ на сторону злодѣевъ, однако онъ, не уважая великаго ихъ людства, пошелъ туда и вступилъ съ ними въ сраженіе. Слабая его команда здѣсь поколебалась; нѣкоторые передались злодѣямъ, а другіе побѣжали назадъ. Притомъ бывшій гарнизонный капитанъ Крыжанъ убитъ былъ напередъ, а онъ самъ, какъ начальникъ, имѣя при себѣ не болѣе уже 20 человекъ, сколько силъ его было, оборонялся; былъ тутъ раненъ двумя тяжкими ранами въ спину и руку. Видя жъ, что ничего надъ тѣми злодѣями одержать было ему невозможно, устремясь на нихъ въ послѣднее, одному изъ нихъ саблею свесъ голову, а другаго умертвилъ своими жъ руками, изъ за чего остервенѣвшіе злодѣи, бросившись на него, окончили его жизнь копьями и саблями своими. При семъ его смертномъ случаѣ два солдата, бывшіе при немъ, скололи штыками двухъ злодѣевъ, конхъ они, поймавъ, отсѣкли имъ головы и положили одну подлѣ головы, а другую въ ногахъ у покойнаго и обще съ ними подвизавшагося командира. Тѣло его погребено тогда въ Корсунѣ при тамошней церкви; сынъ же его, а мой внукъ до самой кончины при немъ находился, а потомъ двумя доброжелательными уланами (кои были изъ людей его родственниковъ) спасенъ отъ гибели. Все оное происходило сего 1774 года 26 числа августа*.

Въ 1774 году неудовольствія между губернаторомъ Рейндорпомъ и Рычковымъ снова возобновились по поводу составленія послѣднимъ описанія оренбургской осады. Когда до Оренбурга дошло свѣдѣніе, что графъ Петръ Ивановичъ Панинъ назначенъ былъ главнокомандующимъ оренбургской, казанской и нижегородской губерній, то Рычковъ (14 августа 1774 г.) обратился къ Миллеру: «Его сіятельству, уповаю, надобны будутъ люди, на-

чало и составъ прежнихъ учреждений и намѣреній знающіе. Я хотя и знакомъ его сіятельству бывалъ, но давно; мнѣ мнится, что я, по свѣдѣнію здѣшнихъ дѣлъ и народовъ, могъ бы употребленъ быть нынѣ съ пользою высочайшихъ интересовъ и съ многиъ авантажемъ, но самому на то набиваться дурно. Нѣтъ ли вамъ, милостивый государь мой, дороги и способу рекомендовать меня его сіятельству?... Миллеръ, а также Еропкинъ (Петръ Дмитриевичъ¹⁾) говорили графу Панину о Рычковѣ, и вслѣдствіе того онъ былъ потребованъ въ Симбирскъ для личныхъ объясненій съ графомъ по дѣламъ оренбургской губерніи. Рычковъ туда отправился изъ Оренбурга 13 сентября 1774 года.

Этотъ вызовъ долженъ былъ еще болѣе разсердить Рейндорпа, и досада его дѣйствительно видна въ желчныхъ выходкахъ противъ Рычкова въ письмѣ къ Миллеру отъ 16 октября: «Г. Рычковъ получилъ отъ меня и другихъ генераловъ всѣ матеріалы для пугачевской исторіи. Дѣйствительно онъ написалъ ее и показывалъ разнымъ лицамъ, но для меня его хартія до сихъ поръ остается тайною, изъ чего я съ увѣренностью вывожу, что онъ, по своему обыкновенію, наполнилъ ее сказками и лжами. Онъ нашелъ способъ быть вызваннымъ въ Симбирскъ отъ его сіятельства графа Панина. Нѣсколько книгъ съ бумагами, наполненными легкомысленными проектами, суть его путевые спутники; но такой проникательный мужъ (гр. Панинъ) непременно сорветъ маску съ его глупости. Короче — только въ могилѣ такой чловѣкъ разстанется съ своей черной душой²⁾».

Что касается до Рычкова, то изъ его писемъ того времени къ Миллеру можно судить, какъ онъ былъ доволенъ и вызовомъ

¹⁾ Изъ письма Рычкова къ Миллеру 27 ноября 1774 г., видно, что первый сообщалъ Еропкину первую часть составленнаго имъ описанія оренбургской осады, которую этотъ и передалъ графу Панину.

²⁾ ...«H. Bytschkoff hat alle Materialien zur Historie des Pugatschew von mir und andere General erhalten, er soll sie wirklich geschrieben, und verschiedenen gezeigt haben. Für mich ist diese Chartequé aber bisz dato ein Geheimnis und ich schliesse folglich mit Gewisheit dass er selbige nach Gewonheit mit Lügen und Märchen ausgefüllet. Er hat einen Canal gefunden, dass ihn der H. Gr. Pan. Erl. nach Simbirak verlangt. Einige Bücher mit windige Projecte angefüllte Papiere sind seine Reysse Gefährten, ein so einsichtsvoller Mann wird aber ohnfehlbar seiner Thorheit die Larve abziehen. Kurzt dieser Mensch wird von seiner schwartzen Seele erst im Grabe geschieden werden... XXII портретъ писемъ къ историографу Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

и приѣмомъ главнокомандующаго. Такъ въ письмѣ изъ Симбирска 24 октября 1774 года читаемъ: «Графъ Петръ Ивановичъ принялъ меня благосклонно и содержитъ милостиво. Изъясненія мои о состояніи нашей губерніи, какъ я примѣтилъ, были ему угодны; но съ чѣмъ и сколь скоро отсюда отпустить онъ меня, о томъ только еще не знаю. Можетъ статья, что къ нынѣшнимъ моимъ солянымъ дѣламъ нѣкоторую часть возложить онъ на меня и другихъ, о чемъ впредь вамъ донесу».

«Супостата и злодѣя нашего Пугачева, уповаю, скоро увидите вы въ Москвѣ. Онъ отсѣлъ на сихъ дняхъ отправляется. Удивленія достойно, что столь плюгавой мужиченко могъ надѣлать великое множество злодѣйствъ».

«Здѣсь нынѣ такое людство, что каждодневно вижу маленькую Москву¹⁾. И обѣдаемъ у его сіятельства человѣкъ до шестидесяти и болѣе».

Въ другомъ письмѣ также изъ Симбирска въ октябрѣ 1774 года: «находясь здѣсь, пользуюсь я милостями графа Петра Ивановича и радуюсь, что трафилъ на такого человѣка, который во все проникаетъ и узнаваетъ существо всякаго дѣла. Таковому угождать и нравиться не трудно. Ласкаю себя надеждою, что приѣздъ мой сюда въ разсужденіи государственной, а притомъ и моей собственной пользы будетъ не въ туѣ; но не могу еще донести, сколь долго продержитъ меня при себѣ его сіятельство. Можетъ статья, что пробуду при немъ и до ево отсѣлъ отбытія».

«Злодѣя Пугачева на сихъ дняхъ отправили къ вамъ въ Москву. Сіе чудовище мерзкое, уповаю, вы тамъ увидите. Я его здѣсь видѣлъ и съ нимъ говорилъ».

Графъ Панинъ отпустилъ Рычкова изъ Симбирска въ ноябрѣ мѣсяцѣ. 31 октября 1774 года было написано отъ главнокомандующаго къ оренбургскому губернатору, что на Рычкова возложено составленіе «историческихъ экстрактовъ» и для того ему должны быть открыты всѣ дѣла о киргизцахъ и башкир-

---

¹⁾ Въ бытность въ Симбирскѣ, Рычковъ досталъ, какъ онъ говоритъ, «варочитое извѣстіе» объ этомъ городѣ, которое послалъ въ распоряженіе Миллера при письмѣ 12 февраля 1775 года.

цахъ ¹⁾). Увѣдомляя о томъ Миллера, 20 ноября 1774 года, Рычковъ писалъ:

1) Вотъ инструкция, или, какъ называлъ Рычковъ, пункты, данные ему для составленія историческихъ экстрактовъ:

1. Какое отъ Двора и министерства предписаніе когда было въ разсужденіи какъ политическаго со онымъ народомъ наблюденія, такъ и какой образъ поведенія съ ними былъ предписанъ и употреблялся отъ оренбургскаго начальства.

2. Съ котораго времени вступленіе сего народа въ подданство российское и какимъ образомъ произошло, а съ того времени и по нынѣшнее ихъ возмущеніе какіе когда поступки были, какъ отъ нашихъ тѣхъ начальниковъ, такъ и отъ ихъ въ повиновеніи и въ противностяхъ къ скипетру российскому.

3. Сколько въ которомъ году со времени вступленія ихъ въ подданство, кромѣ нынѣшняго возмущенія, бывали-ли или нѣтъ отъ сего народа какія гдѣ впаденія, въ которомъ именно году въ наши границы; что они въ оныхъ когда вреднаго причинили.

4. Ко отвращенію и стражи отъ того сколько гдѣ воинскихъ нашихъ полевыхъ и гарнизонныхъ командъ содержалось.

5. Какія воинскія дѣйствія, когда тѣ наши команды при впаденіяхъ онаго народа въ наши границы производили и какое потому бывало сношеніе и расположеніе съ начальствомъ сихъ ордъ.

6. Тѣ наши воинскія команды съ котораго времени, по чьимъ повелѣніямъ убыли или ослабѣли, и сколько ихъ гдѣ оставалось противу прежняго оныхъ расположенія при начинаніи нынѣшняго происшедшаго въ сечь краю возмущенія.

7. Сколь многочисленны нынѣ могутъ быть поставляемы всѣ киргизскія орды.

8. Подъ какими названіями гдѣ которая изъ нихъ орда свое кочеваніе обыкновенно въ какое годовое время имѣетъ.

9. Отъ временъ учрежденія оренбургской съ сечь народомъ торговли по сложному о всякомъ году вычисленію показать, сколько по той сложности въ каждой годъ вступало казеннаго, какого именно отъ коммерціи съ тѣми народами дохода; насупротивъ того сколько жъ въ каждомъ году должно было полагать казенныхъ издержекъ на содержаніе полевыхъ войскъ и гарнизоновъ, употребленныхъ только на предохраненіе сей коммерціи.

10. По сложности же каждаго года вступившихъ пошлинъ, какая сумма ежегодно обращалась отъ обѣихъ сторонъ въ торговлю.

11. При самомъ окончаніи онаго экстракта въ какомъ настоящемъ положеніи сей народъ находится будетъ своими поступками противу Россіи въ сравненіи того, какое онъ имѣлъ до наступленія нынѣшняго возмущенія.

Другой экстрактъ о башкирцахъ, въ которомъ бы показало было:

1. Со времени учрежденія оренбургской губерніи какія о сечь народѣ отъ Двора и отъ прочихъ высшихъ правительствъ предписанія были въ разсужденіи управленія онымъ. 2. На какія онъ части, подъ какое начальство, съ какими основаніями раздѣленъ. 3. Съ того времени какое оному переписное счисленіе было ии и когда. 4. Въ какомъ числѣ онъ сначала и, наконецъ, предъ нынѣшнимъ послѣднимъ возмущеніемъ былъ. 5. Какую съ котораго времени подать въ казну платилъ. 6. Какія гдѣ службы, для чего, въ какомъ числѣ отправлялъ, и служивые какое казенное содержаніе при какомъ случаѣ имѣли или нѣтъ. 7. Не было-ль какихъ сначала особыхъ о сечь народѣ учрежденій

«Пугачевъ и сообщники его главные изъ Сибирска при мнѣ отпращены. Съ помянутымъ злодѣемъ разговаривая, напелъ я въ немъ самаго отважнаго и предприимчиваго казака. Въ разговорахъ его со мною примѣчаю я въ немъ невѣжество и умѣнье притворять себя ко всему. Когда я упомянулъ ему объ моемъ сынѣ, который убитъ подъ Корсуномъ его сообщниками, и не могъ притомъ удержаться отъ слезъ, то и онъ сталъ плакать, показывая видъ сожалѣнія. Впрочемъ признавалъ онъ себя виноватымъ передъ Богомъ и государынею; но хотѣлъ еще вины свои заслуживать, ежели государыня повелитъ и пр.»...¹⁾).

«Описаніе оренбургской осады въ публику издать конечно такъ сходнѣе, какъ вы по совѣту съ его превосходительствомъ Иваномъ Ивановичемъ М(елиссино) писать ко мнѣ изволили; но что я въ мое сочиненіе вносилъ; сіе все такая правда, которую и дѣлами, и людьми доказать можно. Не угодно-ль будетъ его превосходительству или вамъ изъ онаго сочинить другое такую методою, какъ пристойно для публики. Мое пускай останется въ архивѣ. Оно у меня все уже написано, и графъ одинъ списокъ взялъ въ свою канцелярію, чтобъ соединить его съ генеральнымъ обо всемъ бунтѣ описаніемъ, которое сочиняетъ у него г. Верекинъ. Но сіе все, уповаю, не будетъ въ публикѣ, развѣ экстрактъ изъ онаго и то, уповаю, не скоро. И такъ нужно упредить издавіемъ въ публику такого, какъ вы судите, чтобъ иностранные писатели несправедливаго и невмѣстнаго не напечатали. Я къ вамъ буду сообщать списки съ моего, какъ я сочинилъ. Вы изъ

и ему запрещеній, а потомъ перемѣны или запущенія когда воспомядывашихъ о несодержаніи у себя кузнецовъ и прочаго удобнаго къ вооруженію безъ позволенія правительства. 8. Сколько отъ вступленія ихъ подъ правленіе оренбургской губерніи когда было отъ нихъ бунтовъ, подъ какими именами предлагали, кѣмъ, когда они усмирены, какое за каждое ихъ возмущеніе было имъ наказаніе и прощеніе на какихъ основаніяхъ. 9. При сочиненіи сего экстракта всѣ-ли безъ взятія онаго народа старшими и селенія найдутся во обращеніи къ прежнему подданическому повиновенію или кто, гдѣ и когда еще оставаться будетъ въ супротивности. 10. Какую сверхъ положенныхъ казенныхъ податей имѣеть ли или нѣтъ выгоду или пользу отъ сего народа российская имперія или партикулярно подданные ея величества.

Подписалъ: графъ Петръ Панинъ.

¹⁾ Это же самое, но только съ большими подробностями Рычковъ внесъ въ 3-е прибавленіе къ своей гѣтописи, «Сочиненіе А. С. Пушкина», изд. П. Анненкова, т. VI, стр. 521—522.

него что надобно выбирать можете, а напечатать не изволите-ль, не упоминая писателя. Что его превосходительство (Мелиссино) на сіе скажетъ, о томъ прошу меня увѣдомить».

«Начало янцкихъ казаковъ отъ донскихъ въ Топографіи Ор. хотя изъ словесныхъ объявленій, однакъ достовѣрно показано. Они долгое время и состояли подъ вѣдомствомъ донскихъ казаковъ, что изъ дѣлъ можно доказать; но вы сіе распространить и поправить можете по вашему свѣдѣнію»...

Въ настоящее время еще неизвѣстно, гдѣ хранятся работы Рычкова, предпринятія имъ по порученію графа П. Панина для собранія свѣдѣній о киргизцахъ и башкирцахъ. Но что эти работы были начаты, то видно изъ писемъ Рычкова къ Миллеру. Такъ 4 декабря 1774 года онъ уже писалъ: «какъ я, такъ и приказные мои служители всѣ заняты у меня возложенными на меня отъ графа Петра Ивановича дѣлами, изъ коихъ одна часть на сихъ дняхъ къ нему и отправляется». 25 декабря 1774 года: «его сіятельство первымъ моимъ трудомъ, по предписанію его чиненнымъ, столько доволенъ былъ, что пожаловалъ мнѣ отъ имени ея величества 2000 руб. Вы знаете, милостивый государь, сколь они полезны оскудѣвшему отъ разоренія и ослабѣвающему въ силахъ своихъ человѣку. Я не успѣлъ еще его и благодарить, почувствовавъ отъ великаго восхищенія нѣкоторой припадокъ: онъ награждаетъ и обнадеживаетъ меня не по моимъ меритамъ. При случаѣ внушите ему, милостивый государь мой, глубочайшую мою благодарность, кая во вѣкъ мой будетъ со мною»... 5 февраля 1775 года (послѣ извѣстія о своемъ болѣзненномъ положеніи): «Всего мнѣ досаднѣе топерь, что я не могу отправлять возложенныхъ на меня отъ его сіятельства должностей такъ, какъ мнѣ желательно. Севодни едва могъ я отправить къ нему одно дѣло, по повелѣнію его мною сочиненное. Оно составляетъ инструкцію учрежденной здѣсь отъ его графскаго сіятельства пограничной и новорѣческой экспедиціи, въ которую угодно было ему опредѣлить меня членомъ. Я надѣюсь, что она, или по меньшей мѣрѣ первая ея часть, до ордынскихъ дѣлъ принадлежащая, разсматривана будетъ у васъ въ коллегіи, а потомъ и далѣе»...

По распоряженію графа Панина, оставшемуся въ полной силѣ и послѣ увольненія его отъ главнаго управленія оренбург-

скою, казанскою и нижегородскою губерніями, Рычковъ, кромѣ завѣдыванія по прежнему соляною частію, принималъ, вмѣстѣ съ оренбургскимъ губернаторомъ, участіе по управленію заграничными дѣлами и инородцами въ краѣ. Неудивительно, что это не могло нравиться Рейнсдорпу: кромѣ того, что онъ лично не былъ расположенъ къ Рычкову, его самолюбіе по необходимости должно было страдать отъ назначенія ему помощника, такъ какъ тѣмъ самымъ высказывалось недовѣріе правительства къ силамъ и опытности начальника губерніи. По всей вѣроятности Рейнсдорпъ писалъ о томъ Миллеру, а этотъ въ свою очередь уговаривалъ Рычкова жить въ мирѣ. Покрайней мѣрѣ объ этомъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста письма Рычкова отъ 19 февраля 1775 года: «вы, милостивый государь мой, многожды уже дѣлали мнѣ напоминанія къ согласію, которое я всегда наблюдалъ и наблюдаю; нынѣшнее ваше письмо и увѣщаніе, чтобы я не создавалъ моего счастья ко вреду другихъ, довольно уже даетъ мнѣ знать, въ разсужденіи ково изволите писать. Я по крайней моей возможности стараюсь сохранять честь всѣхъ людей, а наипаче тѣхъ, отъ коихъ я еще и одолженъ бывалъ; но разсудите, милостивый государь мой, чего нѣтъ, можно-ли сказать, что оно есть, и что есть, можно-ли выговорить, что нѣтъ? Я во всю мою жизнь ласкателемъ и клеветникомъ не бывалъ; держусь справедливости и резону во всѣхъ моихъ поведеніяхъ... Научите вы, милостивый государь мой, меня, какъ въ такихъ обстоятельствахъ поступать. По благоразумію вашему надѣюсь вы сами иначе мнѣ не присовѣтуете. Я бы могъ больше изясниться, но въ разсужденіи моей скромности и привычки къ терпѣнію всякое своенравіе сношу. Но позволь мнѣ покинуть сію матерію: тоска, отъ болѣзни происходящая, помрачаетъ мои рѣчи»...

Съ своей стороны Рейнсдорпъ писалъ къ Миллеру 28 іюля 1775 года: «если не избавлюсь прежде отъ нелѣпаго Рычкова и Оренбурга, то ничто въ мирѣ не удержитъ меня въ началѣ сентября мѣсяца просить графа Петра Ивановича объ отзвѣѣ»...¹⁾.

¹⁾ ...«Wenn ich nicht eher von den Hals unsinnigen Rytschkow und von Orenburg erlöst werde, so soll mich nichts in der Welt abhalten den H. Grafen Peter Iwanowitsch um meine Zurückberufung im Anfange des Septembre Monathes zu bitten»...

Въ 1775 году въ письмахъ Рычкова чаще стали повторяться жалобы на нездоровье и слабость силъ. Болѣзненное его состояніе еще болѣе увеличилось отъ паденія на крыльцѣ, причемъ онъ раздробилъ себѣ ногу, такъ что потомъ уже не могъ ходить безъ клюки съ одной стороны и поддержки съ другой. Впрочемъ болѣзни и старость не могли измѣнить обычныхъ занятій Рычкова. Онъ въ 1775 году намѣревался приняться за сочиненіе статей «о коммерческихъ матеріяхъ»; писалъ продолженіе Оренбургской Исторіи на 1774 и 1775 годы, а въ 1776 году не на-шутку принялся-было за новый трудъ, о которомъ 28 января 1776 года такъ сообщалъ Миллеру: «Мнѣ разсудилось вмѣсто прибавленія къ вашему географическому лексикону ¹⁾ собрать особливой на здѣшнюю губернію лексиконъ такъ, чтобъ ни едино жительство и обстоятельство, примѣчанія достойное, упущено въ немъ не было. Его превосходительство г. губернаторъ недавно сіе жъ самое рекомендовать изволилъ, и я разослалъ уже во всѣ присутственныя здѣшнія мѣста справки о присылкѣ потребныхъ къ оному извѣстій. Сей одной здѣшней губерніи лексиконъ можетъ служить образчикомъ и для другихъ губерній. Я можетъ быть найдусь въ состояніи изъяснить оный моими дополненіями и приложеніемъ потребныхъ къ тому ландкартъ. Съ одного моего запроса, посланнаго въ уфимскую провинціальную канцелярію, для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ копію, а все собравъ и приведши въ порядокъ, для надобнаго употребленія по разсмотрѣніи вашемъ, къ вамъ же, милостивому государю моему, сообщу»...

4 февраля 1776 года: «я къ вамъ на предварившей почтѣ послалъ, помнится, копію съ того моего запроса, по которому желательно мнѣ собрать отовсюду извѣстія къ сочиненію здѣшней губерніи географическаго и историческаго лексикона. Сіе началъ я по согласію съ Иваномъ Андреевичемъ, г. губернаторомъ; но есть уже здѣсь безпокойныя головы, которыя почитаютъ сіе за ненадобное дѣло, служащее къ отягощенію люда. И хотя я отъ такихъ безпутныхъ толковъ не имѣю опасенія, но чтобъ во правду не произошло изъ того помѣшательствъ, покорно прошу

¹⁾ «Географическій Лексиконъ російскаго государства» собранный воеводою г. Веремъ Федоромъ Полунинымъ, — издавъ съ дополненіями и поправками Миллеромъ въ Москѣ 1778 года, въ 8°.

васъ описать къ его превосходительству отъ себя, чтобъ и онъ въ томъ мнѣ способствовалъ съ своей стороны и не допускалъ бы безпокоить меня отъ такой негодной и вредной критики. Слышу, что здѣшній прокуроръ принимаетъ въ ней участіе, слушая приказныхъ служителей самыхъ подлыхъ душей. Вотъ каковы здѣшніе обстоятельства и какъ помогаютъ полезнымъ дѣламъ!»...

Можно-ли было ожидать тогда Рычкову содѣйствія отъ Рейнсдорпа, это лучше всего видно изъ письма его къ Миллеру 11 марта 1776 года, гдѣ онъ, между прочимъ, говорилъ: «не довольно того, что я въ Оренбургѣ уже потерялъ нѣжно любимую жену и пять дѣтей и подвергаюсь ежедневнымъ коварнымъ проускамъ нашего здѣшняго человѣканенавида г. Р***, такъ какъ теперь мои страданія опять возобновились по случаю смерти тринадцатилѣтняго мальчика, подававшаго большія надежды. Я умоляю...¹⁾».

«Къ сочиненію здѣшняго географическаго лексикона, писалъ Рычковъ 17 марта 1776 года, на запросы мои изъ разныхъ мѣстъ получилъ уже я извѣстія, въ томъ числѣ изъ уфимской провинціи за всю сію провинцію. Правда, что не всё они съ полными обстоятельствами, но разомъ въ совершенство такое сочиненіе не можно привести: оно время отъ времени можетъ дополнено быть. По одной присланной изъ Уфы считается 521 жителей, а всѣхъ уповаю около двухъ или трехъ тысячъ будетъ. При началѣ такихъ дѣлъ встрѣчающіяся затрудненія и недостатки надобно преодолѣвать терпѣніемъ. Топерь изъ всѣхъ вѣдомостей выбираютъ у меня подъ алфаветъ одни званія, а потомъ уже станутъ дѣлать и описанія, которыя я елико возможно поправлять и дополнять буду. Это правда, что такая книга въ каждой губерніи не только для общенароднаго, но и для канцелярскаго употребленія весьма надобна и полезна»... 24 марта 1776 года: «о вспомоществованіи въ еочиненіи здѣшняго географическаго лексикона мѣтъ уже нужды писать вамъ къ его превосходительству здѣш-

¹⁾ ...«Es ist nicht genug dass ich eine zärtlich geliebte Ehegattin und fünf Kinder in Orenburg bereits verloren habe, und dass ich denen täglichen Schickalen unseres hiesigen Menschen-Feindes H. R*** ausgesetzt bin; denn mein Leid musste noch neulich durch den Todt eines Hoffnungs vollen Knaben von 13 Jahren vollen kommen gemacht werden, ich schweige!»...

вему г. губернатору. Я уже большую часть до сего принадлежащих извѣстій собралъ; осталось получить изъ всецкой только провинціи и изъ ставропольскаго вѣдомства. Критику на вопросы превозмогъ я моимъ терпѣніемъ»...

5 мая 1776 года Рычковъ послалъ къ Миллеру первую букву своего Словаря, прося притомъ совѣтовъ у историографа. Около того же времени онъ донесъ объ этомъ трудѣ тогдашнему генералъ-прокурору, князю Вяземскому, который одобрилъ предпріятіе Рычкова. Въ Запискахъ его занесено, что это одобрѣніе принесло ему пользу и въ матеріальномъ отношеніи. Подъ 1776 годомъ тамъ записано: «Впрочемъ домашнее мое упражненіе состояло ббльшею частію въ сочиненіи топографическаго словаря на всю оренбургскую губернію, къ чему я побужденъ былъ письмомъ его сіятельства, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, генералъ-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго; котораго первую часть отъ литеры А по литеру М и отправилъ я декабря 8 числа съ приношеніемъ моимъ къ его сіятельству, приложу притомъ по его совѣту и просительное мое письмо къ ея императорскому величеству о моихъ нуждахъ и недостаткахъ къ содержанію своему».

«1777, февраля, обрадованъ я былъ полученіемъ отъ его сіятельства на просьбу-отвѣтнаго письма съ приложеніемъ притомъ копій съ ея величества указа, даннаго правительствующему сенату, по которому ея величеству угодно было пожаловать мнѣ за службу и труды 15,000 рублей. Легко понять, въ какой восторгъ приведенъ я былъ сею великою и не по заслугамъ моимъ оказанною ко мнѣ высочайшею милостию»...

«Топерь я, писалъ Рычковъ къ Миллеру, 9 февраля 1777 года, изъ самой, могу сказать, крайней нужды, при великихъ моихъ недостаткахъ и сумнительствахъ, вдругъ сталъ снабженъ да и обогащенъ. Я весьма слабъ моимъ здоровьемъ. Сверхъ болѣзни въ ногѣ моей, мучитъ меня еще и лихорадка; однакожъ не взираю на оную, выѣзжаю еще къ моимъ должностямъ. Мое здоровье топерь не столько уже нужно для меня и для моихъ домашнихъ, развѣ не гожусь ли я сколько нибудь для отечества... Лексиконъ топографической на здѣшнюю губернію я уже окончилъ и надѣюсь

*

вторую часть онаго чрезъ двѣ почты отправить къ его сятельству»¹⁾.

Подъ конецъ переписки свой, два старика Миллеръ и Рычковъ, такъ точно обмѣнивавшіеся между собою письмами въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ, вдругъ было поссорились. Миллеру надобно исполнять частыя порученія Рычкова о разсылкѣ писемъ послѣдняго по знакомымъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. 16 февраля 1777 года Рычковъ извинялся въ причиненныхъ Миллеру безпокойствахъ отъ подобныхъ порученій. «Сожалѣю крайне, говорилъ онъ при этомъ случаѣ, что вы отъ моей неосторожности приведены въ нѣкоторой родъ аггераціи, вѣдая, что такое состояніе намъ, старикамъ, нездорово»... До 20 апрѣля 1777 года Рычковъ врѣпился и не писалъ, а въ этотъ день онъ извѣщалъ своего пріятели: «Молчаніе мое происходило отъ послѣдняго вашего письма, но какъ я чистосердечно васъ люблю и почитаю, то и не могъ оставить безъ увѣдомленія, что всемілостивѣйшей и прозорливой нашей монархинѣ угодно было 14 марта пожаловать меня главнымъ командиромъ въ Екатеринбургъ къ тамошнимъ заводскимъ правленіямъ»...

Нѣсколько дней спустя по прибытіи въ Екатеринбургъ къ новой должности, 23 іюля 1777 года Рычковъ по нѣмецки увѣдомилъ о томъ Миллера; потомъ 17 августа и 9 сентября онъ общалъ ему же, что слабъ здоровьемъ и лежитъ въ постели, а 11 ноября того же года Алена Денисьевна Рычкова писала къ исторіографу: «Пріятное письмо ваше къ любезному вашему другу Петру Ивановичу, пущенное отъ 18 октября, получено мною 7 ноября, которое уже не застало его въ живѣ, ибо по произволенію Божію, къ несносному моему мученію скончался онъ октября 15 дня, и я осталась теперь со всѣми моими дѣтьми въ нангорестивѣйшемъ состояніи. Надѣюсь, что и вы, такъ какъ бывший другъ покойному моему Петру Ивановичу, примете соучастіе въ моемъ несчастіи»...

Тѣло Рычкова перевезено изъ Екатеринбурга въ село Спаское и похоронено при построенной имъ тамъ церкви.

¹⁾ Д. В. Полѣиковъ сказывалъ пишущему эти строки, что у него въ имѣніи хранится часть этого лексикона Рычкова. Уцѣлѣлъ-ли еще гдѣ нибудь полный списокъ послѣдняго труда его, неизвѣстно.

Въ предпоследній годъ жизни Рычкова нѣмецкій писатель Юганъ Георгъ Крюницъ (Krünitz, род. 1728 † 1796 г.), бывшій членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, обращался къ нему съ просьбою о доставленіи его портрета для приложенія его въ гравюрѣ къ издаваемой имъ съ другими учеными «Oekonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-, Stadt-, Haus- u. Landwirthschaft in alphabetischer Ordnung»... «Они, писавъ поэтому поводу Рычковъ къ Миллеру 26 мая 1777 г., столь много меня восхваляли, что я не могъ имъ отказать въ ихъ требованіи, а потому и посылаю я присемъ письмо мое и тотъ требованной чертежъ, тушью сдѣланной (каковó могли ево скопировать здѣсь съ моего портрета)».... Въ XXX части названнаго изданія, вышедшей въ Берлинѣ въ 1784 году помѣщенъ гравированный портретъ съ подписью «Peter Rietzkow»—такъ Рычковъ всегда подписывался самъ по нѣмецки. Что же касается до приложеннаго къ настоящей биографіи портрета его, то онъ срисованъ съ современнаго портрета масляными красками, хранящагося у правнука его, Д. Н. Рычкова.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Сенатскій докладъ о винахъ Татищева.

Къ стр. 13.

По вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, бывшій начальникъ и покровитель Ричкова, В. Н. Татищевъ просилъ «отставить» учрежденную надъ нимъ слѣдственную комиссію и притомъ старался доказать, что онъ былъ жертвою гоненій Вирона, Остермана и гр. Головкина. По поводу этого прошенія, въ сенатѣ былъ составленъ докладъ слѣдующаго содержанія:

«Въ 1739 г., по протестамъ полковниковъ, что нинѣ бригадиры, Алексѣя Тевкелева и Ивана Бардекеевича и казанскаго купца Семена Иноземцова на тайнаго совѣтника Василя Татищева въ чинныхъ имъ, Татищевымъ, въ битность его въ оренбургской экспедиціи главнымъ командиромъ въ противность указовъ и непорядочныхъ поступкахъ, во взяткахъ и обидяхъ; также, что онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, представлялъ на вышеозначеннаго Бардекеевича о нерадѣтельныхъ его поступкахъ и во взяткѣ лошадей, скота и прочаго, — учреждена была комиссія, изъ которой въ сенатѣ для разсмотрѣнія поданы экстракты со мнѣніемъ, что онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, на него, Бардекеевича, представлялъ неосновательно и тѣмъ его подъ слѣдствіе привелъ напрасно, за что по сентенціи 1740 году сентября 19 приговорено его, тайнаго совѣтника Татищева, лишить всѣхъ чиновъ, а его, Бардекеевича, отъ того слѣдствія освободить безъ всякаго штрафа и учиненнаго ему ареста въ подозрѣніе не причитать, и заслуженное жалованье, что онъ во время аресту не получалъ, ему выдать, на что въ томъ же 740 году октября 25 дня и конфирмація была. А что касается до него, тайнаго совѣтника Татищева, и о другихъ, о томъ, по рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, представить о каждомъ порознь со мнѣніемъ. А по собраніи потребныхъ въ тому справокъ, разсматривано, по которымъ онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, въ неисправленіи должности своей, въ непорядочныхъ поступкахъ въ противность указовъ и во многихъ взяткахъ, а бригадиръ Тевкелевъ и города Казани купецъ Семель Иноземцевъ въ нѣкоторыхъ на тайнаго совѣтника Татищева недоказан-

тельствах явились виновны, за что по силѣ указовъ и государственныхъ правъ и подлежали штрафовъ (sic), но по мнѣнію той комиссіи, по силѣ состоявшихся вашего императорскаго величества всеимпериальскихъ указовъ, тѣхъ штрафовъ не положено. А что касалось до ущерба интересовъ вашего императорскаго величества и взятокъ, оное положено взыскать.

И по раскрытію въ сенатѣ тайный совѣтникъ Татищевъ явился виновенъ, а именно:

1. Для жнтя своего въ городѣ Самарѣ построилъ домъ съ огородами и пришективою улицю, и прочее строилъ собою безъ указа, и для того ломалъ обывательскіе дома, а на тѣ строенія деньги употреблялъ и обывателямъ платилъ казенныя, которыхъ надержано 2645 руб. 89 к. съ половиною. Онъ же, Татищевъ, покупалъ въ Сибири на казенныя жъ деньги золото и серебро на дѣло посуды для трагованія хановъ. А какъ того ему употреблять не велѣно, то золото и серебро взялъ себѣ по цѣнѣ на 2050 руб. 91 коп. Въ то число заплатилъ 1000 руб., а достальныя обѣщалъ заплатить изъ жалованья.

2. Въ 788 году, въ бытность свою въ Оренбургѣ, при отправленномъ въ Ташкентъ караванѣ, въ противность указомъ, посылалъ свои товары.

3. По смѣнѣ бывшаго въ Москвѣ отъ оренбургской экспедиціи комиссаромъ брата своего роднаго, дворянина Никифора Татищева, не взявъ его, какъ прочіе для счету къ оренбургскую канцелярію были бирани, отправилъ къ нему въ Москву нарочно изъ Самары бухгалтера, и протоколиста Маркова, безъ канцелярскаго опредѣленія, плетяи смѣя.

4. Во время прибытія въ Оренбургъ къ присягѣ Абулхайръ-хана выдалъ жалованье непорядочно: прежде ему, хану, и султаномъ и старшинамъ и Средней ордѣ; а Меньшая орда отъ выдачи прежде ихъ Средней ордѣ жалованья поставили себѣ за обиду, и, пришедъ отъ того во огорченіе, между собою при раздачѣ жалованья поссорились. И бывший тогда въ Оренбургѣ Меньшей ордѣ знатной и первой старшина Вуень-бай батыръ, поставя то себѣ за обиду жъ, не учина присяги, отъѣхалъ и всѣхъ прибывшихъ киргизцовъ съ Абулхайръ-ханомъ безъ мала съ 1000 человекъ къ присягѣ не привелъ, а приведены только одни старшины съ 50 человекъ. А жалованье въ раздачу производилъ онъ, Татищевъ, одинъ безъ общаго съ Тевкелевнмъ согласія и безъ канцелярскаго опредѣленія; а протоколъ о томъ уже сочинилъ и закрѣпилъ одинъ послѣ того снуста нѣсколько времени.

5. Россійскимъ купцамъ въ Оренбургѣ лошадей и верблюжью шерсть покупать запрещалъ и бралъ съ нихъ взятки волками, и овчинками, и лошадьми на 195 руб.

6. Въ новостроющихся лучинихъ трехъ городкахъ въ Красносакмарскѣ, Красноборскѣ и въ Бузулукѣ отдалъ нитейную продажу на откупъ одному купцу Издеберскому противъ прежняго платежа съ уменьшеніемъ въ годъ по 50 р. 21 копейкѣ.

7. Въ 787 году купя себѣ шесть лошадей сѣрыхъ, а за негодностью, взялъ въ казенныя безъ оцѣнки и свыше положенныхъ въ статьѣ дѣтъ и выдалъ деньги за каждую по 15 рублей.

8. Въ томъ же году, подъ образомъ покупки перстня, съ подполковника Бахметева взялъ денегъ 300 руб. и въ то число отдалъ 200 р., а достальныхъ 100 р. не заплатилъ.

9. Пойманнаго съ отгонными краденными отъ Абулханръ хана лошадыми башкирца отпустилъ безъ слѣдствія и взялъ двѣ лошади; такожь съ киргизцовъ и ханскихъ дѣтей бралъ лошадыми жъ—всего 7 лошадей.

10. Съ двухъ казаковъ взялъ двѣ лошади.

11. Съ атамана Кабанки и есаула Бородина и отъ старшинъ взялъ 40 волковъ да двѣ лошади.

12. Съ купца Кубиликина взялъ за выдачу за поставочное подрядное вино денегъ во взятокъ 300 р.

13. Купленныя ему красныхъ кожъ 50 юфтей, кои привезены были въ Оренбургъ на казенномъ коштѣ, продалъ въ казну, и сверхъ покупной цѣны взялъ у каждой юфти по рублю.

14. Воровъ и бунтовщиковъ башкирцовъ двухъ человекъ, взявъ съ нихъ дву яноходцевъ, изъ подъ караула отпустилъ.

15. Главныхъ бунтовщиковъ-заводчиковъ, башкирскихъ старшинъ Антъ-бая, Юсупа Никеева, не отославъ въ комиссію башкирскихъ дѣлъ къ слѣдствію и розыску, по просьбѣ вѣрныхъ старшинъ отпустилъ.

16. По силѣ учиненнаго въ 786 году консиліума—о выступленіи для скорѣйшаго прекращенія и искорененія башкирскаго бунта, въ 787 году весною ранѣе всѣмъ командамъ,—не исполнилъ и назначенныхъ къ тому консиліуму 3000 человекъ крестьянъ не собралъ, и по границѣ къ опредѣленнымъ въ крѣпостяхъ заводамъ и деревнямъ офицерами не распредѣлил и отъ того учинилъ великую оплошность.

17. Онъ же, Татищевъ, въ 787 году на подполковника, что нинѣ бригадиръ, Бардекеевича, въ бывшій Кабинетъ якобы о нерадѣтельныхъ его поступкахъ и во взятыхъ башкирскихъ лошадей, скота и прочаго во удержаніи у себя, представлялъ неосновательно, и тѣмъ его, Бардекеевича, привелъ подъ слѣдствіе и держанъ былъ подъ арестомъ, о чемъ показано выше сего.

(Слѣдуетъ выписка изъ законовъ о взяточникахъ и лихоимцахъ).

Въ 787 году, въ опредѣленіи тайнаго совѣтника Татищева, генераль-маіора, что потомъ былъ генераль-лейтенантъ, Соѣмонова и прочихъ написано: съ башкирцевъ подарки и взятки брать запретить, чтобъ отъ того какого вреда не произошло. А офицеромъ ни до какихъ башкирскихъ пожитковъ ни подъ какимъ видомъ не касаться, дабы изъ того вреднаго лакомства, невиннымъ разоренія и въ дѣйствахъ военныхъ, яко же и справедливости вреда не учинилось. Да сентября 2 дня того-жъ 787 году въ посланномъ къ тайн. сов. Татищеву изъ бывшего Кабинета указъ написано: публиковать при всѣхъ тамошнихъ войскахъ съ тако-

вымъ изъясненіемъ, что хотя который офицеръ въ малѣйшемъ казномъ законствѣ явится, тотъ смертью каженъ быть имѣетъ. И оныя езекуціи, ежели таковыя обратятся дѣйствительно, для постраху (sic) другимъ и чтобъ сами башкиры видѣли, что такіе законные поступки чинятся противно указомъ, и тѣмъ бы скорее къ надлежащему наказанію и перестанію отъ бунта приведены были, и, не списываясь, надъ ними учинить главному командиру.

И хотя помянутаго тайнаго совѣтника Татищева за вышепоказанные, учиненные его противные поступки, по силѣ вышеписанныхъ указовъ, подлежало лишити всѣхъ чиновъ и учинити смертную казнь, но по силѣ состоявшихся вашего императорскаго величества всемилоостивѣйшихъ 1741 декабря 15 и 1744 годовъ іюля 15 чиселъ указовъ, то ему упустилъ, ибо онъ, Татищевъ, вышеписанные противные поступки чинилъ до тѣхъ вашего императорскаго величества всемилоостивѣйшихъ указовъ.

А понеже онъ, Татищевъ, иныя обрѣтается въ астраханской губерніи губернаторомъ, которому за вышепоказанными подозрѣніи въ той губерніи губернаторомъ, по разсужденію сенатскому, уже бытъ не можно. Того ради вашему императорскому величеству сенатъ всеподданнѣйше представляеть, не соизволите ли ваше императорское величество указать его, Татищева, изъ той губерніи переимѣнить, а на мѣсто его опредѣлитъ губернатора другаго. А хотя по вышеписаннымъ вашего императорскаго величества всемилоостивѣйшимъ указомъ и повелѣнію посланныхъ за показанныя въ тѣхъ указахъ вины на каторгу и въ ссылки свобода, годныхъ и указомъ непротивныхъ по прежнему опредѣлитъ въ службу и въ дѣламы; но понеже онъ, Татищевъ, не токмо по вышеписанному дѣлу явился во многомъ преступленіи и вяткахъ, но и прежде того по дѣлу жъ, слѣдующемуся о московскихъ денежныхъ компанейщикахъ, явился во вяткѣ съ нихъ вятковъ и въ 1784 г. особливимъ именнымъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ въ томъ прощенъ. Но онъ, Татищевъ, и за тѣмъ, какъ выше сего показано, пакы поступаель противно и бралъ вятки жъ. И для того сенатъ, видя его, Татищева, не воздержна и опасаясь, дабы отъ того въ интересахъ вашего императорскаго величества не послѣдовало впередъ какого упущенія и ущерба, затѣмъ ему, Татищеву, губернаторомъ бытъ не можно; такожъ и впередъ ни къ какимъ дѣламъ его не опредѣлитъ. И о томъ сенатъ у вашего императорскаго величества всеподданнѣйше проситъ всемилоостивѣйшаго указу. Что же онъ, Татищевъ, какъ выше сего показано, на строеніе въ Самарѣ двора и прочаго употребляель казенныя деньги, оныя, буде то строеніе оренбургской губерніи не надобно, такожъ и за золотую и серебряную вятую нмъ посуду достальныя деньги, ежели повинѣ отъ него не заплаченны, и надержанныя на комиссію и вятки нмъ вятки опредѣлено взмскать съ него, Татищева.

29 сентября 1745 г., генералъ прокуроръ князь Никита Трубецкой докладывалъ императрицѣ, что на мѣсто Татищева, по ея повелѣнію, въ Астрахань назначенъ Брылкинъ «са оный, тайный совѣтникъ Татищевъ, напередъ сего просилъ, чтобъ его изъ Астрахани для излеченія болѣзни отпустить, того ради нынѣ оному тайному совѣтнику, по силѣ изъ Астрахани, ѣхать и жить до указа въ деревняхъ его, а въ Санктпетербургъ не ѣздить».

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Письмо Татищева къ Рычкову 1749 года.

Къ стр. 18.

Государь мой Петръ Ивановичъ.

Въ началѣ поздравляю васъ наступающимъ праздникомъ. Ваше при-
сланное описаніе народовъ многое мнѣ удовольствіе принесло, ибо въ
немъ много того, чего до днесь или не знали, или вовсе смитно разу-
мѣли. Однако-жъ какъ оное есть первое сочиненіе, такъ много требуетъ
дальшаго и вѣстнѣйшаго увѣдомленія. Для того я что упамитовалъ, за-
писавъ кратко, вамъ посылаю, либо способъ дастся что либо дополнить
или изъяснить. И если что приобретете, то прошу мнѣ сообщить, вамъ же
сіе годится къ сочиненію оренбургскаго описанія, которое, какъ я вамъ
прежде писалъ, требуетъ многой дополнки.

Я объ ономъ съ бывшимъ у меня недавно съ членомъ Академіи¹⁾ раз-
суждалъ, чтобъ оное напечатать; но онъ, прочитавъ мое напоменіе чер-
ное, сказалъ, что оное описаніе онъ видѣлъ у президента и усмотря, что
многого недостаетъ, а другое въ избытокъ пространно, для того уничто-
жилъ. И для того совѣтую вамъ оную негдѣ передѣлать, а многое старое
останется, къ чему и дополнить многое можете. По которомъ я о напеча-
таніи и награжденіи вашего труда всеконечно надѣюсь вамъ услужить.

Ваша лавдкарта хотя прензрядно сочинена: не взирая на малые не-
достатки и погрѣшности, довольно служить, а со временемъ одно мѣсто,
но другомъ исправлять можно. Мой совѣтъ вамъ, если годится, чтобъ не
дѣлать одну, но раздѣлить на три или четыре и всѣ по одному масштабу
то вамъ легче переправлять и дополнять.

Другое: весьма нужнымъ при оныхъ описаніи, ибо все изобразить въ
картахъ неудобно. Мнѣ видится при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ нѣкто
былъ достаточный географъ, что онъ, не имѣя ученыхъ въ землеописа-
ніи и астрономіи описателей, велѣлъ предѣлы описывать. Въ началѣ до-
роги, тотомъ рѣки ово съ сущюю, ово со сказанною мѣрою, и оная его
географія, или большой чертежъ книгъ пользуетъ не мало. А пожеже Си-
бирь и Ванкирь тогда, яко недовольно свѣдомыя, недостаточно описаны,

¹⁾ Татищевъ, кажется, разумѣетъ здѣсь Григорія Тейлова, который
былъ въ 1749 году въ Москвѣ при президентѣ Академіи Наукъ, графѣ Ки-
риллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ.

того ради я по ландкартамъ взялъ для примѣра р. Обь описать, которой начало вамъ приложилъ, чтобъ геодезисты вашего вѣдомства могли рѣки знатныя описать по оному, яко Яикъ, Вѣлюю, Самару, Тоболъ и другія, кто гдѣ будетъ, а при каждой впадающія, тогда намъ легче карты поправлять и обстоятельную географію сочинить.

При описаніи нѣкто лучше реестра не сочинить, какъ самъ авторъ; хотя нѣсколько видится трудно, но зная то искусство или способъ, не трудно. Для того я вамъ образецъ приложилъ всѣхъ достопамятныхъ именъ или дѣла писать одно подъ другое, показуя главы, статьи, или страницы при каждомъ. И какъ на всю книгу напишешь, тогда разрѣзавъ все, выбрать начинающіяся съ А и раскладъ по порядку, писать на бѣло. И тако одна по другой буквы разберутся. И какъ я такихъ нѣсколько имѣлъ нужду дѣлать, то я имѣю столько ящичковъ, сколько буквъ, чтобъ бумаги по разобраніи не утратились. Я токмо по столу раскладу, а человекъ у меня пишетъ на бѣло, чрезъ что можно скоро безъ труда сдѣлать. Бумаги на оное у меня всѣ односторонныя, поглыста на четыре столбца, какъ я пишѣ на первую часть исторіи сдѣлать слышномъ 7,000 словъ. А что одно имя въ одной главѣ въ разныхъ §§ или въ разныхъ главахъ, то всѣ нумеры при ономъ положены, иначе было бы пространство болѣе нежели вдвое или втрое, понеже нѣкоторое имя разъ пять или шесть упоминаемо съ разными обстоятельствами. И сіе можетъ вамъ годится.

С. Водино
Дек. 1749.

За тѣмъ желаю вамъ здравія и пребываю
вамъ, моему государю,
охотнымъ слугою

В. Татищевъ.

Напомненіи на присланныхъ описаніи народовъ, что въ описаніи географическомъ наблюдать нужно.

1. Имя чтобъ положено было точно по изреченію тому, какого оное языка, или какъ тотъ народъ самъ именуется, не премѣняя кончаніе; яко вмѣсто Оралъ—Оралъцъ, Ташкентъ, Ташкентцы и пр. ибо изъ того иногда смятеніе происходитъ, какъ преславный географъ Мартиніе приимѣтилъ.

2. Понеже многимъ народамъ, областямъ или знатнымъ урочищамъ отъ постороннихъ разныхъ народовъ разныя и самыя именованными невѣдомныя имена даются, яко Россіи древнее и правильное званіе Русь, у грекъ—Россосъ и Славаносъ; у полякъ—Москва и московиты; у финновъ—Венеенма; у эстовъ—Улима; у литвы—Креветаки; у шведовъ—Барнія и Гордорики; у датчанъ—Остергардъ и Остерунгъ; у европейскихъ—Рутени, Руци, Рутики, у татаръ—Урусъ и пр. Онны, сколько невѣстно, всѣ, а притомъ, настоящаго наименованія, и другихъ знаменованія положить, напр. Казань татар. котель, Орь—ухо, Саратовъ татар. Саратау, то есть желтая гора.

3. Различать обстоятельства: область, предѣлъ, градъ и пр. Область

значить цѣлое владѣніе, яко Русь, Польша, Германія и пр. Предѣлы: Великая Русь, Литва, Саксонія, и всѣ, яко губерніи и провинціи съ уѣздами, заключаются въ единой области.

Грады хотя болѣею частію съ ихъ присуды едино имя имѣютъ, и особливо невѣдущіе пользы исторіи и географіи, оставя древніа предѣловъ званія, отъ градовъ новопостроенныхъ именууютъ.

Народъ есть особое отъ оныхъ, ибо хотя видимъ болѣею частію въ древности отъ государей или вождей проиановались. Другіе, оставя свое жилище, въ другіиъ перешедъ, имя тѣхъ обладанныхъ приали. А многіе отъ рѣкъ или горъ, при которыхъ обитаютъ, имя получили. Однакожь народъ есть весьма особое отъ области, предѣла и града, хотя нѣкогда и оные приемлютъ, но бываетъ въ одномъ предѣлѣ или градѣ разныя народы, наприимѣръ Мещора пред. древніе жители Мордвы, или по ихъ Мори, потомъ русскими обладаны и населены. Напоследокъ нѣколько 1000 нагайцевъ поселено, что во многіихъ находится, яко въ Астрахани числится четырнадцать народовъ.

4. Въ землеописаніи или географіи главныя два обстоятельства, яко: собственно географія и гидрографія. Первая описуетъ земли, вторая воды со всѣми принадлежностями. Однако онѣ такъ связаны, какъ земля и вода единъ шаръ составляютъ; такъ, описуя одно, не можно другаго не коснуться, а особливо воды на(и)болѣе границами положеній, и всѣ жилища великія и малыя строятся при водахъ, яко: моряхъ, заливахъ, озерахъ и рѣкахъ, а нѣкоторыя на островахъ и кругомъ обняты. А для сочиненія обстоятельствъ и правильныхъ ландкартъ нужно рѣки такъ описать, чтобъ ихъ истоки и устье, по малой мѣрѣ тѣхъ, которыя для жилищъ положить нужно, а притомъ и долготу теченія объявить.

6¹). Качества географіи иногда кратки, иногда пространны со всѣми принадлежащими обстоятельствами, яко астрономическое, физическое, политическое и историческое. Въ астрономическомъ нужно по вѣрнымъ наблюденіямъ, а въ недостаткѣ того по вычетомъ разстояній, градусы широты и долготы объявить.

Въ физическомъ состояніи воздуха и земли, отъ которыхъ происходятъ всѣ довольства, обиліе и недостатки, какъ отъ подземныхъ, такъ и верхнихъ плодовъ; въ подземныхъ не токмо руды крушцовъ, но камни и земли во что либо полезныя. А потому богатства и убожества оныхъ познаваются, хотя иногда прилежность и гѣдность не менѣею причиною биваютъ; но сіе до политическаго принадлежить.

Политическое описаніе представляетъ порядокъ правительства гражданскаго, духовнаго и пр. Потому народы, ихъ нравы, руководенія и промыслы, сила военная, селенія и укрѣпленія.

Строенія, по качеству, званіями раздѣляются: 1. грады; 2. городки или остроги; 3. крѣпости; 4. слободы; 5. монастыри; 6. села; 7. пу-

¹) Въ подлинникѣ 5-го пункта нѣтъ.

стни; 8. деревни. Сии всё обстоятельствами разнятся. Градъ ииѣтъ присудъ; городки и остроги, малыя укрѣпленія безъ присуда; ииѣности для защиты границъ съ присудами или безъ присуда, но гарнизонъ содержать. Слободы собственно тѣ, гдѣ купечество живутъ, магистрату градскому подсудно, хотя при томъ и поселенство.

Историческое: описанія отъ начала всё крѣпѣн и приключенія, строгости или наставленія, касающіяся точно описаннаго.

7. Слѣзъ хорядкомъ если предпріемлю градъ описать, то нужно его имя со знаменованіемъ изъяснить. 2¹). Если извѣстно по наблюденіямъ или по численію широту и долготу градусовъ. 8. Въ какой области или предѣлѣ. 4. При какой водѣ и съ которую сторону разумѣя видѣзъ по теченію. 5. Отстояніе другихъ знатныхъ мѣстъ. 6. Ииѣтъ ли присудъ и какъ далеко границы и съ кѣмъ по порядку положеній, началъ отъ Сѣвера, на Востокъ, Югъ и Западъ. 7. Какое правительство. 8. Число обывателей сколько извѣстно. 9. Онаго привольства и недостатка. 10. Промислы и руководія. 11. Укрѣпленіе и безопасность природная и хитростная. 12. Приключенія онаго; кѣмъ, когда построены и потомъ что претерпѣли или знатное учинили. Если присудъ ииѣтъ, то и въ онамъ знатное не претерпѣть, наприкладъ: торжища, негдѣ токмо седмичныя, въ другихъ годовныя, въ иныхъ обом; онныхъ время, когда бывають, колѣно продолжаются, откуда купцы пріѣзжаютъ, какіе товары знатнѣйшіе, какія способности, пользы и вредности пріѣзжающимъ и пр.

8. Воды, моря, заливы, озера, рѣки судоходныя или малыя рѣчки и ручьи, при которыхъ знатныя жилища или въ исторіи упоминаемыя родники или ключи отнѣжныя, жео горячіе и студенныя, лекарственныя и вредныя, нефтяныя, сѣрные, купоросныя, квасцовныя и пр. Особливо роды животныя и другихъ дивностей, въ нихъ находящихся.

9. Сіе хотя весьма все нужно, но рассудя тѣ обстоятельства и народовъ состояніе, съ которыми вы вашъ трудъ ииѣете, что оные никакого въ томъ знанія и ума просвѣщенія науками нуждены не ииѣють, а баснословіемъ и самохвальствомъ преноснолены, то не токмо трудно у нихъ о всемъ дознаться, но и получа извѣстіе не меньше труда истину познать, которымъ многіе описыватели сихъ страхъ вѣроятностію обмануся, многія басни внесли. Однакожь нельзя и всему не вѣрять. Для того надобно токмо, порядкомъ всякаго урочища наматая, не одного, но разныхъ спрашивать, и потомъ изъ онныхъ вѣроятнѣйшее внести, чрезъ что хотя не вскорѣ, но лучшее познаніе о нихъ пріобрѣтемъ.

Сколько же я неяснаго, или недостаточнаго и сумнительнаго нахожу, то вамъ для памяти и разсмотрѣнія здѣ напоминаю:

1. Что ахунъ сказуетъ о горахъ имайскихъ, рѣкѣ Таръ и проч. оно видимо взято отъ европейскихъ писателей, которое мало доказательства ииѣтъ.

¹) Перваго пунктѣ въ текстѣ нѣтъ.

2. О Татарь-Ханѣ и Туркѣ, правнукахъ Афетовыхъ, присвоеніи Руси и Германіи въ татарамъ виннено по принятіи магометанскаго закона и есть сущая басня, что наиболѣе Афета обитаніе при Волгѣ и Яикѣ обличаетъ, но сіе остается токмо въ ихъ сказаніи, ибо нѣкогда и басни случаются къ знанію нужды.

3. Алатай горы, мнѣ, тѣже, что спонскія и зюнгоры именуется Алтай и Алгитау, т. е. шестимѣсячныя, что Плиній и Птоломей уже слышали, якобы за оными народъ шесть мѣсяць спятъ. Сія горы, отдѣляясь отъ Урала, къ Востоку Сибирь отъ Юга ограничили. И тѣмъ сіе наче утверждается, что оныя киргизы при границѣ Сибири между рѣкъ Иртыша и Оби купно съ каракалми находятся. А по описанію вашему якобы не далеко отъ Ташкента, слѣдственно или нинѣ, или неправильно сказано.

4. Алтынскій предѣлъ, или область, и другіе многіе по описаніямъ Кыримова всѣ недостаточны, а наче другіимъ географамъ неизвѣстны. Оныя надобно разсмотрѣть, съ какихъ извѣстій онѣ взяты, и знаютъ ли бухары, торгующіе съ Индією или въ тѣ страны? Оныя могутъ обстоятельнѣе сказать.

5. Аральское море еще недостаточно описано, а знаніе его весьма нужно, особливо какъ изъ Каспійскаго, такъ изъ онаго видныхъ протоковъ нѣтъ, однакожъ въ описаніи Соймонова Каспійскаго моря на восточной сторонѣ въ заливъ Карабугасъ сильное теченіе, великое и непрестанное, слѣдственно оное невѣда какъ въ Сѣверное или Восточное подъ землею. Потому потребно навѣдываться о Аральскомъ, не нѣтъ-ли гдѣ такого знака на западной сторонѣ или между островами. О солености воды и рыбахъ хотя въ описаніи Оренбурга упомянуто, но есть ли карим, бѣлуги, лососи, которые кромѣ моря не водятся, того не написано. Рѣки, въ оное текущія Аму, Сыръ, Кузакань, нужно внятнѣе начало и долготу теченій со впадающими описать.

6. Бухарь градъ описать, но недостаточно, ибо воды при ономъ не упомянуто. Бухаринъ же большую и меньшую потребно каждую особно описать.

7. Караколъ народъ, мнѣ, тотъ народъ, который по рѣкѣ сего имени, текущей слѣва въ рѣку Катунъ при границѣ Кузнецкой за горами Алтай. Вблизи оныхъ и вышеупомянутые киргизы обитаютъ.

8. Кыпчаки. Въ исторіи о Чингизѣ, которую мнѣ въ Сибири съ татарскаго перевели, написано шесть знатныхъ родовъ. Между оными Кайтаи, Кыпчаки, Табынцы, Аліи знатнѣйшіе положены и они почти во всѣхъ областяхъ по малой мѣрѣ въ Крымѣ, Нагайкахъ астраханскихъ, у кайсаковъ и башкиръ знатны.

Имя же Кыпчаки мнѣ переводчикъ якобы съ сегодѣйскаго перевелъ конюхъ, или коней насуній, которое въ описаніи положенному несогласно, а потребно внятнѣе изъяснить.

9. Мещеряки имя получили отъ предъ Мещоры; но оба (?) татарскіе, и что значить неизвѣстно. Они рода нагайскихъ татаръ, поселенныхъ

царемъ Иоанномъ II-мъ въ Месюрѣ, а пототъ при Годуновѣ во время бунта башкиръ переведено 500 и называни служивые. Видно, что они сначала жалованье получали. Тептери же пахотимые крестьяне, бобуль или немущи и у насъ въ книгахъ писцовыхъ упоминаемы, по калмыцки называются байгушъ.

IV. Мещоране частію въ Тамбовской, частію въ Елецкой провинціи, грады Темниковъ, Кадомъ, Елатма и Касимовъ.

10. Татары нинѣ въ губерніи московской почти нѣтъ. Въ Москвѣ была особая слобода. Въ Романовѣ поселенъ былъ изъ Месчоры ввукъ князя Юсупа нагайскаго, котораго помощію Астрахань взята. И Романовымъ до днесь князь Юсуповъ владѣеть, токмо въ обонхъ магометанъ почти нѣтъ.

11. Въ Ташкентской области 7 городовъ, а въ описаніи токмо 6. Знатно одинъ писцомъ пророненъ. Сверхъ сего въ описаніи Оренбурга о Ташкентѣ и Туркестандѣ пространнѣе, по съ симъ нѣчто разное положено.

12. Трухмени—историкъ русскій, описуя нашествія Тоскусъ и Акеодай хановъ, синовыхъ Чингизовыхъ, раздѣляетъ татаръ на 4 рода: монгулы, торки, т. е. турки, татара и трухмени.

Трухмени обитаютъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря отъ предѣла персидскаго Астрабатъ до рѣки Куми; преходно между онимъ Огурчинскіе острова владѣютъ. Въ 1744 году прислали пословъ въ Астрахань, прося, чтобъ ихъ принять въ подданство и для торгу постронть у нихъ въ Тякъ Барагаѣ или Мангишлакѣ крѣпость, обѣщевая къ тому помощь чинить. Токмо я, отправя ихъ къ высочайшему двору, самъ отлучился, и что съ ними учинено не знаю.

13. Чегогаи другіе именуютъ Чегоды, у европейцовъ Загатаи, область или королевство. Абулфеда, владѣтель сирійскій, въ географіи его именуеть Масалкнагаръ (?) или Загатаи, въ которомъ главный градъ Самарканда, и кромѣ онаго въ области той 47 гр. съ показаніемъ градусовъ широты и долготы положилъ, но притомъ все пространство оной области весьма не велико, ибо сказуеть 20 пара сангъ длина и 10 широта или русскихъ 60 длина и 30 поперегъ.

Астраханскіе и бухары ученые сказываютъ, яко бы чегодайскій языкъ есть старѣйшій и полвѣйшій во всѣхъ татарскихъ языкахъ, а прочіе всѣ болгарскимъ испорчены, и онаго всѣ прилежать научить.

Прочіе недостатки или погрѣшенія въ именахъ по вышеописанному легко усмотрѣть можете.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

О картах оренбургской губернии 1752 года.

Къ стр. 63, 64.,

Рукописное собраніе картъ оренбургской губерніи съ текстомъ первой части «Оренбургской Топографіи» Рычкова озаглавлено такъ: «Ландъкарты или чертежи географическія на которыхъ представляется оренбургская губернія съ сѣжными къ ней мѣстами. Сочинены въ оренбургѣ по определенію оренбургской губернской канцеляріи декабря дня 1752 года при оренбургскихъ географическихъ дѣлахъ изъ разныхъ прежнихъ и новыхъ описаней чрезъ геодезіи прапорщика Красильникова с товарищій. Для лучшаго жъ оныхъ ландкартъ изъясненія приобщено к нимъ краткое особое историческое описаніе подъ именемъ Топографіи Оренбургской губерніи впредь для вѣдома и дополненію жъ и поправленію отъ искуснѣйшихъ еже все собрано въ оренбургѣ изъ разныхъ описаней русскихъ и иностранныхъ и по извѣстностямъ въ губернской канцеляріи имѣющимся 1755»¹⁾).

О главномъ составителѣ этихъ картъ прапорщикѣ Красильниковѣ изъ переписки Рычкова съ Миллеромъ видно только, что онъ занимался и послѣ составленіемъ картъ оренбургскаго края и въ 1758 году былъ подпоручикомъ геодезіи. Его не должно смѣшивать съ Андреемъ Дмитриевичемъ Красильниковымъ, бывшимъ также сначала прапорщикомъ, и съ 1749 г. поручикомъ геодезіи, а въ 1753 года адъюнктомъ нашей Академіи, извѣстнымъ многочисленными и весьма вѣрными для своего времени астрономическими наблюденіями.

Слѣдующія подробности о каждой изъ означенныхъ картъ въ отдельности доставлены академикомъ Д. М. Перевощиковымъ:

I. «Карта генеральная оренбургской губерніи и смежныхъ къ ней мѣстъ, изъ которыхъ простирающееся въ Полуденную Азію по обстоятельствамъ о коммерціи оной губерніи нарочно до самаго Индостана показано». По масштабу 105 верстъ въ градусѣ. Карта замѣчательна тѣмъ, что географическія долготы считаются отъ меридіана, проходящаго чрезъ

¹⁾ Въ заглавіи здѣсь сохранено правописаніе подлинника.

Ставрополь и на полградуса въ Западу отъ Астрахани. На ней изображены: 1) Ставропольское управленіе. 2) Провинціи: уфимская и исетская. 3) Стѣна качующихъ киргизъ-кайсаковъ, меньшей и средней орды. 4) Каспійское и Аральское моря со слѣдомъ рѣки, втекающей изъ второго въ первое. 5) Рѣки Сирь-Дарыя и Аму-Дарыя. 6) Форти по рѣкамъ Самарѣ и Яику, и 7) означены мѣста владѣній хивинскихъ и бухарскихъ.

Въ исетской провинціи показаны городъ Челябинскъ и линія фортовъ по рѣкѣ Ую между ея устьемъ въ Тоболъ и Яикомъ.

Самара: широта 53° ($53^{\circ} 11'$), долгота $0^{\circ} 30'$ ($67^{\circ} 45'$).

Уфа: широта $54^{\circ} 40'$ ($54^{\circ} 43'$), долгота $5^{\circ} 30'$ ($73^{\circ} 36'$).

Оренбургъ: широта $52^{\circ} 0'$ ($51^{\circ} 45'$), долгота 6° ($72^{\circ} 46'$).

Очеркъ Каспійскаго и Аральскаго морей весьма не сходенъ съ ихъ изображеніями на картѣ оренбургскаго края 1851 года.

Астрахань: широта $46^{\circ} 30'$ ($46^{\circ} 21'$), долгота $0^{\circ} 30'$ ($65^{\circ} 42'$)

Баку: широта $41^{\circ} 22'$ ($40^{\circ} 22'$).

Дербентъ: широта $42^{\circ} 30'$ ($42^{\circ} 4'$).

Судя по времени издавія карты (1752 г.), географическія широты показаны довольно удовлетворительно.

II. «Карта ставропольскаго вѣдомства, въ которомъ крещеніе казачки между Закамской линіи и рѣки Черемшана съ жительствомъ и воеводами расположено».

Границы: съ Запада — Волга; съ Юга — Волга и Сока; съ Сѣверо-Запада и Сѣвера — Черемшанъ; съ Востока и Юго-Востока редуты и, кажется, ровъ. Масштабъ: 10 верстъ въ $\frac{1}{2}^{\circ}$. Средина «вѣдомства» почти вся пустая и населенія находятся по его границамъ.

Ставрополь: широта $53^{\circ} 32'$ ($53^{\circ} 28'$), лежатъ при рукавѣ Волги.

III. «Карта, представляющая отъ Оренбурга большую московскую дорогу до Кичуйскаго фельдшанца и всю Закамскую линію и отъ онаго жъ внизъ по рѣкѣ Яику до Яицкаго казачья городка, а по Самарѣ до г. Самары новопостроенныя крѣпости и съ ставропольскимъ вѣдомствомъ и смежными къ тому мѣстами». Масштабъ 30 верстъ въ $\frac{1}{2}^{\circ}$. Замѣчательна подробнѣе изображеніемъ рѣкъ: Иргица, Самары съ редутами по ней, Сока, Бинели, Яика, Самары и пр.

IV. «Карта генеральная уфимской провинціи и Башкиріи, съ показаніемъ смежныхъ съ ней мѣстъ». Масштабъ тотъ же. Замѣчательна по обстоятельству изображенія рѣкъ: Вѣлой, Дѣны и многихъ другихъ.

V. «Карта уфимской провинціи казанской и осинской дорогъ съ смежными мѣстами». Та же самая карта, что и предидущая, съ болѣе-шими топографическими подробностями.

VI. «Карта уфимской провинціи сибирскія дороги и смежныхъ той дорогѣ мѣстъ». Распространеніе предидущей карты въ Востоку.

VII. «Карта уфимской провинціи кагалтской дороги и смежныхъ той

дорогі мѣстъ». Распространеніе той же карты въ Югу. И такъ уфимская провинція изображена на четырехъ картахъ.

VIII. «Карта исецкой провинціи съ зауральскою Башкирією, съ частию екатеринбургской вѣдомству сибирской губерніи и уфимской провинціи принадлежащихъ мѣстъ». Она замѣчательна подробнымъ изображеніемъ теченія рѣкъ: Исеть, Теча, Міасъ и пр. и множествомъ озеръ. Означены города: Челябинскъ, Шадринскъ, Далматовъ. Тутъ же изображена рѣка Тоболъ, протекающая по ялutorовскому уѣзду.

IX. «Карта Верхояницкой, Сакмарской, Орской и Уйской дистанцій съ показаніемъ на тѣхъ дистанціяхъ имѣющихся крѣпостей, редутовъ и другихъ селеній съ смежными къ ней мѣстами». Замѣчательныя рѣки: Сакмара и Яикъ съ фортами.

X. «Карта нижней яицкой дистанціи до Гурьева городка и до Каспійскаго моря и кочевыхъ мѣстъ киргизъ-кайсацкой меньшей орды съ частию Аральскаго моря». Яикъ съ фортами, и рукавъ Волги при ея устьѣ весьма любопытны, но не сходны съ картою 1851 года.

XI. «Карта пріобитенная, на которой наибольшая часть Каспійскаго и Аральскаго морей съ смежными къ нимъ мѣстами представлены». Ничтъ не замѣчательна.

XII. Карта безъ заглавія, на которой изображены всѣ три киргизскія орды, не замѣчательна и походитъ болѣе на брульонъ, чѣмъ на карту отдѣланную. Здѣсь между прочимъ отмѣчена «Развалина стараго города Джикента», о которомъ, какъ о новооткрытомъ толковали нѣкоторое время въ газетахъ въ началѣ нынѣшняго 1867 года.

Въ заключеніе слѣдуетъ напомнить, что Татищевъ давалъ Ричкову наставленія, какъ должны составлять геодезисты карты оренбургской губерніи, о чемъ см. выше на стр. 161 и 163.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

О причинахъ удаленія изъ Россіи калмыковъ.

Къ стр. 125, 126.

Въ мартѣ 1767 года сенатъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о мѣрахъ для размежеванія земель калмыцкихъ отъ тѣхъ, на которыхъ жили русскіе переселенцы, объясняетъ: « Коллегія иностранныхъ дѣлъ поданнымъ въ сенатъ домошеніемъ изясняетъ, какимъ образомъ вступили въ ту коллегію отъ намѣстника ханства калмыцкаго Убаши и отъ астраханскаго губернатора, генераль-маіора Бекетова, также и отъ находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго представленія, что тѣ мѣста, гдѣ напредъ сего калмыки кочевали, заняты селеніями и въ близости оныхъ калмыкъ кочевать не допускають, и происходятъ съ обѣихъ сторонъ непрестанныя ссоры, грабежи и драки; захватываютъ другъ у друга людей и скоть, а иногда дѣлается смертное убійство и въ скотѣ великая утрата. И потому намѣстникъ ханства домогается, чтобъ то селеніе уничтожено было. А подполковникъ Кишенскій представляетъ, не соизволено-ль будетъ всѣ тѣ заселенныя мѣста освидѣтельствовать и оволо оныхъ, по пропорціи жителей, отмежевать при посланныхъ отъ намѣстника ханства людяхъ, дабы калмыки, будучи свѣдомы о точныхъ границахъ тѣхъ жительствовъ, впредъ кочевьемъ во оныя не входили; а и русскія калмыкамъ подъ видомъ ихъ дачъ за поправу сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій тавъ, какъ нынѣ, притѣсненій дѣлать не могли. Съ которымъ подполковника Кишенскаго разсужденіемъ и астраханскій губернаторъ согласенъ... Сенатъ полагаетъ, что для снятія на карту всѣхъ земель, о которыхъ рѣчь шла въ докладѣ, необходимо отправить офицеровъ изъ инженернаго корпуса; но когда спросили о томъ гр. Григорія Орлова, бывшаго тогда фельдцейгместеромъ, то онъ отозвался, что у него недостатокъ въ инженерныхъ офицерахъ. За такимъ отавомъ, размежеваніе не было еще осуществлено и въ концѣ 1769 года что видно изъ слѣдующаго документа.

Ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ.

Разсмотрѣвъ мы, нижеподписавшіеся, происшедшія отъ намѣстника ханства калмыцкаго жалобы, о случившемся, по предъявленію его, утѣшеніи калмыцкому народу въ нужномъ и необходимомъ, по образу жизни сего народа, переходеніи съ одного мѣста на другое отъ заведенныхъ по луговой сторонѣ Волги изъ иностранцевъ селеній, а равнымъ образомъ разобравъ и представленія находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго, которыми онъ дополнилъ, что такое утѣшеніе хотя и дѣйствительно настоятъ, но не больше отъ селеній, изъ иностранцевъ учрежденныхъ, какъ и отъ всѣхъ другихъ, по луговой же сторонѣ недавно начавшихся изъ разнаго званія людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги хотя и старыми, но многихъ мѣстъ на луговой сторонѣ лежащихъ, которыми они напредъ сего отнюдь не пользовались; а наконецъ сдѣлавъ и соображеніе съ сими жалобами и представленіями полученнымъ извѣстіямъ чрезъ канцелярію опекуства иностранныхъ и подполковника Кишенскаго о всѣхъ разныхъ селеніяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя изъ иностранцевъ учреждены, и о занятыхъ ими мѣстахъ, призываемъ: съ одной стороны, что калмыки свои причины имѣютъ жалобы приносить, но съ другой и способны къ поправленію того нетрудные находимъ.

Калмыки, пришедъ въ 1680 году на Волгу, чаятельно сперва почтася были буде не за непріятелей, по меньшей мѣрѣ произвели нужду бытъ отъ нихъ въ осторожности. Потому же, когда они по привольству волгскихъ мѣстъ навсегда на онихъ остались, то хотя въ 1678, 1677 и 1684 году и взяты отъ нихъ называемыя по тогдашнему времени записки о бытіи ихъ въ здѣшнемъ подданствѣ и о спокойномъ обращеніи, но точныхъ мѣстъ для ихъ пребыванія назначивано не было, можетъ бытъ для того, что ни они о томъ не заботились по пространству волгскихъ, по большей части тогда въ пустѣ лежавшихъ, ни со здѣшной стороны. Слѣдовательно такіе для нихъ отводы дѣлать ни малѣйшаго случая и повода не представлялось.

Продолженіемъ времени, и что дагѣе, то болѣе, приучаясь калмыки къ послушанію и къ разумнѣйшій должностей подданства, толь меньше напротивъ того въ сомнѣніи приходитъ могли и отъ новыхъ поселеній, въ близости ихъ пребыванія напредъ сего заводимыхъ, когда всегда еще и при томъ для нихъ довольно мѣстъ оставалось.

Они, восходя до Самары, хотя и давно уже ниже сего города, на луговой сторонѣ Волги лежащаго, разныя селенія находятся, ни сами въ томъ тѣсноты однакоже не чувствовали, ни тамошнимъ жителямъ безпокойства не причиняли, да и нивѣ взаимныхъ жалобъ не слышно, хотя также калмыки иногда и до тамошнихъ мѣстъ доходятъ.

Занятые и нивѣ подъ иностранцевъ выше и ниже Саратова на луговой сторонѣ мѣста не долженствовали ихъ тревожить, состоя не въ

такомъ пространствѣ, чтобъ дѣйствительное отъ нихъ утѣсненіе произошло, но дѣло состоитъ въ томъ, что они отъ сихъ селеній, какъ на послѣдніи начавшихся, взяли только причину къ своимъ представленіямъ, а прямое существо ихъ жалобъ составляютъ по большей части, какъ и подполковникъ Кишенскій доноситъ, захваченныя горнаго берега жителями многія мѣста на луговой сторонѣ по неизвѣстному вовсе или сомнительному праву, и разныя, вновь же начавшіяся и на сей самой сторонѣ, сверхъ состоящихъ иностранцевъ, селенія безъ всякаго однакожь имъ отводу, колікою мѣрою земли они владѣть должны, почему въ ихъ произволеніи и остается на всѣ тѣ мѣста калмыкъ не допускать, гдѣ они ихъ видѣть не хотятъ, и гдѣ они однакожь напредъ сего располагались.

Въ такихъ обстоятельствахъ находятся всѣ жители горнаго берега, начиная отъ самарскаго уѣзда до самаго города Царицына, которые противъ всякаго своего жилища на луговой сторонѣ въ займищахъ или лугахъ завели отчасти хлѣбопашество, а больше сѣнные покосы; а притомъ и дубовскаго волгскаго войска казаки, которымъ данною изъ военной коллегии въ 1734 году на ихъ мѣста привилегією не токмо на луговой сторонѣ сѣнныхъ покосовъ имѣть запрещено было, но ни для чего къ притѣсненію калмыкъ на оную перѣѣзжать не велѣно, какъ сами тамъ захватили, такъ и стоящему въ Царицынѣ астраханскому драгунскому полку не мало сѣнныхъ покосовъ отвели по полученному недавно отъ военной коллегии разрѣшенію, и дабы калмыки къ онымъ не приближались, по всѣмъ займищамъ поставили грани; хотя напредъ сего въ близость на Царицынской линіи не одного, но и многихъ полковъ, они безъ луговой стороны обходились.

Заведенныя же вновь на луговой сторонѣ селенія состоятъ изъ раскольниковъ, малороссіянъ, не помнящихъ родства, приписныхъ къ актубинскому шелковому заводу, также и къ дворцовымъ волостямъ, и изъ оныхъ послѣднія поселяются по большей части по рѣкѣ Иртызу, по которой калмыки всегда располагались.

Калмыцкому народу сколько нужна для зимы простирающаяся отъ горнаго берега Воаги степь, находя они для себя и для скота своего защиту и убѣжище отъ стужи, нѣкоторые при Каспійскомъ морѣ въ камышахъ, а множайшіе при Кумѣ рѣкѣ въ тамошнихъ гѣсахъ и закрытыхъ мѣстахъ, столько необходима уже и луговая для мѣста, чтобъ пова они на сей сторонѣ остаются, на горной въ то время выростающая трава для будущей зимы сохранена быть могла.

Статся можетъ, что калмыки, дѣлая нинѣ переходы свои съ одного мѣста на другое, нѣсколько смятно, не обжидая одинъ улусъ другаго и располагаясь также непорядочно, хотя стараніе и прилагается ввести у нихъ и въ томъ установленіе, да и впредъ продолжаемо быть имѣеть, тѣмъ самымъ меньше и сберегаютъ скотопажитныя мѣста, нежели сколько хранить ихъ должны были бѣ, а вытравливаютъ и вытаптываютъ больше,

нежели уже по необходимости нужды требовалось бы. Совсѣмъ тѣмъ, какъ приобученіе ихъ къ бережливости въ семь случаевъ и къ разборчивости зависитъ еще отъ продолженія времени, а и тогда однакожь они, по множеству скота своего, въ чемъ ихъ главнѣйшее имущество состоитъ, безъ довольныхъ, скотонажитныхъ и водою привольныхъ мѣстъ обойтись не могутъ, для чего и что свѣжихъ водъ внутри стени по луговой сторонѣ, сколько извѣстно, или очень мало, или почти нѣтъ, слѣдовательно долженъ быть тамъ недостатокъ и въ травѣ, выгорая оная скоро отъ жару какъ натурально малую влагу испаряющая, они и держатся при Волгѣ и при падающихъ въ оную рѣчкахъ,—то и нужно, видится, такіа распоразженія принять, чтобъ они дѣйствительно оскуднѣнія не имѣли ни въ водѣ, ни въ скотскихъ кормахъ, и въ томъ во всемъ единожды навсегда съ тамошними жителями, къ взаимному ихъ успокоенію, разведены были.

Что касается до заведенныхъ изъ иностранцевъ селеній при рѣчкахъ Караманакъ и Тарманакъ, то оставляя ихъ тутъ для того, что, какъ и выше донесено, ониа калмыкъ въ ихъ распоразженіяхъ не утѣшаютъ, да и переведеніе ихъ на всякое другое мѣсто не можетъ быть безъ убита и сверхъ того беспокойства и изнуренія людей, разсуждается только отвезти подъ нихъ землю по берегу Волги хотя и всю, отъ рѣки Еруслана до рѣки Иргиза простирающуюся, дабы съ обѣ стороны ихъ дачи живня межю имѣли; но въ ширину напротивъ того назначить столько, чтобъ однако же верхинныя нѣкоторыхъ рѣчекъ, чрезъ сіи мѣста протекающихъ, хотя на небольшое разстояніе остались за невою, имѣя калмыки въ тамошней водѣ нужду во время ихъ перехода съ рѣки Еруслана на рѣку Иргизъ, а притомъ дабы они свободно проѣзжать могли между селеній къ городу Саратову для продажи скота своего и покупки разныхъ вещей, и для того жъ и къ селу Малыковѣ, то для города Саратова назначить прогоны отъ того и другаго поселенія, оставляя въ срединѣ Покровскую малороссійскую слободу и отводя къ оной потребное количество земли, каждый прогонъ шириною по нѣскольку верстъ, а для села Малыковки при рѣкѣ, называемой Вертубѣ, на одну версту, а затѣмъ все мѣсто отъ рѣки Вертуби до рѣки Иргиза и по ней на пятьдесятъ верстъ, считая отъ волгскаго берега, занято быть можетъ для иностранныхъ же поселенцевъ.

Вокругъ сихъ дачъ имѣютъ быть отъ находящейся въ Саратовѣ конторы опекунства сдѣланы грани, чтобъ калмыки за оныя ни подъ какии видомъ не входили и не располагались, и скота своего не мускали, а впрочемъ ни тѣмъ, ни другимъ взаимно обходиться и вещи свои продавать запрещенія не дѣлать, чтобъ калмыки, перенимая отъ поселенцевъ иностранныхъ разныя руководія, по мѣрѣ того и суровости своей, будучи еще по большей части всѣ изъ нихъ подлеме оной наполнены, убавить могли, а и поселенцы привычку дѣлали смотрѣть на нихъ безъ страха и противности. Пока жъ до того дойдетъ, то дабы ничего не оставить безъ употребленія къ ихъ взаимному разведенію служащаго и къ охраненію

поселенцевъ, могутъ въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ селеніяхъ отъ стороны находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ командира и нарочные содержаніи быть изъ офицеровъ или другихъ людей, а притомъ и каждому калмыцкому владѣльцу, селенія проходящему, отъ него жъ подтверждаемо будетъ за своимъ улусомъ смотрѣть, чтобъ ни отъ кого обидъ не произошло, опредѣляя, буде за нужно усмотрится, и нарочныхъ отъ каждаго улуса, пока который въ близости отъ поселеній будетъ, для надзиранія и ознанія калмыкъ, 'безпокойство иногда причиняющихъ.

Но какъ всѣ такіа распоряженія, касаясь единственно до иностранныхъ поселенцевъ и калмыкъ, предоставляютъ нужду въ разсмотрѣніи, но колику калмыцкій народъ дѣйствительно утѣшеннымъ находится отъ заведенныхъ уже, и распространяющихся и еще и вновь заводимыхъ селеній изъ разнаго званія, кромѣ иностранцевъ, людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги многихъ мѣстъ луговой стороны, или калмыки, привыкнувъ токмо на всю обширность, прежде впустъ лежавшую, смотрѣть, мечтаютъ безъ основанія быть въ утѣшеніи, то остается нынѣ же и сіе послѣднее изслѣдованіе предпріять.

Оно наилучше кажется исполнено быть можетъ, когда всѣ крѣпости жителей горнаго берега, которые нынѣ луговою стороною пользуются, а притомъ основанія и намѣренія, для какихъ и новыя на луговой сторонѣ жилища кромѣ состоящихъ изъ иностранцевъ заведены и умножаются, также и сколько которому въ дачу земли назначено и необходимо необходимо, въ точное разсужденіе приняты будутъ, и потому которыя изъ нихъ крѣпости на мѣстахъ ими владѣемыхъ имѣютъ, то по крѣпостямъ; а у которыхъ нѣтъ, то по настоящей нуждѣ, соображая притомъ съ другой стороны и необходимую нужду въ тамошнихъ мѣстахъ и для калмыцкаго народа, сколько дѣйствительно такая настоять будетъ, извѣстная мѣра земли для всякаго жилища отведется, и такимъ образомъ точная дача къ однимъ мѣстамъ назначится и обмежуетъ, дабы прочія затѣмъ пажити и воды калмыцкому народу въ употребленіе назначены были, кромѣ рыбныхъ ловель состоящихъ на оброкѣ, и тѣмъ оной въ своихъ жалобахъ успокоился и зналъ впередъ о своихъ мѣстахъ; но уничтоженіе и переведеніе какихъ либо начавшихся уже селеній имѣетъ быть совсѣмъ тѣмъ, въ разсужденіи неминуемаго затруднительства, слѣдствіемъ крайней только необходимости, предоставляемой здѣшнему разсмотрѣнію.

Въ высочайшемъ вашего императорскаго величества соизволеніи состоитъ препорученіе сего не безважнаго и скорого исполненія требующаго дѣла астраханскому ли губернатору, находясь всѣ вновь заведенныя жилища въ порученной ему губерніи и калмыцкій народъ въ точномъ его вѣдомствѣ, или всемілостивѣйше угодно будетъ и нарочную для того персону назначить и отправить повелѣть; но кто бы къ тому употребленъ ни былъ, надобно будетъ къ нему опредѣлить и двухъ, или трехъ человекъ межевщиковъ для отводу дачъ и снятія на планы, которые послѣ сего перваго дѣла могутъ потомъ положить на карту и все-

пространство земли, лежащее между рѣкъ Волги и Яика, начиная от Самары и до Каспійскаго моря съ означеніемъ всѣхъ рѣчекъ и озеръ и другихъ привольныхъ и пріятныхъ мѣстъ и безводныхъ степей, каковой по нынѣ снято не было, а безъ оной въ самую подлинность и неизвѣстно, сколько дѣйствительно тамошнія мѣста неудобны, или между многими неудобными есть однакоже нѣкоторыя и удобныя къ занятію, или же по крайнѣй мѣрѣ къ назначенію калмыкамъ, вмѣсто употребляемыхъ подъ селенія въ близости отъ Волги лежащихъ, которыми нынѣ единственно они пользуются.

Такая нужная карта и скоро, и удобно однакожъ окончена быть можетъ, не требуясь притомъ астрономическая строгость въ положеніи каждаго мѣста и урочища подъ точный градусъ, а только описаніе всѣхъ мѣстъ и пріямѣрное разстояніе одного отъ другаго.

Между тѣмъ пока разсмотрѣніе учинено будетъ о нравѣ горнаго берега жителей, пользующихся луговой стороною, и земли назначатся заведеннымъ вновь на сей послѣдней сторонѣ селеніямъ, а тѣмъ всѣмъ и снимаемою картою всего пространства между Волги и Яика достовѣрное свидѣніе получится, могутъ ли быть тамъ и еще селенія заведены безъ утѣшенія калмыцкаго народа, нужно кажется будетъ общее учинить запрещеніе, чтобъ впредь до времени на заведенныхъ по нынѣ новыми жителями не умножать, и никакихъ вновь не заводить, съ такимъ еще сверхъ того опредѣленіемъ, дабы и межн отводимымъ подъ поселенія также и горнымъ жителямъ по настоящей нуждѣ на луговой сторонѣ землямъ впредь до точнаго разсмотрѣнія и утвержденія непремѣнными почитаемы не были, что все однакожъ здѣсь всеподданнѣйше представляемое подвергается монаршему вашему императорскаго величества благозобрѣтвію.

Графъ Панинъ.
К. Александръ Голицынъ.
Графъ Г. Орловъ.
Никита Бекетовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Реестръ, по какимъ цѣнамъ въ городѣ Оренбургѣ во время
злодѣйскаго облежания хлѣбъ и другіе съѣстные припасы
продавались 1774 года.

	Въ январѣ.		Въ февралѣ.		Въ мартѣ.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Муки аржаной и пшеничной } четв. Круть разныхъ и солоду } Изъ муки аржаной хлѣбъ пече- ный одинъ фунтъ	отъ 30 до 50	— —	отъ 50 до 75	— —	отъ 75 до 140	— —
Масло коровье фунтъ.....	—	отъ 15 до 20	—	отъ 20 до 25	—	отъ 25 до 35 и до 40
Масло деревянное фунтъ.....	—	отъ 40 до 50	—	отъ 50 до 90	1	20
Масло конопляное фунтъ.....	—	35	—	40	—	отъ 50 до 60
Масло конопляное фунтъ.....	—	50	—	60	—	60
Сало баранье и говяжье, годное въ пищу, пудъ.....	2	—	2	—	2	40
Медъ сырецъ фунтъ.....	—	80	—	85	—	отъ 85 до 50
Яиць десятокъ.....	—	15	—	20	—	25
Гусь одинъ.....	—	70	1	20	1	20
Утка.....	—	85	—	60	—	60
Курица.....	—	20	—	25	—	35 и 60
Мясо говяжье и баранье пудъ..	8	25	8	75	отъ 5 до 6	—
Мясо лошадиное пудъ.....	—	80	1	20	8	50
Молока ведро.....	—	80	1	20	1	20
Рыбы щучины фунтъ.....	—	15	—	20	—	отъ 25 до 35
Рыбы мелкой.....	—	9	—	12	—	20
Икры соленой фунтъ.....	—	—	—	—	—	90
Сѣна возъ.....	7	—	9	—	20	—
Кожи коровья боевыя.....	—	40	—	60	1 и 2	60
Сахаръ кенарской фунтъ.....	—	25	—	35	1	—
Капусты ведро { бѣлой.....	1	50	2	—	8	50
{ черной.....	—	80	—	90	2	20
Огурецъ соленой одинъ.....	—	8	—	5	—	10
Луку сотня.....	—	80	—	90	2	50

	Марта съ 17 по 22 число.		Съ 20 по 23.		Съ 23 то есть се для побѣгу злата изъ Варшавской сла- води по 24 чи- сло.		Съ 24 числа.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Мука аржаная и пшеничная также солодъ и крупы пудъ.....	отъ 10 до 8	—	отъ 18 до 18	—	отъ 7 до 6	—	—	отъ 80 до 50
Хлѣбъ печеной фунт.	—	отъ 15 до 20	—	отъ 20 до 25	—	отъ 12 до 10	—	отъ 7 до 5
Сахаръ кешарской..	—	80	—	90	—	90	1	—
Рыбы свѣжей круп- ной фунтъ.....	—	85	—	80	—	80	—	80
— — мелкой...	—	25	—	28	—	20	—	20
А прочіе припасы продавались въ пропорціи противъ вышеписанныхъ цѣнъ, а многихъ и совсѣмъ въ продажѣ не было.								

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ И ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

- Абрахмановъ, Махмудъ, ахунъ, занимавшійся переводами съ восточныхъ языковъ, стр. 12, 18, 17, 26, 29, 31, 86, 87, 164.
- Абубекиръ, турецкій географъ, стр. 81.
- Абугази Мухамедъ Багадуръ - ханъ, стр. 18, 19, 20, 30, 81, 86, 87.
- Абулфеда, стр. 166.
- Абулхазръ-ханъ, стр. 6, 157, 158.
- Августъ, цезарь, стр. 21, 22.
- Адогуровъ, Василій Евдокимовичъ; стр. 51.
- Аипъ-бай, башкирскій старшина, стр. 158.
- Айткула, хордвинъ, стр. 116.
- Академія Наукъ, стр. III, 8, 18, 27, 28, 29, 40, 41, 42, 43, 71, 88, 89, 116, 119, 120, 121, 122.
- Александръ Македонскій, стр. 22.
- Анна Иоанновна, императрица. Снаряженіе по ея повелѣнію оренбургской экспедиціи, стр. 6.
- Анна Комнина, стр. 17.
- Аничъ, конректоръ школы при лютеранской церкви въ Москвѣ, стр. 23.
- Апраксизъ, графъ Федоръ Матвѣевичъ, стр. 88.
- Астрахань, городъ, стр. 16, 79, 80.
- Авласій Великій, стр. 17.

Б.

- Баберъ, академикъ, стр. 23.
- Бардеевичъ, Иванъ, стр. 156, 158.
- Бароніи, стр. 78.
- Бартевель, П. И., стр. III.

- Башкиры, народъ, стр. 93, 94, 106, 109, 146, 147, 148, 149, 158, 159.
- Бекетовъ, Никита, астраханскій губернаторъ, стр. 127, 170, 174, 175.
- Бергмаъ, Вениаминъ, стр. 125, 126, 127.
- Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ, стр. 84, 51.
- Бичуринъ см. Иоакимъ.
- Болотовъ, авторъ Записокъ, стр. 106.
- Бонде, графъ, стр. 2, 4.
- Бородинъ, Андрей Никитичъ, войсковою атаманъ, 91, 93.
- Бородинъ, есаулъ, стр. 158.
- Брылкинъ, астраханскій губернаторъ, стр. 160.
- Букенъ-бай, старшина, стр. 157.
- Бѣлосельскій, князь Михаилъ Андреевичъ. Оговоръ его Столѣтовымъ въ словѣ и дѣлѣ, стр. 11; знакомство съ Рычковымъ, 84.

В.

- Васильевъ, поручикъ, авторъ дневника стр. 122.
- Венетъ, Павелъ, стр. 17.
- Веревкинъ, Мих. Ив., стр. 49, 148.
- Владимиръ, великій князь, стр. 21.
- Владимиръ II, великій князь, стр. 21.
- Волковъ, Александръ Андреевичъ, стр. 104.
- Волковъ, Дмитрій, стр. 72.
- Воронцовъ, графъ Романъ Маріоновичъ, стр. 104, 106.
- Воронцовы, графы, члены-основатели Вольнаго Экономическаго Общества, стр. 102.
- Вотьяки, народъ, стр. 115.
- Всеволодъ I, великій князь, стр. 21.

Всволодъ II, великій князь, стр. 21.
Вяземскій, князь, генераль-прокуроръ,
стр. 152.

Г.

Газе, Генрихъ, пасторъ, стр. 68.
Георги, Іоаннъ Готлибъ, академикъ,
стр. 119, 120.
Георгій II, великій князь, стр. 21.
Геродотъ, стр. 15, 22, 28, 78.
Глинскій, Михаилъ, стр. 21, 22.
Гмелинъ, Іоаннъ-Георгъ, академикъ,
стр. 62, 66, 88, 89.
Голицынъ, князь Александръ, стр.
127, 175.
Голицынъ, князь Петръ Михайловичъ,
стр. 137, 189, 140, 141.
Гуляевъ, Прокофій Даниловичъ тесть
П. Рычкова по первой его женѣ,
стр. 5.

Д.

Давыдовъ, Аванасій Романовичъ, орен-
бургскій губернаторъ, стр. 45.
Дегинъ, стр. 78.
Делиль, Николай-Іосифъ, академикъ,
Его переписка съ Ив. Киряловымъ,
стр. 7.
Дергэмъ, Вильямъ, англійскій писатель,
стр. 10.
Державинъ, сомнительность въ воз-
можности сношеній его съ П. Рыч-
ковымъ, стр. II.
Джакентъ или Джикентъ, городъ, раз-
валины его, стр. 169.
Дмитрій, св., Ростовскій, стр. 39, 50.
Дю-Гамель, французскій академикъ,
стр. 96.
Докажъ, стр. 78.

Е.

Ейлеръ, Христофоръ, стр. 119.
Екатерина II, императрица. Замыслы
въ пользу ея гр. Вестужева-Рюмина,
стр. 51. Представленіе ей Рычкова,
54. Посвященіе его труда, 76.
Елизавета Петровна, императрица, стр.
11, 82, 116.
Елмэнтъ, Вильямъ, директоръ ямбург-
скихъ и жабинскихъ казенныхъ за-
водовъ, стр. 4, 5.
Ербо, стр. 78.
Еронкинъ, Петръ Дмитриевичъ, сена-
торъ, стр. 55, 141, 145.

И.

Ибрагимъ, турецкій географъ, стр. 81.
Изаберской, купецъ, стр. 157.
Ияславъ II, великій князь, стр. 21.
Илецкая соляная защита, стр. 55, 56,
110, 122, 123.
Индія—проекты торговли съ нею, стр.
. 6, 8, 32, 51, 52.
Иноземцовъ, Семенъ, купецъ, стр. 156.

І.

Іоакимовъ, о. Бичуринъ, стр. 126.
Іоаннъ Златоустъ, стр. 17.
Іоаннъ II, Васильевичъ, стр. 21, 166.
Іоаннъ Васильевичъ, царь, стр. 73, 74,
79, 161.

К.

Кабанка, атаманъ, стр. 158.
Казанская губернія, стр. 51, 56, 57, 71,
73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 116.
Казань, городъ, стр. 49, 51, 54, 55, 89.
Калмыки, народъ, стр. 122, 123, 124,
125, 126, 127, 128, 129, 170, 171, 172,
173, 174, 175.
Кальме, Августъ, стр. 22.
Каревинъ, стр. 17.
Карамзинъ, Н. М., о мѣстѣ его рожде-
нія, стр. 64.
Каръ, генераль, стр. 136.
Кельрейтеръ, адъюнктъ Академіи, стр.
100.
Киргизы, народъ, стр. 81, 93, 95, 125,
146, 147, 148, 149, 157, 165.
Киряловъ, Иванъ Киряловичъ, началь-
никъ оренбургской экспедиціи, стр.
IV, 5, 6. Заслуги его русскому про-
свѣщенію, 7. Сношенія съ Академією
Наукъ и неудачи по управленію орен-
бургскимъ краемъ, стр. 7, 8, 165.
Кишенскій, или Кишинскій, подполков-
никъ и приставъ при калмыцкомъ на-
мѣстникѣ ханства, стр. 127, 170, 171.
Клингштетъ, Тимофѣй Ивановичъ,
членъ-основатель Вольнаго Эконом.
Общ., стр. 108.
Кожинъ, Александръ, стр. 82, 83.
Козницкій, Григорій. Подробность о его
смерти, стр. 132.
Ковдаковъ, помѣщикъ, стр. 144.
Константинъ Брататый, стр. 24.
Коптяевъ, секретарь, стр. 15.
Корфъ, баронъ, президентъ Академіи
Наукъ, стр. 8.

Красильниковъ, прапорщикъ геодезія, стр. 64, 167.
 Красильниковъ, Андрей Дмитриевичъ, адъюнктъ Академія, стр. 167.
 Крафтъ, Вольфгангъ Людовикъ, академикъ, стр. 119.
 Крашенинниковъ, академикъ, стр. 76.
 Крицковъ, Василій, вахмистръ, стр. 116.
 Крюницъ, Іоаннъ Георгъ, стр. 154, 155.
 Кубылкинъ, купецъ, стр. 158.
 Кудравцевъ, Неофодъ Никитичъ, стр. 89.
 Куникъ, Аристъ Аристовичъ. Приобрѣтеніе имъ для академической бібліотеки списка Записокъ П. Рычкова, стр. III.
 Куройдовъ, подполковникъ, стр. 84.

Л.

Лаксманъ, Эрикъ, академикъ, стр. 120, 121.
 Ларунсъ Батлаюусъ, восточный писатель, стр. 31.
 Лаузинъ Ланчинъ, см. Лозангъ Джальцанъ.
 Левшинъ, И. А., стр. 126.
 Леманъ, академикъ, стр. 99, 100, 102.
 Лепехинъ, академикъ. Его описаніе путешествія, стр. III, 110, 116, 117, 118, 119.
 Линней, стр. 120.
 Ловичъ, Морицъ, академикъ, стр. 119.
 Лозангъ, Джальцанъ, калмыцкій lama, стр. 125.
 Ломоносовъ. Знакомство съ Рычковымъ, стр. 34, 35. Недовольство имъ за сношенія съ Миллеромъ, 36. Нападки Ломоносова на Миллера за Рычкова, 44, 46, 61. Временное увольненіе изъ Академія, 72. Посылка къ нему Рычковымъ сочиненія о рудахъ, 101, 108, 116.
 Лонгиновъ, Абрамъ, крестьянинъ, вышедшій изъ повиновенія Рычкова, стр. 50.
 Лопухинъ, Авраамъ, стр. 8.
 Лыгалокъ, авторъ сибирской исторіи, стр. 74, 75, 78, 80.
 Любегновъ, стр. 24.

М.

Мавринъ, капитанъ-поручикъ гвардіи, стр. 142.
 Макарій, митрополитъ, стр. 121.
 Мазиновскій, см. Платонъ.
 Марковъ, протоколистъ, наказанный плетью Татищевымъ, стр. 157.

Мартиньеръ, Антоній-Августинъ, стр. 17.
 Масловъ, Михаилъ Яковлевичъ, стр. 184, 141.
 Меинскій, Францъ, стр. 15.
 Мелиссино, Иванъ Ивановичъ, стр. 148.
 Мецерыки, народъ, стр. 163, 165, 166.
 Миллеръ, Г. Ф., академикъ. Переписка его съ П. Рычковымъ, стр. II, III. Отзывъ о немъ Татищева, стр. 28, 29. Помѣщеніе имъ статей Рычкова въ академическомъ журналѣ, 35, 36, 37, 38, 39, 40. Ходатайство о назначеніи Рычкова въ почетные члены, 40—43. Подозрѣнія въ наговорахъ на него Ломоносова, 46, 47. Совѣтъ Рычкову жить въ деревнѣ, 52. Намѣреніе издать сочиненія Рычкова по нѣмецки, стр. 59. Ученныя задачи Милл. въ Женевѣ. Соч., 69, 70, 71. Доставленіе Миллеру Рычковымъ различныхъ историко-географическихъ извѣстій объ оренбург. краѣ, 80—87. Похвала Рычкову за описаніе выхухоли и открытіе въ оренбург. губерніи червца, 89, 99. Рекомендація Рычкова графу П. Панину, 144, 145. Совѣты Рычкову, 150. Размовака съ Рычковымъ, 154.

Михельсонъ, полковникъ, стр. 142.
 Миншекъ, Марина, стр. 79.
 Монтанъ, стр. 129.
 Мордва, народъ, 163.
 Мстиславъ Великій, стр. 21.

Н.

Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ. Главный командиръ оренбургской комиссіи, стр. 20. Его покровительство Рычкову, 31, 32, 33. Увольненіе отъ управленія оренбургскою губерніею, 45. О свиданіи его съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ, 82.
 Несторъ, гѣтописецъ, стр. 25, 79, 80, 108.
 Неофодъ, Н., стр. 126, 127.
 Никлаевъ, Юсуфъ, башкирскій старшина, стр. 158.

О.

Оболенскій, кн. М. А., стр. 60, 139.
 Олсуевъ, Адамъ Васильевичъ, членъ-основатель Вольн. Экон. Общества, стр. 102.
 Орбинъ, стр. 78.
 Оренбургскій край, стр. 8, 56, 57, 58,

59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 80, 81, 85, 36, 99, 106, 107, 108, 109, 115, 116, 119, 120, 150, 151, 152, 158, 156, 157, 158, 159, 167, 168, 169.
Оренбургъ, городъ, стр. 6, 13, 32, 38, 45, 49, 52, 55, 84, 97, 105, 110, 111, 119, 136, 137, 138, 139, 140, 152, 157, 168, 176, 177.
Орловъ, графъ Владимиръ Григорьевичъ, стр. 102.
Орловъ, графъ Григорій, стр. 54, 102, 122, 127, 171, 175.
Осокитъ, заводчикъ, стр. 25.

II.

Пазухинъ, майоръ, командиръ сакмарской дистанціи, стр. 96.
Палазъ, академикъ. Его описаніе путешествія по Россіи, стр. III. Намѣреніе переводить Оренбургскую Типографію Рычкова, стр. 67, 68. Его описанія естественныхъ произведеній Оренбургскаго Края, стр. 88, 102, 110. Отношенія къ сыну Рычкова, Николаю, 114, 115. Посѣщеніе с. Спасскаго, 118, 119. Извѣстія о калмыкахъ 126.
Панинъ, графъ Никита, стр. 127, 175.
Панинъ, графъ Петръ, стр. 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150.
Пейсонель, стр. 78.
Пекарскій, Михаилъ Николаевичъ, авторъ записки о пугачевскомъ бунтѣ, стр. 188.
Пекарскій, Николай Николаевичъ, секунд-майоръ, стр. 120, 188.
Перевощиковъ, Дмитрій Матвѣевичъ, академикъ, стр. 167, 168, 169.
Пестриковъ, геодезистъ, 74, 75, 77.
Петръ Великій. Его расположеніе къ Ивану Тимею и покровительство полотноному производству въ Москвѣ стр. 3. Намѣренія его относительно торговли съ Индіею, 6, 51, 65. Узнаетъ лично Кириллова, 7. Бунтъ въ его царствованіе въ Астрахани, стр. 79. Посылка имъ князя Черкаскаго въ Хиву, 88. О посадкѣ тутовыхъ деревьевъ, стр. 116.
Петръ III, императоръ, стр. 51.
Петръ Могила, стр. 24, 25.
Пейтингеръ, Конрадъ, стр. 14.
Плятога Малиновскій, архіепископъ московскій, стр. 15.
Пляній, стр. 18, 78, 165.
Поникаровъ, Федоръ, его лексиконъ тразычный, стр. 12.
Полукинъ, Федоръ, авторъ Географическаго Лексикона, стр. 151.

Поренрогенитъ, Константинъ, стр. 15, 17, 18, 19.
Протасовъ, академикъ, стр. 96.
Птолопей, Клавдій, стр. 14, 15, 17, 165.
Пугачевъ, Емельянъ, стр. 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150.
Пуусендоръ, стр. 24.

P.

Ракинъ, Степанъ, стр. 79, 137, 138.
Разумовскій, графъ Кирилъ Григорьевичъ. Ходатайство у него Татищева за Рычкова, стр. 28. Назначаетъ Рычкова членомъ-корреспондентомъ, 48, 97, 161.
Рейнсдорпъ, Иванъ Андреевичъ оренбургскій губернаторъ, стр. 55, 130, 131, 134, 135, 140, 141, 145, 150, 151, 152.
Реомюръ, стр. 117.
Ригельманъ, инженеръ-капитанъ, стр. 88.
Риндербъ, докторъ въ Оренбургѣ, стр. 92, 93.
Родде, переводчикъ въ Ригѣ, стр. 69.
Роръ, фокъ-, стр. 39.
Рычкова, Анисья Прокофьевна, первая жена П. Рычкова, стр. 5, 114.
Рычкова, Елена Денисьевна, вторая жена П. Рычкова, стр. 104, 114, 154.
Рычкова, Капитолина, урожд. Свѣшниковъ, мать П. Рычкова, стр. 2.
Рычковъ, Андрей Петровичъ. Письма его къ академику Миллеру, стр. II, 128, 129. Смерть: 143, 144.
Рычковъ, Дмитрій Николаевичъ, владѣлецъ нѣкоторыхъ писемъ и бумагъ предка его, Петра Ивановича Рычкова, стр. III, 14, 105.
Рычковъ, Иванъ Ивановичъ, отецъ П. Рычкова, стр. 2, 7.
Рычковъ, Михаилъ, дядя П. Рычкова, стр. 2.
Рычковъ, Николай Петровичъ сынъ П. Рычкова. Его сочиненія и путешествія, стр. 61, 114, 115, 116, 118. Извѣстія его о бѣгствѣ калмыковъ, 125, 126, 128, 131, 139.
Рычковъ, Николай, авторъ «Отрывка изъ Записокъ Рожновыхъ», стр. I, II.
Рубриквусъ, стр. 17.
Рюрикъ, стр. 21.

C.

Савари, Филеонъ, стр. 19.
Савичъ, Василій, сотникъ сумскаго полка, стр. 51.

Савичъ, Данила, директоръ казанской гимназии, стр. 51.
 Сампъ-Гирей, ханъ казанскій стр. 74, 78.
 Самара, городъ, стр. 10, 11, 88, 109, 157, 168.
 Свенске, К. Ф., стр. 8.
 Святополкъ, великій князь, стр. 21.
 Святополкъ II, великій князь, стр. 21.
 Семтовъ, Абдулъ, стр. 26.
 Семъ Хааликъ, основатель Семтовой татарской слободы подъ Оренбургомъ, стр. 105.
 Сибилевъ, Филипъ, отецъ жены Тредіаковского, стр. 118.
 Симбирскъ, городъ, стр. 148, 144, 145, 146.
 Соймоновъ, генералъ-лейтенантъ, стр. 81, 158.
 Соймоновъ, Ф. И., стр. 37, 165.
 Сократъ, стр. 17, 40.
 Станкенъ, голштинскій министръ, стр. 2.
 Столѣтовъ, Егоръ, стр. 11.
 Страбонъ, стр. 78.
 Страленбергъ. О поправкѣ его погрѣшностей, стр. 19, 79, 81, 89, 91.
 Строгановъ, баронъ Александръ Сергѣевичъ, стр. 89, 90.
 Стрыковский, стр. 21.
 Сумароковъ, Александръ Петровичъ, стр. 112.
 Сухаревъ, сибирскій губернаторъ, стр. 82.

Т.

Тамесъ или Тамсенъ, Иванъ Павловичъ, директоръ полотняныхъ фабрикъ, стр. 3, 4.
 Татары, народъ, стр. 15, 17, 18, 20, 29, 30, 31, 86, 87, 165.
 Татищевъ, Василій Никитичъ. Переписка съ П. Рычковымъ, стр. II, III. Его любовь къ наукамъ, 8, 9. Покровительство Рычкову и переписка съ нимъ по части русской исторіи, 8—28, 161—166. Заботы о татарско-калмыцкой школѣ и о переводахъ съ восточныхъ языковъ, стр. 11, 12. Злоупотребленія его по службѣ, 13, 14. Его мнѣніе о картѣ азиатскихъ владѣній, смежныхъ съ оренбургскимъ краемъ, 16. Критика сочиненія Рыčkова, 19. Ходатайство за Рыčkова въ Академіи, 27, 28, 29, 40. Рукописныя его сочиненія у Рыčkова, 85, 86. Докладъ о его преступленіяхъ противъ должности, 156—159. Запрещеніе въѣзда въ Петербургъ, 160.

Наставленіе его Рычкову для составленія географическаго описанія, стр. 162—166.
 Татищевъ, Евграфъ Васильевичъ, стр. 86.
 Татищевъ, Никиморъ, стр. 157.
 Таубертъ, совѣтникъ Академіи, стр. 42, 75, 102, 104, 118, 114.
 Твердышевъ, заводчикъ, стр. 97.
 Тевкелевъ, Алексій Ивановичъ, генералъ-маіоръ. Представленіе его и Рыčkova о распространеніи торговли до Индіи, стр. 32, 52. Дружба съ Рычковымъ, 58. Его свидѣтельство о титулѣ бѣлой царь, 70. Жалобы на Татищева, 156, 157.
 Тепловъ, Григорій Николаевичъ, стр. 28, 29, 52, 102, 104, 161.
 Теняри, народъ, стр. 115, 166.
 Тициусъ, стр. 91.
 Толстой, Иванъ, стр. 55.
 Толстой, Матвѣй, стр. 55.
 Траубенбергъ, Мих. Михайл., полковникъ, стр. 124, 132.
 Тредіаковская, Марія Филиповна, стр. 118.
 Тредіаковский, Василій Кирилловичъ, стр. 113.
 Трубецкій, князь Никита Юрьевичъ, стр. 66, 160.

У.

Убаши, намѣстникъ калмыцкаго ханства, стр. 126.
 Ураланъ, оренбургскій переводчикъ, стр. 81.
 Уральскъ, см. Яицкій городокъ.
 Урусовъ, князь Василій Алексѣевичъ, правитель оренбургскаго края, стр. 10, 11, 31, 88.
 Уса, городъ, стр. 85, 119, 120, 168.

Ф.

Фанкъ, академикъ, стр. 102, 119, 120.
 Фирсовъ, пугачевскій полковникъ и крестьянинъ помѣщика Кондакова, стр. 144.
 Флавій, Иосифъ, стр. 22.
 Фрейманъ, Федоръ Юрьевичъ, генералъ-маіоръ, стр. 182, 183, 186.
 Филлусъ, восточный писатель, стр. 31.

Ц.

Цзинъ, китайскій писатель, стр. 126, 127.
 Цебекъ - Дорджи, калмыцкій владѣлецъ, 126.

Ч.

- Черемисы, народъ, стр. 115.
 Черкасцовъ, баронъ Александръ, членъ-основатель Вольн. Экон. Общества, стр. 102.
 Черкасскій, кн. Александръ Бековичъ, стр. 82, 83.
 Черкасскій, князь Алексѣй Михайловичъ, канцлеръ, стр. 11.
 Чернышевы, графы, члены-основатели Вольнаго Экономическаго Общества, стр. 102, 104.
 Чивгизъ, стр. 165.

Ш.

- Шаппъ, аббатъ, стр. 45.
 Шлецеръ, академикъ. Его замѣтка о прожектерахъ времени Екатерины II, стр. 51. Его разборъ сочиненій Рычкова, 67, 75, 77, 78, 79. О перепискѣ его съ Рычковымъ и отзывъ о Шлецерѣ Тауберга, стр. 113, 114.
 Штелинъ, академикъ. стр. 42, 106, 109.
 Шуваловъ, Ив. Ив., стр. 50.
 Шумахеръ, совѣтникъ академической канцеляріи. Письма къ нему Рычкова, стр. II, 26, 27. Отзывъ Шумахера о Рычковѣ Татищеву 28, 29.

Щ.

- Щербатовъ, князь Михаилъ Михайловичъ, стр. 121, 122.
 Щербатовъ, князь Федоръ Федоровичъ, стр. 140, 141.

Э.

- Эминъ, стр. 80.

Ю.

- Юсуповъ, князь Борисъ, стр. 21, 166.
 Юсупъ, князь погайскій, родоначальникъ Юсуповыхъ, стр. 166.

Я.

- Яицкій городокъ, стр. 85, 132, 133, 141, 142, 169.
 Ярополкъ II, великій князь, стр. 21.

Ф.

- Феодосій, архіепископъ Новгорода и Пскова, стр. 25.

ПОПРАВКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
6	Абуль-хальр	Абуль-хальр.
9	Астрахани	Астрахани
17	именованы	именованы
22	учинить	учинить
28	разумѣи,	разумѣи.
29	нышнемъ	нышнемъ
88	непечатана	непечатана
91	Комментаріяхъ	Комментаріяхъ,
97	штуку	штуку
99	Erdbeer-Stauden	Erdbeer-Stauden
102	самого	самого
119	Вольгангъ	Вольгангъ
128	коловратны	коловратно
128	изъ изъ другихъ	и изъ другихъ.
130	каменныхъ	камень
138	Астработомъ	Астработомъ
167	изъ разныхъ опи-	изъ разныхъ описа-
172	Царицынской линіи	Царицынской линіи.

**СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 2**

**ЛИТОВСКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.
СЪ ПЕРЕВОДОМЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.**

И. А. ЮШКЕВИЧА.

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 8 лн., № 12.)**

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 6 Іюля 1837 г.

Непримѣнный Секретарь, Академикъ К. Весселовскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
1. Атлек сакалас	5
2. Ажҕле, ажҕлели	6
3. Вој Диеве, Диеве	7
4. Ко тујеј, куңгели	10
5. Ко тау тевутели	—
6. Вој ту анжҕле, ужаунинко	11
7. Ажумини Јургалис	13
8. Ужигино уждерје	14
9. Гоштауте, гоштауте	15
10. Бигуте, линго	16
11. Чуте, чутеле	17
12. Не журекет ант манҕе	18
13. Анкети риге, ригел	19
14. Шермукинелис гракус	20
15. Ду баланду клане гере	22
16. Ауга баржалис ант кална	23
17. Виси бајорај	24
18. Ка ту верки, пансла?	25
19. Мусу ливај несети	26
20. Ауга гиро клевалис	29
21. Диди дивај радос ир стобуклај	—
22. Ужигино теус сунел	31
23. Угин мавҕ мотинела	33
24. Тегуми маво	—

25.	Сэжау рута	34
26.	Сэд зүжкеліс шілкас	36
27.	Ој ту, страаде, страдэсі	—
28.	Герцау алуті гэлтона	38
29.	По төвэлү вартајс	—
30.	Вој діді, діді	39
31.	Мергелэ, рудакелэ	40
32.	Кукү гіро гэгүжэлэ	—
33.	Кә дірб жибріс ругүсө	41

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ОПЫТЪ ПРИМѢНЕНІЯ РУССКОЙ АЗБУКИ КЪ ЛИТОВСКОМУ ЯЗЫКУ.

Звуковая сторона литовскаго языка, какъ языка кореннаго, имѣетъ свой отличительный характеръ, свои особенности, для выраженія которыхъ нужны и особенные буквенные знаки, приличные натурѣ литовскаго языка.

Но при этомъ не должно упускать изъ виду то обстоятельство, что литовскій языкъ раздѣляется на мѣстные говоры, которые хотя въ известной степени и понятны всѣмъ литовцамъ, но при рѣчи о литовскомъ алфавитѣ нельзя однако оставить ихъ безъ вниманія; потому что литовскій алфавитъ изъ русскихъ буквъ, примѣненный къ одному какому-либо литовскому говору, былъ бы воишь доступенъ только для известной части литовцевъ, а не для всѣхъ, или по крайней мѣрѣ не для большинства ихъ, и могъ бы повести не-литовца къ невѣрному и одностороннему пониманію природы и отличій литовскаго языка.

Живой литовскій языкъ раздѣляется на четыре мѣстныхъ говора: жмудскій или ज्याйтскій, восточно-литовскій, ейрѣгольскій и прусско-литовскій. Въ звуковомъ отношеніи поименованные говоры представляютъ слѣдующія различія :

а) Звукъ *є* (= *е* у г. Шлейхера) въ жмудскомъ и прусско-литовскомъ говорахъ произносится какъ русское *е*, иногда съ

примѣсью звука а, въ восточно-литовскомъ же и ейрѣгольскомъ — какъ ја (я). Напр. гѣрс, хоропій; кѣъс, дорога читается по-жмудски гѣрс, кѣъс, по-литовски-же — гѣрс, кѣъс.

б) Носовые звуки а, э, е, і, у во всѣхъ говорахъ въ извест-ныхъ случаяхъ сохранили свой носовой характеръ; въ жмудскомъ говорѣ часто они произносятся съ особенною силою.

в) Звукъ ŷ въ жмудскомъ читается какъ у, въ прочихъ литовскихъ говорахъ — какъ уо, а въ ейрѣгольскомъ часто даже — какъ о. Напр. дук дѹнос, дай хлѣба, жямайты произносятъ дук ду-нос, литовцы же дуок дуонос и док донос.

г) Согласныя зубныя д и т въ жямайтскомъ говорѣ весьма часто, смягчаясь, не переходятъ въ д и ч. Напр. по-жмудски гово-рится: ант аугачю медю, на растущемъ деревѣ, по-литовски-же — ант аугачю медю.

д) Звукъ ie (= ё г. Шлейх.) въ жмудскомъ говорѣ произ-носятся какъ і протяжно, въ литовскихъ же говорахъ — какъ е также протяжно. Напр. вѣна дѣна, одинъ день, читается по-жмудски вѣна дѣна, по-литовски-же — вѣна дѣна.

е) Согласный звукъ j, заканчивая слогъ, въ жмудскомъ го-ворѣ часто отпадаетъ, въ литовскихъ же говорахъ удерживается. Напр. вајкај, дѣти; пејлеј, ножи, по-жмудски говорится в'ака', не'ле'.

ж) Вообще жямайты любятъ твердое произношеніе, литовцы же — мягкое. Такъ выраженіе: ір туру рејкала, жямайты чита-ютъ: ыр туру рѣ'кала.

з) Отличительную черту восточно-литовскаго говора состав-ляетъ господствующее употребленіе звука л (лѣ) вмѣсто смягчен-наго ѣ (лѣ). Напр. слова: саулѣ, солнце; аглѣ или эглѣ, ель; шір-мелѣ, сердечко, восточные литовцы читаютъ: саулѣ, аглѣ или эглѣ, шірмелѣ.

Въ слѣдующемъ литовскомъ алфавитѣ изъ русскихъ буквъ, кромѣ звуковыхъ отличій литовскаго языка отъ русскаго, при-няты еще во вниманіе означенныя мѣстные литовскіе говоры. Всѣхъ литовскихъ буквъ 36. Онѣ суть:

Аа, Аа, Ёё, Вв, Гг, Дд, Дд, Ээ, Ее, Ёё, Ёё, Фф,
 Её, Жж, Зз, Іі, Іі, ы, Јј, Кк, Лл, Љљ, Мм, Нн, Оо,
 Пп, Рр, Сс, Шш, Тт, Чч, Цц, Уу, Уу, Уу, ı.

Литовскіе звуки, которыхъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ, суть слѣдующія :

гласныя носовыя буквы: Аа, Фф, Её, Іі, Уу,
 гласныя: Ёё, Ёё, Уу,
 согласныя: Дд, Јј, Љљ,
 смягчительный знакъ ı.

Они произносятся слѣдующимъ образомъ :

Носовое а произносится въ сѣрѣгольскомъ говорѣ какъ французское en (ан), въ жмудскомъ большею частью какъ ун, иногда какъ он, въ восточно-литовскомъ же большею частью какъ он, рѣже какъ ун. Напр. растас, бревно; грантас, буравъ, читаются по-сѣрѣгольски рантас, грантас, по-жмудски рунтас, грунтас, рѣже ронтас, тронитас, у восточныхъ же литовцевъ ронтас, тронитас, рѣже рунтас, грунтас.

Носовыя: твердое а и мягкое е произносятся какъ французское in, ив. Напр. тѣсти, тянуть; пѣкі, пять.

Носовое і въ жмудскомъ говорѣ произносится съ особенной силой. Напр. грінті, воротиться; лісті, лезть; тріс, три.

Носовое у также сохраняетъ носовой характеръ, въ особенности же у жямайтовъ. Въ словахъ напр. скустас, жаловаться; суеті, посылать, носовое у произносится съ замѣтнымъ участіемъ носоваго органа.

Гласная ё (съ точкою сверху) произносится мягко, какъ русское е, но протяжно. Бѣгі, бѣжать; гулѣті, лежать; велас, подвій.

О произношеніи смѣшаннаго е и гласной ѣ смотри выше въ статьѣ о говорахъ буквы а и б.

Согласная д состоитъ изъ д и ж; въ произношеніи они сливаются въ одинъ звукъ. Дуугѣс, радуюсь; дуету, сохну.

Согласная ј представляетъ слѣдующія различія. Въ началѣ слога она облекаетъ гласную, какъ напр. въ словахъ јоју, їду

веркомъ; жаунас, молодой; Јонас, Иванъ (ёу, Яунас, Ёнас). Въ концѣ слога она замѣняетъ русское й съ краткимъ. Напр. эјуу, иду; лејдај, ты пустилъ; зујкеј зайцы (эјну, лејдај, зујкеј). Въ среднѣмъ слога она имѣетъ значеніе русскаго ъ въ словахъ: бью, пью, шью. Напр. бјаурус, гадкій; пјауну, рѣжу; пјукас, пила (бъяурус, пъяуну, пъякас).

Согласная ъ произносится какъ латинское или французское l. Напр. каьбѣті, говорить; гуьті, лечь; паколь, пока (каьбѣти, гуьти, паколь).

Смягчительный знакъ ı (ı безъ точки) не выражаетъ никакого звука. Онъ служитъ для смягченія согласныхъ въ сочетаніи ихъ съ гласными а, е, у, ų и дугласною ау, каковы напр. ба, шо, ну, шų, кѡу и т. под. Напр. мілу, люблю; лѡрау, я дѣлаю; шюкс, сякой; шųи, смѣ.

Знакъ ie, образовавшійся изъ смягчительнаго знака ı, и гласной е (ie = ё г. Шлейхера), въ жмудскомъ говорѣ произносится какъ і, протяжно, въ литовскихъ же говорахъ какъ е. Напр. пева, лугъ; снеге, снѣгъ жямайты читаютъ пева, снеге, литовцы-же — пева, снеге (ср. ст. о говорахъ бук. д).

Прочія буквы произносятся такъ какъ и въ русскомъ языкѣ.

Твердое ы встрѣчается только въ восточно-литовскомъ говорѣ. Такъ напр. въ 28 пѣснѣ 4 строфѣ мы читаемъ:

Аглынелі сѣдејау,

Аглынелі туѣјау.

Аглынелі вајкалус нерејау.

Изъ нижеслѣдующихъ 34 пѣсенъ 14, 15, 16, 17, 18, 22, 27, 32, 33, 34 принадлежать къ жмудскому говору; 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 29, 30 и 31 — къ ейрегольскому; а 1, 7, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26 и 28 — къ восточно-литовскому.

Жмудскія пѣсни почти всѣ списаны отъ пѣсенницъ Колтынянскаго прихода, ейрегольскія — близъ м. Ейреголю, а восточно-литовскія — въ окрестностяхъ г. Поневѣжа.

1.

1. Атлек сакалас Ант ажерёло,	Прилетаетъ соколь На озеро,
2. Нус'воя сакалас Ант ажерёло.	Спускается соколь На озеро.
3. Таме ажере Руту ловелё.	На этомъ озерѣ Руты *) града.
4. Тоје ловелё' Гулі тевеліс.	На этой градѣ Батюшка лежить.
5. Шоше тевело Дукрелё сёде,	Возлѣ батюшки Дочка свдять,
6. Галва шукюје, Плаукус лядоје.	Голову чешеть, Волосы распускаеть.
* * *	* * *
7. Ко ту, тевелі, Давес не скірі?	Почему ты, батюшка, Мнѣ доли не выдѣляешь?
8. Ко ту, матула, Крајто не крауні?	Почему ты, матушка, Приданого не купишь?
9. Ко ту, броеклі, Лауку не ліді?	Почему ты, братецъ, Меня въ полѣ не провожаешь?
10. Ко ту, сесула, Јусту не ауді?	Почему ты, сестрица, Кушаконь не ткешь?
* * *	* * *
11. Мѣнѣ-тевеліс Давлес скірэ.	Мѣсяць-батюшка Долю выдѣлягъ.
12. Саула-матула Крајтеді квоје.	Солнце-матушка Приданое готовила.

*) Рута, раскони́, принадлежность каждаго палисадника при литовскихъ избахъ.

13. Сѣтин *)-бродиліс
Лауку лідѣје.
14. Живајждѣ-сесула
Јустелес аудѣ.
15. Діе'мед— бернеліс
Вајніка вітѣ.

Сетин-братецъ
Въ полѣ провожалъ.
Звѣзда-сестрица
Кушаки ткала.
Божье дерево — мой милый
Въянокъ сметалъ.

2.

1. Ажѣле, ажѣлаі,
Карпіту лашелу,
Ко тује аугај?
Аш ір ужаугау
Відурі гірелѣс.
2. Ант ір атѣйна
Тріс кіртујѣлеј
Жала тавѣ кірсті,
Шакелес генѣті,
Струнелус струнѣті:
Іш лешенѣло
Лентелес скалдіті,
Струнелус даріті.
3. Мотінѣлѣ сѣдѣс,
Су светелејс каѣбѣс.
Сѣд нано мочутѣ,
Кај лангује саулѣ.
* * *
4. Ажѣле, ажѣлаі,
Карпіту лашелу,
Ко тује аугај?
Аш ір ужаугау
Відурі гірелѣс

О дубъ, дубочекъ,
Съ зубчатими листьями,
Зачѣмъ ты росъ?
Я и выросъ
Посреди рощи.
Вотъ и приходятъ
Три дровосѣка.
Хотятъ тебя рубить,
Вѣтки обрубить
Утварь наготовить:
Изъ ствола
Досокъ нащипать,
Утварь дѣлать.
Матушка будетъ сидѣть,
Съ гостями бѣседовать.
Сидитъ моя матушка,
Какъ на небѣ солнце.

* * *
О дубъ дубочекъ,
Съ зубчатими листьями,
Зачѣмъ ты росъ?
Я и выросъ
Посреди рощи.

*) Сетинас, *соломадіс*.

5. Ант ір атајна
Тріс картујелеј
Жада таво кірети
Шакелес генети,
Струнелус струнүті:
Ін леменелю
Лентелес скадїті,
Струнелус дарїті.
6. Тевутеліс седес,
Су светелеје каьбес.
Сед мано тевутеліс,
Кај дангује мөнүліс.
* * *
7. Ажүле, ажүлелі,
ір т. т.
Току навезјуду саугес і
броді, і сесе.
І броді гале:
Кај дангује сетінас
І сјаје:
Кај дангује жвајгжаб.
- Вотъ и приходять
Три дровосѣка.
Хотять тебя рубить,
Вѣтки обрубить,
Утварь наготовить:
Изъ ствола
Досокъ напилятъ,
Утварь дѣлать.
- Батюшка будетъ сидѣть
Съ гостями бесѣдовать.
Сидитъ мой батюшка,
Какъ на небѣ мѣсяць.
* * *
- О дубъ, дубочекъ,
и такъ даѣе.
Такимъ образомъ поють къ бра-
ту, къ сестрѣ.
Обращаясь къ брату на концѣ
прибавляютъ:
Какъ на небѣ сѣтінас.
Къ сестрѣ:
Какъ на небѣ звѣзда.

3.

1. Вој Диеве, Диеве,
Диевуду ману!
Во ір поварѣ
Ін крига јоті.
2. Ін крига јоті,
Жіріга балноті,
Ін крига јоті,
Жіріга балноті.
- Ой Боже, Боже,
Боже мой илмый!
Вотъ и великан
На войну выступатьъ.
На войну выступатьъ,
Коня сѣлать,
На войну выступатьъ,
Коня сѣлать.

3. Тэвеліс сшыас
Бролеліс мажас,
Рода верода
Рејкс бролуј јоті.
4. Вяна сесалё
Бролелі ренгё
Антра сесалё
Жіргя балноју
5. Во ші тречюјі,
Јаунаусюјі,
Бролелуј јојант,
Вартус аткёлё.
6. Бролужелі!
Добіжелі!
Во ка парнеші
Трім сесерёлен?
7. Вянај парнешу
Ауксу жеделі,
Антрај парнешу
Шілку кускелё,
8. Во шай тречаяј,
Шнај јаунаусіяяј,
Перлу вајшіка,
Сідабру сегта.
9. Эјме, сесалёс,
Ант аукшта кална,
Ант аукшта кална,
Бролелі лаукті.
10. Мес парстовёјом
Аукшта калнелі,
Мес парривојом
Усу дворалёс.
- Батюшка старь,
Братець магь,
Хотя нехотя,
Надо брату жить.
- Одна сестрица
Братца готовила,
Другая сестрица
Кона съдлала.
- А вотъ третья,
Самая младшая,
Увѣщающему братцу
Ворота отворила.
- Ты, мой братець,
Ты, голубчикь!
Что ты принесешь,
Тремъ сестрицямъ?
- Одной принесу
Золотое кольцо,
Другой принесу
Шелковый платокъ,
- А этой третьей,
Самой-то младшей,
Жемчужный вѣнокъ,
Серебрянную пражку.
- Пойдите, сестрицы,
На холмъ высокий,
На холмъ высокій
Дожидаются братца.
- Мы встали
Высокій холмикъ,
Мы встали
Осиныя ограды.

11. Парбѣг жіргаліс, Париукигѣја Шалѣ кильчалѣс Парсвирѣја.	Прибѣгаетъ конь, Запыхивается, Съ боковъ стремена Перевѣшиваются.
12. Эме, сесалѣс, Жіргалі гаудіті, Жіргалі гаудіті, Броделу клаусті.	Пойдемте, сестрицы, Коня ловить, Коня ловить, О братцѣ спросить.
13. Жіргужелі! Жудберелі! Во кур падејей Мусу броделі?	Конь нашъ милый! Черногнѣденькій! О куда ты дѣвалъ Нашего брата?
14. Јусу броделіс Крігужѣ кірстас, Крігужѣ кірстас, По коју мінтас.	Вашъ братецъ Въ битвѣ изрубленъ, Въ битвѣ изрубленъ, Ногами попрапъ.
15. Жіргужелі! Жудберелі! Во кај парбѣгај Токі калелі?	О конь нашъ милый! Черногнѣденькій! О какъ ты перебѣжалъ Такую дорогу?
16. Дзивінес унес Плаукте плаунчау, Во не десмінта Дугнужу нѣрчау.	Девять рѣкъ Плыва, я проплылъ, А въ этой десятой Ко дну я нырнулъ.
17. Вой, ој, ој, Диеве! Девулау мусу! Во кас мусе падѣс Бролу гедѣті?	Вой, ой, ой, Боже! Боже нашъ милый! О кто нашъ поможетъ Оплакивать брата?
18. Саулалѣ рустѣ Атсакідана: Тай ам надѣсту Бролу гедѣті.	Солнышко скорбѣю. Отвѣчая: Я помогу Оплакивать брата.

19.	Дэвінус рігус Міглужэй эісу, Во ші дэшінта Неј н'ужтэкэсіу.	Девять утровъ Во мглѣ я пойду, А въ это десятое Я и не взойду.

4.

	Ко тујей, кунігелі*), судайціо! Судайціо, судайчутэле!	Что ты милый кунингъ, Судайчѣ! Судайчѣ, судайчутэле!
	Ігај памөгелі? Міега бемегаџтем Ішкірто карелус, 5. Ішпілэ пілелэ. Катро тау, кунігелі, Дауглау пагајлэје?	Долго спалъ? Когда ты спалъ, Ізрубилі ратниковъ, Расхитилі припасы. Чого тебѣ, милый кунингъ, Болѣе жалко?
	Не таји гајла ман пілелэс, Кај ман гајла карелу.	Не столь мнѣ жалко припасовъ, Сколько мнѣ жалко ратниковъ.
10.	Аш пілелэ супіьсу Двејейс, трејейс метлејс, О карелу небужаугінесу Неј дэшінтіс метелу.	Я припасы собираю Въ два, въ три года, А ратниковъ не вырастчу И въ десять лѣтъ.

5.

	Ко тау, тэвутелі, судайціо! Судаучіо, судаучутэле!	Что ты, батюшка, судайчѣ! Судаучѣ, судаучутэле!
	Ігај памөгелі? Міега бемегаџтем, Ужважлаво светелэј, 5. Ішвжэ Сунелі. Катро тау, тэвутелі, Дауглау пагајлэје?	Долго ты спалъ? Когда ты сталъ, Наѣхали гости, Увели сына. Кого тебѣ, батюшка, Болѣе жалко?

*) Князь, старший въ родѣ.

	Не таји гайла ман жіргялю Кай ман гайла сунялю.	Не столь жалко мнѣ коня Какъ мнѣ жалко сына.
10.	Аш жіргялі нупіркясу Ір пірмайсаяс металејс О сунялі небужаугісу Неј дашімітіс метялю.	Я коня куплю И въ первые *) годы, А сына не выращу Ни въ десять лѣтъ.
	* * *	* * *
15.	Ко туей, мотинелѣ, Лгај памегелѣ? Мяга бемегатей, Ужважяво светялу, Ішвжѣ дукрелѣ, Ір дукрелѣс крајтелі.	Что ты матушка, Долго спала? Когда ты спала, Наѣхали гости, Увели дочку, И дочерино приданное.
20.	Катро тау, мотинелѣ, Даугау пагајелѣ? Не таји гайла ман крајтелю Кай ман гайла дукрелѣс. Аш крајтелі сукраусу	Чего тебѣ, матушка, Болѣе жалко? Не столь жалко мнѣ приданнаго, Какъ мнѣ жалко дочки. Я приданное скоплю
25.	Двејејс, трејејс металејс, О дукрелѣс небужаугісу Неј дашімітіс метялу.	Въ два, три года, А дочки не выращу И въ десять лѣтъ.

6.

1.	Вой ту, анжуле, ужауініке, Ужавај ріта, вакарелі,	Ой ты, дубъ шумящій, Ты шумѣлъ утромъ вечеромъ,
2.	Ужавај ріта, вакарелі, Коль ужаугінај девінес шакас	Ты шумѣлъ утромъ вечеромъ, Пока вырослиъ девять вѣтвей.
3.	Коль ужаугінај девінес шакас, Во ші дашіата віршунелѣ	Пока вырослиъ девять вѣтвей И эту десятую вершину.
4.	Вісас девінес вѣтружѣ лаужѣ Нор, Диево, лажікік віршунелѣ!	Всѣ девять бура сломала, Сохрани. Боже, хотъ вершину!

*) въ годѣ, два.

5. Норс ір карвалуј інсітупті,
Ріте, вакареліс пабрукфі.
Хоть было бы гдѣ голубю присвѣсть,
Утромъ вечеромъ поворковать.
- * * *
6. Вој ту, тѣвелі, дусауніке,
Дусавај ріта вакарелі,
7. Дусавај ріта, вакарелі,
Коль ужаугінај дзвінес дукрас
8. Коль ужаугінај дзвінес дукрас,
Во ші дзмінта сунужелі.
9. Вісас дзвінес шалужѣ лядај,
Нор, Діеве, лажікі сунужелі!
10. Норс ір жіргужус павадіоті,
Смутна шірделѣ сурамінті.
Ой ты, батюшка вдыхающій,
Ты вдыхалъ утромъ, вечеромъ,
Ты вдыхалъ утромъ, вечеромъ,
Пока вырослиъ девять дочерей,
Пока вырослиъ девять дочерей,
И этого десятого сына.
Всѣхъ девяти ты выпустилъ въ люди,
Сохрани, Боже, хоть сына.
Хоть было бы кому коней взнуздать
Печальное сердце утѣшить.
- * * *
11. Вој ту, лепелѣ, ужавінкѣ,
Ужавај ріта, вакарелі,
12. Ужавај ріта, вакарелі,
Коль ужаугінај дзвінес шакас,
13. Коль ужаугінај дзвінес жакас,
Во шѣ дзмінта віршунелѣ.
14. Вісас дзвінес вѣтрузѣ лаужѣ,
Нор, Діеве, лажікі віршунелѣ.
15. Норс, ір гегутеј інсітупті,
Ріте, вакареліс пакукфі.
Ой ты, липа шумяцаа,
Ты шумѣла утромъ, вечеромъ
Ты шумѣла утромъ, вечеромъ,
Пока вырослиа девять вѣтвей,
Пока вырослиа девять вѣтвей,
Вотъ эту десятую вершину.
Всѣ девять бура сломала,
Сохрани, Боже, хоть вершину.
Хоть было бы гдѣ кукузкѣ присвѣсть
Утромъ, вечеромъ, покуковать.
- * * *
16. Вој ту, мочутѣ, дусаунікѣ,
Дусавај ріта, вакарелі,
17. Дусавај ріта, вакарелі,
Коль ужаугінај дзвінус сунус,
18. Коль ужаугінај дзвінус сунус,
Во шѣ дзмінта дукружелѣ.
Ой ты, матушка вдыхающая,
Ты вдыхала утромъ, вечеромъ,
Ты вдыхала утромъ, вечеромъ,
Пока вырослиа девять сыновей,
Пока вырослиа девять сыновей,
И эту десятую дочку.

1. Ужмітіко, уждрѣје
 Каъне рѣшутѣлеј,
 Каъне рѣшутај,
 Каъне рѣшутѣлеј.
2. Нуміскісіу, нубраукісіу
 Каъне рѣшутѣлус,
 Каъне рѣшутус,
 Каъне рѣшутѣлус.
3. Сумідејау, суміскінау
 Каъне рѣшутѣлу,
 Каъне рѣшуту.
 Каъне рѣшутѣлу.
- * * *
4. Ужмітіко, уждрѣје
 Лауко добіделеј,
 Лауко добілај,
 Лауко добіделеј.
5. Нусеје, нудулено
 Баъті бролутѣлеј,
 Баъті бролелеј,
 Баъті бролутѣлеј.
6. Нуміціове, нутражкено
 Лауко добіделус,
 Лауко добилаус,
 Лауко добіделус.
7. Сумігрѣбе, судулено
 Балтос сесарѣлес,
 Балтос сесутѣс,
 Балтос сесарѣлес.
8. Сумігрѣбе, сумідеје
 Лауко шенелі,
 Лауко шенелі,
 Лаукеле шенелі.
8.
 Удались, уродились
 На горѣ орѣшки,
 На горѣ орѣхи,
 На горѣ орѣшки.
 Я себѣ нащиплю, себѣ наберу,
 На горѣ орѣшковъ,
 На горѣ орѣховъ,
 На горѣ орѣшковъ.
 Я себѣ набрала, себѣ нащипала,
 На горѣ орѣшковъ,
 На горѣ орѣховъ,
 На горѣ орѣшковъ.
- * * *
- Удался, уродился
 На полѣ трилистникъ,
 На полѣ трилистникъ,
 На полѣ трилистничекъ.
 Посѣвали, завершили
 Бѣлые братцы,
 Бѣлые братья,
 Бѣлые братцы.
 Скопали, свалили
 На полѣ трилистники
 На полѣ трилистники,
 На полѣ трилистнички.
 Сгрѣбли себѣ, довершили
 Бѣлыя сестрички,
 Бѣлыя сестрицы,
 Бѣлыя сестрички.
 Сгрѣбли, сложили
 На полѣ сѣно,
 На полѣ сѣно,
 На полѣ сѣно.

2. Ужкітіко, уждерёжэ Каьне ругалеј, Каьне ругалеј, Каьмлі ругалеј. 10. Нусёје, нудумво Балгос сесерёлёс, Балгос сесутёс, Балгос сесерёлёс. 11. Нуціовё, нубранікаво, Балгос сесерёлёс, Балгос сесутёс, Балгос сесерёлёс.	* * * Удалась, уродилась На горѣ ржица, На горѣ ржица, На горочкѣ ржица. Застяли, <i>завершили</i> Бѣлыя сестрицы, Бѣлыя сестрицы, Бѣлыя сестрички. Скосили, свалили Бѣлыя сестрички, Бѣлыя сестрицы, Бѣлыя сестрички.

Такимъ образомъ поется о пшеницѣ, ячменѣ и прочихъ по-
 сѣвахъ.

9.

Гомтауте, гомтауте! Гомтауте рилю! Ам рогау Дідус дівус. Лауке калнас. 8. Ант то калво Ду бержіту Двівақату. Ант ту бершу Дві гагупі 10. Бекукѣнт. Мес не галёс, Тёво дукрёс. Ко јус, дукрелёс, Граудеј веркёт?	Гомтауте, гомтауте! Гомтауте рилѣ! Я видѣлъ Великое диво. На полѣ гора. На этой горѣ Двѣ березы Съ двумя вѣтвями. На этихъ березахъ Двѣ кукушки Себѣ кукують. Мы не кукушки, Мы отца дочери. Что мы, дочери, Горько плачете?

15. Јог прірішо
 Каји прі стѣбо
 Ір іміне
 Каји і нурѣ.
 Клаусѣ бернасъ :
 20. Кас тај стѣбас?
 — Јаукас бернас.
 Кас тај нурѣас?
 — Варгѣс дѣнос.

Насъ привязали,
 Ровно къ столбу,
 И втоптали
 Слово въ грязь.
 Спрашивалъ молодець :
 Что это за столбъ ?
 — Молодой мужъ.
 Что это за грязь ?
 — Тяжелые дни.

10.

- Бігутѣ, лінго!
 Бітѣ, лінго лінго!
 1. Кас бітѣ мокѣ
     Лінго, бігутѣ!
 Ану гражѣ мокселѣу?
     Бігутѣ, лінго!
     Бітѣ, лінго, лінго!
 2. Бігутіс мокѣ
 Ану гражѣ мокселѣу
     Лінго, бігутѣ!
     Бітѣ, лінго, лінго!
 3. Сук, сук, бігутѣ,
 Аѣс гражѣс корѣлѣс.
     Лінго, бігутѣ!
     Бітѣ, лінго, лінго!
 4. Неск, неск, бігутѣ,
 Аѣ салѣу недуті.

Пчелка, лінго!
 Пчѣла, лінго, лінго!
 Кто пчѣлу выучилъ
     Лінго, пчѣлка!
 Этому прекрасному искуству?
     Пчѣлка, лінго!
     Пчѣла, лінго, лінго!
 Пчѣла-самѣцъ выучилъ
 Этому прекрасному искуству.
     Лінго, пчѣлка!
     Пчѣла лінго лінго!
 Строй, строй, пчѣлка,
 Эти прекрасные сѣты.
     Лінго, пчѣлка!
     Пчѣла, лінго, лінго!
 Неси, неси, пчѣлка,
 Этотъ сладкій медъ.

* * *

Сосулѣ, лінго лінго!
 Сѣјѣ, лінго лінго!

* * *

Сестрица, лінго!
 Сестричка, лінго, лінго!

Кас сесутэ моке
 Лінго, сесутэ!
 Ану гражту дарбалю?
 Сесутэ, лінго!
 Сэжэ, лінго, лінаго!
 Можутэ моке
 Ану гражту дарбалю.
 Лінго, сесутэ!
 Сэжэ, лінго, лінаго!
 Верик, верик, дукралэ,
 Анус балтус линелюс.
 Лінго, сесутэ
 Сэжэ, лінго, лінаго!
 Ауск, ауск, дукралэ,
 Анас пюнас дробелес:
 Лінго, сесутэ!

Кто сестрицу выучилъ
 Линго, сестрица!
 Этигъ прекрасныгъ работамъ?
 Сестрица, линго!
 Сестричка, линго, линаго,
 Матушка выучила
 Этигъ прекрасныгъ работамъ.
 Линго, сестрица!
 Сестричка, линго, линаго!
 Пради, пради, дочка,
 Этогъ бѣлый ленъ.
 Линго, сестрица!
 Сестричка, линго, линаго!
 Тки, тки, дочка,
 Эти тонкія полотна.
 Линго, сестрица!

11.

1. Чутю, чутеле!
 Рутю, рутеле!
 Спраадас тупејэ
 Агвалес віршунэ.
 Не страадас тупејэ
 Агвалес віршунэ;
 Бралутіс стовејэ
 Ант аужнто каънелю,
 Жіргелі балнојэ.
2. Кур јосі, берналі,
 Кур јосі, жаунасіс?
 Пас саво мергалэ.
3. Паклаусу мергалес,
 Паклаусу рожалес:
 Сьоршис П Олд. М. А. Н.

Чюто, чютеле!
 Рутю, рутеле!
 Дроздъ сидѣлъ
 На вершинѣ ели.
 Не дроздъ сидѣлъ
 На вершинѣ ели;
 Братецъ стоялъ
 На высокоиъ холмѣ,
 Коня сѣдлагъ.
 Куда поскачешъ, мой ишлай,
 Куда поскачешъ молоденькій
 Къ своей дѣвицѣ.
 Спрому дѣвику,
 Спрому розочку:

	Бег мокі, мергелё, Бег мокі, рожелё, Двініту, трініту, Шешніту, рашіту?	Угъшь-ли, дъзна, Угъшь-ли, розочка, Двунитныя, трехнитныя, Шестинитныя, писанныя? *)
4.	Аш моку, бернелі, Аш моку, жаунасај, Двініту, трініту, Шешніту, рашіту.	Я угъю, мой милый, Я угъю, молоденькій, Двунитныя, трехнитныя, Шестинитныя, писанныя.
5.	Бег мокі, бернелі, Бег мокі, жаунасај, Жаутелус пајунгті, Дальгелус ішпакті?	Угъшь-ли, мой милый, Угъшь-ли, мой молодой, Воловь запречь, Косы отбить?
6.	Аш моку, мергелё, Аш моку, рожелё, Жаутелус пајунгті, Дальгелус ішпакті	Я угъю, дъзна, Я угъю, розочка, Воловь запречь, Косы отбить.

12.

Не журѣкет ант манѣс навелѣс. Ашај эску жальнѣру бернеліс. Жіба, твіска преш ана шоб- лелѣ.	Не глядите на мена, дъзны, Я солдатскій молодець. Блестить, сверкаетъ на мена сабля.
Каји аш жојау пар лігус лау- келус, 5. Ір пріжојау ант тѣво дварело, Ір прагідо тѣвало гајделѣј	Когда я скакаль по ровнымъ полямъ, Я прискакаль къ отцовской усадьбѣ, И запѣли батюшкины пѣтухи.
Ар ман јоті, ар ман чоуај стоті? Ар гајделу гледачу клаусіті? Ір пріжојау ант жалѣ гірелѣ.	Скачать-ли мнѣ, или здѣсь стать, И пѣніе пѣтуховъ послушать? И я прискакаль къ зеленой рощѣ.

*) тканн ткаць.

10. Чіба, віба гірлэс наук- Чыркаюць, поюць лэсныя птычкі.
штелеј.
- Арман јоті, ар ман чоная стоті? Скакаты-ли мнѣ, или здѣсь статы,
Ар науштелу чібаціу клау- И пѣніе птычекъ послушаты?
сіті?
- Неј ман јоті, неј ман чоная Ни мнѣ скакаты, или мнѣ здѣсь статы,
стоті,
Неј науштелу чібаціу клаусіті. Ни пѣніа птычекъ послушаты.
15. Каји ац јојау пар жалэ гірлэ, Когда а скакаль по зеленој рошѣ,
Нусірэшкау путіно шакалэ. Я себѣ сломаль каліновую вѣтку,
Не тек чоная путіно вугалу, Не столько здѣсь каліновыхъ ягодъ,
Кіек ішбіра гажлу ашарэллу. Сколько выламось горькихъ слезъ.
- Стові вајекас, кај сауса Стопть войско, какъ сухой трост-
нендрелэ, никъ,
20. Лака кулкос, кај шілкос бі- Летаютъ пули, какъ сѣрыа пчелки,
телэс,
Грува кувај, кај мішку нек- Валятыя тѣла, какъ лѣсныа стволы,
штелеј,
Крїнта галвас, кај мішку ла- Падаютъ головы. какъ лѣсныа лїстыа,
пелеј,
Тека краујес, кај сраује упелэ. Течеть кровь, какъ стремнистая
рѣчка.
- Мусу бролю жіргас арпавојэ, Нашего брата конь скакаль,
25. Пулкорелэј шалі мадравојэ. Командыры воалѣ гарцовали.

13.

1. Анксіті рїта, рїтєлї Утромъ рано, раненько,
Шѣрмау бѣра, жіргєлї Я кормиль гнѣдаго коня,
Ір ішгірдау баландєлї И а услышалъ голуба
Бєро жірго стајнєлї Вѣ конюшнѣ гнѣдаго коня.
2. Та тєј сєнас тетуміс То-то старый батюшка
Сунулајчмус будїна : Сыновой будиль :

Калькят, келькят, сунулајтеј, Бролај палідеті.	Встаньте, встаньте, сыновья, Братца проводитъ.
3. Кад ішэјту бролаіс, Тасај вісу мажаусіс, Кад памауту ман жіргелі Муштінеме каманёлемс.	Чтобы вышелъ братецъ, Этотъ самый младшій, Чтобы взнуздагъ ннѣ коня Наборными уздани.
4. Кад ішэјту бролаіс, Тасај мана віраусіс, Кад балвоту жіргелі Шу тікіну баьвэлү.	Чтобы вышелъ братецъ, Тотъ мой самый старшій, Чтобы осѣдалгъ коня Этнмъ темноцвѣтнымъ сѣдломъ
5. Ант жіргелю сөдөдамос І кільпелі спірдамос: Ір судеву мотінөлеј Ір мелем тетүшөлуј!	На конѣ сядя, Въ стремена опираясь: И прощай, матушка, И милый батюшка.
6. Про вартелус јодамас, Кешурөле келдамас: Ір судеву брөлүжөлемс Ір вісај гімінөлеј!	Черезъ ворота скача, Шапку поднимая: И прощайте, братцы, И вся моя родня.
7. Кад ан јојау пар лаука, Пар лігүсулс лаукелус, Спінда мана пінтінөліс, Швөсөсөс падкавөлөс.	Когда я скакалгъ по полю, По ровнымъ полямъ, Лучилась моя шпора И свѣтлыя подковки

14.

1. Шөрүкшнөліс гракус, Шөрүкшнөліс жалас, Шөрүкшнөлю жалі лапәј, Раудонос үгалөс.	Рябинушка красивая, Рябинушка зеленая Рябинушка зеленыя листьа, Красныя ягоды.
* * *	* * *
2. Прашө манө піршті, Прашө не ужкіршті,	Просилгъ меня сватать, Просилгъ не забыть,

Прашэ клаусті, ішэіклаусті, Ар мок вергіті, аусті?	Просімъ спросіть-распросіть, Ушвэш-ли прастъ, ткатъ?
3. О бернелі мана! О жаунасіс мана! Кас ішмокіс вергіті, аусті, Кад матушэс шера.	О молодчикъ мой! О юный мой! Кто выучіть прастъ, ткатъ, Когда нѣтъ матушки.
4. О панелэ мана! О жауножі мана! Кукѹ гіріој гегужелэ, О кас ана ішмокэ?	О дѣвица моя! О юная моя! Кукуетъ въ роцѣ кукушка, А хто ее выучилъ?
5. О бернелі мана! О жаунасіс мана! Ант то іра Діеву лэјста — Гірелэј каукѹті.	О молодчикъ мой! О юный мой! То ей Богомъ дано — Въ роцѣ куковать.
* * *	* * *
6. Праму манэ пірнті. Праму не ужмірнті, Праму клаусті, ішэіклаусті, Ар мок арті, пјауті?	Просіть мена сватать, Просіть не забыть, Просіть спросіть-распросіть, Ушвэтъ-ли оратъ, косіть?
7. О панелэ мана! О жауножі мана! Кас ішмокэ арті, пјауті, Кад тетушо шера.	О, дѣвица моя! О, юная моя! Кто выучіть оратъ, косіть, Когда нѣтъ батюшки.
8. О, бернелі мана! О, жаунасіс мана! Удбаун гірэј баладэліс, Кас ана ішмокэ?	О, молодчикъ мой! О, юный мой! Воркуетъ въ роцѣ голубокъ, Кто его выучилъ?
9. О, панелэ мана! О, жауножі мана! Ант то іра Діеву лэјста — Гірелэј удбауті.	О дѣвица моя! О, юная моя! На то естъ вола Божія — Въ роцѣ ворковать.

15.

1. Ду баладцу клане гѣрѣ
Бегердаму судумојо :
Ар мумс гѣрті, ар не гѣрті?
Ар спарнелус папласноті?
Герклем, герклем, каји пагерсма,
Ір спарнелус папласносіем.
- Два голубя въ лужѣ шили,
И, пивши, задумались :
Пить-ли намъ, или нѣтъ?
Иль крыльями похлопать?
Пьемте, пьемте, какъ нашьемся,
И крыльями похлопаемъ.
2. Ду брелелу келу јојо
Бејодаму судумојо :
Ар мумс јоті, ар не јоті?
Ар жиргелус нубалноті?
Јоклем, јоклем, каји пријосіем,
Ір жиргелус нубалносма.
- Два братца дорогой скакали,
И, скача, задумались :
Скакать-ли намъ, или не скакать?
Иль коней разсѣдлатъ?
Скачете, скачете, какъ приска-
чемъ,
И коней разсѣдлаемъ.
3. Дві саселі свірне сува
Бесудамас судумојо :
Ар мумс сугі, а не сугі?
Ар не сугус дованоті?
Суклем, суклем, каји па-
сугсма,
Ір пасугус дованосма.
- Двѣ сестрицы въ клеті шили,
И, шивши, задумались :
Шить-ли намъ, или не шить?
Или нешитое подарить?
Шьемте, шьемте, какъ сошьемъ,
И сшитое подаримъ.
4. Дві бітелі меда неше,
Бенешдамас судумојо :
Ар мумс нешти, ар не нешти?
Ар добілес суваљгиті?
Нешклем, нешклем, каји пар-
пешма,
Ір парнешус суваљгисма.
- Двѣ пчелки медъ несли,
И, невши, задумались :
Нести-ли намъ, или не нести?
Или на дятлинь съѣсть?
Несемте, несемте, какъ принесемъ,
И, принесши, съѣдимъ. -
5. Не јок, бролі, павасарі,
А јок, бролі, рудселі,
Кад бус агус падарітас,
- Не скачи, братецъ, въ весеннюю пору.
А скачи, братецъ, въ осеннее время,
Когда пиво будетъ сдѣлано,

Jauni svetej suprašiti;   Молодые гости созваны,
 Bus rugalej žalmesėlės,   Когда рожь будетъ въ росткахъ,
 Jialos rutos garbanose.   Зеленыя руты въ кудряхъ.

16.

1.   Auga beržalė ant kalna,   Растеть береза на горѣ,
 Во цо тѣ бержелу, во по тѣ   А подь той березой, а подь той бе-
    бержелу,   березой,
    Во по тѣ бержелу берналė.   А подь той березой молодчикъ.
    Шива кепурėлė ligėjė,   Свѣтлая шапка ярилась,
    Бержу лапелėj blėzgėjė.   Листья березы блестяи.
2.   Atjoi devini par lauka,   Прїѣзжаетъ девять черезъ поле,
 Devini bernėlej, devini bernėlej,   Девять молодчиковъ, девять молодчи-
    ковъ,
    Devini bernėlej par lauka.   Девять молодчиковъ черезъ поле.
3.   Surio žirgus pri žiogriū,   Привязали коней къ палисаднику.
 O patis bernėlej, o patis ber-   А сами молодчики, а сами молодчики,
    нėlej,   нєлєј,
    O patis bernėlej—i sviņa.   А сами молодчики — въ клетъ.
4.   Įšlaužė žirgaj žiogralus,   Разломали кони палисадникъ,
 O patis bernėlej, o patis   А сами молодчики, а сами молодчики,
    бернєлєј,
    O patis bernėlej rutes.   А сами молодчики руты.
5.   Bėgsiu par kiema tekina,   Побѣгу черезъ дворъ бѣгомъ,
 Skunsiūs matušėlej, skunsiūs   Буду жаловаться матушкѣ, буду жа-
    матушėлєј,   ловаться матушкѣ,
    Skunsiūs matušėlej verg-   Буду жаловаться матушкѣ съ сле-
    дама.   замн.
6.   Atjais višnielės iš šaknų,   Выростутъ вишни изъ корней,
 O jialos rutes, o jialos   А зеленыя руты, а зеленыя руты,
    рутелės,
    O jialos rutes iš grodu.   А зеленыя руты изъ зерошъ.

7. О Ку *) ту теји смутна, Отчего ты такъ грустна,
 О ку ту теји смутна, о ну ту Отчего ты такъ грустна, отчего ты
 теји смутна, грустна,
 О ку ту теји смутна вајк- Отчего ты такъ грустна гулаешь?
 нціји?
8. Ар лауки канклу скабачу, Ждешь-ли ты гуслей звучанихъ,
 Арба музикѣлу, арба музи- Или музыкантовъ, или музыкантовъ
 кѣлу,
 Арба музикѣлу грижаѣу? Или музыкантовъ играющихъ?
9. Неј лауку канклу скабачу, Ни я жду гуслей звучанихъ,
 Неј музикѣлу, неј музикѣлу, Ни музыкантовъ, ни музыкантовъ,
 Неј музикѣлу грижаѣу. Ни музыкантовъ играющихъ.
10. Лауку брелелѣ парјоент; Я жду брата скачущаго;
 Парнеш вајникѣлѣ, парнеш вај- Онъ приноситъ вѣнокъ, онъ прино-
 никѣлѣ, ситъ вѣнокъ,
 Парнеш вајникѣлѣ, пар- Онъ приноситъ вѣнокъ, ужъ мель-
 швѣтрѣ. каетъ.

17.

1. Вісі бојорѣј Вѣѣ дворяне
 Ї Рїга жоја, Вѣ Рїгу скачутъ,
 Мусу брелелѣ Наши братцы
 Жїрѣ балноја. Кома сѣлають.
2. Ој, девулѣлау! Ахъ, Боже мой!
 Нїера кам јотї, Не кому скакать.
 Брелелѣ нажас, Братецъ малъ,
 Тетумїс сенас. Батюшка старъ.
3. Ој, девулѣлау! Ахъ, Боже мой!
 Нїера кам јотї, Не кому скакать,
 Нїера кам јотї, Не кому скакать,
 Жїрѣ балнотї. Кома сѣлать.

*) Ку Жам. ви. ка.

4.	Ант аукшта кална Ауга лепенелэ, По та лепенелэ Стікла лангеліс.	На высокої горѣ Ростеть лина, Подъ тою линой, Стеглянное окошко.
5.	Аш прастовѣјау Каьне лепенелэ, Аш пражурѣјау Стікла лангелі.	Я нѣстола На горѣ долину, Я изглядѣла Стеглянное окошко.
6.	Парбѣг жіргеліс Пар жалэ ланка, Свіру кіьвелэ Шалэ жіргелі.	Прібѣгаеть конь По зеленому лугу, Качається стрема Съ боку коня.
7.	Кірта гальвелэ, Каји капустелэ; Вірт леменеліс. Каји анжѣлеліс.	Рубили головы, Какъ капусту; Валится туловище, Какъ дубъ.

18.

1.	Кә ту веркі, панелэ ? Кә ту веркі, жаунојі? Прісіверкі ріто дена, Кад палікі тујен вена.	Что ты плачешь, дѣвица ? Что ты плачешь, молодая? Наплачешься завтра днемъ, Когда останешься ты одна.
2.	Неберасі тетумпа, Ані сено матумес, Неберасі вајнікелі Уж галтону каселу	Не найдешь бытюшки, Ни старой матушки, Не найдешь вѣнка За русыми косыньками.
3.	Накті млега не млегојо Ваьгіті не галѣјо, Кад нар такі ілга чѣса Тавѣс не регѣјо.	Ночью она не спала, Кумать не хотѣла, Такъ какъ долгое время Тебя не видала.

4. Ауга кіеме клеваліс, По тетушка вартелейс; По тў жалу клевалячю Гуь бернеліс жаунасіс. 5. Пуск намажі, вежелі, Не пајудік клеваело Не појудік клевалячю, Не пабудік бернело. 6. Пасікела вёжліс, Јудін клево шакелас Јудін клево шакітелас, Будін жауна бернелі, 7. Јанксті ріта, рітелі Крїнт ну клево расела, Крїнт ір мано ашарелас Пар ші скајста вежелі.	Растеть на дворѣ кленъ У батюшкиныхъ воротъ; Подъ этимъ зеленымъ кленомъ Лежить молодой мой милый. Дуй тихонько, вѣтерокъ, Не качай кленышка, Не качай кленышка, Не разбуди моего милаго. Поднялся вѣтерокъ, Качаетъ клена вѣтки, Качаетъ клена вѣтки, Будеть юнаго голубчика. Рано утромъ, раненько, Падаеть съ клена роса, Падають и мои слезы По этому ясному лицу.

19.

1. Мусу лінај не сѣті, Дар лінеләј не сѣті. Дәјлілү, дәјлілү, Дәјлілүте, дәјлілү. 2. Пасѣс мум бролукај, Пасѣс мум жаунсәјі. Дәјлілү, дәйл. . . . 3. Мусу лінај не рауті, Дар лінеләј не рауті. Дәјлілү, дәйл. . . . 4. Мум нураус сесутѣс, Мум нураус жауносюс. Дәјлілү дәйл. . . .	Нашъ лень не посянъ, Еще ленокъ не посянъ. Дайлилю, дайлилю, Дайлилюте, дайлилю. Посѣють вамъ братцы, Посѣють вамъ молодые. Дайлилю, дай. . . . Нашъ лень не сорванъ, Нашъ ленокъ не сорванъ. Дайлилю, дай. . . . Нашъ сорвуть сестрицы, Нашъ сорвуть молодые. Дайлилю, дай. . . .

5. Мусу лінаж не вешті, Дар лінажэ не вешті. Дэілілу, даі. . . .	Нашъ ленъ не свезенъ, Еще ленокъ не свезенъ. Дайліялю, дай. . . .
6. Парвеш мун бролукаж, Парвеш мун жаунцеі. Дэілілу, даі. . . .	Привезуть намъ братцы, Привезуть намъ молодые. Дайліялю, дай. . . .
7. Мусу лінаж не каршті, Дар лінажэ не каршті. Дэілілу, даі. . . .	Нашъ ленъ не обить, Еще ленокъ не обить. Дайліялю, дай. . . .
8. Мун нукарш бролукаж, Мун нукарш жаунцеі. Дэілілу, даі. . . .	Нашъ обьють братцы, Нашъ обьють молодые. Дайліялю, дай. . . .
9. Мусу лінаж не меркті, Дар лінажэ не меркті. Дэілілу, даі. . . .	Нашъ ленъ не моченъ, Еще ленокъ не моченъ. Дайліялю, дай. . . .
10. Мун намеркэ бролукаж, Мун намеркэ жаунцеі. Дэілілу, даі. . . .	Нашъ помочуть братцы, Нашъ помочуть молодые. Дайліялю, дай. . . .
11. Мусу лінаж не клоті, Дар лінажэ не клоті. Дэілілу, даі. . . .	Нашъ ленъ не поставяъ, Еще ленокъ не поставяъ. Дайліялю, дай. . . .
12. Мун наклос сесутѣс, Мун наклос жауносіос Дэілілу, даі. . . .	Нашъ постеляють сестрицы, Нашъ постеляють молодые. Дайліялю, дай. . . .
13. Мусу лінаж не ігті, Дар лінажэ не ігті. Дэілілу, даі. . . .	Нашъ ленъ не убранъ, Еще ленокъ не убранъ. Дайліялю, дай. . . .
14. Мун суіис сесутѣс, Мун суіис жоуносіос. Дэілілу, даі. . . .	Нашъ уберуть сестрицы, Нашъ уберуть молодые. Дайліялю, дай. . . .

15.	Мусу лінај не вешті, Дар ліналәј не вешті. Дајлілу, дајл.	Намъ ленъ не свезенъ, Еще ленокъ не свезенъ. Дайлилю, дайл. . . .
16.	Мум парвеш бролукај, Мум парвеш јаунијі. Дајлілу, дајл. . . .	Намъ свезуть братцы, Намъ свезуть молодые. Дайлилю, дайл. . . .
17.	Мусу лінај не мінті, Дар ліналәј не мінті. Дајлілу, дајл. . . .	Намъ ленъ не мятъ, Еще ленокъ не мятъ. Дайлилю, дайл. . . .
18.	Мум ішнінс бролукај, Мум ішнінс јаунијі. Дајлілу, дајл. . . .	Намъ сомнуть братцы, Намъ сомнуть молодые. Дайлилю, дайл. . . .
19.	Мусу лінај не плукті, Дар ліналәј не плукті. Дајлілу дај. . . .	Намъ ленъ не чесанъ, Еще ленокъ не чесанъ. Дайлюли, дайл. . . .
20.	Мум нушлук сесутѣс, Мум нушлук јауносіос. Дајлілу дај. . .	Намъ вычешуть сестрицы, Намъ вычешуть молодые. Дайлюли, дайл. . . .
21.	Мусу лінај не верпті. Дар ліналәј не верпті. Дајлілу дај. . . .	Намъ ленъ не пряденъ, Еще ленокъ не пряденъ. Дайлилю, дайл. . . .
22.	Мум суверис сесутѣс, Мум суверис јауносіос. Дајлілу дај. . . .	Намъ спрадуть сестрицы, Намъ спрадуть молодые. Дайлилю, дайл. . . .
23.	Мусу дробѣс на аустос Дар дроблѣс не аустос. Дајлілу дај. . . .	Нами полотна не тканы, Еще полотна не тканы. Дайлилю, дайл. . . .
24.	Мум ішаус сесутѣс, Мум ішаус јауносіос. Дајлілу дај. . . .	Намъ соткуть сестрицы Намъ соткуть молодые. Дайлилю, дайл. . . .

20.

1. Ауга гіріо кляваліс, Пагірѣје ужалѣліс. Ој угіи, угіи матітѣ дукрѣлэ, Кај даржѣлэ рутелэ.	Растетъ въ роцѣ кленышскъ, Возгѣ роци дубокъ. Ои раститъ, матушка, дочку, Какъ руту въ палисадникѣ.
2. Эји матутѣ пар двара, Дукрела прѣ шалалэс ; Ој нежадѣк манѣ, мотінѣла, Да ам жауна дукрела.	Идетъ матушка чрезъ дворъ, Дочка возгѣ нея. Ои не выдавай меня, матушка, Еще я молодая дочка.
3. Да не вершу лівалу, Не ішауду дробелу, Ој да не сеју даржѣлі рутелу, Не шіпау вајнікѣлі.	Еще и не пряду льна, Не могу тьятъ полотна, Ои еще я не сѣю въ саду руты, Не спѣла вѣнка.
4. Ішѣю васарѣла, Атејна руденѣліс, Ој атѣја жаунейі свѣтелеј Пас мано дуктерѣлѣс.	Минуло гѣто, Приходятъ осеннее время, Пріѣзжаютъ молодыя гости Къ моеі дочкѣ.
5. Ір суверіпау ліселус, Ір ішаудпау дробелас, Ој ам пасѣјау даржѣлі рутелэс Нупініад вајнікѣлі.	И я отпирала ленъ, И выткала полотна, Ои я постѣла въ палисадникѣ руты, Я спѣла вѣнокъ.
6. Кѣ сѣді уж стало? Кѣ журі пар лангалі? Ој арцавоја јѣдберас жіргѣліс Ант аукиштою каљнелю.	Что ты сидишь за столомъ? Что смотришь въ окошко? Аи играетъ черногѣдыи конекъ На высокомъ холмѣ.

21.

1. Діді дівај радос ір стебуклај, Кад васара жерај ужшало. Кур гідісма бѣрфусус жір- гелус?	Великое диво и чудеса явилось, Что гѣтомъ озера замерали. Гдѣ мы будемъ поить гѣдыкъ кони- ковъ?

- Кур нушвессма ауксу пінті- Гдѣ почыстимъ золотыя стремева.
нѣлес?
2. Тек саулелѣ жемѣ жибурдама, *Восходитъ солнце, землю освѣ-
щая,*
Ужсіелѣда ледд гирпідама; *Закатывается, ледъ растаивая;*
Відурелі жіргелус гирдісма, Въ срединѣ будемъ коней поить,
Пакраштелѣ піптінѣлус швіе- На берегу стрема чистить.
сма.
3. Ам непрастас татушю су- Я не простой батюшкинъ сынъ,
нелс,
Ам непраста скірсу сау па- Я не простую возму себѣ дѣвицу:
нелѣ;
Іш Палангос пірксу сау жір- Въ Палонгѣ куплю себѣ коня,
гелі,
Іш бажору імсу сау панелѣ, Изъ боярскаго роду возму себѣ дѣ-
віцу.
4. Жвєнг жіргеліс Палангос мѣ- Ржетъ конь въ городкѣ Полонгѣ,
стелѣ,
Верк жергалѣ бажору шалелѣ; Плачеть дѣвица въ околоткѣ дворан-
скомъ;
Ам жіргелуј дусу авіжѣлму, Я коню дамъ овсеца,
О панелѣј руту вайнікѣлі. А дѣвицѣ рутувый вѣшокъ.
5. Ам жіргелі і кіта мајнісу, Я коня на другаго помѣняю,
О панелѣ та пача маьдісу; А дѣвицу ту самую буду любить;
Кад ам жојау пар жалѣ гирелѣ, Когда я скакаль по зеленой рощѣ
Пасілаужлау путелю шакелѣ. Я выломаль себѣ калиновую вѣточку.
6. Не тек іра путелу фгалу, Не столько на ней калиновыгъ ягодъ,
Кіек теи кріто грауду ама- Сколько тутъ падало горькигъ са-
рѣлу. слезъ.

22.

1. Ужугіно тэус сувелі, Пожадэю і ваіскелі Пар вартус ішюдамс, Габьвелэ палінкідамс:	Выростилъ отецъ сына, Назначилъ его въ войско. Выѣзжая черезъ ворота, Голову склоняя :
2. Судеу мелај мотінелеј Ір сьсам тетумэлуј! Пар улічэ јодамс, Бабьселу раудодамс:	Прощай, милая матушка, И старый батенька! По улицѣ скача, И громко плача:
3. Судеу мано сьсутэлај Ір вісом гімінэлом Палідэк, панітэла, Пар шіфе лігфе заукелус.	Прощай, моя сестрица, И вся моя роденька! Проводи, красная дѣвица, По этимъ равнымъ полямъ.
4. Пар заукелі лідэјау, Мејлус жодуе кальбэјау: Ар сугріші, бернужэлі, Шісам мелаи руденэлі?	По полю я проводила, Милыя слова я говорила: Воротнись-ли, добрый молодець, Въ эту милую осень?
5. Гріштіе гаь не сугрішчу, Ланкітіе не ланкісу, Атрашісіу гронатэлаэ Сіабро печентэлаэ.	Воротаться-то не ворочусь, Посѣтитъ-то не посѣтчу; Нашиму грамоту Съ серебряною печаткою.
6. Падук мелај матутеј Ір сьсам тетумэлуј, Падук мано панітэлај Шеј мејлојеј шірделэј.	Отдай милой матушкѣ, И старому батюшкѣ, Отдай моей красной дѣвицѣ, Этому милому сердечку.
7. Парскајта мотінэла Ір сьсас тетумэліс, Не парскајте панітэла; Суграудіно шірделэ.	Прочитала матушка, И старый батюшка, Не прочитала красная дѣвица; Огорчило ей сердечко.

8. Кад аш зјау ант содо,
Ант шю жало соделю,
Чаушка соде лакштінгѣла —
Небіер маню бернелю.
9. Кад аш зјау ант лауко,
Ант шюс лігос лаукелѣс;
Аре лауко артојѣлеј —
Небіер маню бернелю.
10. Кад аш зјау ант гірѣс,
Ант шюс жалос гірелѣс;
Кукуј гіро гегутѣлас —
Небіер маню бернелю.
11. Кад аш зјау ант ланкос
Ант шюс жалос ланкелѣс;
Цјауна шена шенпјовѣлеј —
Небіер маню бернелю.
12. Кад аш зјау ант стајнѣс,
Ант жіргѣло стајнѣлѣс,
Ір жіргѣло јудрѣрѣло —
Небіер маню бернелю.
13. Кад аш зјау ант даржо,
Ант рутеліу даржелю,
Ір рутелу, леліјѣлу —
Небіер маню бернелю.
14. Ціт не верк, лукрѣла,
Не раудок, јаунојі,
Атјѣс шалтас руденѣліс,
Атјѣс кіте ір бернеліс.
15. Кад ір шінтас бернелу
Кад ір антрѣс шінтеліс, —
Не нураміс ман шірделѣс,
Кажі тас вене бернеліс.
- Когда я пошла въ садъ,
Въ этотъ зеленый садикъ,
Щебечеть въ саду соловьишка —
Нѣтъ моего милаго.
- Когда пошла на поле,
На это ровное поле,
Пашутъ въ полѣ пахаря —
Нѣтъ моего милаго.
- Когда я пошла въ рощу,
Къ эту зеленую рощу;
Кукуютъ въ рощѣ кукушки —
Нѣтъ моего милаго.
- Когда я вышла на лугъ,
На этотъ зеленый лугъ;
Косить траву косари —
Нѣтъ моего милаго.
- Когда я пошла въ конюшню,
Въ конюшню милаго коня,
И коня черногѣдаго —
Нѣтъ моего милаго.
- Когда я пошла въ палисадникъ,
Въ рутовый палисадникъ,
И рутовый и лилейный —
Нѣтъ моего милаго.
- Тшше, не плачь, доченька,
Не стуй, молодая,
Придетъ холодное осеннее время,
Прійдетъ другой и молодчикъ.
- Ежели-бъ и сто молодчиковъ,
Ежели-бъ и другая сотня, —
Не успокоятъ мнѣ сердечка,
Какъ этотъ одинъ, мой милонькій.

23.

1.	Угін мане мотінела, Угін мане мажула.	Ростить меня матушка, Ростить меня маленькую.
2.	Угядама мотінела Дідаь варга ір турејо.	Роста меня, матушка Большое горе была.
3.	Накті мюга не ужміго, Діена дарба не падрібо.	Ночью глаз не сомкнула, Днемь оть работы отрывалась,
4.	Накті ранкас пугулєјо, Діена калус нуседејо.	Ночью руки отлежала, Днемь колѣни отсидѣла.
5.	Ір ужугус мотінела Ір паладє памарелен.	И выросила матушка, И пустила на взморье.
6.	Памарелє вајкнчюдама, Угителас ранкюдама;	По взморью гуляя, Ягодки я собирала;
7.	Сальдас вугас сербентелу, Да сальдеснес жинугалу.	Сладкия ягоды черной смородины, Еще слаще земляники.
8.	Мілі мане тетумеліс, Лаблау мілі мотінела.	Любить меня батюшка, Еще больше — матушка.
9.	Скінау, шінау вајнікелі Трију даржу жолініелу.	Я рвала <i>цветы</i> , я плела вѣнокъ Изъ цвѣтковь трехъ садовъ.
10.	Шіт аргоја тріс бернелеј Дєь то вєно вајнікєло.	Вотъ скачуть три красавца За этимъ однимъ вѣнкомъ.
11.	Дук, матутє, свечам мїдаус, Не дук мано вајнікелі.	Дай, матушка, гостямъ меду, Не давай моего вѣнка.
12.	Брангус мано вајнікеліс Трију даржу жолініелу.	Дорогъ мой вѣнокъ Изъ цвѣтковь трехъ садовъ.

24.

1.	Тетуші мано! Санс тєвутєлі! Катра дусі ман жіргелі Пас панела јоті?	Батюшка мой! Старый батенька! Котораго дань ты мнѣ коня Слакать къ красной дѣвкѣ?
2.	Сунуті мано! Ділі артојелі!	Сынокъ мой! Ты большой пахарь!

- Шіра, жіра, дімо бала — Сиваго коня, красное сѣдло —
 Пас павела јоті.
 Скакать къ красной дѣвцѣ.
 3. Пар лаукелі жојау, Черезъ поле я скакаль,
 Вејаліс шіраво, Вѣтерокъ шумѣль,
 Кај ужинѣау акменелі Когда на камышокъ наступалъ,
 Угнела жібѣјо. Огонекъ сверкаль.
 4. Пар гірала жојау, Черезъ рошу я скакаль,
 Гірала скамбѣјо, Въ роцѣ гудѣло,
 Вісу маду раса кріто Со вѣсѣхъ деревьевъ роса падала
 Ант мако жіргело. На моего коня.
 5. Ант лауко ішјојау, На поле я выѣхалъ,
 Саулала текѣјо, Солнышко всходило,
 Вісу маду раса дуво, На деревьяхъ роса осыпала,
 Ант мако жіргело. И на моемъ коникѣ.
 6. Ант дварело жојау, На барскій дворъ я скакаль,
 Ант муралу шовау, Въ каменную стѣну я выстрѣ-
 лиль.
 Кад не жіргас, кад не балаас, Ежелибъ не конь, ежелибъ не сѣдло,
 Буче пате прапѣлес. То я бы пропалъ.
 7. Ішјѣн нанітѣла Выходить красная дѣвица
 Іш аукито свірнело Изъ высокой клетки,
 Манѣ јауна мілѣдана, Меня молодого съ любовью встрѣ-
 чалъ,
 Жірго пріѣдама: И къ коню подходя:
 8. Век жіргѣ ант стајнос, Веди коня въ конюшню,
 Балаң інг пакају, Неси сѣдло въ горницу,
 Манѣ јауна бернужелі Меня юнаго молодчика
 Ант аукито свірнело. Веди въ высокую клетъ.

25.

1. Сѣјау рута, сѣјау мѣта, Я сѣла руту, я сѣла мѣту,
 Сѣјау леліѣла, Я сѣла лелію,
 Сѣјау саво јаунас дѣнас Я посѣла свои юные дни
 Драуге су рутелни. Вивѣстѣ съ рутюю.

2. Діго рута, діго мѣта,
Діго леліѣла.
Діго мано жаунос дьенос
Драуге су рутѣлэм.
3. Ауго рута, ауго мѣта,
Жауго леліѣла,
Жауго мано жаунос дьенос
Драуге су рутѣлэм.
4. Жікі рута, жікі мѣта,
Жікі леліѣла,
Жікі мано жаунос дьенос
Драуге су рутѣлэм.
5. Скінау рута, скінау мѣта,
Скінау леліѣла,
Скінау саво жаунас дьенас
Драуге су рутѣлэм.
6. Пінау рута, пінау мѣта,
Пінау леліѣла,
Пінау саво жаунас дьенас
Драуге су рутѣлэм.
7. Дѣшчау рута, дѣшчау мѣта,
Дѣшчау леліѣла,
Дѣшчау саво жаунас дьенас
Драуге су рутѣлэм.
8. Віто рута, віто мѣта,
Віто леліѣла,
Віто мано жаунос дьенос
Драуге су рутѣлэм.
9. Дуво рута, дуво мѣта,
Дуво леліѣла,
Дуво мано жаунос дьенос,
Драуге су рутѣлэм.
- Взросла рута, выросла мята,
Взросла ллія,
Взросла моя молодость
Вивѣсть съ рутою.
Росла рута, росла мята,
Росла ллія,
Росла моя молодость
Вивѣсть съ рутою.
Цвѣла рута, цвѣла мята,
Цвѣла ллія,
Цвѣла моя молодость
Вивѣсть съ рутою.
Я срывала руту, я срывала мяту,
Я срывала ллію,
Я срывала свои юные дни
Вивѣсть съ рутою.
Я плела руту, я плела мяту,
Я плела ллію,
Я плела свои юные дни
Вивѣсть съ рутою.
Я носила руту, я носила мяту,
Я носила ллію,
Я носила свои юные дни
Вивѣсть съ рутою.
Вала рута, вала мята,
Вала ллія,
Вала моя молодость
Вивѣсть съ рутою.
Сохла рута, сохла мята,
Сохла ллія,
Сохла моя молодость
Вивѣсть съ рутою.

36.

1. Сѣд зукеліс пілкас
Ант эжѣс, ант эжѣс,
Прівад лггі валѣс
Сау межю, сау межю,
О тѣ стрѣльчѣй не регѣјѣ
Јог зукеліс тѣн сѣдѣјѣ
Спакајнеј, спакајнеј.
2. Стрѣльчѣй тока рода
Падарѣ, падарѣ,
Діді нугака жиюну
Суварѣ, суварѣ.
Падарісім мес че петус,
Судраскісма зукію рејтус,
Тејп ір бус, тејп ір бус.
3. Атаејсім грејтґсеус
Чюн куртус, чюн куртус,

Варісім іш межю
Тус буртус, тус буртус.
Кајп стрѣльчѣй сумуко: са, са,
Зукіс сау нугара каса,
Ак, бѣда, ак, бѣда!

4. Кајп тік стрѣльчѣй зүжі
Паматѣ, паматѣ,
Түјаус зукіс аусіс
Пастатѣ, пастатѣ.
Вісі шаукѣ дідү балсу:
Зукію небрег жау пі аусу,
Пабѣго, пабѣго.

Сидитъ зайчикъ стрый
На межѣ, на межѣ,
Наѣдается вдоволь
Ячменя, ячменя,
А эти охотники не видѣли,
Что зайчикъ тамъ сидѣлъ
Спокойно, спокойно.
Охотники такой совѣтъ
Держали, держали,
Большую толпу людей
Согнали, согнали.
Сдѣлаемъ мы здѣсь обѣдъ,
Разорвемъ зайца ляшки,
Такъ и быть, такъ и быть.
Спустимъ быстрыхъ
Гончихъ собакъ, гончихъ со-
бакъ,
Будемъ гнать изъ ячменя
Этого воринку, этого воринку.
Какъ охотники закричали: са, са,
Заяць себѣ спину чешеть,
Ахъ, бѣда, ахъ, бѣда!
Какъ только охотники зайца
Увидѣли, увидѣли,
Сейчасъ заяць уми
Наострилъ, наострилъ.
Всѣ кричали густымъ басомъ:
Зайца не видать ужъ и ушей,
Побѣжалъ, побѣжалъ.

37.

1. Ој ту страаде, страаделі,
Ту мадрасіс паукителі!

Ой ты дроздъ, дроздочекъ,
Ты умѣйшая птичка!

- Ту гедојеј гірюј ладінелі.
 2. Ар ладінус аугінај?
 Ар ремутус брандінај?
 Ар каьнелі үгелєс сірпінај?
 3. Неј ладінус аугінау,
 Неј ремутус брандінау,
 Неј каьнелі үгелєс сірпінау.
 4. Аглынелі сөдөјау,
 Аглынелі тупөјау,
 Аглынелі вайкелус перөјау.
 5. Ам аунтај лакојау,
 Віршунеламє скраюјау,
 Лејдау балса і жалө гірөла.
 6. Ант жемелєс вайкчюјау,
 Вобалалус ранкюјау,
 Саво мажуєс вайкелус жівіјау.
 7. Жау денела іьгесні
 Ір саулаа шьтесні,
 Ім бержалу судала текөјо.
 8. Ам спарнелус сушюјау;
 Клаусік, мелєс артојау,
 Тајсік, тајсік наује жагрєлє.
 9. Жау жемелє пракуро,
 Длаугєс віос натурос;
 Ір ланкелє жалүті прадөјо.
 10. Пшменөлеј трубіјо,
 Авігелєс ганідамі:
 Шкуд, шкуд, шкуд, балтос аві-
 тєлєс.

- Ты пьэлъ въ лѣсу, въ орѣшникѣ.
 Иль орѣшникъ ты ростилъ?
 Иль орѣхи ты ядрилъ?
 Иль на горѣ ягоды вырѣвалъ?
 Ни орѣшникъ я ростилъ,
 Ни орѣхи я ядрилъ,
 Ни на горѣ ягоды я не вырѣвалъ.
 Въ ельникѣ я сидѣлъ,
 Въ ельникѣ я присѣдалъ,
 Въ ельникѣ я дѣтей высиживалъ.
 Я высоко леталъ,
 По верхушкамъ кружилъ,
 Подавалъ я голосъ въ зеленую
 рощу.
 По землѣ я ходилъ,
 Жучковъ я собиралъ,
 Своихъ маленькиѣхъ дѣтушекъ я
 считалъ.
 Уже денекъ длинѣе,
 И солнышко теплѣе,
 Изъ березки березовица капала.
 Я крылышки сложилъ;
 Слушай, милый пахарь,
 Исправляй, исправляй новую соху.
 Ужъ земля разрыхлилась,
 Радуются воѣ твари;
 И лугъ зазеленѣлъ.
 Пастушки трубляи,
 Паса овечки:
 Шкулъ, шкулъ, шкулъ, бѣлыя
 овечки!

28.

1. Герцау алуці галтона,
Кад бучау балта, раудона.
2. Уж балто стало сёдэцау,
Раудона рожка жідэјау.
3. Деверіс тарэ ужгердаме:

Бук свејка, мусу мартелэ!
4. Не праманікі варделі,
Во аш не јусу мартелэ.
5. Пеку бролу сеселэ,
Санос мочутэс дукрелэ.
6. Маргој лінгелэј лінгута,
Балто ранко нешота,
7. Ант балту ранку нешота,
Мејлејс жоделејс кальбіта.

Я пила пиво желтое,
Чтобы быть белою, румяною.
За бѣлымъ столомъ я сидѣла,
Алою розою я цвѣла.
Деверь сказалъ зѣ круговою ча-
шею:
За твое здоровье, наша невѣстка!
Не нарекайте имя,
Я не ваша невѣстка,
Я пяти братьевъ сестра,
Старой матушки я дочка.
Въ красной колыбели баюкана,
На бѣлыхъ рукахъ вынянчена,
На бѣлыхъ рукахъ вынянчена,
Милыми словами угулюкана.

29.

1. По тэвэлу вартајс,
Мотівелэс вартајс,
Тен індіго жоліцелэј,
Балті добіцелэј.
2. Лејскіт жіргелус
І жалэ ланкелэ,
Пріганікіт бѣрус жіргус
Жалоје ланкелэј.
3. Жіргэј пріганіті,
Стајној пастатіті;
Ој јау мусу сесерелэ
Сенеј нарэдита.
4. Уж сталало сѣді,
Тріс жвакелэс лега,

У батюшкиныхъ воротъ,
Матушкиныхъ воротъ,
Тамъ выросли сочные травы,
Бѣлые трилистники.
Пустице кониковъ
Въ зеленый лужекъ,
Понасите гнѣдыхъ коней
Въ зеленомъ лужкѣ.
Кони попасены,
Въ конюшнѣ поставлены;
Ой ушъ наша сестрица
Давно наряжена.
За столомъ сидитъ,
Три свѣчки горать,

- Вайнікalis ант гальвелес,
Паті каји рожелё.
5. Атайна черкалё
Пар балта сталелі,
Вой, ой, ой, дивулёлау!
Рейкс ман ја ішгерті.
6. Гертис ішгерсу,
Але не пакальсу,
Толі мано мотінелё,
Пешча не парейсіу.
7. Кас ман норі гауті,
Тас тур анкети каьті;
Јау сенеј не дабар
Каји прадејау аугті;
8. Каји прадејау аугті,
Пловас дробес аусті,
Кас метелі по шимтелі
Дробу вўлектёлу.

Вўнокъ на головь,
Сама, какъ розанчикъ.
Приходить чарочка
По бѣлому столу,
Ой, ой, ой, Боже мой!
Придется мнѣ ее выпить.
Пить-то я выпью,
Но не вынесу,
Далеко моя матушка,
Пѣшкомъ я не приду.
Кто мнѣ хочетъ правиться,
Тотъ долженъ рано вставать;
Уже давно, не теперь
Я начала роста;
Какъ я начала расти,
Тонкія полотна ткать,
Всякой годъ по сотенкѣ
Локтей полотна.

30.

1. Вой ділі, ділі
Гірнос меделеј
Мажі мусу брелелеј.
2. Вой ужаугс, ужаугс
Мусу брелелеј
Ішкірс гірнос меделус.
3. Гіралој кірто,
Пагіреј ташё,
Ант вешкелю вешё.
4. Вой будавосім
Науја лажвеле.
Ант кстурму керталу,
5. Ант кертужелу
По гегужёле

Ой великія, великія
Лѣсныя деревья,
Малые наши братцы.
Ой, вырастутъ, вырастутъ
Наши братцы,
Вырубать лѣсныя деревья.
Въ рошѣ рубили,
Волагъ роши тесали,
На большую дорогу везли.
Ой, мы будемъ строить
Новую лодку.
На четырехъ углахъ,
На уголкахъ
По кукушкѣ

Кукаво рітс вакареліс.
6. Толеј кукаво,
Коль ішкукаво
Свнос мотнос дукрелє.

Куковали утрогь вечерогь.
До тѣхъ порь куковали,
Пока выкуковали
У старой матушки дочку.

31.

1. Мергелє, рудакелє,
Веду не гівнєсма;
Свєтє арє шємајс јаутејс,
Веду — вобалєлєјс.
2. Мергелє, рудакелє,
Веду не гівнєсма;
Свєтє сєја сєтувєлємс,
Веду — ракундєлємс.
3. Мергелє, рудакелє,
Веду не гівнєсма;
Свєтє прѡвє су даьгелємс,
Веду-су пејлєлєјс.
4. Мергелє, рудакелє,
Веду не гівнєсма;
Свєтє вєжа вєжмєлємс,
Веду-су глєбєлємс.

Дѣвушка кареокая,
Намъ не вести хозяйства;
Люди пашуть сѣрыми волами,
А мы — жучками.
Дѣвушка кареокая,
Намъ не вести хозяйства;
Люди сѣють кузовами,
Мы же — плетушками.
Дѣвушка кареокая,
Намъ двумъ не хозяйничать;
Люди жнутъ косами,
Мы же — ножами.
Дѣвушка кареокая,
Намъ двумъ не хозяйничать;
Люди везуть телѣгами,
Мы же — носилками.

32.

1. Кукѹ гіріо гєгужєлє,
Верк не вєна сїратєлє.
д. Цїт, не веркі, сїратєлє,
Небсудауксі матушєлєс.
3. Ту салауксі саулє тєкант,
Не матушє анксі кєлант.
4. Гуь матушє ант лєнтєлєс,
Дєг жвакєлєс прї гаьвєлєс.
5. Дєг жвакєлєс прї гаьвєлєс,
Верк дукрєлє прї шалєлєс.

Кукуеть въ рошѣ кукушка,
Плачетъ не одна сирота.
Тшє, не плачь, сиротинька,
Не дожدهшься матушки.
Ты дожدهшься солнечного выхода
А не матушки рано вставшей.
Лежитъ матушка на доскѣ,
Горять свѣчки при головушкѣ.
Горять свѣчки при головушкѣ,
Плачетъ дочка возлѣ матушки.

6.	Вој, матушэ, матушэлё, Ар не ілга ші нактелэ?	Ой матушка, матушка, Не долга-ли эта ночь?
7.	Ар не ілга ші нактелэ? Ар не кетас паталеліс?	Не долга-ли эта ночь? Не тверда-ли постель?
8.	Дробулелэ ант лентелэс, Падумкелэ по гаьвелэс.	Простыня на доскэ, Подушка подь головушкой.
9.	Сусірінко сусэделэј, Ішвэж муна матушэлё.	Собрались сосэди, Вывезуть мою матушку.
10.	Ішвэж муна матушэлё, Палікс мунэ сірателэ.	Вывезуть мою матушку, Оставать меня сироту.
11.	Палікс мунэ сірателэ. Каји гегужелэ кукужанчэ.	Оставать меня сироту, Какъ кукушку кукующую.

33.

1.	Ка дірб жообріс ругу́се, Жюобраля́тіс ругу́се? Ка дірб жообріс жообраля́тіс Ругу́се, ругу́се?	Что дэлаеть коростель во ржи Коростелекъ во ржи? Что дэлаеть коростель коростелекъ Во ржи, во ржи?
2.	Скен жообраліс варпелес, Жюобраля́тіс варпелес; Скен жообраліс, жообраля́тіс Варпелес, варпелес.	Щиплетъ коростель колосья, Коростелекъ колосья; Щиплетъ коростель, коростелекъ Колосья, колосья.
3.	Ка дірб жообріс іш варпу, Жюобраля́тіс іш варпу? Ка дірб жообріс, жообраля́тіс Іш варпу, іш варпу?	Что дэлаеть коростель изъ колосьевъ, Коростелекъ изъ колосьевъ? Что дэлаеть коростель, коростелекъ Изъ колосьевъ, изъ колосьевъ?
4.	Сук жообраліс лізделі, Жюобраля́тіс лізделі; Сук жообраліс, жообраля́тіс Лізделі, лізделі.	Вьеть коростель гнъздо, Коростелекъ гнъздо; Вьеть коростель, коростелекъ Гнъздо, гнъздо.
5.	Каји шес жообрі прігаусма,	Какъ мы коростеля поймаемъ,

- Жюбралајті прігаусма?
 Каји мес жюбри, жюбрамајті
 Прігаусма, прігаусма?
 6. Паимк жюбрио лізделі,
 Жюбралајčiu лізделі;
 Паимк жюбрио, жюбралајčiu
 Лізделі, лізделі.
 7. Парајс жюбрис ір патсај,
 Жюбралајтіс ір патсај;
 Парајс жюбрис жюбралајтіс
 Ір патсај, ір патсај.

*

* *

8. Ка дірб пана даржелі,
 Панулајтє даржелі?
 Ка дірб пана, панулајтє
 Даржелі, даржелі?
 9. Скен панелє рутелєс
 Панулајтє рутелєс;
 Скен панелє, Панулајтє
 Рутелєс, рутелєс.
 10. Ка дірб пана іш руту,
 Панулајтє іш руту?
 Ка дірб пана, панулајтє
 Іш руту, іш руту?
 11. Пін панелє вајніка,
 Панулајтє вајніка;
 Пін панелє, панулајтє
 Вајніка, вајніка.

- Коростелька поймаєшь?
 Какъ мы коростеля, коростелька
 Поймаєшь, поймаєшь?
 Возьми коростеля гнѣздо,
 Коростелька гнѣздо;
 Возьми коростеля, коростелька
 Гнѣздо, гнѣздо.
 Придетъ коростель и самъ,
 Коростелекъ и самъ;
 Придетъ коростель, коростелекъ
 И самъ, и самъ.

*

* *

- Что дѣлаєть дѣвица въ пали-
 садникѣ,
 Красная дѣвица въ палисад-
 никѣ?
 Что дѣлаєть дѣвица, красная дѣ-
 вица
 Въ палисадникѣ, въ палисад-
 никѣ?
 Рветъ дѣвица руту,
 Красная дѣвица руту;
 Рветъ дѣвица, красная дѣвица
 Руту, руту.
 Что дѣлаєть дѣвица изъ руты,
 Красная дѣвица изъ руты?
 Что дѣлаєть дѣвица, красная дѣ-
 вица
 Изъ руты, руты?
 Плететь дѣвица вѣнокъ,
 Красная дѣвица вѣнокъ;
 Плететь дѣвица, красная дѣвица
 Вѣнокъ, вѣнокъ.

12. Каји мес пана прігаусма,
 Панулајтэ прігаусма?
 Каји мес пана, панулајтэ
 Прігаусма, прігаусма?
13. Паіжк панос вајніка
 Панулајтэс вајніка;
 Паіжк панос, панулајтэс
 Вајніка, вајніка.
14. Паројс пана ір паті,
 Панулајтэ ір паті;
 Паројс пана, панулајтэ
 Ір паті, ір паті.

- Какъ мы дѣвицу возьмемъ,
 Красную дѣвицу возьмемъ?
 Какъ дѣвицу, красную дѣвицу,
 Возьмемъ, возьмемъ?
- Возьми дѣвицы вѣнокъ,
 Красной дѣвицы вѣнокъ;
 Возьми дѣвицы, красной дѣвицы
 Вѣнокъ, вѣнокъ.
- Придетъ дѣвица и сама,
 Красная дѣвица и сама;
 Придетъ дѣвица, красная дѣвица
 И сама, и сама.

**СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 2**

**ЛИТОВСКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.
СЪ ПЕРЕВОДОМЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.**

И. А. ЮШКЕВИЧА.

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 8 лн., № 12.)**

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наук. Санкт-Петербургъ, 10 іюля 1867 года.

Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

КОРЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЪ НАЗВАНИЯХЪ РОДСТВА У СЛАВЯНЪ.

И. ЛАВРОВСКАГО.

Чтано въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности 26 Января и 3 Февраля
1867 года.

Въ ряду выраженій, опредѣленіе понятій которыхъ сопровождается особенно богатыми результатами въ сравнительномъ языкознаніи, безспорно, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ термины родства. Отмѣтить по возможности полное количество ихъ и указать на коренное ихъ значеніе, подъ руководствомъ строгихъ и точныхъ правилъ современной науки языкознанія, тоже самое, что опредѣлить первобытную, по крайней мѣрѣ, основную идею, какую соединялъ древнѣйшій человѣкъ съ разными степенями родственности, а такое опредѣленіе само въ себѣ должно уже заключать и данныя о взглядѣ его вообще на связь родственную. Этотъ же выводъ, въ свою очередь, не можетъ не разъяснить передъ нами значенія и свойствъ первоначальной семьи, изъ которой, сообразно съ тѣмъ или инымъ характеромъ ея, развились такія или нынѣ родовыя отношенія, только сравнительно позднѣйшими уже своими проявленіями входящія въ собственно такъ называемую исторію.

Понятно послѣ этого, почему и новѣйшіе ученые филологи въ изслѣдованіяхъ своихъ не забывали терминовъ родства, почему и историки позднѣйшіе не уклоняются отъ пользованія результатами такихъ изслѣдованій.

Такъ какъ славянскій народъ составляетъ самостоятельную часть племени арійскаго и какъ славянскій языкъ довольно давно

принять въ пособіе и западными учеными въ ихъ сравнительно-лингвистическихъ изысканіяхъ, то не удивительно, что многія и изъ славянскихъ выраженій родства получили уже надлежащее объясненіе. Но это касается исключительно выраженій общихъ съ другими индо-европейскими народами. Между тѣмъ у Славянъ успѣлъ образоваться еще въ доисторическую пору значительный запасъ особыхъ терминовъ, которые должны обратить на себя тѣмъ большее вниманіе, что въ нихъ можетъ по преимуществу высказаться и особенность семейнаго и родоваго быта и своеобычность взгляда на разнообразіе родственныхъ отношеній. Обильная масса словъ съ поразительно заботливымъ опредѣленіемъ отдѣльныхъ членовъ самыхъ отдаленныхъ степеней родства служитъ лучшимъ доказательствомъ бытовой важности родственныхъ связей у Славянъ.

Предлагая въ настоящее время собраніе подобныхъ терминовъ съ послѣднимъ объясненіемъ ихъ, я считаю не лишнимъ захватить и тѣ выраженія, значеніе которыхъ давно обслѣдовано и уяснено. Дѣлаю это, во первыхъ, для того, чтобы родственная терминологія Славянъ представляла по возможности нѣчто цѣльное, во вторыхъ потому, что не всѣ термины и ближайшаго и общаго родства попали въ изслѣдованія западныхъ ученыхъ, наконецъ, въ послѣднихъ до того разбросаны свѣдѣнія и часто такъ не согласны выводы, что сведеніе ихъ въ одно цѣлое нельзя не признать удобнымъ.

Отъ какихъ либо общихъ выводовъ я удерживался, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что для объективной ихъ истины требуется весьма много условій, выходящихъ далеко за границы исключительной лингвистики; тѣмъ не менѣе, я считалъ не лишнимъ частныя замѣчанія, какія, казалось, вытекали необходимо изъ подробнаго объясненія отдѣльныхъ словъ. Подобныя замѣчанія, хотя и носятъ на себѣ не рѣдко характеръ субъективности, не всегда однакоже лишены значенія по крайней мѣрѣ матеріала при общихъ выводахъ. На этомъ основаніи, и въ способѣ изложенія я не только не чуждался указаній историческихъ, а напротивъ хватался за каждое свидѣтельство, какое только удавалось подмѣтить мнѣ, и сопоставлялъ его объясненіямъ лингвистическимъ. Такое направленіе казалось не неважнымъ въ томъ отно-

неніи, что посредствомъ его можно бы легко опредѣлить постепенное ослабленіе родовыхъ связей чрезъ замирание и окончательное исчезновеніе изъ жизни терминовъ родства. Къ сожалѣнію, отсутствіе подробнаго словаря, который бы обнималъ выраженія древней и старой письменности въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, дѣлаетъ желательную полноту въ этомъ отношеніи рѣшительно невозможною. Потому же самому я прибѣгалъ кое-когда и къ народной словесности, съ одной стороны способной до нѣкоторой степени очертить объемъ семьи или народа въ настоящій моментъ, съ другой — своими эпитетами и объяснительными выраженіями часто опредѣляющей первобытный или коренной смыслъ забытаго въ основномъ своемъ значеніи родственнаго термина.

Родство у Славянъ рѣзко распадается на два вида: 1) родство кровное, въ тѣсномъ смыслѣ *родство*, въ основаніи котораго лежитъ связь посредствомъ рожденія отъ одной первоначальной четы; 2) родство свойственное или *свойство*, образуемое посредствомъ брака членовъ двухъ отдѣльныхъ, чужихъ семей. Языкъ славянскій явственно отдѣляетъ это различіе какъ значеніемъ, такъ и происхожденіемъ самыхъ названій, и не только при общемъ опредѣленіи родства, но и въ частныхъ обозначеніяхъ отдѣльныхъ членовъ.

Разсмотримъ прежде первый видъ родства и начнемъ съ терминовъ *мужъ* и *жена*, составляющихъ основу послѣдующей семьи и многочисленнаго рода.

1. ВЫРАЖЕНІЯ ДЛЯ КРОВНАГО РОДСТВА, ВЪ НИСХОДЯЩЕЙ И ВОСХОДЯЩЕЙ ЛИНІЯХЪ.

Мужъ, ст. слав. м.жъ приравнивается Шмкевичемъ⁽¹⁾ къ скр. мануджа; къ тому же склоняется и Шлейхеръ⁽²⁾: «м.жъ homo, wol auss skr. тапуга (mann geborner)», не отвергая, впрочемъ, возможности и самостоятельнаго славянскаго образованія отъ корня мап (-слав. мѣн.), при посредствѣ гортаннаго окончанія. Что касается перваго мнѣнія Шлейхера, то нельзя не замѣтить, что въ словѣ м.жъ не видно ни малѣйшаго признака сложности, подобно слову тапуга, явившемуся въ санскритѣ изъ господ-

ствовавшего мифа о рожденіи человечества послѣ всемірнаго потопа отъ Ману, спасеннаго за высокорелигіозную жизнь. Отсюда человекъ-шапуга т. е. рожденный отъ Ману. Самое опущеніе звука у послѣ н едва-ли не способно говорить противъ тождества слав. мѣжь съ скр. шапуга. Миклюичъ (*) производитъ слово мѣжь непосредственно отъ корня мѣн (-скр. шап - думать, мыслить), съ гортаннымъ усиленіемъ г, сближая, такимъ образомъ, слав. мѣжь съ готскимъ шаппа, съ нѣм. шапп.

Не имѣя ничего противъ формальной стороны такого производства, остановимъ свое вниманіе на смыслѣ, придававшемся и придающемся слову мужъ въ степеняхъ возраста человѣческаго: здѣсь встрѣчаемъ понятіе силы, крѣпости, мощи, въ слѣдствіе чего образовались и слова мужество, мужественный, мужаться и т. п. Самое слово мужъ употреблялось, а частію употребляется и теперь, какъ синонимъ человѣка крѣпкаго, сильнаго; возмужалый — тотъ, кто достигъ до извѣстной степени возраста, неразлучнаго съ физическою крѣпостью человѣка. Въ опредѣленіяхъ послѣдовательнаго возраста человѣческаго, какъ предлагаются они въ старинныхъ памятникахъ, мужъ занимаетъ мѣсто самаго зрѣлаго, самаго цвѣтущаго возраста, именно время отъ 29 до 35 года (*).

Казалось бы, послѣ этого, и въ корнѣ сущ. мужъ можно ожидать основнаго значенія силы, крѣпости, подобно латинскому *vig*, тождественному по значенію съ слав. мужъ и объясняемому скр. глаголомъ *vig* — быть сильнымъ, крѣпкимъ, откуда существ. *vigah* — герой. Не удобнѣе ли сопоставить и слав. мужъ съ глагольнымъ корнемъ *māh*, въ значеніи расти, быть сильнымъ (*crescere, potentem esse*). Боппъ (*) сравниваетъ съ нимъ готск. *mag*, нынѣшнее нѣм. *māgen*, и существ. *mahst*, а также и слав. могу, мощи. Образование изъ корня *māh* существительнаго мѣжь не противорѣчитъ звуковымъ законамъ слав. языка, требующаго перехода г въ ж передъ темою на ја: изъ мѣг (-*māh*) произошло мѣжь-мѣгја, какъ изъ бог образовалось прилагательное божъ посредствомъ богја. Опущеніе носоваго звука въ глаголъ могу и удержаніе его въ существ. мѣжь, при одинаковости корня, могло бы найти оправданіе и въ томъ, что въ самомъ санскритѣ употребительны обѣ формы *māh* и *māh*.

Переходъ отъ кореннаго значенія расти къ силѣ, господству и къ возрасту, соединяющему въ себѣ эту силу, объясняется и оправдывается другимъ скр. глаголомъ *vǫdh*, прежде всего съ значеніемъ *stagese*, потомъ *augege*; и какъ въ языкахъ родственныхъ удержалось въ развившихся изъ этого корня словахъ понятіе власти, господства (какъ въ готск. и слав. *valda*, влада), такъ въ самомъ санскритѣ выразился въ словѣ *vǫddha* переходъ понятія расти къ возрасту: *vǫddha* означаетъ воѣмужалаго человѣка, старца, *adultus*, *senex*. Не забудемъ, что съ понятіемъ старца въ древнее время не только не соединялось идея слабости, дряхлости, а, напротивъ, выражалась мысль объ установившейся, о возросшей крѣпости и мужествѣ. Въ скр. словѣ *sthavira*, при общемъ значеніи устойчивый, твердый (*stabilis*, *firmus*), находимъ и значеніе старика, *senex*. Такимъ почитался и у Римлянъ *senex*; таково было значеніе и седьмой степени возраста у Славянъ, старчества, не переходившаго за 56-й годъ отъ рожденія, какъ видѣли выше (6).

При подобномъ взглядѣ на происхожденіе и основное значеніе слова мужъ было бы понятно, почему оно у Славянъ не замѣтно въ общемъ значеніи человѣкъ, какъ это было съ словомъ *manuŕa*, или что встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ *mannsch*, а выражало и выражаетъ собою только людей извѣстнаго положенія, именно свободныхъ, сильныхъ, владѣвшихъ полнымъ правомъ гражданства, иногда воиновъ. Въ такомъ смыслѣ весьма обыкновенно встрѣчается оно и въ древней письменности, и не только русской, но и вообще славянской. Для примѣра укажу нѣсколько случаевъ: «и нача (Ростиславъ) думати съ Святославомъ и съ Мьстиславомъ... и съ мужи своими, хотя поити Чернигову»; для заключенія договора съ Греками, «посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники», — здѣсь, очевидно, послѣдніе сопоставляются съ мужами Игоря; «начаша праздновати всимъ новымъ городомъ вси мужи новгородци», — и тутъ мужи не то, что люди. Забой, задумавши освободить Чеховъ отъ ига нѣмецкаго, *bystro spěchaše ot muže k mužu, ot silna k silnu, po všickej vlasti*, гдѣ мужъ, конечно, употребленъ въ смыслѣ сильнаго, вліятельнаго, и едва-ли выраженіе *ot silna k silnu* не справедливѣе понимать въ смыслѣ обычной въ поэзіи славянской

тавтологія; въ такомъ лишь значеніи является и слѣдующее обращеніе Забоя, когда высказываетъ онъ планъ своего заговора: *mišie bratrskýchъ srdce i jiskernýchъ zrakóv!* Юнгманъ предлагаетъ въ своемъ словарѣ не одинъ примѣръ синонимичности словъ мужъ и воинъ (⁷). И до сихъ поръ въ Бѣлоруссіи подъ именемъ мужа понимается староста, а глаголъ мужевать въ великорусской народной поэзіи употребляется въ значеніи разсуждать, размышлять: «и мужевалъ тутъ старой, разговаривалъ».

Но какъ латинское *vig* отъ общаго понятія перешло къ частному, къ обозначенію супруга, какъ *homo* во французскомъ *l'homme* стало обозначать и человѣка вообще и супруга въ частности, или какъ малороссіянка называетъ своего мужа *чоловикомъ*, такъ и въ языкѣ славянскомъ слово мужъ получило частный смыслъ супруга. Это перенесеніе значенія способно еще больше подкрѣпить коренной смыслъ существ. мужъ, какъ человѣка взрослога и, по отношенію къ женѣ, сильнаго, господина.

Вмѣстѣ съ существительнымъ мужъ употребляется и слово супругъ. Послѣдній терминъ кажется намъ гораздо древнѣе уже потому, что болѣе вещественъ, матеріаленъ, обозначая и въ историческую пору пару воловъ, соединенныхъ, сопряженныхъ однимъ ярмомъ (⁸). Конечно, приуроченіе понятія связи отъ животныхъ къ супружеской четѣ между людьми могло совершиться и позднѣе, въ историческое время, даже въ періодъ христіанства; но несомнѣнность брака у Славянъ въ язычествѣ, при употребленіи слова супругъ съ его производными примѣнительно къ человѣку уже въ древнихъ памятникахъ старославянскихъ, говоритъ скорѣе въ пользу господства этого выраженія за долго до христіанства. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что слова супругъ и супруга остались чуть-ли не исключительно у Славянъ русскихъ, будучи вовсе неизвѣстны въ примѣненіи къ мужу и женѣ у другихъ Славянъ. Но идея вещественной связи, по крайней мѣрѣ въ понятіи жены, предлагаетъ примѣры и въ языкѣ иныхъ народовъ: вспомнимъ латинскія *coniunx* и *uxor* отъ *iungere*, скр. *juǵ* (-соединять); въ нарѣчій Ведь *joṣā*, *joṣit*, *joṣāna* (женщина, жена) отъ корня *ju*, съ тѣмъ же значеніемъ соединять, откуда и сложное сущ. скр. *gōjuga*, готск. *gajuk* (ярмо, пара воловъ) вполне давносильное слав. сжпржгъ.

Но въ языкахъ индоевропейскихъ, въ понятіи супруги, жены, гораздо извѣстнѣе, распространеннѣе и общѣе другая идея, идея рожденія. Происхожденіе самаго славянскаго слова жена давно уже опредѣлено положительно отъ корня *gan*, откуда скр. *gan*, греч. *γεν-νᾶω*, лат. *gi-gno*, и т. д., всё съ значеніемъ рождать. Отсюда, для обозначенія существа рождающаго образовались термины: скр. *ganī* или несклоняемое *gash*, греч. *γυνή*, слав. жена, прус. литов. *ganna*, готск. *kunī* и т. д. Такимъ образомъ, коренное понятіе жены есть рождающая и, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ необходимое условіе произведенія дѣтей: образованія семьи. На основаніи этого-то условія находимъ въ старой Руси и названіе жены семьей, семьишкой. Такъ въ письмѣ одной женщины къ своему мужу читаемъ: «государю моему Петру Ованасевичу семьишка твоя, Марьица, челомъ бѣтъ» хотя у нея, какъ видно изъ письма, и нѣтъ дѣтей вовсе (*). Замѣчательно, что нѣсколько подобный же переходъ значенія находимъ и въ скр. словѣ *grīna*, которое съ понятіемъ дома, жилища соединяетъ и понятіе жены. Идея рожденія выразилась и въ скр. словѣ для женщины — *stri*, по мнѣнію Потта происходящемъ отъ *su* (*genegage*, рождать) (10).

Конечно, при господствѣ участія въ образованіи языка впечатлительности челоуѣка отъ качества предмета или такого—иную проявленія его въ жизни, народъ не могъ ограничиться однимъ выраженіемъ и въ настоящемъ случаѣ. И въ славянскомъ языкѣ находимъ мы нѣсколько, восходящихъ къ глубокой, языческой старинѣ и своимъ образованіемъ иногда свидѣтельствующихъ о самомъ способѣ бракъ у Славянъ. Христіанство, говоря вообще, отвергло такіе термины, по крайней мѣрѣ низвело ихъ къ значенію незаконныхъ женъ, наложницъ, часто просто къ значенію распутныхъ существъ. Но не разомъ могло совершиться такое превращеніе; и въ этой маленькой сферѣ тоже была своего рода борьба, поддерживавшая прежнее значеніе языческихъ терминовъ и въ позднюю пору исторіи, сберегшая его для нѣкоторыхъ словъ у нѣкоторыхъ поколѣній славянскихъ до настоящаго времени. Въ числѣ такихъ выраженій встрѣчаемъ: ведомая, веденица, ведовица, водимая, хоть, женнама. Что касается до словъ, происходящихъ отъ вести, водить, то отдаленная древность

ихъ рѣшительнѣе всего свидѣтельствуется самымъ способомъ брака у Славянъ язычниковъ, совершавшагося посредствомъ увода дѣвицы, какъ говорятъ объ этомъ не только древніе памятники русскіе, но и продолжающійся обычай доселѣ у нѣкоторыхъ раскольниковъ и у Сербовъ, даже православныхъ. Но уже съ первыхъ вѣковъ христіанства, въ первыхъ памятникахъ письменности церковно-славянской, выраженія веденица, ведовица (¹³) употребляются или по отношенію къ язычникамъ, или въ случаяхъ многоженства, разумѣется, незаконнаго въ глазахъ христіанина. Такъ: «бысть кмоу жень ведениць семь съть», но тутъ же находимъ и прибавленіе: «хотни триста», что очевидно доказываетъ, что взглядъ на большую законность ведениць, сравнительно съ обыкновенными наложницами, еще продолжался. Это различіе существовало и у русскихъ Славянъ языческихъ, какъ видно изъ словъ Нестора о В. К. Владимірѣ: «и быша ему водимыя», подъ тѣмъ разумѣются собственно жены, въ отличіе отъ 800 наложницъ (¹³). Существовавшее хотъ, какъ замѣтно изъ выше приведеннаго примѣра, и примѣнительно къ язычеству употреблено въ смыслѣ наложницы, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ значеніи за нимъ, въ языческое время, настоящей жены уже потому, что на Руси, напримѣръ, синонимомъ жены является слово хотъ еще въ XII столѣтіи, какъ въ словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ хотю называется Ольга Глѣбовна, жена князя Всеволода, а чешское *snout* употребляется и въ настоящую пору вмѣсто общепотребительнаго жена. Между тѣмъ, въ памятникахъ церковно-славянскихъ слово хотъ уже не выходитъ изъ значенія наложницы, какъ въ приведенномъ прежде примѣрѣ и во множествѣ другихъ (¹³); какъ распутная, прелюбодѣйка, живетъ хотница и доньгъ въ хорватскомъ нарѣчій. Съ упроченіемъ христіанства, съ освященіемъ брака церковью, все больше и больше утверждалась за терминомъ жена исключительность законной жены, такъ что даже и выраженіе женима, столь неразрывно связанное по формѣ и происхожденію съ послѣднимъ, употребляется въ церковныхъ памятникахъ только какъ синонимъ наложницы (¹⁴). О терминѣ кавъка, какъ рѣдкомъ и исключительномъ для ц. слав. памятниковъ, гдѣ попадаетъ онъ въ смыслѣ наложницы, мы ничего сказать не можемъ.

Такимъ образомъ, слово жена, отъ общаго понятія, заключеннаго въ его корнѣ, существа раждающаго, перешло къ болѣе тѣсному — замуженной женщинѣ, и стѣснилось еще болѣе въ періодъ христіанства, начавши обозначать жену въ единоженствѣ, одну законную жену.

Мужъ и жена по отношенію къ родившимся отъ нихъ дѣтямъ становятся отцемъ и матерью.

Во множествѣ языковъ (если только не во всѣхъ на земномъ шарѣ) не только уже родственныхъ по племенному происхожденію народовъ, но совершенно чужихъ другъ другу, даже противоположныхъ по своему строю и развитію, выраженія для упомянутыхъ понятій отзываются замѣчательною близостью, поразительнымъ сходствомъ, едва не до тождества. Понятно, слѣдовательно, что первая причина такого явленія должна крыться въ какомъ либо общемъ, прирожденномъ человѣку основаніи. И трудно отрицать мнѣніе о физиологической необходимости дѣтей прежде всего произносить именно тѣ звуки, изъ которыхъ образовались названія для отца и матери. Едва-ли легко и утверждать, что названія эти обязаны происхожденіемъ своимъ не дѣтямъ, а уже взрослымъ, самимъ родителямъ, какъ потому, что требовательнѣе они для первыхъ, такъ еще болѣе по общему сходству выраженій, которое не можетъ, кажется, не указывать на прирожденное единство голосовыхъ органовъ, не уснѣвшихъ еще оразнообразиться въ развитіи и направленіи своимъ мѣстными и національными условіями. Четыре сочетанія звуковъ господствуютъ главнымъ образомъ въ сходственныхъ названіяхъ отца и матери, это па и та, ма и на, съ ихъ обратными слогами: ац и ат, ам и ан⁽¹⁵⁾. Если же дѣйствительно названія изъ этихъ сочетаній произошли отъ дѣтей, то, очевидно, искать въ нихъ какого либо значенія въ моментъ ихъ образованія было-бы трудомъ совершенно напраснымъ. Но какъ нельзя отвергать, что въ послѣдствіи народъ соединилъ и съ ними опредѣленное значеніе и, на его основѣ, образовалъ цѣлыя семейства словъ, то, въ сущности, важность остается таже самая, если бы данныя сочетанія составили и взрослые люди, слѣдовательно, въ самомъ рожденіи словъ, съ извѣстнымъ смысломъ, именно потому, что въ приданномъ смыслѣ полу-животнымъ звукамъ ребенка народъ выразилъ

все таки свой взглядъ на взаимное отношеніе родителей къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, вскрытіе первоначальнаго значенія и этикъ словъ не лишено научнаго интереса.

Игѣя въ виду славянскій языкъ и выше приведенныя сочетанія звуковъ, слѣдуетъ замѣтить вообще, что а) всѣ они господствуютъ и у Славянъ, какъ у другихъ народовъ, б) что какъ у послѣднихъ, такъ и у Славянъ, одни и тѣже сочетанія служатъ для названія обонхъ родителей, — въ одномъ нарѣчій отца, въ другомъ матери, иногда того и другой въ одномъ и томъ же нарѣчій. Уже это одно обстоятельство доказываетъ довольно убѣдительно, что основной взглядъ на отца и мать, относительно дѣтей, не вызывалъ особеннаго различія. Фактическій разборъ подтвердитъ это положеніе.

Общеупотребительнѣйшее выраженіе у всѣхъ Славянъ для мужа, въ такомъ случаѣ, есть отецъ, ст. славянская форма отецъ. Если бы славянская письменность и вовсе не сохранила намъ первоначальной формы этого слова, то уже одинъ взглядъ на его образование, еще болѣе производные отъ него, отній, отеникъ⁽¹⁶⁾, неисчезнувшіе и доселѣ изъ языка русскаго, останутся навсегда положительнымъ свидѣтельствомъ уменьшительной его формы и происхожденія отъ отъ. Но первыя строки одного изъ надревнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ, Суда Любушина, предлагаютъ и фактическое подтвержденіе справедливости теоретическаго вывода: *vsak ot swej čeledi vojevodi*. Этимъ указываютъ они на коренную форму отъ и на употребленіе ея нѣкогда всѣми Славянами. Какъ коренная форма, слово отъ и должно быть принято въ соображеніе при опредѣленіи родственныхъ терминовъ въ другихъ языкахъ и того основнаго значенія, какое утвердилось за нимъ въ индоевропейскомъ племени.

Господство въ родственныхъ языкахъ для понятія отца корня па дало поводъ нѣкоторымъ приурочивать къ нему и слово отъ и объяснять его потерю въ началѣ звука п, въ концѣ звука р⁽¹⁷⁾. Согласіе на подобное объясненіе потребовало бы слишкомъ много натяжекъ самаго ненаучнаго свойства, а потому объясненіе это давно и отвергнуто, какъ несостоятельное⁽¹⁸⁾. При томъ, какъ ни преобладаетъ господство корня па, въ языкахъ родственныхъ, все же не исчезъ вполне изъ нихъ и соот-

вѣтствующій корень славянскому. Такъ, въ готскомъ языкѣ находится выраженіе *atta*, въ значеніи отца; сюда же можно и, кажется, должно отнести и греч. *ἄττα*, какъ названіе, употреблявшееся дѣтьми, при обращеніи ихъ къ старикамъ, и древне-латинское *atta*, какъ, по свидѣтельству Феста, дѣти называли отца (¹⁹). Въ санскритѣ также извѣстно это слово въ формѣ *attā*, но въ значеніи матери, а не отца. Принимая, впрочемъ, въ соображеніе одинаковость названія для отца и матери вообще въ языкахъ, даже, какъ увидимъ, и въ самомъ славянскомъ, едва-ли сдѣлаемъ ошибку, допустивъ, что и древне индѣйскій языкъ имѣлъ слово *atta* для названія отца.

Но какъ бы высоко ни поднимались мы въ древность, основное значеніе термина *atta*, а слѣдовательно и нашего отецъ, не встрѣтитъ удовлетворительнаго объясненія. Самый санскритъ остается въ этомъ отношеніи молчаливымъ, предоставляя свободное поле для произвольныхъ догадокъ и предположеній. А какъ послѣднія не могутъ быть терпимы въ наукѣ, то едва-ли и не основательнѣе будетъ допустить, что дѣтское сочетаніе звуковъ въ обратномъ слогѣ *at* не развило изъ себя въ языкѣ семейства словъ, къ которымъ привязалъ бы народъ какое-либо опредѣленное значеніе. По крайней мѣрѣ, сопоставленіе *atta* съ глаголомъ *ad* (ѣсть), что дѣлаетъ Диффенбахъ, едва-ли должно имѣть цѣну, большую личной догадки; не убѣдительнѣе и сближеніе этого термина съ предлогомъ *atī*, означающимъ чрезвычайно, весьма, слишкомъ, что, какъ будто, говоритъ въ пользу коренной идеи высоты, верховности, съ точки зрѣнія дѣтей — почтенія и уваженія, хотя бы и близко къ ней подходило санскр. выраженіе для родителей — *gigū*, родственное съ прилагат. *gigu* (*gravis*, *eximius*).

Употребительнѣе въ арійскихъ языкахъ обозначеніе отца словами, происходящими отъ прямаго слога *ta*, посредствомъ его удвоенія: польское и чешское *tatus*, *tatuń*, *tata*, *tatek*, *tatik*, русское — тятя, литов. *tėtis* *tajtis*, греческое *τάτα*, гомерич. *τάττα* и т. д.; этотъ же корень господствуетъ съ полною силою и въ германскихъ нарѣчійхъ, и въ англійскомъ языкѣ, даже въ цыганскомъ, — въ послѣднихъ съ превращеніемъ *t* въ *d* (²⁰). Главное значеніе остается всюду отецъ, хотя кое гдѣ въ не славянскихъ

языкахъ и переходитъ къ опредѣленію иныхъ родственниковъ. Подобно сочетанію *at*, и значеніе образовательнаго слога *ta*, кажется, не приобрѣло себѣ опредѣленнаго понятія, какое легло бы въ основу происшедшихъ отъ него новыхъ выраженій; даже и тутъ точно также не видно послѣднихъ; что снова приводитъ къ мысли о дѣтскомъ образованіи самыхъ терминовъ *atta* и *tata*. Однѣ звательный падежъ *tāta* уцѣлѣлъ въ санскритѣ съ специальнымъ значеніемъ: любезный, другъ, но и оно слишкомъ обще, чтобы приурочивать его къ понятію объ отцѣ, со стороны дѣтей.

Послѣ сказаннаго объ общемъ распространеніи однихъ и тѣхъ же названій на отца и мать, не придется удивляться и тому, что терминъ *tata* является и для обозначенія матери, какъ это мы видѣли въ скр. *tāta* (мать) и въ гот., греч., лат. *atta* (отецъ). Такъ, древне-нѣмец. *tota*, литов. *tetta*, слав. *тѣтя*, *teta*, *tetka*. Правда, современное значеніе приведенныхъ словъ уже не относится къ матери, а къ ближайшей ея родственницѣ, сестрѣ, но это служитъ новымъ подтвержденіемъ происхожденія подобныхъ названій отъ дѣтей, не различавшихъ точно степеней родства: въ послѣдующее время, при желаніи разграничить ихъ точнѣе, удержались для матери другія сочетанія, а сочетание *ta* примѣнилось къ теткѣ. Тоже должно замѣтить и о муж. родѣ. Если у однихъ Славянъ для брата отца и матери образовались выраженія изъ другихъ корней, какъ покажемъ, также опредѣляющихъ первоначально отца, то у Хорватовъ и Хоруганъ находимъ термины *tetas*, *tetes*, очевидно заимствованные отъ *tata* — отецъ. Подобному заимствованію не могло не способствовать и перегласованіе *a* въ *e*. Съ такими явленіями придется встрѣтиться не разъ намъ и при другихъ корняхъ.

Но самое распространенное сочетаніе въ языкахъ родственныхъ для отца, есть *pa* (-ра), съ образовательнымъ окончаніемъ дѣйствующихъ лицъ *tag*, видоизмѣняемымъ въ каждомъ языкѣ согласно съ особенными его законами: скр. *pitṛ*, первоначальное *pataṛ*, греч. *πατήρ*, латин. *pater*, готск. *fadar*, древ. нѣмец. *fatar* и т. д. На первый взглядъ, изъ всѣхъ арийцевъ одни Литовцы и Славяне не имѣютъ выраженія изъ того же корня. Но достаточно немного выикнуть въ терминологию славянскую и сообразить этимологическое ея происхожденіе, чтобы и въ настоя-

щемъ случаѣ не выдѣлять изъ общаго состава Индо-европейцевъ по крайней мѣрѣ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, слав. батя, при всемъ разногласіи значеній въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, можетъ объясняться только происхожденіемъ отъ кореннаго сочетанія ба, видоизмѣнившася, по общему родству губныхъ, изъ па. Придавая слишкомъ много значенія звуку б и опираясь на значеніе слова батя, въ чешскомъ и мадьярскомъ языкахъ употребляемаго вмѣсто братъ, покойный Ганка не задумывался отождествлять его съ послѣднимъ, объясняя очень просто выпускомъ р передъ а (²¹). Повидному, не прочь былъ склониться къ такому отождествленію батя съ братомъ, и въ происхожденіи и въ значеніи, и знаменитый Гриммъ; по крайней мѣрѣ онъ уклонился отъ своего мнѣнія (²²). Но ежели и несомнѣнно опущеніе р въ концѣ слова братъ (вмѣсто братръ) въ наибольшей части нарѣчій славянскихъ, то было бы неппростительнымъ скачкомъ заключать отсюда и къ выпуску р въ серединѣ слова (батя вм. брата), гдѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ причинъ его, и на что не сохранилось ни малѣйшаго доказательства ни изъ древней исторіи языка славянскаго, ни въ нынѣшнемъ употребленіи говоровъ славянскихъ. Тогда какъ форма слова батя не оправдываетъ объясненія выпускомъ р, значеніе въ немъ брата изъ первоначальнаго отца, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, объясняется и подтверждается самымъ бытомъ Славянъ. Переходною ступеню является при этомъ значеніе бати у Словаковъ, именно старшаго брата, который въ патриархально-родовомъ быту Славянъ заступалъ обыкновенно мѣсто отца, въ случаѣ его смерти. Напрасно Шафарикъ полагалъ, что значеніе брата въ разсматриваемомъ словѣ сохранилось только у Мадьяръ (batya) (²³): оно существуетъ не только у Словаковъ, но и у Сербовъ (бата), и у Чеховъ (batia, batjsek, batek-братъ матери), даже иногда и у Русскихъ (²⁴), и не только въ настоящее время, а было и въ старину, какъ видно изъ лѣтописи ипатъевской: «Романъ Ростиславичъ посылаетъ изъ Смоленска попа своего къ Изяславу, река тако: отдаваетъ ти батя Черниговъ» (²⁵). Переходу значенія бати отъ отца къ старшему брату соотвѣтствуетъ вполне переходъ значенія отъ матери къ старшей сестрѣ, занимающей также мѣсто матери, послѣ ея смерти, относительно младшихъ сестеръ; отсюда скр. attī,

очевидно родственное съ *attā* (мать), означаетъ старшую сестру. На этомъ основаніи, и толкованіе Ганкой выраженія *batjo* въ слѣдующемъ мѣстѣ краледварской рукописи: *batjo ty mluvi k niem oteskumi slovy* — старшимъ братомъ⁽²⁶⁾ кажется намъ вѣроятнѣйшимъ и справедливѣйшимъ, такъ какъ слова эти произносятся умирающимъ отцемъ. Но ежели въ приведенномъ случаѣ, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ, батя и означаетъ брата, все же значеніе это есть уже второстепенное, заимствованное отъ отца; на это указываетъ не только происхожденіе самаго слова отъ кореннаго сочетанія *ба (-па)*, но и господство употребленія его въ этомъ смыслѣ у всѣхъ Славянъ: русск. батя, батюшка, батенька, болг. башта, словац. бача, серб. бата и т. д.; происшедшія отсюда термины: болг. баштина, великорус. батьковщина означаютъ наслѣдство, доставшееся именно отъ отца. Замѣтимъ, что и сирійское *bat* значитъ также отецъ. Едва-ли требуетъ разъясненія употребленіе кое-гдѣ въ Моравіи слова бача въ смыслѣ начальника, предводителя пастуховъ, во время выгона скота на пастбище: пастухи образуютъ изъ себя общину, задругу, какъ бы семью, подчиняющуюся выбранному старшему.

Въ образованіи своемъ отъ основнаго корня *ба*, существительное батя отступаетъ отъ указаннаго выше термина для отца: въ немъ встрѣчаемъ мы не удвоеніе, какъ въ *tata*, а особый образовательный суффиксъ *та, тя*. Но сербское *бабо* (отецъ) сберегло и въ настоящемъ случаѣ образованіе посредствомъ удвоенія, и въ то же время представило ближайшую форму къ обще-европейскому дѣтскому названію *папа*, столь очевидно происходящему отъ сочетанія *па*. Выраженіе *бабо* не можетъ не быть важно для филолога по несомнѣнному родству съ обще-славянскимъ названіемъ баба, бабица, бабка: понятно, если бабо, происходя отъ *ба (па)*, означаетъ отца, то и баба должно было означать первоначально мать, и какъ тета, тетка, отъ сочетанія *та*, съ теченіемъ времени уступили мѣсто для названія матери другому корню, такъ и баба, вмѣсто матери, стало обозначать мать матери или отца, а потомъ и всякую женщину, хотя непременно замужнюю. Здѣсь снова находимъ мы оправданіе положенію, что первоначальныя термины для родителей были общи

какъ для отца, такъ и для матери. Въ родственныхъ языкахъ, корень па, кажется, нигдѣ не обнаружилъ примѣненія къ матери.

Какъ наиболѣе распространенное, сочетаніе па глубже проникло въ языкъ индо-европейскій и рано сдѣлалось основой для образованія иныхъ словъ. Самыя формы *patēr*, *πάτηρ*, *patēr* и т. д., очевидно, противорѣчатъ слабымъ органамъ дѣтей и ясно обнаруживаютъ уже отчетливое чутье къ установившемуся значенію образовательныхъ приставокъ: дитя точно также не могло идти далѣе папа, какъ не пошло оно дальше *atta* или *tata*. Понятно, что при такомъ условіи къ сочетанію па не замедлилъ привязаться и опредѣленный смыслъ, сдѣлавшее уже и самое сочетаніе данныхъ звуковъ корнемъ. Этотъ смыслъ, находящійся въ основѣ всѣхъ развившихся изъ него словъ, есть питать, кормить, оберегать, охранять. Къ такому значенію могло привести народъ отнесеніе тѣми же дѣтьми сочетанія па къ указанію на хлѣбъ, на пищу. Стоитъ только сравнить бѣлор. и польск. папа (хлѣбъ), литов. *paras* (сосецъ женской груди). Отсюда явились и слова, означающія оберегателя, покровителя и господина, какъ скр. *patih*, со всѣми его сложными и производными, такъ близко подходящее по образованію къ слав. батя, или греч. *πάσις*, въ послѣдней составной части. Идея питанія такъ тѣсно срослась со взглядомъ народа на отца, что вызвала для послѣдняго обыкновеннѣйшій эпитетъ кормильца, какъ въ говорѣ и словесности простаго народа, или питателя, какъ, напр., въ сербскомъ Родословіи епископа Данила: коню зылобою моку прогнѣвахъ тебе благаго питателя монго, говоритъ Стефанъ Душанъ своему отцу, Стефану Дечанскому (27).

Обратный слогъ ап, по видимому, не встрѣчается въ терминологіи отца; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ индоевропейскихъ языковъ не предлагаетъ ни одного слова для отца или матери, которое бы указывало на сочетаніе ап именно въ этомъ видѣ. Но ежели принять во вниманіе подвижность губныхъ звуковъ при взаимной ихъ мѣнѣ другъ на друга, то едва-ли не будетъ основательно въ сочетаніи ав видѣть только измѣненіе первоначальнаго ап отъ па. А сочетаніе ав очень распространено, и прежде всего въ примѣненіи къ отцу. Распространенность его

доказывается и тѣмъ, что, на равнѣ съ па, и ав сдѣлалось корнемъ въ языкѣ, образовавшимъ изъ себя семейство словъ, въ основѣ которыхъ лежитъ идея охраненія, помощи, защиты. Правда, одинъ санскритъ удержалъ этотъ корень для понятія отца, — *āvika*, за то рѣдкій языкъ индоевропейскій не сберегъ его для обозначенія другихъ старшихъ родственниковъ, не выходя, впрочемъ, изъ степеней дяди и дѣда, или тетки, въ примѣненіи того же корня къ женщинѣ. Вспомнимъ латин. *avus*, *atavus*, *avunculus*, готск. *avô*, литов. *авупас* и т. д. И въ слав. языкѣ осталось отъ него нѣсколько родственныхъ названій, которыхъ мы укажемъ на своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что ежели ни па, ни обратное сочетаніе ап не обнаруживаютъ примѣненія къ матери, то ав, приравниваемый нами къ ап, своими названіями, отнесенными къ старшей роднѣ именно женскаго пола, даетъ достаточное ручательство, что и отъ него существовали нѣкогда термины для матери.

Третье звуковое сочетаніе, обращенное при посредствѣ удвоенія въ названіе для отца, есть на. Впрочемъ, въ этомъ смыслѣ нана является лишь въ немногихъ языкахъ, перешедши въ большинствѣ къ обозначенію дѣда. Съ лужицкимъ *nan* и словацкимъ *nanjo*, употребляющимися въ значеніи отца, можно сопоставить албанское *nan*, *nanpa*, (²⁸) въ томъ же значеніи; между тѣмъ, персид. *nānā*, кимвр. *nan* означаютъ уже дѣда. Гораздо живучѣе удержалось это сочетаніе въ примѣненіи къ матери, особенно укрѣпившись въ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ въ польскомъ нарѣчій, на ряду съ *tata*, извѣстно и *nana* (²⁹); въ малорусскомъ *nenja*, *nenka*; сюда же можно отнести и ирланд. *naing*, также мать. Но и съ этимъ корнемъ большинство языковъ образовало выраженіе для обозначенія другой родственницы, именно тетки, или женщины, заступающей мѣсто матери. Такъ, греч. *νάυνη* и *νένη* — тетка, рус. няня, нянька, откуда нянчить. Такому перенесенію значенія не могло не способствовать вошедшее въ особую силу для обозначенія матери звуковое сочетаніе ма у всѣхъ народовъ индоевропейскаго племени. Что касается до обратнаго слога, ан, то онъ еще менѣе распространенъ въ языкахъ индоевропейскихъ; съ значеніемъ отца попадаетъ онъ, кажется, въ одномъ осетинскомъ языкѣ

(ана, аппа); другие случаи его употребленія относятся уже къ названію дѣда и бабушки, какъ въ древне-германскомъ *anô* и *ana* (²⁰).

Господству сочетанія *pa* въ индоевропейскихъ языкахъ для обозначенія отца вполне соответствуетъ, если еще не превосходить своею распространенностью и общностью у всѣхъ народовъ арійскихъ, четвертое сочетаніе *pa*, почти исключительно названное служить терминомъ для матери. Дѣйствительно, кромѣ грузинскаго *паша*, отецъ, нѣтъ ни одного языка, который бы образовалъ изъ него названіе отца. Но и этотъ единичный остатокъ достаточенъ, чтобы оправдать мысль объ общности дѣтскихъ названій, изъ одного и того же звуковаго сочетанія, для обоихъ родителей. Преобладающая сила сочетанія *pa* въ языкѣ обнаружилась одинаковыми явленіями съ разсмотрѣннымъ нами господствомъ *pa*. И тутъ точно также народъ не ограничился первобытнымъ и бессмысленнымъ образованіемъ посредствомъ удвоенія (*мама*), а соединилъ съ сочетаніемъ *pa* образовательный суффиксъ *tag* и, придавши ему свойственную идею, сдѣлалъ его корнемъ для образованія новыхъ словъ. И тогда какъ выраженіе *паша*, подобное *рара*, осталось лишь въ дѣтскомъ лексиконѣ, языкъ взрослыхъ, и чрезъ нихъ языкъ литературы, удержали новообразованную форму, которая безъ исключенія во всѣхъ языкахъ поражаетъ доселѣ своимъ сходствомъ, не смотря на всѣ перевороты, въ нихъ совершавшіеся, и на послѣдующее развитіе особыхъ законовъ звуко сочетанія. Большая часть ихъ сохранила оба характеристическихъ звука окончанія, *t* и *g*, и только нѣкоторые ограничились какимъ-либо однимъ изъ двухъ, и то далеко не во всѣхъ случаяхъ этимологическихъ измѣненій. Такъ: скр. *matag* (имен. *matá*), греч. *μητηρ*, лат. *mater*, англосакс. *modor*, древне нѣмец. *móter*, литов. *móte* (род. *motere*), церков. слав. *мати* (род. *матере*). Не будемъ, однакоже, думать, чтобы значеніе матери исключало всякое другое въ разсматриваемомъ корнѣ; противъ такой исключительности говорятъ рѣшительно: албанск. *motra*, въ смыслѣ сестры, литов. *motere*, съ значеніемъ женщины вообще. Слѣдовательно, и тутъ, какъ и въ выше приведенныхъ выраженіяхъ, языкъ слѣдовалъ общему пути, распространяя одно и то же названіе на различными однородными

лица, чему толчокъ данъ былъ тѣми же первоначальными образователями этихъ названій, дѣтьми. Тѣмъ не менѣе, преобладающее господство значенія въ сочетаніи та осталось за матерью, и къ нему, въ силу этого господства, не замедлила приурочиться соответствующая идея.

Въ санскритѣ корень та̎ является въ значеніи мѣрить, измѣрять; но такое значеніе есть уже второстепенное: въ немъ не замѣтно уже опредѣленнаго отношенія къ положенію матери относительно дѣтей. Соображая латинское выраженіе для женскихъ грудей *mamma*, *mammas* (франц. *mamelles*) и сопоставляя его съ литов. *paras* (въ томъ же значеніи), съ польскимъ и др. слав. *papa* (хлѣбъ), отразившимися и на приданномъ значеніи корню *pa* (кормить, покровительствовать и т. п.), и здѣсь можно было бы всего скорѣе ожидать идею кормленія, что еще ближе сходствовало бы съ назначеніемъ матери. Вспомнимъ при этомъ и русское названіе для кормилицы — мамка, въ которомъ такъ наглядно выступаетъ сочетаніе мама въ значеніи матери и которое такъ родственно съ переходомъ значенія малорос. *неи*, *непки* къ великорус. *няня*, *нянька*. Но древнѣйшій народъ видимо сосредоточилъ свое вниманіе на важнѣйшей и существеннѣйшей дѣятельности матери, на рожденіи; эту идею онъ и придалъ первоначально корню та̎, что несомнѣнно по значенію сложнаго глагола *pitā* (*efficere*, *creare*) и что еще явственнѣе выразилось въ попадающемся въ Ригвѣдѣ существительномъ *matāg*, въ муж. родѣ, въ значеніи — творецъ, производитель, создатель (21). Согласно съ этимъ взглядомъ на мать, какъ на существо рождающее, и народная словесность обыкновеннѣе всего сопровождаетъ ее эпитетами, заключающими въ себѣ ту же идею, въ родѣ того, какъ: «ты мати, мати, порода моя».

Обратное сочетаніе отъ та-а̎мъ извѣстно гораздо менѣе. Во всякомъ случаѣ, если бы было и трудно согласиться съ происхожденіемъ отъ него скр. *ambā* (-мать), уменьш. *ambika*, то едва ли можно сомнѣваться въ ближайшей съ нимъ связи латин. *amita* (-тетка) и древ. нѣмецкаго *amta* (-кормилица).

Эта идея рожденія, отнесенная по преимуществу къ названію мать, сдѣлалась общою идеею и для обоихъ родителей, въ терминологіи всѣхъ языковъ арийскихъ. Какъ славянское слово

родитель, очевидно происходитъ отъ родъ, родить, и одинаково можетъ быть отнесено и къ отцу и матери (родительница), такъ скр. *ganitar* (отець), *ganitri* (γενετηρ, γενετωρ и γενετειρα, латин. *genitrix* происходятъ отъ общаго корня *gan*, рождать.

Оставляя въ сторонѣ необъяснимое для насъ слово *ljolja*, употреблявшееся въ значеніи отца Славянами люнебургскими⁽²²⁾, и обобщая сказанное нами о названіяхъ для отца и матери, можемъ отиѣтитъ, что а) у Славянъ сохранились всѣ тѣ сочетанія, которыя существуютъ у родственныхъ народовъ въ тѣхъ же случаяхъ, б) что сочетанія эти въ разсматриваемомъ ихъ примѣненіи принадлежатъ первоначально дѣтскимъ органамъ и состоятъ изъ двухъ звуковъ, согласнаго съ гласнымъ, в) что въ нихъ участвуютъ согласные звуки прежде всего доступные этимъ органамъ, именно зубные и губные съ носовымъ н, г) что сочетанія эти, въ примѣненіи своемъ къ обозначенію родителей, брались въ прямомъ и обратномъ видѣ, д) что по бессознательному происхожденію ихъ нельзя и думать о какомъ либо понятіи, принадлежащемъ имъ въ моментъ самаго происхожденія, е) что нѣкоторыя сочетанія, какъ *ta* и *at*, *na* и *an*, такъ и остались безъ понятія въ языкѣ, другія же получили его уже сравнительно поздне и чрезъ это сдѣлались корнями въ языкѣ, образовавшими изъ себя новыя слова, какъ *pa* и *av*, *ma* и *am*, ж) наконецъ, что почти всѣ указанныя сочетанія не ограничились примѣненіемъ только къ отцу и матери, а перешли въ названія и другихъ родственниковъ, не выходя, однакоже, изъ степеней ближайшихъ: брата и сестры, дяди и тетки, дѣда и бабушки, кормилицы и няньки.

Понятія рожденія и питанія, заключенныя въ названіяхъ отца и матери, сами собою предполагаютъ новыя существа, рожденныя и вскормленныя. Только при существованіи послѣднихъ могли явиться въ жизни данныя понятія, а слѣдовательно выразиться и въ языкѣ: мужъ и жена могли стать отцемъ и матерью лишь тогда, когда родились у нихъ дѣти. Въ силу какой идеи получили названіе послѣднія, относительно отца и матери; какая идея высказалась въ названіи дѣтей и по отношенію ихъ другъ къ другу, — вопросы, которые не могутъ считаться лишними основанія уже потому, что такія названія, очевидно

иногда виновниками своего происхожденія родителей, дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ не по внушенію животнаго инстинкта, подобно дѣтямъ, а подѣ влияніемъ установившихся законовъ языка, съ неизбежнымъ обозначеніемъ опредѣленнаго понятія въ каждомъ его словѣ. Имѣя въ виду языкъ славянскій, и здѣсь будемъ мы прибѣгать къ родственнымъ языкамъ на столько, на сколько окажутся они необходимыми для объясненія перваго.

Господствующее названіе для рожденныхъ отъ мужа и жены у всѣхъ славянскихъ народовъ есть дѣти. Коренная основа этого слова состоитъ въ слогѣ дѣ. Звукъ д въ языкѣ славянскомъ, соотвѣтствуя тому же звуку въ родственныхъ языкахъ самаго древнѣйшаго вида, обыкновенно соотвѣтствуетъ и соединенію его съ придыхательнымъ h въ послѣднихъ: скр. dhûta, madhu, vidhava и др. въ славянскомъ звучать: дымъ, медъ, вдова и т. д. Звукъ ѣ, нѣкогда двоегласный, соотвѣтствуетъ первобытному ai, видоизмѣнившемуся въ санскритѣ въ двоегласное ê. Принимая въ соображеніе эти свойства языка славянскаго, мы смѣло можемъ сопоставлять коренной слогъ дѣ, въ словѣ дѣти, съ первоначальною формою dhai, равносильною въ санскритѣ съ dhê. Это санскритское dhê существуетъ съ значеніемъ пить, питаться молокомъ, и дало отъ себя не мало производныхъ выраженій, находящихъ себѣ родство и въ другихъ соплеменныхъ языкахъ, гдѣ, какъ и въ санскритѣ, удержалось то же основное значеніе. Если, такимъ образомъ, сопоставимъ, съ одной стороны, эти производныя, какъ: dhâtri, кормилица, dhênu, млекодающая корова, съ другой — сблизимъ готск. dad-djan, кормить молокомъ, давать груди, и слѣдующія выраженія греческаго языка, въ которомъ органически и постоянно замѣняется скр. dh посредствомъ ð, а скр. ê посредствомъ η: ðñ-ση, кормить грудью, ðη-λη, женскія груди, то едва-ли будетъ основательно сомнѣніе относительно кореннаго понятія славянскаго названія дѣти, какъ существъ, питаемыхъ груднымъ молокомъ.

Такимъ образомъ, коренная идея питанія въ словѣ дѣти есть одна изъ идей, которая придана и названію родителей, по крайней мѣрѣ отца. Естественная связь между тѣми и другими способна лишь оправдывать такое соотношеніе: родители питаютъ,

дѣти питаются; первые имѣютъ значеніе дѣйствующихъ, послѣдніе страдательное.

- Для большаго разъясненія и оправданія этой идеи не лишне остановиться и на латинскомъ терминѣ *foetus*, тѣмъ болѣе, что корень этого слова, при внимательномъ взглядѣ на его происхождение, откроетъ идею питанія для жены или женщины вообще, замѣненную въ другихъ языкахъ идеею рожденія, какъ въ словахъ: жена и мать. Въ опредѣленіи кореннаго значенія латин. *femina* мы именно рѣшаемся отступить отъ замѣчанія Потта, утверждающаго, будто *femina* означаетъ рождающая (*die Gebärende*), а не питающая (*die Säugende*)⁽²³⁾. Замѣтимъ, что санскритское *dh* столь же послѣдовательно переходитъ въ латинскомъ языкѣ въ *f*⁽²⁴⁾, какъ въ греческомъ въ *ϕ*, въ славянскомъ въ *d*: *dhûta-fimus*, *dhîra-firmus* и др.; доегласное же *ai*, равное скр. *ê*, замѣняемое въ латинскомъ посредствомъ *oe* (прежде *ai*, потомъ *ae*), не даромъ такъ строго удерживалось въ древнемъ правописаніи: *faemina* и *faetus-foetus*. На этомъ основаніи, мы позволяемъ себѣ смѣло сближать корень *fae*, въ данныхъ латинскихъ выраженіяхъ, съ скр. *dhê*, а черезъ это *foetus* съ славян. дѣти, и видѣть въ значеніи обоихъ первоначальную идею питанія, кормленія⁽²⁵⁾.

Идея питанія, въ примѣненіи къ дѣтямъ, выразилась въ индо-европейскихъ языкахъ и въ другихъ корняхъ. Такъ, скр. *bâlâ*, дитя, отъ *bal*, кормить, питать; такъ, въ языкѣ кельтскомъ употребленъ съ этою цѣлью корень *al*, замѣтный въ латинскомъ *alimentum*, откуда въ гаэльскомъ нарѣчій *ala*, питаніе, кормленіе, въ валлійскомъ же *al* означаетъ молодыхъ животныхъ, кормимыхъ матерью, глаголь *alu* — имѣть, кормить молодыхъ дѣтей⁽²⁶⁾. Отнесеніе этого корня къ животнымъ не можетъ противорѣчить нашему сравненію: и собственное выраженіе дѣти мы обыкновенно примѣняемъ къ животнымъ для обозначенія новорожденнаго, молодаго изъ поколѣнія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ нарѣчій валлійскомъ нѣкогда общій терминъ для людей и животныхъ удержался за послѣдними. Болѣе развитая жизнь, далеко отошедшая отъ патріархальнаго быта, въ которомъ непосредственное, чувственное воззрѣніе производило столь разнообразное богатство частныхъ выраженій для каждаго

знакомаго вида, должна была неизбежно вытѣснять ихъ больше и больше и замѣнять названіями родовыми, общими (37). И напѣ, такъ называемый, образованный языкъ видимо тратитъ обиліе частныхъ терминовъ и въ разбираемомъ случаѣ, употребляя вмѣсто специально назначенныхъ для того или иного рода животныхъ названія общія для всѣхъ, не исключая и людей.

Если въ названіи дѣти языкъ славянскій сохранилъ одну изъ идей, приданныхъ названію родителей, именно питаніе, то менѣе употребительный въ народѣ славянскомъ терминъ чадо удержалъ другую идею, рожденіе, особенно распространенную въ германскомъ языкѣ. Покойный Шимкевичъ въ основаніе понятія чадо поставилъ идею дѣйствія, сравнивши его съ синонимическимъ словомъ ребенокъ (-робенокъ), по мнѣнію его, отъ робити, польск. *robić*, и сблизивши съ глаголомъ чинить, польск. *czyn*, *czynić* (38). Последнее сближеніе, конечно, справедливо; но коренное значеніе слова не всегда можетъ быть тождественно съ позднѣйшимъ, современнымъ: внутренняя часть слова подвержена такъ же измѣненію, какъ и внѣшняя его оболочка, и тѣмъ быстрѣйшему, чѣмъ подвижнѣе самая мысль. Считаемъ излишнимъ распространяться о связи между корнемъ существ. чадо, ст. слав. чадо, глаголомъ чьн, откуда чати, и другимъ глагольнымъ корнемъ кьн, котораго первый составляетъ только смягченный видъ, согласно съ свойствами слав. звукосочетанія: объ этомъ говорено не разъ и много (39). Скажемъ только, что какъ въ родственныхъ языкахъ тождественные корни: въ праязыкѣ *gan*, въ скр. *gan*, въ греческ. *γεν* (въ *γεννάω*, *γένος* и др.), въ лат. *gen* (въ *genus*), въ древне герман. *kan*, въ готск. *kin*, являются съ основнымъ значеніемъ рождать, производить; такъ точно и въ основѣ славян. кьн (въ кьназь)-кон и смягченного чьн-ча должна заключаться первоначально таже идея рожденія, и какъ въ готск. *kind*, такъ и въ славянскомъ отъ ча-чьн образовалось чадо. Замѣтимъ, что и нѣмецкое *knabe*, означающее теперь дитя мужескаго пола, мальчика, едва ли первоначально не имѣло общаго значенія дитяти; по крайней мѣрѣ и оно не можетъ имѣть иного корня, кромѣ *kan*, *kin*, какъ основательно, по нашему мнѣнію, заявилъ о томъ г. Лемке (40).

Оправданіе дѣйствительности идеи рожденія въ названіи

чадо находимъ мы и въ другихъ нѣкоторыхъ терминахъ индоевропейскихъ языковъ. Такъ готское слово *bagp*, дитя, стоитъ въ неразрывной связи съ глаголомъ *baigan*, рождать, отсюда и въ Ульфилиномъ евангелии *bagne-bagna*, дѣти-дѣтей (*kinde-kinde*), отсюда же и названіе для отца *bêguseis* и для предковъ *bêgusids*. Подобное оправданіе встрѣчаемъ и въ кельтскихъ нарѣчіяхъ, хотя идея рожденія и относится въ частности къ сыну или дочери: въ газльскомъ *gineadh* и *geneadh*, рождать и рождаться, *gein*, рожденный, сынъ, *gnae*, человекъ, женщина; въ валлійскомъ — *geni*, рождаться, *genill*, поколѣніе, *genett*, дочь (41).

Менѣе этимологической ясности представляетъ славянское выраженіе ребенокъ — робенокъ, которое, впрочемъ, вполне ясно указываетъ на первообразную форму робъ и на родство съ рабъ. Толкованіе Шимкевича и сближеніе имъ этого выраженія съ глаголомъ робить можно принять развѣ только подъ условіемъ обратнаго пониманія, т. е. что не отъ робить (дѣлать, производить) перешло значеніе къ робу и рабу, а на оборотъ, отъ труда раба образовалось значеніе въ производномъ глаголѣ. Этимологическая темнота не отнимаетъ, однакоже, права, безъ малѣйшаго нарушенія этимологическихъ законовъ языка, сопоставить существ. робъ, рабъ съ скр. *agr̥ha*, въ значеніи дѣти, поколѣніе, потомство, а въ языкѣ Вѣдъ въ смыслѣ малый: перестановка въ славян. языкѣ согласныхъ звуковъ, особенно шавныхъ, впередъ гласныхъ, начинающихъ коренное слово въ родственныхъ языкахъ, довольно обыкновенна (сравнимъ, напр. *лудис-алдис*, *ралик*, рус. *роля*, *роля*; *рало*, *ратай* и др. съ корнемъ *ag*, который и остается въ томъ же видѣ въ соответствующихъ выраженіяхъ родственныхъ языковъ: греческ. *ἄρoura*, *ἄροτρον*, лат. *arvum*, *aratrum* и т. д.). Съ этимъ словомъ *agr̥ha* сопоставляютъ и греч. *ὀρφανός* (нищій), лат. *orbus* (лишенный), и готск. *agr̥a* (наслѣдство), *agr̥ja* (наслѣдникъ), нынѣшнее нѣмецкое *der Erbe* (42). Идея малости, приданная выраженію *agr̥ha* въ діалектѣ Вѣдъ, столь естественная для понятія ребенокъ, весьма легко и вполне согласно со взглядомъ патріархально-народнымъ, способна объяснить и переходъ значенія къ рабу, такъ какъ съ понятіемъ малости у народовъ древ-

нихъ не отдѣлялось и понятіе слабости, бѣдности, ничтожности. На этомъ основаніи и самыя сословія дѣлились на большихъ людей и малыхъ, или большихъ, добрыхъ и худыхъ, т. е. бѣдныхъ. Согласно, быть можетъ, съ непривлекательнымъ воззрѣніемъ старины на жену, образовался и терминъ роба (жена) въ словацкомъ нарѣчій (⁴³). Изъ обозрѣнія сказаннаго о терминахъ дѣти и чадо не трудно вывести заключеніе, что и въ нихъ заключены обѣ идеи, питанія и рожденія, какія приурочены народомъ къ названію родителей, отца и матери.

Но дѣти могутъ быть двухъ половъ, сыновья и дочери. Какое впечатлѣніе, какая идея руководила человѣкомъ въ томъ и другомъ названіи. Казалось бы, скорѣе всего и здѣсь встрѣтить ту же общую идею рожденія, заключенную въ общемъ понятіи чадо-kind. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ нѣкоторыхъ родственныхъ языковъ ее и находимъ мы въ обихъ терминахъ. Такъ, скр. *tanaja* (сынъ) и *tanajã* (дочь) указываютъ на корень *tan*, въ значеніи творить, рождать; припомнимъ кельтскія нарѣчія, въ которыхъ также отмѣтили мы ту же идею въ названіяхъ и сына и дочери. Она же всецѣло принадлежитъ и господствующему, наиболѣе распространенному термину для сына во всѣхъ арійскихъ языкахъ.

Тождественность происхожденія славян. сынъ съ скр. *vîpus*, готск. *sunus*, древ. нѣмец. *sunu*, *sun*, нынѣшнимъ *sohn*, литов. *sunas* едва ли кто рѣшится отрицать; признавая же эту тождественность, нельзя не согласиться и съ способомъ образованія этого слова, и съ кореннымъ значеніемъ его. Образовалось же оно отъ глагольнаго корня *su*, рождать, посредствомъ приставки *pu*, равносильной въ настоящемъ случаѣ съ причастнымъ окончаніемъ прошедшаго времени страдательнаго залога *ta*. Такая равносильность въ данномъ словѣ всего очевиднѣе опредѣляется и посредствомъ слова *sutã* (сынъ), собственно причастія прошедшаго страдательнаго отъ того-же *su*; такимъ образомъ, основное значеніе сынъ есть — рожденный. Женскій родъ того же причастія и того же глагола перешелъ въ санскритѣ въ названіе для дочери, и *sutã* значитъ дочь.

Видно, идея рожденія представлялась наиболѣе естественною и пригодною въ понятіи древнѣйшаго человѣка для дѣтей, даже

и при различіи ихъ пола; въ славянскихъ нарѣчіяхъ удержалась она и въ синонимическихъ словахъ, происходящихъ отъ другаго корня. Такъ, въ соответствии русскимъ пасынокъ и падчерица, встрѣчаемъ у Поляковъ *razerb*, *razerbica*, у Хорватовъ и Сербовъ *пасторак*, *пасторка* и *пасторкиѣа*. Эти слова происходятъ отъ корня *ser*, также въ значеніи рождать (⁴⁴).

Впрочемъ, въ терминѣ для дочери, всё почти родственные языки, не исключая и санскрита, соединили другую идею, и ее сдѣлали наиболѣе господствующею, сколько можно судить по преобладающему, въ нѣкоторыхъ же языкахъ исключительному, господству самаго названія. Название это въ славянскомъ языкѣ есть дочь, одно и тоже по корню своему во множествѣ языковъ, съ требуемымъ только видоизмѣненіемъ звуковъ, согласно съ особенными законами каждаго языка. Скр. *duhitr*, греч. *θυγάτηρ*, готск. *dauhtra*, древне-нѣм. *tochtar*, нынѣш. *tochter*, литов. *duktė*, къ которому такъ близко древне персидское *duckte*; древнѣйшая форма въ слав. языкѣ есть *дъшти*, образовавшаяся изъ болѣе первичной *дъкти* (⁴⁵). Не видя основанія сомнѣваться въ единствѣ происхожденія приведенныхъ выраженій, можно для опредѣленія кореннаго значенія смѣло обратиться къ скр. *duhitr*, въ которомъ, по глубокой древности памятниковъ языка, не могла такъ сильно затмиться основная идея, какъ это замѣчаемъ въ языкахъ съ гораздо позднѣйшею сравнительно исторіею.

Существительное *duhitr* несомнѣнно образовалось изъ глагольнаго корня *duh* и приставки *tra*, ослабленной въ *tr*, обозначающей дѣйствующее лице (⁴⁶). Глаголь *duh* значитъ доить, равный по формѣ и по смыслу готскому *tuh*; отсюда, существительное *duhitr* должно выражать понятіе о лицѣ, которое доить. Лассень, принимая въ соображеніе пастушескій бытъ Аріицевъ, въ этомъ бытѣ думаетъ видѣть единственный поводъ къ такому названію дочери, на которой, по его мнѣнію, лежала обязанность доенья коровъ: *auf das ursprüngliche Hirtenleben geht auch die Benennung duhitr, θυγάτηρ, tochter, d. h. Melkerin; es war ihr Amt in der alten Familie der Hirten* (⁴⁷). Не можемъ не согласиться съ нимъ, что опредѣленіе понятія *duhitr* значеніемъ питающаяся грудью (*quae mamma sugit*), сосущая

грудь, как полагают некоторые, едва ли основательно, так как и дѣти мужескаго пола не могутъ въ одинаковой степени съ дочерями обойтись безъ молока матери. При томъ *duh* и не значитъ питаться или сосать. Но, съ другой стороны, не легко допустить въ первобытной жизни, отъ которой, разумѣется, идетъ названіе дочери, столь отчетливое распредѣленіе занятій, противрѣчащее даже и современнымъ порядкамъ въ тѣхъ странахъ и у тѣхъ народовъ, гдѣ существуютъ остатки пастушескаго быта и гдѣ доеніе коровъ, какъ и другихъ животныхъ доимыхъ, далеко не исключительно составляетъ обязанность не только дочерей, но и вообще женщинъ. Другая, по нашему убѣжденію, идея и въ словѣ *duhitr*. Славянскія нарѣчія въ отысканіи этой идеи, думаемъ, не могутъ не быть посредниками. Въ нихъ глаголъ *донть*, тождественный съ *skr. duh*, значитъ не только безотносительно извлекать молоко изъ грудей, вымени, но и относительно, извлекать для питанія, кормить молокомъ. Такъ въ нарѣчіи старославянскомъ, откуда и *донтель*, въ смыслѣ питатель, кормитель, доилица и доильница. — кормилица; такъ и въ сербскомъ, откуда *дојкика*, кормилица, мамка; не справедливо было бы отрицать тоже самое и въ санскритѣ, и тѣмъ больше, что утверждать устойчивое однообразіе въ древнѣйшее время въ какомъ бы то ни было словѣ подъ вліяніемъ взгляда на позднѣйшіе языки — не совсѣмъ послѣдовательно. Санскритскій, напримѣръ, глаголъ *dhé* или *dhâ*, родственнѣй по корню съ *duh*, ⁽⁴⁸⁾ означаетъ вообще пить, питаться, и однакоже происшедшее отсюда *dhâtr*, какъ сказано выше, имѣетъ значеніе питательницы, кормилицы, а готское *daddja*, тождественное съ *dhé*, значитъ уже кормить молокомъ, давать грудь, съ чѣмъ только и можно сопоставить сербское *дадија* ⁽⁴⁹⁾. Такимъ образомъ, и въ словѣ *duhitr* ничто не препятствуетъ видѣть тоже значеніе, что и въ *dhâtr*, или въ серб. *дојкика*, т. е. кормилица, и объяснить такое названіе идей будущаго положенія дочери, какъ матери, а слѣдовательно и кормилицы, питательницы своимъ молокомъ. Пиктэ, склоняясь къ мнѣнію Лассена, затрудняется пристать къ объясненію, подобному нашей догадкѣ, по тому соображенію, что въ такомъ случаѣ не было бы видно отношенія дочери къ родителямъ, которое, по его мнѣнію, непременно должно быть: а родители, конеч-

но, не могутъ назвать свою дочь нашей питательницей⁽⁶⁰⁾. Но, во первыхъ, на столько же закрыто отношеніе это и въ объясненіи Лассена; во вторыхъ, едва ли безусловно и необходимо выраженіе такого отношенія въ терминахъ для дѣтей. Последнее было бы основательно, если бы слово создавалось и принималось къ данному предмету въ первый моментъ появленія предмета; но существительное *duhitr*, какъ и множество другихъ, могло получить жизнь въ періодъ значительной опытности народа, тѣмъ скорѣе при такомъ состояніи народа могло оно приняться къ дочери. Въ этомъ отношеніи, мы ничего не имѣемъ и противъ предположенія Боппа⁽⁶¹⁾, будто *duhitr* значило первоначально вообще женщину, что находитъ оправданіе и въ основномъ значеніи латин. *mulier*, сопоставляемаго Лассеномъ съ *mulgere*, доять⁽⁶²⁾.

Взаимныя другъ къ другу отношенія рожденныхъ дѣтей, сыновей и дочерей, выразилъ народъ арійскій особыми названіями, распространенными съ большею или меньшею исключительностью по всему индоевропейскому племени. Названія эти братъ и сестра. Постараемся отыскать и въ нихъ коренную идею.

Существительное братъ, подобно многимъ другимъ родственнымъ терминамъ, также одинаково звучитъ въ языкахъ индоевропейскихъ: скр. *bhrātṛ*, готск. *bróthar*, древне верх. нѣм. *pruodar*, нын. нѣм. *bruder*, лат. *frater*, литов. *brolis*⁽⁶³⁾; въ греческомъ языкѣ, правда, утвердилось другое слово, *ἀδελφός*, но ежели взять въ соображеніе существ. *φρατρία*, братство, то, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что и въ немъ когда-то жило выраженіе *φρητήρ* или *φρατήρ* или *φράτωρ*. Во всѣхъ однакоже языкахъ, кромѣ уменьшительной формы литовскаго, господствуетъ въ окончаніи звукъ *r*; онъ принадлежалъ нѣкогда и цер. слав. нарѣчію, какъ, напр., въ Глаголитѣ Клоца и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, особенно глаголитскихъ; слышенъ и до-нынѣ въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ, хотя и въ превращеніи уже въ шепелеватое *ř*, какъ въ польскомъ, по крайней мѣрѣ въ производныхъ словахъ *braterski* и *braterstwo*, и въ чешскомъ. Все это, очевидно, заставляетъ съ увѣренностью допускать, что и въ остальныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, утратившихъ это *r* съ незапамятныхъ поръ, было оно также всеобщее въ доисторическое

время. Такимъ образомъ, коренная форма и русскаго языка должна быть братъ.

Относительно кореннаго значенія этого слова. вопросъ нѣсколько сложнѣе. Боишь положительно говорить, что корень скр. *bhrātī* не извѣстенъ⁽⁴⁴⁾. Уважая мнѣнiе знаменитаго филолога, не можемъ, однакоже, не позволить себѣ высказать сближенiе *bhrātī* съ другимъ существительнымъ санскритскимъ, совершенно сходнымъ по подбору звуковъ и также выражающимъ понятiе родства, — это *bhartī*. Въ формальномъ отношенiи на близость обихъ словъ уже было указано г. Бетлингомъ⁽⁴⁵⁾ и повторено въ слѣдующихъ выраженiяхъ Лассеномъ: *bhrātī-bhrātar ist aus bhartar (-bhartī) durch Umstellung von ar zu ra entstanden*⁽⁴⁶⁾. Существительное же *bhartī*, имѣя въ основанiи своемъ глагольный корень *bhī* — *bhar* (носить, поддерживать, питать), означаетъ прежде всего того, кто поддерживаетъ, кормитъ, далѣе господина и, наконецъ, мужа, супруга. Взглядъ на взаимныя отношенiя членовъ первобытнаго семейства только въ состоянiи оправдать признаваемое формальное родство словъ *bhartī* и *bhrātī* и повести къ заключенiю о родствѣ и тождествѣ въ первобытное время и самаго значенiя. Г. Пиктэ думаетъ видѣть въ однокоренномъ названiи мужа и брата только общность основной идеи — покровительства и питанiя, что братъ, значитъ, рассматривался какъ естественный покровитель сестры, какъ при жизни родителей, такъ и послѣ смерти ихъ. Но намъ кажется, что сходство названiй ограничивается не одною общею идеею, а указываетъ на тождество и самыхъ предметовъ, другими словами, что братъ и мужъ нѣкогда были выраженiями синонимичными. При мысли или вовсе о несуществованiи множества семействъ въ первыя времена человѣчества, или ограниченности числомъ и разбросанности, враждебности, естественно, дѣти одной четы, сыновья и дочери, братья и сестры, могли стать въ отношенiя мужей и женъ. Исторiя древнѣйшаго человѣчества, не исключая и Ветхаго Завѣта, говоритъ объ этомъ ясно, какъ скоро касается первобытной эпохи. Отсюда, при двоякомъ отношенiи одного и того же лица, понятна и возможность, даже неизбежность и двухъ понятiй въ одномъ и томъ же названiи этого же лица. Такимъ образомъ, слово *bhartī*

стало означать и мужа и брата, хотя для послѣдняго значенія и не замедлила утвердиться другая форма, отличенная отъ первой лишь усиленіемъ слабаго аг въ га, столь обыкновенно употребительнымъ въ санскритѣ, даже безъ измѣненія кореннаго значенія. Намъ нѣтъ надобности рѣшать, когда произошло подобное отличеніе въ формѣ: тогда-ли, когда исчезла необходимость, въ слѣдствіе размноженія семействъ, ограничиваться браками между братьями и сестрами, когда вошло въ обычай, а потомъ въ законъ допускать соединеніе между лицами чужими или отдаленнѣйшаго родства, или еще прежде, въ періодъ безразличія въ бракахъ, — заключеніе наше объ упомянутыхъ названіяхъ ни мало отъ этого не пострадаетъ. Позволимъ себѣ только предположить, что формальное различіе въ словѣ могло состояться и въ одной семьѣ, въ силу различнаго возраста брата и способности его быть мужемъ: при отношеніи единственно братскомъ къ сестрѣ, онъ могъ называться bhṛgātāg, когда-же дѣлался мужемъ — bhagātāg. Какъ бы то ни было, но единство происхожденія обоихъ словъ не подлежитъ сомнѣнію, а слѣдовательно и въ названіи братъ необходимо допустить идею защиты и питанія. Взглянемъ на происхожденіе и значеніе ближайшаго къ брату названія — сестра.

И въ этомъ названіи сходится большая часть языковъ индоевропейскихъ, хотя и съ такимъ звуковымъ отличіемъ, которое значительно затрудняетъ положительность въ опредѣленіи корня слова и производитъ въ мнѣніяхъ ученыхъ то разногласіе, которое иногда приближается къ личнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Существенное отличіе состоитъ въ звукѣ т (t), котораго вовсе не видно въ однихъ языкахъ, и при томъ древнѣйшихъ, и который является необходимымъ въ другихъ. Къ первому разряду относятся: скр. svasī (-svasar), зенд. gaīnar, лат. soror, гр. soror, а это гр. svosor; литов. sessū (род. sessers, множ. sesseres); ко второму — языки германскіе и славянскіе: готское svistar, др. нѣм. sūestar, нынѣш. schwester, обще славян. сестра. На этомъ основаніи, одни изъ филологовъ признаютъ ближайшими къ коренной формѣ германскія и славянскія нарѣчія, и ихъ берутъ въ основу своихъ объясненій, какъ, напр., Поттъ⁽⁸⁷⁾, утверждающій сложность этого названія изъ мѣстоимѣнія sva

(свой) и существительнаго *stri* (происшедшаго чрезъ сокращеніе изъ *sutri*, отъ глагольнаго корня *su*, рождать), въ значеніи женщина, жена; по такому толкованію, сестра означала бы свою жену. Къ этому же, очевидно, склоняется и Бошгъ⁽⁸⁶⁾. Другіе, напротивъ, хотягь видѣть болѣе первоначальной чистоты въ формахъ санскрита и латинскаго языка, и если не прочь допускать и въ нихъ звукъ *t*, только выброшенный, то никакъ не думаютъ придавать ему значеніе въ самостоятельномъ корнѣ, а лишь въ окончаніи. Такъ Веберъ, переходя отъ *svasī* черезъ *svasar* къ *svastar*, предполагаетъ послѣднее образовавшимся изъ *suastar*, а это происшедшимъ изъ соединенія двухъ корней: *su*, хорошо, прекрасно, и *as*, быть, существовать, и образовательной приставки *tar* (*-tir*), участвующей въ названіяхъ санскритскихъ и при родственныхъ именахъ, какъ для отца, брата и др. Отсюда, по его мнѣнію, *svasī*, сестра, означаетъ хорошо существующую, дружелюбную, или, съ причиннымъ значеніемъ, доставляющую счастье, заботливую⁽⁸⁷⁾. Не говоря уже ничего противъ отвлеченности значенія, едва-ли согласной съ воззрѣніями столь глубокой древности, изъ какой несомнѣнно идетъ слово сестра, мы позволимъ себѣ замѣтить касательно формальной стороны, что едвали основательно брать за образецъ первобытнѣйшей чистоты слова германскій и славянскій языки, сравнительно съ санскритомъ, zendомъ и латинскимъ, и не потому, чтобы мы не допускали возможности сохраниться крѣпче и чище той или иной формѣ въ языкахъ сравнительно новѣйшихъ, а потому, что звукъ *t* въ окончаніи существ. сестра въ славянскомъ языкѣ легко можетъ быть объясненъ весьма обычною его вставкою между *s* и *r*, какъ, на оборотъ, звучное *d* вставляется между звучными *z* и *r*: страженіе *vm.* сраженіе, страмъ *vm.* срамъ, пестрый *vm.* песрый, ноздри *vm.* нозри (изъ носри). Слѣдовательно, надобно бы было прежде доказать, что въ данномъ словѣ слав. языка звукъ *t* не есть евфоническая вставка и что форма сестра подкрѣпляетъ, такимъ образомъ, первобытность германской *svistar*, *süestar*, а не противорѣчитъ ей. Въ противномъ случаѣ, одни германскія нарѣчія ни въ какомъ случаѣ не въ силахъ перевѣсить согласія санскрита, зенда, латинскаго, литовскаго и славянскаго, который евфоничностью звука

т только подтверждалъ бы непринадлежность этого звука основной формѣ. Вотъ почему намъ и кажется гораздо вѣрнѣе взглядъ на образованіе разсматриваемаго названія, предложенный г. Пиктэ. Въ известномъ своемъ сочиненіи, онъ принимаетъ скр. *svasg* (*svasag*) за исходную форму, и видитъ въ ней болѣе древнее окончаніе *ag* (-*r*), равносильное болѣе распространенному и позднему *tag* (-*tr*), какъ *časaq*, повелитель, *rathéshtar*, воинъ, *dévaq*; деверь и др. Болѣе убѣдительности, на нашъ взглядъ, заключаетъ въ себѣ и толкованіе г. Пиктэ о происхожденіи самаго слова и его первоначальномъ значеніи. По такому толкованію, *svasg* составлено изъ предлога *sa*, вмѣстѣ, съ, и глагольнаго корня *vas*, обитать, жить, такъ что *svasg* означало бы первоначально живущую вмѣстѣ (съ братомъ, прибавляетъ Пиктэ). Звукъ *a* въ предлогѣ могъ утратиться точно такъ же, какъ утратилось *u* въ *stri*, изъ *sutri* ⁽⁶⁰⁾. Не имѣя сами ничего сказать новаго, мы только отмѣтимъ большую вѣроятность и меньшую степень натяжекъ въ послѣднемъ объясненіи.

До сихъ поръ названія родства не выходили изъ круга самыхъ ближайшихъ лицъ: мужа и жены, отца и матери, сыновей и дочерей. Это количество родственныхъ лицъ неизбежно должно было умножиться, какъ скоро и послѣдніе, сыновья и дочери, дѣлались мужьями и женами. Образую новую семью въ старой семьѣ, съ новыми дѣтьми, тѣмъ самымъ вводили они и новыя отношенія этого молодаго поколѣнія къ старому, которыя требовали и новыхъ названій, съ больше или меньше опредѣленнымъ выраженіемъ такихъ отношеній. Послѣднія естественно должны были выразиться въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи прямого, при указаніи взаимныхъ отношеній между дѣтьми дѣтей, съ одной стороны, и родителями родителей, съ другой, и въ направленіи боковомъ, между дѣтьми дѣтей и братьями и сестрами родителей. Остановимся прежде на первомъ.

Идя по нисходящей линіи отъ отца и матери къ дѣтямъ и отъ этихъ къ ихъ дѣтямъ, мы находимъ отношенія послѣднихъ къ первымъ и обратно выраженными въ слав. языкѣ словами: внукъ — внука и дѣдъ — баба.

Старославянскія формы унукъ — унука, сохранившіяся безъ приставнаго придыхательнаго *v* и въ нѣкоторыхъ живыхъ

нарѣчійхъ, яснѣе указываютъ на коренное значеніе, опредѣляя прямо происхожденіе отъ унѣ, произносимаго въ русск. языкѣ юнѣ, юный. Это названіе развилось, кажется, уже на почвѣ чисто славянской, соотвѣтствуя въ родственныхъ языкахъ инымъ словамъ. Наиболее распространенное изъ нихъ удержалось и въ славянскомъ языкѣ, только при обозначеніи иного родства, и мы остановимся на немъ, когда коснемся послѣдняго. Если сообразимъ соотвѣтствіе славянскаго унѣ-юнѣ санскитскому ұна, въ смыслѣ малый, слабый, то увидимъ, что народъ славянскій обозначилъ родственное отношеніе внуковъ къ отцу и матери ихъ родителей идеей молодости, юности, и съ тѣмъ вмѣстѣ малости и слабости (61).

Обратному отношенію ближе всего было выразиться въ такомъ терминѣ, который бы содержалъ противоположную идею, идею величины и старости. Нѣкоторые языки, дѣйствительно, эту идею и заключаютъ, прилагая только ее къ понятію отца. Отсюда, скр. pitāmana, греч. μέγας πατήρ, нѣм. gross vater, т. е. великій, большой отецъ. Другіе, напротивъ, ограничиваются терминомъ, заимствованнымъ просто и только отъ отца, какъ латн. avus (62); сюда, полагаемъ, принадлежитъ и славянскій языкъ, съ своимъ выраженіемъ дѣдъ. Мы уже сказали на своемъ мѣстѣ, что основной корень та, въ названіи отца, тата, въ нѣкоторыхъ языкахъ замѣняется посредствомъ звучнаго д, откуда произошло дад, съ тѣмъ-же значеніемъ отца. Такое-то видоизмѣненіе позволяемъ мы себѣ видѣть и въ словѣ дѣдъ, вполне соотвѣтствующемъ, по формѣ, скр. tāta (63), гдѣ долгое а послѣдовательно превратилось у Славянъ въ ѣ. И какъ значеніе tāta отъ первоначальнаго отецъ перешло къ обозначенію человѣка почтеннаго, уважаемаго, такъ и литовское dėdas, соотвѣтствующее нашему дѣдъ, и по формѣ и по значенію, употребляется и въ смыслѣ престарѣлаго человѣка, въ обращеніи къ которому патріархальный бытъ не отдѣляетъ извѣстнаго почтенія. Въ томъ же санскритѣ понятіе дѣда выражается и посредствомъ āyaka, что значитъ собственно почтенный человѣкъ, отъ āyā. Съ существительнымъ dėdas соединено въ литовскомъ языкѣ и прилагательное didis, въ значеніи большой. Мы рѣшаемся, однакоже, думать, въ противность г. Гильфердингу, что не dėdas

получило свое значеніе отъ прилагательнаго *didis*, а, на оборотъ, послѣднее обязано первому. Полагаемъ также, что нѣтъ нужды приписывать какой либо особый знаменательный корень для дѣда и *dēdas* и въ санскритѣ, какъ это дѣлаетъ Пиктэ, сопоставляя приведенныя слова съ скр. *dhā*, *dhi*, въ значеніи питать, покровительствовать⁽⁶⁴⁾. Такое словопроизводство можно признать развѣ только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ *pitī* производятъ отъ *pa*, т. е. что изъ дѣтскаго сочетанія *pa*, обратившагося въ названіе отца, въ послѣдствіи образовался корень съ соотвѣственнымъ значеніемъ питать. Въ настоящемъ случаѣ, участвуетъ такимъ же образомъ сочетаніе *ta*, давшее *tata*, съ видоизмѣненіемъ въ *da* (*дада*), чего не отрицаетъ и г. Пиктэ. Быть можетъ, что и изъ этого сочетанія образовался корень *da* и *dha*.

Что въ выраженіи дѣдъ заключалась первоначально идея объ отцѣ, кромѣ лат. *avus*, собственно отецъ, видно изъ соотвѣствующаго ему термина женскаго пола, *баба*. О коренномъ тождествѣ *баба* и *папа* говорено нами выше; тамъ же указано и на замѣну кое-гдѣ послѣдняго первымъ, при отнесеніи этого слова къ отцу. Но славянскій языкъ преимущественно приурочилъ выраженіе *баба* къ названію матери родителей, какъ соотвѣствующее дѣду. Это соотвѣтствіе идетъ и дальше: какъ дѣдъ, дѣдушка обозначаетъ у Славянъ, кромѣ определенной степени родства, и всякаго старика, такъ и *баба*, *бабушка* служатъ для обозначенія старухъ⁽⁶⁵⁾. Мы видѣли, какъ названія отца и матери переходятъ къ значенію няньки, кормилицы (мр. *нѣня* — мать, словацк. *nanjo* — отецъ, вр. *няня*, *нянька*); то же встрѣчаемъ и въ названіи *баба*, какъ въ сербскомъ нарѣчій, гдѣ *бабица* означаетъ няньку: *he je mnogo ba-bi-ca ki-lava su de-ca*⁽⁶⁶⁾. Здѣсь невольно просится на сближеніе и скр. *rari*, однаково происходящее отъ сочетанія *pa*, наравнѣ съ *rara*, *pitī*, *pater*, и означающее няньку. Подобный переходъ значенія не могъ не поддерживаться простымъ бытомъ народа, въ которомъ одною изъ существенныхъ обязанностей бабки есть ухаживать за дѣтьми. Въ жизни семейно-родовой, разительные примѣры которой предлагаютъ намъ и теперь поселенія сербовъ и хорватовъ на военной границѣ, гдѣ на долю каждаго молодаго члена, безъ различія пола, вос-

лагается старѣйшиной часть хозяйственныхъ занятій, требующихъ свѣжихъ силъ, наблюденіе за дѣтьми само собою становится обязанностью престарѣлыхъ членовъ.

На основаніи сказаннаго о терминахъ дѣдъ и баба, едва ли мы не въ правѣ съ положительностью утверждать, что первоначальная идея въ нихъ не отдѣлялась отъ отца и матеря, какими и могли представиться, дѣйствительно, дѣдъ и баба своимъ внукамъ; что только въ послѣдствіи связалось съ ними отдѣльное значеніе, съ указаніемъ на определенную степень родства, а съ этимъ вмѣстѣ исключительно къ нимъ примѣнились и самыя слова, по крайней мѣрѣ въ славянскомъ языкѣ, и что только за этимъ приобрѣли они и болѣе общій смыслъ — старика и старухи. Общія названія перваго боковаго родства, надѣмся, еще сильнѣе подтвердятъ нашу мысль; но, держась прямой нисходящей и восходящей линіи родства, остановимся прежде на выраженіи въ славянскомъ языкѣ отношеній между дѣтьми внуковъ и родоначальниками — родителями.

Въ этомъ случаѣ, какъ вообще Славяне, такъ и въ частности Русскіе не употребляютъ особыхъ словъ, а повторяютъ тѣже названія: внукъ, внука, дѣдъ, баба съ приставной частицей пра, единичной или двойной, смотря потому, разумѣются ли отношенія между родителями родоначальниками и дѣтьми внуковъ и т. д. Что касается до частицы пра, употребляющейся и въ литовскомъ, какъ *pradėdas* (прадѣдъ), встрѣчающейся и въ санскритѣ, хотя и не прямо для обозначенія степени родства, какъ *prabhava*, начало, поколѣніе, семейство, *prasaava*, рожденіе, потомство, поколѣніе, то ея обозначается отдаленность, если справедливо предположеніе Боппа, что она образовалась изъ пара (⁶⁷) (*para*). Съ этимъ объясненіемъ согласовалось бы и лат. *at*, въ *atavus* (прадѣдъ), которое, по мнѣнію Курція (⁶⁸), соотвѣтствуетъ сир. *ati*, съ тѣмъ же смысломъ отдаленности. Въ такомъ случаѣ, прадѣдъ значилъ бы отдаленный дѣдъ, прапрадѣдъ — еще болѣе отдаленный. Такъ точно и прабаба и прапрабаба, правнукъ и праправнукъ. Утроеніе пра, кажется, не употреблялось на Руси, по крайней мѣрѣ въ древнее время: вмѣсто прапрапрадѣда встрѣчаемъ выраженіе пращуръ. Такъ, Борисъ Александровичъ тверской говорилъ князю Василю Темному: «а которые

земли и воды потягли къ нашей вотчинѣ, къ Твери и къ Каши-
ну, при моемъ пращурѣ, при В. К. Михаилѣ Ярославиче и при
моемъ прапрадѣде, при В. К. Александрѣ Михайловичѣ.....»⁽⁶⁹⁾.
Даже самое удвоеніе пра не вездѣ было въ ходу, какъ видно изъ
слѣд. мѣста ипатіевской лѣтописи⁽⁷⁰⁾: «начало княженія въ Кіевѣ
князя великаго Дюргя сына Владимира Мономаха, внука Всево-
ложа правнука Ярослава, пращюра великаго Володимира, кре-
стившаго всю землю русскую». Отчисленіе термина пращуръ
къ лицу нисходящей линіи я считаю очевидною ошибкой и отно-
шу его къ Владимиру святому, прапрадѣду Георгія владиміровича,
названному здѣсь пращуромъ⁽⁷¹⁾. Подобное различіе значе-
нія пращюра, равносильнаго въ одномъ памятникѣ прапрадѣ-
ду, въ другомъ прапрапрадѣду указываетъ, полагаемъ, на смѣ-
шеніе этихъ родственныхъ терминовъ, которое легко могло про-
изойти отъ рѣдкости употребленія ихъ, въ слѣдствіе слишкомъ
уже отдаленнаго родства. Какъ бы то ни было, но выраженіе
пращуръ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, есть самая высшая
степень восходящаго родства.

Коренное значеніе слова щуръ довольно темно. Въ старин-
ной письменности церк. славянской оно означало кузнечика, въ
нынѣшнемъ употребленіи у Славянъ значеніе довольно разнообразно,
переходя отъ насѣкомаго къ ужу и даже къ крысѣ. Сближеніе этого слова съ скр. *срга* (герой, мужъ), предложенное
и объясненное г. Буслаевымъ, во всякомъ случаѣ, кажется намъ
гораздо согласнѣе съ свойствами языка славянскаго, нежели
сравненіе его съ скр. *sthûra* (человѣкъ), приведенное г. Гиль-
фердингомъ⁽⁷²⁾. Такимъ образомъ, по первому объясненію, въ
словѣ пращуръ сливались бы въ одно двѣ идеи: о предкѣ и о
героѣ; подобное слянїе нашло - бы подтвержденіе и въ понятіяхъ
древнѣйшаго и патриархальнаго народа вообще о предкахъ,
возводимыхъ не только въ рядъ героевъ, но и домашнихъ бо-
жествъ: они являлись покровителями дома, очага, рода; ихъ бого-
творили въ качествѣ пенатовъ. Нынѣшнее значеніе щура не
только не опровергаетъ такого понятія о предкахъ, а скорѣе
подтверждаетъ и оправдываетъ его: въ этомъ значеніи заклю-
чается олицетвореніе душъ умершихъ въ тѣхъ насѣкомыхъ и
животныхъ, которыя тѣсно связаны съ домомъ, которыя, въ

силу такого олицетворенія, пользуются и благоговѣйнымъ почетомъ⁽⁷³⁾. Сила и общераспространенность почета и боготворенія предковъ выразилась и въ первые вѣка христіанства у Славянъ, въ перенесеніи терминовъ прадѣда и дѣда на Бога: «аще ли мя твориши прадѣдомъ или дѣдомъ себѣ, то чему мя не чтещи, якоже добри уницы прадѣды и дѣды чтятъ.»⁽⁷⁴⁾ На боготвореніе предковъ указываютъ и примѣры производства язычниками своего рода и народа отъ боговъ, какъ, напр., въ Словѣ о Полку Игоревѣ: стри божи внуци, дажьбожь внукъ и т. п.

Боковое отношеніе между дѣтьми дѣтей и братьями и сестрами ихъ родителей выразилось у Славянъ точно также особыми названіями. Наиболѣе общія изъ этихъ названій, наиболѣе распространенныя и въ настоящее время суть: дядя и тетка. Коренное значеніе обоихъ сводится къ тому же понятію отца, изъ котораго образовались термины для дѣда и бабки. Что касается до слова дядя, то въ немъ нельзя не видѣть подобнаго же видоизмѣненія древнѣйшаго тата, какъ и въ дѣдѣ; въ звукѣ *ta* легко могъ скрываться и носовой звукъ, слышныи доселѣ въ значительной части нарѣчій славянскихъ, какъ дундо въ нарѣчіяхъ сербскомъ, хорватскомъ, хорутанскомъ, словацкомъ и лужицкомъ. Въ самомъ старославянскомъ нарѣчій попадаетъ форма *дада*⁽⁷⁵⁾. Не говоря о замѣнѣ звука *t* посредствомъ *d*, о чемъ сказано выше, замѣтимъ, что переходъ кореннаго *a* въ славян. языкѣ въ *ä* и *ж* довольно обыченъ, какъ и усиленіе *a* въ *ä*. Такимъ образомъ, корень *сад*, обращаясь въ славян. языкѣ въ *сѣд*, является и въ видѣ *сад*. Примѣнимость идеи отца къ дядѣ, неоднократно указывавшаяся нами прежде, подтверждается и ближайшимъ къ нему по родству тета—тетка, единство происхожденія котораго съ тата не можетъ подлежать сомнѣнію⁽⁷⁶⁾. Литовскій языкъ служитъ близкимъ поясненіемъ; въ немъ также находится выраженіе *teta*, съ значеніемъ сестры отца или матери, и въ то же время *tetis*, отчикъ *tëtajtis*, *tëtätis*, *tëtüttis*, отецъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ терминъ для дяди есть лишь легкое звуковое видоизмѣненіе выраженія для отца, именно *vetter*.

Послѣ того, что говорено нами о сліянiи идеи отца и матери въ самыхъ названіяхъ въ языкахъ родственныхъ, изъ которыхъ одинъ удержалъ извѣстный корень для выраженія отца, другіе

тотъ же корень для матери, и наоборотъ, не можетъ казаться особенно страннымъ отнесеніе идеи отца къ сестрѣ отца или матери, т. е. къ теткѣ. Русскій языкъ, сколько извѣстно, съ первой поры исторіи, не дѣлалъ точнаго различія въ выраженіяхъ дядя и тетка, употребляя первое одинаково и для мужа тетки, или матери сестры, второе и для жены дяди, брата отцова. Принимая, однакоже, въ соображеніе другія нарѣчія и говоры славянскіе, едва ли мы въ правѣ отрицать строгое нѣкогда отлеченіе родства въ древней Руси и въ этомъ отношеніи. Такъ, въ сербскомъ и хорватскомъ нарѣчійхъ доселѣ еще мужъ называется тетак (хорв. tetac); Бѣлоруссы же и Малоруссы именуютъ жену дяди — дядина (дзядзина) ⁽⁷⁷⁾. Сводя, въ заключеніе, сказанное о названіяхъ: дѣдъ и баба, дядя и тетка, приходимъ къ тому выводу, что во всѣхъ ихъ содержится общая идея отца — матери, и что первое и два послѣднихъ суть только видоизмѣненія древнѣйшаго тата, какъ баба есть подобное же видоизмѣненіе общеупотребительнаго папа. Такимъ кореннымъ значеніемъ дяди легко объясняется и значеніе слова дядька, какъ воспитателя, грѣстуна, одинаково извѣстнаго и въ древнее и въ нынѣшнее время ⁽⁷⁸⁾.

Названія дядя и тетка, какъ выражающія понятія слишкомъ общія, безъ различія разнообразныхъ оттѣнковъ родства, не удовлетворяли Славянъ, — и въ ихъ языкѣ съ незапамятныхъ поръ усматриваемъ мы нѣсколько новыхъ терминовъ, въ сущности для тѣхъ же понятій, только болѣе точно и подробно опредѣляющихъ самыя мелкія особенности. Вниманіе къ подобному разграниченію родства въ одной и той же степени необходимо должно вести къ заключенію о происхожденіи его въ пору совместной жизни дѣлаго рода, потому что только при такомъ условіи понятною становится потребность болѣе точнаго и опредѣленнаго выдѣленія родичей, а черезъ это и избѣжанія смѣшенія и недоразумѣній. Изъ наблюденія надъ постепеннымъ вымираніемъ родственныхъ названій въ послѣдующее, сравнительно позднѣйшее, историческое время жизни Славянъ, когда семейно-родовой бытъ ихъ видимо распадался, смѣло можно утверждать, что полнота родственныхъ терминовъ, которые приходится намъ собирать отрывками, относятся къ самому полному развитію семейно-родо-

вой жизни. Въ такомъ состояніи для членовъ въ родѣ сама собою представлялась надобность выдѣлить изъ общаго понятія дядя брата отца и брата матери; та же, конечно, надобность побуждала къ болѣе строгому опредѣленію и племянниковъ съ племянницами, которые могли быть дѣтьми братьевъ и сестеръ. Эта чуткость къ особенностямъ родственныхъ отношеній и породила особыя выраженія, которыя въ большемъ или меньшемъ количествѣ существуютъ и донинѣ у Славянъ, разумеется, всего сильнѣе тамъ, гдѣ успѣхи новѣйшей цивилизаціи не проникли слишкомъ глубоко въ старину патриархальную. — Укажемъ прежде частныя названія дядей и тетокъ съ племянниками и племянницами, извѣстныя изъ древнихъ памятниковъ письменности славянской, а затѣмъ взглянемъ, что изъ нихъ уцѣлѣло въ древне-русской жизни.

Дядя по отцу, или братъ отца, именовался у всѣхъ безъ исключенія Славянъ стрьемъ или стрыйцемъ. Происхожденіе этого слова затемнилось, и мы отказываемся опредѣлить его ⁽⁷⁹⁾. Думаемъ, однакоже, что литовское *strūjus*, старикъ, родственно славянскому стрюю и сохранило болѣе общее значеніе. Единственно съ подходящимъ значеніемъ уцѣлѣло это слово, въ нѣсколько измѣненной формѣ, и въ русскомъ простонародьи, какъ въ слѣд. мѣстѣ одной сказки: «объ этомъ ячкѣ строй сталъ плакать, баба рыдать, верев хохотать» ⁽⁸⁰⁾. Здѣсь строй, вполне соотвѣтствуя правописанію древнихъ памятниковъ старо-славянскихъ стръй (стръа), употреблено въ смыслѣ нищаго, калѣки, что указываетъ на старость, подобно малорусскому диду, тоже нищему.

Тетка по отцу, или сестра отца, называлась тѣмъ же словомъ, только въ женской формѣ, стръа или стръина. Вѣроятно, это же выраженіе относилось и къ женѣ стрья; по крайней мѣрѣ, польско-чешскія: *stryjenka*, *streyna*, *stryjna*, *stryna*, а также и хорутанское *strina* до сихъ поръ удерживаютъ это значеніе.

Обратное отношеніе стрья и стръи къ дѣтямъ брата выражалось двоякими названіями: сыновья-братанчи или сыновцы, дочери-братаны, братаньны или сыновицы. Общее имя, безъ различія пола, было братучада или собирательное брату-

чадь. Въ этихъ выраженіяхъ обращаютъ наше вниманіе термины сыновець и сыновица: своимъ первообразнымъ словомъ и приставками они весьма убѣдительно говорятъ въ пользу указанного нами основнаго значенія дяди. Какъ послѣдній представлялся отцемъ относительно племянниковъ и племянницъ, такъ эти, въ свою очередь, являются дѣтьми, только меньшими, сравнительно съ собственными его сыновьями и дочерьми.

Но и у стрья и стрыни могли быть дѣти, и взаимныя отношенія ихъ къ братучадамъ опредѣлялись такъже особыми терминами. Исторія языка и простонародное кое-гдѣ употребленіе сберегли для насъ лишь названіе для мужескаго пола, для сыновей стрья и стрын, это стрычичъ или, употребляя древнее правописаніе, какъ въ Кормчей книгѣ, стрычишть. Впрочемъ, отсутствіе имени для дочери стрья или стрын въ дошедшихъ памятникахъ ни мало не останавливаетъ насъ утверждать положительно, что въ древности пользовалось всеобщю извѣстностью и слово стрычна (⁸¹). Такимъ образомъ, то, что называемъ мы въ наше время двоюродными братьями или сестрами по отцу, выражалось въ старину терминами: стрычичи и стрычны. Отсюда въ нарѣчійхъ польскомъ и чешскомъ и теперь прилагательныя: *stryjesznu*, *streuŝenu* живутъ съ значеніемъ двоюродный. Нарѣчіе старославянское, въ древнихъ своихъ произведеніяхъ, оставило на память и такія степени стрыйнаго родства, какихъ уже не встрѣчаемъ въ живыхъ говорахъ славянскихъ. Такъ Кормчая книга, имѣвшая, между прочимъ, задачею строго обозначить степени родства для браковъ христіанскихъ, упоминаетъ о стрыѣ великомъ, т. е. братѣ дѣда или бабки, о стрыѣ маломъ, т. е. двоюродномъ братѣ отца или матери. Тутъ же находимъ и прилагательное стрыйный съ присоединеніемъ числительныхъ: первый, второй, третій, для опредѣленія двоюродности, троюродности, четверородности, или втораго, третьяго и четвертаго стрыйнаго родовъ. Само собою разумѣется, что въ соответствующихъ отношеніяхъ родства женщины удерживали названія: великая стрыня и малая стрыня. Отсюда стрыйный первый братъ есть братъ двоюродный, т. е. стрычичъ, стрыйный второй братъ — троюродный братъ; тоже и относительно сестеръ: стрыйная третья сестра — сестра четверородная. Хорутан-

ское нарѣчіе, съ поразительною цѣлостью сберегшее родственные термины, употребляетъ для великаго стрія и стрія общій терминъ съ приставкою пре, равносильною въ русскомъ языкѣ пра: престрицъ, препрестрицъ. Едва-ли основательно сомнѣваться въ общепотребительности этого способа въ старину и у всѣхъ остальныхъ Славянъ. То же хорутанское нарѣчіе даетъ намъ право допускать во всемъ славянствѣ и господство нѣкогда особыхъ единичныхъ выраженій для троюродныхъ братьевъ и сестеръ: тамъ находимъ мы еще въ свѣжей силѣ, въ рѣкоторыхъ мѣстностяхъ, термины: стрычичичъ или стрыничичичъ.

Дядя по матери, или братъ матери, назывался также у всѣхъ Славянъ безъ изытія уемъ или вuemъ; сестра матери или жена уя называлась уйка или вуйка. Коренное происхожденіе этого слова гораздо яснѣе. Уже Линде и Юнгманъ сопоставляли его съ латинскимъ avus, хотя послѣднее и осталось у нихъ безъ кореннаго опредѣленія; г. Гильфердингъ сблизилъ уй съ скр. avi, въ значеніи господинъ⁽⁸²⁾. Послѣ разбора нами основныхъ корней для названій отца, едва ли можемъ усомниться въ непосредственномъ родствѣ славянскаго термина съ скр. глаголомъ ав, защищать, покровительствовать, откуда, какъ видѣли, образовалось въ скр. avuka, отецъ. Формальная сторона слова ни мало не препятствуетъ этому родству: скр. ав вполне обыкновенно замѣняется въ славянскомъ посредствомъ у, какъ и наоборотъ⁽⁸³⁾. Корень ав, взятый индѣйцами для понятія отца, у Славянъ перешелъ къ обозначенію дяди на томъ же основаніи родственной близости, въ глазахъ младшихъ членовъ рода: отца, дяди и дѣда, на какомъ у древнихъ Германцевъ отнесенъ онъ къ дѣду и бабу. Такъ, въ древ. нѣмецкомъ сѣвер. afi (дѣдъ), въ готск. avô (бабу)⁽⁸⁴⁾. Вмѣстѣ съ Славянами, этотъ же корень отнесенъ къ дядѣ и теткѣ, также по матери, и Литовцами: аву́п аз, братъ матери, аву́пне, жена его или сестра матери, т. е. уй и уйка⁽⁸⁵⁾.

Обратное отношеніе уя и уйки къ дѣтямъ сестры указываетъ на полное соотвѣтствіе родству стрійному. Въ послѣднемъ сынью, какъ сказано, называются братанчи, дочери — братамы, братаньны; здѣсь сынъ сестры есть сестрепичъ или се-

стричь; дочь сестры — сестреница или сестричьна. Но въ первомъ случаѣ, при стрьѣ, находимъ и другой терминъ: сыновець и сыновица. Старославянское нарѣчіе, при всей древности письменности, не предлагаетъ въ настоящемъ случаѣ полного соотвѣтствія. Тѣмъ не менѣе, оно сберегло хотя одинъ терминъ, который даетъ право изслѣдователю утверждать и тутъ господство этого соотвѣтствія, если не въ пору письменности старославянской, то незадолго до ея появленія, — хотя рѣшительно отрицать параллелизмъ и во время письменности было бы не послѣдовательно, такъ какъ далеко же не все могла захватить она изъ жизни народа. А въ Кормчей XIII вѣка читаемъ: «аще кто поиметь сестреницѣ ли дѣщерьшю»; тоже находимъ у Ефрема Сирина, въ памятникѣ XIV вѣка⁽⁸⁶⁾. Отсюда, позволяемъ заключить во а) что сестреница или дѣщерша одно и тоже родство; во б) что если употреблялось названіе дѣщерша, соотвѣтствующее термину сыновица, то, при господствѣ соотвѣтствія братанича и братаны сестричичу и сестричьѣ, естественно допустить и названіе дѣщеричѣ, равносильное сыновцу. Что замѣтили мы о названіяхъ сыновець и сыновица, по отношенію къ стрью и стрьѣ, тоже слѣдуетъ повторить и о дѣщеричѣ и дѣщершѣ относительно уя и уйки, т. е. что и тутъ указывается на отеческое и материнское ихъ отношеніе; въ свою очередь, всѣ эти выраженія вмѣстѣ оправдываютъ и другую нашу мысль, какъ языкъ, при одинаковости основнаго значенія, старается оразнообразить различныя отношенія хотя внѣшнимъ видомъ, измѣненіемъ коренныхъ звуковъ, какъ въ словѣ дядя, или присоединеніемъ особыхъ окончаній, какъ дѣщерша, дѣщеричь. Общаго имени для дѣтей сестры, подобнаго братучаду, мы не встрѣчаемъ въ памятникахъ, что, впрочемъ, едва-ли способно ослабить предположеніе о существованіи нѣкогда термина сестрѣчадо или сестрычадо. Такое предположеніе, однакоже, не можетъ имѣть силы несомнѣнности, по отсутствію этого названія и въ живыхъ говорахъ славянскихъ, и въ старыхъ произведеніяхъ ихъ письменности. Иное дѣло относительно дѣтей уя или уйки.

Нарѣчіе старославянское, сколько удалось подмѣтить намъ, не сохранило терминовъ для отношеній родства между дѣтьми сестры и дѣтьми ея брата или другихъ сестеръ. При словѣ

стрый, мы указали на бывшія въ ходу названія: стрыччъ, стрыйный братъ, стрыйная сестра и т. д.; при названіи уй не находимъ имъ соответствующихъ выраженій въ памятникахъ старо-славянскихъ, повторяю, на сколько извѣстны намъ послѣднія по рукописямъ или по словарямъ. Но что и здѣсь было полное соответствіе, что и эта линія родства опредѣлялась словами отъ кореннаго уй въ давнее время у всѣхъ Славянъ, доказываютъ разбросанно уцѣлѣвшіе остатки въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ, а частью въ старинныхъ по нимъ памятникахъ. Такъ, въ соответствіе стрычичу встрѣчаемъ у Хорватовъ уйчичъ или вуйчичъ, сынъ уя; дочь его — вуйчишна, что оправдываетъ предложенное выше мнѣніе о несомнѣнности нѣкогда господства термина стрычна, въ смыслѣ дочери стрыя. Двоюродное родство по ую опредѣляется донинѣ въ польскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ прилагательнымъ wujeczny, wujeczey или wujczow; по женской половинѣ, по уйкѣ, прилагательнымъ вуйнинъ. Въ старинномъ польскомъ языкѣ находимъ, въ соответствіе старо-слав. великому и малому стрью, названія: starszy wuj, братъ прабабки, starsy wuj, братъ бабки⁽⁸⁷⁾; въ старо-чешскомъ попадаетея праујес, какъ терминъ, вполне равносильный польскому starsy wuj, т. е. братъ бабы. Отсюда, и двоюродный братъ по польски есть wujeczny brat. Полагаемъ, что неумѣстно сомнѣваться и въ томъ, что степени родства и въ этомъ случаѣ опредѣлялись также, какъ при стрыйномъ родствѣ, т. е. посредствомъ числительныхъ: первый, второй, третій, съ прилагательнымъ уйный. Нарѣчіе хорутанское и тутъ замѣняетъ прилагательныя великій и малый частицею пре (или предлогомъ пред), повторяемою дважды и трижды. Понятно, что и двоюродные братья, по матери, назывались уйчичи, вуйчичи, сестры — уйчишны; троюродные — уйчичичи, уйчичишны⁽⁸⁸⁾.

Перейдемъ ко второй части вопроса: какія изъ приведенныхъ названій родства являются въ древней жизни русскаго народа и до какого времени держались они въ ней. Само собою понятно, что далеко не относительно всѣхъ названій можно высказываться положительно: письменность древне-русская, составляющая въ настоящемъ случаѣ единственное пособіе, конечно, не могла во всей подробности выразить всѣхъ особенностей жизни, а потому

естественно допустить возможность многихъ въ ней пропусковъ и по части родственныхъ названій, хотя на самомъ дѣлѣ, въ жизни, многія изъ нихъ могли существовать въ такой же силѣ, какъ и у другихъ Славянъ. Но есть и въ письменности очевидные слѣды забвенія нѣкоторыхъ названій, когда частныя родственныя отношенія опредѣляются уже не частными именами, а общими, утвердившимися въ языкѣ до послѣдняго времени. Слѣдовательно, хотя приблизительно, есть основаніе не безъ отвѣта пройти вопросъ: въ полной ли цѣлости представляется намъ родъ въ древней Руси, или уже съ потрясеніемъ, и въ чемъ прежде всего выразилось это потрясеніе.

Названіе стрый употреблялось долгое время въ памятникахъ; принимая же во вниманіе правильность значенія этого слова, являющагося постоянно въ смыслѣ брата отца, слѣдуетъ заключить, что и родство этой степени и линіи не подвергалось колебанію и смѣшенію. Форма стръи, исключительная въ древнѣйшей части лѣтописи Новгородской, вообще отличающейся строгимъ соблюденіемъ древнихъ свойствъ языка⁽⁸⁹⁾, указываетъ прямо на упомянутое уже нами сходство съ литовскимъ *strujus*, по родству ъ-ра преимущественно съ звукомъ у. Такъ, подъ 1158 годомъ этой лѣтописи⁽⁹⁰⁾ читаемъ: «и посла (Мстиславъ Изяславичъ) Ростислава стръя своего Киеву на столъ»; подъ 1175 годомъ той же лѣтописи: «томъ же лѣтѣ въниде самъ въ Новгородъ, бився съ стръемъ своимъ Михалкомъ»; подъ 1177 годомъ: «слѣпленъ бысть Мстиславъ Князь отъ стръя своего Всеволода»; подъ 1269 годомъ: «не хочю (говорилъ Дмитрій Александровичъ) взяти стола передъ стръемъ своимъ». Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1164 годомъ: «стрый ти умерлъ, а по Олга ти послати». Впрочемъ, въ послѣдней лѣтописи господствуетъ преимущественно форма строй: «Ростиславъ же поклонися строюви своему Гюргеви и поиде въ Смоленскъ», читаемъ подъ 1155 годомъ. Находимъ и уменьшительную форму стрыйко: стрыйко нашъ Швидригаило⁽⁹¹⁾. Женскій родъ стрыня составляетъ рѣдкость въ памятникахъ, но и одного случая въ Ипатьевской лѣтописи достаточно, чтобы считать и его столь же обычнымъ терминомъ въ древнее время на Руси, какъ и мужескій родъ стрый. Подъ 1155 годомъ находимъ такое выраженіе: «Ростиславъ же

пойма стрыню свою съ собою и поиде къ строеви своему». Этотъ Ростиславъ, Князь Смоленскій, былъ сынъ Мстислава; слѣдовательно, братъ послѣдняго, Юрій Долгорукій, былъ ему стрынемъ, а жена Юрья, о которой идетъ здѣсь рѣчь, должна считаться стрыней. Въ современномъ русскомъ языкѣ самое слово стрый уцѣлѣло какъ рѣдкость, въ формѣ строй, и уже безъ всякаго намека на какое бы то ни было родство.

Столь же обыкновенны въ старину и названія братаничъ и сыновець. Первое попадаетъ въ памятникахъ въ двухъ формахъ: братаничъ и братанъ: Князь великій Святославъ Ивановичъ Смоленскій съ вокупи около себе силу велику, а съ нимъ братаничъ его, Князь Иванъ Васильевичъ; и онъ (кн. Константинъ Дмитриевичъ) не хотя быти подъ своимъ братаничемъ (т. е. подъ сыномъ В. Кн. Василья Дмитр.), и Князь Василій въ зверже нелюбе нанъ; се Ярогъкъ, братъ наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему; и почася молити о братанѣхъ своихъ; прибѣже изъ Царя града братанъ царевъ, Кюрь Андроникъ. Отсюда и названіе дочери брата братанична или братаньна: призва Всеволодъ Гюргевичъ Володимера Святославича къ себѣ Володимерю, и вда занъ свою братаньну (по другому списку братаничну), Михалкову дочерь. Ипатьевская Лѣтопись, удержавъ и общее названіе для сыновей и дочерей брата — братучадье, съ тѣмъ вмѣстѣ и въ этомъ сложномъ словѣ двоякимъ окончаніемъ отличила первыхъ отъ послѣднихъ: братучадо, сынъ брата, братучада, дочь брата: другій свѣтъ створиша на убьенье его со Александромъ братучадомъ его; бѣ братучада его за нимъ, дочи Александрова, именовъ Настасья (*). Всѣ эти выраженія, хотя и не всегда съ строго опредѣленнымъ значеніемъ древности, существуютъ и донинѣ въ языкѣ простаго народа русскаго, образовавшаго и особый при этомъ терминъ братаниха, для обозначенія жены брата (**).

Не менѣе въ ходу было и второе названіе сыновець съ женскимъ сыновца: и ту приѣха къ нему (къ кн. Юрью) Святославъ Олговичъ, вея ему пріяти въ любовь сыновца своего, Всеволодича; преставися Князь Смоленскыи Давидъ, постригъ ся въ скиму, и сѣде сыновець его въ Смоленску Мьстиславъ; приѣха къ Святославу Олговичю сыновець его Святославъ Все-

володичъ⁽²⁴⁾. Въ нынѣшнемъ языкѣ русскомъ, кажется, безслѣдно пропагъ этотъ терминъ, если позволительно заключать такъ по областному великорусскому словарю, изданному Акад. Наукъ, и по дополненію къ нему.

Видимо слабѣе удерживались и въ старину термины для потомственного стройнаго родства: кромѣ существительнаго стрычичъ, кажется, не уцѣлѣло въ русской письменности другихъ названій отъ имени стрый: и посла Мстислава по стрыйчича своего⁽²⁵⁾. Самое прилагательное стрыйный, служившее долго у древнихъ Славянъ, отчасти служащее и донынѣ у нѣкоторыхъ поколѣній для обозначенія, при пособіи числительныхъ, двоюродности, троюродности и т. д., какъ видно, забыто было издавна русскимъ народомъ; не замѣтно у него изстари и отличія между великимъ и малымъ стрьемъ, какъ въ старо-славянскомъ, ни между старшимъ и старымъ, какъ въ старо-польскомъ. Во всякомъ случаѣ, родство стрыйное сберегалось въ большей слѣдѣ, нежели уйное, какъ сейчасъ увидимъ.

Существительное уй, въ значеніи брата матери, было обыкновенно въ древней Руси. Въ лѣтописи Нестора читаемъ: «Володимеръ бѣ отъ Малуши..., сестра же бѣ Добрыня, бѣ Добрыня уй Володимеру; и выиде противу имъ Володимеръ... къ Теробовлю, и угры приведеъ, бана, королева уя⁽²⁶⁾. Женскій родъ уйка, прилагательное уйный, равно уйчичъ и другія производныя отъ уй названія родства ни разу не встрѣтились мнѣ при чтеніи чисто русскихъ памятниковъ. Когда сообразимъ, что и по другимъ нарѣчіямъ славянскимъ, не исключая и старо-славянскаго, находимъ въ этомъ родствѣ болѣе забытаго, чѣмъ въ стрыйномъ, то едва ли не въ правѣ заключить о болѣе раннемъ его забвеніи и Русскими, не сберегшими отъ него ни одного термина, съ самой первой поры письменности, кромѣ кореннаго уй. И въ нисшей степеніи, въ названіяхъ для племянника и племянницы по сестрѣ, замѣчаемъ также больше потерь уже въ глубокой древности. Въ письменности встрѣчается лишь одинъ родъ названій: сестричичъ и сестричъна, а о соответствующихъ сыновцу и сыновцѣ нѣтъ и намёка: Изяславъ же посла напередъ Святослава, сестричича своего, Чернигову; послала Новгородци Кузьму Твердислави и Олександра Борисовича..., а отъ владыкы сестричича его

Матвѣя; вельядскій Кумендеръ Гостилю и сестричичъ мѣстеровъ Тимоѣен. Попадается и форма сестричъ: пожаловати игумену и святой братьѣ взяти въ монастырь сестричя моего, Василья Иванова сына Пещеева (97).

Изъ всѣхъ частныхъ названій боковаго родства, употреблявшихся въ древнее время на Руси, уцѣлѣли въ говорѣ простаго народа только два, это: братанъ, о которомъ уже сказали мы, и сестренница или сестря, но съ значеніемъ уже инымъ, именно, двоюроднаго брата и двоюродной сестры. Послѣдній терминъ находимъ съ такимъ значеніемъ еще подъ 1572 годомъ: «а понялъ Князя Володимера дочь Настасію, сестрю Борисову» (98). вмѣсто остальныхъ названій, какъ для обозначенія племянниковъ съ племянницами, такъ и дядей съ тетками, установились общіе термины, появленіе которыхъ въ языкѣ замѣтно весьма издавна. Самые слова, кромѣ приведенныхъ двухъ, да рѣдчайшаго строя, кажется, исчезли безслѣдно изъ языка русскаго: въ немъ рѣшительно не слыхать уже ни объ уѣ, ни о сыновцѣ и сыновицѣ, ни о братаннѣ и сестричичѣ, ни о стрынѣ и стрыичѣ. Между тѣмъ, замѣчательнѣйшая часть ихъ принадлежитъ нарѣчію польскому, и всѣ они, безъ исключенія, пользуются полнымъ практическимъ примѣненіемъ у югославянскихъ народовъ, у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ. Само собою понятно, что утративши частныя названія, народъ русскій долженъ былъ замѣнить ихъ другими, болѣе общими; среди такихъ названій наиболѣе древними встрѣчаемъ мы тетку и тетя, за тѣмъ племянниковъ и племянницъ. Что касается до дяди, то позднее его укорененіе въ языкѣ видно уже изъ продолжительнаго сохраненія, какъ показали мы, частныхъ выраженій: уя и стрья.

Значеніе и происхожденіе слова тетка намъ извѣстно; давнее же его употребленіе вмѣсто стрыни и уйки замѣтно изъ слѣдующихъ мѣстъ: «родися у Князя Всеволода четвертая дѣи, и кресті ю тетка Ольга», читаемъ подъ 1179 годомъ, въ лѣтописи ипатьевской; «пріѣха Мьстиславъ Мьстиславичъ и тетка еи (Евѣросинь, дочери Ростислава Рюриковича) Передслава», тамъ же, подъ 1198 годомъ. Замѣнивши такъ рано частныя названія, слово тетка издавна стало употребляться и съ опредѣлительными великій и малый, вмѣсто великая и малая стрыня или уйка,

для обозначенія сестры дѣда или бабки и сестры двоюроднаго дяди. Такое, по крайней мѣрѣ, опредѣленіе находимъ въ Кормчей книгѣ, а трудно допустить, чтобы послѣдняя не сближалась въ этомъ случаѣ, въ спискахъ русскихъ, съ жизнію народа русскаго.

Второе общее названіе, успѣвшее уже утратиться изъ языка русскаго, есть *нетій*, употреблявшееся въ значеніи племянника, безъ различія происхожденія отъ брата и сестры, съ первыхъ страницъ лѣтописи отечественной. Въ договорѣ Русскихъ съ Греками, 945 года, два раза упоминается *нетій* Игоревъ; въ лѣтописи Никоновской также читаемъ: «Волкъ же служа царю Му-сулману съ *нетии* своими, рекше съ *сестричи*»⁽⁸⁶⁾. Послѣднія объяснительныя слова, очевидно, свидѣлствуютъ о забвеніи настоящаго смысла *нетія* и, на оборотъ, о знакомствѣ съ значеніемъ *сестрича*: и мы видѣли, что послѣдній, дѣйствительно, пользовался правильнымъ употребленіемъ на Руси еще въ XV столѣтіи. Почему объяснитель сопоставилъ *нетія* съ *сестричемъ*, а не съ *братаничемъ*, рѣшить, конечно, не легко, но думаемъ, что онъ не оставался при этомъ безъ вліянія сербскаго нарѣчія. Въ послѣднемъ, въ самомъ дѣлѣ, неѣак и жен. неѣака употребляются теперь, употреблялись и въ старину въ смыслѣ племянника и племянницы по сестрѣ и, слѣдовательно, вполне соответствуютъ *сестричу* и *сестренницѣ*. Кормчая книга, перенесенная къ намъ отъ южныхъ Славянъ, въ которой читается: *сестричищъ* *нети* глаголеться, могла служить объяснителю весьма подручнымъ пособіемъ. Но это, однакоже, не даетъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы *нетій* и въ старо-русскомъ языкѣ обозначалъ частное, а не общее понятіе: въ пользу именно послѣдняго говорятъ и примѣры старо-славянскаго нарѣчія⁽⁸⁷⁾, и древнее и нынѣшнее чешское нарѣчіе, въ которомъ уцѣлѣла замѣчательная форма женская: *neti*, род. *neteře*, съ значеніемъ вообще племянницы. На тотъ же общій смыслъ указываетъ и происхожденіе, по крайней мѣрѣ родство славянскаго выраженія съ родственнымъ названіемъ другихъ языковъ индоевропейскихъ.

Отрицать коренное родство слав. *нетии* съ скр. *partī*, съ латин. *perot* (*is*), съ древне-нѣмецкимъ *neft*, *nefo* и съ нынѣшнимъ нѣмецкимъ *neffe*, родство, указываемое всѣми современными филологами, касавшимися этого предмета, думаемъ, рѣ-

шительно неосновательно. Звуковая сторона не предлагает никакого къ тому повода. Образовательное окончаніе аг, являющееся въ санскритѣ (partī-partag) и вовсе невидное въ славянскомъ нетни, оправдывается потерей и въ латинскомъ, и въ древнегерманскомъ, оправдывается утратою, хотя и болѣе позднею и не столь всеобщою, и въ другихъ родственныхъ названіяхъ, напр., въ словѣ братъ. Но чешская форма neti (neteře) осталась и фактическимъ доказательствомъ дѣйствительнаго нѣкогда присутствія приставки аг и въ выраженіи нетни, и въ латинск. perot, и въ германск. perft. Что касается до отсутствія звука п (-р) передъ т, въ нетни, принадлежащаго и латинскому и нѣмецкому языкамъ, хотя въ послѣднемъ и съ обычнымъ превращеніемъ его въ родственное f, то законы славянскаго звукосочетанія способны объяснить такое отсутствіе самымъ убѣдительнымъ образомъ: выпаденіе губныхъ п и б передъ т — явленіе весьма обыкновенное; стоитъ, напримѣръ, припомнить хотя образованіе неопредѣленнаго наклоненія въ старо-славянскомъ нарѣчій отъ корней, оканчивающихся на губные: чрѣти, вм. чръпти, грети, вм. гребти, и др. Такимъ образомъ, и нетни предполагаетъ первоначальную форму нептни.

Гораздо сложнѣе, запутаннѣе и труднѣе вопросъ о происхожденіи слова partī и основномъ его значеніи. Не удивительно поэтому и замѣчательное разнообразіе въ объясненіяхъ самыхъ первоклассныхъ филологовъ, до сихъ поръ не установившихся твердо ни на одномъ рѣшеніи. Послѣднее сводится у каждаго больше къ догадкамъ и предположеніямъ, которыя имѣютъ цѣну только субъективнаго убѣжденія и весьма мало объективной убѣдительности. Подобная нерѣшительность и нетвердость служитъ очевиднымъ доказательствомъ затемненности корня и въ самой древней формѣ слова. По нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ и звуковой стороны и значенія этого загадочнаго выраженія новѣйшее толкованіе, предложенное господиномъ Пикта, давшимъ мѣсто и критической оцѣнкѣ всѣхъ прежнихъ толкованій: Потта, Боша, Куна, Бенфея, Вебера (¹⁰¹). По мнѣнію его, существительное partī (-partag) сложено изъ трехъ частей: а) па, вмѣсто gna, ġna, съ значеніемъ семья, поколѣніе; б) изъ причастія pāt (вм. pānt), отъ глагольнаго корня pā,

съ значеніемъ охранять, оберегать; и наконецъ, в) образовательнаго окончанія аг(=i). Опушеніе звука g (ġ) въ первой составной части объясняетъ онъ примѣрами изъ санскрита и изъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ такое опущеніе не подлежитъ сомнѣнію, какъ скр. pā, значеніе, отъ ġpā, знать; pāṣaṇ, имя, отъ того же глагола ġpa; латинск. पोшен, patus; англо-саксовск. снафа, knara, новоанглійское knave, въ произношеніи теряютъ k, какъ now, вм. know; ирландск. gnia употребляется на ряду съ nia (племянникъ) и т. д. Ослабленіе причастной формы pāt объясняется ослабленіемъ въ зендскомъ pitaḡ въ ptaḡ, отъ того же, какъ извѣстно, корня pā. Коренное значеніе, такимъ образомъ, слова partī должно быть: хранитель, продолжатель семьи, рода, поколѣнія. И это значеніе, какъ ни кажется оно съ перваго взгляда натянутымъ, находитъ поддержку и оправданіе въ соответственныхъ выраженіяхъ санскрита, какъ: kula dhātaka, сынъ, собственно хранитель племени (изъ kula и dhī), или kulavardhana, тоже сынъ, а собственно увеличивающій, умножающій родъ, семью (отъ vīdh, рости).

Столь общее значеніе, заключенное въ корнѣ существ. partī, слав. нети, пригнѣнное вообще къ младшимъ членамъ рода, объясняетъ, прибавимъ мы, и разнообразное пригнѣненіе этого термина къ степенямъ родства у разныхъ народовъ. Такъ у однихъ онъ отнесенъ къ сыну (¹⁰²), какъ gnabat у Галловъ, nidr у Скандиновъ; у другихъ къ внуку, какъ у Индѣйцевъ, Римлянъ, отчасти у древнихъ Германцевъ; у третьихъ къ племяннику, какъ у Нѣмцевъ и у Славянъ; у четвертыхъ, наконецъ, къ потомку вообще, какъ въ греческ. выраженіи νεποδος.

Раннее забвеніе Славянами русскими названія нети, замѣтное изъ рѣдкаго употребленія его въ старину и изъ смѣшенія въ позднихъ памятникахъ съ сестричемъ, до нѣкоторой степени объясняется продолжительнымъ употребленіемъ частныхъ терминовъ, попадающихся въ письменности, какъ видимъ, вплоть до XVI столѣтія. Съ замираніемъ въ языкѣ послѣднихъ, народъ основался на другомъ общемъ выраженіи, которое, вѣроятно, казалось ему болѣе понятнымъ и удобнымъ, нежели нети. Быть можетъ, на введеніе новаго общаго термина имѣло вліяніе и неудобство составлять изъ прежняго женскій родъ. Какъ бы то ни

было, но съ XVII вѣка, а можетъ быть и съ XVI, входитъ въ письменность названіе племянникъ и племянница, съ нынѣшнимъ его знаменованіемъ; съ этимъ, кажется, вмѣстѣ, изгоняетъ частные термины и общій дядя.

Еще въ половинѣ XV вѣка, названіе племянникъ имѣетъ самый широкій смыслъ, именно лица, принадлежащаго одному и тому же племени, роду, т. е. смыслъ, какой и долженъ прежде всего принадлежать этому слову, согласно съ его образованіемъ и происхожденіемъ отъ существительнаго племя. Въ судебникѣ Іоанна III читаемъ: «а ѣздити недѣлщикомъ и на поруку давати самимъ съ приставными или своихъ племянниковъ и людей посылати съ приставными» (108). Въ началѣ XVII столѣтія, тоже самое слово употребляется уже въ современномъ, ограниченномъ значеніи, на ряду съ дядей. Въ грамотѣ 1512 года читаемъ: «а будетъ которые крестьяне, отъ отцовъ дѣти и отъ братьи братья и отъ дядѣ племянники... похотятъ взяти»... или подѣ 1640 годомъ:» и намъ бы изъ слободъ крестьянъ и отъ отцовъ дѣтей и отъ братьи братью и отъ дядѣ племянниковъ... велѣтъ выпускать» (104). Такъ какъ и само слово племя входитъ въ рядъ родственныхъ названій, то въ настоящемъ случаѣ находимъ удобнымъ остановиться на основномъ его значеніи, тѣмъ болѣе, что и въ современномъ употребленіи значеніе его далеко не однообразно.

Существительное племя въ языкѣ древнихъ русскихъ памятниковъ обозначаетъ собою совокупность всѣхъ лицъ, сознающихъ единство происхожденія, свою родственность, какъ бы ни была далека она. Съ этой стороны, оно является какъ бы синонимомъ роду. На синонимичность обоихъ словъ указываетъ, полагаемъ, и самое происхожденіе.

Ближе всего корень существительнаго племя стоитъ въ связи съ скр. *rag* (-*ri*), съ греко-латинскимъ *πλεω*, *pleo*, въ смыслѣ наполнять, умножать, въ страдательномъ значеніи — умножаться, расти. Отъ этого корня образовались и въ родственныхъ языкахъ выраженія, вполне соответствующія въ славянскомъ не только племени, но и плѣку (рус. полку), имѣющему въ основѣ своей тотъ же корень *ri* и означающему первоначально множество, толпу (106). Такъ, литов. *rukas* и по формѣ и по значенію равное слав. плѣкъ, древне-верхне нѣмецкое *folc*, нынѣшнее нѣ-

мецкое *volk*, съ обычнымъ переходомъ *r* въ *f*, древне-сѣверно германское *flokk*, латин. *populus*, образованное посредствомъ удвоенія, наконецъ, греч. *πλῆθος*, — всё съ значеніемъ толпы, множества и, наконецъ, народа. Этотъ естественный переходъ значенія отъ умноженія, нароженія къ народу находятъ подтвержденіе во многихъ примѣрахъ индоевропейскаго языка. Не говоря уже о словѣ народъ, происходящемъ отъ родъ, которое, по своему корню *guh*, рости, означаетъ прежде всего возросшее, умножившееся, сравнимъ корень *tu*, также рости, отъ котораго пошли слѣдующія выраженія: оское *tovtu*, умбрийское *tutu*, община, готск. *thiuda*, летск. *tauta*, народъ, страна, древне-ирское *tuath*, народъ, и др. ⁽¹⁰⁶⁾.

Коренное значеніе слова племя дѣлаетъ вполне понятнымъ и прстонародное русское выраженіе: оставить на племя (о животныхъ), т. е. на приплодъ, на умноженіе. Съ такимъ общимъ значеніемъ умножившагося, возросшаго отъ одного корня, отъ одного родоначальника мы и застаемъ слово племя въ древнѣйшей письменности славянской. Въ Новгородской глгописи, подъ 1195 годомъ, читаемъ: и позва Всеволодъ Новгородцѣ на Черниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя; или въ русской припискѣ къ апостолу XIV вѣка: дахъ книги си отъ стажаниа своего къ стому въскресенію собѣ въ здравик и брати свои и подружню мокмоу и чадомъ своимъ и всѣмоу плѣмени своимоу а отцю своимоу на память и мѣри свои и всѣмоу племени своимоу изъ мѣршимъ ⁽¹⁰⁷⁾. Равносильнымъ такому значенію слова племя находимъ въ тѣхъ же памятникахъ и существительное родъ: шедъ бо въ гору синайскую (Воишелгъ) отъ отца своего и отъ рода своего... позна истинную вѣру ⁽¹⁰⁸⁾; въ припискахъ къ рукописямъ церковнымъ не рѣдко встрѣчаемъ замѣну слова племя словомъ родъ. Первоначальное тожество обомъ существительныхъ знаменательно удержалось до сихъ поръ въ прстонародной русской словесности: въ глѣсахъ, пословицахъ и поговоркахъ: оба слова весьма обыкновенно являются въ нихъ нераздѣльно, въ видѣ тавтологіи ⁽¹⁰⁹⁾. Поэтому нисколько не удивительно, что и существительное племянникъ является въ старину синонимомъ слову родственникъ, слѣдовательно съ общимъ смысломъ, на что примѣры указали мы еще изъ XV столѣтія. Это общее зна-

ченіе сохраняетъ слово племянникъ и донынѣ у Черногорцевъ, которые называютъ имъ всякаго, кто принадлежитъ племени. Согласно съ образованіемъ и съ основнымъ значеніемъ племянника, въ отдаленное время, въ языкѣ русскомъ, явились и выраженія родникъ, родимецъ, въ смыслѣ принадлежащихъ къ тому же роду, родственниковъ: а иные его эргескины родники къ ясачному зимовью не бывали; и намъ тое вотчину отъ тѣхъ ото всѣхъ родимцевъ и отъ иныхъ, кто будетъ вступатца, очищать (146). И какъ отъ родъ образовалось существительное родичъ, столь обыкновенное въ древне-русскомъ языкѣ, для опредѣленія происхожденія отъ того же рода, слѣдовательно, тоже родственника, какъ въ слѣд. примѣрѣ: всташа сами на ся и убиша князя велика Миндовга свои родичи (147); такъ и отъ слова племя съ подобною же цѣлію составилось существительное племячъ, сохранившееся въ языкѣ сербо-хорватскомъ, хотя въ немъ и получило оно частный смыслъ: благородства происхожденія.

Но по мѣрѣ умноженія племени, съ потерю сознанія родства отдѣльныхъ его членовъ, въ силу огромнаго ихъ расщепленія и разбросанности въ самой жизни, и слово племя начало выражать понятіе обширнѣйшее, совокупность уже нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ, развившихся изъ одного первоначально рода. Мало по малу, эта обширность понятія перешла въ общность для обозначенія уже цѣлаго народа, — и въ такомъ смыслѣ племя встрѣчается издавна въ памятникахъ русскихъ. Такъ, глгошсець русскій, при описаніи нашествія Татаръ, выражается: «по грѣхомъ нашимъ придоша языци не знаеми, ихъ же добръ никто же не вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша и что языкъ ихъ и котораго племени суть и что вѣра ихъ», — здѣсь, очевидно, племя употреблено вмѣсто народа. Отсюда и иноплемянникъ, обозначающій сначала человѣка другаго племени, рода, сталъ означать человѣка другой народности, какъ въ словахъ того же глгошсеца: придоша иноплемянницы, безбожнии татарове, на землю Рязанскую. Одинаковый переходъ въ понятіи и по тѣмъ же основаніямъ совершился и въ словѣ родъ; и оно не только въ сложной съ предлогомъ формѣ, народъ, съ незапамятныхъ поръ получившей тотъ общій смыслъ, съ какимъ исключительно живетъ въ настоящее время у всѣхъ Славянъ, но и въ первообразной, родъ, стало

означать націю, народъ, какъ въ выраженіи договора Игоря съ Греками: мы отъ рода руськаго, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ древнѣйшаго перевода греч. ἔθνος⁽¹¹²⁾. Впрочемъ, еще въ XVI столѣтіи замѣтенъ слѣдъ болѣе тѣснаго и частнаго понятія въ словѣ народъ; въ статутѣ Литовскомъ нѣсколько разъ употребляется оно въ смыслѣ сословія, напр., въ слѣдующемъ постановленіи: «коли бы который съ подданныхъ нашихъ, будучи народу шляхетскаго⁽¹¹³⁾»... Отсюда же, по сходству съ иноплеменникъ, составилось выраженіе инородецъ, въ которомъ нѣтъ и намека на первобытное частное понятіе рода, т. е. совокупности лицъ, сознающихъ единство происхожденія. Обобщеніе понятія рода—племеніи совершилось, конечно, постепенно, послѣдовательно, не раздѣльно съ умноженіемъ рода въ жизни. Связующимъ элементомъ при этомъ, въ обоихъ понятіяхъ, служитъ степень и сила сознанія. Въ племени-родѣ сознаніе единства родствиннаго ясно и опредѣленно, отчетливо выразившись въ особыхъ терминахъ для членовъ, составляющихъ родъ; въ понятіи племя—народъ сознаніе это уже утратилось; въ слѣдствіе постоянного размноженія и раздробленія рода, оно должно было больше и больше затемняться, пока не изгладилось, наконецъ, во все, оставивъ вмѣсто себя темное преданіе и внѣшній связующій органъ, языкъ. На этомъ основаніи, вмѣсто иноплеменникъ или инородецъ, столь же обычнымъ сдѣлался терминъ иноязычникъ. Было время, хотя до него и можно доходить только мысленно, посредствомъ наведенія, когда не были иноязычниками и самыя далекіе теперь по языку народы: Славяне, Греки, Германцы, и др.; наступило время, когда сдѣлались иноязычниками многіе и изъ Славянъ между собою; вѣчное время, быть можетъ, внесетъ подобное иноязычество и въ отдѣльныя части нынѣ цѣлаго, одноязычнаго народа. Примѣръ перехода значенія племени, какъ рода, къ болѣе общему понятію, хотя и не успѣвшему еще обратиться въ синонимъ народу, предлагаетъ черногорское племя, въ смыслѣ округа, населеннаго уже нѣсколькими родами.

Такимъ образомъ, въ современномъ выраженіи племянникъ—племянница, какъ сынъ или дочь брата или сестры, сохранился очевидный слѣдъ господствовавшаго нѣкогда родоваго быта. Позднее, не раньше XVI вѣка, присоединеніе къ нему этого частнаго,

исключительнаго смысла не может не служить свидѣтельствомъ продолжительной на Руси силы рода. Дѣти братьевъ и сестеръ первые выводятъ семью въ родъ; они служатъ тѣми звеньями, которыя связуютъ членовъ начальной семьи съ членами умножающагося рода — племени; отсюда и понятно, почему, при начавшемся распаденіи этого рода — племени, удержалось именно за ними названіе, принадлежавшее прежде всѣмъ, даже самымъ отдаленнымъ его членамъ.

По всей вѣроятности, въ одно время съ утвержденіемъ въ языкѣ русскомъ слова племянникъ въ частномъ значеніи, вмѣсто древнихъ: братаничъ, сыновець и сестричъ, исчезли изъ памяти русскаго народа и частные термины: уй и стрый, замѣнившись общимъ словомъ дядя. По крайней мѣрѣ, съ самаго начала XVII столѣтія, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, терминъ дядя въ общемъ ходу, между тѣмъ какъ древніе уй и стрый не слышны уже вовсе въ русскомъ народѣ.

II. ВЫРАЖЕНІЯ ДЛЯ РОДСТВА СВОЙСТВЕННОГО.

До сихъ поръ имѣли мы въ виду одну семью безъ всякаго отношенія къ другимъ чужимъ; разбирали членовъ ея въ восходящей и нисходящей и боковой линіяхъ, во все не принимая въ соображеніе связи съ другими родами посредствомъ брака. Но въ жизни Славянъ, какъ и всякаго инаго народа, стоявшаго и стоящаго на одинаковой съ ними ступени патриархальнаго развитія, имѣло важное значеніе и это родство, семьи съ семьею, рода съ родомъ, и точно также отличались разнообразныя его степени посредствомъ особыхъ терминовъ.

Связующимъ звеномъ родовъ другъ съ другомъ является женщина, дѣвица, на которую, потому самому, столь долгое время и смотрѣлъ Славянинъ, кое-гдѣ смотритъ и до нынѣ, какъ на принадлежащую не тому роду, гдѣ родилась она, а чужому, въ которой должна войти черезъ замужество. Отсюда понятно, почему родъ считался бѣднымъ, какъ скоро большинство его членовъ состояло изъ дѣвицъ, и на оборотъ, онъ былъ богатъ, если это большинство составляли мужчины: послѣдніе не только не выходили изъ рода, но еще увеличивали его вводомъ въ свой родъ, въ качество женъ, дѣвицъ изъ чужихъ родовъ.

Со вступленіемъ новаго лица въ данный чужой родъ, въ силу патриархальной жизни въ древности, трудно было избѣжать точнаго опредѣленія отношеній не только всѣхъ членовъ этого рода къ новому лицу, но и къ его родичамъ, отъ которыхъ оно отдѣлилось. вмѣстѣ съ этимъ, подобныя отношенія не могли не отразиться особыми терминами въ языкѣ. Количество такихъ терминовъ въ настоящее время значительно уменьшилось: причина въ позднѣйшей жизни, неизбѣжно сопровождавшейся и сопровождающейся ослабленіемъ и паденіемъ стародавнихъ родственныхъ отношеній. Въ свою очередь, обиліе родственныхъ названій, встрѣчающееся въ первое время исторіи славянской, не можетъ не служить доказательствомъ прочности и широты родственныхъ узъ въ ту пору.

Постараемся разсмотрѣть и термины взаимнаго родства между членами двухъ родовъ, употреблявшіеся въ старину у Славянъ, отчасти слышимые и теперь, и, по возможности, уяснить основную мысль, выражавшуюся въ нихъ.

Соединеніе двухъ родовъ, какъ сказано, совершалось введеніемъ дѣвицы, въ такомъ случаѣ уже невѣсты, въ родъ жениха. Условіемъ ввода былъ бракъ, въ слѣдствіе котораго невѣста и женихъ становились мужемъ и женою. Первый относительно родителей жены своей становился зятемъ, послѣдняя, по отношенію къ отцу и матери своего мужа, дѣлалась снохою. Вотъ самыя начальныя новыя отношенія. Но идея этихъ отношеній въ приведенныхъ славянскихъ словахъ совершенно затемнилась, и для разъясненія ея предстоитъ такая же потребность обратиться къ соплеменнымъ языкамъ, какая была побужденіемъ предыдущихъ сравненій и сближеній.

Родственные языки далеко не всѣ предлагаютъ выраженія, которыя бы соотвѣтствовали славянскому зять и по происхожденію, и по значенію. Ближе всего стоятъ къ нему скр. *ǵamâtr*, латин. *gener*, литов. *žentas* и, быть можетъ, греч. *γάμρος*. Звуковое сходство особенно поразительно въ литовскомъ выраженіи, гдѣ все различіе заключается лишь въ темѣ склоненія: здѣсь оно есть *a*, въ славянскомъ же первоначально *i*, согласна съ звуковыми особенностями обратившееся въ *ь*. Я не говорю о литовскомъ слогѣ *en*, сохранившемся вполнѣ въ

старославянскомъ правописаніи съ носовымъ знакомъ зать (-зенть, польск. *zięć*). Что же касается до звуковъ ж и з, то ихъ родство и взаимная мѣна даже въ одномъ языкѣ, даже въ одномъ и томъ же нарѣчій, въ разныхъ говорахъ, слишкомъ извѣстны, чтобы не дѣлать препятствія къ отождествленію литов. *žentas* съ слав. зять. Но близость литовскаго названія не объясняетъ ни маю, въ настоящемъ случаѣ, значенія славянскаго: и оно на столько же отдѣлилось отъ коренной формы, что само нуждается въ пособіи другихъ языковъ. Останавливаясь на начальныхъ коренныхъ слогахъ санскритскаго и латинскаго выраженій, не трудно отмѣтить, что въ основаніи ихъ лежитъ сочетание *ga*, *gāp*, такъ какъ скр. звукъ *ḡ* (-дж) развился изъ первобытнаго *g*, которое уцѣлѣло въ латинскомъ. Къ этому сочетанію подводятся естественнымъ путемъ и слова славянское и литовское. Звуки ж и з, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, не коренные и принадлежатъ сравнительно позднѣйшей исторіи языка литво-славянскаго. При внимательномъ сравненіи послѣдняго съ языками древнѣйшаго вида, оказывается, что они замѣняютъ коренные *ḡ* (-*g*) и *g*. Въ настоящемъ случаѣ находимъ мы *ḡ* въ латинскомъ и, съ обычнымъ измѣненіемъ въ *ḡ*, въ санскритскомъ. Въ слѣдствіе этого, и въ другихъ словахъ славяно-литовскіе звуки ж—з являются соответствующими скр. *ḡ*, латино-греческому *g*, какъ *ḡpa*, вм. *gpa*, греч. *γῦω*, въ *γῦωσις γῦωσχω*, латин. *gpa*, *gpo*, въ *gnatus*, *agnosco*, — въ литовскомъ *žinpa*, *žinpė*, въ славянскомъ знаю, знаніе⁽¹⁾. Соображая такое относительное свойство языка литво-славянскаго, едва-ли мы въ правѣ сомнѣваться въ одинаковомъ происхожденіи словъ зать и *žentas* съ скр. *ḡa*, въ *ḡamātī*, и съ латин. *ge*, въ *gener*, и въ нихъ, какъ въ болѣе сберегшихъ коренный смыслъ, не искать объясненія.

Первая составная часть санскритскаго существительнаго *ḡamātī*, очевидно, указываетъ на корень *ḡap*, образовавшійся изъ *gāp* (сохранившаго первобытныи звукъ въ греческомъ языкѣ въ формахъ: *γένος*, *γεννάω*, въ латинскомъ — въ словѣ *gen-us*), въ значеніи рождать, производить. Въ этомъ отношеніи разногласія нѣтъ; совсѣмъ другое относительно второй половины слова: рѣдкій языковѣдатель не предлагаетъ особаго объясненія, изъ которыхъ не одно приходится считать за личную

догадку; а иногда и произвольное предположение. Такъ Боппъ разлагаетъ его на *gâ*, вм. *gâja*, женщина, жена, и *mâtî*, мать: *qui uxoris matrem tanquam matrem suam habet* (³). При такомъ толкованіи пришлось бы допустить слишкомъ сложную идею въ двусложномъ словѣ, а потому въ предположеніи и не трудно подмѣтить произвольн. Лассенъ сравниваетъ *gâmatî* съ *jâmatî*, отъ *jam* (обуздывать, укрощать, соединять), откуда сложный глаголь *ураjam*, взять въ замужество (*uxorem accipere, in matrimonium ducere*) (⁴). На это сближеніе *gâmatî* съ *jam*; *ураjam* указывалъ въ свое время и Поттъ (⁵), но тутъ же не скрылъ и сомѣнія, не нашедши въ греко-латинскомъ языкѣ подобнаго перехода *j* въ *g*, какъ въ санскритѣ *j* въ *g*, и хотя въ соотвѣтствіе санскр. *ураjam* представилъ гречес. *δαμῶν*, первоначально укрощать, потомъ жениться, при всемъ томъ для *gâmatî* счелъ болѣе основательнымъ подставить корень *gan*. Несмотря на сравненіе съ *jâmatî*, и Лассенъ держится того же корня *gan*, отъ чего и *gâmatî*, по его послѣднему толкованію, есть *der erzeuger von Kindern*, имѣеть, слѣдовательно, значеніе одинаковое съ выраженіемъ для отца: *pitr*, *pater*, батя. По мнѣнію Пиктэ (⁶), словообразованіе существительнаго *gâmatî* представляется, напротивъ, вполне яснымъ (*parfaitement claire*); и дѣйствительно, разложеніе имъ даннаго слова на *ga*, въ смыслѣ поколѣніе, потомство, что видно въ словахъ *gavat*, имѣющій потомство, и *gaspati*, отецъ семейства, и *matar*, въ муж. родѣ, въ значеніи производитель, отъ *mâ*, производить, рождать, не только имѣеть за себя всю силу вѣроятности по отношенію къ понятію, но едва ли способно вызвать и какое-либо рѣшительное препятствіе съ внѣшней звуковой стороны. Въ такомъ случаѣ *gâmatî*, зять, означалъ бы того, кто производитъ, распространяетъ родъ, потомство. Подобное значеніе находятъ и фактическое оправданіе въ языкѣ караибскомъ, указанномъ тѣмъ же Пиктэ, гдѣ зять, *hibali muku*, собственно значить — производящій внуковъ, разумѣется, относительно родителей мужа и жены.

Но ни слав. зять, на литов. *zentas* не предлагаетъ ни малѣйшаго слѣда второй составной части въ санскритскомъ языкѣ (*matar*), слѣдовательно, переносить къ нимъ цѣликомъ и значеніе послѣдняго было бы не совсѣмъ основательно. Санскритъ,

въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть только руководителемъ, пособіемъ; болѣе точное значеніе приходится искать въ самомъ славянскомъ и литовскомъ. Его, полагаемъ, отыскать и не трудно, если примемъ въ соображеніе извѣстный уже корень и взглянемъ внимательнѣе на приставку. Последняя въ языкѣ славянскомъ есть ть, образовавшееся изъ первоначальнаго ти (-ti), на что указываетъ и особенность склоненія слова зать въ старо-славянскомъ нарѣчїи, объясняемая единственно основною темою на и (-i). Сопоставляя существительное зать съ однородными по формѣ словами: тать, гость, тѣсть и др., склоняющимися точно также по темѣ на и (-i), съ увѣренностію можемъ заключать, что приставка ть (-ti) служила и въ славянскомъ языкѣ для обозначенія лицъ муж. рода, подобно санскритской ti, въ pati, господинъ, латинской также ti, въ hosti, греческой ti въ πότι и т. д. Что же касается до литовскаго окончанія та, то, принадлежа причастию прошедшаго страдательнаго, она не рѣдко черезъ него переходитъ къ существительнымъ, съ означеніемъ также лицъ муж. рода, какъ и славян. ть (6). Сопоставляя съ такою приставкою корень ġap-ġap (слав. за, литов. žen), смѣемъ думать, не уклонимся отъ истины, предположивъ въ словахъ зать, zentas основное значеніе раждающаго, производящаго. Въ сущности, идея эта ни мало не отличается отъ той, которая заключена въ скр. ġāpātī, только послѣднее выражаетъ ее съ болѣею пространенностію. Эта же идея, какъ видѣли выше, принадлежитъ всецѣло и нѣкоторымъ выраженіямъ для родителей, отца и матери, а слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, ежели въ какомъ либо другомъ родственномъ языкѣ встрѣтимъ мы выраженіе, вполне соответствующее по формѣ славянскому зать и употребляющееся съ значеніемъ отца. За такое выраженіе и позволяемъ себѣ считать скр. ġati, отецъ, съ обычною утратою носоваго п передъ нѣкоторыми звуками, въ томъ числѣ и передъ t (7).

Славянское названіе сноха хотя и затеряло также первоначальную идею, изъ которой образовалось, тѣмъ не менѣе въ вышнемъ составѣ своемъ удержало прочнѣе образовательный корень, а потому представляетъ и меньше затрудненій для объясненія, при пособїи родственныхъ языковъ. Ближайшимъ къ нему по звукамъ

стоитъ санскритское *spusā*, вм. *supusā*, изъ существит. *supus*, сынъ. Приставку *sā* позволяемъ мы разсматривать за равносильное и родственное окончаніе родит. падежа въ санскритѣ — *sja*, и какъ существительное *mapusā*, человекъ, указываетъ на род. падежъ *mapusja*, отъ *mapu*, собственно принадлежащій Ману, происходящій отъ Ману, такъ и слово *āpusā* выражало бы прежде всего то, что принадлежитъ сыну.

Взаимная мѣна въ санскритѣ звуковъ *s* и *ś* на столько обыкновенна, родство ихъ такъ очевидно, проявляясь и въ словообразованіи и во флексіяхъ⁽⁸⁾, что, думаемъ, едва ли въ окончаніяхъ *sā* и *sja* не справедливо будетъ видѣть и генетическую связь. Правда, переносъ эту связь къ слову *spusā*, не можемъ не замѣтить, что въ историческую пору санскритскаго языка родительный падежъ отъ темы на *u* (-*y*) сблизился съ формою *ablative* на *ōs*, и въ мужскомъ и женскомъ родахъ, но употребленіе нѣкогда общаго окончанія *sja* и при темѣ *u*, въ родительномъ падежѣ, удерживалось долго въ нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ въ *apūjja* отъ мѣстоименнаго слова *apū*, тотъ, сей, и при томъ съ замѣненіемъ зубнаго *s* въ язычное *ś*⁽⁹⁾. Родственные другъ съ другомъ въ санскритѣ, звуки *s* и *ś* одинаково замѣняются и въ славянскомъ языкѣ, именно посредствомъ *s* и *x*. Первый способъ замѣны, въ окончаніи словъ, по преимуществу сохранился въ древнѣйшихъ формахъ нарѣчія старо-славянскаго; послѣдній сдѣлался господствующимъ сравнительно въ позднюю пору, и въ этомъ отношеніи языкъ славянскій совпалъ съ Зендомъ, замѣняющимъ упомянутые звуки посредствомъ гортаннаго *h*. На основаніи этого, вмѣсто *hi* или *si* санскритскаго языка, нарѣчія славянскія удержали окончаніе *xъ* для мѣстнаго падежа множественнаго числа, а въ силу смѣшенія съ нимъ родительнаго множественнаго, и для послѣдняго; потому же самому, санскритское окончаніе аориста *sat* перешло въ славянскомъ въ *xъ*, хотя непосредственно соотвѣтственное санскриту славянское *sъ* не погибло безслѣдно и въ томъ и другомъ случаяхъ⁽¹⁰⁾.

Языки греческій и латинскій, какъ замѣтно, весьма рано забыли основное значеніе въ словѣ *сноха*, сколько можно судить по искаженному его виду, съ потерей существеннаго звука *s* передъ *p*: *υόος*, *pligus*, вм. *pusus*⁽¹¹⁾. Прочіе сохранилось оно

въ древне-нѣмецкомъ языкѣ, который своими формами: *znuq*, *znuga* служитъ какъ бы посредникомъ между санскрито-славянскою и греко-латинскою формами. Нѣнѣшній нѣмецкій языкъ замѣняетъ выраженіе *znuga* описательнымъ *schwiegertochter*. Такое явленіе естественнѣе всего обусловливается забвеніемъ древнихъ свойствъ языка; въ силу этого забвенія, исчезло и сознаніе о коренномъ родствѣ сына и снохи (*znuq* и *znuga*), столь ясно въ пору нераздѣльной жизни соплеменныхъ народовъ, когда ихъ языкъ слѣдовалъ общему закону, и мало по малу затемнившимся, со времени ихъ раздѣленія, когда языкъ каждаго изъ нихъ, въ силу различныхъ вліяній, сталъ вырабатывать свои спеціальныя особенности, и въ звукакъ и въ этимологическихъ формахъ. Вслѣдствіе сего, изъ первобытнаго *znuq* образовались формы: *zun*, *zon*, *sohn*, все меньше и меньше казавшіяся родственными съ *znuga*. Отсюда, стремленіе осмыслить выраженіе, сознаніе о происхожденіи котораго, а вмѣстѣ и объ основномъ его значеніи, уже исчезло: отсюда и *schwiegertochter*, вмѣсто *znuga*. Стремленіе къ подобному же осмысленію становится замѣтнымъ и между нарѣчіями славянскими, съ тѣмъ, однакоже, отличіемъ отъ языка нѣмецкаго, что въ нихъ употреблено не описательное выраженіе, а тоже коренное слово только въ томъ видѣ, какой получило оно въ языкѣ славянскомъ въ отдѣльномъ употребленіи: изъ основнаго *znuq* въ славян. языкѣ явилась форма сынъ, откуда и вмѣсто сноха, въ нарѣчій хорутанскомъ, образовалось *zinaha* (-сынаха); въ польскомъ *zupowa*. Какъ первое, такъ особенно послѣднее довольно наглядно свидѣтельствуесть о значеніи древняго термина—сноха, представляя какъ бы переводъ его на новѣйшій языкъ, согласно съ требованіями позднѣйшей системы звуковъ и формъ. Окончаніе ова, подобно мужескому овъ, находящееся въ словѣ *zupowa*, выражаетъ тоже свойство принадлежности, какое присуще санскритскому *ṣa* (близкому къ *vja*) въ *znusā* ⁽¹²⁾. И такъ, основное значеніе термина *zāt* есть раждающій, производящій (поколѣніе, потомство); *znuha* — принадлежащая сыну, жена сына, сынова ⁽¹³⁾.

Родители перваго, относительно снохи, получили въ славян-

скомъ языкѣ названія свекра и свекрови, родители снохи, по отношенію къ зятю, — тестя и тещи.

Выраженія свекоръ и свекровь, какъ общія всѣмъ кореннымъ языкамъ индоевропейской отрасли, тѣмъ меньше способны затруднять въ объясненіи, тѣмъ съ большею послѣдовательностью можно слѣдить за постепеннымъ видоизмѣненіемъ ихъ формы и тѣмъ прочіе выдерживаются въ каждомъ изъ языковъ свойственные имъ и значительно уже уясненные законы фонетики. Приведенныя славянскія выраженія принадлежатъ именно къ разряду такихъ словъ. Въ языкахъ соплеменныхъ представляются они въ такомъ видѣ: скр. *сваѣуга* (свекоръ), *сваѣгѣ* (свекровь), греч. *ἐκὺρος*, *ἐκὺρά*, лат. *восег*, *восгис*, готск. *svaihga* (изъ *svaihgān*), *svaihgō*, древне-нѣмец. *suehug*, *suigar*, литов. *szeszugas*. Санскритское *сваѣуга* съ большею наглядностью указываетъ на сложность своего образованія: первая составная часть его, очевидно, есть *сва*, вторая — *ѣуга*. Если послѣднее не возбуждаетъ сомнѣнія, то *сва* можетъ объясняться только предположеніемъ, правдоподобіе и вѣроятность котораго обуславливаются лишь сравненіемъ съ формами въ остальныхъ языкахъ родственныхъ. Дѣйствительно, не смотря на небный звукъ *с*, разившійся въ санскритѣ изъ первобытнаго *k*, форма слова *сва*, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ позднѣйшей формациі, вмѣсто древнѣйшей *сва*. Надежнѣйшимъ ручательствомъ въ этомъ отношеніи служатъ именно другіе родственные языки, въ томъ числѣ и славянскій. Небное *с* санскрита соответствуетъ въ греко-латинскомъ языкѣ обыкновенно звуку *k*, какъ это видно и изъ второй половины даннаго слова (*сваѣуга* — *ἐκὺρ* — *восег*); между тѣмъ въ обѣихъ этихъ языкахъ, въ первой половинѣ слова, находимъ: въ греч. *ε*, равное *se*, при чемъ *v* могло быть опущено на общемъ основаніи не любви древнихъ Грековъ къ этому придыхательному звуку (¹⁴); въ латинскомъ *so*, вѣроятнѣе всего, вмѣсто *suo* или *svō*, что имѣли случай замѣтить и въ выраженіи *вогог*, вполне соответствующемъ скр. *svaгѣ*. На первоначальное *сва* вмѣсто *сва* указываетъ и готскій языкъ съ древне-нѣмецкимъ, а также и славянскій съ литовскимъ, изъ которыхъ послѣдній, одинаково съ греческимъ и латинскимъ, отбросилъ *v*, какъ поступилъ и славянскій языкъ въ словѣ сестра. Принимая,

такимъ образомъ, во вниманіе большинство языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые по письменности восходятъ къ глубокой древности, мы рѣшаемся признать вѣроятнѣйшимъ то объясненіе *сва-сига*, которое видятъ въ первой части этого слова притяжательное мѣстоимѣніе *сва*, свой.

Что касается второй половины, *сига*, то и въ несложномъ видѣ слово это было въ употребленіи у древнихъ Индѣйцевъ (*сига*) прежде всего съ значеніемъ челоуѣка, мужа, отъ глагольнаго корня *сиг*, быть сильнѣмъ, крѣпкимъ; потомъ челоуѣка храбраго, мужественнаго, героя, господина. Съ послѣднимъ значеніемъ живетъ оно и въ языкѣ греческомъ, гдѣ санскритскому *с* обыкновенно соотвѣтствуетъ *к*, которое и видимъ въ *κύριος*, господинъ, повелитель. Латинскій языкъ, на ряду съ греческимъ, не измѣнившій гортаннаго кореннаго, удержалъ это слово въ сложномъ *восег* (= *soker*); тоже встрѣчаемъ и въ древне германскомъ, въ которомъ также обычно скр. небному *с* соотвѣтствуетъ придыхательный гортанный *h*, что и есть въ *svaihga*, *svenhug*. Языкъ славянскій обнаруживаетъ въ отношеніи этого звука знаменательную для исторіи народа въ дописьменную пору непоследовательность: въ немъ находимъ въ соотвѣтствіе скр. *с* звуки *с*, *к*, *щ*; иногда одно и тоже коренное слово предлагаетъ два звука, дѣлая, такимъ образомъ, невозможнымъ опредѣленіе родства ихъ безъ пособія сравнительнаго метода ⁽¹⁵⁾. Такъ и слово *сига* извѣстно въ простонародномъ языкѣ рускомъ въ формѣ *суръ*, съ значеніемъ храбреца, молодца; въ формѣ *щуръ*, нами уже рассмотрѣнной, наконецъ, въ формѣ *коръ* (-стар. слав. *къръ*), равной греческому *кур*, въ *κύριος*, латин. *кер*, въ *восег*, какъ видно въ сложномъ *свекръ* (= *свекъръ*). Отсюда, коренное значеніе этого термина есть — свой господинъ, какимъ естественно долженъ былъ стать отецъ мужа для молодой жены, покинувшей свой родъ и вступившей въ чужой, сдѣлавшійся ей теперь своимъ ⁽¹⁶⁾. Послѣ этого не требуетъ особаго поясненія и значеніе *свекрови*: оно тоже самое лишь съ приименіемъ къ женѣ свекра, матери мужа ⁽¹⁷⁾.

Рѣшаемся думать, что слово *сига*, съ первобытнымъ гортаннымъ *к*, уцѣлѣло въ славянскомъ языкѣ не въ одномъ сложномъ *свекоръ*. По крайней мѣрѣ, попадающаеся въ переводахъ

церковныхъ сочиненій слово коуригъ, соответствующее греческому $\kappa\omicron\upsilon\rho\iota\gamma\omicron\varsigma$, слѣдовательно, равносильное нынѣшнимъ выраженіямъ: свать, дружка, по мнѣнію нашему, не можетъ имѣть другаго происхожденія, какъ отъ того же $\varsigma\iota\gamma\alpha$, греч. $\chi\omicron\rho$ ($\kappa\omicron\varsigma$). Примѣнимость кореннаго смысла къ данному значенію коурига, думаемъ, не можетъ встрѣтить затрудненія. Гораздо отдаленнѣе уже отъ этого смысла другое слово, распространенное у всѣхъ Славянъ и которое кажется намъ происходящимъ отъ того же корня: это коуръва, въ значеніи непотребной женщины. Быть можетъ, это значеніе и отсутствіе, на первый взглядъ, посредствующихъ терминовъ и было причиною того, что въ существующихъ объясненіяхъ этого слова, мы не видимъ доселѣ никакой опредѣленности и положительности; встрѣчаемъ, напротивъ, до такой степени произвольныя догадки, не рѣдко противорѣчающія законамъ словообразованія и звуковой системы, что допустить ихъ несравненно труднѣе, нежели предположить даже непосредственный скачокъ въ значеніи отъ $\varsigma\iota\gamma\alpha$ къ коуръвѣ. Казалось бы, близкое отношеніе славянскаго выраженія къ германскимъ формамъ: $h\omicron\upsilon\gamma$, готск. $huoga$, древне верх. нѣмецкое, $huog$, $h\omicron\upsilon\gamma\gamma$, $huoge$, средне верх. нѣмец., наконецъ, нынѣшнее нѣмецкое hug , съ тѣмъ же значеніемъ, что и коуръва, могло естественно побудить изслѣдователей къ опредѣленію общаго происхожденія ихъ, съ одной стороны; съ другой, столь очевидною близостью, достигающею до тождества германскихъ формъ съ окончаніями въ $suehug$, $svaihga$, указать на очевидную родственность тѣхъ и другихъ, — и тѣмъ не менѣе, самые нѣмецкіе филологи считаютъ удобнѣйшимъ обратиться лучше къ самымъ туманнымъ и гадательнымъ объясненіямъ и сближеніямъ, нежели взглянуть внимательно и въ этомъ случаѣ на корень $\varsigma\iota\gamma$ ($-k\iota\gamma$), въ тождествѣ котораго съ hug и $h\omicron\upsilon\delta$ въ окончаніи сложныхъ словъ ($suehug$ и $svaih\omicron\delta$) почти никто изъ нихъ не сомнѣвается (¹⁸). Причина ясна: отдаленность значенія, достигающаго до противоположности. Между тѣмъ современный смыслъ далеко не можетъ служить порукою того же значенія и въ глубокой древности; напротивъ, каждый языкъ въ состояніи представить не одинъ десятокъ примѣровъ того, какъ древнѣйшій смыслъ даннаго слова переходитъ

въ обратный въ позднѣйшемъ употребленіи, отъ хорошаго къ дурному, и на оборотъ. Отъ нынѣшняго, напримѣръ, значенія польскаго выраженія *kobieta*, женщина, не легко также заключать къ значенію его, всецѣло соотвѣтствующему общеславянскому слову коуръва, тогда какъ въ произведеніяхъ литературы польской даже 17 столѣтія оно не сомнѣнно (¹⁹). Встрѣчая же въ новогреческомъ языкѣ существительное *χοῦρα* или *χοῦρανα*, въ значеніи хозяйка дома, госпожа (²⁰), родство котораго съ *χῦρος*, а слѣдовательно съ *ѡига*; конечно, не возбудитъ ни въ комъ недоразумѣнія, мы рѣшительно не видимъ ни съ какой стороны препятствія сопоставить съ нимъ славянское слово коуръва, а съ этимъ вмѣстѣ и не считать его родственнымъ по происхожденію съ коръ въ свекоръ, съ *hug* въ *suehug*, а черезъ это и съ старогерманскими *huoga*, *huog*, *huoge*, нынѣшнимъ *hüge*. Въ основѣ всѣхъ, такимъ образомъ, приведенныхъ реченій лежитъ одинъ корень, *ku*, видоизмѣнившійся въ санскритѣ въ *cu*. Какъ бы, впрочемъ, ни было, но мнѣніе Миклошича о возможности заимствованія Славянами выраженія коуръва отъ нѣмцевъ, въ томъ случаѣ, если *hüge* послѣднихъ родственно съ скр. *gāga*, свидѣтельствуетъ лишь о крайнемъ увлеченіи (²¹).

Говоря о терминахъ свекоръ и свекровь, вспомнимъ о формахъ чешской и малорусской, оправдывающихъ наше мнѣніе объ образованіи слова сноха и о родствѣ его съ скр. *znusā*. Свекровь по чешски *svegruše*, гдѣ *g* вмѣсто *k* появилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ языка нѣмецкаго, употребляющаго съ незапамятныхъ временъ гортанные звучные, вмѣсто отзвучныхъ славянскихъ; конечное *e*, въ *še*, представляетъ перегласованіе кореннаго *a*, въ силу позднѣйшаго свойства нарѣчія чешскаго замѣнять широкія гласныя узкими, послѣ смягченныхъ, какъ *lud* — *lid*, *duša* — *duše* и т. под. Такъ образ., *svegruše* вмѣсто старинной формы *svegrusā*. Кажется, несомнѣнно, что окончаніе здѣсь *ša* одного происхожденія и одного значенія съ скр. *śā* въ *znusā*, т. е. соотвѣтствуетъ *sja* съ означеніемъ принадлежности, въ настоящемъ случаѣ жены свекра. Но какъ скр. *śā* въ *znusā* въ славянскомъ вообще перешло въ *xa*, такъ и чешскому окончанію *ša* въ *svegrusā* находимъ соотвѣтствующее *xa* въ малорусскомъ нарѣчій, гдѣ господствующая форма, замѣняющая древ-

нее свекръ, есть свекруха. При такомъ взглядѣ на окончаніе ха, вмѣсто ша, уясняется и значеніе существительныхъ на ха въ названіи женъ по фамиліи мужей, распространенномъ по преимуществу въ нарѣчій малорусскомъ, какъ: смириха, жена Смирнова, шепиха, жена Шепы, соколиха, жена Соколова, никитиха, жена Никитина; подобное же образованіе иногда приходится слышать изъ устъ Малороссіянъ и отъ фамилій на скій. Едва ли, послѣ этого, покажется лишеннымъ всякаго основанія и предположеніе наше о происхожденіи окончанія ха изъ ша и о соотвѣтствіи послѣдняго окончанію *vja*, служившему въ прадревнюю пору языка индоевропейскаго для опредѣленія принадлежности вообще, а при имени мужа, въ частности, жены его (23).

Соплеменные народы разобранныя названія, свекоръ и свекровь, относятъ въ одинаковой степени и къ родителямъ мужа и къ родителямъ жены; у Славянъ для обозначенія послѣднихъ искони существуютъ особые термины, хотя, какъ увидимъ, не исключень общій смыслъ и первыхъ. Эти особые термины суть тещъ и теща. Уединенности ихъ, а черезъ это и затруднительности сравненія, слѣдуетъ приписать затемненность корня и неизвѣстность основнаго значенія. Тому же должна была содѣйствовать и замѣна этихъ названій другими словами среди самихъ Славянъ, какъ у Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Хорутанъ, употребляющихъ вмѣсто тещъ существительное пунац, вмѣсто теща — пуница, равно не всегда и не всюду одинаковость значенія тещъ и тещи, какъ родителей жены. Въ письменности церковно-славянскои первое не однажды является въ смыслѣ зятя, переводя греческое γάμβρος, латин. *генег*, какъ въ пандектахъ Антіоха (23); послѣднее, теща, въ старыхъ памятникахъ польскаго языка замѣняетъ иногда сноху, употребляясь въ формѣ *teuśc*. (24). Не удивительно поэтому, что нѣкоторые ученые славянскіе, принимая послѣднее значеніе разсматриваемыхъ выраженій за основное, сопоставили славянскія выраженія тещъ и теща съ еврейскимъ *tachen*, означающимъ зятя. Такъ поступилъ и Юнгманъ, руководясь, очевидно, чешскими формами: *tchап* и *tchyně* (25). Формы эти, конечно, заслуживаютъ вниманія со стороны филолога, но едва ли простое созвучіе съ ними еврейскаго слова даетъ достаточное ручательство

даже въ вѣроятности родства, не только въ несомнѣнности его. Гораздо прочтѣе искать сближенія въ средѣ языковъ родственныхъ.

Сравнивая старославянскую форму тѣсть съ только что указанною чешскою tchan, не трудно подмѣтить различіе лишь въ образовательномъ суффиксѣ, такъ какъ х чешское, очевидно, равносильно родственному с. Но эта замѣна показываетъ ясно, что с въ словѣ тѣсть принадлежитъ корню, окончаніе же составляетъ ть, одинаковое и въ выраженіяхъ зать, гость, тать и др., и которое, какъ имѣли мы случай видѣть, употребляется Славянами и для обозначенія лицъ. Такимъ образомъ, корень слова есть тьс, гдѣ ь замѣняетъ какой либо одинъ изъ основныхъ гласныхъ звуковъ, именно а или і. Соображая разнообразный характеръ славянскаго звука с, соответствующаго, между прочимъ, санскритскому kṣ⁽²⁶⁾, нельзя не остановиться на глаголѣ takṣ, употребляющемся въ языкѣ Ведъ въ значенія производить, готовить, работать, и составляющемъ желательную форму глагольнаго корня tak, въ смыслѣ поддерживать, переносить. Участіе этого глагола въ образованіи родственныхъ терминовъ очевидно изъ скр. выраженій takman, tókman, tóka, съ означеніемъ дитя, потомство; еще болѣе изъ Zendскаго taokhna, въ смыслѣ сѣмя, поколѣніе, перешедшаго въ персидскомъ въ формы tuchn, tuchim, столь близкія къ чешской tchan (=tʃchan). Этотъ же глаголъ въ старо-прусскомъ языкѣ звучалъ tikint, дѣлать, откуда существительное teikisna, твореніе⁽²⁷⁾; въ греческомъ — τέκτω изъ τέκω, рождать, производить, откуда, наравнѣ съ санскритомъ, греческое τέκος, τόκος, τέκνον, дитя. Въ языкѣ славянскомъ отъ первообразной формы tak, кажется, нѣтъ глагола; за то отъ желательной takṣ явилось тесать, подобно литовскому taszan, съ тѣмъ же значеніемъ. Рѣшаемся думать, что слово тесъ идетъ непосредственно отъ первообразнаго tak, хотя по формѣ и нѣтъ препятствія сопоставлять его съ takṣ; но въ этомъ отношеніи едва ли бы соответствовало ему значеніе глагола тесать, получившее, конечно, отъ отдаленнѣйшей древности свой техническій, специальный смыслъ, такъ какъ въ этомъ только смыслѣ извѣстенъ глаголъ этотъ во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ. Но изъ tak не могло ни-

какимъ образомъ явиться въ славянскомъ тѣс (=тес); звукъ *k* санскритскаго языка прежде всего соотвѣтствуетъ славянскимъ гортаннымъ, и уже посредствомъ нихъ, въ силу чисто славянской фонетки, свистящимъ и шипящимъ. Что и тутъ, дѣйствительно, первоначально слѣдуетъ предполагать звукъ гортанный, нагляднымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ служить упомянутая форма чешская, *tch-an*, непосредственно сближающаяся съ сир. глаголомъ *tak*: согласно съ правописаніемъ старо-славянскимъ, она должна была звучать нѣкогда *tъx-анъ*, съ глухимъ гласнымъ среди корня. При посредствѣ этой уже формы образовалась и господствующая въ славянскихъ нарѣчіяхъ *тѣсть*, гдѣ переходу *x* въ *s* способствовалъ новый суффиксъ *тъ* (= *ti*), а это, въ свою очередь, потребовало измѣненія широкаго *ъ* въ узкое *ь*.

Значеніе, смѣемъ думать, не только не противорѣчитъ нашему производству, а скорѣе поддерживааетъ и подкрѣпляетъ его. Въ названіяхъ отца и матери, какъ сказано выше, господствующая идея есть рожденіе, покровительство; эта же идея лежитъ и въ основаніи глагольнаго корня *tak*, — а *тестъ* съ *тещей* суть родители жены. Если припомнимъ при этомъ, что и въ названіи *зять* заключено тоже самое основное понятіе, то не удивимся, встрѣтивши кое-гдѣ изрѣдка терминъ *тѣсть* замѣняющимъ выраженіе *зять*; съ этимъ вмѣстѣ и *теща* могла заступитъ мѣсто *снохи*, т. е. жены сына: двѣ отдѣльныхъ семьи соединяются въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, мужчины и дѣвицы, которые завязываютъ собою узелъ новой семьи, новаго рода, имѣющаго стать въ одинаковыя отношенія къ той и другой. Но если въ славянскомъ языкѣ форма *тѣсть* способствовала дѣйствительному значенію, то санскритское окончаніе *tap* потребовало страдательнаго, будучи само въ связи съ страдательнымъ причастнымъ окончаніемъ (²⁸); отсюда *tak tap* значитъ собственно рожденное, дитя. Согласно съ санскритомъ пошелъ и греческій языкъ, образовавшій *τέκνον*, также въ значеніи чадо, дитя (²⁹). На примѣненіе идеи рожденія къ дѣтямъ мы указали выше, при разборѣ выраженій *сынъ* и *чадо*.

Образованіе женской формы *теща* (= старославян. *тъшта*) отъ *тестъ* (=ст.-слав. *тѣсть*) объясняется вполне естественно требованіемъ славянскаго словообразованія и звуко сочетанія. Су-

ществительное тѣсть принадлежитъ къ числу немногихъ словъ, сохранившихъ въ формахъ склоненія родственность съ склоненіемъ древнихъ языковъ на тематичное и (=i), подобно словамъ: пѣть, зать, гость и др.; въ немъ, какъ и въ послѣднихъ, конечное ѣ замѣняетъ основное и, такъ что первоначальный видъ слова тѣсть долженъ быть тѣсти. Въ слѣдствіе приставки родового суффикса а для образованія женскаго рода, конечное и превращается въ j и своимъ вліяніемъ, по общему въ славянскомъ языкѣ закону, превращаетъ или смягчаетъ ст въ шт или щ, сливаясь съ ними въ одинъ звукъ. Отсюда тѣстja = тѣшта или русская форма теща. Попадающуюся форму въ древне-русскихъ памятникахъ: цтя или цѣтя, вмѣсто тѣстя, какъ въ слѣдующемъ выраженіи: «братъ наистарѣйшій, Романъ, уимаеть волюсти у наю, слушаая цтя своего, Святослава»⁽⁸¹⁾, — объяснить весьма легко, какъ составившуюся отъ сліянія двухъ звуковъ тс, равносильныхъ звуку ц.

Какъ очевидно, Славяне воспользовались и въ этихъ терминахъ родства общимъ корнемъ индоевропейскимъ, но пошли своимъ особымъ путемъ въ примѣненіи ихъ къ степени родства. Выраженія тѣсть и тѣща въ томъ смыслѣ, въ какомъ преимущественно употребительны они у Славянъ, принадлежатъ исключительно имъ; для обозначенія родителей жены, по отношенію къ ея мужу, другіе соплеменные народы пользуются тѣми же названіями, какія приурочены родителямъ мужа по отношенію къ его женѣ, т. е. свекоръ и свекровь. Это находимъ мы въ санскритѣ, латинскомъ, древнемъ и новомъ германскомъ. Безъ сомнѣнія, подобной самостоятельности и особенности данныхъ терминовъ, указывающимъ на сравнительную ихъ новизну въ языкѣ, слѣдуетъ приписать и ту неопредѣленность, не устойчивость въ ихъ употребленіи, какая бросается въ глаза наблюдателя надъ совокупностью нарѣчій славянскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, только сравнительною новизною появленія этихъ названій съ господствующимъ значеніемъ и можно объяснить замѣну ихъ кое-гдѣ, какъ напр., у Хорутанъ, свекромъ и свекровью: не есть ли это остатокъ памяти о нѣкогда всеобщемъ употребленіи ихъ, на равнѣ съ Индійцами, Римлянами и Германцами? Въ свою очередь, не о томъ же ли говорить и смѣшанность понятій въ выраженіяхъ тѣсть и

теща, когда примѣняются они и къ зятю съ снохою? Едва ли не этой шаткости должно приписать и распространенность во всемъ юго-славянствѣ, у Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Хорутанъ, особыхъ терминовъ для тѣхъ же понятій. Извѣстно, что у поименованныхъ только что народовъ славянскихъ гораздо въ большемъ ходу названія пунац и пуница, вмѣсто тестъ и теща.

Было бы не бесполезно и не неважно опредѣлить происхожденіе указанныхъ юго-славянскихъ выраженій, чтобы видѣть, на сколько сродна или отдаленна идея, въ нихъ заключенная, отъ разъясненной идеи въ соответствующихъ имъ словахъ тестъ и теща. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи рѣшить этого вопроса положительно, и только путемъ отрицанія существующаго толкованія, быть можетъ, пособимъ окончательному рѣшенію. Толкованіе словъ пунац и пуница принадлежитъ въ послѣднее время г. Гильфердингу. Въ своемъ сочиненіи «о сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», онъ сближаетъ пуница съ скр. глаголь *van*, любить, откуда *vanitā*, женщина. Конечно, значеніе послѣдняго выраженія, какъ оно ни обще, не противорѣчитъ понятію о тещѣ; но уважаемый авторъ должно быть опустилъ изъ виду мужескій родъ, пунац, къ которому *vanitā* не имѣетъ уже никакого отношенія. Независимо отъ этого, мы не можемъ не замѣтить, что въ подобномъ сближеніи играетъ роль больше кажущееся созвучіе, съ предположеніемъ при томъ равенства санскритскаго *v* славянскому *p*, нежели историческій взглядъ на звуковое развитіе сербо-хорватскаго нарѣчія. Даже допущеніе дѣйствительнаго равенства скр. *v* славянскому *p* ни мало не устраняетъ и не ослабляетъ подрывающаго подобное сближеніе вопроса: почему и какимъ путемъ скр. *an* замѣнилось посредствомъ *un* въ сербскомъ нарѣчіи? Такая замѣна не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Между тѣмъ, гласный звукъ *u*, въ пунац, пуница, прежде всего долженъ остановить вниманіе, какъ скоро то или иное явленіе языка касается исключительно Сербовъ и Хорватовъ. И у тѣхъ и у другихъ звукъ *u*, кромѣ общаго происхожденія и значенія во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, представляетъ и свою специальную особенность, развившись изъ древнѣйшаго *ǫ*, какъ: пук, вук, вм. плѣкъ, влѣкъ. Предположить въ настоящемъ случаѣ именно такое происхожденіе звука *u* въ дан-

ныхъ терминахъ тѣмъ необходимѣе, тѣмъ неизвѣстнѣе послѣдніе другимъ Славянамъ. Предположеніе это получить несомнѣнность, когда примемъ въ соображеніе посредствующую форму, углѣвшаю въ хорутанскомъ нарѣчій, въ которомъ нерѣдко старо-слав. лъ, согласно съ русскимъ языкомъ, обращается въ ол; существительное же *rolnica*, въ значеній теща, попадаетса въ переводѣ Новаго Завета Трубера и указываетъ на плънъ = серб. хорватск. пун. (²³). Такимъ образомъ, уже не пунац или пуница приходится сравнивать съ скр. *van* и *vanitá*, а плънац или плъница; но противъ такого сравненія, надѣемся, возстанетъ не послѣ другихъ и самъ г. Гильфердингъ (²³).

Новыя отношенія между двумя родами не ограничились новыми названіями только для главныхъ лицъ, родоначальниковъ, для родителей мужа и жены. Патріархальность быта не разлучна съ силою и живостью родственнаго чувства, а потому не могла не вызвать болѣе широкаго и точнаго опредѣленія и дальнѣйшихъ отношеній между родственниками соединенныхъ чужихъ родовъ. Братъ мужа не могъ въ такой же силѣ быть братомъ и для жены, подъ вліяніемъ этого быта; уравненіе замѣчается лишь въ позднѣйшей жизни народа, напр. русскаго, часто уже не отличающаго вовсе брата отъ деверя: родственныя отношенія, входившія въ составъ существенныхъ условій древнѣйшаго быта народнаго, всецѣло его проникавшія, необходимо вызывали и строгое отличіе разнообразныхъ степеней, что, въ свою очередь, неизбежно отражалось и на языкѣ. Отсюда, какъ для брата и сестры мужа, такъ и на оборотъ, для брата и сестры жены, какъ скоро роды вступили въ связь посредствомъ брака ихъ членовъ, образовались и особыя выраженія, въ первомъ случаѣ деверь и золовка, во второмъ — шуринъ и своякinya. Три первыхъ названія родились на почвѣ обще индо-европейской, и донинѣ, съ свойственными каждому отдѣльному языку видоизмѣненіями, распространены по всѣмъ составнымъ частямъ нѣкогда не раздѣльнаго племени.

Существительное деверь находитъ себѣ соотвѣтствующія выраженія, и по формѣ и по значенію, во всѣхъ коренныхъ языкахъ родственныхъ; такъ: скр. *dévar* или *dévi*, греч. *δαῖρ* (= *δαῖρ δᾶ-ερ*), латин. *levir*, съ обращеніемъ *d* въ *l*. (²⁴), литов.

dēweris, англо-саксон. tacur, tacor, древ. герм. zeihhur⁽²⁴⁾. Не смотря, однакоже, на распространенность этого слова и на исключительное его значеніе брата мужа въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ, коренное его происхожденіе, а съ этимъ и основная идея до такой степени затемнены, что нѣкоторые изъ филологовъ признали лишнимъ даже и пускаться въ его объясненіе⁽²⁵⁾. Но для правильнаго взгляда на происхожденіе слова не важно и то понятіе о лицѣ, имъ обозначаемо, какое высказывается въ жизни народной; во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать этого условія хотя бы и въ качествѣ пособія. Посмотримъ, какую роль придаетъ деверю славянскій народъ.

Съ большею или меньшею распространенностью, выраженіе деверь знакомо всѣмъ Славянамъ до настоящаго времени: болгар., серб., хорват., хорутан. девер, чешск. deveř, польск. dziewierz. Далеко однакоже не всюду замѣчаемъ одинаковое значеніе. У однихъ Славянъ, какъ у Чеховъ и Поляковъ, деверемъ называется и братъ жены, вмѣсто русскаго шурина; у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, деверь вообще тотъ, кто приводитъ къ алтарю жениха и невѣсту, слѣдовательно, равнозначущъ русскому дружкѣ. У Сербовъ, кромѣ того, означаетъ друга и секунданта, какъ въ слѣдующей пѣсни:

па ѡевери од њи одступише,
и они се ударат стадоше.

Такое разнообразіе въ значеніи уяснится само собою, ежели мы взглянемъ внимательнѣе въ обрядъ браковъ у Славянъ, доселѣ удержавшихъ такъ много знаменательныхъ обычаевъ, способныхъ поднять насъ къ глубочайшей старинѣ и тѣмъ облегчить уразумѣніе первоначальнаго смысла самыхъ выраженій. Дружкомъ и по сіе время обыкновенно бываетъ жениховъ братъ, замѣняемый ближайшимъ его родственникомъ или лучшимъ другомъ въ томъ только случаѣ, когда брата не имѣется или почему либо онъ признается неспособнымъ. Обязанность дружка состоитъ въ главномъ распоряженіи всѣми сложными обычаями при свадьбѣ, особенно при разгульномъ свадебномъ угощеніи; онъ же съ мечемъ стоитъ и около двери спальни молодыхъ. Послѣдняя обязанность брата женихова была, между прочимъ, поводомъ произво-

дять и самое слово деверь отъ двери (³⁷). Понятно, что при замѣнѣ брата кѣмъ-либо другимъ, и названіе деверя, принадлежащее первому, могло перенестись на послѣдняго; отсюда значеніе деверя у Сербовъ и Хорватовъ, кромѣ брата жениха, и вообще того, кто ведетъ молодыхъ къ алтарю, у Хорутанъ — *der für die Braut bestimmte Hochzeitdirector*. А такъ какъ замѣнить въ подобномъ случаѣ брата всего скорѣе могъ или другъ жениха, или братъ невѣсты, то слово деверь, какъ у тѣхъ же Сербовъ, стало обозначать и друга, и брата невѣсты — жены, какъ у Чеховъ. Согласно съ этимъ, употребляется и слово женскаго рода, образовавшееся у Славянъ чешскихъ и сербскихъ: *deveguně* или *deveřině* первыхъ означаетъ сестру мужа и жены, *deveruša* послѣднихъ жену деверя и тоже, что у Нѣмцевъ *Kranzjungfrau* (³⁸). Впрочемъ, значеніе деверя у Чеховъ, равно и у Поляковъ, скорѣе можетъ говорить въ пользу забвенія ими первоначальнаго смысла слова и, въ силу этого, смѣшенія съ названіемъ шуринъ; на это очевидно указываетъ и постепенная потеря въ языкѣ ихъ самаго выраженія деверь, вмѣсто котораго, и у тѣхъ и у другихъ, столь же обычно употребляется нѣмецкое *schwager*, одинаково для брата мужа и для брата жены, слѣдовательно, вмѣсто славянскаго деверь и шуринъ. Принимая въ соображеніе древнѣйшіе языки, а также господствующее по сіе время значеніе деверя у Славянъ и исключительное обозначеніе имъ брата мужа, по отношенію къ женѣ, въ древнѣйшую пору, можемъ смѣло заключить, что это значеніе и есть первоначальное, основное; всѣ остальные развились уже позднѣе, подъ вліяніемъ частныхъ условій каждаго поколѣнія славянскаго.

Всматриваясь въ должность деверя при свадьбахъ славянскихъ, при всей ея сложности и многосторонности, нельзя не отмѣтить господствующаго въ ней направленія — распространять и поддерживать веселье и разгулъ: деверь шутить, острить, заводить игры; ему принадлежитъ главный надзоръ за невѣстой, ухаживанье за нею; онъ же и главный ея руководитель (³⁹). Подобный характеръ деверя въ состояніи дать по крайней мѣрѣ толчекъ искать въ смыслѣ самаго выраженія что либо указывающее на него (⁴⁰). Максъ-Миллеръ, а за нимъ и Пиктэ не задумываются производить скр. *dévaг* отъ *div*, свѣтить, потомъ играть, шутить;

пособіемъ имъ при этомъ служить и скр. терминъ родства *bhāta*, означающій мужа сестры и происходящій отъ глагола *bha* съ значеніемъ, подобнымъ глаголу *div*. Идея веселости, радости не чужда родственныхъ терминовъ, какъ замѣтно и изъ скр. названія сестры мужа *pandini*, собственно радующая. Мы позволимъ себѣ только нѣсколько ограничить непосредственный корень существительнаго *deverь*, производя его не прямо отъ *div*, господствующее значеніе котораго весьма далеко, а отъ *dēv*, уже второобразнаго глагола, употребительнаго съ исключительнымъ смысломъ играть, шутить. Присоединимъ къ этому, что и самое слово *dēva* является не рѣдко съ значеніемъ дитяти, любящаго играть (⁴¹). Допуская такое толкованіе слова *deverь*, мы далеки отъ того, чтобы признавать наличный характеръ *devera* въ обрядовыхъ обычаяхъ Славянъ за основаніе къ названію: это потребовало бы признанія подобныхъ обычаевъ въ нераздѣльной еще жизни народовъ арійскихъ, что было бы слишкомъ смѣло и крайне сомнительно; напротивъ, мы охотнѣе готовы предположить обратное явленіе, что нынѣшній обрядовый характеръ *devera* развился, быть можетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ первобытнаго я, безъ сомнѣнія, очень долго создававшагося основнаго значенія. Быть можетъ, ранніе браки востока, ставившіе младшаго мужнина брата въ положеніе соучастника въ играхъ съ женою послѣдняго, были первымъ основаніемъ къ такому названію; нельзя безусловно отрицать и вліяніе на него переворота въ отношеніяхъ между двумя родами, прежде чуждыми, часто враждебными, дѣлавшимися посредствомъ брака отдѣльныхъ членовъ ихъ близкими, родственными, что согласовалось съ общою радостью, весельемъ (⁴²). Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни казалась шаткою эта догадка, все же она имѣетъ больше за себя, нежели производство Диффенбаха (⁴³), отнесшаго слово *dēva* къ скр. глагольному корню *ju*, связывать, соединять. Ни со стороны внѣшней, звуковой, ни со стороны понятія нельзя оправдать такого производства безъ самыхъ насильственныхъ натяжекъ (⁴⁴).

Названіе *золовка*, принадлежащее сестрѣ мужа, также всеобще распространено въ мірѣ славянскомъ, хотя въ позднѣйшую пору и замѣтно въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ вытѣсненіе его другими словами. Старо-славянская форма, вѣроятно, ближайшая къ

основному корню есть зльва; рядомъ съ нею стоятъ болгарская залва, за нею полногласная русская форма золовка, малорусская уменьшительная зовица, сербо-хорватская заова, зава, хорутанская зава, zavična, zvična, словацкая zolvice, чешская zelva, zelvice, употребительная только въ простомъ народѣ, и то изрѣдка, замѣняясь чаще, подобно нарѣчію польскому, нѣмецкимъ словомъ zwağowa. Замѣна эта есть явленіе довольно новое у Поляковъ; по крайней мѣрѣ, еще въ XVI столѣтіи образцовые писатели и поэты польскіе не чуждались славянскаго выраженія. Вѣроятно тоже самое было и у Чеховъ (⁴⁵).

Основная идея существительнаго золовка могла бы, повидному, весьма легко объясниться сопоставленіемъ съ несомнѣнно родственнымъ выраженіемъ греческимъ и латинскимъ γάλως и glos, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ; но и въ нихъ одинаково оказывается утраченнымъ коренное происхожденіе; они являются у самыхъ древнихъ писателей уже исключительно съ тѣсно ограниченнымъ смысломъ опредѣленнаго родства. И здѣсь, слѣдовательно, всего ближе было бы обратиться къ санскриту, который оказывалъ и намъ, въ настоящемъ трудѣ, свое пособіе, и который скорѣе могъ бы привести къ желаемой цѣли, владея письменностью отдаленнѣйшихъ временъ. Но и санскритъ; въ словѣ золовка, осторожными филологами признается неспособнымъ безъ натяжекъ, которыхъ мы постоянно стараемся избѣгать, помочь опредѣленію кореннаго смысла въ такой степени, чтобы не возбуждать подозрѣній и сомнѣній въ изслѣдователѣ. По крайней мѣрѣ существительное sjàla, съ которымъ еще въ 1836 году (⁴⁶) сравнивалъ Поттъ γάλως, glos и золовка, извѣстно съ инымъ значеніемъ, съ значеніемъ брата жены, и стоитъ такъ уединенно, особнякомъ, что гораздо основательнѣе, полагаемъ, отказаться вовсе отъ пріисканія кореннаго смысла, чѣмъ допускать предположенія, неимѣющія никакой объективной опоры. Обратимъ вниманіе, что поттovo сравненіе не выдерживаетъ критики и со стороны звуковой: сродство скр. ç съ греко-латинскимъ g и съ слав. з такъ необыкновенно, что можетъ оправдываться развѣ чрезъ мѣру свободнымъ и ненаучнымъ обращеніемъ со звуками. Не вѣроятность родства γάλως, glosu золовка съ sjàla доказывалась еще положителнѣе мнѣніемъ Максъ-Миллера, уяснив-

шаго, еще въ 1856 году, образование небнаго с въ скр. словѣ сја́ла изъ зубнаго з, которое ни въ какомъ уже случаѣ не могло преобразиться въ греческомъ и латинскомъ въ g. Съ этимъ, какъ замѣтно, вполне соглашается и Курциусъ (⁴⁷). Съ этой точки зрѣнія и мы гораздо охотнѣе послѣдовали бы за Пикте, поставившимъ славянское, греческое и латинское выраженія совершенно отдѣльно отъ сја́ла и не домогавшимся подыскивать какой-либо корень санскритскій (⁴⁸), еслибы славянскій терминъ своимъ образованіемъ и своимъ звуковымъ отношеніемъ къ родственнымъ языкамъ не давалъ законнаго права къ естественному сближенію. Быть можетъ, понятное и отчасти извинительное невниманіе къ специальнымъ условіямъ славянскаго словообразованія со стороны германскихъ филологовъ и было причиною того, что имъ не удалось изъ предѣловъ одного греко-латинскаго языка положить къ болѣе прямому пути.

Старославянская форма злѣва, лежащая въ основѣ всѣхъ остальныхъ формъ нарѣчій славянскихъ, указываетъ прежде всего на первообразное злѣв, которое гласнымъ л въ корнѣ своемъ свидѣтельствуемъ о корнѣ въ санскритѣ также съ гласнымъ л, или, по ближайшему родству его съ г, которое весьма обыкновенно и замѣняется первымъ, съ гласнымъ г; въ остальныхъ языкахъ родственныхъ слѣдовало-бы ожидать звукъ l или g, предшествующій однимъ изъ чистыхъ гласныхъ: а, о, е, и. Въ греческомъ, действительно, и находимъ γαλω (⁴⁹). Что касается до начальнаго согласнаго въ корнѣ, то онъ долженъ соответствовать въ санскритѣ славянскому з и греческому γ, а такой звукъ можетъ быть только g или равносильный ему, изъ него развившійся, ġ (дж). Но при этомъ невозможно оставить безъ вниманія сербохорватскую форму заова. Соображая звуковую систему этого нарѣчія; по отношенію къ нарѣчію старославянскому, мы съ полнымъ правомъ можемъ замѣнить его, по правописанію послѣдняго, посредствомъ злѣва, изъ котораго только и могла образоваться форма заова, такъ какъ старо-славянскому злѣва соответствовало бы въ нынѣшнемъ сербскомъ и хорватскомъ зува, по общему и неизмѣнному правилу обращать гласное л (=ст. слав. лъ) въ у, какъ: влѣкъ-вук, плѣкъ-пук и т. под. Но злѣва требуетъ уже въ корнѣ непремѣнно чистаго гласнаго, послѣ начальной со-

гласной, а потому и предполагаемый въ соотношеніе къ славянской формѣ злѣвъ санскритскій корень *gī* или *gī* долженъ принять иной видъ, съ гласнымъ между *g* и *g* или *l*. Этотъ гласный звукъ, во первыхъ, необходимо считать короткимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ изъ него не образовалось бы слабое *ъ* въ славянскомъ языкѣ; во вторыхъ, имъ можетъ быть только *a* или *u*, потому что лишь эти звуки соотвѣтствуютъ гласному *ъ*. Мы позволяемъ себѣ видѣть этотъ корень въ санскритскомъ словѣ *gag*, смѣняемомъ въ большинствѣ словъ на *gug* или даже *gugv*, съ значеніемъ: возносить, поднимать, высоко ставить. Отсюда, прилагат. *gugu*, въ смыслѣ высокій, почтенный, достоуважаемый. Тождественность *gag* и *gug* очевидна и изъ упомянутого прилагательнаго, которое въ сравнительной и превосходной степеняхъ является съ *a*: *garījas*, *garīṣṭa*. Это прилагательное (*gugu*) въ женскомъ родѣ звучитъ *gugvī*. Слѣдуя обратному пути, подставляя вмѣсто санскритскихъ соотвѣтствующіе славянскіе звуки, получимъ злѣва, такъ какъ долгое *ī* въ окончаніяхъ женскаго рода замѣняется въ славянскомъ обыкновенно черезъ *a* (срав. *gāpī*-жена). Что касается до отношенія упомянутого прилагательнаго, къ понятіямъ родства, то необходимо обратить вниманіе: 1) на подобное-же значеніе, съ понятіемъ почтенія и уваженія, въ терминахъ свекоръ и свекровь, на образованіе *atta*, въ смыслѣ почтенный, отъ слова отецъ; 2) на употребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ санскритской литературы выраженія *gugu* въ качествѣ существительнаго и съ видимымъ примѣненіемъ къ родству, почему Бошъ для такихъ случаевъ и выразилъ его значеніе слѣдующимъ образомъ: *guru*, subst., *magister et quaevis utriusque sexus persona propinquae cognationis causa imprimis veneranda*; 3) не забудемъ и двойственнаго числа *gugū*, попадающагося въ значеніи: *parentes* (= родители) (⁸⁰). Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, равенство звуковъ *a* и *u* (въ прилаг. *gugu*), мы легко поймемъ и греч. *a* въ *γαλως*; соображая, съ другой, женскій родъ *gugvī*, убѣдимся, что *v* въ слав. злѣва принадлежитъ корню; это *v* мы смѣло подразумеваемъ и въ греч. выраженіи, въ которомъ оно должно предполагаться въ качествѣ дигаммы, въ косвенныхъ падежахъ: родит. *γαλο-ος* вм. *γαλοφος*, и именительный гомерическій *γαλωος*, вм. *γαλωφος*. Нарѣчіе старо-

славянское, очевидно, слѣдуя господствующему употребленію, установившемуся въ немъ относительно корней съ гласнымъ *r*—*i*, и въ настоящемъ случаѣ сотетаніе *ap* или *ur* превратило въ гласное *i* (= *r*)⁽⁸¹⁾ и такимъ образомъ составило форму злѣва⁽⁸²⁾.

Относительно высказаннаго нѣкогда г. Аксаковымъ производства золовки отъ прилагательнаго зольъ, злой замѣтить, что такое производство можетъ имѣть основаніе только въ случайности и ненормальномъ отношеніи родственницъ (жены брата и сестеръ мужа) въ современномъ быту народа, а не въ исторіи языка и даже не въ историческомъ развитіи самыхъ отношеній упомянутыхъ родственницъ. Какъ бы ни смотрѣли на наше сближеніе съ *gigi*, но несомнѣннымъ для насъ остается то, что существительное злѣва возникло не на славянской почвѣ, а въ эпоху совмѣстной жизни народовъ индоевропейскихъ; на это убѣдительно указываютъ греч. γαλως и латин. *glos*, отвергать родство которыхъ съ славянскимъ терминомъ едва-ли рѣшится самая строгая филологія.

Третье названіе, возникшее также въ эпоху общей жизни народовъ арийскихъ, есть шуринъ, съ значеніемъ брата жены. Основная форма этого названія въ славян. языкѣ должна быть шура, что и встрѣчается въ нарѣчій сербскомъ, съ тѣмъ-же значеніемъ, какое принадлежитъ и русскимъ Славянамъ. На нее же указываетъ и старо-русское слово шурія, въ собирательномъ смыслѣ, въ выраженіи: «а что оу Ондрѣя выгягальная грамота и рядвая с шпурією своею, ино дас Ондрѣи.⁽⁸³⁾ Нарѣчія западно-славянскія окончательно забыли этотъ терминъ, замѣнивъ его нѣмецкимъ швагеръ, общимъ для родства между братьями и сестрами мужа и жены: такъ у Чеховъ, Лужицанъ и даже у Поляковъ. Но что существительное шуринъ забыто только ими, будучи знакомо въ древнее время и имъ, на равнѣ съ Славянами восточными и южными, видно изъ господствующаго употребленія въ XVI еще столѣтіи у Поляковъ слова *szurzu* (родит. *szurzego*).

Происхожденіе этого названія, думаемъ смѣло, должно быть отнесено къ тому же коренному выраженію, какимъ объяснили мы выше слово свекоръ. Коренное санскр. *сига* также послѣдовательно, не нарушая звуковыхъ законовъ, могло появиться въ славянскомъ въ формѣ шура, какъ и въ формахъ съ начальными

звуками с, к и щ, вмѣсто небнаго џ. Въ такомъ случаѣ, и здѣсь основная идея есть: господинъ, герой, что, съ одной стороны, весьма знаменательно объясняется обычнымъ скр. терминомъ для этого понятія — *átmavíra*, изъ *átman* (свой) и *víra* (мужественный человекъ, герой), или прилагательнымъ *сваџигја* ⁽⁸⁴⁾, столь наглядно указывающимъ на одинаковость идеи въ шуригѣ и свекрѣ, съ другой — оправдывается характеромъ шурина въ обрядовой части свадебъ славянскихъ. Дѣйствительно, въ свадебныхъ обрядахъ до сихъ поръ, особенно у Славянъ русскихъ, сѣверныхъ и южныхъ, шуригъ представляется въ качествѣ распорядителя судьбою своей сестры, невѣсты. Онъ выводитъ ее на показъ жениху; его просятъ зять отдать свое суженое, онъ продаетъ сестру; онъ обуваетъ ее къ вѣнцу; онъ же первый встрѣчаетъ молодыхъ послѣ вѣнца и открываетъ ворота свадебному поѣзду; его, наконецъ, откупаютъ з покути, съ передняго угла, куда садится онъ рядомъ съ своей сестрой, какъ вѣрнѣйшій ея защитникъ и хранитель ⁽⁸⁵⁾. Также и у Сербовъ; братъ невѣсты не прежде передаетъ сестру деверю, какъ получить денежный окупъ; деверь не прежде получить и приданое невѣсты, какъ выкупивъ его у ея брата ⁽⁸⁶⁾. Все это, перенесенное въ отдаленную эпоху браковъ посредствомъ похищенія, увода, не можетъ не характеризовать брата невѣсты дѣйствительнымъ и крѣпкимъ ея стражемъ, съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдующимъ ея похитителей, что на самомъ дѣлѣ и происходитъ доселѣ съ отмичарами сербскими. Понятно, что, съ точки зрѣнія жениха, шуригъ естественно становится господиномъ, властелиномъ его невѣсты, будущей жены. Съ такимъ понятіемъ легко могло соединиться и понятіе любезности, пріятельства, какъ скоро женихъ достигалъ своей цѣли, получалъ свою невѣсту отъ ея брата. На такое-то значеніе указываетъ областное слово шурка, употребляющееся въ тверской губерніи въ смыслѣ милый, любезный, и, конечно, одного происхожденія съ шуригъ.

Четвертое названіе, соответствующее въ родственныхъ степеняхъ золовкѣ, есть свѣсть, т. е. сестра жены, по отношенію къ ея мужу. Терминъ этотъ принадлежалъ нѣкогда всѣмъ Славянамъ, сохраняясь въ большинствѣ ихъ и до настоящаго времени. Его находимъ мы въ памятникахъ старо-славянскихъ, въ

формахъ свѣсть и свѣсть; онъ занимаетъ видное мѣсто и въ коричей книгѣ; господство его въ древности у русскихъ оправдывается частымъ присутствіемъ въ русской письменности (37); въ формѣ свѣсь живетъ онъ и доннынѣ въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи. Что касается южной Россіи, то единственно только онъ и употребляется для обозначенія сестры жены, въ видѣ свисть, съ уменьшительною формою свистонька. Съ тѣмъ же значеніемъ находимъ мы его и у Сербовъ и Хорватовъ, въ формѣ сваст, и у Хорутанъ—сиваст. Въ нарѣчійхъ западныхъ, у Чеховъ, Поляковъ, и Лужичанъ, и это родство обозначается въ настоящее время нѣмецкимъ названіемъ швагрова; но не такъ было въ старину. У Поляковъ *świeśc* встрѣчаемъ въ полной силѣ еще въ XVI столѣтіи, какъ, напр., въ хроникѣ Стрыльковскаго: *poslal Mendog do świeści, siostry żony swojej, aby przujeszała na pogrzeb siostry*; чешское *swěst* отиѣчено Вацерадомъ, попадаетъ не разъ и послѣ въ письменности, хотя и въ разнообразномъ значеніи родства посредствомъ брака. По Вацераду, оно означаетъ и сестру жены, и сестру мужа (золовку), и жену брата; въ послѣднее время, ко всему этому присоединилось и значеніе свекрови. Въ современномъ нарѣчій чешскомъ, равно и польскомъ, слово это погнбло вовсе, замѣнившись упомянутымъ уже нами выраженіемъ *zvaгrova*. Принимая въ соображеніе господство значенія у наибольшей части Славянъ существительнаго свѣсть, какъ сестры жены, его же находя у Чеховъ въ XIII столѣтіи и послѣ, можемъ смѣло утверждать, что обобщеніе понятія свѣсти у послѣднихъ не есть исконное, а произошло уже въ слѣдствіе ослабленія родственныхъ названій, что, въ свою очередь, могло быть результатомъ только потрясенія и самаго быта родоваго.

Происхожденіе слова свѣсть, а съ этимъ и коренной смыслъ его, полагаемъ, опредѣлить не трудно, если взять во вниманіе равносильное ему и замѣнившее его современное русское названіе и вообще другіе термины родства посредствомъ браковъ. Употребительнѣйшее выраженіе въ сѣверной Россіи для сестры жены теперь есть своякня, своячина, свояченица. Въ основаніи всѣхъ этихъ словъ, очевидно, лежитъ мѣстоимѣніе свой; оно же несомнѣнно и въ соответствующемъ названіи мужскаго рода

своjakъ, попадающемся и въ церк. славянскихъ памятникахъ, едва ли, впрочемъ, не подь влиянiемъ русскаго говора (⁸⁰); своjками называются въ настоящее время мужья, женатые на родныхъ сестрахъ. Въ нарѣчiяхъ чешскомъ, польскомъ и сербо-хорватскомъ рус. своjakъ замѣняется свакомъ, въ чемъ нельзя не видѣть только иной формы того же самаго слова, образовавшейся посредствомъ обычнаго стяженiя оя въ а, какъ въ насъ изъ поясъ, сва изъ своя, ка изъ коя, стана изъ стояна и множество другихъ случаевъ, принадлежащихъ особенно сербохорватскому нарѣчiю (⁸¹). Это же а рѣшаемся мы видѣть и въ сербохорватскомъ выраженiи сваст, хорутан. сиваст; въ нарѣчiяхъ чешскомъ, польскомъ, старо-славянскомъ, древнемъ и областномъ русскомъ стяженное а усилилось, по примѣру множества случаевъ въ языкѣ славянскомъ, въ ѣ, откуда и произошло свѣсть, съ переходомъ же ѣ въ и малорусское свисть. Единство происхожденiя свѣсти черезъ сваст съ свакомъ очевидно изъ лужицкаго нарѣчiя, въ которомъ вм. свѣсть употребляется свака. Можно бы на первый взглядъ видѣть въ сваст не стяженiе оя въ а, а первобытную тему мѣстоименiя свой, санскр. sva; такое предположенiе, повидимому, оправдалось бы и древностью вообще родственныхъ названiй, образованiе которыхъ относится въ большинствѣ къ порѣ нераздѣльной жизни индоевропейцевъ; но противъ подобнаго мнѣнiя нельзя не выставить и нѣкоторыхъ сомнѣнiй. Такъ, въ то время, какъ родственные языки не предлагаютъ намъ тождественныхъ по формацин терминовъ, тема скр. мѣстоимѣнiя sva употребляется лишь съ короткимъ а, сохраненiе котораго въ томъ же видѣ въ славянскомъ языкѣ составляло бы необыкновенный случай. Между тѣмъ долгота а въ сваст до сихъ поръ слышится въ говорѣ Сербовъ, оправдывается она и формою свѣсть; эта же долгота указываетъ ясно на долгое а въ темѣ. На этомъ основанiи, мы и позволили себѣ выше замѣтить, что происхожденiе разсматриваемаго термина совершилось собственно на славянской почвѣ и обязано стяженiю двухъ гласныхъ звуковъ въ одинъ долгiй. Отсюда понятно, что и окончанiе сть принимаемъ мы за образовательную приставку, какъ въ словахъ: старость, младость и т. п.

Къ мѣстоименному же корню свой находимъ мы единственно

справедливымъ отнести и существительныя свать, сватья, сваха, за ними и глаголь сватать и существительное сватьба. Объясняется это, во первыхъ, тѣмъ, что какъ серб. свак соотвѣтствуетъ рус. своякъ, гдѣ очевидно мѣстоимѣніе свой, такъ и древне-русскому сватьство, встрѣчающемуся, между прочимъ, въ уставѣ Владиміровомъ, соотвѣтствуетъ нынѣшнее свойство, въ смыслѣ родства между двумя родами, соединенными посредствомъ брака; во вторыхъ, значеніемъ въ древне-русскомъ языкѣ глагола свататься, въ смыслѣ сближаться, сговариваться, осваиваться, какъ, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ лѣтописи: Изяславъ сватается со Всеславомъ мысля на наю⁽⁶⁰⁾. При такомъ объясненіи происхожденія словъ: свать, свататься, сватьба, мы отступаемъ отъ догадки Шимкевича, полагавшаго возможнымъ производить эти слова отъ глагола веду на томъ основаніи, что же на называлась иногда, въ древнее время, на Руси, водная, какъ Бошняками доселѣ называется доведена, а также и на попадающемся въ старину правописаніи сватьба⁽⁶¹⁾. Замѣчательно, что такое производство повторено въ 1858 году однимъ изъ молодыхъ чешскихъ филологовъ, г. Новотнымъ⁽⁶²⁾.

Говоря о происхожденіи свѣсть отъ свой, полагаемъ умѣстнымъ остановиться и на другихъ выраженіяхъ родства, образованныхъ изъ того же мѣстоименія, что, надѣемся, подтвердить еще болѣе мнѣніе наше и относительно образованія свѣсть и сватьба.

Мѣстоименіе свой во всѣхъ родственныхъ языкахъ, даже въ простомъ своемъ видѣ, служитъ общимъ терминомъ для названія родственниковъ. Такъ, скр. *svaka*, составленное изъ *sva* и суффикса *ka*, означаетъ *propinquus*, *proximus*, подобно тому какъ *mađaka* (собств. мой) употребляется дѣтьми въ значеніи родителей⁽⁶³⁾; это напоминаетъ употребленіе Славянами мой-мой, ни-мужь-жена. Вѣсть съ *svaka*, въ смыслѣ родственника⁽⁶⁴⁾, извѣстно въ санскритѣ съ тѣмъ же значеніемъ и сложное *svağava*, изъ *sva* и *ğava* (рожденный). Тоже находимъ и въ латвискомъ *svuz*, и въ слав. свой, какъ въ пословицѣ русской: *себѣ своему по неволѣ другъ*. Отсюда въ старо-славянскомъ *svontь* и *svomъ* нъ уже исключительно родственникъ, родичъ; серб. *својта* собраніе, совокупность родныхъ⁽⁶⁵⁾. Но, кажется, съ незапамятныхъ поръ,

языкъ славянскій обозначеніе родства посредствомъ сложныхъ и производныхъ отъ свой отнесъ преимущественно къ опредѣленію отношеній двухъ родовъ, соединенныхъ бракомъ между ихъ отдѣльными членами. Особенно послѣдовательны при этомъ нарѣчія церковно-славянское и русское, въ которыхъ явственно отличаются два термина: родство, для восходящей и нисходящей, прямой и боковой линій, и свойство, для двухъ родовъ или семей, породившихся, сдѣлавшихся своими, черезъ бракъ. Отсюда, въ первомъ случаѣ утвердилось названіе родственникъ или родичъ, во второмъ—своить, свояшь или свойственникъ. Это общее названіе, съ различными видоизмѣненіями формы, сдѣлалось терминомъ и для частныхъ степеней свойственнаго родства, различныхъ у разныхъ славянскихъ народовъ. Такъ, въ русскомъ, наряду съ своякня, какъ сказано, стоитъ своякъ, т. е. мужъ женной сестры, тогда какъ соответствующимъ ему, въ сербскомъ нарѣчій, словомъ свак Сербка называетъ мужа своей сестры (*). Впрочемъ, у Сербовъ употребительна и форма свояк, нѣкто свак, что убѣдительно свидѣтельствуесть въ пользу происхожденія послѣдняго отъ свой, какъ и въ пользу тождественности происхожденія свасти съ свакомъ. Въ самомъ значеніи ихъ очевидное соответствіе: свастью называетъ мужъ сестру своей жены; свакомъ называетъ каждая Сербка мужа родной своей сестры. Различіе, слѣдовательно, у Русскихъ съ Сербами, въ этомъ отношеніи, состоитъ только въ томъ, что Сербы въ названіи сваст, какъ Лужичане въ свака; не усилили а въ ѣ, что, кромѣ русскаго нарѣчія, произошло въ чешскомъ и польскомъ, нѣбющихъ свѣсть, и въ томъ, что Русскіе не стянули оя въ а въ выраженіи своякъ, какъ Сербы въ свак. Замѣна свѣсти посредствомъ своякня едва ли не обязана формѣ своякъ, въ которой виднѣе сохранился коренной смыслъ по нагляднѣйшему сбереженію кореннато мѣстоимѣнія. Само собою понятно, что чешское слово svak точно также не могло удержать однообразія въ значеніи, какъ и сродное ему svěst', — и его употребленіе встрѣчаемъ мы и въ смыслѣ мужа сестры, и въ смыслѣ шурина, деверя и др.

Существительное свать, съ женскимъ родомъ сватья, которыхъ, не задумываясь, относимъ мы также къ корню свой, нѣбють

самое разнообразное значеніе, но съ неизмѣнимымъ у всѣхъ Славянъ ограниченіемъ родства между двумя родами или семьями. На Руси прежде всего сватами называютъ другъ друга отцы мужа и жены, какъ сватьями ихъ матери, за сими сватами величаютъ и тѣхъ, кто при бракѣ заступаетъ мѣсто отца, или кто исправляетъ жениху невѣсту и предлагаетъ невѣстѣ жениха. Поэтому въ Сербіи сватами называютъ всѣхъ, кто отправляется вмѣстѣ съ женихомъ за невѣстою. У Чеховъ свать является столь же неопредѣленнымъ значеніемъ, какъ свакъ, выражая то общее понятіе родственника, хотя непременно при содѣйствіи брака, то брата мужа или жены, т. е. шурина или зятя, подобно послѣднему. Не уступаетъ чешскому разнообразію и употребленіе термина свать въ польскомъ нарѣчій; въ нарѣчійяхъ же хорватскомъ и хорутанскомъ не рѣдко сватомъ обозначается даже женихъ. Въ соотвѣтствіе свату во второмъ его русскомъ значеніи, для женщины употребляется слово сваха, т. е. лице, устраивающее бракъ посредствомъ взаимнаго предложенія жениха и невѣсты. Въ томъ же значеніи живетъ оно и у Чеховъ и Поляковъ. И какъ у Русскихъ стало обозначать это слово не рѣдко женщину, мѣшающуюся не въ свое дѣло, такъ точно я у послѣднихъ находимъ его въ этомъ смыслѣ въ слѣдующихъ стихахъ Шимановича:

Dobry on bardzo człowiek, by go nie psowała
Domowa swacha, ta go właśnie osiodłała (67).

Разнообразію значеній приведенныхъ словъ удивляться мы не будемъ, ежели сообразимъ общность понятія кореннаго мѣстоименія, изъ котораго всѣ они образовались. Само собою понятно, что при этомъ общемъ основномъ понятіи, каждый членъ двухъ семей, связанныхъ между собою въ лицѣ двухъ членовъ бракомъ, есть свой другъ, свойственникъ, свакъ, своякъ, свать, или, въ женскомъ родѣ, свѣсть, свака, сватья, сваха. Но каждый народъ, удержавъ одну форму для общаго понятія, другія обратилъ въ частные термины, сообразно личнымъ своимъ желаніямъ. Отсюда неизбежно должно было появиться то разногласіе въ ихъ значеніи, о какомъ только что говорили мы. Но это же самое разнообразіе, распространившись не только на нарѣчія, но

отношенію ихъ другъ къ другу, а и на каждое отдѣльное нарѣчіе, служить убѣдительнымъ доказательствомъ развитія его изъ одного общаго понятія, выразившагося нѣкогда всѣми этими словами, и лишь съ теченіемъ времени, частью при совмѣстной еще жизни, частью по разъединеніи славянскихъ народовъ, усвоившими частное значеніе.

Относительно внѣшняго разнообразія словъ нами уже высказано замѣчаніе на своемъ мѣстѣ; здѣсь прибавимъ только, что и независимо отъ стяженія оя въ а могли образоваться слова: свакъ, сваха, свать, а изъ послѣдняго сватьство, сватать, именно посредствомъ опущенія й въ мѣстоименіи свой и усиленія о въ а. По крайней мѣрѣ такой способъ образованія можетъ находить подтвержденіе въ формѣ существительнаго свотво, въ смыслѣ свойство, какъ въ слѣд. выраженіи: «сказаніе хытро о човѣствехъ телесныхъ и о душевнѣмъ свотвѣ»⁽⁶⁶⁾. Съ опущеніемъ того же й составилось, вѣроятно, и существительное свобода, соответствующее скр. sváiga, имѣющему въ основаніи также мѣстоименіе sva и означающему буквально—господинъ надъ собою, самъ себѣ господинъ⁽⁶⁷⁾.

Представленными и, по мѣрѣ силъ, разъясненными названіями не ограничивается еще количество терминовъ въ языкѣ славянскомъ для междуродоваго или семейнаго родства. Мы видѣли одну сторону отношеній жены и мужа къ ихъ братьямъ и сестрамъ, выраженныхъ названіями деверь и золовка, шуринъ и свѣсть. Обратное отношеніе послѣднихъ къ первымъ, девери и золовки къ женѣ (брата), шуринъ и свѣсти къ мужу (сестры), произвели выраженія: ятровь и своякъ.

Слово ятровь доселѣ сохраняется въ областномъ русскомъ говорѣ какъ названіе жены брата со стороны золовки и деверя; въ древнее время оно было всеобщее употребительнымъ, что можно замѣтить изъ частой встрѣчи этого слова въ памятникахъ лѣтописныхъ и законодательныхъ: понимаютъ мачехи своя и ятрови; а жену его, свою ятровь, и съ дѣтми везоша въ Рязань; Богу же бывшию послѣшнику, Лестко не помяну вражды, но съ великою честью прія ятровь свою и дѣтятѣ⁽⁷⁰⁾; аще безъ вины сенокорь бьетъ сноху или деверь ятровь⁽⁷¹⁾ — во всѣхъ этихъ случаяхъ значеніе ятрови тоже самое, жены брата. Но какъ брать-

евъ можетъ быть двое и больше и всё они могутъ быть жена-
тыми, то понятно, что жены ихъ, по отношенію ко всѣмъ брать-
ямъ мужей своихъ, т. е. къ деверьямъ, должны быть тоже ятро-
вьями. Отсюда естественъ переходъ термина ятровь отъ жены
брата къ опредѣленію взаимныхъ отношеній всѣхъ женъ брать-
евъ: здѣсь, полагаемъ, причина, почему ятровьями стали называть
другъ друга жены двухъ и болѣе братьевъ. Въ такомъ значеніи
живетъ это слово у Сербовъ и Хорватовъ, какъ видно и въ слѣд.
пословицѣ: *bile se jetervice* (жены братьевъ) *preko svekervice* (72).
Въ настоящее время терминъ этотъ въ языкѣ русскомъ все
больше и больше выходитъ изъ употребленія, даже въ быту про-
стаго народа. У Великоруссовъ не слыхать его почти нигдѣ, у
Малоруссовъ ятровка произносится кое-гдѣ, но какъ воспоми-
наніе о какомъ то старомъ родствѣ; у Бѣлоруссовъ ятровка жи-
ветъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ не разъ попадаетъ въ пѣс-
няхъ народныхъ (73). Нельзя не думать, что скоро придетъ вре-
мя, когда и это выраженіе также забудется всюду, какъ забыто
оно Чехами, употреблявшими нѣкогда и его, сколько можно су-
дить по словарю Вацерада, въ которомъ объясненіе его вполне
сходится съ значеніемъ русскимъ и сербо-хорватскимъ: *jatrvе-
nice — janitricēs, duorum fratrum inter se uxores*, или Поляка-
ми, *jątrew* которыхъ попадаетъ довольно обыкновенно еще въ
XVI столѣтіи.

Происхожденіе и основное значеніе слова ятровь или, по
правописанію старо-славянскому, *јатрѣ* (родит. *јатрѣве*) едва-
ли представляютъ особое затрудненіе, если сообразить соответ-
ствующій терминъ въ скр. языкѣ, въ которомъ *јаті* является съ
тѣмъ же значеніемъ и съ тѣмъ же образованіемъ, какъ и въ
славянскомъ языкѣ. Корень слова, очевидно, есть *јат*, равный
въ ст.-слав. *им*, въ *имж*, и *ја*, въ *лати*, съ разнообразными зна-
ченіями, между которыми занимаютъ видное мѣсто и управлять,
укрощать, поддерживать. Послѣдняя часть слова состоитъ
изъ того же суффикса *ті* (*тар*), на который не разъ приходилось
указывать намъ и въ другихъ терминахъ родства, какъ на выра-
жающій собою дѣйствующія лица. Долгота звука *ја* обязана все-
го вѣроятіе выпуску носоваго *m* (см. *јаті*) (74); въ славян-
скомъ языкѣ послѣдній не погибъ, какъ видно изъ ст.-слав. формы

латры и польской *jątręw*. Мы не имѣемъ ничего противъ положенія *Поктэ*, видящаго въ выраженіи *jątr*, съ господствующимъ значеніемъ жены мужа брата (*mariti fratris uxor*), идею о помощницѣ, соучастницѣ въ трудѣ, какою естественно должна казаться жена втораго брата, по отношенію къ женѣ перваго. Съ этимъ вмѣстѣ вполне соглашаемся и съ тождественностью происхожденія латин. термина *janitrix*, во множ. *janitricēs*, какъ выражали взаимныя свои отношенія у древнихъ Римлянъ жены двухъ братьевъ⁽⁷⁶⁾. Понятно, что ятровь относительно родителей ея мужа есть сноха; отсюда легко образовалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великой Россіи и выраженіе сношеница, смѣнившее собою старинное ятровь: сношеницами въ Владимірской, напр., губерніи называются жены братьевъ, т. е. ятрови⁽⁷⁶⁾.

Соотвѣтствующій терминъ ятрови для мужескаго пола есть своякъ. Происхожденіе этого слова, а съ нимъ и коренное значеніе нами разсмотрѣно. Видѣли мы и то, что своякъ есть только особая русская форма употребительнаго у другихъ Славянъ существительнаго *свакъ*; упомянули, между прочимъ, и о томъ, что прежде всего своякъ или *свакъ* означаетъ вообще своего, свойственника, потомъ, въ частномъ смыслѣ, мужа сестры. Отсюда понятенъ переходъ къ тому значенію, какое исключительно соединено съ словомъ *сваякъ* въ нарѣчій русскомъ и какое, на ряду съ значеніемъ мужа сестры, извѣстно и другимъ Славянамъ, какъ Сербамъ и Хорватамъ, именно—взаимное обозначеніе двухъ лицъ, женатыхъ на родныхъ сестрахъ. Какъ ятровь отъ первоначальнаго понятія жены мужа брата (= деверя), при нѣсколькихъ женатыхъ братьяхъ, перешло къ взаимному названію женъ послѣднихъ, такъ точно и своякъ или *свакъ* отъ понятія мужа сестры, при нѣсколькихъ замужнихъ сестрахъ, сдѣлался взаимнымъ терминомъ для мужей послѣднихъ.

Здѣсь уместно отмѣтить и синонимическое выраженіе для свояка, господствующее у югославянскихъ народовъ: Сербовъ, Хорватовъ и Хоруганъ; это — *пашанац*, *пашеног* и въ сокращенномъ видѣ *паш*. Къ сожалѣнію, мы находимъ себя вѣдъ возможности дать какое либо удовлетворительное объясненіе происхожденія этого термина и первобытнаго кореннаго его значенія.

Понятно, что отсутствіе подобнаго названія у родственныхъ народовъ составляетъ главное препятствіе; за то, въ свою очередь, отсутствіе это служить и убѣдительнымъ доказательствомъ позднѣйшаго происхожденія самого названія, обязаннаго, вѣроятно, единственно народамъ югославянскимъ (77).

Этимъ мы можемъ и заключить исчисленіе и объясненіе терминовъ родства и свойства, извѣстныхъ и общеупотребительныхъ въ мирѣ славянскомъ. Не рѣшаемся утверждать, чтобы ихъ не было больше; напротивъ, скорѣе склоняемся въ пользу того, что среди многочисленнаго нашего племени живетъ не одинъ еще пяттокъ подобныхъ терминовъ, не станемъ отрицать и того, что въ ряду послѣднихъ, быть можетъ, не одно выраженіе восходитъ своимъ образованіемъ къ глубокой старинѣ совмѣстной жизни народовъ индоевропейскихъ и своимъ кореннымъ значеніемъ способно освѣтить не одну ея сторону, сокрытную исторіей; но такія названія или возвращаются въ узкой мѣстности, оставаясь доселѣ не тронутыми ни древнѣйшею, ни новѣйшею письменностью Славянъ, или и попались случайно въ послѣднюю, но не были нами замѣчены. Въ замѣнъ такихъ, невольно опущенныхъ нами названій, взглянемъ; хотя бѣгло, на тѣ выраженія, которыми опредѣлялъ народъ славянской членовъ, связующихъ отдѣльные роды, стоящихъ какъ бы на рубежѣ между родствомъ и свойствомъ и, своимъ соединеніемъ, производящихъ взаимность между тѣмъ и другимъ. Чѣмъ розобщеннѣе между собою рисуются роды въ древнѣйшей жизни, тѣмъ знаменательнѣе, конечно, долженъ былъ представляться и актъ ихъ объединенія, а черезъ то и важнѣе для изслѣдователя терминологія, опредѣляющая возрѣніе глубокой старины какъ на самый актъ, такъ и на лицъ, занимающихъ въ немъ главное мѣсто.

Актъ самаго соединенія двухъ родовъ или семей выражается въ современныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ весьма различными терминами. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ исключительно однимъ и вовсе неизвѣстны въ другихъ; тѣмъ не менѣе, почти всѣ они заслуживаютъ вниманіе изслѣдователя и способны, хотя и въ видѣ намековъ, бросить новый свѣтъ на отдаленнѣйшую эпоху. Въ ст. славянскомъ нарѣчій общеупотребительнѣйшее выраженіе для этого акта было бракъ; оно же существуетъ и у русскихъ

Славянь, преимущественно на сѣверѣ. Коренной смыслъ этого слова слишкомъ простъ и не выражаетъ собой ничего больше, кромѣ взятія, потому что едва ли можетъ быть сомнѣніе въ происхожденіи его отъ корня бра-бер, въ скр. *bhar-bhr*. Чѣмъ проще и незатѣйливѣе идея событія, обставленнаго съ давнихъ временъ самыми сложными обрядами, тѣмъ естественнѣе, думаемъ, предположить глубокую ея древность, когда послѣдніе не успѣли еще укорениться въ жизни и сдѣлаться необходимѣйшимъ условіемъ брака. Подобная идея не стоитъ уединенно въ славянскомъ языкѣ; она же очевидна и въ скр. выраженіи *vid*, совершать бракъ, жениться или выходить замужъ, собственно-же: приобрѣтать, получать. Отсюда, *vëttar*, женихъ, собственно приобрѣтающій, берущій. Этотъ корень замѣтенъ и въ греч. языкѣ, въ выраженіи, относящемся также къ браку, именно въ словѣ *ἔδωον*, вмѣсто *ἑδωον*, съ значеніемъ подарка невѣстѣ отъ жениха. Сюда же позволяемъ себѣ отнести и слав. вѣно, съ тѣмъ же самымъ, какъ извѣстно, значеніемъ, гдѣ ѣ служитъ поднятіемъ кореннаго и, какъ въ скр. *vëttar*, а д опущено передъ и, по весьма обычному правилу языка славянскаго ⁽⁷⁶⁾. Оправданіемъ нашего мнѣнія могутъ служить и древне германскія выраженія: *weotoma*, *weotuma*, *witma*, *witte mon*, придаюе, указывающія собою на тотъ же корень *vid*, посредствомъ германскаго *wit* ⁽⁷⁷⁾.

Словомъ бракъ и ограничиваются всѣ славянскіе торжины съ понятіемъ простымъ, общимъ и неопредѣленнымъ; рядъ другихъ выраженій вводитъ уже замѣтно какой либо частный отгѣнокъ, относящійся преимущественно къ способу брака. Такъ, чешское *snátek*, происхожденіемъ своимъ отъ *sníti*, сходиться, откуда и *znět*, сходка, собраніе, невольно напоминаетъ слѣдующее замѣчаніе Нестора о древнѣйшемъ бракѣ у Славянь, такъ прозрачно рисующее первобытнѣйшій на него взглядъ народа: «схожухуся на игрища... и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся». Идея схождения, простаго физическаго соединенія, какъ первобытнѣйшій способъ брака, даетъ себя чувствовать и въ греческ. терминѣ *γάμος*, бракъ (слѣдовательно тоже что чешское *snátek*), имѣющимъ въ основѣ своей корень *gam*, съ значеніемъ идти, подходить, а потомъ соединяться съ женщиной.

Но по мѣрѣ того, какъ жизнь возвышалась нравственно и отбрасывала обычаи звѣринскіе при бракѣ, обставляя послѣдній все большею человѣчностью и болѣе чистою обрядностью, и новые термины для брака заимствовались уже отъ новыхъ обычаевъ. Къ нимъ слѣдуетъ отнести ст. слав. обрѣченіе, въ смыслѣ испрашиванья невѣсты, откуда обрѣчѣникъ, женихъ, и обрѣчѣница, невѣста. Корень этого сложнаго выраженія, конечно, есть рука, свидѣтельствующій объ установившемся уже обычаѣ передавать руку невѣсты жениху въ знакъ брака. Обычай этотъ восходитъ къ отдаленной старинѣ и принадлежитъ началомъ своимъ, безъ сомнѣнія, нераздѣльной еще жизни цѣлаго арійскаго племени. Санскритскія выраженія для брака: *kaḡa-gaḡa*, *rāḡigraḡa* означаютъ собственно взятіе руки; нѣтъ надобности и распространяться о томъ, какое значеніе имѣетъ рука и донинѣ въ брачныхъ обрядахъ во всей Европѣ. У Индійцевъ строго опредѣлялось и лице, которое обязано было передавать руку невѣсты жениху, въ случаѣ отсутствія отца⁽⁸⁰⁾. Польское *gody*, въ смыслѣ брака, являющееся въ чешскомъ уже съ опредѣлительнымъ прилагательнымъ *svatebni hody*, въ томъ же значеніи брака, сватѣбы, переноситъ насъ снова въ глубокую древность и къ обрядности, свидѣтельствующей о пастушескомъ бытѣ народа. Вполнѣ основательно, думаемъ мы, сопоставляетъ славянское выраженіе Пиктѣ съ скр. *gōdāna*, обозначающимъ приданое невѣсты, выдававшееся вмѣстѣ съ послѣднею съ извѣстными обрядами и состоявшее первоначально изъ коровъ (*gō*); отсюда эпитетъ Индра *gōda* или *gōdatra*, т. е. доящій коровъ. Въ древне-германскомъ *faderfio*, въ англо-саксонскомъ *faederhering feoh*, собственно скотъ отца, потому же самому стали обозначать приданое, выдававшееся отцемъ дочери при ея заму-жествѣ⁽⁸¹⁾. Распространеннѣе, однакоже, всѣхъ этихъ терминовъ извѣстны у Славянъ выраженія веселье и свадьба. Остановившись на нихъ излишне, такъ какъ значеніе перваго вполнѣ ясно, а происхожденіе втораго разсмотрѣно нами выше. Замѣтимъ только одно, что въ обозначеніи соединенія двухъ родовъ весельемъ нельзя отрицать идеи радости въ слѣдствіе прекращенія непріязненности, враждебности прежде чужихъ родовъ, чѣмъ объясняетъ г. Миллеръ и нѣкоторые термины свойствен-

наго родства⁽⁸²⁾. Дѣйствительность такой враждебности, по крайней мѣрѣ отчужденности проникаетъ насквозь и доселѣ свадебныя пѣсни Славянъ, изображающія съ одной стороны жениха чужбинникомъ, чужимъ человекомъ, даже черной тучей, съ другой — представляя опасенія за будущую жизнь молодой въ чужой семьѣ. Враждебностью, конечно, можно только объяснять и обычай умычки, увода невѣсты. Радость, такъ образомъ, отъ переменъ отношеній, отъ умноженія силы связью съ новымъ родомъ понятна; и если веселье, веселье теперь скорѣе говорятъ въ пользу разгульнаго пиршества во время свадьбы, то само послѣднее первоначально могло быть естественнымъ послѣдствіемъ союза семей⁽⁸³⁾.

Главныя дѣйствующія лица въ актѣ брака, очевидно, суть невѣста и женихъ. Понятія, соединяемая съ этими названіями въ настоящее время у Славянъ, едва ли мыслимы и а priori для древнѣйшей поры, когда получили выражающія ихъ реченія свое образованіе. Взглядъ на ихъ происхожденіе и сопоставленіе ихъ съ синонимическими терминами убѣждаетъ въ этомъ еще больше.

Словомъ невѣста опредѣляемъ мы то состояніе дѣвицы, въ какомъ находится она отъ помолвки до вѣнца. Не такое состояніе не согласно съ эпохою, когда бракъ былъ дѣломъ случайнымъ, зависѣвшимъ отъ минутнаго распоряженія, когда не существовало ни обычая предварительнаго ознакомленія, ни сложной обрядности, обставившей бракъ въ позднѣйшее время. А между тѣмъ, далеко не въ первобытную пору бракъ рисуется простымъ сжогденіемъ молодыхъ людей обоего пола, умычкой дѣвицы во время игрищъ или при другомъ случайномъ свиданіи. Кромѣ свидѣтельства Нестора, о томъ же говоритъ и обычай сербскаго отмичарства, на то же указываетъ и арабское сказаніе, въ силу котораго покрытіе женихомъ головы невѣсты, какъ бы случайно и мимоходомъ ни произошло оно, было достаточнымъ символомъ брака⁽⁸⁴⁾. При такихъ условіяхъ, дѣвица прямо становилась женою и слово невѣста могло выражать развѣ первый моментъ брачной жизни, по уже ни въ какомъ случаѣ то, что понимается подъ нимъ теперь. Тоже подтверждаетъ и коренное происхожденіе его. Обыкновенно сопоставляютъ славянское выраженіе невѣста съ скр. глаголомъ *viç*, входитъ, вступать, въ сложной формѣ

pivisъ, жениться, *ixogesh dusege*. Основное, слѣдовательно, значеніе невѣсты есть вошедшая (въ чужой домъ?) или введенная; другими словами, невѣста есть молодая жена, только что вступившая въ бракъ. Это видимъ мы и въ скр. терминѣ для невѣсты *pavavagikā*, собственно молодая жена; вѣроятно, не безъ родства съ этимъ терминомъ и латинское слово *puerica*. Первобытное значеніе невѣсты не вполне утратилось и до нынѣ у Славянъ, сколько видно изъ названія невѣсткой жены сына, со стороны родителей ея мужа. Съ этимъ значеніемъ живетъ слово невѣстка въ той части русскаго народа, которая не употребляетъ уже частныхъ названій; не рѣдко приходится слышать, какъ невѣсткой зовутъ молодую жену въ семьѣ не только свекоръ съ свекровью, но и деверья и золовки. Въ польскомъ нарѣчій такое понятіе о невѣсткѣ встрѣчаемъ уже въ 16-мъ столѣтіи⁽⁸⁵⁾. Лишь съ перемѣною условій брака, съ измѣнившимися обыкновеніями въ немъ, народъ сталъ соединять съ словомъ невѣста идею, какая утвердилась за нимъ въ настоящее время, и какой рѣшительно не видно въ корнѣ слова.

Точно также и соответствующее невѣстѣ выраженіе — женихъ указываетъ собою на лице уже соединенное съ женою и вовсе не опредѣляетъ того положенія молодаго человѣка, какое принадлежитъ жениху въ современномъ быту. И какъ отъ невѣста произошло старо-славянское названіе невѣстникъ, какъ синонимъ жениха, такъ отъ послѣдняго, въ нарѣчій малорусскомъ, образовалось синонимическое невѣстѣ — женышина, уже простымъ отношеніемъ къ слову жена отрицающее въ древности въ невѣстѣ идею дѣвчества. Что невѣста въ начальной жизни народа соответствовала понятію жены, кромѣ кореннаго значенія и приведенныхъ сближеній и сравненій, видно и изъ соответствующаго выраженія *pinka*, употреблявшагося Славянами древанскими вмѣсто невѣста, что ясно изъ уцѣлѣвшей отъ нихъ пѣсни, изображающей свадьбу животныхъ: *kati mez pinka bejt? Telka mez pinka bejt* (-кто будетъ невѣстой? Телка будетъ невѣстой). А мы знаемъ уже, что словами *нѣня*, *нянька*, *нѣнька* Славяне обозначали, отчасти обозначаютъ и теперь, мать и того, кто заступаетъ ея мѣсто, во всякомъ случаѣ уже женщину; слѣдовательно, въ древанскомъ выраженіи *pinka* уже заключена идея

жены, какъ существа рождающаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и матери. Подобное же явленіе, однаково свидѣтельствующее о первоначальной быстротѣ брака, при отсутствіи того переходнаго состоянія дѣвicy, въ какомъ находится она невѣстою въ наше время, замѣтно и въ названіи зять. И это слово, въ уменьшительной формѣ *zantik* (=затикъ), употреблялось у тѣхъ же Древанъ въ смыслѣ жениха, хотя происхождение его прямо говоритъ объ обозначаемомъ имъ лицѣ, какъ о человѣкѣ женатомъ: *katı mes zantik bejt? strezik* (стрижь) *mes zantik bejt*, — читаемъ въ той же пѣсни. Не необыкновенна замѣна жениха зетомъ, ѣдущимъ за своею невѣстою, и въ пѣсняхъ южныхъ Сербовъ.

Точность родоваго быта, отразившаяся въ такомъ множествѣ родственныхъ названій, съ неменьшею строгостью обнаружилась и въ опредѣленіи особаго вида родственности, который не подходитъ прямо ни къ родству, ни къ свойству. Я разумѣю при этомъ слова, обозначающія отношенія дѣтей матери къ ея мужу и дѣтей отца къ женѣ, и обратно. Слова эти отчимъ и мачиха съ одной стороны, пасынокъ и падчерица — съ другой. Происхождение ихъ и коренный смыслъ не требуютъ остановки, такъ какъ всѣ они очень ясно указываютъ на простыя слова: отецъ, мать, сынъ и дочь, изъ которыхъ образовались посредствомъ приставокъ и окончаній и которыя нами разсмотрены на своемъ мѣстѣ. Въ такой формѣ застаемъ мы ихъ съ первой поры письменности славянской, сколько можно судить по древнѣйшимъ памятникамъ церковно-славянскимъ; въ этомъ же видѣ встрѣчаемъ мы ихъ и въ древней русской лѣтописи⁽⁸⁶⁾. О томъ, какими словами и съ какимъ кореннымъ значеніемъ замѣнены пасынокъ и падчерица у другихъ Славянъ, сказано выше. Изъ всѣхъ приведенныхъ выраженій, сколько мнѣ извѣстно, одно слово мачиха встрѣчается въ другой формѣ, именно матерша, какъ въ слѣд. мѣстѣ кормчей книги: о совокупляющихся съ двома братами, ли съ сестрами своими, ли съ матершами⁽⁸⁷⁾. Это различіе касается, впрочемъ, единственно приставки, ни мало не измѣняя характера значенія. Окончаніе *ша*, которое одно, въ настоящемъ случаѣ, могло бы придавать особый отгѣнокъ значенію, — такъ какъ звукъ *p*, удержанный въ матерша, погибъ въ мачиха потому, что послѣднее образовано не изъ темы матер, а уже изъ формы

именит. падежа мати, — тождественно окончанію ха, что старались доказать мы, по поводу образованія существительнаго сноха. Оба окончанія, въ словахъ личныхъ женскаго рода, одинаково опредѣляютъ принадлежность. Въ древне-русскомъ языкѣ находимъ и названіе сына мачихи мачешичемъ, какъ въ лѣтописи шпательской: Володимировичъ же и Володимиръ мачешичъ, не успѣвша ему ничтоже, воротилшася опять⁽⁸⁹⁾.

Совокупность всѣхъ членовъ родства и свойства, отмѣченныхъ столь подробно, до мелкихъ оттѣнковъ, въ отношеніяхъ особыми выраженіями, обнималась общими терминами въ языкѣ славянскомъ: ближикъ и ужика. Если первое указываетъ собою на близость жизни, подобно греч. *πλήσιος*, то второе свидѣтельствуеетъ прямо объ общей связи всѣхъ родственныхъ членовъ, происходя, очевидно, отъ уже, веревка, связь, и будучи родственно съ словомъ узы (=старослав. жза), откуда узель. Таже идея связи заключена и въ скр. выраженіи *bandhu*, съ одинаковымъ общимъ значеніемъ родственника, отъ глагольнаго корня *bandh*, связывать. Къ тому же понятію сводится и серб. *врвник*, несомнѣнно одного происхожденія съ *врвь*, *вервь*, *веревка*⁽⁹⁰⁾, и означающее также родственника, слѣдовательно, предполагающее въ основѣ связь, узы, соединяющіе всѣхъ членовъ рода въ одну цѣлую единицу. Отсюда, вполне логично и необходимо заключеніе объ образованіи древне-русской *верви*, въ смыслѣ союза, общины, изъ первобытнаго рода, представлявшаго собою отдѣльное недѣлимое, жившее особо отъ другихъ подобныхъ недѣлимыхъ и которое, въ силу размноженія своего и потери сознанія о первоначальной родственности, претворилось въ быту государственномъ въ особую административную единицу, выбиравшую себѣ представителя, въ качествѣ старшины, старосты, князя, подобно тому, какъ родъ избиралъ со смертію родоначальника главу изъ старѣйшихъ или способнѣйшихъ членовъ. И какъ на Руси *вервь*, община, округъ продолжало долго напоминать своимъ устройствомъ и круговымъ обязательствомъ передъ закономъ о своемъ развитіи изъ семьи и рода, такъ и *okolina* чешская, являющаяся съ тѣмъ же характеромъ, даетъ себя чувствовать въ законодательствѣ чешскомъ еще въ XV—XVI вѣкахъ; даже польское ополье, не смотря на раннее укорененіе

чуждыхъ началъ въ жизни государственной, предлагаетъ достаточно ясныя слѣды своего существованія въ XIV столѣтїи⁽⁸⁰⁾. Термины околина и ополье для насъ важны въ томъ отношенїи, что тожествомъ устройства своего съ древне-русскою вервью, убѣждаютъ въ совокупности рода и въ самомъ географическомъ размѣщенїи и тѣмъ окончательно рѣшаютъ дѣло объ образованїи общинъ и цѣлыхъ округовъ изъ одной первоначально семьи.

Оканчивая подборъ и объясненїе терминовъ родства и свойства въ языкѣ славянскомъ, считаемъ не лишнимъ высказать и нѣкоторыя мысли, возникавшія въ насъ во время труда. Не предлагаемъ ихъ въ качествѣ неоспоримыхъ выводовъ, а какъ положенїя, способныя дать толчокъ болѣе свѣдущимъ къ дальнѣйшимъ соображенїямъ и обстоятельнѣйшимъ заключенїямъ. Положенїя эти относятся частью къ исторической и позднѣйшей жизни Славянъ, частью къ нѣкоторымъ указанїямъ на устройство ихъ древнѣйшаго, доисторическаго быта.

Въ первомъ случаѣ, не можетъ не остановить вниманїя каждаго изслѣдователя неравномѣрное распредѣленїе по отдѣльнымъ поколѣнїямъ славянскимъ названїямъ кровнаго и свойственнаго родства, какъ, въ свою очередь, нельзя не подмѣтить и вообще паденїя и исчезновенїя н-тѣхъ и другихъ всюду, по мѣрѣ приближенїя къ новѣйшему времени. Послѣднїй фактъ, впрочемъ, слишкомъ понятенъ и не требуетъ особеннаго углубленїя: чѣмъ сильнѣе проникаютъ въ народъ начала новой жизни, неразлучной съ общительностью, враждебною патриархально-родовой замкнутости, тѣмъ, естественно, необходимѣе ослабленїе широкихъ узъ родства и ограниченїе ихъ лишь тѣснымъ кругомъ ближайшихъ родичей, а съ этимъ и неизбѣжнѣ забвенїе стараго обилїя названїй, потерявшихъ уже практическую силу. Лучшимъ, хотя и въ обратномъ смыслѣ, доказательствомъ могутъ служить тѣ поколѣнїя славянскія, которыя продолжаютъ жить на прежнемъ положенїи патриархальности, какъ большая часть юго-Славянъ: Сербовъ, Болгаръ и Хорватовъ. У нихъ, по преимуществу, живетъ почти ненарушимо и весь обильный словарь родственныхъ терминовъ. Между тѣмъ у другихъ славянскихъ народовъ, не исклю-

чая и русскаго, недосчитывается уже большая ихъ часть, въ слѣдствіе замѣны нѣсколькихъ частныхъ названій однимъ общимъ. При этомъ одни поколѣнія обратили забывчивость свою преимущественно на родство свойственное, другія на кровное. Уже это одно служитъ ручательствомъ неодинаковаго ихъ взгляда на то и другое родство.

Такъ у Славянъ западныхъ, особенно у Поляковъ, потеря отразилась преимущественно на названіяхъ свойства. И у Чеховъ и у Поляковъ не слышны уже болѣе ни шуринъ, ни деверь, ни своякъ, вмѣсто которыхъ употребляется одно выраженіе, при томъ не славянскаго происхожденія, швагеръ; подобнымъ же образомъ женскій родъ — швагрова замѣняетъ у нихъ золовку, свѣсть и ятровь. Напротивъ, русскій народъ съ гораздо большею выдержанностью сберегъ донинѣ свойственные термины. Въ то время какъ большая половина названій родства погибла и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, выраженія для свойства, за немногими исключеніями, живутъ на всемъ пространствѣ русскаго простонародья. Конечно, принимая въ соображеніе постепенность забвенія ихъ въ мѣстахъ открытыхъ, гдѣ сильнѣе дѣйствуетъ если не общественность, то общежительность съ неразлучнымъ вредомъ для патріархальной неподвижности, можно съ вѣроятностью предполагать, что и эта полнота близка къ тому же разрушенію, какое замѣтно въ образованномъ классѣ народа. Вѣроятность скорой утраты и терминовъ свойства подкрѣпляется аналогіей съ совершившимися уже потерями въ названіяхъ родственныхъ. И тутъ точно также начало потерямъ положено было передовою частью народа, сколько можно судить по неупотребленію ихъ въ письменности XVI и послѣдующихъ вѣковъ и по сохраненію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ простомъ народѣ, при забвеніи, по крайней мѣрѣ при рѣшительномъ неупотребленіи образованными людьми: послѣдніе, дѣйствительно, изгнали изъ своего словаря и ятровь, и свѣсть, и шуринъ и своякъ, даже деверь, зять, свекоръ съ свекровью и тесть съ тещею являются какою то рѣдкостью, анахронизмомъ. Когда бы, впрочемъ, ни исчезли термины свойства въ русскомъ простонародѣ, но то остается для насъ несомнѣннымъ, что свойственное родство удерживается въ немъ гораздо крѣпче, что не можетъ не вести къ

заключенію о предпочтеніи его въ понятіяхъ народа передъ кровнымъ родствомъ. Обратное явленіе встрѣчаемъ у Славянъ западныхъ, чешскихъ и польскихъ. Тогда какъ у Русскихъ уцѣлѣли особыя термины послѣдняго лишь для самыхъ ближайшихъ степеней, для дочери, сына, внука, бабы, тетки, дяди, дѣда и племянника, сохраняясь для свойства почти въ первобытной полнотѣ; у Чеховъ и Поляковъ послѣдніе существуютъ въ трехъ — четырехъ названіяхъ, и то скорѣе въ видѣ провинціализмовъ; термины-же кровнаго родства опредѣляютъ донинѣ и стрыйную и уйную степени, въ восходящей и нисходящей линіяхъ. Мы замѣтили, что видовыя названія уй и стрый, съ женскими родами, сестричь, братаньчъ и сыновець, сестрична и сыновица употребляются въ Чехіи и Польшѣ и теперь, не оставивъ отъ себя и слѣда въ самой отдаленной глуши русскаго простонародья.

Обьяснить такую противоположность востока съ западомъ въ мірѣ славянскомъ, конечно, не легко. Но рѣшаемся думать, что не вполне лишены основанія и слѣдующія соображенія. Предпочтенію или укрѣпленію свойства въ понятіяхъ народа на востокѣ едва ли не во многомъ способствовало христіанство. Оно поставило бракъ на степень высокаго таинства и придало столь важное значеніе производимому посредствомъ него родству. Духовенство, какъ извѣстно, неоднократно и съ особенною силою ставило этотъ предметъ цѣлью своихъ нравственныхъ поученій, постоянно стараясь искоренить взглядъ на него язычества. Самыя постановленія церковныя не могли не вести народъ къ тому же высокому мнѣнію о брачныхъ узахъ, съ положительною опредѣленностью исчисляя отдаленныя степени свойства, при которыхъ запрещался бракъ. Христіанство въ этомъ отношеніи скрѣпляло свойство и задерживало его отъ тѣхъ послѣдствій естественнаго развитія общества, какія не замедлили проявиться въ родѣ. Послѣдній, въ силу такого развитія, все больше и больше суживался и изъ нераздѣльной совокупности нѣсколькихъ семей переходилъ въ одну семью. При этомъ, понятно, оказались излишними и многія названія, обязанныя прежней совмѣстной жизни. Для народа казалось уже достаточнымъ ограничиться одними общими терминами, вмѣсто частныхъ, видовыхъ, господствовавшихъ въ періодъ крѣпости родоваго быта. Въ слѣдствіе этого дядя замѣ-

нилъ уя и стрыя тетка, уйку и стрыню, племянникъ — сестричича и братанича, племянница — сестричичу и братану. Не станемъ отрицать, что и на западѣ славянскомъ церковь также заботилась о возвышеніи брака и объ искорененіи во взглядѣ на него языческихъ понятій; но тамъ давно уже предѣлы свойства, въ которыхъ могъ состояться брачный союзъ, свелись въ тѣсныя рамки, ограничившись лишь ближайшими степенями. Это одно не могло не произвести особыхъ послѣдствій. Но гораздо важнѣйшее, по нашему мнѣнію, имѣло вліяніе на паденіе, съ одной стороны, свойственныхъ названій и на упроченіе, съ другой, кровнаго родства у западныхъ Славянъ, раннее выдѣленіе сословій и особое положеніе дворянскихъ родовъ. По мѣрѣ того, какъ простой народъ терялъ больше и больше свою независимость и переходилъ изъ положенія свободныхъ землевладѣльцевъ въ сословіе простыхъ работниковъ, правильнѣе рабовъ, всецѣло подчиненныхъ волѣ или произволу дворянъ землевладѣльцевъ, что окончательно утвердилось, напр., въ Польшѣ въ первыхъ годахъ XVI вѣка, дворянство употребляло всѣ средства, чтобы связать какъ можно прочнѣе свои роды и тѣмъ упрочить за собою большую политическую силу. Эта связь, выражаясь видимымъ образомъ въ одномъ гербѣ для всѣхъ членовъ одного рода, изъ сколькихъ бы отдѣльныхъ семей ни состоялъ онъ, скрѣплялась и законодательными постановленіями о неотторженности отъ него недвижимаго имущества. Заботливость объ исключительной принадлежности такого имущества данному роду произвела полное отчужденіе отъ наслѣдства въ немъ лицъ женскаго пола, не исключая и дочерей, даже и въ томъ случаѣ, когда не было ближайшихъ наслѣдниковъ братьевъ, сыновей, племянниковъ, внуковъ. Какъ бы ни была далека степень родства, но каждый родичъ пользовался преимущественнымъ правомъ на наслѣдство передъ дочерью, не теряя этого права даже и тогда, когда недвижимое имущество было продаваемо самимъ владѣльцемъ; ему стоило только внести уплаченную за имѣніе сумму, чтобы возвратитъ его снова въ прежній родъ. Ничего подобнаго, кажется, не было на востокѣ. Этотъ порядокъ съ совмѣстною, большею частью на одномъ кускѣ земли, жизнью всѣхъ семей одного дворянскаго рода, дошедшихъ числомъ до нѣсколькихъ десятковъ еще въ XVI и XVII

столѣтіяхъ, при полномъ сознаніи своего единства, не могъ не содѣйствовать продолжительному отличенію степеней родства, сохранившему въ памяти и самыя термины родственныя. Такъ думаемъ мы о причинѣ столь замѣчательной противоположности, въ этомъ отношеніи, между восточными и западными Славянами, не скрывая своего желанія встрѣтить болѣе положительное и подробное ея объясненіе.

Взглядъ на родственныя названія способенъ вести къ заключеніямъ и о доисторической жизни и не только однихъ Славянъ, но всего племени арійскаго. Такъ, самое бѣглое вниманіе къ количеству названій, отличающихъ столь строго и точно мелкіе отѣнки родственности, не можетъ не убѣдить въ глубочайшей древности развитія брачной жизни и въ преимущественномъ господствѣ одноженства. Полигамія никогда не въ состояніи породить такой прочности семейныхъ отношеній и столь широкаго сознанія родовыхъ связей до отдаленнѣйшихъ степеней: а мы видѣли, что наибольшая часть терминовъ отличается общностью происхожденія у всѣхъ народовъ индоевропейскихъ, и слѣдовательно возникла въ нераздѣльной еще ихъ жизни. Подобное же положеніе брака и семьи или рода указываетъ убѣдительно на высокую относительно ступень образованія этихъ народовъ еще за долго до самостоятельнаго появленія каждаго изъ нихъ въ исторической жизни. Разборъ кореннаго значенія нѣкоторыхъ выраженій, дѣйствительно, возводитъ такое положеніе брака до быта пастушескаго, какъ это видно изъ рассмотрѣнныхъ терминовъ для самаго понятія брака. Тѣже выраженія рисуютъ намъ и послѣдовательное развитіе и очищеніе его отъ простаго захвата дѣвicy къ сложной обстановкѣ разнообразными, часто поэтическими обрядами. Цѣлые вѣка, безъ сомнѣнія, проходили прежде, чѣмъ одинъ способъ брачныхъ соединеній успѣвалъ смѣняться другимъ. Исконной чистотѣ взгляда на бракъ, конечно, слѣдуетъ приписать и расширеніе семьи въ родъ, связывавшій тѣсными узами любви и дружбы всѣхъ разнообразныхъ его членовъ; о такомъ характерѣ связи говоритъ коренное понятіе родственныхъ названій. Въ этомъ же свойствѣ рода должно искать основанія тому, что онъ послужилъ образцемъ первоначальнаго общественнаго устройства цѣлаго народа славянскаго. Образование русской верви, чеш-

скою околинны, польскаго ополья, бывшихъ зародышами позднѣйшаго государства, обязано единственно размноженію рода: тѣ же патриархальныя начала любви и почтенія къ старшимъ, какія руководили управленіемъ послѣдняго, перешли всецѣло и на верви, околинны, ополья; и они точно также представляли самостоятельныя единицы относительно другъ друга, какими жили роды, пока соединеніемъ подъ властью одного правителя, князя, не образовали самостоятельной государственной единицы, не утративъ, однакоже, на первое время, своего внутренняго самоуправленія. Выраженія околина и ополье предлагаютъ, съ другой стороны, новое доказательство той непреложной для безпристрастнаго ума истины, что народы славянскіе за долго до слиянія отдѣльныхъ поколѣній въ государства были вполне осѣдлыми воздѣльвателями своихъ полей, распределенныхъ первоначально по родамъ, разросшимся съ теченіемъ времени въ округи или общины, т. е. въ верви, околинны, ополья.

Послѣ всего сказаннаго нами, едва ли заслуживаютъ опроверженія натянутыя усилія польскаго историка, Шайнохи, доказать, что значеніе рода у Славянъ обязано только христіанству, что *w pogaństwie nie było dalszych krewnych*, что *cała rodzina pogańska składała się tylko z ojca i synów*, что *pogaństwo nie znało ani rodziny, ani dziedziczności w późniejszym znaczeniu słowa* (91). Такія заключенія свидѣтельствуютъ только о непростительномъ увлеченіи національною новизною, при томъ возникшею не изъ туземныхъ началъ, и о небрежномъ отношеніи къ дѣйствительной наукѣ о старинѣ. У Славянъ языческихъ потому именно и не была, да и быть не могла наследственность въ *родовомъ* смыслѣ, что родъ былъ слишкомъ крѣпокъ и совокупенъ и не допускалъ общаго имущества до раздѣла въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ. А что издавна нѣтъ слѣдовъ такого быта въ польскомъ простонародѣ, то, конечно, г. Шайнохъ извѣстна причина, лишившая такъ давно не—шляхту польскую всякой тѣни не движимаго имущества.

ПРИМѢЧАНІЯ:

къ первому отдѣленію.

- (1) Корнесловъ русскаго языка. Сиб. 1842.
- (2) Formenlehre d. kirch. Slawisch. Sprache. 1852, стр. 111.
- (3) Lexicon Palaeoslov. graeco-latin. Vindobonae, 1862—1865.
- (4) Въ такихъ опредѣленіяхъ, подъ именемъ «всего родства человѣча», приводится семь степеней въ слѣд. порядкѣ: младенецъ до 7 лѣтъ, отроча до 14, дѣтище до 21, юноша до 29, мужъ до 35, срѣдовѣченъ до 42, старецъ до 56; за этииъ идетъ матерство безъ указанія границы. См. Описаніе рукоп. Румянц. Музея. Востокова, Сиб., 1842, стр. 4.
- (5) Glossarium Sanscritum. Berolini, 1847.
- (6) См. примѣч. 4.
- (7) Ипатіев. глѣт., стр. 76, подъ 1154 годомъ; договоръ съ Греками, лаврент. глѣт., стр. 19; Извѣстія 2-го отд. Акад. Н., 1857, 298, Минея Празднич., № XXXIX; Краледвор. рукоп.: Забой, Славой и Людевъ; Slovník česko-němcký, подъ словомъ muž.
- (8) И други рече: сдържъ воловьинихъ коунихъ матъ, остром. Еванг., 107, 6; се, брате, въ соупроуга быховъ, единоу браздоу тажаца, —предсмертныя слова св. Киргилла, обращенныя къ брату, св. Месодину. Šafař. Památky dřevn. písemn. Jihošlovanské, 1851, стр. 5 житія св. Месодин.
- (9) Дополненія къ актамъ историч. 1, № 231, письмо 2-е, тоже и въ письмѣ третьемъ; въ письмѣ шестомъ: семъшика твоя крушка съ дѣтии, много челоиъ бѣю. Въ письмѣ первомъ, гдѣ мать пишетъ сину, помятно, такого выраженія уже не встрѣчаемъ.
- (10) Etymolog. Forschungen, 1, 126, по старому наданію. Съ этииъ соглашается и Боппъ, ставя посредствующю формою между *stri* и *si* существа *sōtri*, изъ котораго образовалось первое. Срв. Lassen, Indisch. Alterth. 1, 813.

(11) См. Miklosich, Lexicon pal. slov. grec. latin и Востокова, Словарь церков. слав. языка, подъ словами веденица, ведовица.

(12) Полн. Собр. Рус. лѣтоп., 1, 34. Между тѣмъ, въ церк. славян. письменности слово водима попадаетъ, какъ доселѣ извѣстно, только въ смыслѣ распутной женщины.

(13) Miklos., Lexicon pal. slov., подъ словомъ хотъ.

(14) Описан. рукоп. Синод. Библиот. 1, 110, 109; также Лексиконъ Миклошича.

(15) Buschmann: über den Naturlaut, въ Abhandlungen (philolog. historische) der königlichen Akademie de Wissenschaften zu Berlin. 1853, 391 — 425.

(16) Срв. Новгород. перв. лѣтоп., стр. 35; Новгород. третью, 240; Лѣтоп. Переяслав., стр. 49, 61, 73, 18.

(17) Bopp. Glossar. Sanscr., стр. 217.

(18) Grimm, Gesch. d. Deutsch. Sprache: die annahme, dass otz' (=otec) ein ursprüngliches potz' (=potec) vertreten, scheint bedenklich, weil auch das charakteristische r des schlusses abgeht und kaum durch z ersetzt wird. стр. 186.

(19) atavus quia atta est avi, id est pater, ut pueri usurpari solent. Срв. Pott. Etymolog. Forsch. 2, 315.

(20) Grimm, Gesch. d. Deutsch. Spr., 189.

(21) Königinhof. Handschrift, 1829, 72.

(22) Grimm, тамъ-же.

(23) Serbische Lesekörner, 1833, 137.

(24) Словарь живаго великорус. языка, Далъ.

(25) Лѣтоп. Ипат., стр. 89, подъ 1161 годомъ.

(26) Забой, Славой и Людекъ.

(27) Животи Краљева и архиепископа Српских. Данцигъ, Загреб. 1866, стр. 211.

(28) Pictet. Les origines Indo-europ., 2, 350.

(29) Срв. Отчеты 2-му Отдѣл. Акад. Н. кандидата Микудеаго, тетрадь 2-я, Сбл., 1855, № 6-й, стр. 5. Понятно, что мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, касательно производства лужицкаго нап (отецъ) отъ напа (мать). Изъ нашего изложенія, надѣемся, ясно, что и то и другое названія одинаково и самостоятельно образованы изъ общаго кореннаго сочетанія на.

(30) Pictet. Тамъ-же, стр. 350.

(31) Тамъ-же, стр. 349. На значеніе рождать въ корнѣ na указывать и Вонпъ. Срв. его Gram. Sanscr., 1845, § 124, прил. Тоже принимать и Миклошичъ: Die Wurzel des Altalovenisch., 1857.

(32) См. статью Malého, Časop. česk. Mus., 1857, 2 svaz, стр. 165.

(33) Pott, Etymol. Forsch., 1, 230.

(34) Срв. Lateinisches f für altes dh, замѣтка Курція въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforsch., 11, 398 — 400.

(35) Значеніе foemina, какъ питающая грудь, die Säugende, подобно скр. dhēnu, a foetus — питаемого, der Säugende, der gesäugt werdende, наравнѣ съ скр. dhētu, срв. у Керна, въ Zeitschr. für vergleich. Sprachforsch. 7, 274.

(36) Ferienschriften, Heinr. Leo, 1847, 1, 7.

(37) Вотъ какъ говоритъ Гриниъ: Die Sprache der Nomaden enthält einen reichthum manigfacher ausdrücke für schwert und waffen und für die viehzucht in jeder lage, welche dem gebildeten zustand hernach lästig oder überflüssig erscheinen: das begatten, trächtig sein, gebären, sterben, schlachten wird fast bei jedem vieh anders und eigens benannt, wie der jäger am verschiedenen wild den gang und einzelne glieder des leibs mit abweichenden wörtern zu bezeichnen pflegt. Dieser in freier luft lebenden hirten ange sieht weiter, ihr ohr hört schärfer, wie sollte nicht überall ihre rede sinnliche anschauung und fülle gewonnen haben? Gesch. der Deutsch. Sprache, 1, 14.

(38) Корнесловъ Шимкевича, 1, 73.

(39) Какъ на богѣе подробное и ясное изложеніе, укажемъ на сочиненіе г. Буслаева, о вліяніи христіанства на славян. языкъ, стр. 161 — 163; Срезневскаго — Мысли объ исторіи рус. языка, стр. 140 — 144.

(40) Въ Archiv für Studien der neueren Sprache und Literatur, Herzig, 9 Bd, 1851 стр. 472.

(41) Ferienschriften, Heinr. Leo, 1, 16.

(42) Срв. Lassen. Indisch. Alterth., 1, 813, прим. 1.

(43) Не беремся рѣшать, на сколько основательна догадка Боппа о родствѣ arbha съ garbha, въ значеніи чрево, животъ. См. его Glossar. Sanscr. подъ словомъ arbha. Впрочемъ, дальше нимоходной догадки Боппа нейдетъ.

(44) Доказывать дѣйствительность такого происхожденія, равно и способъ образованія изъ этого корня формы пасторах у Славянъ южныхъ нахожу излишнимъ послѣ обстоятельнаго обследованія этихъ словъ Шафарикомъ. См. Славян. Древности, въ рус. переводѣ, т. 1, кн. 1, стр. 274 — 299.

(45) Переходъ изъ кти въ шти обязанъ установившемуся съ незапамятныхъ поръ обычаю слав. языка смягчать к въ ш какъ въ этомъ окончаніи, такъ и въ окончаніи кть; отсюда: пшти изъ пкшти, ршти изъ ректи, ншн пошти изъ основной формы нкть, соответствующей скр. nastan (отъ неупотребительной наста, т. е. почью), латн. post-is, греч. υικτ-ος и т. д. Звукъ ѣ въ дѣшти вполне по-старо-славянски замѣняетъ короткое коренное и въ санскритѣ, какъ, въ свою очередь, вполне согласно съ фонетикой рус. языка замѣняется въ послѣднемъ посредствомъ о. Звуки гортанные г, к, х, представляя такое множество случаевъ, и въ корняхъ и во флексіяхъ, взаимной мѣни другъ съ другомъ, въ каждой отдѣльной языкѣ, точно также замѣняются одинъ другимъ : въ отношеніи языковъ родственныхъ между собою.

(46) Срв. Bopp, Gramm. d. Sanscr. Spr., §. 124. Распространенность его въ языкѣ очень велика; въ примѣрѣ приведу: āhartī, приготовитель; uāḥtī, жертвоприноситель; dātī, датель. nētī, водитель, возждь; mā-pajitī, почитатель, и др. Очевидно, окончаніе это одинаково, и по происхожденію и по значенію, съ греко-латинскими τωρ, τηρ, тог и съ слав. тель. Замѣна этимъ тель первообразнаго тер видна въ самомъ существительномъ дочь, въ древнѣйшей его формѣ: косвенные надежи ст. славян. существительнаго дѣшти — дѣштере, дѣштери и т. д. говорятъ ясно объ основѣ дѣштер, изъ которой произошли послѣднія формы и которая стала въ именит. надежѣ въ дѣшти, подобно существ. мати изъ матер (родит. матери и т. д.), равному скр. mātar, греч. μητηρ. лат. mater.

(47) Indisch. Alterth., 1, 513, прим.

(48) Срв. Pott, Etym. Forsch., 1, 229; Miklosich, Die Wurzeln des altslow. Wien, 1857.

(49) Изъ всѣхъ славян. нарѣчій, кажется, въ одномъ сербскомъ удѣлѣ это слово, въ значеніи кормилицы, няньки, и то какъ рѣдкость, попадалась лишь въ пѣсни мненческаго происхожденія, гдѣ нагорная вила, соглашаясь съ мнѣніемъ юноши, что его любезная красивѣе ея, объясняетъ такое превосходство незатѣйливымъ своимъ воспитаніемъ:

мене је гора родила,
у зелен листак повила,
јутрена роса падала,
мене је вилу дојмила,
од горе вјетриц пувао,
мене је вилу шккао:
то су ми биле дадње. Караџ.,

Пјесме, 1845, 1, 191.

(50) Quant à une troisième hypothèse, qu' il (Bopp) propose encore comme la plus plausible, savoir que duh aurait ici l'acception causative de allaiter, et que duhitar aurait désigné primitivement la femme en général, avant de passer à la fille, on peut objecter, ce semble, l'absence de tout rapport aux parents, tandisqu' un nom de parenté doit exprimer quelque rapport spécial. Comment un père ou une mère auraient-ils appelé leur fille ma nourrice? Les orig. Indoeurop. 2, 354 — 355.

(51) Vergleich. Grammatik, 1, 299.

(52) Antholog. Sanscr., 262.

(53) Литовское brolis образовалось, по мнѣнію Бонна, черезъ опущеніе t и перемѣну r на l (Glossar. Sanscr. подъ словомъ bhṛātī; срв. Pott, Etymol. Forsch. 2, 111), что, впрочемъ, справедливо можетъ опровергаться замѣчаніемъ Нессельмана, видящаго въ окончаніи lis обычный суффиксъ уменьшительныхъ именъ, а въ формѣ brolis сокращеніе изъ brotelis; конечное r въ литовскомъ могло утратиться также точно, какъ утратилось оно въ большинствѣ славян. нарѣчій, и было-бы неослѣдо-

кательно видѣть его превращеніе въ *l* въ такой приставкѣ, которая имѣетъ въ языкѣ самостоятельное значеніе, именно въ уменьшительныхъ именахъ. Срв. Schleicher, *Litauische Grammatik*, Prag, 1856, стр. 180 — 181. Звукъ *t* дѣйствительно и существуетъ въ существа. *brotuazis*, въ значеніи двоюроднаго брата. Pictet, 2, 362.

(54) Glossar. Sanscr., подъ *bhrātṛ*.

(55) См. его Хрестоматию, стр. 283.

(56) *Indisch. Alterth.*, 1, 813. Пикте, вѣроятно, подъ вліяніемъ замѣчаній Ветлингга и Лассена, сопоставляя оба выраженія *bhartṛ* и *bhrātṛ*, уже прямо объявляетъ, что «quant à la signification étymologique de ce nom du frère, elle est si claire, qu' aucun dissentiment ne s'est produit à son sujet. Les orig. Ind. A положительное утверждение Вонна *radix incerta*?

(57) *Etymol. Forsch.* 1, 126; 2, 554; Schleicher, *Formenlehre d. Kirch-Slaw. Spr.*, 175.

(58) Glossar. Sanscr., подъ словомъ *avasṛ*, а также *vergleich. Gram.* 1, 299.

(59) *Zeitschrift für vergleich. Sprachforsch.* 5, 235.

(60) *Les origin. Indoeurop.* 2, 365 — 366.

(61) Сопоставленіе понятій молодости и слабости, бѣдности, худобы, обыкновенно во всѣхъ языкахъ и, конечно, зависитъ отъ преимущественнаго, если не исключительнаго вниманія древнѣйшаго челоука къ силѣ физической. Отсюда - то и образовалась синонимичность выраженій молодой, юный, малый и слабый, бѣдный, худой, какъ напр., въ слѣд. выраженіи: что ради ни боле ни-хуже (меньше) числомъ суть евангелна. Рукон. Пчелн, Времянникъ, кн. 25, стр. LXXII. Срв. намъ замѣтку въ текстѣ, подъ словомъ ребенокъ.

(62) Срв. выше, подъ корнемъ *av* для названія отца.

(63) Срв. Гельфердингга, матеріалы для сравнит. словаря, над. 2-мъ отдѣл. Акад. Н., листъ XXVX, стр. 451.

(64) *Les origin. Indoeurop.* 2, 367.

(65) Срв. Haniš, *Nástin Slohovědy*, 1864, Praha, стр. 83: *baba* тоже, что *dospělá, dorostlá, velká*, какъ *děd*, т. е. *didi*, лит. *didis*.

(66) Сербск. пословицы Карадж., 74.

(67) Glossar. Sanscr. подъ *pa*, срв. *paḥa remotior, ulterior, posterior*. Шлейхеръ это *pa* признаетъ за тему, изъ которой въ языкахъ индо-европейскихъ образовалось числительное порядочное для единицы. Записки Акад. Н., Сиб., т. 10, стр. 57, статья: темн имѣть числительныхъ въ литовскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

(68) *Dem scr. ati (ultra, nimis) entspricht, wie allgemein anerkannt wird, gr. ἔτι, lat. et und auch wohl at in atavus. Cf. atimātras übermäßig, atirātras übermächtig. Curtius, Grundzüge d. griechisch. Etymol.*, 1858, 1, 61.

(69) Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ подъ 1451 годомъ, 1, № 76; срв. ММ 88, 89.

(70) Стр. 45, подъ 1149 годомъ.

(71) Думаю такъ, не смотря на лексиконъ Миклошича, который въ опредѣленіи значенія: пращоуръ *propertis filius*, т. е. праправнукъ, руководился единственно слѣд. мѣстомъ Коричей: отъ правнука родившій се глаголетъ се пращоуръ. Одна Коричая и при томъ однимъ мѣстомъ едва-ли въ состояніи пересилить господствующее значеніе пращура, какъ родственника въ восходящей линіи среди русскихъ Славянъ какъ въ старину, такъ и въ настоящее еще время. Востоковъ, по нашему мнѣнію, поступилъ основательнѣе, опредѣлившіи пращура однимъ терминомъ *δισπακος*, прадѣдъ.

(72) О вліяніи христ. на слав. языкъ, Буслаева, 149 — 152; Гильфердингъ, Матер. для сравнит. Словаря, лист. XXVIII, стр. 484. Для оправданія родства щура съ *sthāga* требовалось-бы какъ можно больше прикрѣповъ, такъ какъ переходъ сскр. *sth* въ слав. въ щ (-шт) вообще необыкновененъ.

(73) Значеніе предковъ и ихъ боготвореніе у народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія, равно и олицетвореніе ихъ въ образахъ и истуканахъ, а также и въ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ подробно и отчетливо изложено въ сочиненіи: *Forschungen über die Urgeschichte der Menschheit und die Entwicklung der Civilisation von Tyler*. Leipzig, 1866, преимущественно въ шестой главѣ (стр. 136 — 192) подъ заглавіемъ *Bilder und Namen*.

(74) Православ. Собесѣдникъ, январь, 1858, 157 — 158, Слово о крѣсти. На тоже боготвореніе въ язычествѣ намекаетъ и обратное значеніе дѣдъ, дѣдка въ христіанствѣ, въ смыслѣ нечистаго, дьявола; доказывать, полагаемъ, нѣтъ надобности, какъ обожаемые нѣкогда предметы, съ переворотомъ религиознымъ, перешли къ противоположному значенію.

(75) *Lexicon Pal. slov. Miklosich*, подъ словомъ дѣдъ.

(76) Срк., между прочимъ, Гильфердинга, Матер. для словаря, листъ XV, стр. 239.

(77) См. Южно-русскія пѣсни, изд. Метлинскимъ, стр. 206.

(78) Наутрѣя же увидавши вѣдани и съвѣтъ створи съ Мирославомъ съ дядькомъ... Давила же возня дядька передъ ся, измде изъ града: Лексик. Академич.

(79) Гильфердингъ, въ Матер. для Словаря, сближаетъ съ сскр. *sthāga*, человекъ, мужчина; Юнгманнъ, въ своемъ чешскомъ лексиконѣ, составляетъ съ сскр. *stří*, женщина, жена. Какъ то, такъ и другое сближеніе въ одинаковой степени не легко, по нашему мнѣнію, вѣдутся съ стрѣмъ и по формѣ и по значенію.

(80) Собраніе сказокъ Аванасьева, выш. 4, стр. 82.

(81) Мы уже окончили свою статью, какъ попалась намъ въ руки замѣчательная книга, подаренная въ намѣть извѣстнаго хорутанскаго дѣтеля, Водника, подъ заглавіемъ: *Sroměnik Vodnikov*, 1859, Lajbach; а въ этой книгѣ съ особеннымъ интересомъ прочтали наблюденіе Золо-

кара надъ употребительными доникѣ названіями родства у хорутанъ; здѣсь то нащія мы и фактическое подтвержденіе нашей догадки: Хорутане, действительно, до сихъ поръ знаютъ стричну. См. отдѣльную статью въ упомянутой книгѣ: Slovenski Rodovnik, 254—260.

(82) Матер. для словаря, листъ XX, стр. 318.

(83) Срв. savja, гѣвмѣ, и церк.-слав. шоун. Матер. для Словаря, тамъ же, стр. 316—319; Schleicher, Formenl. d. Kirch-Slav. Sprache, 76—77.

(84) Lottner, Zeitschrift für vergleich. Sprachforsch., 7, 165.

(85) Litauische Grammatik, 144; Pictet, Les orig. Indoeurop., 2, 349, къ тому же корню относить и нѣмец. oheim, дядя.

(86) См. Словарь церк.-слав. языка Востокова.

(87) Porządek Sądów i Spraw mniejszych prawa Magdebarskiego. Przeszłość, 1760, 125.

(88) Справедливость и этого предположенія оправдывается тою же статьею Залозара, въ которой приведены въ замѣчательной полнотѣ существующія до сихъ поръ родственныя названія у хорутанскихъ Славянъ.

(89) О языкѣ сѣверн. рус. гѣтонисей, Сиб., 1852, 148—156.

(90) Новгород. первая гѣтон., стр. 13, 16, 61; Ипатьевская, стр. 78—92.

(91) Акты историч. 1, № 42, стр. 86, подъ 1448 годомъ.

(92) Новгород. четвертая, стр. 92, подъ 1386 год.; Новгород. первая, стр. 109, подъ 1419; Акты относящіеся до юрид. быта Россіи, 1, № 63, стр. 448; подъ 1549 год. акты истор., 1, № 650; Новгор. первая, стр. 6, подъ 1132 год.; Ипатьев., стр. 78, подъ 1155; тамъ же, стр. 93, подъ 1165 год.; стр. 121, подъ 1179; тамъ же, стр. 170; стр. 185, подъ 1251.

(93) Толковный Словарь живаго великорус. языка, Даля, подъ словомъ братъ.

(94) Лаврент. гѣтон., стр. 147, подъ 1154 год.; срв. Новгород. первая, стр. 11, подъ 1185; Гѣтон. Переяслав., стр. 71; тамъ же, стр. 104, подъ 1198; Ипат., стр. 77—78, подъ 1155.

(95) Истор. Госуд. Россійск., Карамзина, т. 3, прим. 54.

(96) Лаврент. гѣтон., стр. 135, подъ 1143 год.

(97) Тамъ же, стр. 137; Новгород. первая, стр. 79, подъ 1339; тамъ же, стр. 109, подъ 1420 год.; срв. Акты истор. 1, №№ 38, 71, подъ 1446 и 1462 годами; акты до юрид. быта, стр. 151.

(98) Новгород. вторая гѣтон., стр. 172.

(99) Никонов. гѣтон., 5, 88.

(100) Lexicon Pal. Slov. Miklos; нетни fratris filius vel sororis.

(101) Les origin. Indoeurop. 2, 355—359.

(102) Срв. gnabat, тамъ же, стр. 357, прим. 2.

(103) Акты истор. 1, 152.

(104) Дополн. къ актамъ историч. 1, № 167, стр. 296; Акты истор. 3. № 211, стр. 367;

(105) Гильфердингъ сопоставляетъ славян. племя, которое пишетъ онъ, вопреки даннымъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, черезъ ѣ (нѣма), съ скр. *rgi*, любить. Едвали останется онъ при прежнемъ мѣтинѣ, сообразивши родственные языки и сравнивши происхождение другихъ синонимичныхъ выраженій какъ въ славянскомъ, такъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ.

(106) *Zeitschr. für vergl. Sprachforsch.* 7, 166, статья Лоттнера: Сюда же можно бы было поставить и сербо-хорват. *traha*, порода, племя, которое г. Гильфердингъ производитъ отъ скр. *tṛh* (см. Матер. для словаря), роги, еслибы такое значеніе корня *tṛh* не возбуждало сомнѣнія.

(107) Новгород. первая лѣт., стр. 23; Опис. рукоп. спод. библиотеки 1, № 46, стр. 296.

(108) Новгород. первая лѣт., стр. 58. подъ 1265 год.

(109) Такъ въ пословицѣ: родъ — племя близко, а свой ротъ ближе.

(110) Актн истор., 4, 473; срв. Дополн. къ актамъ историч., 4, 268; Актн, относящ. до юридич. быта, 1, № 63, стр. 456.

(111) Новгород. первая лѣтоп., стр. 58.

(112) О вліяніи христіанства на слав. языкъ, Буслева, 154.

(113) Временникъ Общ. Ист. и Древн., кн. 19, статутъ литовскій, стр. 68.

Къ второму отдѣленію.

(1) Слѣдуетъ, однакоже, замѣтить, что скр. *g* соответствуетъ и въ славянскомъ языкѣ, подобно литовскому, гораздо чаще звуку ж, чѣмъ з. Такъ: *gīu*—жить (и здѣсь *g* вм. кореннаго *g*, на что указываетъ и литов. *gyvas*, живой, и готск. *qivis*, тоже), *gani* — жена и др. Впрочемъ, славян. языкъ предлагаетъ примѣры обоюднаго перехода *g* въ *ж* и *з* въ одномъ и томъ же словѣ: напр., зръно и жръновъ отъ корня *gri*, тереть, мельчить. *Glossar. Sanscr.* Боппа.

(2) *Glossar. Sanscr.* Bopp, подъ словомъ *gāmātṛ*.

(3) *Indisch. Alterthumskunde*, 1, 813, примѣч. 1.

(4) *Etymol. Forsch.* 1, 261—262.

(5) *Les origin. Indoeurop.*, 2, 371.

(6) *Litauisch. Gramm., Schleicher.*, стр. 99, 115.

(7) Указывая на выраженія, родственныя славянскому затѣ въ другихъ языкахъ, мы привели условно и греческ. γάρβρος. Условность наша основана на сомнительности первоначальнаго значенія корня γαρ, изъ котораго образовалось γάρβρος. Что дѣйствительно въ основѣ этого слова лежитъ корень γαρ, сомнѣваться нельзя, выяснивши его образованіе. Звукъ β, повидному, принадлежащій корню, смущать не можетъ, какъ обычная вставка между носовымъ губнымъ *μ* и *ρ*, требуемая особенностями греческаго звукосочетанія, какъ въ силу такого же требованія вставляется въ томъ же греч. языкѣ и δ между язычнымъ носо

внмъ у и тѣмъ же ρ, напр., въ *αὐδρός*. Подобную вставку β встрѣчаемъ и въ другихъ словахъ, какъ: *ἄμβροτος*, *ἄμβροσία*, *μειμήβρα* и т. д. Такимъ образомъ *γάμβρος* ви. *γάμρος*, какъ *ἄμβροτος* ви. *ἄμροτος*, отъ корня *mī* (-*mag*, литов. *miri*, слав. мръ-ти), изъ котораго явилось, тождественно съ греч. и по формѣ и по значенію, санскритское слово *amṛta*, т. е. *ἄμβροσία*, ви. *ἄμροσία*, или какъ *μειμήβρα* изъ *μβρος* и *μήβρα*. Въ латинскомъ генег сохранился коренной носовой звукъ n; вставка послѣ него d передъ г оказалась излишнею, при удержаніи гласнаго e: генег — *genegi*; но она стала необходимою съ утратою этого e, какъ видно изъ франц. *gendre*. Что же касается до значенія корня *γам*, въ *γάμβρος*, то мнѣніе не одинаково. Большинство филологовъ не затрудняется сопоставлять его съ *gāp*, *ḡāp*, а слѣдовательно *γάμβρος* съ *geneg*, слѣдовательно съ *затъ*, объясняя, такимъ образомъ, μ переходомъ изъ первоначальнаго у (-n); но Пикте (*Les orig. indoeurop.*, 2. 384) находитъ такой переходъ весьма необыкновеннымъ, по крайней мѣрѣ, когда не требуется онъ вліяніемъ послѣдующихъ губныхъ, и обличаетъ въ силу этого греч. *γам* съ скр. *gām*, въ значеніи идти, соединяться съ женщиной, откуда производятъ онъ и *γάμος*, *γάμεῖν*. На это позволимъ ми себѣ сказать слѣдующее: а) переходъ n въ m далеко не исключительно ограничивается вліяніемъ губныхъ; тотъ же корень *gāp* въ литов. языкѣ является обыкновенно въ формѣ *gām* или, съ ослабленіемъ a въ i, *gim*, какъ въ *prigimtis*, существъ, прврѣда (Срв. Schleicher, *Litauisch. Gramm.* стр. 116: *radix gāp, die sonst im litauisch gām lautet*); б) значеніе соединенія съ женщиной (*coire cum faemina*) весьма производное и встрѣчается, сколько извѣстно, въ глаголѣ сложномъ *pragām*, и притомъ не безъ существительнаго жена, женщина, какъ *strigjam* *pragantim*; в) при этихъ сомнѣніяхъ невольно обратимся и къ соответствующимъ словамъ въ родственныхъ языкахъ, въ которыхъ, какъ видѣли, въ основѣ термина для вѣтя лежитъ корень именно *gāp*—*ḡāp*; наконецъ, г) нельзя не обратить вниманія и вообще на идею первобытныхъ терминовъ родства у народовъ индоевропейскихъ, которая въ наибольшей части сводится къ рожденію и въ которой не замѣтно указанія на что-либо влостное, чувственное. Вотъ почему ми рѣшаемся думать, что и греч. *γάμβρος* идетъ отъ того же корня *gāp*, рождать.

(8) Ворт, *Sanscr. Gram.* §§ 77—81.

(9) Тамъ же, § 129, стр. 69.

(10) Такъ удѣлго оно въ мѣстоименныхъ формахъ *насъ*, *васъ*, равно въ старинныхъ окончаніяхъ для мѣстнаго надежа въ древне-чешскомъ нарѣчій, какъ: *dolas*, *lūias*, *rolas* и др. (срв. *Ročatkové staročeské mluvnice*, Šafař, стр. 32). Сохранилось и въ формахъ *вораста*: *првастъ*, *начастъ* и др., ви. поддѣлныхъ: *првяхъ*, *начяхъ*.

(11) Подобная же утрата спереди в произоншла въ греч. и латин. языкахъ въ выраженіяхъ, соответствующихъ слав. *снѣгъ*: *nix* и *νέσ*;

литов. *snėgas*, готск. *snaiwa*, др. нѣм. *sne* (род. *snewes*), — очевидно, отъ корня *sni*, течь, капать (*-fluege, stillage*).

(12) Не даромъ Іоаннъ Эзархъ Болгарскій въ своемъ прилѣженіи греческой грамматики Іоанна Дамаскина къ языку славянскому и не употреблялъ другой формы для родительнаго падежа, какъ форму прилагательныхъ вритакательныхъ: муж. овъ, жен. ива. См. Іоан. Эзархъ Болгар., Калайдовичъ, Москва, 1824, стр. 77.

(13) Мы не затруднились опустить въ текстъ объясненіе слова сноха, представленное Поттомъ (*Etymol. Forsch.* 1, 230) и Веберомъ (*Indis. Stud.*, 5, 260). Хотя первый, въ своемъ толкованіи со стороны значенія, и не предлагаетъ ничего несообразнаго съ общимъ характеромъ общихъ названій родства у народовъ индоевропейскихъ, тѣмъ не менѣе, сторона звуковая едва-ли способна выдержать строгую критику. Поттъ разлагаетъ слово *snipia* на предлогъ *am* (-съ) и глаголъ *vas*, обитать, жить, въ причастіи прошедшаго времени *uita*, такъ что основная форма была бы *sn-vasā*. Но почему же была бы взята форма причастная и притомъ прошедшаго времени? Далѣе, если и возможенъ переходъ *an* (-ам) въ *u* въ санскритѣ, то какъ объяснить переходъ *am* въ *u*; еще болѣе, какъ допустить бесслѣдную потерю цѣлаго слога (*an, am*) въ славянскомъ языкѣ, или равносильнаго ему носоваго ж? Что касается до корня *sni*, течь, подставляемаго Веберомъ, объясняющимъ понятіе *snipia* тѣмъ, что сноха какъ бы растекается изъ бока и теченія къ свекру, то, думая, нѣтъ нужды доказывать несостоятельность его въ настоящемъ случаѣ.

(14) Срв. *Compendium der vergleich. Grammatik*, Schleicher, I, 57—58.

(15) Срв. Гельфердингъ: объ отношеніи языка славянъ къ языкамъ родственнымъ. Москва, 1853, стр. 45 и слѣд.

(16) Едва-ли основательно сомнѣніе въ томъ, что древнѣйшая форма ст.-слав. нарѣчія должна быть свекръъ, а не свекръ, какъ понадается въ намятиахъ. Гласный звукъ въ средикѣ между *k* и *r* доказывается всѣми родственными языками, а характеръ его опредѣляется свойствомъ гласнаго и въ послѣднихъ, обращаемаго обыкновенно въ ст.-слав. нарѣчіи въ *ъ*, какъ скоро это и короткое, опредѣляется новѣйшими гласными *o* и *e*, слышимыми въ имевт. падежѣ современныхъ нарѣчій славянскихъ, и бѣгlostью ихъ въ другихъ падежахъ: свекоръ — свекра, *sveker—svekra*.

(17) Ст. славян. форма свекри, слышная отчасти и доннѣй въ говорахъ народныхъ, сохранила по своему образованію всю близость къ сир. *swarā*, латин. *voscris*, въ которыхъ долгое и весьма часто и съ незаматныхъ норъ соответствуетъ въ слав. звуку *и*. Происхожденіе низнѣйшей рус. формы свекровь обязано начавшейся также съ незаматныхъ норъ потери склоненія на тему *ā*, какъ муж. такъ и женск. рода, и смѣшенію его съ склоненіемъ на теми согласныя, подобно склоненію словъ: камъ, мати и др. Черезъ это во всѣхъ падежахъ явился слогъ овъ=ъв, образовавшійся изъ разлженія *и* (=ā): свекръве,

свекрѣви и т. д.; форма, такъ образомъ, свекрѣвь = въ рус. нарѣчій свекровь есть собственно винит. падежъ единств. числа принята для именительнаго подобно тому, какъ въ. прѣкъмъ явилась церковь, потому даже церква, — послѣдняя степень новизны, сблизившей это слово въ склоненіи съ общимъ склоненіемъ для женск. рода на а. Такое стремленіе языка уднообразить по возможности склоненія замѣтно въ равной степени и въ другихъ нарѣчійхъ славянскихъ; напр., въ чешскомъ находимъ звека и звекев, и если русскій языкъ не успѣлъ изъ свекровь образовать свекрова, по образу церква, то нарѣчіе сербо-хорватское давно уже забыло и вторичную форму, замѣнивъ ее позднѣйшею свекрва.

(18) Zeitschr. für vergl. Sprachf. 6, 13; 7, 188; 11, 164.

(19) Описание семи рукоп. Император. Публич. Библиот. Москва, 1859, стр. 89.

(20) Ross: Italiker und Gräken, Halle, 1858, стр. 15 прим.

(21) Si scr džaga huc spectat, slavi a germanis vocabulum hoc sunt mutuati. Lexic. palaeosl., стр. 324, подъ словомъ курѣва. Džaga (=gaga) значитъ прелюбодѣй и, очевидно, происходитъ отъ gā, gaja, женщина вообще. Если g, образовавшееся изъ первобытнаго g, и соответствуетъ въ германскомъ звуку h, то никогда не замѣняется посредствомъ k въ славянскомъ; объяснять же послѣднее родствомъ съ германскимъ h черезъ заимствованіе слова мы не въ правѣ уже по одному тому, что существ. коурѣва распространено у всѣхъ Славянъ и, слѣдовательно, на столько же должно считаться кореннымъ и самобытнымъ славянскимъ, на сколько hуге нѣмецкимъ. Вопросъ можетъ касаться первобытнаго родства, а не заимствованія; если же такъ, то и въ основѣ нѣмецкаго h должно искать такой звукъ, который-бы равнялся славянскому k, а такимъ есть k, равный санскрит. c.

(22) Павскій, въ своихъ филолог. наблюденіяхъ, 2, 96—100, разсматривалъ окончаніе ха не раздѣльно отъ предидущихъ образовательныхъ гласныхъ (аха, яха, оха, еха, уха, юха, нха); но если и допустить, что каждая изъ гласныхъ придаетъ особый отбѣнокъ въ значеніи, то все такъ ха имѣетъ свой общій смыслъ, принадлежащій одинаково всѣмъ сочетаніямъ и только различно отбѣняемый различными образовательными гласными. Слѣдующее мѣсто: «странно, что наше производственное нха усвоено только женщинамъ низшаго состоянія и самцамъ маловажныхъ животныхъ» обнаруживаетъ вполне односторонній взглядъ автора на языкъ письменный и образованнаго класса по отношенію къ народному: свобода перваго располагать объемомъ и составомъ послѣдняго вовсе не даетъ права дѣлать изъ языка письменнаго норму и непременно подчинять ей языкъ народный. Мы видѣли, что окончаніе ха въ говорѣ простонародномъ прилагается къ женщинамъ рѣшительно всѣхъ состояній, — и такая общность должна служить исходною точкою при опредѣленіи даннаго явленія, а не случайный и прихотливый выборъ такъ называемаго образованнаго класса.

(23) См. *Lexicon palaeoslov. Miklos.*, подъ словомъ тѣсть.

(24) *Porządek sądów i spraw miejskich prawa Magdeburgsk.*, стр. 132. *Срав. Słownik Lindego.*

(25) См. его *Slovník česko-německý.*

(26) *Schleicher: Formenlehre d. Kirch-Slav. Spr.*, стр. 98.

(27) *Bopp, Glossar. Sanscr.*, подъ словомъ тахъ.

(28) *Срв. Буслаева историч. грам. рус. языка*, 1, § 55, стр. 108—109.

(29) Предполагая послынное объясненіе происхожденія названій тѣсть и теца, упомянемъ о производствѣ ихъ г. Микуднимъ. Онъ сближаетъ слово тѣсть съ лтов. выраженіемъ *dszwis*, предполагая въ немъ начальный звукъ *t* потеряннымъ (собственно *tdszwis*). Это же *t* какъ въ славянскомъ языкѣ, такъ и въ предполагаемой формѣ лтовскаго замѣняетъ коренное *d*, которое является въ скр. глаголѣ *daç*, съ значеніемъ дать. См. отчетъ 4-й, стр. 23. Но замѣтимъ прежде всего, что то *daç*, которое разумѣтъ г. Микудкій, имѣетъ долгое *a*, которое удерживается обыкновенно и въ славян. языкѣ и не замѣняется посредствомъ глухихъ гласныхъ, какъ *a* короткое. Кромѣ того, указанное значеніе слишкомъ обще; гораздо чаще является глаголъ *daç* въ смыслѣ бить, поражать, убивать. Не удивительно, что отъ него и нѣтъ ни одного производнаго, которое бы заключало въ себѣ понятіе о какомъ либо родствѣ; значительнѣйшая часть производныхъ употребляется въ смыслѣ разбоя, разбойника. Не зависимо отъ всего этого, нельзя не пожелать уясненія припчи и перехода *d* въ *m* (= *t*), особенно въ началѣ слова.

(30) Но въ донсторическую еще пору эту тему на и (= *i*) языкъ славянской началъ смѣшивать въ склоненіи съ темою *ja*, перешедшею у Славянъ также въ *ь*, или послѣ гласныхъ въ *а*; такъ: кѣназь (изъ кѣнагъъ), шоун (= скр. *savja*) и др. Одно существ. плть выдержало въ ст. слав. нарѣчій формъ склоненія на тему и (= *i*) въ большей цѣлости, хотя такъ же не безъ исключеній; другія слова обнаруживаютъ въ рукописяхъ лишь обмолвки въ пользу этого склоненія, какъ особеннаго отъ темы *ja*; напр., родит. *затѣ* (тожественный съ скр. на *ês: ktmês*), дател. *зати*, тѣсти (см. *Miklos Formenl. d. altsloven. Spr.*, стр. 8—9). Нынѣшнія нарѣчія слыли уже обѣ теми въ одну, подвергая одинаковому измѣненію въ склоненіи слова *затѣ* и *мужь*, и только слово *путь* до сихъ поръ держится какомъ-то особнякомъ, сближаясь въ склоненіи то съ словами муж. рода на *ь*, то женскаго на *ь*. Но какъ бы ни утожествились оба склоненія, форма именит. падежа такихъ словъ, какъ *путь*, *тѣсть*, *затѣ* и др., будетъ всегда указывать на тему *и*, потому что въ этомъ только случаѣ конечныя согласныя могутъ оставаться безъ соотвѣтствующаго смягченія. Въ противномъ случаѣ, когда бы *и* въ нихъ окончаніе *ь* утожествилось *ь-рю* въ словахъ *мъжь*, *кѣназь* и др., т. е. вмѣсто основнаго и приняли бы они *ja*, то должны бы образоваться формы *зашть*, *тѣштѣ*, *мъштѣ*, въ слѣдствіе извѣстнаго вліянія Иотацизма, какъ въ *кѣназь*, *вн. кѣнагъ*, *вн. божь*, *вн. богъ*.

(81) Лаврент. гѣтол., стр. 164, годъ 1180 годомъ.

(82) Спб., 1853, стр. 247.

(83) Выраженія плънац — плъница (= нуац — нуница) по звуковой сторонѣ ближе всего стоятъ къ прилагательному плънъ (= серб. хорват. пуа). Но какъ вѣдется значеніе это съ понятіемъ о тестѣ и тецѣ? Происхожденіе и этихъ названій едва ли не слѣдуетъ отнести къ древнѣйшимъ остаткамъ языка, на равнѣ съ другими родственными терминами; а ежели такъ, то не заключалась ли и въ корнѣ прилагательнаго плънъ какая либо еще идея (кромѣ обилія, полноты), которая, бытъ можетъ, съ теченіемъ времени совершенно изгладилась, будучи вытѣснена новѣйшимъ и ограниченнѣе узкимъ значеніемъ? Корень прилагат. плънъ соотвѣтствуетъ въ санскритѣ рг, рâg и рâg. Во всѣхъ этихъ формахъ одного и того же глагольнаго корня, кромѣ значенія implere, извѣстно не меньше и значеніе satiare, sustentare, servare, т. е. то самое, какое развилось изъ терминовъ для отца и матери. Далѣе этой догадки идти имъ себѣ не позволяемъ.

(84) Какъ ни рѣдокъ этотъ переходъ d въ l, но относительно по латинскаго языка примѣровъ такъ достаточно, что сомнѣніе въ родствѣ levig съ скр. dévag едва ли будетъ основательно. Припомнимъ при этомъ латин. lacrima, соотвѣтствующее греч. δάκρυ, готск. tagra, скр. दासृ; Ulysses, греч. Οδυσσεύς; lingua и sella равныя древне-латинскимъ dingua и sedda; oleo вмѣсто odeo. Сюда относятся и lignum, греч. λῆγνύς, сопоставляема съ скр. dah (пеге, жечь). Соотношеніе между d и l замѣтно и въ meditare, греч. μελετᾶν. По всеобщему родству звука l съ звукомъ г, не слѣдуетъ пропускать замѣну послѣднимъ того же d, какъ: arbiter, вм. adbiter, meridies вм. medidies. Гораздо необыкновеннѣе это явленіе въ другяхъ родственныхъ языкахъ. Сюда, б м., должно отнести переходъ двойнаго d въ двойное l въ древне-верхнѣмецкомъ: vaddjus — vall (-vallum). Тутъ же уместно поставить и готск. silubr, слав. сръбро, лит. sidavras. Нельзя не сравнить по поводу перехода d въ l и сложнаго санскр. слова sumṛīka (виновникъ радости), составленнаго изъ кр. mīd, частицы su и окончаніе ūka. Тоже слово, съ тѣмъ же значеніемъ въ Сама Ведѣ является въ формѣ sumridika. См. Ragnier, Etude sur l'idiome des Vedas. Paris, 1855, стр. 188.

(85) Гортанный звукъ въ германскомъ едва ли даетъ право, при вниманіи къ отсутствію его во всѣхъ остальныхъ языкахъ, признавать его необходимость въ первобытномъ корнѣ, какъ, кажется, принимаетъ Миклошичъ, основываясь на изслѣдованіи въ Zeitschrift für vergleich. Sprachf. 7, 172 (см. Lexicon pal. slov., подъ словомъ дѣверъ). Справедливѣе, думаемъ, видѣть въ подставляемой имъ основной германской формѣ daiwag звукъ g явившимся уже на почвѣ исключительно германской, что принимается и другими изслѣдователями: der guttural im deutschen erklärt sich aus einem vordutschen aus v entstandenem gv. Grundform daiwar

(Ueber die Proverdie im griechisch. Rhein. mus. 1845, 258). Томъ второе Курдианъ и въ его Grundzüge de griech. Etym., 1, 197.

(36) Lassen, Indis. Alterth. 1, 818.

(37) Такое производство представилъ въ 1885 году Макаровъ. См. Телескопъ, т. 30-й, сибѣрь, стр. 370—378.

(38) Не забудемъ, что въ пѣсняхъ сербскихъ и деверь часто не различаетъ съ вѣнцемъ невѣсты: док. ђевер дође, венац донесе,
ђевер ђе дођу, венац донети.

Или въ слѣдующихъ словахъ, которыми невѣста отвѣчаетъ матери на призывъ ея возвратиться изъ-подъ вѣнца, — что теперь уже поздно, слѣдовало бы звать прежде:

док нисам стала уз милог кума,

уз милог кума и уз девера;

дрк није био прстен на руди,

прстен на руди, венац на глави. Карадж. Пјесме, 1, 156

(39) Указываю на замѣчательную статью: Bugarski narodni obiçaji, кошичену въ Archiv za povjestnicu jugoslavensku, 1865, кн. 8, стр. 272, примѣч. Здѣсь собраны всѣ частности деверевой должности.

(40) Авторъ упомянутой въ предидущемъ примѣчаніи хорватской статьи дѣйствительно, подъ вліяніемъ столь непрерывнаго занятія деверя невѣстой — дѣвицей, сибѣло ставить и самый терминъ въ родственную связь съ дѣвой: rieš djever prošliati od djeve; djever čovjek, koji se ка-пима око djeve. Тамъ же, стр. 271, прим. Но авторъ ушелся односторонностью взгляда; деверь остается деверемъ и тогда, когда дѣвица — невѣста становится женщиной, женой брата. Если даже и допустить существованіе подобной же обрядности, съ тѣмъ же характеромъ въ ней девера, и въ эпоху нераздѣльной жизни народовъ индо-европейскихъ, отъ которой, очевидно, идетъ общее у нихъ названіе, что, впрочемъ очень сомнительно; то и въ такомъ случаѣ не легко согласиться, чтобы кратковременная и случайная роль была основаніемъ вѣковѣчнаго названія, исключительно обращеннаго на одно лице брата мужа.

(41) Mythologie comparée, стр. 42; Les origin. indoeurop. 2, 374.

(42) Такимъ образомъ объясняетъ г. Миллеръ названія nandini, dē-va-g и даже jāta-g. См. оныть историч. обзор. рус. словесности, Сиб., 1866, 126. Очевидно, онъ исходитъ отъ браковъ посредствомъ уведовъ, кражи дѣвицы, какъ воображается этотъ бракъ въ древнихъ свѣдѣтель-ствахъ славянской исторіи и отчасти въ современныхъ обычаяхъ народ-ныхъ. Но упомянутыя названія такъ древни, что невольно возмущены для подтвержденія ихъ такимъ путемъ и болѣе древнихъ свѣдѣтельствъ о характерѣ самаго брака. Не есть-ли уводъ, кража, похищеніе уже позднѣйшее явленіе? По крайней мѣрѣ, въ названіяхъ родства нѣтъ ни малѣйшаго положительнаго намека. Не неумѣстенъ и слѣд. вопросъ: почему же именно идея радости приурочена исключительно лишь брату и сестрѣ мужа, а не другимъ родственникамъ?

(43) Диффенбахъ, 1, 125—126.

(44) Противъ сближенія слова деверь съ скр. *děv* можно возразить указаніемъ на господствующее правописаніе черезъ *e* послѣ *d*, тогда какъ согласно съ скр. *děvar* слѣдовало-бы ожидать непременно *ѣ*, которое и находится въ существ. *дѣва*. Но вина въ этомъ лежитъ на шаткости отечественнаго правописанія. Что и въ славян. языкѣ въ разсматриваемомъ словѣ долженъ быть доегласный *ѣ* доказывається смягченіемъ *d* въ польскомъ нарѣчій: *dziewierz* и юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ произношеніемъ Сербовъ: *девер* и *двер*. Нѣсколько случаевъ употребленія этого выраженія въ памятникахъ церковно-славянскихъ, отгѣченныхъ Минюлиничемъ, говорятъ также въ пользу *ѣ*; въ словарѣ Востокова слово *деверь* пропущено.

(45) Такъ, напр., въ слѣдующихъ стихахъ Шимановича:

Zoŕwicei bratove u jednegu stoŕu,

i zwiekry i niewistki jadają rozpoŕu. Издан. Бобровича,

Лейпцигъ, 1837, стр. 51. Срв. *Slovník* Юнгмана, подъ словомъ *zelwa*.

(46) *Etymol. Forsch.*, 1, 181.

(47) *Grundzüge d. griech. Etymol.* 1, 148.

(48) Впрочемъ, Пикте не отказался отъ предположенія основнаго смысла, не выходя, однако же, изъ предѣловъ греко-латино-славянскаго языка, сопоставляя *γάλλω*, а слѣдовательно и славянскую золовку, съ прилагательными *γαλερός*, *γαληνός*, ясный, свѣтлый, съ глаголомъ *ἀγάλλω*, украшать, и съ существительнымъ *γλήνος*, украшеніе, звѣзда, *γλήνη*, молодая дочка, и указывая на славянское слово *злѣчь* (жолчь), объясненное имъ посредствомъ прилагательнаго *splendida: sela conduirait à la notion de lumière et de beauté, et à une signification analogue à celle de belle-soeur. Les orig. indoeurop. 2,375.* Но предположеніе и останется предположеніемъ, пока не подтвердится научными доводами. Укажемъ и на толкованіе въ *Zeitschrift für vergl. Sprachforsch.* 4, 399.

(49) О Русскомъ полногласіи, Извѣстія 2-го Отд. Акад. Н., 5-й вып. 7-го тома.

(50) Ср. Вортъ, *Glossar.*, подъ словомъ *guru*.

(51) О рус. полногласіи, тамъ-же.

(52) Нарѣчія чешское и польское (*zoŕwa, zelwa*), можно-бы думать, уже развили свои формы изъ старо-славянской, путемъ позднѣйшей замѣны гласныхъ *ř—i* посредствомъ обычныхъ гласныхъ (*o—e*) съ согласными *p—l*, еслибы только чешское нарѣчье, удержаніемъ гласнаго *l* по сіе время, подобно старославянскому, не говорило скорѣе въ пользу сохраненія гласнаго въ корнѣ санскритскомъ (*gar-gur*) и греческомъ (*γαλ*). Что касается формы золова, то едва-ли не обязана она двойственностью гласнаго *o*, передъ *l* и послѣ него, столь широко охватившему рус. языкъ свойству полногласія, образуя и золова какъ-бы изъ *злава*, подобно другимъ случаямъ, какъ изъ корня *тлѣк* явилось толкъ, а черезъ *глатити* — толочити, *глатка* — толочка.

(53) Акты относящ. до юрид. быта, 1, № 63, стр. 440 (XV вѣка).

(54) Pictet, Les origin. indoeur. 2, 370.

(55) Ты-ли шуринъ дорогой

Проводи ее (невѣсту) ко мнѣ. Сахар., Сказанія Рус. Народа, 1, Пѣсн. свадеб., стр. 128. Или: Ахъ шуринъ мой, шуринъ ласковый!

Ты отдай мой даръ мое суженое,

Мое суженое, мое ряженое. Тамъ-же, стр.

187. При передачѣ сестры братомъ поется:

Братецъ постарайся,

Братецъ поломайся.

Не продавай сестру,

Ни за рубль, ни за золото. Тамъ-же стр. 162.

На предложеніе сватовъ со стороны жениха отдать имъ невѣсту за деньги, братъ ея возражаетъ: я на те, сваты, не соглашаюсь; я качаны крав, да свою сестру годовав, а вам за три копейки дам? Не дам! Народ. южно-русск. пѣсн. Метлин., стр. 166.

Родимый ты мой братецъ,

Куда ты меня обуваешь,

Куда ты меня снаряжаешь?

Обуваешь меня, снаряжаетъ

Въ чужу дальнюю сторонушку,

Къ чужому отцу съ матерью,

Къ чужому роду племенн. Сахар., тамъ-же, стр. 163.

Старшій братику! Одчынн воритця

До кинця —

Иде твоя сестриця

Одъ винця. Народ. южнорус. пѣсн, Метлин., 170.

Треба зятю, треба зятю

Сим день молотыты,

Щоб шурьна, щоб шурьна

З покута зкуцты. Тамъ-же, стр. 194.

(56) Позлати, ђевере, ако хоѣш да ти дам оваку баню. Карадж., Ковчежић, Беч, 1849, стр. 78. Срв. тамъ-же, 51.

(57) Напримѣръ: я на утрѣи преставися княгини ярославая, свѣсть великого князя Всеволода. Лѣт. Переяслав., подъ 1201, стр. 105.

(58) Lexicon pal. slov., Miklos.

(59) Срв. Kolo, članci za literaturu, umjetnost i narodni život, Zagreb, 1853, 9, 119, статья: kratak nauk o jugoslavenskom jeku. Sladović. Г. Гильфердингъ приурочиваетъ слово свѣсть, выѣстъ съ невѣста, къ корню viç, входитъ. Согласиться съ этимъ не легко уже потому, что начальное с принадлежитъ корню; если же допустить въ немъ приставку и, разумѣется, съ характеромъ предлога съ, скр. за, заш, въ такомъ случаѣ останется непонятнымъ значеніе свѣсти, которая никакъ не могла быть сожительницею мужа сестры, оставаясь въ своемъ родѣ —

семь до тѣхъ поръ, пока не выходила за-мужъ въ иной родъ, чужой какъ для себя, такъ и для сестрина мужа. Матер. для словада, лист. XX, стр. 211.

(60) Лаврент. гѣтоп. 78, годъ 1078 годомъ.

(61) Корнесловъ, 2, 48. Въ опроверженіе подобной догадки считаемъ достаточнымъ сказать слѣдующее: а) слова свать, сватать, бесспорно, принадлежатъ одному корню съ сватьба, которое образовано помощью суффикса ба, подобно существ. гостьба, гридьба, крадьба и т. п. Но въ такомъ случаѣ т есть коренной звукъ, д же въ новѣйшемъ рус. правописаніи и произношеніи есть ни что иное, какъ заѣма отъ звучнаго т соответственнымъ звучнымъ д, въ силу вліянія послѣдующаго звучнаго б. Правда, современное русское правописаніе вообще не основывается на произношеніи, руководясь обыкновеннѣе этимологіей; но тамъ, гдѣ корень затемнился, гдѣ, какъ въ словѣ свадьба, и между учеными возникаетъ несогласіе въ происхожденіи его, выговоръ становится существеннымъ руководителемъ и для правописанія. Такъ, если мы выговариваемъ молодѣба, а ишемъ все-таки молотѣба, то этииъ обязаны очевидности происхожденія слова отъ молотить. Въ существит. свадьба корень не сознается больше, — и правописаніе подчинилось выговору. Тоже видимъ съ избя, гдѣ оба звука з и б употреблены ииѣсто отъзвучныхъ с и ц, сколько можно судить по старинному правописанію источника. По этому-то, въ старослав. нарѣчій и господствуетъ правописаніе сватьба, только иврѣдѣ, и то сравнительно въ позднихъ памятникахъ, смѣнялась посредствомъ — свадьба. б) Родство существит. сватьба съ словами свать, сватать опредѣляется правописаніемъ и произношеніемъ его у Сербовъ (боснійскихъ), которые знаютъ и пишутъ только сватба. в) Указаніе на названіе жены водимой едва-ли способно подтвердить производство словъ свать, сватьба отъ веду: ни одно нарѣчье славянское ни въ древнемъ, ни въ новомъ видѣ не представляетъ ни одного термина для жены, близкаго къ слову свать, между тѣмъ какъ послѣднее извѣстно у всѣхъ Славянъ для обозначенія разныхъ степеней брачнаго родства. Притомъ нельзя опустить изъ виду и формы этого слова въ польскомъ и чешскомъ нарѣчійхъ: и въ томъ и въ другомъ начальный звукъ с (въ свать, свѣсть) произносится весьма отчетливо, что было-бы странно, особенно въ устахъ Поляка, если бы слова эти происходили отъ веду, разумѣется, уже съ предлогомъ съ, съ незапамятныхъ временъ смѣненнымъ на зъ.

(62) Beiträge zur vergleich. Sprachforsch., 2, 267. Впрочемъ, взгляды г. Новотнаго признаны несостоятельнымъ тутъ-же редакторомъ Кунцомъ. Срв. прилѣч.

(63) Напр., въ слѣд. словахъ, обращенныхъ Сатьяваномъ къ Савитри: *rigā mān ācatus śaj va rātrās utthāja māmakān*. Ворг, Diluvium, стр. 38, стих. 2.

(64) Какъ въ *Nal.* и *Damaiant*, *Borr*, стр. 24, стих. 42; стр. 25; стих. 5.

(65) Срв. *Lexicon pal. slov. Miklos*. Въ сербской пѣснѣ читасяъ:

Е те желя обузала
 На банове, на ђедове
 На те мудре родитеље
 И на вельу својту твоју:
 На синове, на стричеве
 И на млы браћу твоју. *Карадж.*, 1, № 150.

(66) *Ja* бихъ вѣму своју секу дала,
 Секу дала мѣга свакомъ звала. *Ташъ-же*, № 325.

(67) *Иадаи*. *Бобровича*, стр. 109.

(68) *Описан. рукоп. Румянц. Муз.*, № 231, стр. 286.

(69) Срв. *Pictet, de l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit*, 1837, стр. 27.

(70) *Лѣтоп. Переяслав.*, стр. 4, 99; *Ипатьев.*, стр. 156, годъ 1202 годомъ.

(71) *Уставъ Ярослава*, *Истор. Рус. церкви*, *Макарія*, стр. 2, 357.

(72) *Neven*, 1852, стр. 318.

(73) См. статью *Киркора* въ *Вѣстн. Географ. Общ.*, 1857, кн. 6.

(74) Срв. *Borr*, *Glossar.*, годъ словомъ *jati*.

(75) *Pictet, Les orig. indo-europ.* 2, 334—335; срв. *тамъ-же*, 375.

(76) «Извѣстно, что крестьяне, женивъ синовой своихъ, принимаютъ молодую къ себѣ во дворъ, гдѣ она и живетъ съ мужемъ своимъ у свекора съ свекровью и въ кругу деверьевъ и золовокъ, если есть у мужа братья и сестры, и съ сношенцами, если братья мужа тоже женаты». *Владимірск. Сборникъ Тихонравова*, 1857, стр. 41. — Изъ сказаннаго о словѣ ятровь едва-ли не слѣдуетъ заключить объ ошибкѣ въ академическомъ словарѣ, объясняющемъ ятровь женою девера или шурина. Ни въ древнемъ языкѣ русскомъ, ни въ остаткахъ употребленія этого слова въ современномъ говорѣ бѣлорусскомъ, ни въ сербскомъ, хорватскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ, гдѣ доннѣ живетъ оно въ полной силѣ, ни въ наметнигахъ старо-славянскихъ, ни въ старо-чешскомъ и въ старо-польскомъ нарѣчіяхъ нѣтъ свидѣтельства, чтобы ятровью и зывалась жена и шуриня.

(77) Объ употребленіи выраженій *пашанац* и *пашеног* у Сербовъ см. *Словарь Караджича*; *рај*, *рајанас* и *рајеног* у Хорватовъ — статью *Вебера: ustroj pafega jezika*, въ *Neven*, 1856, стр. 215; такъ же словъ у Хорутанъ — статью *Клуна*, въ *рус. Бесѣдѣ*, 1853, кн. 3, стр. 89.

(78) *Напр.*, *вануть* вм. *виднуть*, *глянуть* вм. *глядуть* и др. Срв. *Историч. Граммат. Вуслаева*, 1, 79—80. *Миклошичъ*, въ своемъ старо-славян. лексиконѣ, годъ словомъ *вѣно*, указываетъ на обличіе Курдскія латин. *venum* съ скр. *vasna*, *дѣна*, отъ *van*, *покупать*; но и амъ не опустилъ случая замѣтить о сомнительности такого происхожденія.

(79) Pictet, Les orig. indoeurop. 2, 333—334.

(80) Weber, Indisch. Stud. 5, 310.

(81) Pictet, тамъ-же, 337—338.

(82) Опытъ Историч. Обозрѣнія рус. словесности, Спб. 1866, 1, 126.

Отчужденность родовъ высказалась и во взглядѣ народномъ на дочь, какъ на чужое добро, въ противоположность сыну, какъ умножающему, обогащающему свой родъ. Таковы русскія пословицы: дочь — чужое сокровище; холь да корми, учи да стереги, да въ люди отдай; сынъ въ домъ глядеть, дочь изъ дому; сынъ глядеть въ домъ, а дочь глядеть вонъ.

(83) Чешскій терминъ *znábení* мы принимаемъ за переводъ съ латинскаго (*coniubiium*); что же касается до лужицкаго *kwas*, то оно служить свидѣтельствомъ перехода отъ частнаго понятія къ общему.

(84) О мненческ. вѣрованіи Славянъ въ облако и дождь. Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н., кн. 7, вын. 2.

(85) Ale pierwej pod ziemię śmiercią Arbar wzięty, nim wdomi swym niewiastki nadobne oglądat. Szumponowicz, надан. Бобровича, стр. 32—33.

(86) Привожу по примѣру на каждое выраженіе: приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячъ, отчимъ Святославъ Володимирича (Ипат. глѣт., стр. 86, подъ 1159 годомъ); на ту же осень посла отецъ Мьстислава противу мачесѣ (тамъ-же, стр. 78, подъ 1158 годъ); явися знаменье.... надъ гробомъ княгининомъ... уже уби свой насмнокъ (Новгород. первая, стр. 54).

(87) Баронъ Розенкампфъ, Кормчая, 1, 111, прим. 44.

(88) Стр. 78; срв. Лѣтон. Переяслав., стр. 72, подъ 1155 годомъ.

(89) Объ отношеніи слав. выраженія врьвь къ подобно-звучнымъ словамъ въ родственныхъ языкахъ см. Мысли объ исторіи рус. языка, Срезневскаго. Спб. 1850, стр. 135—136.

(90) Geschichte Polens v. Roeppehl, 1, 615, 2-е приложение.

(91) Szajnocha, Szkice historyczne, Lwów, 2, 272.

УКАЗАТЕЛЬ ОБЪЯСНЕННЫХ СЛОВЪ.

- Родъ, 51—53.**
 Родичь, родникъ, родимецъ, родственникъ, 52.
 Народъ, 51.
 Ипородецъ, 53.
Племя, 50 51, 107, прим. 105.
 Племячь, 52.
 Племянникъ, племянница, 46, 50—54, 97.
 Ближикъ, ужикъ, 93.
Родители:
 Отецъ, 10.
 Тятя, 11.
 Батя, 13.
 Папа, 14—15.
 Нанъ, 16, 33.
 Отчимъ, 92.
 Мать, 17.
 Мама, 17.
 Нана, няня, няня, 16, 33.
 Мамка, 18.
 Мачиха, 92.
 Мачешникъ, 93.
Дѣти:
 Дитя, дѣти, 20—22.
 Ребенокъ, 22—23.
 Чадо, 22.
Снѣкъ, 24, 118, прим. 82.
 Снѣковецъ, 38, 44, 54.
 Снѣковица, 38, 44, 46.
 Снѣгова, 60.
 Снѣжикъ, 25.
 Снѣха, } 55, 58—60, 109, пр. 76.
 Снѣха, }
- Дочь, 25, 118, прим. 82.
 Дщеричь, 41.
 Дщерша, 92.
Братъ — сестра:
 Братъ, 13, 27.
 Братана, 38, 44, 46, 97.
 Братанша, 44.
 Братанчикъ, 38, 44, 54, 97.
 Братанчикъна, 44.
 Братучадо, 38, 44.
 Братучадье, 38, 44.
 Сестра, 29, 30, 61.
 Сестрица, 46.
 Сестричь, 40—41, 46—49, 54.
 Сестричьна, 41, 46.
 Сестреничь, 40.
 Сестреница, 41, 46, 47.
 Сестричичь, 45—47, 97.
 Сестричичьна, 97.
 Сестричадо, 41.
Дядя — тетка:
 Дядя, 36, 46, 50, 54.
 Дядина, 37.
 Дядь, 32—33, 105, прим. 74.
 Прадядь, 34.
 Тета, 12, 14, 36, 46, 97.
 Тетка, 97.
 Тетакъ, тетаць, 12, 37.
 Баба, 14, 33.
 Прабаба, 34.
Уя, вуй, 40, 45—46, 54 97.
 Уйка, вуйка, 40, 46, 97.
 Уйчикъ, 42, 45.
 Уйчишна, 42.

- Уличичь, } 42.
Уличинна, }
Стрий, 38, 43, 46, 54, 79, 97.
Стрийко, 43.
Стрийецъ, 38.
Стрия, стриня, 38, 43—44, 46,
97.
Стрична, 39, 106, прим. 81.
Стричичь, стрийчичь, 39, 45—46.
Стричичичь, 40.
Стриничиничь, 40.
Нотій, 46, 47.
Внукъ, внука, 31—32.
Правнукъ, 34.
Бракъ, 87—88.
Обрученіе, свадьба, веселье, сня-
токъ, свадебные годи, 89.
Мужъ, 3—6, 28.
Жена, 7.
Супругъ, супруга, 6.
Свекоръ, 61—65, 109, прим. 16.
Свекровь, 61—65, 109, прим. 17.
Шуринъ, 77—78, 115, прим. 55.
Щуръ, 105, прим. 72.
Прашуръ, 34, 35, 105, прим. 71.
Тесть, } 61, 65—69, 111, прим. 29.
Теща, }
Пунаецъ, } 69—70, 112, прим. 33.
Пуница, }
Свойта, 117, прим. 65.
Своить,
Своить, }
Своикъ—свакъ, } 81—84,
Своикни—свака, } 116, пр. 61.
Сватъ—сватья, }
Свойственникъ, }
Свѣсть, 78—80, 115, прим. 59.
Зать, 55—58, 107, прим. 7.
Женихъ, женищина, 91—92.
Паш, пашанац, пашеног, 86—87,
117.
Деверъ, 70—73, 112, 113, 114.
Золовка, 73—77, 114, прим. 48,
52.
Ятровъ, 84—86.
Невѣста, 90, 115, прим. 59.
Вѣно, 117, прим. 78.
Вервь, 93, 98—99, 118.
Околнна, 94, 99.
Ополье, 94—99.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 4.

РЕДАКТОРЪ, СОТРУДНИКИ И ЦЕНзуРА

ВЪ

РУССКОМЪ ЖУРНАЛѢ

1755 — 1764 ГОДОВЪ.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лн., № 12.)

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-
петербургъ, 10-го декабря 1867 года.**

Непрежанный Секретарь Академикъ *К. Восслоескій*.

РЕДАКТОРЪ, СОТРУДНИКИ И ЦЕНЗУРА ВЪ РУССКОМЪ ЖУРНАЛЪ 1755 — 1764 ГОДОВЪ.

Академика П. П. Пекарскаго.

«Ежемесячныя сочиненія» — этотъ первый учено-литературный журналъ въ Россіи заслужилъ болѣе, чѣмъ какое либо другое періодическое изданіе XVIII вѣка, похвалъ и одобренія позднѣйшихъ изслѣдователей. «Вся Россія, говоритъ о немъ митрополитъ Евгений ¹⁾, съ жадностію и удовольствіемъ читала сей первый русскій ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ...» Покойный В. А. Милютинъ, напечатавшій три обширныя статьи о томъ же изданіи ²⁾, называлъ его «однимъ изъ лучшихъ журналовъ, какіе только издавались въ Россіи и въ прежнее, и въ нынѣшнее время... «Ежемесячныя сочиненія», продолжаетъ онъ, не только приохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній и ближе познакомили ее съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ Россіи, но и положили прочное начало отечественной журналистикѣ. Своимъ примѣромъ они доказали пользу періодическихъ изданій и побудили другихъ писателей вступить также на поприще

¹⁾ Словарь русскихъ свѣт. писателей, Москва, 1845 г., т. II, 67.

²⁾ Современникъ 1851 года, томы XXV и XXVI, «Очерки русской журналистики».

журнальной дѣятельности, до той поры совершенно имъ неизвѣстное¹⁾...

Милютинъ обстоятельно познакомилъ читателя съ содержаніемъ «Ежемесячныхъ сочиненій» и рассмотрѣлъ всѣ статьи его на основаніи данныхъ, которыя доставило само изданіе. Но, кромѣ извѣстій, добытыхъ изъ этого источника, есть еще другія, касающіяся закулисной такъ-сказать стороны въ жизни журнала, стороны, которую обыкновенно и изъ современниковъ знаютъ немногіе, а большинство публики остается о ней почти всегда въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Между тѣмъ здѣсь-то и слѣдуетъ искать разгадку многихъ недоумѣній, часто возбуждаемыхъ при чтеніи той или другой журнальной статьи; здѣсь объясняются разныя темныя мѣста, ключъ къ пониманію которыхъ затерянь, если ограничиваться только однѣми печатными страницами журнала.

Извѣстно, что академикъ Миллеръ былъ редакторомъ «Ежемесячныхъ сочиненій». Читая нынѣ это изданіе, увидимъ, что онъ въ то же время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ его и помѣстилъ тамъ много статей. Все это, однако, не разрѣшаетъ еще вопроса: каково было участіе Миллера при помѣщеніи въ журналѣ статей другихъ писателей, и въ какія отношенія былъ онъ поставленъ къ нимъ?

Въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» участвовали всѣ современные писатели, пользовавшіеся болѣею или мѣншею извѣстностью. Они рѣдко скрывали свои имена, а потому ихъ сотрудничество не подлежитъ ни какому сомнѣнію; но, кромѣ сочиненій этихъ лицъ, въ журналѣ попадаетъ много и такихъ, подъ которыми нѣтъ никакихъ подписей. Правда, что болѣшая часть подобныхъ статей переводныя; однако переводная литература въ Россіи прошлаго вѣка, за скудостью въ оригинальныхъ произведеніяхъ, пользовалась значеніемъ и имѣла несомнѣнную долю вліянія и на словесность, и на общество. Въ старину обязанность переводчика была труднѣе и почетнѣе, чѣмъ нынѣ. Труднѣе потому, что тогда русскій литературный языкъ только-что начиналъ образовываться, и

¹⁾ Современникъ, 1851 г., т. XXV, отд. II, стр. 2, 8 и 17.

притомъ сколько нибудь сносныхъ пособій для изученія иностранныхъ языковъ почти не существовало вовсе. Почетнѣе — такъ какъ переводчикъ оказывалъ рѣдкую въ старину услугу, когда знакомилъ читателей съ произведеніями недоступныхъ для большинства читателей иностранныхъ литературъ въ переводахъ, переданныхъ хорошимъ языкомъ и близкихъ къ подлиннику. По этимъ причинамъ въ настоящее время не будетъ суетнымъ любопытство знать: кто могли быть безыменные переводчики и другіе невидные сотрудники въ журналѣ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени?

Наконецъ, въ журналистикѣ и литературѣ есть еще одна сторона, которой нельзя никакъ упускать изъ виду при исторической оцѣнкѣ журналовъ и вообще всѣхъ литературныхъ произведеній данной эпохи — это степень возможности, предоставленной писателю, высказывать свои мнѣнія относительно религіи, политики и литературы; другими словами — знать цензурныя требованія того времени, въ которое явилось разсматриваемое произведеніе.

При просмотрѣ старинныхъ матеріаловъ въ архивахъ Академіи Наукъ, мнѣ встрѣчались разныя свѣдѣнія о началѣ и продолженіи изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Несмотря на отрывочность ихъ, въ нихъ можно найти отвѣты на высказанные выше вопросы, почему свѣдѣнія эти, при помощи нѣкоторыхъ, уже изданныхъ матеріаловъ, разработаны въ настоящей статьѣ.

Со втораго года существованія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», т. е. въ 1728 году, при нихъ, въ видѣ приложений, стали издаваться отъ Академіи Наукъ такъ-называвшіяся «Примѣчанія». Здѣсь помѣщались статьи самаго разнороднаго содержанія, оригинальныя и переводныя, но непремѣнно изложенныя, конечно для своего времени, легко и понятно, стало быть доступно для большинства читателей. Эти «Примѣчанія» прекратились въ смутное для Академіи Наукъ время въ 1742 году и потомъ болѣе не

возобновлялись; тѣмъ не менѣе они такъ приписъ по вкусу читателей, что долгое время спустя ихъ перепечатали и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Объ нихъ вспомнили и при основаніи перваго русскаго учено-литературнаго журнала.

22 ноября 1754 года, непремѣнный секретарь и академикъ Миллеръ, который въ 1728 г. первый придумалъ издавать вышепомянутыя литературныя прибавленія къ «Петербургскимъ Вѣдомостямъ», заявилъ въ академическомъ засѣданіи предложеніе президента Академіи, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго объ изданіи въ предстоявшемъ 1755 году ученаго периодическаго журнала (*de ephemeride quadam erudita*) на русскомъ языкѣ по образцу издававшихся прежде «Примѣчаній» къ Вѣдомостямъ. Академикамъ предоставлялось обсудить, быть ли предположенному журналу ежемѣсячнымъ или еженедѣльнымъ, а также рѣшить и о статьяхъ, долженствовавшихъ войти въ составъ его.

Академики единогласно признали всю полезность подобнаго изданія для любителей чтенія, и каждый обѣщалъ свое сотрудничество по тѣмъ наукамъ, которыми занимался. вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено: журналу быть ежемѣсячнымъ, такъ какъ этотъ срокъ признавался болѣе удобнымъ для того, чтобы не разбивать всякой объемистой статьи на нѣсколько; допустить къ сотрудничеству въ журналѣ лицъ, хотя бы и не принадлежащихъ къ Академіи, но посвятившихъ себя литературѣ ¹⁾; исключить вовсе изъ журнала статьи богословскія и вообще всѣ, касающіяся до вѣры, а равнымъ образомъ статьи критическія или такія, которыми могъ бы кто-нибудь оскорбиться ²⁾.

Нѣкоторое разнорѣчіе въ мнѣніяхъ обнаружилось, однако, при подписаніи протокола. Ломоносовъ высказалъ тогда мысль, что статьи, предназначенныя въ журналъ, надлежало, прежде изданія

¹⁾ *Utile enim visum cuilibet litterarum cultori, etiam extra Academiam pro suis ingenii partibus dummodo ita ut decet comparati sint locum permittere.*

²⁾ *Exilent quoque omnia scripta critica vel quae aliquo modo famam alicujus laedere aut contra aliquem scripta videri possint.*

въ свѣтъ, представлять въ академическое собраніе. Тредіаковскій, соглашаясь съ распоряженіями, изложенными въ протоколѣ, возразилъ противъ Ломоносова, что представленіе статей на предварительный просмотръ можетъ подать поводъ къ пререканіямъ и напрасной тратѣ времени ¹⁾.

Надобно думать, что возбужденный Ломоносовымъ о предварительной цензурѣ журнала вопросъ въ началѣ не обратилъ на себя особеннаго вниманія; по крайней мѣрѣ о немъ пройдено все молчаніемъ въ предложеніи академическому собранію, данномъ отъ имени графа Разумовскаго 12 декабря 1754 года. Здѣсь давалось знать академикамъ, что, согласно ихъ заключенію, будетъ издаваться на русскомъ языкѣ журналъ, подъ названіемъ «Санктпетербургскія академическія примѣчанія» и что «сіе дѣло поручается подъ смотрѣніе секретарю конференціи», т. е. Миллеру. Онъ обязывался заботиться о статьяхъ для журнала и соблюденіи порядка при доставленіи ихъ отъ академиковъ. Въ случаѣ недостатка такихъ статей, книжку журнала дозволялось дополнять какимъ ни есть переводомъ чѣмъ бы то ни было, или стихами, въ которыхъ, по усмотрѣнію, соединено будетъ полезное забавному». Очевидно, что журналъ предназначался исключительно для большинства читающей публики, такъ какъ именно было оговорено: «изъ высокихъ наукъ, яко-то: изъ астрономическихъ наблюденій и изчисленій, изъ физики, математическими вычѣтами изъясняемой, изъ анатомическихъ примѣчаній, которыхъ разумѣть невозможно безъ знанія совершеннаго самой анатоміи, и ничего тому подобнаго въ помянутыя книжки не вносить» ²⁾.

Того же 12 декабря, графъ Разумовскій далъ знать академической канцеляріи, что съ 1755 года отъ академическаго со-

¹⁾ *Tamet si huic conventui interesse non potui, писалъ Тредіаковскій, propter adversam valetudinem; tamen sententiae omnium collegarum subscribo libens. Neque tamen censeo, ut scripta collegarum ante editionem legantur in conventu, id que propterea, ne detur ansa altercationibus neve fiat iactura temporis. См. латинскіе протоколы конференціи за 1754 годъ въ академическомъ архивѣ ея.*

²⁾ III портфель историографа Миллера «Материалы къ исторіи Академіи Наукъ 1751 — 1764 годовъ» въ архивѣ академической конференціи.

бравія будутъ издаваться ежемѣсячно «книжки на руссiйскомъ языкѣ, подъ именемъ «Санктпетербургскія примѣчанія» въ числѣ 2000 экземпляровъ¹⁾; что для печатанія ихъ долженъ быть назначенъ особый типографскій станъ въ полное распоряженіе Миллера, и что, наконецъ, каждая книжка журнала «по примѣру газетовъ» должна была раздаваться изъ книжной лавки въ послѣднюю почту мѣсяца. Надобно напомнить, что въ описываемое время академическая канцелярія съ Шумахеромъ, Тепловымъ и Таубертомъ не только управляла самовластно всѣми хозяйственными дѣлами Академіи, но постоянно вмѣшивалась и въ ученія занятія ея членовъ. Миллеръ чаще другихъ академиковъ имѣлъ по этому поводу столкновенія съ канцелярією, а потому, взявъ на себя изданіе журнала, вѣроятно самъ выговорилъ условіе — невмѣшательство канцеляріи въ это дѣло. По крайней мѣрѣ графъ Разу-

¹⁾ Въ первый годъ существованія Ежемѣсячныхъ сочиненій расходилось каждый мѣсяць отъ 600 до 700 экземпляровъ; въ послѣдующіе годы они распродалась отъ 500 до 700 экз.; по этому въ январѣ 1758 года академическая канцелярія велѣла печатать журнала въ количествѣ 1250 экземпляровъ. «А дабы отъ прежнихъ гѣтъ остающіеся, сверхъ ординарнаго завода, 800 экз., яко впередъ имѣющіи уже быть дефектъ совсѣмъ въ макалатуру не обратились и отъ того не послѣдовалъ напрасный казенный убытокъ, того ради гг. присутствующіе въ канцеляріи за благо разсудили оныя мѣсячныя сочиненія считать особливую (книжкою?) и окончить декабремъ мѣсяцемъ прошлаго 1757 года, а нынѣшняго 1758 года печатать продолженіе издаваемыхъ разныхъ матерій подъ инымъ приличнымъ титуломъ...» (Архивъ академической канцеляріи, картонъ № 18 и книга № 228). Съ 1758 года дѣйствительно нѣсколько измѣнено заглавіе журнала, а именно: «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служація», тогда какъ прежде заглавіе было: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служація». Впрочемъ это измѣненіе въ заглавіи было единственною переименованіемъ, и все прочее въ журналѣ оставлено въ прежнемъ видѣ. Въ 1763 и 1764 годахъ онъ назывался «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ». Распоряженіе канцеляріи впоследствии оказалось, однако, не совсѣмъ расчетливымъ: журналъ сохранялъ и послѣ цѣнность книги и находилъ покупателей, такъ-что пришлось дѣлать второе его изданіе годовъ 1758—1762. Замѣтимъ кстати, что многіе жалуются на чрезвычайную рѣдкость, напримѣръ Оренбургской топографіи Рычкова и нѣкоторыхъ статей Миллера, не воображая, что онѣ напечатаны въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», которыя и донынѣ есть въ продажѣ въ книжномъ складѣ при Академіи Наукъ. Все изданіе 1755—1764 годовъ въ двадцати томахъ стоитъ нынѣ 15 рублей.

новскій въ помянутомъ ордерѣ канцеляріи предписывалъ: «а о сочиненіяхъ, входящихъ въ помянутыя ежемѣсячныя книжки, и переводахъ и наблюденіи въ томъ порядка особливый ордеромъ отъ меня приказано въ собраніе академическое...»

На запросъ канцеляріи объ объемѣ книжки журнала, что было нужно при назначеніи годовой цѣны его по подпискѣ, Миллеръ, 16 декабря 1754 года, отвѣчалъ, что каждая книжка будетъ заключать въ себѣ кругомъ 6 листовъ; а какъ при нихъ иногда будетъ необходимо помѣщать гравюры, то, по мнѣнію Миллера, было необходимо «положить напримѣръ за каждый мѣсяцъ по 15 коп., что, кажется, для читателей будетъ не дорого, а для Академіи не убыточно...» Получивъ такой отзывъ, канцелярія сдѣлала слѣдующій примѣрный расчетъ издержкамъ на журналъ по типографіи:

«За наборъ съ листа по 3 руб., а за 6 листовъ. . . . 18 р. —
 «За напечатаніе съ листа по 1 коп., а за 6 листовъ. — 6 к.
 «За бумагу по деньгѣ за листъ. . . . . — 3.»

Итого . . 18 р. 9 к.

«А чрезъ цѣлый годъ, т. е. всѣ 12 выходовъ учинять 217 р. 8 к.

«Если оной будетъ печатано 2000 экземпляровъ, то обойдется экземпляръ каждого мѣсяца, состоящій въ 6 листахъ, по 8½ копейекъ, а чрезъ весь годъ по 1 р. 2 к.»

Впослѣдствіи времени годовая цѣна журналу была назначена въ 2 рубля, слѣдовательно дешевле «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», за которыя годовые подписчики платили 2 руб. 50 коп. Сверхъ этого расчета, въ канцеляріи академической было постановлено: 1) нужныя при изданіи журнала иностранныя періодическія сочиненія выдавать Миллеру изъ книжной академической лавки, а тѣхъ, которыхъ тамъ не будетъ на лицо, выписывать изъ за-границы на счетъ Академіи Наукъ. 2) Не печатать въ журналѣ ни одной статьи безъ разрѣшительной подписи Миллера¹⁾.

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 194.

14 декабря 1754 года, Миллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи приготовленное имъ предисловіе къ первой книжкѣ журнала, которое и было выслушано безъ возраженій со стороны академиковъ ¹⁾. Но мѣсяць спустя (11 января 1755 года), Ломоносовъ потребовалъ къ себѣ въ корректурѣ заглавный листъ и предисловіе журнала и заявилъ въ академическомъ собраніи, «что сей титулъ и предисловіе при дворѣ Ея Императорскаго Величества очень раскритикованы и надлежитъ-де оба переименовать. А особливо о титулѣ сказалъ онъ, что хотя назвать книгу санктпетербургскими штанами, то сіе таковоежъ прилично будетъ, какъ имя «Примѣчаній», потому что и стихи вносятся будутъ, а стихи-де не примѣчанія». Миллеръ возражалъ, что журналу дано заглавіе по латинской пословицѣ *a potiori fit denominatio*, но Ломоносовъ тѣмъ не удовлетворился и приступилъ къ разбору предисловія. Уже на первой строкѣ ему не понравилось выраженіе «ученые журналы», Миллеръ, по свидѣтельству Шлепера, въ спорахъ съ своими противниками отличался не столько уступчивостью, сколько язвительностью, и, защищая въ настоящемъ спорѣ упомянутое выраженіе, примолвилъ: «ежели г. Ломоносовъ то не знаетъ, то надлежитъ-де ему поучиться!» Эти слова окончательно разсердили Ломоносова, и онъ сталъ упрекать Миллера, что онъ его посылаетъ учиться въ школу, «а онъ-де чловѣкъ такой, что ему-де съ нимъ равняться никакъ не возможно! При этомъ Ломоносовъ утверждалъ, что на иностранныхъ языкахъ можно сказать *Journal litteraire*, *Gelehrte Zeitungen*, но по русски такъ не говорится. Въ споръ вмѣшался другой недругъ Ломоносова, Тредіаковскій: этотъ утверждалъ, что если говорить: ученое собраніе, ученныя дѣла, ученныя письма, то стало быть можно сказать и ученый журналъ. По свидѣтельству Миллера, въ продолженіе этихъ пререканій, ему много досталось отъ Ломоносова «безчестныхъ порицаній», о которыхъ онъ умалчиваетъ только «для краткости». Свое донесеніе президенту Акаде-

¹⁾ Протоколы академической конференціи за 1754 годъ.

ни объ этомъ событіи Миллеръ оканчиваетъ догадкою, что «можетъ быть г. Ломоносовъ не доволенъ тѣмъ, что дѣло сіе положено на меня, и онъ развѣ думаетъ, что онъ гораздо лучше оно исправить можетъ». Въ такомъ случаѣ конференцъ-секретарь предлагалъ возложить на Ломоносова обязанности по изданію журнала, «токмо, чтобъ онъ обязался, что за нимъ никогда остановки не будетъ...» Если же журналъ останется въ рукахъ его, Миллера, то онъ просилъ, чтобы ему быть внѣ зависимости отъ критики Ломоносова, такъ какъ у него съ нимъ «великая ссора была» по поводу диссертациі о происхожденіи руссовъ ¹⁾.

По отпечатаніи первой книжки журнала ²⁾, который вслѣдствіе указанія Ломоносова на неточность первоначально даннаго заглавія, сталъ выходить подъ титуломъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», Миллеръ, 26 января 1755 года, писалъ къ графу Разумовскому, что для изданія журнала хотя и предполагалось назначить въ распоряженіе Миллера всѣхъ студентовъ, переводчиковъ и магистровъ, однако на дѣлѣ переводами для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» занимаются только два студента, за работами которыхъ наблюдалъ самъ Миллеръ. «Корректуры хотя правитъ корректоръ Барсовъ, однако осталось бы много погрѣшностей, ежели бы я, продолжаетъ Миллеръ, за оными не смотрѣлъ, понеже подлинники не всѣ такъ ясно и исправно написаны, чтобъ кто, не разумѣющій матеріи, по онымъ исправлять могъ. А сочинять, и переводы править и за корректурами смотрѣть для одного человѣка, хотя сколько охотно я все то дѣлаю, не надежно. Того ради необходимо кажется, чтобъ еще кто другой опредѣленъ былъ для исправленія какъ переводовъ, такъ и корректуръ, и чтобъ

¹⁾ Черновое донесеніе, все писанное рукою Миллера хранится въ III-мъ портфелѣ его: «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ» 1751 — 1764 годовъ, и напечатано г. В. Ламанскимъ въ его «Ломоносовъ и петербургская Академія Наукъ», Москва, 1865 г., стр. 98 — 100.

²⁾ О выходѣ ея въ свѣтъ Шумахеръ, академическій совѣтникъ, писалъ 11 февраля 1755 года къ знаменитому Эйлеру, прекрасно знавшему русскій языкъ: «Наши русскія ежемѣсячныя сочиненія воспріяли свое начало. Первый мѣсяцъ ихъ имѣю честь здѣсь представить. Удержатся ли они — это покажетъ время: при теперешнихъ обстоятельствахъ трудно угодить на каждаго...»

быть российской нации и изъ профессоровъ, чтобъ совершенно на него полагаться было можно, и чтобъ всѣ переводчики и магистры и къ переводамъ опредѣленные студенты точно по его приказамъ и то въ скоромъ времени исполняли» ¹⁾. Неизвѣстно, послѣдовало ли тогда какое нибудь распоряженіе по этому ходатайству Миллера, только впоследствии, именно въ 1759 г. «для поправокъ штиль» статьи «Ежемесячныхъ сочиненій» въ рукописи должны были посылаться къ академику Никитѣ Попову ²⁾.

Въ концѣ 1760 года, Миллеръ снова представлялъ графу Разумовскому, что на немъ одномъ лежитъ изданіе журнала: изъ прочихъ академиковъ мало кто доставлялъ статьи, а переводчики и корректоры такъ плохо исполняли свое дѣло, что Миллеру приходилось все исправлять самому.

«И всѣ сіи неизчетные труды принялъ я на себя, писалъ редакторъ, и исправлялъ уже близко шести лѣтъ не по моей должности, но только стараясь чрезъ то угождать вашему высокогосударственному сіятельству и для общей пользы, потому что я увидѣлъ, что при Академіи нѣтъ никого, кто бы хотѣлъ такіе труды взять на себя, и ежели бы я оныя не исправлялъ, то конечно было бы отъ того опасаться остановки въ толь полезномъ дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ лишенія пользы для читателей; также неминуемаго нареканія Академіи, ежели худые и съ оригиналами не согласные переводы, еще и съ прибавкою безчисленныхъ типографскихъ погрѣшностей въ свѣтъ окажутся. Что же сіе дѣло не надлежитъ до настоящей моей должности, которою я Академіи обязанъ, оное явствуетъ потому, что отъ иностраннаго человѣка требовать не можно, чтобъ онъ зналъ по русски въ такой градусъ, чтобъ издавать книги на российскомъ языкѣ, а меньше того, чтобъ онъ поправлялъ переводы, русскими переводчиками чиненные; да еще меньше, чтобъ человѣкъ моего званія исполнялъ должность типографскаго корректора, чтó совсѣмъ противно добропорядочной эконо-

¹⁾ III-й портфель Миллера, «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ».

²⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 242.

мін, которая учить, чтобъ человѣка, на большомъ жалованьѣ служащаго, не употребить (sic) къ такимъ дѣламъ, которыя кто на меньшемъ жалованья отправлять можетъ. Между тѣмъ во все оное время, что издаваніемъ «Ежемесячныхъ сочиненій» я упражняюсь, не упустилъ я и ничего того, что до настоящихъ моихъ должностей, яко конференцъ-секретаря и историографа, слѣдуетъ, чему самыя мои дѣла свидѣтели, которыя при Академіи всякому извѣстны» ¹⁾...

Это представленіе имѣло послѣдствіемъ то, что графъ Разумовскій въ ордерѣ академической канцеляріи, 23 октября 1760 года, писалъ: «профессоръ и историографъ г. Миллеръ, будучи при конференціи академической секретаремъ, отправляетъ всѣ сіи три должности съ похвалою; а сверхъ того съ немалымъ трудомъ въ поправкѣ, въ переводахъ и собственныхъ сочиненіяхъ ежемѣсячныя книжки издаетъ въ печать и симъ образомъ заслуживаетъ поощренія и впредь къ таковымъ же трудамъ. Того ради чрезъ сіе рекомендую ему, г. Миллеру, продолжать все сіе съ прежнимъ раченіемъ не токмо по должности секретаря академическаго и историографа, но и въ изданіи въ печать «Ежемесячныхъ сочиненій», въ которыхъ наипаче стараться онъ долженъ, чтобъ матеріи вносимы были для публики важнѣйшаго содержанія...» За тѣмъ слѣдовало распоряженіе о прибавкѣ Миллеру къ годовому его жалованью 200 рублей.

До самаго конца изданія «Ежемесячныхъ сочиненій» Миллеръ не преставаъ жаловаться на малое содѣйствіе ему въ этомъ дѣлѣ... «Текущихъ дѣлъ толь много, писалъ онъ къ Соймонову, 17 іюня 1764 года, что едва оныхъ сносить могу. Ваше превосходительство едва себѣ представите, что и реестры полугодовые къ сочиненіямъ, за немѣніемъ никакой помощи, я же сочиняю. Просилъ я не токмо г. президента, но и самую все милостивѣйшую Государыню, чтобъ секретарскую должность съ меня снять и из-

---

¹⁾ Черновое, неоконченное донесеніе Миллера въ III-мъ портфелѣ его «Матеріаловъ къ исторіи Академіи Наукъ».

даванія «Ежемесячныхъ сочиненій» (къ коимъ однакожь матеріи подавать я обѣщаль) приказать другому, дабы мнѣ упражняться въ одной исторіи и географіи россійской; но не могъ я получить желанное, истощая силы свои по большей части на дѣла, которыя многіе другіе исправлять могли, а самое важное за тѣмъ остается ¹⁾...»

1 января 1765 года, Императрица Екатерина II, по докладу Бецкаго, назначила Миллера въ Москву главнымъ надзирателемъ въ тамошній Воспитательный Домъ ²⁾. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, историографъ (27 февраля 1765 года) напоминалъ, между прочимъ, академической канцеляріи, что онъ весьма бы желалъ о безостановочномъ и безъ него продолженіи изданія «Ежемесячныхъ сочиненій», для чего и обѣщаль доставить на цѣлый годъ содержанія для нихъ, а въ слѣдующіе годы содѣйствовать этому дѣлу; «но, прибавляетъ онъ, охотника къ принятію на себя труда издаванія между господами членами не сыскалось; да сверхъ того, г. статскій совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ продолженіе «Ежемесячныхъ сочиненій» *оспорилъ*, и на мѣсто оныхъ предложилъ издаваніе экономическихъ и физическихъ сочиненій по четвертямъ года, на что всѣ члены согласились. Но кому быть издателемъ оныхъ, того не опредѣлено, и учинено ли тому начало неизвѣстно...» На подлинномъ представленіи Миллера Ломоносовъ написалъ противъ слова *оспорилъ*: «Опять грубость и клевета: иное предложить, а иное оспорить ³⁾!»

На это предложеніе Миллера, академическая канцелярія (28 февраля 1765 года) отвѣчала распоряженіемъ: «изъ академическаго собранія требовать отъ каждаго письменнаго объявленія, намѣренъ ли кто одинъ собою, или согласясь съ нѣкоторыми другими членами, продолжать «Ежемесячныя сочиненія», или быть издателемъ предложенныхъ вновь г. статскимъ совѣтникомъ

¹⁾ В портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1763—1764 годовъ.

²⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 288.

³⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 787.

Ломоносовымъ экономическихъ и физическихъ сочиненій ¹⁾)...» Въ современныхъ бумагахъ не отыскано отвѣта академическаго собранія, но и безъ него положительно извѣстно, что послѣ Миллера не издавались «Ежемесячныя сочиненія», а равнымъ образомъ не выходило въ свѣтъ такого періодическаго изданія, какое предлагалъ Ломоносовъ. 9 октября 1766 года Миллеръ, поздравляя Ейлера, старѣйшаго изъ академиковъ по заслугамъ и лѣтамъ, съ пожалованіемъ ему дома отъ Императрицы Екатерины II, писалъ: «но когда же я получу извѣстіе, что въ Академіи произошли дѣйствительныя улучшения? Объ этомъ я, конечно, вздыхаю также сильно, какъ и всякой, ежедневно видящій настоящее положеніе ея. Скоро ли буду имѣть я случай и въ этомъ принести вамъ покорнѣйшее мое поздравленіе? Дѣло идетъ не объ одной Академіи, но и о рѣшительномъ преобразованіи такъ называемыхъ университета и гимназій; въ особенности послѣднюю необходимо на столько улучшить, чтобы и значительные родители отдавали въ нее на воспитаніе своихъ дѣтей. За тѣмъ главный предметъ заботъ — приуготовительная школа (Pflanz Schule), въ которой бы образовывались переводчики полезныхъ книгъ. Нынѣ недостатокъ въ нихъ не вѣроятенъ: сколько терзался я, издавая въ продолженіи десяти лѣтъ русскій журналъ? Безъ сомнѣнія по этой причинѣ никто не нашелся, чтобы продолжать его ²⁾».

Было замѣчено выше, что въ предварительныхъ распоряженіяхъ объ изданіи «Ежемесячныхъ сочиненій» допускалось сотрудничество писателей, не принадлежавшихъ къ Академіи. Въ прошломъ столѣтіи не было въ обычаѣ платить журнальнымъ сотрудникамъ за ихъ литературные труды. Впрочемъ, несмотря на то, а также, что въ тѣ времена считалось особеннымъ почетомъ ви-

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 288.

²⁾ VI портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1765—1766 годовъ.

дѣтъ въ печати свои сочиненія, можно примѣтить зародыши будущаго права на вознагражденіе за журнальную статью, какъ за всякую другую работу. Такъ наприѣръ, по истеченіи перваго года существованія журнала, Миллеръ писалъ (3 февраля 1756 года) въ академическую канцелярію: «извѣстился я, что нѣкоторые господа, вѣдѣ Академіи сотрудничавшіеся при издаваніи «Ежегѣсичныхъ сочиненій», ожидаютъ того, чтобъ имъ отъ Академіи подарено было по экземпляру оныхъ сочиненій въ хорошемъ переплетѣ, (а потому) не могъ я оставить, чтобъ о томъ не упоминать (sic) какъ для справедливости онаго ожиданія, такъ и для чести Академіи и для побужденія оныхъ господъ впредь къ сотрудничанію (sic)...» Миллеръ при этомъ случаѣ называлъ слѣдующихъ изъ своихъ постороннихъ сотрудниковъ: бригадира Сумарокова, маіора Елагина (Ивана Перфильевича), титулярнаго совѣтника Хераскова, поручика Нартова (Андрея) и сухопутнаго кадетскаго корпуса капрала Порошина (автора извѣстныхъ Записокъ о Павлѣ Петровичѣ). Канцелярія нашла это ходатайство вполнѣ уважительнымъ и сдѣлала распоряженіе о переплетѣ и выдачѣ по принадлежности требованныхъ экземпляровъ журнала ¹⁾.

Выдача автору извѣстнаго количества отдѣльныхъ оттисковъ его статьи считалась также вознагражденіемъ. Такъ Миллеръ 7 марта 1757 г. представлялъ, что за доставленное для журнала сочиненіе «г. Полетика требуетъ... обыкновенное награжденіе сто экземпляровъ, которые напечатать особливо... А по моему мнѣнію надобно тѣмъ наибольше удовольствовать г. сочинителя, что на то почти больше не потребно, какъ только бумага, и оное можетъ служить другимъ для возбужденія ²⁾....»

Дѣятельнѣйшему изъ своихъ постороннихъ сотрудниковъ П. Рычкову, Миллеръ постоянно высылалъ Вѣдомости, календарь и разныя академическія изданія. Присылка новыхъ книгъ продолжалась и послѣ прекращенія «Ежегѣсичныхъ сочиненій», и Рыч-

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 207.

²⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 321.

ковъ однажды (1 августа 1769 года), благодаря за то Миллера, писалъ: «Я ни отъ кого книгъ нынѣ не получаю, да и газетъ такъ, какъ при васъ бывало, отъ Академіи не присылаютъ же. Признаюсь вамъ, какъ моему милостивцу и другу, что тѣмъ и охота моя трудиться для Академіи нѣсколько уменьшилась. Мало такихъ людей въ свѣтѣ, чтобъ безъ всякаго воздаянія трудились ¹⁾...»

Несмотря на скудость въ произведеніяхъ оригинальныхъ, Миллеръ, однако, не печаталъ подъ рядъ всего, что ему доставлялось для помѣщенія въ «Ежемесячныя сочиненія». Въ подтвержденіе тому сохранились извѣстія о пререканіяхъ его съ Тредіаковскимъ. Двѣ прозаическія статьи и одно стихотвореніе послѣдняго были напечатаны въ началѣ существованія «Ежемесячныхъ сочиненій» (въ 1755 году); но потомъ Миллеръ сталъ отказывать Тредіаковскому въ помѣщеніи его произведеній, а между тѣмъ этотъ приготовилъ было разсужденіе «Объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ» ²⁾, пять разсужденій «О всей силѣ правоучительныя философіи», также «Объ окончаніи собственныхъ нашихъ именъ женскихъ съ греческихъ и латинскихъ на асъ и на ісъ». «Піеса стішками о выборѣ невѣсты, врученная самому его графскому сіятельству, которая не неосновательною мнѣ, говорилъ самъ Тредіаковскій, казалась, уничтожена жъ. Аллегорическая нѣкоторая басенка стіхами безъ рѣймъ, которую двое изъ бывшихъ тогда въ собраніи членовъ 'апробовали, а двое отrekliсь незнаніемъ силы въ стіхахъ російскихъ, и которыя печатаніе далъ на волю его графское сіятельство, уничтожена жъ». Тогда Тредіаковскій, по его словамъ, обратился къ Миллеру съ требованіемъ объясненія: «по какой бы онъ власти, и по чьему повелѣнію, лишаетъ меня моего законнаго права, тѣмъ, что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ книжки, и апробованныхъ не печатаетъ? Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ,

1) XXV портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ.

2) Статья эта напечатана въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 г., т. VIII, прил. № 7: «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова», стр. 102 и слѣд.

какъ будто должнымъ уже и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколько бы я его ни спрашивалъ. Гдѣ жъ то узаконено, продолжаетъ Тредіаковскій, чтобъ члену секретаря не долженъ былъ ничего казывать? Трудно бы терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моемъ мѣстѣ. Однако, я извинѣ замолчалъ, а внутри раздирался на части!...»

Такая неудача въ помѣщеніи своихъ произведеній въ журналѣ навела Тредіаковскаго на мысль, что Миллеръ не исполняетъ его желаній изъ личнаго нерасположенія къ нему, почему стихотворецъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ поручилъ Андрею Нартову, усердному вкладчику статей въ «Ежемесячныя сочиненія», передать свои статьи редактору отъ имени Нартова, о чемъ такъ рассказываетъ: «сочинилъ я оду, назвавъ ее Вешнее Тепло, и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквѣхъ ¹⁾, да и вручилъ конференцъ-секретарю посторонними руками. Расхвалена сія ода, и въ книжкахъ напечатана ²⁾. Хотя жъ мнѣ и посчастлилось (sic) въ подставѣ чужаго автора; однако сей самый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе самое испыталъ я и еще двѣма пошлыми піесами, изъ которыхъ первая о беспорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о шолкѣ и червяхъ шолковыхъ. Первая она такъ типографшиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочно ли сіе здѣлано для безчестія мнѣ, можетъ быть почувствовавши, что она моя ³⁾. Писалъ я для того письмо къ издателю, и жаловался, что такъ дурно и развращенно съ сочиненіемъ моимъ по-

¹⁾ В, Т = Василій Тредіаковскій.

²⁾ Въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» за май 1756 г., стр. 469 — 477.

³⁾ Въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» іюль, 1757 года, стр. 66 — 68. Въ отчетѣ канцеляріи о статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ мѣсяцѣ, Миллеръ замѣтилъ: «О беспорочности и пріятности деревенскія жизни» — сочинилъ невѣдомо кто, а мнѣ отдалъ артиллеріи поручикъ г. Нартовъ». См. архивъ академической канцеляріи, книга № 228.

ступлено; но онъ, свѣдавъ уже подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ то-мо вторую, хотя и прощена была назадъ, о полкѣ...»

Отказъ помѣщать статьи въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ эпиграммы, сыпавшіяся на Тредіаковскаго за то, что онъ считалъ болѣе правильнымъ писать, напримѣръ добрымъ люди, вѣрнымъ счеты, а не добрые люди, вѣрные счеты, и т. д., сильно огорчали этого писателя, и три года спустя, вспоминая о томъ, онъ писалъ: «Послѣ сего, ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, оуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во правахъ (что сего безсовѣстнѣе?) оглашаемый, все жъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ по собственной потребности, чтобъ употребляющаго меня праведно, и съ твердымъ основаніемъ и въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣльныхъ, всемѣрно низвергнуть въ пропасть безславія, всеконечно ужé изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію ¹⁾...»

Сумароковъ помѣщалъ свои произведенія въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» четыре года, но потомъ съ 1759 года ихъ болѣе въ журналѣ не встрѣчается. Правда, что Сумароковъ въ 1759 году издавалъ свой собственный журналъ; но, вѣроятно, между нимъ и Миллеромъ произошло также что-нибудь подобное тому, что случилось съ Тредіаковскимъ, потому что Ломоносовъ, въ письмѣ къ И. И. Шувалову 19 января 1761 г., говорилъ о Сумароковѣ: «Тауберта и Миллера для того только бранить, что не печатають его сочиненій, а не ради общей пользы ²⁾».

Кромѣ писателей, помѣщавшихъ въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» свои статьи, какъ любители литературы, желавшіе стяжать себѣ писательскую извѣстность, у Миллера были сотрудники по

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, т. IX, 1866 г., кн. 2, прилож. къ протоколамъ, стр. 178, 179.

²⁾ Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, т. I, 686.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

обязанности, назначенные академическимъ начальствомъ. Они болѣе первыхъ трудились и доставляли статей для журнала, но имена этихъ рядовыхъ труженниковъ остаются неизвѣстными, потому что подписывали, даже не исключая и переводовъ, только посторонніе литераторы, быть можетъ потому, что они дѣлали нѣкоторымъ образомъ одолженіе помѣщеніемъ своихъ трудовъ и хотѣли непременно повѣдать міру, что и они писатели. Изъ вышеприведенныхъ словъ Миллера можно замѣтить, что онъ постоянно жаловался и былъ недоволенъ своими академическими сотрудниками. Эти жалобы и недовольство невозможно считать безусловно справедливыми, когда припомнимъ то, что говоритъ о характерѣ исторіографа Шлецеръ: «самъ неутомимо трудолюбивый и точный во всемъ, Миллеръ хотѣлъ вынудить оба эти качества и у всѣхъ прочихъ. Каждый, имъ придуманный проектъ долженствовалъ — такъ какъ онъ считалъ его хорошимъ и по болѣе части всѣ они дѣйствительно были таковыми — быть осуществленнымъ во что бы то ни стало ¹⁾». Впрочемъ, даже если и допустить, что Миллеръ справедливо говорилъ о маломъ содѣйствіи въ изданіи журнала, то все таки безыменные сотрудники его не заслуживаютъ полного забвенія.

О писателяхъ, пользовавшихся болѣею или мѣнѣею извѣстностью, обыкновенно собираются и сохраняются разныя свѣдѣнія, которые впоследствии дѣлаются достояніемъ исторіи литературы; но одновременно съ такими немногими избранниками подвизаются на литературномъ поприщѣ множество труженниковъ, осужденныхъ послѣ жизни, по болѣе части переполненной всевозможными лишеніями и невзгодами, на совершенное забвеніе. Какъ ни ничтожна по своимъ послѣдствіямъ писательская дѣятельность такихъ лицъ, когда разсматривать ее отдѣльно самоѣ по себѣ, тѣмъ не менѣе однако произведенія этой дѣятельности составляютъ нераздѣльную часть той массы умственной производительности, которая есть литература данной эпохи. Въ литературной дѣятельно-

¹⁾ A. L. Schlözer's Leben von ihm selbst beschrieben, стр. 29.

сти писателей безвѣстныхъ также отражаются духъ своего времени, потребности и направленіе общества, равно какъ и средства, бывшія въ его распоряженіи для удовлетворенія или осуществленія ихъ. Поэтому было бы крайне одностороннимъ со стороны историка литературы, когда бы онъ, при изученіи той или другой эпохи, сталъ ограничиваться разысканіями объ однихъ литературныхъ знаменитостяхъ. Какъ бы ни были разнообразны и богаты достоинства сочиненія извѣстныхъ писателей, какъ бы ни была переполнена жизнь ихъ многообразными приключеніями, въ сочиненіяхъ ихъ никогда не выскажутся всѣ идеи, которыми жило общество въ данную минуту своего существованія; въ ихъ жизни не отразится жизни цѣлаго общества со всѣми ея разнообразными уклоненіями и кажущимися исключеніями изъ общаго правила. Чтобы добыть цѣльную картину прошлаго въ литературѣ, не возможно упускать изъ виду писателей второстепенныхъ и даже не пользовавшихся никакою извѣстностью. Если не въ произведеніяхъ, то въ жизни ихъ найдется много поучительнаго и такого, что уясняетъ позднѣйшему изслѣдователю неразгаданное и темное въ исторіи литературы. По этимъ-то основаніямъ, читатель встрѣтится въ настоящей статьѣ, конечно въ первый разъ, съ подробностями о безвѣстныхъ сотрудникахъ перваго русскаго журнала, на сколько было возможно собрать ихъ при помощи уцѣлѣвшихъ архиварныхъ извѣстій.

По выходѣ въ свѣтъ первой книжки «Ежемесячныхъ сочиненій», президентъ Академіи Наукъ, графъ Разумовскій сдѣлалъ (30 января 1755 г.) такое распоряженіе: «адъюнкту Осипу Шестаковскому съ прочими быть ежедневно при переводахъ подъ вѣдомствомъ г. секретаря конференціи и профессора Миллера, и порученныя ему отъ него дѣла переводить непременно въ конференціи, а не на квартирѣ ¹⁾...»

Жизнь адъюнкта Шестаковского была полна разнообразныхъ приключеній: онъ происходилъ изъ смоленской шляхты, а

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 194.

потому называлъ себя въ прошеніяхъ «человѣкомъ иностраннымъ»; сначала учился въ московской словено-греко-латинской Академіи, гдѣ «ходилъ на реторику»; въ 1740 году очутился уже въ Петербургѣ и посѣщалъ лекціи академиковъ; потомъ перешелъ въ шляхетскій сухопутный корпусъ, наконецъ служилъ унтеръ-офицеромъ и сержантомъ въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку. 6 іюня 1751 года Академія Наукъ неожиданно получила про memorію изъ полковой канцеляріи сейчасъ названнаго полка, въ которой давалось знать, что:... «минувшаго мая 26 дня, по конфирмаціи на поданномъ ея императорскаго величества отъ полку лейбъ-гвардіи семеновскаго докладѣ, всемілостивѣйше пожалованъ онаго полку сержантъ Іосифъ Шестаковскій, по его искусству наукъ, въ де-сіансъ Академію адъюнктомъ съ рангомъ капитанскимъ...» Академическая канцелярія распорядилась «освидѣтельствовать» новаго адъюнкта въ наукахъ и языкахъ. Вслѣдствіе того, академики Браунъ и Тредіаковскій отозвались, что «мы съ г. адъюнктомъ Шестаковскимъ разговаривали, а по разговорѣ о философіи, реторикѣ и поэзіи явилось, что оный г. адъюнктъ о сихъ наукахъ говорить не могъ много, объявивъ въ причину тому малое въ нихъ упражненіе при бывшей его военной службѣ...» Въ геометріи и фортификаціи у него, впрочемъ, оказались нѣкоторые свѣдѣнія; при томъ онъ могъ переводить съ латинскаго языка. Самъ Шестаковскій, послѣ академическаго испытанія, просилъ канцелярію о дозволеніи, за невозможностью ему исполнять адъюнктскую обязанность согласно регламенту Академіи, «оставить меня при философіи, къ которой крайнюю охоту имѣю...» Канцелярія послала его къ академику Брауну, занимавшемуся этою наукою, замѣтивъ при томъ въ протоколѣ: «изъ собственнаго Шестаковскаго признанія довольно явствуетъ, что онъ не токмо не въ состояніи, но и охоты не имѣетъ отправлять должность адъюнктскую ¹⁾...»

Шестаковскій сдѣлалъ нѣсколько переводовъ для журнала,

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 62, 102 и 154.

но, по отзыву Миллера, они требовали «великаго поправленія ¹⁾». За тѣмъ вскорѣ Академія освободилась отъ этого адъюнкта: по его просьбѣ, 5 іюня 1755 года онъ былъ уволенъ для вступленія въ монашество. Впослѣдствіи онъ находился іеромонахомъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ (1757—1761 г.); потомъ былъ архимандритомъ въ николаевскомъ шартскомъ монастырѣ сурдальской епархіи, а въ 1770 году жилъ на покой въ Москвѣ ²⁾.

Самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи «Ежемесячныхъ сочиненій», Миллеръ, вскорѣ послѣ выхода первой книжки журнала, называлъ студента Ивана Голубцева и даже просилъ, чтобы «для примѣра прочимъ» ему было назначено 150 руб. жалованья и возвращено званіе переводчика, котораго канцелярія его лишила за проступки ³⁾. Изъ другихъ современныхъ извѣстій видно, что усерднымъ переводчикомъ для «Ежемесячныхъ сочиненій» былъ также Василій Лебедевъ ⁴⁾. И Голубцевъ, и Лебедевъ оба были товарищами Ломоносова по словено-греко-ла-

¹⁾ Тамъ же, книга № 220.

²⁾ Тамъ же № 197 и Госуд. Архивъ, разрядъ X, прошенія, бывшія въ дѣлопроизводствѣ Гр. Н. Теплова, часть X.

³⁾ Ш портфель Миллера, матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ 1751—1764 годовъ, донесеніе 26 января 1755 г.

⁴⁾ Въ академическихъ архивахъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ именахъ сочинителей и переводчиковъ, участвовавшихъ въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» въ 1757 году. По этимъ свѣдѣніямъ можно судить о дѣятельности Голубцева и Лебедева и въ прочіе годы. Такъ въ означенномъ году слѣдующія статьи переведены были первымъ изъ нихъ: а) въ апрѣлѣ, стр. 369—381: «О нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, кои полезны къ крашенію». б) Въ маѣ, стр. 387—461, «Извѣстіе о шелковыхъ заводахъ, какимъ образомъ они учреждены въ Китаѣ и пр.; стр. 462—469, «Описаніе особой камеръ-обскуры и полемоскопа»; стр. 470—479, «О китовой ловлѣ около Камчатки». в) Въ іюні, стр. 558—562, «Какимъ образомъ воспа въ Англіи прививается и составленъ изъ же Голубцевымъ, стр. 568—592, «Ресостръ достопамятныхъ вещей». д) Въ іюлѣ, стр. 3—39, «Исторія о странахъ, при р. Амурѣ лежащихъ»; стр. 54—65, «Предложеніе о разводѣ въ Россіи шелководныхъ деревъ». е) Въ августѣ, стр. 99—130, «Предложеніе исторіи о странахъ, при р. Амурѣ лежащихъ». ф) Въ сентябрѣ, стр. 195—227, продолженіе предыдущей статьи. г) Въ октябрѣ, стр. 291—328, продолженіе предыдущей статьи. и) Въ ноябрѣ, стр. 468—474, «О разумномъ употребленіи самолюбія, разговоръ между Сократомъ и Ксенофонтомъ». к) Въ декабрѣ, стр. 539—549, «Объ истинной долготѣ человѣческой жизни». Статьи переведенныя въ томъ же 1757 г. въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» Васильемъ

тинской Академіи въ Москвѣ; оба получили воспитаніе при Академіи; потомъ занимались переводами и между современниками были извѣстны какъ знатоки русскаго языка и искусные переводчики ¹⁾).

О судьбѣ этихъ полезныхъ для своего времени, но теперь совершенно забытыхъ литературныхъ дѣятелей извѣстно слѣдующее.

24 января 1735 года, президентъ Академіи Наукъ баронъ Корфъ, представляя сенату, что по мысли Петра Великаго Академія Наукъ учреждена не только для дальнѣйшаго усовершенствованія наукъ, но и для распространенія просвѣщенія въ Россіи, ходатайствовалъ объ основаніи при Академіи семинаріи на 30 воспитанниковъ и объ отпускѣ на то особой суммы. Когда сенатъ

Лебедевымъ: 1) въ июль, стр. 89 — 95, «О употребленіи овощей»; 2) въ августѣ; стр. 181 — 184, «О пользѣ высшей математики въ общей жизни» (на нѣмецкомъ началу принадлежитъ академику Гришкову, а конецъ академику Цейгеру); 3) стр. 185 — 191, «Мысли экономическія»; 4) въ сентябрѣ, стр. 228 — 251, «О воспитаніи дѣтей у Лакедемонянъ»; 5) стр. 271 — 283, «Ф. Пломгрена, размышленія о коммерціи вообще»; 6) стр. 284 — 296, «Извѣстіе о нѣкоемъ достовѣрномъ лекарствѣ для излѣченія очной болѣзни»; 7) въ октябрѣ, стр. 329 — 348, «Размышленія о возвратѣ кометъ»; 8) стр. 377 — 383, «Переводъ изъ третьей части гамбургскаго патріота», 9) въ декабрѣ, стр. 516 — 531, «Храмъ земнаго увеселенія, во слѣ видѣнный». Въ 1758 году въ февральской книжкѣ «Ежемесячныхъ сочиненій» статьи на стр. 99 — 120, «Продолженіе описанія морскихъ путешествій»; стр. 150 — 182, «Разсужденія о саранчѣ, и стр. 183 — 191, «Разныя примѣчанія естественныя» переведены Голубцевымъ. (Архивъ академической канцеляріи, книга № 228). Въ маѣ 1761 года, Василий Лебедевъ доносилъ, что онъ перевелъ для «Ежемесячныхъ сочиненій» слѣдующія статьи изъ Англійскаго Спектатора: 1) «Письмо о томъ, что собственно высоко почитать надлежитъ»; 2) «О силѣ новости» (въ Ежемѣсч. сочиненіяхъ 1761 г., часть I, стр. 265 — 278); 3) «Сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ» (тамъ же, стр. 463 — 472); 4) «Сонъ о искрѣ грѣховъ» (тамъ же, стр. 473 — 478); 5) «Сонъ о правосудіи» (тамъ же ч. I, стр. 513 — 523, ч. II, 278 — 287); 6) Изъ нидерландскихъ сочиненій размышленіе о земледѣліи. (См. архивъ академической канцеляріи, книга № 236.)

¹⁾ Порошинъ, напримѣръ, въ своихъ Запискахъ занесъ въ октябрѣ, 1764 года: «...разговорились о Кейслеровомъ путешествіи, и послѣ о переводчикахъ академическихъ: Тепловѣ, Голубцовѣ и Лебедевѣ. Я говорилъ, что они очень хорошо по-русски знали и хорошо переводили...» Записки Порошина. Спб. 1844 г., стр. 106.

потребовагь болѣе подробныхъ разьясненій по этому предмету, Корфъ, 16 апрѣля 1735 года, сообщилъ свои изчисленія, по которымъ каждый воспитанникъ обходился бы казнѣ въ 146 руб. 60⁷/₁₀ коп., а всѣ 30 человекъ 4,398 руб. 25 к. (см. приложение I). Баронъ Корфъ какъ бы предчувствовалъ, что его представленіе о семинаріи на придуманныхъ имъ основаніяхъ не будетъ утверждено, а потому 13 мая 1735 года онъ вошелъ въ сенатъ съ другимъ ходатайствомъ о высылкѣ изъ русскихъ училищъ двадцати молодыхъ людей на столько подготовленныхъ, чтобы они тотчасъ же могли начать слушать лекціи у академиковъ. А такъ какъ Академія не имѣла въ своемъ распоряженіи излишнихъ суммъ, то Корфъ просилъ сенатъ о назначеніи на содержаніе каждаго молодого человека по 150 рублей въ годъ (см. приложение II).

Очевидно, что вопросъ о деньгахъ на содержаніе воспитанниковъ составлялъ для барона Корфа существенную часть дѣла, такъ какъ Академія, съ самаго основанія обремененная разными мастерскими и художниками, нуждалась часто въ деньгахъ до такой степени, что и академики не получали жалованья за полтора и болѣе года. Между тѣмъ сенатъ прошелъ молчаніемъ о назначеніи денегъ, а распорядился только: «изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ науки достойныхъ 20 человекъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписаться ректору и учителямъ и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію Наукъ...»

Президентъ Академіи, какъ видно, принималъ близко къ сердцу все это дѣло, а потому по полученіи послѣдняго указа изъ сената обратился къ ректору и архимандриту спасскаго монастыря:

«Въ присланномъ изъ правительствующаго сената въ Академію Наукъ указѣ отъ 13 октября объявлено, что избраніе оныхъ 20-ти учениковъ, которые къ вышнимъ наукамъ приведены быть имѣютъ, оставлено на ваше и вашихъ товарищей разсужденіе; но дабы при томъ высочайшее намѣреніе ея императорскаго величества исполнилось, то вашего преподобія прошу избрать и отправить сюда отроковъ добрыхъ, которые бѣ въ приличныхъ къ

украшенію разума наукаѣхъ довольное знаніе имѣли и вамъ бы самимъ честь и отечеству пользу учинить могли...»

Архимандритъ Стефанъ отвѣчалъ барону Корфу: «изъ московской словено-греко-латинской Академіи ученики, числомъ 12, остроумія, по нашему мнѣнію, не послѣдняго, выбраны и въ московскую синодальнаго правленія канцелярію при доношеніи представлены...» Президентъ Академіи просилъ сенатъ (15 декабря 1735 г.) о доставленіи недостававшихъ восьми человекъ (см. приложение III), что и было обѣщано, но потомъ не исполнено.

2 января 1736 года отставной прапорщикъ Василій Поповъ явился въ Академію Наукъ съ двѣнадцатью молодыми людьми, которыхъ онъ привезъ изъ Москвы. По отзыву коллегіи экономіи это были: «изъ богословія — Василій Лебедевъ, Яковъ Виноградовъ, Яковъ Несмѣяновъ, которые сего 1735 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при отправкѣ философическаго корпуса (курса?), въ богословію вступили. Изъ философіи — Александръ Чадовъ, Дмитрій Виноградовъ, Иванъ Голубцевъ, Михайло Ломоносовъ, что изъ реторики въ нынѣшнемъ же году перешли до философіи. Изъ реторики — Прокофій Шишкаревъ, Семень Старковъ. Изъ шитки — Алексѣй Барсовъ, Михайло Ковринъ, Никита Поповъ, которыхъ до упомянутыхъ школъ промоція учинена сего же года...»

Въ октябрѣ 1735 г. и два раза въ январѣ 1736 г. баронъ Корфъ напоминалъ сенату о назначеніи 3,000 руб. на содержаніе новыхъ воспитанниковъ, но въ отвѣтъ получилъ наконецъ (3 февраля 1736 года) такое распоряженіе: «до будущаго указу отпустить изъ штатсъ-конторы на каждого человека по 30 руб., итого 360 руб., а для житія отвезть имъ покои при Академіи, пока другіе имъ даны будутъ». Деньги эти были употребляемы на покупку самой необходимой мебели (кроватьей, тюфяковъ, и т. п.), бѣлья (полотно, напримѣръ, платили по 5 коп. аршинъ), на столъ (по 5 руб. въ мѣсяцъ за человека) и проч., а потому вскорѣ вышли и, по новому ходатайству, сенатъ велѣлъ отпустить еще 360 рублей на весь 1736 годъ.

Этой суммы было далеко недостаточно на покрытіе всѣхъ из-

держекъ, и адъютантъ Адоуровъ, который имѣлъ главный надзоръ за московскими учениками, писалъ о томъ убѣдительныя доношенія въ академическую канцелярію. Сверхъ того, молодые люди, терпя недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ, замѣчали, что отпускаемыя на нихъ деньги расходуются экономомъ Фельтеномъ недобросовѣстно. По этому поводу, однажды воспитанникъ Прокофій Шишкаревъ, въ разговорахъ о томъ съ товарищами, промолвилъ: «хотя-де про нѣмцевъ и говорятъ, будто они не воры, однако-де и они воруютъ!» Узнавъ объ этомъ, Адоуровъ, 12 ноября 1736 г., доводилъ о томъ до свѣдѣнія канцеляріи, чтобы: «...Прокофья Шишкарева въ укоризнахъ и бранныхъ словахъ, которыми онъ нѣмцевъ поносилъ, велѣно было допросить и учинить о всемъ праведное разсмотрѣніе, понеже сіе касается какъ до чести сего народа, такъ и наипаче до интересу ея императорскаго величества». На рапортъ Адоурова послѣдовала резолюція: «Solchen in die Cancellley auf Morgen bestellet, darüber vernommen und abgestrafet werden».

На допросѣ Шишкаревъ объяснялъ: «при столѣ, во время кушанья, всегда они всѣ поступаютъ учтиво, и онъ-де, Прокофій, также и другіе ученики про нѣмцевъ, будто они не воры, а онъ-де и они воруютъ — не говаривали. А говорилъ-де онъ, Шишкаревъ, такія слова: говорятъ-де про нѣмцевъ, что будто они не воруютъ, однакъ же неправду дѣлаютъ, ибо они на нихъ написали столъ и зеркало излишне, о чемъ имъ по реестру объявлено въ правительствующемъ сенатѣ; а кто-де на нихъ написалъ, того онъ не знаетъ. А прочіе ученики тѣ его слова слышали или нѣтъ, того онъ не знаетъ, о чемъ ему, Адоурову, и персонально они всѣ говорили, а м..... и другими поносными словами какъ нѣмцевъ, такъ и русскихъ, не токмо своихъ командировъ, но и никого не бранивали...» Шишкаревъ, за неповиновеніе Адоурову и за произнесеніе словъ «про нѣмцевъ, будто они не воры, а хотя-де и не воруютъ, однакъ жъ неправду дѣлаютъ» — былъ «битъ нещадно батожемъ».

Такое жестокое наказаніе не принудило однако молодыхъ лю-

дей къ молчанію: они подали въ сенатъ жалобу на плутни Фельтена, и въ журналахъ сената по этому случаю записано:

«22 ноября 1736 года — экзекуторъ Баскаковъ докладывалъ, что онъ о академическихъ школьникамъ въ Академію, по поданному отъ нихъ доношенію, ходилъ и слѣдовалъ. И явилось, что имъ, економомъ Фельтеномъ, въ отдачу полотень на рубашки и на простыни и прочее приписано излишнее, а инова и ничего имъ не дано. А економъ-де показывалъ, что написано для того, что-де хотѣлъ оное, все купя, отдать послѣ. Приказали: призвать Шумахера и Фельтена и спросить, для чего такіе не порядки и тѣмъ ученикамъ обиды происходятъ?

«Декабря 3, 1736 года, допущены были изъ Академіи Наукъ секретарь Медеръ, да адъюнктъ Адодуровъ, да економъ Фельтенъ, и объявлено: для чего учениковъ обижаютъ и имъ настоящаго платья и прочаго не даютъ, а въ расходъ на нихъ пишутъ излишнее и ихъ бьютъ? На что секретарь доносилъ, что билъ нѣкоторыхъ за вины Шумахеръ, а о прочемъ ни о чемъ тѣ ученики въ Академію не доносили. Приказали: съ ихъ, учениковъ, доношенія дать въ Академію копію, а имъ приказано, чтобъ тѣхъ учениковъ въ Академію не арестовали и не били безъ доклада сената¹⁾».

Впрочемъ, сенатъ не улучшилъ матеріальнаго положенія воспитанниковъ, и нѣсколько дней спустя, именно 21 декабря 1736 года, Адодуровъ доносилъ академической канцеляріи: «какъ я вчерашняго числа пришедъ въ тѣ покои, въ которыхъ живутъ присланные изъ Москвы ученики, спросилъ: всѣ ли они дома? то сказано мнѣ было, что двое изъ нихъ, а именно Яковъ Несмѣяновъ и Иванъ Голубцевъ пошли къ ректору гимназіи Фишеру для начатія у него лекцій. А когда я сказалъ, чтобъ и прочимъ къ нему также идти надлежало, то отвѣтствовали, что они у себя не имѣютъ платья и для того никуда изъ палатъ выходить не могутъ...»

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, № 791.

Шумахеръ, вѣроятно еще сердитый на молодыхъ людей, предписалъ Адодурову прямо отъ себя ходатайствовать въ сенатѣ о московскихъ ученикахъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Адодуровъ это исполнилъ (см. приложение IV), и сенатъ велѣлъ отпустить на 10 человекъ (Ломоносовъ и Дмитрій Виноградовъ были уже отправлены за границу) еще 100 рублей. Въ 1737, 1738, 1739 и 1740 годахъ продолжались со стороны учениковъ жалобы на недостатокъ денегъ и убожество, а со стороны сената медлительность въ назначеніи денегъ, которыя притомъ отпускались всегда въ скромныхъ размѣрахъ. Академическая канцелярія рѣшилась потомъ выдавать заимообразно молодымъ людямъ по 3 рубля на мѣсяць, что при петербургской дороговизнѣ было, конечно, недостаточно.

Что касается преподаванія наукъ, то изъ представленнаго, 3 сентября 1736 года, Адодуровымъ барону Корфу росписанія занятій московскихъ учениковъ видно, что они должны были учиться три часа до обѣда и столько же послѣ обѣда. Уроки ежедневно начинались классомъ нѣмецкаго языка; за тѣмъ по четыре часа въ недѣлю назначалось на толкованіе латинскихъ авторовъ, математику, «реторическія обученія», чистописаніе и рисованіе; по два часа — на географію, исторію и танцваніе.

Въ 1738 году, нѣкоторые изъ гимназическихъ учениковъ, послѣ испытаній ихъ академиками, произведены были въ студенты, и о будущихъ сотрудникахъ «Ежемесячныхъ сочиненій» представилъ (10 іюля 1738 года) тогдашній инспекторъ гимназій, академикъ Крафтъ слѣдующій отзывъ: «Василій Лебедевъ, сынъ капрала тобольскаго полка, родомъ изъ Москвы, 21 года, съ 1736 года изучалъ въ латинской гимназій латинскій, греческій и нѣмецкій языки; также—просодію, логику, исторію, географію и арифметику; поведенія скромнаго; благопристойнъ и откровеннъ. Иванъ Голубцевъ, сынъ типографщика, родомъ изъ Москвы, 22 лѣтъ, обучался тѣмъ же наукамъ; притомъ прилеженъ и совѣстливъ...» Выше было упомянуто, что въ 1759 г. статьи, предназначенныя для «Ежемесячныхъ сочиненій», просматривались въ

рукописи Никитю Поповымъ, «для поправокъ штиля ¹⁾». Онъ былъ товарищемъ Голубцева и Лебедева, и о немъ тогда же Крафтъ писалъ: «сынъ дьякона, родомъ изъ Юрьева, 18 лѣтъ; въ наукахъ сдѣлалъ посредственные успѣхи; но за то довольно далеко успѣлъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Нраву его слѣдоваю бы быть по лучше...» Съ половины 1738 года студенты уже слушали лекціи академиковъ Эйлера, Крафта и другихъ. Русскій языкъ имъ преподавалъ Адоуровъ.

1 сентября 1740 года, Лебедевъ, Голубцевъ и Поповъ изъ студентовъ поступили въ академическіе переводчики. Послѣдній изъ нихъ, несмотря на не совсѣмъ благоприятные отзывы своихъ наставниковъ, а впоследствии на личное недовольство имъ Шумахера, возведенъ былъ въ званіе академика по кафедрѣ астрономіи. Лебедевъ пользовался въ свое время извѣстностію, какъ добросовѣстный и трудолюбивый переводчикъ. Нѣкоторые изъ изданныхъ въ свѣтъ переводовъ его выдержали по нѣскольку изданій. Его латинская грамматика, напримѣръ, имѣла десять изданій и была первымъ печатнымъ русскимъ учебникомъ латинскаго языка. Печатные переводы Лебедева указаны въ «Росписи російскимъ книгамъ» А. Смирдина; но еще болѣе его трудовъ, предпринятыхъ имъ или по распоряженію академическаго начальства, или по собственной охотѣ, осталось въ рукописяхъ. Онъ трудился, между прочимъ, въ свободное время надъ составленіемъ русскаго словаря, о дальнѣйшей судьбѣ котораго я не успѣлъ еще отыскать извѣстій.

Голубцевъ перевелъ съ нѣмецкаго «Краткое руководство къ теоретической геометріи», изд. въ 1748 г., а также участвовалъ въ переводѣ «Описанія Сибирскаго царства», соч. Миллера, изд. въ 1750 году. Невоздержная жизнь была причиною многихъ несчастій для Голубцева. Въ 1748 году о немъ состоялось постановленіе ака-

---

¹⁾ Миллеръ указывалъ, что Попову принадлежитъ въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» 1757 года (декабрь, стр. 550—551), «Надгробная надпись на прошедшій годъ». Архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

демической канцеляріи, въ которомъ, между прочимъ, записано: «и канцелярія Академіи Наукъ довольно объ немъ, Голубцевѣ, извѣстна, что онъ въ наукахъ его былъ бы достаточно, ежели бы могъ себя воздержатъ отъ всегдашняго пьянства... Всевозможное употребляемо было стараніе, чтобъ его отъ такой губельной страсти отвратить, но никакія воздержности не предупредили...» Голубцевъ былъ разжалываемъ два раза въ кописты, а въ 1753 году, будучи въ нетрезвомъ состояніи и безпамятствѣ, сказалъ за собою «слово и дѣло», за что и попалъ въ тайную канцелярію. Здѣсь оказалось, что за нимъ не было никакого слова и дѣла, а потому послѣ тяжкаго наказанія, положеннаго за «ложное сказываніе слова и дѣла» тайная канцелярія возвратила его 13 января 1753 г. къ прежнимъ занятіямъ въ Академію, таинственно присовокупляя, что о немъ «надлежащее рѣшеніе учинено». Выше уже говорено, что съ начатіемъ изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» Миллеръ, довольный трудами Голубцева, просилъ прибавить ему жалованье, а 19 февраля 1758 года академическая канцелярія опредѣлила: «хотя онъ, Голубцевъ, напредъ сего являлся въ пьянствѣ, однако нынѣ находится во всегдашней трезвости, и по видимому отъ пьянства имѣетъ воздержаніе и упражняется въ переводахъ и въ положенныхъ на него дѣлахъ» — по этому ему возвращено званіе переводчика и прежнее жалованье по 250 рублей въ годъ. Бѣдный Голубцевъ не долго пользовался имъ: 25 мая 1759 года онъ умеръ ¹⁾).

Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» встрѣчается статья Николая Поповскаго ²⁾ и стихотворенія Адріана Дубровскаго ³⁾; по-

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 117, картонъ 11 и книга № 248.

²⁾ 1755 года, августъ, 167 — 176.

³⁾ Адріанъ Дубровскій подписывалъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» свои стихотворенія буквами А. Д. Они всѣ перечислены Миллютинымъ (Современникъ 1851 года, т. XXV, отд. II, стр. 27—29), но по ошибочной догадкѣ приписаны имъ Александру Демидову. Чтѣ эти стихотворенія принадлежать Дубровскому, то свидѣтельствуетъ академическій протоколъ 19 іюля 1755 года, гдѣ занесено: *Studiosus Dubrowski tradidit fabulam Aesopicam de Sene et Morte a se*

томъ изъ словъ Миллера видно, что въ началѣ 1755 года переводами для журнала, вмѣстѣ съ Голубцовымъ, занимались Григорій Павинскій ¹⁾ и магистръ Алексѣй Константиновъ ²⁾. Въ 1757 г. ³⁾ Миллеръ называлъ, между прочимъ, переводчиковъ, помѣстившихъ въ томъ году свои труды въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ»: магистра Филипа Яремскаго ⁴⁾, Софронова ⁵⁾, Федора Соколова ⁶⁾. Румовскій и Котельниковъ въ томъ же году помѣстили безъ подписи свои статьи, первый — «Разсужденіе о кометахъ ⁷⁾»; второй — «О водныхъ метеорахъ, или о приключеніяхъ отъ водяныхъ паровъ, въ воздухѣ бываемыхъ» ⁸⁾.

Всѣ эти лица получили воспитаніе при Академіи Наукъ. Старшій изъ нихъ по гѣтамъ Котельниковъ поступилъ въ академическую гимназію въ 1741 году изъ семинаристовъ, учившихся въ семинаріи, основанной Теофаномъ Прокоповичемъ; потомъ за границей сдѣлался любимымъ ученикомъ Ейлера и наконецъ академикомъ. Что же касается до остальныхъ, то они были выбраны также изъ духовныхъ училищъ въ 1748 году.

Въ этомъ году, во исполненіе новаго академическаго регламента, постановлено было въ Академіи вытребовать въ нее тридцать воспитанниковъ изъ духовныхъ училищъ Петербурга, Новгорода и Москвы. Духовное начальство не могло сочувствовать

gussise convergam quae ibidem Observationibus mensuris inseretur». Басня эта подъ заглавіемъ «Смерть и дровосѣкъ» и съ подписью буквъ А. Д. напечатана въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», за июль 1755 года, стр. 95.

¹⁾ Изъ портфеля Миллера Матеріаловъ къ исторіи Академіи Наукъ, 1751 — 1764 годовъ, донесеніе 26 января 1755 года.

²⁾ *Ibid.*, Миллеръ писалъ, что статью академика Фишера о гипербореяхъ для второй книжки (1755 года, стр. 128 — 138), переводилъ магистръ Константиновъ, а поправлять долженъ былъ Модракъ; но они поссорились между собою, а потому ее исправлялъ Тредіаковский.

³⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 228.

⁴⁾ Апрель, стр. 354 — 364, «Г. Винслова, анатомическія разсужденія».

⁵⁾ Августъ, стр. 181 — 160, «Наблюденія метеорологическія», Брауна.

⁶⁾ Сентябрь, стр. 252 — 270, «О пользѣ, которую ученіе физики приносить экономіи», изъ *Nouvelliste economique*.

⁷⁾ Июль, стр. 40 — 53.

⁸⁾ Октябрь, стр. 349 — 376; ноябрь, стр. 446 — 462.

этой мѣрѣ, такъ какъ послѣдствіемъ ея для духовнаго вѣдомства было обыкновенно лишеніе лучшихъ воспитанниковъ и, слѣдовательно, недостатокъ въ способныхъ людяхъ при замѣщеніи наиболѣе трудныхъ должностей. Какъ бы то ни было, но значеніе при Дворѣ графа Разумовскаго и настойчивость любимца его, тогдашняго ассессора академической канцеляріи Григорія Теплова (который, какъ видно теперь изъ черновыхъ бумагъ, велъ самъ всю переписку по этому дѣлу) превозмогли: въ Новгородъ и Москву, для выбора учениковъ, отправленъ былъ Тредіаковскій. Въ бытность въ Новгородѣ, онъ выбралъ, между прочимъ, слѣдующихъ молодыхъ людей, бывшихъ потомъ сотрудниками «Ежемесячныхъ сочиненій»: Григорія Павинскаго, олончанинъ, 23 лѣтъ; Филипа Яремскаго изъ деревни Сабля, сынъ священника, 19 лѣтъ, оба изъ философскаго класса; Михаила Софронова изъ Устюжны, 19 лѣтъ, изъ риторическаго класса. 13 марта 1748 года, Тредіаковскій, представляя ихъ именной списокъ, прибавлялъ: «которые всѣ пошлы и имѣютъ успѣхъ въ Латинскомъ языкѣ, а нѣкоторые и въ Греческомъ...»

Будучи въ Москвѣ, Тредіаковскій отправилъ, между прочимъ, въ Академію изъ философскаго класса: Николая Поповскаго, москвитинъ, церковничій сынъ, 22 лѣтъ; изъ риторическаго: Ѳедора Соколова, 16 лѣтъ; изъ пѣтяки: Адріана Дубровскаго, «москвитинъ, поповъ сынъ, а отроду ему 15 лѣтъ. Сей учился и по гречески».

Академики Ломоносовъ и Браунъ выбирали учениковъ изъ александровской семинаріи ¹⁾. Между ними были Степанъ Румовскій 12-ти лѣтъ, впоследствии академикъ, и Иванъ Барковъ, по первоначальному отзывамъ о немъ профессоровъ, даровитѣйшій изъ своихъ товарищей, но къ сожалѣнію погубившій свои дарованія въ кутежахъ.

Когда провинціальныя воспитанники прибыли въ Петербургъ, то академики произвели имъ испытаніе, по которому оказалось,

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ, стр. 100

что они «въ гуманіорахъ и школьной философіи довольный успѣхъ имѣють, такъ-что оныя на академическія лекціи о чистотѣ штиля и здравѣйшей философіи и математики допущены быть могутъ...» Адриана Дубровскаго послали на нѣкоторое время въ гимназію доучиваться латинскому языку, въ которомъ онъ не былъ достаточно силенъ.

По составленному тогда же росписанію, новые студенты по утрамъ 5 часовъ въ недѣлю слушали у академикова: Брауна—руководство во всю философію, «употребляя за основаніе сокращенную Тиммигомъ вольфіанскую философію»; у Рихмана—2 часа всѣ части математики, «чтобъ слушателямъ тѣмъ приготовить путь къ самой физикѣ, которую безъ математики начинать бесполезно». Крузій—5 часовъ въ недѣлю «толковалъ древнихъ римскихъ авторовъ, при чемъ и знаніе древностей, также и правила о чистотѣ штиля изъяснять. Онъ же покажетъ, когда потребно разсудиться, и литеральную исторію по печатному Гейманову руководству...» Послѣ обѣда Фишеръ читалъ «Универсальную исторію, съ присовокупленіемъ всегда хронологіи». Струбе де-Пирмонъ толковалъ «новѣйшую исторію всѣхъ государствъ въ Европѣ, и потомъ ихъ внутреннее состояніе и каждаго съ прочими союзы и политическое связаніе». Тредіаковскій—«Целляріеву ореографію» и «Гейнекцёвы основанія чистаго штиля». По окончаніи этихъ лекцій предполагалось занять студентовъ науками, къ которымъ у нихъ окажется болѣе склонности, какъ-то астрономію, химію, ботаникою и механикою ¹⁾.

Въ современныхъ бумагахъ сохранилось не мало извѣстій, что новые студенты часто и сильно кутили; драки у нихъ между собою и съ посторонними были не рѣдкость; въ студентскихъ комнатахъ находили женщинъ; начальству не разъ приходилось выслушивать грубости и даже угрозы. Академикъ Фишеръ, которому былъ порученъ надзоръ за студентами, однажды просилъ академическую канцелярію, для удержанія студентовъ отъ своевольтъ,

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 114.

назначить въ его распоряженіе особую команду изъ восьми солдатъ и двухъ «кустосовъ». Канцелярія, однако, отрядила къ Фишеру только одного академическаго солдата въ «безсмѣнные ординарцы» и разрѣшила нанять двухъ «кустосовъ» ¹⁾.

Бурливость и разныя выходки, обыкновенно обнаруживавшіяся при кутежахъ, не препятствовали студентамъ приобрѣтать знанія. Такъ, 19 октября 1749 года, тотъ же Фишеръ, не безъ нѣкотораго самодовольства, доноситъ канцеляріи: «что до студентовъ касается, и они довольный успѣхъ показали въ латинскомъ языкѣ... Между ними такіе находятся, которые могутъ съ нѣкоторыми въ Академіи сравняться, о чемъ я довольно извѣстенъ изъ повседневныхъ съ ними разговоровъ, потому что я по ббльшей части латинскій языкъ въ разговорахъ съ ними употребляю ²⁾...»

Послѣ строгихъ экзаменовъ, произведенныхъ въ январѣ и февралѣ 1750 года, отличѣйшими изъ студентовъ были признаны будущіе академики: Протасовъ, Котельниковъ и Румовскій, и будущіе профессора московскаго университета Антонъ Барсовъ и Николай Поповскій. Заслужили также одобреніе Софроновъ и Барковъ, которымъ не суждено было достигнуть того положенія въ обществѣ, какого заслуживали по своимъ дарованіямъ и знаніямъ. О нихъ было записано тогда: «Михайло Софроновъ ко всѣмъ почти равное лекціямъ прилежаніе имѣлъ и никому изъ товарищей своихъ въ математикѣ не уступаетъ, также и въ философіи изрядно отвѣтствовалъ. Въ латинскомъ языкѣ изрядно упражнялся, понятія добраго и превеликаго къ ученію желанія. Иванъ Барковъ нѣсколько показалъ успѣховъ въ ариметикѣ, а въ другихъ математическихъ наукахъ не столько, также и въ философіи не много учился. Онъ объявляетъ, что отъ ббльшей части трудился въ чтеніи латинскихъ авторовъ и между оными Саллюстія, котораго перевелъ по русски войну Катилинову. Понятія не худова; но долго лежалъ боленъ, и кажется, что острота его отъ оной бо-

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 127.

²⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 184.

лѣзни еще нѣчто претерпѣваетъ». Всѣ студенты могли читать французскихъ и нѣмецкихъ писателей; Барковъ же съ Софроновымъ представилъ, сверхъ того, на экзаменъ сочиненія свои на латинскомъ языкѣ. Поведеніе перваго изъ нихъ и тогда уже не было одобряемо: «Ив. Барковъ, говорилъ о немъ Фишеръ 17 февраля 1750 г., среднихъ обычаевъ, но больше склоненъ къ худымъ дѣламъ ¹⁾...»

Академики, экзаменовавшіе студентовъ въ 1751 году, признали достойными изъ нихъ званія адъюнкта шестерыхъ: Софронова, Братковскаго ²⁾, Румовскаго, Барсова, Поповскаго и Яремскаго. Шумахеръ подалъ мнѣніе, что прежде слѣдуетъ потребовать отъ нихъ диссертациі, которыя и должны защищать они на публичномъ диспутѣ ³⁾. Въ этомъ году Барковъ окончательно отсталъ отъ своихъ товарищей и за безпрестанные кутежи уже разжалованъ изъ студентовъ въ «ученики наборнаго дѣла». Впрочемъ, 30 октября 1751 года состоялось опредѣленіе академической канцеляріи о дозволеніи Баркову продолжать изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ и «россійскаго штиля»: «понеже канцелярія нынѣ усмотря молодые его лѣта и не можетъ ли быть отъ него впредь какого плода...»

Въ концѣ декабря 1753 года помянутые студенты Софроновъ и Румовскій произведены въ адъюнкты, а Поповскій, Барсовъ, Яремскій и Алексѣй Константиновъ первые изъ русскихъ получили званіе магистровъ.

Первые двое были вскорѣ отправлены за границу для изученія высшей математики подъ руководствомъ знаменитаго Ейлера, у котораго они и жили въ Берлинѣ ⁴⁾. Румовскій сдѣлался впоследствии замѣчательнымъ астрономомъ. Отъ Софронова Ейлеръ

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 137.

²⁾ Въ 1754 году Братковскій, за невоздержную жизнь и продажу казеннаго платья на покупку вина, отданъ былъ въ военную службу. Архивъ академической канцеляріи, книга № 190.

³⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 153.

⁴⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 181.

въ началѣ также ожидалъ многого, но въ бытность у него молодой человѣкъ окончательно потерялся отъ невоздержной жизни, такъ-что его надобно было вернуть въ Петербургъ. Здѣсь много разъ брали въ академической канцеляріи подписки отъ Софронова: не пить и «не чинить шуму, дракъ и забіячествъ»; но ничто не помогало и онъ, лишенный званія адъюнкта, умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи въ февралѣ 1760 года ¹⁾).

Магистры Поповскій, Барсовъ и Яремскій, по просьбѣ Ивана Ивановича Шувалова, были отосланы въ московскій университетъ въ 1755 году. Въ слѣдующемъ году туда же отпросился и четвертый магистръ Константиновъ ²⁾, который впоследствии былъ библиотекаремъ императрицы Екатерины II и женился на единственной дочери Ломоносова.

Товарищъ ихъ Григорій Павинскій, отданный въ распоряженіе Миллера для переводовъ въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ», былъ также признаваемъ отъ ректора университета Крашенинникова достойнымъ званія магистра въ 1753 году, но канцеляріею произведенъ не былъ. Онъ умеръ студентомъ 19 февраля 1755 года ³⁾).

Федоръ Соколовъ, получивъ въ 1757 г. званіе переводчика, со 2 сентября 1759 г. былъ посланъ въ Москву для надзора за продажей книгъ въ тамошней академической лавкѣ.

Адрианъ Дубровскій, снабжавшій, какъ указано было выше, «Ежемесячныя сочиненія» своими стихотвореніями, будучи студентомъ, перевелъ стихами Запру Вольтера ⁴⁾); въ 1757 году онъ былъ произведенъ въ переводчики; въ 1759 году, по просьбѣ Романа Ларионовича Воронцова (съ 1760 года графъ), сопровождалъ сына его въ путешествіи по Россіи, а въ 1761 году

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 207 и 251.

²⁾ Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 196 и 212.

³⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 196.

⁴⁾ Переводъ его былъ напечатанъ въ 1779 году, и имя переводчика скрыто надъ буквами А. Д.; что этотъ переводъ принадлежитъ Дубровскому, то видно изъ архива академической канцеляріи, книга № 236, гдѣ есть донесеніе его о томъ отъ 16 іюля 1759 года.

вышелъ изъ Академіи и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ командировкою въ Вѣну, гдѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ ¹⁾).

Здѣсь кстати будетъ замѣтить для будущихъ издателей сочиненій Ломоносова, что помѣщаемые въ собраніяхъ его сочиненій «Стихи ея императорскому величеству блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, на фейерверкъ, изображающій благоденствующую Россію, представленный въ Санкт-петербургѣ 1 января 1755 года ²⁾»

«Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство»

и т. д.

написаны не Ломоносовымъ, а переведены сначала прозою съ нѣмецкаго подлинника Штелина Иваномъ Голубцевымъ, а потомъ переложены въ стихи Дубровскимъ. Для означеннаго фейерверка поручено было одновременно составить проекты и Ломоносову, и Штелину. Стихи, сочиненные по этому случаю первымъ изъ нихъ, и начинающіеся

По правдѣ вѣчность есть...

напечатаны въ «Полномъ собраніи сочиненій Ломоносова», изд. 1803 г., т. I, стр. 298—299; въ изд. Смирдина т. I, стр. 263, 264. Но ломоносовскій проектъ фейерверка не былъ осуществленъ, потому что составленный Штелинымъ удостоился одобренія и исполненъ 1 января 1755 г. ³⁾ Черновой прозаическій переводъ стиховъ Штелина, которыхъ переводить съ нѣмецкаго, разумѣется, не было надобности для Ломоносова, хранится въ архивѣ академической канцеляріи, въ книгѣ подъ № 189, вмѣстѣ съ стихотворнымъ переложеніемъ перевода въ нѣсколькихъ

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 236 и 250. Переводъ Александра Воронцова: «Разсужденіе о пріятностяхъ сообщества» напечатано въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» 1756 г. февраль, стр. 168—179, съ его именемъ. Тамъ же, въ августѣ, стр. 204—211, «Содержаніе письма другому въ отвѣтъ: можетъ ли честь сравниться съ славою» подписана буквами А. В.

²⁾ «Полное собраніе сочиненій Ломоносова», изд. 1803 г., т. I, стр. 307, 308, и Смирдина т. I, 273—274.

³⁾ «Ежемесячныя сочиненія», январь 1755 г., стр. 17—26.

экземплярахъ съ помарками и поправками только не рукою Ломоносова. По сравненіи почерка этихъ рукописей съ другими подобными бумагами, на которыхъ уцѣлѣла и подпись Адриана Дубровскаго (какъ напримѣръ въ книгѣ архива академической канцеляріи, подъ № 208), оказывается, что помянутые стихи принадлежать ему. Онъ и впоследствии занимался подобными переложеніями нѣмецкихъ стиховъ Штелина.

По свидѣтельству Ломоносова ¹⁾, въ изданіи «Ежемесячныхъ сочиненій» участвовалъ нѣкоторое время, какъ помощникъ Миллера, адъютантъ Мотонисъ, а въ 1757 году въ журналѣ была помѣщена переводная статья Григорія Козицкаго ²⁾. Это были тѣ самыя лица, къ суду которыхъ любилъ взывать Сумароковъ въ своихъ ореографическихъ распряхъ съ Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ ³⁾. Козицкій и Мотонисъ, родомъ малороссы, учились сначала въ кievской духовной Академіи, дошли тамъ до философскаго класса и въ 1747 году вмѣстѣ отправились за-границу. Будучи тамъ, они два года учились въ бреславльской гимназіи, а потомъ перешли въ лейпцигскій университетъ. Не имѣя средствъ жить въ Лейпцигѣ, эти молодые люди, въ августѣ 1749 года, обратились въ нашу Академію Наукъ съ просьбою о доставленіи имъ средствъ для продолженія заграничнаго

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Биларскимъ, стр. 491.

2) «Ежемесячныя сочиненія», апрѣль 1757 г., стр. 345—363, «Явленіе Мирзы, листъ 159 аглинскаго зрителя». См. архивъ академической канцеляріи, книга № 228.

3) Такъ напримѣръ, въ статьѣ «О правописаніи» Сумароковъ говоритъ: «Г. Ломоносовъ у предлоговъ никогда не искалъ корня, хотя часто литеру *Ъ* и превращалъ во *С*, яко вмѣсто разсмотрѣніе, рассмотрѣніе... Я думаю, что г. Козицкій и г. Мотонисъ сему странному правилу никогда не послѣдуютъ, ни наши разумные проповѣдники, каковъ напримѣръ архіепископъ Платонъ...» Или послѣ насмѣшки надъ Тредіаковскимъ, писавшимъ свое имя Василей: «Г. Козицкой и г. Мотонисъ никогда не подпишутъ своихъ именъ Григорей, Микалай, хотя и большая часть народа (говорить): Миколайъ день...» Или: «оѣ премѣнати въ *ій* есть у педагоговъ нашихъ то, что у германскихъ педагоговъ латинской *усъ*. Дѣльно пишетъ г. Козицкой, получивъ право великороссійскаго дворянства: Козицкой, а не Козицкіи...» Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, М., 1787 г. ч. X, стр. 14, 24, 27, 28.

ученія. Ходатайство ихъ поддержалъ бывшій въ Петербургѣ академикъ, а потомъ профессоръ лейпцигскаго университета Гейнзій, который съ похвалою отозвался объ ихъ успѣхахъ и прилежаніи. Тогда Козицкій и Мотонисъ приняты были на службу въ Академіи и стали получать отъ нея деньги на содержаніе свое въ Лейпцигѣ ¹⁾. Гейнзій постоянно давалъ о нихъ одобрительные отзывы, а 31 іюля 1756 года, отправляя ихъ въ Петербургъ, писалъ къ Шумахеру: «Мнѣ особенно пріятно, что я въ лицѣ Козицкаго и Мотониса могу представить высоко уважаемой Академіи двухъ способныхъ людей (tüchtige subjecta), которые теперь вѣроятно сами зарекомендуютъ себя...» Далѣе просить объ оказаніи имъ покровительства ²⁾. По возвращеніи въ Петербургъ, Козицкій и Мотонисъ были назначены учителями въ высшій латинскій классъ при академической гимназіи, а 27 февраля 1759 г. возведены въ званіе адъюнктовъ. Впослѣдствіи Козицкій, близко извѣстный князю Григорію Орлову, перешелъ къ нему на службу изъ Академіи 20 ноября 1763 года, а Мотонисъ переведенъ въ герольдмейстерскую контору при сенатѣ 4 мая 1764 года ³⁾.

Послѣ смерти Ивана Голубцева, Миллеръ 16 ноября 1759 года представлялъ академической канцеляріи, что ему за неимѣніемъ другихъ переводчиковъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» не возможно будетъ продолжать журнала, а потому онъ просилъ назначить въ его распоряженіе студентовъ Самсона Волкова и Алексѣя Разумова.

Оба они воспитывались въ академической гимназіи и получили званіе студентовъ вслѣдствіе представленія ректора и академика

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 182.

²⁾ Входящія письма 1754 — 1767 годовъ въ архивѣ академической канцеляріи.

³⁾ Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 240, 282 и Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билгарскимъ, стр. 622. О судьбѣ Козицкаго, по выходѣ его изъ Академіи, можно теперь имѣть нѣкоторыя любознательныя подробности, но онѣ не имѣютъ отношенія къ главному предмету настоящей статьи.

С. П. Крашенинникова въ 1753 году; но, по слабости знаний въ латинскомъ языкѣ, ихъ не допускали долго къ слушанію университетскихъ лекцій ¹⁾. Это продолжалось и въ 1756 году, когда академики признали одного Алексѣя Разумова достойнымъ перевода въ университетъ, но при этомъ случаѣ за остальныхъ студентовъ заступились Тредіаковскій и Поповъ, которые, какъ сказано въ современномъ отчетѣ, «имѣють, что до сего пункта надлежитъ, иное мнѣніе, которое подали письменно въ слѣдующемъ: изъ произведенныхъ изъ учениковъ гимназій въ студенты девять человекъ, по усмотрѣнію ихъ, пять человекъ: Алексѣй Разумовъ ²⁾, Семень Веденскій ³⁾, Василій Кромаренковъ ⁴⁾, Алексѣй Погѣновъ ⁵⁾, Самсонъ Волковъ въ студенты годны и лекціи математическія, риторическія и штиля въ университетѣ тѣхъ наукъ слушать и разумѣть могутъ. И для того должно бы онымъ дать шпаги, и платье и жалованье такъ, какъ прежнимъ студентамъ, и назначить бы ихъ на вышереченныя лекціи, ибо къ предложенію наукъ слушателямъ великой и темной латыни не требуется, да и употреблять оныя отъ большей части невозможно ⁶⁾...»

Въ августѣ 1762 года, Разумовъ просилъ о прибавкѣ къ 150-ти рублямъ, имъ получаемого жалованья и о званіи переводчика по тому уваженію, что онъ, кромѣ держанія корректуръ, занимается переводами для «Ежемесячныхъ сочиненій» и Вѣдомо-

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Вилларскимъ, стр. 260, и архивъ академической канцеляріи, картонъ № 16.

²⁾ Переводъ его сочиненія Бюшннга напечатанъ въ 1768 году, подъ заглавіемъ «Руководство къ основательному и полезному познанію географическаго и политическаго состоянія европейскихъ государствъ и республикъ».

³⁾ Переводъ Веденскаго сочиненія Гольберга, «Сравненіе житія и дѣлъ разныхъ, а особливо восточныхъ и индѣйскихъ великихъ героевъ и знаменитыхъ мужей по примѣру Плутархову»—напечатанъ въ 1766 году.

⁴⁾ Кромаренкову принадлежатъ печатные переводы: 1) сочиненія Монтескьё, «О разумѣ законовъ» два изданія 1775 и 1801 года; 2) Саллюстія «Войны каталонская и югуртнская» 1769 года.

⁵⁾ Погѣновъ извѣстенъ какъ авторъ перваго русскаго сочиненія о необходимости уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

⁶⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 220.

стей. О томъ же и тогда же просилъ Волковъ. Когда потребовано было мнѣніе Миллера, то онъ отвѣчалъ о первомъ:

«Хотя оный Разумовъ и мало для меня переводить, потому что больше корректорскую должность отправляетъ; но по переводамъ его засвидѣтельствовать могу, что современемъ, ежели больше прилежности въ обученіи иностранныхъ языковъ употребить (sic) будетъ, добрымъ переводчикомъ сдѣлаться можетъ, а между тѣмъ признаваю я за справедливо, чтобъ для ободренія его и для лучшаго себя содержанія учинена ему была нѣкоторая прибавка жалованья».

О второмъ: «Оной Самсонъ Волковъ прилежно при мнѣ переводитъ, но въ иностранныхъ языкахъ не столько исправенъ, чтобъ настоящимъ переводчикомъ теперь уже быть могъ. А я называю такого настоящимъ переводчикомъ, который такъ переводитъ, чтобъ не нужно было другому, болѣе его знающему, за переводами его смотрѣть и оныя исправлять. Однакожъ, понеже онъ показываетъ охоту къ лучшему иностранныхъ языковъ обученію, и на его прилежность и добрые поступки надѣяться можно, то за справедливо признаваю, чтобъ учинена ему была нѣкоторая въ жаловань прибавка». Получивъ такой отзывъ академическая канцелярія постановила: «объявить Разумову, когда онъ чрезъ прилежаніе свое окажетъ лучше успѣхи въ знаніи языковъ, тогда какъ чиномъ, такъ и прибавкою награжденъ будетъ. А Волкова, который получаетъ только 100 рублей, въ жаловань съ нимъ, Разумовымъ, уравнить и прибавить 50 рублей ¹⁾...»

Впослѣдствіи Алексѣй Разумовъ завѣдывалъ отдѣломъ академической типографіи, который назывался нѣкоторое время «новою типографіею». Что же касается до Самсона Волкова, то въ 1764 году его произвели въ переводчики съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ. Онъ былъ отправленъ въ 1765 г. въ Москву при Миллерѣ, но вскорѣ оттуда вернулся для исполненія прежней своей обязанности переводчика.

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 270.

Въ первый годъ существованія «Ежемесячныхъ сочиненій» въ серьёзныхъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ протоколахъ академической конференціи иногда попадаются постановленія касательно литературныхъ вопросовъ. Такъ, 12 іюля 1755 года, было занесено въ отчетъ о засѣданіи, что рѣшено напечатать въ журналѣ представленную Сумароковымъ епистола, въ которой онъ опровергаетъ разсужденіе Тредіаковскаго о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи, по поводу неправильныхъ объясненій тамъ нѣкоторыхъ стиховъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено на волю Тредіаковскому сообщить свой отвѣтъ. 19 іюля послѣдній прочелъ товарищамъ свое возраженіе противъ Сумарокова, но послѣ того опредѣлено было: для прекращенія дальнѣйшихъ распрей запретить и епистола, и отвѣтъ на нее. Впрочемъ, въ августовской книжкѣ «Ежемесячныхъ сочиненій» (стр. 147 — 148) явилась Епистола Сумарокова съ нѣкоторыми выходками противъ плохаго стихотворца. Такъ въ ней говорилось:

Звонъ стопъ блюсти, слова на риму прибирать

Искусство малое и дѣло не пречудно;

А стихотворцемъ быть есть дѣло не безтрудно.

Набрать любовныхъ словъ на новый минаветъ

Которой кто-нибудь удачно пропоеть,

Нѣтъ хитрости тому, кто грамотъ умѣетъ...

.....

Худой творецъ стихомъ себя не прославляетъ,

На римахъ онъ свое безумство изъявляетъ!...

Въ протоколѣ 4 октября Миллеръ записалъ во первыхъ, что за разногласіемъ академиковъ представлены были на усмотрѣніе президента Академіи Наукъ стихи Сумарокова (идиллія и пр.) и басня Тредіаковскаго. Первые графъ Разумовскій велѣлъ потомъ напечатать въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» ¹⁾. Во вторыхъ, что о баснѣ Тредіаковскаго ни запрещенія, ни разрѣшенія отъ президента не послѣдовало, а такъ-какъ въ ней есть

¹⁾ Помѣщены въ октябрьской книжкѣ 1755 г. стр. 347—353.

жесткія выходки противъ русскихъ поэтовъ, которые, по малочисленности своей, всё могли счесть это себѣ за оскорбленіе, то принято за лучшее не пропускать басни въ печати. При подписаніи этого протокола Тредіаковскій протестовалъ, утверждая, что никакого разногласія членовъ не было ¹⁾ и что Миллеръ не пропускаетъ басни самовольно, а онъ, Тредіаковскій, не признаетъ его власти надъ собою ²⁾

Послѣ такого протеста, Тредіаковскій не счелъ нужнымъ распространяться дагѣ въ академической конференціи о своихъ раздорахъ съ Сумароковымъ и придумалъ иной способъ отомстить ему. 13 октября 1755 года Тредіаковскій подагъ доношеніе въ синодъ. «Читая сентябрскую книжку «Ежемѣсячныхъ сочиненій» сего 1755 года, нашелъ я, именованный—писалъ онъ въ доношеніи—въ ней оды духовныя, сочиненныя г. полковникомъ Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106: а въ ней увидѣлъ, что она съ осмыя строфы по первую на десять включительно говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника о безконечности вселенныя и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже «Ежемѣсячныя книжки» обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ притти; того ради по ревности и вѣрѣ моея истинному слову Божію, въ Священномъ Писаніи вѣщающему, о такой помянутыя оды лжи на Псаломника покорнѣйше донося извѣщаю...» При доношеніи приложено было пространное изъясненіе, оканчивавшееся такимъ образомъ: «Но какъ то ни есть; только жъ въ псалмѣ 106-мъ не упоминается нижѣ о возможномъ множествѣ міровъ, а толь меньше еще о дѣйствительной безконечности вселенныя; но токмо изъясняется въ немъ Промыслъ Божій, наво-

¹⁾ Nullus est dissensus collegarum, писалъ своеручно Тредіаковскій, qui gratis asseritur hic.

²⁾ Haec Mullerus, продолжаетъ онъ же, suo facit arbitrato, cum illustrissimus Praeses neque ait, neque negat, et Collegae tantum suspenderunt suum iudicium, non vero disseserunt a reliquis: sed ego Mulleri potestatem non agnosco.

дѣиій на челоуѣковъ разныя искупленія, и подвергающій ихъ различнымъ бѣдствіямъ, дабы они прибѣгали къ нему, взывали его и боялись, да и прославляли милость его и щедроту» ¹⁾).

Надобно думать, что этотъ поступокъ Тредіаковскаго скоро сдѣлался извѣстнымъ Сумарокову, потому что онъ прислалъ 1 ноября 1755 года бумагу въ академическое собраніе, въ которой было много яростныхъ выводовъ противъ Тредіаковскаго и просьба о недопущеніи его судить на будущее время произведенія разсерженнаго поэта ²⁾).

На нѣкоторое время синодъ оставилъ заявленіе Тредіаковскаго безъ послѣдствій и только 24 декабря слѣдующаго 1756 года отнесся въ академическую канцелярію съ бумагою слѣдующаго содержанія:

«Усмотрѣно, что между выходящими изъ оной Академіи «Еже-мѣсячными примѣчаніями» (sic) включено въ сочиненія «О величествѣ Божіи размышленія» ³⁾, а кто оныхъ переводитель и съ каковаго автора, то неизвѣстно... того ради... послать... указъ, чтобъ о такомъ сочиненіи съ каковаго оное автора и кѣмъ именно переводится, дано было изъ оной Академіи знать письменно; причемъ и самой той книги, изъ которой оное сочиненіе переводится, оригиналъ немедленно взнестъ къ разсмотрѣнію святѣйшему синоду...» На запросъ, сдѣланный по этому поводу Миллеру, онъ отвѣчалъ, что переводчикомъ статьи, обратившей на себя вниманіе сказаннаго учрежденія, былъ подпрапорщикъ шляхетнаго кадетскаго корпуса Семень Порошинъ ⁴⁾ и что онъ переводилъ ту

¹⁾ Москвитанинъ, 1856 года, №№ 18—16, стр. 271—276.

²⁾ Въ протоколѣ 1 ноября 1755 года: «A Tribuno Sumarokowio scriptum in conventum missum, quo multa contra Trediakowium acerbè dicta continentur et rogantur socii, ne Trediakowio impostero licitum sit de scriptis Sumarokowii judicare. Rem hanc Excel. atque Illust. Praesidi proponere et ejus voluntatem exquirere decretum est».

³⁾ Ноябрь, 1756 г., стр. 407 — 498.

⁴⁾ Нѣкоторые изъ переводовъ Порошина подписаны въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» буквами С. П. Въ ноябрѣ 1755 г., стр. 482 — 440, «Благополучіе челоуѣческое зависитъ не отъ мѣста»; въ декабрѣ 1756 года, «О пользѣ упражненія въ благородныхъ искусствахъ и въ наукахъ для приведенія умныхъ си-

статью из собственной своей книги «Увеселение разума», «которая и нынѣ, прибавилъ Миллеръ, въ заключеніи, находится у него и того для въ канцелярію внесена мною быть не можетъ ¹⁾»).

Въ недавно обнародованномъ докладѣ, представленномъ императрицѣ Елизаветѣ въ декабрѣ 1756 года ²⁾, разъясняется, что запросъ о переводчикѣ и подлинникѣ переведенной имъ статьи сдѣланъ былъ не въ видахъ удовлетворенія библиографической любознательности, но съ другими, болѣе серьезными побужденіями. «Понеже усматриваемъ, говорилось въ докладѣ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ санктпетербургской Академіи выходящихъ, примѣчаніяхъ не токмо много честнымъ нравамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые и переводы и сочиненія находятся, многіе, а индѣ и безчисленные міры быти утверждающіе, что и Св. Писанію, и вѣрѣ христіанской крайне противно есть, и многимъ неутвержденнымъ душамъ причину къ натуралѣзму (sic) и безбожію подаетъ, того ради всеподданнѣйше о семъ донося, падши къ стопамъ вашего императорскаго величества...» Далѣе слѣдуетъ прошеніе во первыхъ о запрещеніи во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во вторыхъ конфисковать какъ «Ежемѣсячныя сочиненія», такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенелля о множествѣ міровъ. Докладъ этотъ остался безъ послѣдствій: по голословности-ли обвиненія въ невѣрїи и безнравственности «Ежемѣсячныхъ сочиненій», или мысль о множествѣ міровъ сдѣлалась болѣе извѣстною въ Россіи второй половины XVIII столѣтія, или

лы въ порядокъ», на стр. 508 — 514. По свидѣтельству Миллера въ 1757 г. ему принадлежать: февраль, стр. 126 — 151, «Письмо о порядкахъ въ обученіи наукъ»; мартъ, ст. 266—282, «Письмо, въ которомъ сравнивается Александръ Великій съ Карломъ XII»; ноябрь, стр. 475 — 477, «Послѣднее письмо» изъ Гольфберга и стр. 478, 479, «Средства, къ сохраненію здравія служащихъ».

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 218.

²⁾ Чтенія общества исторіи и древностей, 1867 г., книга I, сѣкъ стр. 7, 8, гдѣ вкратчѣ слѣдующіе недосмотры: *ви. міръ* — напечатано *миръ*, *ви. надиме* — *надимъ*; *ви. 743 г.* — 143 г. Кромѣ того, внизу докладъ обозначенъ 1757-мъ годомъ, тогда какъ въ подлинникѣ именно написано: «декабря дня 1756 года».

же наконецъ вліяніе президента Академіи Наукъ, графа К. А. Разумовскаго было на столько сильно, чтобы предотвратить подобныя навѣты — объ этомъ не сохранилось никакихъ современныхъ извѣстій.

Начало дѣятельности Ломоносова, какъ члена академической канцеляріи (1 марта 1757 г.), ознаменовалось цензурною мѣрою противъ «Ежемесячныхъ сочиненій». Для мартовской книжки журнала набиралась статья бывшего академическаго, а тогда синодальнаго переводчика, Григорія Полетики ¹⁾: «О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи», и Миллеръ 7 марта 1757 года просилъ о напечатаніи 100 отдѣльныхъ оттисковъ ея въ вознагражденіе автора.

8 марта академическая канцелярія вытребовала къ себѣ эту статью Полетики. Въ тотъ же день Миллеръ представилъ туда на предварительное разсмотрѣніе эпиграмму Сумарокова.

Ты туфли обругагь....

Въ бытность въ Петербургѣ президента, если являлись, по

---

¹⁾ Въ Академіи Наукъ были почти одновременно два Григорія Полетики, сыновья значковаго товарища лубенскаго полка. Одинъ изъ нихъ, воспитанный въ кievской духовной Академіи и знавшій языки греческій, еврейскій, латинскій и нѣмецкій (послѣднему учился у извѣстнаго законоучителя Екатерины II Симона Тодорскаго), поступилъ въ Академію переводчикомъ 1 августа 1746 года, а уволенъ изъ нея 18 февраля 1748 года (Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 108, 118). Въ 1757 году, по словамъ Миллера, онъ былъ коллежскимъ ассессоромъ и перевелъ статью съ греческаго языка въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ», июнь, стр. 488 — 557 «Аристотеля о гражданскомъ учрежденіи книга II» и ноябрь, стр. 431 — 445 «Описаніе человеческихъ правовъ» изъ Аристотелевой реторики (Архивъ академической канцеляріи, книга № 228). Этотъ самый Полетика написалъ статью, которая была запрещена Ломоносовымъ. Другой Полетика съ 1745 по 1750 годъ учился въ кievской и московской духовныхъ Академіяхъ, а въ послѣднемъ году принять въ студенты при Академіи Наукъ, гдѣ и находился до марта 1755 г., а тогда переведенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для переводовъ съ латинскаго и польскаго языковъ. Онъ также перевелъ для «Ежемесячныхъ сочиненій»; такъ, напримѣръ, тамъ въ февральской книжкѣ, на стр. 121—187 есть его переводъ съ латинскаго «Рѣчь на полученныхъ», съ полною подписью его званія и прозванія.

словамъ Миллера, «нѣкоторыя сумнительства», то они обыкновенно и разрѣшались графомъ Разумовскимъ; но такъ-какъ въ описываемое время послѣдняго не было въ столицѣ, то редакторъ испрашивалъ на помѣщеніе стиховъ Сумарокова дозволенія канцеляріи. Эта, не давая положительнаго отвѣта, сослалась только на тѣ ограниченія, о которыхъ говорилось въ предисловіи къ «Ежемесячнымъ сочиненіямъ» относительно помѣщенія критическихъ статей. Миллеръ этимъ не удовлетворился и требовалъ болѣе яснаго отвѣта.

Между тѣмъ Ломоносовъ, 11 марта, объявилъ Миллеру на словахъ, что статью Полетики «печатать не пристойно, понеже въ оной съ X вѣка послѣ Рождества Христова по XVII вѣку ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто; а были-де еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ архитекторы, выписанные изъ Италіи; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ зачалась-де типографія; что-де все надлежало было описать, и упомянуто-де только о кievскихъ школахъ, а не о московскихъ. Чего ради надлежитъ-де мнѣ, прибавляетъ Миллеръ, сію піесу выкинуть изъ «Ежемесячныхъ сочиненій» и на то мѣсто взнестъ что-нибудь другое...» Миллеръ за тѣмъ такъ возражалъ противъ этого: «Когда ни въ какихъ лѣтописяхъ, ниже въ другихъ извѣстіяхъ, которыя г. сочинитель къ сему своему сочиненію употребилъ, какъ я подлинно увѣренъ, не упоминается о школахъ, въ то время бывшихъ, то и того отъ него, г. сочинителя, требовать не можно. Иное есть архитектура, или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были-де при великихъ князьяхъ московскихъ и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и медики, токмо не было медицинской школы...» Наконецъ, Миллеръ, опираясь на первоначальное опредѣленіе президента, что журналъ долженъ издаваться безъ вмѣшательства канцеляріи, отстаивалъ свое право помѣщать въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» статьи по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, доводы Миллера не убѣдили канцелярію, и 13 марта онъ получилъ оттуда ордеръ, рѣшительно запрещавшій печатать въ журналѣ и статью Полетики, и эпиграмму Сумарокова. Вмѣстѣ съ тѣмъ

было представлено президенту Академіи Наукъ о Миллерѣ, какъ объ послушникѣ его приказаній и вообще чловѣкѣ самомъ безпокойномъ. Исторіографъ, съ своей стороны писалъ къ графу Разумовскому: «Моя привязанность къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова; но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ невозможно продолжать мой трудъ...»

Въ настоящихъ пререканіяхъ графъ Разумовскій принялъ сторону Ломоносова: статья Полетики была признана наполненною «многими непристойностями»; а Миллеру сдѣлано внушеніе о бытіи въ полномъ подчиненіи канцеляріи ¹⁾.

Слѣдствіемъ этого же событія было распоряженіе отъ академической канцеляріи, чтобы Миллеръ представлялъ туда заблаговременно списокъ авторовъ и ихъ статей, которыя предназначались для каждой вновь выходившей книжки. Вопреки опредѣленію, Миллеръ доставлялъ такіа извѣстія по выходѣ уже книжки въ свѣтъ, за что академическая канцелярія и сдѣлала ему выговоръ въ ордерѣ 2 іюня 1757 года, на который Миллеръ возражалъ, что онъ не въ состояніи выполнять такого распоряженія: ...«Каждый мѣсяцъ долженъ состоять изъ шести листовъ печатныхъ, то весьма невозможно знать напередъ, сколько какихъ пьесъ, разными руками писанныхъ, на оныхъ шести листахъ вмѣстится. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ іюнь печатается переводъ Аристотелевой книги о гражданскомъ учрежденіи; а будетъ-ли еще сверхъ онаго и сверхъ заключающаго нынѣшнюю (sic) полугодя реестра, какая иная пьеса или нѣтъ, и ежели будетъ, то какая, сіе зависить отъ того, сколько мѣста первый переводъ займетъ. Иногда случалось, что присылали ко

---

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 321—388 и «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова» въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 г. Прилож. къ VIII т. № 7, стр. 79.

мнѣ съ стороны пьесы и переводы уже въ половинѣ мѣсяца съ прошеніемъ, чтобъ оныя внести еще въ тотъ же мѣсяць. И понеже въ томъ отказать было невозможно, то затѣмъ другія, на тотъ мѣсяць назначенныя пьесы были оставлены. Иногда приготавлилъ было я матеріи и давалъ оныя переводить, токмо переводы не успѣли въ надлежащее время...» Печатаніе многихъ статей замедлялось отъ гравированія слѣдующихъ къ нимъ чертежей. «Сіе находилъ я, заключаетъ Миллеръ, за потребно канцеляріи представить, а ежели она желаетъ знать, напримѣръ, какія пьесы, сочиненія и переводы впредь къ «Ежемесячнымъ сочиненіямъ» мною приготовлены, оставляя мнѣ, въ какіе мѣсяцы оныя располагать буду, то я могу онымъ сообщать реестръ...»

Въ теченіе 1757 года Миллеръ доставлялъ исправно требованныя отъ него канцелярією извѣстія, и, благодаря этому обстоятельству, теперь мы знаемъ всѣхъ сотрудниковъ «Ежемесячныхъ сочиненій» за тотъ годъ, даже и тѣхъ изъ нихъ, которые не подписывали подъ статьями своихъ именъ ¹⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія, выше сообщенныя о сотрудничествѣ въ журналѣ академическихкихъ переводчиковъ Голубцева и Лебедева, также С. Порошина и Полетки заимствованы изъ подобныхъ донесеній Миллера. Кромѣ этихъ лицъ, въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» 1757 года были слѣдующіе анонимные сотрудники: Николай Кургановъ, впоследствии составитель извѣстнаго Письмовника, мартъ, стр. 245—265, «Разговоръ между Аристомъ и Евгеномъ о морѣ» съ французскаго языка. Андрей Нартовъ подписывалъ свои статьи буквами А. Н.; но въ апрѣльской книжкѣ, стр. 288—286 есть его же, но безъ всякой подписи «Идиллія Нисса», которая, неизвѣстно на какомъ основаніи помѣщена въ «Сочиненіяхъ» Тредіаковскаго, изд. Смирдина I, стр. 750—758. Въ напечатанномъ недавно доношеніи Тредіаковскаго (см. выше, стр. 15—17) онъ указываетъ, что именно напечатано въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» изъ его произведеній, и ни слова не говоритъ объ «Идилліи Ниссѣ». Матвѣй Красильниковъ, сенатскій протоколистъ, его переводъ изъ *Gesellschaftliche Erhellungen* въ апрѣлѣ, стр. 322—328, «Храмъ природы и счастья. Сонъ». Бакунинъ, ассессоръ камеръ-конторы, апрѣль, стр. 329—344, «Письмо о пользѣ вина», и отвѣтъ на то, безъ указанія, переводъ ли это, или оригинальное сочиненіе. Всѣ статьи Рычкова въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ», какъ анонимныя, такъ и съ подписью, подробно указаны въ изслѣдованіи «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова», Спб., 1867 года. Капитанъ А. Тепловъ, въ апрѣлѣ, стр. 365—368, перевелъ «Рѣчь Сенкина къ императору Нерону» изъ Тацита. При описаніи оригинальныхъ статей въ «Ежемесячныхъ

13 марта 1759 года, академическій совѣтникъ Таубертъ требовалъ отъ Миллера объясненія по поводу анонимныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ честь танцовщицы Сакко (Sakko) въ февральской книжкѣ «Ежемесячныхъ сочиненій» (стр. 191): стихи эти весьма не понравились при Дворѣ, и Тауберта нарочно призывали туда, чтобъ узнать объ имени автора ихъ. Миллеръ въ тотъ же день отвѣчалъ Тауберту, что и по его мнѣнію стихи также непристойны, если Сакко дѣйствительно находится танцовщицею на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ. «Такъ-какъ я, писалъ притомъ исторіографъ, вѣчно сидѣвшій за своимъ рабочимъ столомъ, не посѣщаю здѣшняго италіянскаго театра и никогда не слыживалъ имени Сакко, то и предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ италіянскому театру въ Парижѣ, и что, слѣдовательно, стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго. Поэтому-то я нисколько и не затруднялся въ помѣщеніи ихъ въ журналѣ». Далѣе изъ словъ Миллера видно, что стихотвореніе напечатано вслѣдствіе просьбы академика Попова и принадлежало, какъ изъ

сочиненіяхъ». Милютинъ (Современникъ 1851 г., т. XXVI, отд. II, стр. 28 «Очерки русской журналистики») останавливается на статьѣ, подписанной буквами М. П. «Изъ статьи его, говоритъ Милютинъ, видно только, что въ 1760 г. онъ былъ сержантомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и дворяниномъ нашего посольства въ Константинополь. Авторъ ихъ описываетъ тогдашнее состояніе константинопольскаго двора и турецкой имперіи, нравы и обычаи турокъ, положеніе ихъ промышленности и торговли и т. п. Между прочимъ онъ рассказываетъ объ одномъ происшествіи, будто бы случившемся съ нимъ самимъ, но болѣе похожимъ на романъ, чѣмъ на истинное событіе...» Далѣе Милютинъ высказываетъ догадку: не былъ-ли авторомъ статьи Михаилъ Прокудинъ-Горскій? Въ рукописныхъ извѣстіяхъ, которыми пользовался пишущій эти строки, нашлось только слѣдующее свѣдѣніе, относящееся къ автору упомянутой статьи. Ф. И. Соѣмоновъ, въ письмѣ къ Миллеру 28 апрѣля 1764 г., сообщалъ между прочимъ: «...При семъ прилагаю Записки, которыя пріятель мой, будучи дворяниномъ въ Константинополь, о достойныхъ примѣчаніи вещахъ собрать. Онъ намѣренъ издать ихъ, если не можно въ одной книгѣ, то хотя бъ и въ «Ежемесячныхъ примѣчаніяхъ» по матеріямъ. И буде онъ, по усмотрѣнію вашему, достойными найдутся, въ такомъ случаѣ прошу сдѣлать одолженіе и дать мнѣ знать, какимъ образомъ поступить въ томъ должно...» Въ XXIX портфелѣ писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ въ архивѣ академической конференціи.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

4

вѣстно было Миллеру по слуху, перу гвардейскаго унтеръ-офицера Ржевскаго ¹⁾).

Этотъ случай побудилъ академическую канцелярію къ составленію слѣдующаго опредѣленія: «Понеже въ академическихъ сочиненіяхъ февраля мѣсяца сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличные, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая бѣ о чемъ матерія ни была, первые листы или послѣднія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію ²⁾...»

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» уцѣлѣло это стихотвореніе. Помѣщаю его здѣсь, чтобы вѣрнѣе судить о помянутомъ распоряженіи:

СОНЕТЪ ИЛИ МАДРИГАЛЪ

Либеръ Сако актрисъ Итальянскаго вольнаго театра.

Когда ты Либера что въ драмѣ представляешь,
Въ часы тѣ, что къ тебѣ приходитъ плескъ во уши,
Отъ зрителей себѣ то знакомъ принимаешь,
Что въ нихъ ты красотой зажгла сердца и души.

Довольное число талантовъ истомила
Натура для тебя, какъ ты на свѣтъ рождалась.
Она тебя она, о Сако! наградила,
Чтобы на всѣ глаза пріятною казалась.

Небеснымъ пламенемъ глазъ твоихъ блистають,
Тѣнь нѣжною лица черты намъ представляютъ,
Прелестенъ взоръ очей, осанка несравненна.

Хоть нѣкихъ дамъ язвы клевететь ты хулоу,
Но служить зависть ихъ тебѣ лишь похвалоу:
Ты истинно плѣнять сердца на свѣтъ рожденна.

¹⁾ XXXII портфель писемъ къ Миллеру и II портфель писемъ его къ разнымъ лицамъ.

²⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга № 241.

Надобно думать, что послѣдніе три стиха болѣе всего возбудили то недовольство, о которомъ писалъ Таубертъ Миллеру.

Въ «Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» Ломоносовъ, между прочимъ, укоряетъ Миллера за помѣщеніе въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» неприятной для него статьи Тредіаковского о мозанкѣ: «Сія ругательства ¹⁾ дѣлу, для отечества славному, отъ кого произошли видно, что при концѣ онаго сочиненія стоятъ буквы В. Т.; собираетъ сочиненія профессоръ Миллеръ; печатаетъ Таубертъ. Одному — Ломоносова стихотворство; другому — его исторія, третьему — обое, а паче всего въ канцеляріи товарищество противно...» Ломоносовъ это писалъ на память, которая ему измѣняла: въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» помянутой статьи не было напечатано, и она явилась въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова, на что Ломоносовъ и жаловался, 8 іюля 1759 года, Ивану Ивановичу Шувалову: «Въ Трудолюбивой такъ называемой Пчелѣ напечатано о мозанкѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр. совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ: Тр. сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Т (аубертъ)... далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую ²⁾!...»

По свидѣтельству Ломоносова ³⁾, Миллеръ получилъ выговоръ отъ конференціи при дворѣ императрицы Елизаветы около ноября 1760 года «за важныя политическія ошибки, ежели ошиб-

¹⁾ Въ небольшой статейкѣ о Мозанкѣ Тредіаковскій распространяется исключительно о томъ, откуда произошло это слово, также о различныхъ родахъ мозаики и о финиѣти. Въ концѣ же замѣчено: «Живопись, производимая наезаваніемъ, весьма превосходитъ мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ учености свѣтѣ Автора, ибо не возможно, говорить оны, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотагъ и пріятностямъ, изобрашеннымъ отъ искусныхъ кисточки на картинѣ изъ масла, или на стѣнѣ такъ называемую фрескою, изъ воды по сырой извести». Этими словами и кончается статейка. (Трудолюбивая Пчела Сумарокова, 1759 г., стр. 358—360).

²⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собраныя Биларскимъ, стр. 389, 390.

³⁾ Въ представленіи къ президенту Академіи Наукъ въ январѣ 1761 г. въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собран. Биларскимъ, стр. 491, 492.

ками назвать можно», прибавляет Ломоносовъ. Дѣло касалось статьи, помѣщенной въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» (май, 1760 года, стр. 387 и слѣд.), подъ заглавіемъ «Извѣстія о запорожскихъ казакахъ», и здѣсь по этому одинъ листъ былъ перепечатанъ и нѣсколько словъ исключены.

«Иностранная коллегія, продолжаетъ Ломоносовъ дагѣ ¹⁾), и безъ того затрудненіе имѣеть отвѣтствовать о побѣгахъ изъ Запорожья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ (Ежемесячныхъ) сочиненій прошлаго 1760 году, стр... въ примѣчаніи андреевскихъ казаковъ Персін присволяетъ, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ...» Говоря такимъ образомъ, Ломоносовъ имѣлъ въ виду «Извѣстіе о находящихся съ западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкою Куромъ народахъ и земляхъ и о ихъ состояніи въ 1728 году». Здѣсь на стр. 41, 42 говорится объ андреевскихъ казакахъ, какъ состоящихъ подъ владѣніемъ князя Еидемира.

«Не токмо въ «Ежемесячныхъ», но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, утверждаетъ наконецъ Ломоносовъ ²⁾), всѣваетъ по обычаю своему занозливый рѣчи. Напримѣръ, описывая чувашу, не могъ протти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочеть російскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ російскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстригины—самую мрачную часть російской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ російскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?»

Дѣйствительно въ V-й части *Sammlung Russischer Geschichte*, напечатанной въ 1760 году, Миллеръ помѣстилъ *Versuch einer neueren Geschichte von Russland*, который по русски началъ яв-

¹⁾ Въ представленіи къ президенту Академіи Наукъ въ январѣ 1761 г. въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собран. Биларскимъ, стр. 491, 492.

²⁾ Тамъ же.

латься въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1761 года, подъ заглавіемъ «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи». Въ предисловіи къ нему самъ Миллеръ сознавался, что эпоха, имъ избранная для описанія, исполнена внутреннихъ безпокойствъ, а потому не заключаетъ въ себѣ того, что заслужило бы похвалы въ потомствѣ; «но, продолжаетъ Миллеръ, есть ли такая земля, либо государство, которое бъ не имѣло своихъ неблагополучныхъ временъ и въ коемъ бы не перемѣнялись счастье и несчастье, сила и слабость, завоеванія и опустошенія? Исторія государствъ уподобляется картинѣ, имѣющей тѣнь, которая потребна къ тому, дабы ясность и превосходство чрезъ то казались великолѣпнѣе... Но есть и другая причина, побудившая меня, чтобъ положить начало съ сего времени при изданіи російской исторіи... Г. Татищеву соизволилось сочиненную имъ исторію прекратить кончиною царя Федора Ивановича, яко послѣдняго изъ варяжскаго колѣна ¹⁾); того ради почелъ я за справедливое зачать съ того времени, гдѣ онъ свой трудъ окончилъ, для приведенія въ нѣкоторое совершенство всея російской исторіи...»

Изъ слѣдующаго письма Миллера отъ 20 апрѣля 1761 года къ извѣстному конференцъ-секретарю Дмитрію Васильевичу Волкову оказывается, что, въ слѣдъ за Ломоносовымъ, на «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи» обратило вниманіе и высшее правительство:

«Ваше высококордіе изволило г. совѣтнику Тауберту объявить, что отъ гг. конференцъ-министровъ вамъ поручено за нѣкоторыя, въ моихъ сочиненіяхъ о російской исторіи находящіяся непристойности дать мнѣ жестокий выговоръ съ приказаніемъ, чтобъ впредь такія сумнѣнія отъ меня напечатаны не были. Слышавъ сіе, прибѣжалъ я къ вамъ вчерашняго числа, а не заставъ

¹⁾ Извѣстно, что Татищевъ хотѣлъ окончить свою исторію 1613 годомъ по тому уваженію, что «явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратитъ, еже было съ совѣстію несогласно, того ради оное оставлю инымъ для сочиненія...» Исторія російская, кн. 1, часть I, стр. XXII.

дома, не могу себя успокоить, пока либо персонально, либо симъ писаніемъ вашего высокородія не увѣрю, что со всякимъ повиновеніемъ я готовъ принять напоминанія въ чемъ можетъ быть я согрѣшилъ, и ничего больше не желаю, какъ дабы мои сочиненія могли заслужить вашу апробацію, которую я почитаю весьма высокою¹⁾».

«Что надлежитъ до Опыта новѣйшей исторіи о Россіи, то я думалъ, что оный сочиненъ съ крайнею осторожностію: всѣ листы, прежде печатанія, были разсмотрѣны господами членами академической канцеляріи, а что ими было примѣчено, якобы что можетъ подвержено быть критикѣ, оное я перемѣнилъ и исправилъ. Но понеже со всякою осторожностію ошибиться можно, то вашего высокородія покорнѣйше прошу, чтобъ соизволили мнѣ объявить тѣ мѣста, въ которыхъ я погрѣшилъ и писалъ непристойно, дабы я впредь отъ такихъ же погрѣшностей остерегаться могъ. Сія частица россійской исторіи для того названа мною Опытомъ, что я не намѣренъ былъ продолжать дагѣе, пока не слышу (sic) каково она принята будетъ отъ публики и пока не получу приказа, такимъ-ли образомъ продолжать или инымъ. Токмо я желаю бы, чтобъ продолжалася до кончины царя Бориса Годунова, что уже и напечатано на апрѣль мѣсяцъ, токмо еще не опубликовано; чего ради вашему высокородію тѣ печатные листы сообщаю, прося васъ, чтобъ соизволили, прочитавъ, приказать Академіи, публиковать-ли оныя и тѣмъ окснчить исторію царя Бориса, или нѣтъ? Если усмотрите во оныхъ нѣчто, поправленію подлежащее, то сіе легко исправиться можетъ. А впрочемъ вашего высокородія проницательному разсужденію всѣ свои сочиненія охотно я подвергаю и покорнѣйше прошу, чтобъ вы соизволили принять на себя трудъ прочесть мои историческія пьесы прежде напечатанія, тогда я надеженъ буду о всеобщей апробаціи оныхъ, а я во всемъ буду слѣдовать вашимъ наставленіямъ» и пр. ²⁾».

Въ одномъ черновомъ письмѣ къ Рычкову Миллеръ сооб-

¹⁾ Бѣдный историкъ! Это письмо чрезвычайно характеризуетъ отношенія ученыхъ къ секретарямъ въ Россіи прошлаго столѣтія.

²⁾ IV портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ 1761—1762 годовъ.

шагъ-было ему объ одномъ челоѣкѣ, который всегда желалъ его погибели и добился-таки, что Миллеръ не смѣетъ дагѣе продолжать новой русской исторіи ¹⁾. Осторожный историографъ вычеркнулъ потомъ изъ письма это мѣсто, и Рычковъ, оставаясь въ невѣдѣніи о запрещеніи, постигшемъ «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи», писалъ къ Миллеру 9 сентября 1761 года: «желаю, чтобъ ваша новгородская исторія благополучно возымѣла окончаніе. Опытъ новѣйшей исторіи читалъ я со многими удовольствіемъ и сожалѣю, что какъ видно всего невозможно было вамъ въ публику произвестъ. Ежели причину того возможно вамъ мнѣ изъяснить, то тѣмъ покажете вы мнѣ особливой знакъ вапеш искренности. Я признаваюсь вамъ, какъ другу, что и меня часто отохочиваютъ такія обстоятельства сочинять и посылать къ вамъ то, что мнѣ иногда на мысль приходитъ ²⁾».

Другой усердный корреспондентъ Миллера и сотрудникъ его журнала, сибирскій губернаторъ Федоръ Ивановичъ Соимоновъ, 5 декабря 1761 года, писалъ къ нему изъ Тобольска: «Изъ присланныхъ ко мнѣ мѣсячныхъ примѣчаніевъ въ первой половинѣ нынѣшняго году усмотрѣлъ я сочиненіе о російской исторіи, и что оное столь великимъ пространствомъ писано, чему я сердечно порадовался по причинѣ той, что при моемъ экстрактѣ ³⁾ въ предисловіи упомянуто: ежели кто больше или обстоятельнѣе знать пожелаютъ, то могутъ удовольствіе свое получить изъ пространной російской исторіи. Потому я уже не сомнѣваюсь, что такія свои желанія получить могутъ, ежели тѣмъ же порядкомъ и прочее изъяснено вашими трудами будетъ ⁴⁾...»

Миллеръ, въ отвѣтъ на это письмо, пославъ томъ «Ежемесячныхъ сочиненій» за 1761 годъ, 4 февраля 1762 года увѣдом-

¹⁾ Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова (Спб. 1867 г.), стр. 46, 47.

²⁾ XXIV портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ.

³⁾ Экстрактомъ Соимоновъ называетъ посланное имъ къ Миллеру сочиненіе свое: «Краткое собраніе о приращеніяхъ всероссийской имперіи и о прочихъ нѣкоторыхъ достопамятныхъ случаяхъ».

⁴⁾ XXIX портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ.

лягъ: «...Въ ономъ изволите найти сочиненіе ваше о пословицѣ «Сибирь золотое дно», а совѣтованіе о воеводахъ принужденъ я былъ оставить по разсужденію нѣкотораго знатнаго министра. Извѣстіе о ландкартахъ тутъ же находится на русскомъ языкѣ; да въ первыхъ четырехъ мѣсяцахъ краткая исторія о Новѣгородѣ, которая, уповаю, не меньше вашею апробаціею удостоена будетъ какъ въ первомъ томѣ того жъ года напечатанный Опытъ новѣйшей россійской исторіи. Если бы здѣсь объ ономъ Опытѣ таковожь благосклонно разсуждали, то бъ я охотно трудился въ продолженіи онаго; но нѣкоторымъ показалось (зачеркнуто: «что я пишу дерзко»), что о приключеніяхъ смутныхъ временъ, за тѣмъ, что не служатъ къ чести, упоминать не должно, и того ради печатаніе продолжать не дозволено было ¹⁾...»

Послѣ 1761 года, въ бумагахъ академической канцеляріи не встрѣчается болѣе случаевъ принятія какихъ либо цензурныхъ мѣръ противъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Причину этому едвали не надобно искать въ томъ особенномъ вниманіи, которымъ удостоивала стараго академика и редактора журнала императрица Екатерина II. Доказательствомъ тому сохранилась слѣдующая записка Миллера къ академическому совѣтнику Тауберту 21 октября 1764 года: «Вчера ввечеру я получилъ неожиданную милость: ея императорское величество потребовала меня къ себѣ и около часа милостиво разговаривала со мною о разнообразныхъ предметахъ. Между прочимъ она спрашивала меня о продолженіи Sammlung Russischer Geschichte, и, узнавъ, что теперь отпечатана IX-я часть, соизволила выразить, что это изданіе, съ самаго возшествія ея на престолъ, къ ней болѣе не доставляется, а потому поручила мнѣ озаботиться, чтобы у ней былъ полный экземпляръ и на будущее время всякой разъ, при выходѣ въ свѣтъ новой части, точно представлять ей. Я обѣщала передать о томъ вамъ и теперь исполняю это повелѣніе ²⁾...»

¹⁾ IV портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1761—1762 годовъ.

²⁾ V портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1763—1764 годовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БАРОНА БОРФА ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ПРИ АКАДЕМІИ СЕМИНАРИИ *).

Въ правительствующій сенатъ

изъ Академіи Наукъ

ДОНОШЕНІЕ.

Изъ подтвержденнаго отъ Его Императорскаго Величества Петра Великаго блаженна и вѣчно достойна памяти проекта объ Академіи Наукъ можетъ правительствующему сенату довольно извѣстно быть, что обрѣтающіеся при оной профессоры не только собственными своими изобрѣтеніями науки въ болѣе совершенство приводятъ, но притомъ и молодыхъ людей въ оныхъ обучать должныствуютъ. Чтѣ они первое намѣреніе исполнили, явствуютъ печатанныя при Академіи книги. А оная причина, для которой они вторую часть своей должности въ дѣйство привести не могли, происходитъ отъ того, что они способныхъ учениковъ не имѣли; но дабы и въ семъ высочайшему намѣренію Его Императорскаго Величества послѣдовано было, то я, по моей должности, правительствующему сенату всевысшайше предлагаю и прошу, дабы соблаговолено было приказати сначала тридцать человекъ шляхетныхъ юношей добраго нрава и довольныя надежды при Академіи воспитать и содержать и не только въ приличныхъ къ украшенію, но и вышнихъ наукахъ, но намѣренію Его Императорскаго Величества Петра Великаго блаженна и вѣчностойна памяти, такъ обучать, чтобъ они современемъ государству полезныя услуги показывать могли. Какъ оные содержаны и воспитаны

*) Изъ книги подъ № 791, архивъ академической канцеляріи.

тани быть имѣють, о томъ находится извѣстіе на приложенной росписи подъ литерою А. На сіе требуется по точнѣйшему изчисленію, какъ подъ литерою В видѣть можно, четырехъ тысячъ трехъ сотъ девяносто осьми рублей дватцати пяти копеекъ, къ чему особливую сумму опредѣлить надлежитъ, потому что ннѣшняя академическая сумма, какъ извѣстно, и на случающіеся при оной необходимыя расходы недовольна. Хотя нѣкоторыя вещи изъ оныхъ дешевле заготовлены быть могутъ, однакожъ въ другихъ случаяхъ нѣкоторые расходы учинятся, которые ннѣ и на память не приходятъ, и понеже отъ того весьма много зависитъ, чтобъ юношество добрымъ порядкомъ обучено было, того ради избранъ къ тому навлекчайшій и въ изрядно учрежденныхъ школахъ употребительнѣйшій способъ, который при академической гимназій, въ которой помянутыя юноши свое наставленіе получить имѣють, отчасти уже въ употребленіи находится, а отчасти еще введенъ быть имѣеть, и при семъ подъ литерою С правительствующему сенату, для подтвержденія, предлагается. Понеже учрежденіе такимъ образомъ учинено, что первое основаніе какъ въ языкахъ, такъ и въ наукахъ ученикамъ показано будетъ, того ради могутъ какъ тѣ, которые уже прежде нѣкоторое наставленіе имѣли, такъ и тѣ, которые еще ничего (не) знаютъ, въ сей семинаріумъ или въ число тридцати приняты быть. Однакожъ послѣднимъ изъ оныхъ по крайней мѣрѣ больше осьми лѣтъ отъ рожденія имѣти не надлежитъ, потому что когда они старѣе, то объ нихъ такъ совершенно надѣяться не можно, чтобъ они свое ученіе въ способныхъ къ тому лѣтахъ окончили, и потому основательное знаніе имѣли. Напротивъ того, могутъ нервные, ежели они добраго нрава и (по?) пропорціи своихъ лѣтъ уже нѣчто научились, въ семинаріумъ тѣмъ способнѣе приняты быть. Однакожъ, чтобъ имъ больше четырнадцати лѣтъ отъ рожденія не было, потому что ежели они старѣе, то надлежитъ имъ уже столько знать, чтобъ они въ гимназію ходити не принуждены были, но напротивъ у профессоровъ въ высшихъ наукахъ лекціи слушать могли.

Колл.

Апрѣля 16 дня
1785 года.

(Слушано апрѣля 22 дня 1785 года).

А.

Предложеніе о семинаріи.

При академіи старались уже за нѣсколько лѣтъ, чтобъ учредить семинаріумъ изъ малолѣтнихъ, которые бь безъ всякаго препятствія съ довольнымъ руководствомъ въ наукахъ происходили и потомъ отечеству

полезныя услуги учинить могли. Германія подобными сему учрежденіями такъ наполнена, что ни малаго города нѣтъ, въ которомъ бы либо градской совѣтъ изъ общихъ доходовъ, или частныя особы о такихъ учрежденіяхъ не старались. Отъ чего и произошло, что какъ Германія прежде сего въ потребныхъ людяхъ вознигла великій недостатокъ, такъ она нынѣ изобиліемъ оныхъ въ всегдашнему изобранію хвалиться можетъ.

Ежели такимъ образомъ при Академіи учредить семинаріумъ, то отъ того польза хотя въ первые семь лѣтъ и не очень явно скажется, однакожъ, по прошествіи оныхъ лѣтъ, по всягодно большихъ плодовъ ожидать можно. И ежели въ оной семинаріи содержать изъ малолѣтняго шляхетства тридцать человѣкъ, то оное въ годъ совсѣмъ станетъ въ четыре тысячи триста девяносто восемь рублей дватцать пять копеекъ. О всякомъ изъ оныхъ стараніе имѣти надлежитъ, чтобъ въ пропитаніи, одеждѣ и прочемъ, что потребно, удовольствіе было и во всемъ честно воспитаны и содержаны быть могли. Для того надобно, онымъ не въ дальности отъ гимназій имѣть особливый домъ, въ которомъ бы не меньше пяти покоевъ быть и во всякомъ стоять было можно по шести кроватей и толкое жъ число шкаповъ, въ которыхъ сохранять платіе и бѣлье. Еще же три покоя, въ которыхъ имъ учигься, да большой покой, гдѣ имъ кушать; сверхъ того покой одинъ ради больныхъ. Въ томъ же домѣ надобно жить инспектору семинаріи для того, что надлежитъ ему день и ночь надъ ними имѣть надзираніе. И для того правительствующему сенату предлагается, чтобъ Строгоновъ домъ, для оной близости при Академіи, въ наемъ взять. Инспекторъ семинаріи долженъ надъ поведеніемъ, прилежностію, чистотою, кушаньемъ, одеждою и бѣльемъ отеческое имѣть смотрѣніе, дабы подъ его смотрѣніемъ во всемъ удовольствованы были.

Ему подчиненъ экономъ, которому въ томъ же домѣ жить и всякое хозяйство имѣть, что до поварни, погребовъ и прочаго касается. Съ которымъ учинить договоръ, что ему по мѣсячно за всякаго человѣка платить; напротивъ того назначить ему повседневно, какъ обыкновенную, такъ и постную пищу, такожъ-же сколько у питія ему на всякаго человѣка числить, дабы всякій удовольствованъ былъ. И что по мѣсячно уговорено-сь будетъ, то и въ содержаніе служащихъ и всего принадлежащаго зачитать надлежитъ, въ чемъ эконому имѣть попеченіе и Академіи до того дѣла не будетъ. А чтобъ отъ эконома исполнено было по данной ему росписи, то надлежитъ инспектору смотрѣть за кушаньемъ и питьемъ, также за чистотою всего столоваго скарба; а эконома полною властью принуждать въ исполненію того, что съ нимъ договорено. Что касается до питія, въ томъ эконому имѣть стараніе, чтобъ было не крѣпкое, но

здоровое и добраго вкусу; а много имъ давать ему не позволяется. Къ тому жъ надлежитъ имѣть разсмотрѣніе, сколько питія, кромѣ стола, довольно быть можетъ, дабы економу можно было вѣдать, какъ въ томъ поступать. Надлежитъ повсягдно семинаристу получать по одной парѣ новаго платья, а старое платье притомъ же носить сколько долга возможно, и потомъ оныя отдавать, которыя тогда въ особливомъ покоѣ сохранены быть могутъ, понеже еще за всегда на потребу вѣчто изъ онаго годно быть можетъ. При семъ надлежитъ гимназіи въ томъ имѣть смотрѣніе, чтобъ оныя платье свое содержали въ чистотѣ, а особливо въ бѣльѣ удовольствованы были, и для такой чистоты надобно содержать баню, въ которой на всякой недѣлѣ по субботамъ или по усмотрѣнію инспектора париться и на то содержать для услуженія особливаго челоуѣка.

Бѣлье можно поручить економу, которому, за договорную мѣсячную или годовую плату, на то содержать портомоевъ, обаче инспектору семинаріи присматривать, чтобъ економу въ томъ не произошло напраснаго отягощенія и бѣлье испорчено не было.

Если случится, что изъ нихъ кто занеможетъ, то такого надлежитъ отвезти въ больницу и за больными паче всего академическому лекарю, а буде по его усмотрѣнію великая трудность въ той болѣзни явится, то уже потребно на разсмотрѣніе такой болѣзни призывать изъ академіи доктора медицины; буде въ такомъ случаѣ родители, которые имѣютъ жительство здѣсь или и ближніе сродственники похотятъ такого больнаго взять къ себѣ въ домъ, то хотя оное позволено быть можетъ, однакожъ Академіи тогда въ пользованіи его болѣзни дѣла уже не будетъ.

Всѣмъ здоровымъ вставать лѣтомъ по утру около пятиаго, а зимою около шестаго часовъ, въ тотъ часъ начисто одѣваться и въ одѣваніи медлить не больше полчаса.

Потомъ надлежитъ іеромонаху, который и безъ того при гимназіи имѣется, съ ними отправлять молитву, а послѣ того економу имѣть про нихъ на готовѣ завтракъ. И какъ семинаристы до осьми часовъ къ лекціямъ своимъ приутоновилися, то имѣютъ они порядочно въ гимназію идти. При выходѣ въ двѣнадцатомъ часу, надлежитъ, чтобъ столъ про нихъ былъ готовъ и притомъ іеромонаху, наки приходя къ столу и вставаячи отъ стола, отправлять молитвы.

Инспекторъ долженъ на обѣдахъ часто присутствовать и притомъ смотрѣть, дабы отъ економа ничего пренебрежено не было и отъ юношества напрасныя жалобы въ ястїи и питїи не происходили, но во всемъ бы порядочно и смиренно отправлялось.

Послѣ обѣда до половины часа перваго, всякому отъ трудовъ имѣть увольненіе съ пристойною забавою, и въ томъ также смотрѣніе имѣть и инспектору.

По полудни около двухъ часовъ, имѣютъ приходить пакн въ гимназіумъ, но какъ скоро они около четырехъ часовъ изъ онаго выдутъ, то садятся всякому къ своему столу и приготавливаются къ задачамъ послѣдующаго дня, и инспектору притомъ имѣть тщательное попеченіе, чтобъ все тихо и порядочно отправлялось.

Около шести часовъ имѣеть быть столъ въ готовности, и при томъ все такъ поступать, какъ въ обѣдѣ, и тотчасъ послѣ ужина отправить іеромонаху вечернюю молитву.

Когда послѣ ужина немного упокоились, то приготавливаются на заѣдачи слѣдующаго дня и во исходѣ десятаго часа всѣмъ ложиться спать.

По середамъ надлежитъ по полудни отъ перваго до четырехъ часовъ упражняться въ танцованіи, да къ тому же можно и другихъ знатной фамиліи дѣтей, которые обрѣтаются въ гимназіи, допускать обаче такимъ образомъ, чтобъ никто безъ позволенія допущенъ не былъ. Какъ надъ семинаристами, такъ и надъ прочими смотрѣть, чтобъ никто меньше двѣнадцати лѣтъ отъ роду къ танцованію допущенъ не былъ, понеже извѣстно и сами танцмейстеры признавають, что такіе дѣти, которые меньше тѣхъ лѣтъ къ тому допущены бывають, либо спиною или ногами околесеневають, о чемъ причину натурально познать можно. Ежели разсудить, что онымъ семинаристамъ, такъ какъ и прочимъ, нѣсколько лѣтъ пребывать при танцованіи, то никто въ томъ спорить не можетъ, чтобъ урочное на то время недовольно было. Къ тому жъ можно оныхъ раздѣлить въ нѣкоторые классы; изъ оныхъ классовъ къ танцованію допустить можно сперва большихъ, которымъ около трехъ часовъ потомъ приняться за ученіе; а такихъ классовъ можно со временемъ такимъ образомъ раздѣлить, чтобъ въ первые или въ вышніе всегда такіе опредѣлять, которые уже принадлежащія туда науки такъ поняли, что уже и обученіе французскаго азмыка съ другими воспріять могли. И того ради ежели кто изъ вышнихъ классовъ въ учебныхъ задачахъ отъ танцованія удержанъ будетъ, то онаго къ тому не принудить. Однако же въ такомъ случаѣ оставляется то на разсужденіе инспектора семинаріи, которому и въ томъ, чтобъ все тихо и порядочно было имѣть, попеченіе, и впрочемъ всякое непристойное танцованіе и опасныя каприолы запрещаются вовсе.

Въ пятомъ часу такъ поступать, какъ въ другіе дни опредѣлено. Но въ субботу отъ перваго часу (ибо отъ втораго на десять до перваго часа

оставляется на забаву) до четырехъ часовъ упражняться имъ въ рисованіи, и тогда же къ нимъ какъ изъ гимназій допущены быть имѣютъ знатной фамиліи дѣти, обаче все такимъ порядкомъ какъ въ танцованіи. Въ пятомъ часу приходитъ время идти въ баню и потомъ около семи часовъ можно имъ ужинать.

Въ воскресенье и въ опредѣленныхъ торжественныхъ дняхъ надлежитъ іеромонаху, по отправленіи молитвы, всѣхъ семинаристовъ приводить въ церковь и тамо имѣть точное надъ всѣми смотрѣніе, а потомъ ихъ опять назадъ отвести. Но дабы между тѣмъ толь много часовъ празднично не было, то на него еще полагается, чтобъ по предписанію святѣйшаго синода съ ними въ духовныхъ дѣлахъ упражняться.

Понеже семинаристы на три покоя и толико жъ классовъ раздѣлены, того ради во всякомъ покоѣ по два или по три старости изъ нихъ избраны быть имѣютъ, гдѣ завсегда по недѣлю одному имѣть смотрѣніе надъ другими и инспектору семинаріи репортовать. Если же всѣ въ общемъ собраніи, то уже такой должности до другихъ не касается и только одинъ вышшаго класса староста, чья недѣля, имѣетъ смотрѣніе надъ всѣми.

Понеже у дворянства обыкновенно, что своимъ синовьямъ придаютъ слугъ, то хотя сіе и позволяется, однакожъ надлежитъ онимъ всегда въ трезвости, вѣрности и въ чистотѣ находиться, и подъ инспекторомъ семинаріи состоять какъ и господа ихъ, и имъ ниже дерзать безъ воли его противностей чинить. Но понеже статься можетъ, что нѣкоторые безъ слугъ будутъ, то въ такомъ случаѣ для услуженія на трехъ семинаристовъ опредѣлить по одному слугѣ.

Если бы родители и ближніе сродственники синовей своихъ часто къ себѣ призывать хотѣли, то бѣ ради упущенія науки допустить не возможно, но буде сіе не часто случится, то оставляется оное на разсужденіе инспектора семинаріи; обаче весьма не позволяется безъ его челоувѣка или безъ приславнаго отъ родителей или сродственниковъ служителя кого отпущать, которые онихъ опять назадъ приводить должны.

На послѣдокъ понеже во всѣхъ вышеобъявленныхъ пунктахъ ни одного нѣтъ, по которому инспекторъ семинаріи не имѣлъ смотрѣнія, того ради долженъ онъ по вся субботы о томъ гимназій директору оной, главному Академіи командиру репортовать и таковыя же репорты вносить въ особую книгу.

Апрѣля дня
1785 года.

В.

Численіе на содержаніе тридцати семинаристовъ.

	Руб.	Коп.
За кушанье и прочіе столовыя припасы:		
На каждаго семинариста на кушанье по 5 р. на мѣсяцъ, итого на 30 человѣкъ въ годъ.....	1800	
24 оловянныхъ блюдъ.....	24	
90 тарелокъ оловянныхъ.....	22	50
6 мѣдныхъ кулгановъ по 2 рубля.....	12	
12 оловянныхъ кружекъ по 25 копеекъ.....	3	
8 скатертей.....	10	50
9 салфетокъ по 5 копеекъ.....	4	50
60 оловянныхъ ложекъ по 6 копеекъ.....	3	60
2 мѣдныхъ котла.....	12	
30 ножиновъ по 10 копеекъ ножикъ.....	3	
Итого...	1895	10
На платье.		
7 аршинъ сукна на кафтанъ и камзолъ по рублю, итого на 30 человѣкъ.....	210	
6 аршинъ стамеду по 30 копеекъ аршинъ на 30 человѣкъ	54	
За гарусъ, пуговицы, байку, и прочіе потребности также за ра- боту обще.....	120	
2 пары штановъ возлиныхъ по 50 копеекъ каждыя, итого на 30 человѣкъ.....	30	
6 паръ портовъ по 15 копеекъ, итого на 30 человѣкъ....	27	
3 пары валенныхъ чулокъ по 80, итого.....	72	
2 пары башмаковъ по 80 копеекъ.....	48	
1 пара сапоговъ по рублю по 50, на 30 человѣкъ.....	45	
30 паръ башмачныхъ пряжекъ по 10 копеекъ.....	3	
6 рубашекъ каждому по 50 копеекъ, итого на 30 человѣкъ	90	
6 холотняныхъ галстуковъ по 10, итого.....	18	
2 флоровые галстука по 40 копеекъ.....	24	
6 платковъ по 10, на 30 человѣкъ.....	18	
1 колпакъ по 20, на 30 человѣкъ.....	6	

	Руб.	Коп.
1 зимняя шапка по 40 копеекъ.....	12	
1 пара зимнихъ рукавицъ по 15, итого.....	4	50
1 шляпа по 50 каждая, итого.....	15	
15 щетокъ чѣмъ платье чистять по 10.....	1	50
15 щетокъ башмачныхъ по 3.....		45
Для чищенія башмаковъ въ годъ.....	3	
15 ножницъ по 10 копеекъ.....	1	50
30 рѣдкихъ гребней по 10 копеекъ.....	3	
30 частыхъ гребней по 10 копеекъ.....	3	
120 аршинъ на полотенцы.....	4	80
Мыла, крахмалу, и 32 мытье рубахъ и прочаго онимъ ба- бамъ, которыя портомойницѣ будутъ пособлять мыть....	60	
На пудру, ленты и прочіе мелочные расходы.....	37	50
Итого...	911	25
За дрова и свѣчи.		
90 сажень длинныхъ дровъ на топленье горницъ, для мытья всякаго бѣлья по 2 рубли сажень, итого.....	180	
На свѣчи обще.....	60	
Итого...	240	
Ко служенію.		
6 надзирателей, которые смотрѣніе надъ прочими будутъ имѣть, каждому въ годъ по 24 рублей.....	144	
1 старуха, которая надъ больными и надъ платьемъ смотрѣ- ніе будетъ имѣть.....	50	
Економу, который кормить будетъ.....	150	
2 портомойницъ и одну швейку по 36 р. каждой.....	108	
4 работникамъ для топленья печей по 24 р. въ годъ и для услугъ.....	96	
Итого...	548	

	Руб.	Коп.
За дворъ для житья 30 семинаристамъ съ своими надзира- телями и экономомъ и прочими.....	400	
30 кроватей по 40 копеекъ.....	12	
30 тюфяковъ по 1 рублю.....	30	
30 соломенныхъ мѣшковъ по 20 копеекъ.....	6	
120 простынь по 45 копеекъ.....	54	
30 одеялъ по 160 копеекъ.....	36	
75 деревянныхъ стульевъ по 10 копеекъ.....	7	50
30 столовъ большихъ и малыхъ.....	37	50
15 поставцовъ для платы по 1 рублю по 50 к.....	25	50
15 зеркаловъ по рублю.....	15	
15 перочинныхъ ножииковъ по 10 копеекъ.....	1	50
6 огнивовъ по 15 копеекъ.....		90
30 желѣзныхъ шандаловъ по 15 копеекъ.....	4	50
3 фонаря по два рубля.....	6	
15 чернильницъ по 20 копеекъ.....	3	
7 мѣдныхъ тазовъ по 2 р. по 50 копеекъ.....	17	50
Итого...	653	90
На всякіе прочіе расходы, которые подлинно означить не- возможно, а именно на бумагу, чернила, перья, лекарство, всякія починки, на нитки, метлы и проч.....	150	
Реквизиты.		
На кушанье и прочіе столовые припасы.....	1895	10
На платье.....	911	25
На дрова и свѣчи.....	240	
На услуженіе.....	548	
На всякіе расходы.....	653	90
На прочіе расходы, которые подлинно означить невозможно	150	
Сумма...	4398	25

Итого на каждаго семинариста будетъ по 146 рублей по 60
и $\frac{5}{8}$ копеекъ.

Jacob Henrich Hoffmann.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

5

С.

Форма гимназій Академіи петербургской.

Гимназія Академіи петербургской того ради наипаче учреждена, чтобъ честные юноши, свободнымъ наукамъ обучившіеся, могли достигнуть до познанія наукъ академическихъ; но понеже не всякіе разуми до науки способны суть, а нѣкоторыхъ до высокихъ наукъ и допускать не надлежитъ, однакожъ и тѣмъ, которые въ иное житіа состояніе вступить имѣютъ, будетъ въ гимназій мѣсто, что и они отъ сего наставленія не малую пользу воспріять могутъ; и чтобъ отъ совокупнаго всѣхъ юношей смѣшанія благороднѣйшіе отъ правовъ простолюдицевъ въ самомъ еще младенствѣ своемъ не повредились, предусмотрѣно и учреждено, дабы между собою раздѣленны онимъ наукамъ обучались, а худѣйшіе отъ оныхъ всеконечно отлучены были бы. А понеже младенцы, не токмо свободнымъ наукамъ для честнаго въ гражданствѣ житія учимы, но и благочестію наставляемы быть должны такъ, чтобъ въ самомъ житіи, по правилу христіанскаго благочестія поступающе, тѣмъ наипаче удобнѣйшіе и достойнѣйшіе государству граждане сотворились, что всего нужнѣйше быть видится и паче всего желательно есть. Дабы и въ сей нуждѣ какого недостатку не было, отъ святѣйшаго синода Академія іеромонаха упросила, который бы школьникъ русскихъ благочестію христіанскому наученіемъ по правилу, отъ того жъ святѣйшаго синода установленному, въ тѣ часы, которые въ реестрахъ лекцій отъ насъ показаны, обучалъ. Да и нѣмецкіе такожде школьники, чтобъ по своему закону благочестію христіанскому обучались, ректору и товарищамъ вручены, чтобъ оные по уставу академическому въ семъ дѣлѣ поступали. Будутъ же въ гимназій двѣ школы: первая латинская, вторая нѣмецкая. Въ оныхъ и лекцій, и дѣла именно росписать и образъ ученія опредѣлить заблаговременно, чтобъ имѣли тѣ учителя чему непремѣнно послѣдовать должно, дабы или разностию, или несогласіемъ одинъ другому препятствовать.

О школѣ нѣмецкой.

Школу нѣмецкую на три класса раздѣлить заблаговременно: на большой, на средній, на меньшой; и всякій классъ на два класса, чтобъ шляхтичи въ одномъ были, а прочіе въ другомъ.

2) Въ сей школѣ ректоръ съ двумя товарищами языку нѣмецкому сперва учить будутъ.

3) Ректоръ большихъ, вѣдѣній, вѣдѣній, нѣтъ будетъ, которые, къ наукамъ не простираясь, нѣмецкому языку весьма себѣ владутъ; тѣхъ оныхъ, ректоръ, на нѣмецкомъ языкѣ письма писать и переводить ясно и разумно обучать будетъ. Для того присовокупятся исторія и географія; исторія изъ вопросовъ историческихъ Иоанна Гюбнера; географія жъ изъ того жъ географическихъ вопросовъ и съ ландкартъ давать будетъ. Чисто же писать такъ по нѣмецки, какъ и по латински, и арифметикѣ единъ изъ товарищей обучать будетъ.

4) Среднихъ единъ изъ товарищей, подъ управленіемъ ректора, грамматику давать и разговоры толковать и легчайшимъ екзерциціямъ съ русскаго на нѣмецкій переводить обучать будетъ пока или къ большимъ приишутся, или въ латинскую школу пойдутъ. Которые же въ латинскую школу пойдутъ, оныхъ здѣсь въ вѣдѣніи долго держать не надлежитъ, понеже нѣмецкаго языка обученій и тамъ довольство нѣтъ будутъ ежели грамматику нѣмецкую знать, съ русскаго по среднему на нѣмецкій языкъ переводить, и по нѣмецки говорящаго безъ великой трудности разумѣть будутъ. А понеже и тѣмъ, которые нѣмецкому языку весьма себѣ владѣть пожелаютъ латинскаго языка нѣкое знаніе имѣть полезно будетъ, того ради въ семъ классѣ Довата латинскаго да читаютъ, чтобъ себя по маленьку, когда по латински читать учатся, кунно къ познанію сперва деклинаціи приготовили, которые же до большаго латинскаго языка разумѣнія достигнуть пожелаютъ, тѣхъ сперва въ пятый классъ латинскаго языка перевести надлежитъ, и оставить на ихъ волю, въ большой ли оттуду нѣмецкой классъ пойти, или и четвертаго класса лекціи латинскихъ слушать пожелаютъ.

Меньшихъ, другой товарищъ, подъ управленіемъ того жъ ректора, въ чтаніи нѣмецкихъ и латинскихъ книгъ и въ этимологій нѣмецкой, всѣхъ же чистому писанію и въ арифметикѣ наставлятъ будетъ.

5) А понеже оба товарища ректору помогать должны, то, чтобъ въ часахъ и должностяхъ каковаго номѣшательства не было, всякому въ реестрахъ и должностяхъ, и время назначить.

6) На послѣдокъ, понеже о репетиціяхъ прилежное стараніе имѣться должно, то ректорова должность будетъ, чтобъ въ каждое послѣ четырнадцати дней время какой кто изъ учениковъ въ ученіи успѣхъ возымѣлъ.

ЛЕКЦІИ КЛАССА БОЛЬШАГО.

	П о у т р у .			П о п о л у д н и .	
	8—9	9—10	10—11	2—3	3—4
с	Ректоръ экзерциціи.	Ректоръ разннн.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Репетиція грамматики съ экзерциціями.	Товарищъ II. Чистописать.
с	Ректоръ экзерциціи.	Ректоръ разннн.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Географія.	Товарищъ II. Чистописать.
с	Русскіе къ іеромонаху ходять, нѣмцы съ средними къ ректору.	Ректоръ письма или епископн.	Ректоръ исторію.		
с	Ректоръ экзерциціи.	Ректоръ разннн.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Репетиція грамматики съ экзерциціями.	Товарищъ II. Арифметику
с	Ректоръ экзерциціи.	Ректоръ разннн.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Географію.	Товарищъ II. Арифметику.
с	Русскіе къ іеромонаху ходять, нѣмцы съ средними къ ректору.	Ректоръ письма.	Ректоръ исторію.		

ЛЕКЦІИ КЛАССА СРЕДНЯГО.

	По утру.			По полудни.	
	8—9	9—10	10—11	2—3	3—4
д	Товарищъ I. Грамматку.	Товарищъ I. разговоры, экзерциціи.	Товарищъ I. Вокабулы.	Товарищъ II. Чистописатьъ.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
с	Товарищъ I. Грамматку, экзерциціи.	Товарищъ I. Грамматку, экзерциціи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ II. Чистописатьъ.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
ж	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ большими къ ректору.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.		
з	Товарищъ I. Грамматку, экзерциціи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ I.	Товарищъ II. Чистописатьъ.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
е	Товарищъ I. Грамматку, экзерциціи.	Товарищъ I. Грамматку, экзерциціи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ II. Чистописатьъ.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
т	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ большими къ ректору.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.		

О ШКОЛѢ ЛАТИНСКОЙ.

1) Школа латинская на пять классовъ раздѣлена будетъ; и каки вса-
кій классъ на двѣ статьи една для учениковъ, которые изъ неукитчествъ,
а другая для поддѣвшихъ.

2) Первые обучаться будутъ реторикѣ, логикѣ, пѣттикѣ, и авторовъ
присовокувать Цицерона, Ливія, Виргилія и иныхъ; также греческаго
языка, исторіи и географіи учиться будутъ.

3) Вторые обучаться будутъ первыми фундаментамъ реторическимъ,
просодіи и синтаксиса..... присовокунивъ для стили, Юлія Кесара, епи-
столи Цицероновы и лучшихъ пѣттовъ; къ тому же еще исторію, гео-
графію, грамматику греческую, арифметикку.

4) Третьи учиться будутъ просодіи и синтаксиса, употребивъ авторовъ
латинскаго языка Корнелія Непота и Кастеліона; къ тому жъ конторати
будутъ этимологію и будутъ обучаться исторіи, географіи, арифметикѣ,
чистому писанію.

5) Четвертые, учиться будутъ синтаксиса и этимологіи, присовокунивъ
Севастіана Кастеліона разговоры и сверхъ того арифметикѣ, а также и
чистописать.

6) Пятые этимологіи, арифметикѣ, чистописать учиться будутъ и до
синтаксиса приготавливаться.

Учить будутъ въ школѣ латинской во всю недѣлю:

Ректоръ	10 часовъ.
Проректоръ	12 »
Компекторъ	12 »
Товарищъ I	16 »
Товарищъ II	20 »
Товарищъ III	20 »
Товарищъ IV	26 »

Для совершеннѣйшаго же знанія, какими ученіе приращеніи уче-
никамъ по малу отъ нижняго класса къ высочайшему простираться, и
какимъ способомъ учителямъ взаимно другъ другу вспомогать приличе-
ствуетъ, отъ нижняго класса начнемъ.

О пятомъ классѣ.

1) Въ сей классъ тотъ только принять будетъ, кто нѣмецкій языкъ
хотя по среднему знать будетъ, дабы учителя, учащаго по нѣмецки, ра-
зумѣть могъ.

2) Товарищъ IV этимологію учить будетъ пока ученики такъ дефиниціи, какъ конъюгаціи, аномалии (неравнина) и регулы этимологическія даже и правильно умѣть будутъ, присовокупивши вокабулы изъ книги меморіальной Целларія, въ началѣ глаголы, которыхъ времена прошедшія и сущинны, то есть воспятне, твердо знать будутъ. Ученики сіи всѣ въ долгахъ да изучаютъ, чтобъ больше времени къ чтанію уроковъ, къ толкованію и къ свидѣтельствуванію въ школахъ оставалось. Большимъ, или которне ученики больше разумѣютъ, тѣмъ легчайшія синтактическія регулы толковать и практику оныхъ регулъ, примѣры на таблицѣ пишучи, показывать. Тотъ же товарищъ долженъ будетъ, такъ чистаго писанія, какъ и арифметикѣ обучать.

О четвертомъ классѣ.

1) Въ сей классъ никто да вступаетъ, развѣ кто этимологію и синтактическія регулы нетрудныя добре изучить.

2) Товарищъ III такъ поступить въ синтаксисъ, что во первыхъ не трудныя регулы (правила), прежде трудныхъ толковать будетъ. А потомъ многіе образцы (примѣры) до всякой регулы присовокупить, понеже грамматикѣ въ регулахъ, которне порядкомъ они своимъ располагаютъ, не естественнымъ способомъ дѣтей обучаютъ, но въ некоторомъ образцу художественному поспѣдуютъ, и такое великое затрудненіе учащихся разумно исправить также должны. Того ради расположеніе правилъ, чтобъ прежде были свободнѣйшія, а потомъ бы труднѣйшія правила въ грамматикѣ, и пишущейся напечататься въ Академіи, присовокупить должно. А регулы, которыя синтаксису фигурную содержатъ, въ семъ классѣ лучше отставить. Экзерциціи, съ нѣмецкаго языка на латинскій переведенныя, прилежно учитель разсмотреть, чтобъ сочиненіе было изъ регулъ нетрудныхъ и прежде знаемыхъ истолковано и чтобъ дѣти правило, которое угодно бы было, прилежно также въ екзерциціяхъ по нѣмецки надобно заданныи конструкціи показывать (sic!), придавши латинскіе вокабулы. А одинъ изъ тѣхъ ири всѣхъ на таблицѣ по латински написать, а потомъ всякъ свои екзерциціи, въ домѣ сочиненныя, ко исправленію отдавать долженъ.

Надлежатъ также въ сихъ екзерциціяхъ иногда исторію или нѣкую фавулу Эзопову предлагать, а иногда иную какую вещь, котораго уставленія причину вышнихъ классовъ образецъ изъяснить. Въ разговорахъ Кастельоновыхъ легко учитель долженъ поступать со труднѣйшихъ, касающихся до этимологіи, учениковъ вопрошать; регулы синтактическія

показывать, конструкціи силу прилежно во первыхъ предлагать; вокабулы и удобнѣйшіе фразесы выбирать по чаще, также разговоръ повторять, а иногда также что-нибудь давать перевести по нѣмецки.

А когда пятня школы ученики придуть, которые въ положенные часы въ четвертый классъ ходитъ должны, оныхъ прилежно слушать, и о нетрудныхъ задачахъ и легкихъ могутъ и тѣ отвѣты давать.

Этимологию чрезъ нѣкоторыя задачи подтверждать надобно; а вокабуламъ изъ книги мемориальной Целларія въ домѣ обучаться въ урочные свои часы должны.

О третьемъ классѣ.

1) Въ третій классъ никто не вступить, развѣ кто всю этимологию уиѣть будетъ и синтаксисы бѣольшую часть правильно изучитъ, Кастеллоновы нѣкоторыя разговоры свободно истолкуеть и нѣсколько вокабулъ на память изучитъ.

2) Однакожъ товарищъ II этимологию прилежно проучитъ и положенныя нѣкоторыя задачи, наизусть выученныя, вопрошать. А въ три мѣсяца чтобъ все окончиться могло.

Также синтаксису съ меньшими при прочихъ слушающихъ отъ начала только повторитъ, и такъ отъ легчайшихъ регулъ мало чѣмъ до труднѣйшихъ чрезъ примѣры многіе и разныя. А о труднѣйшей синтаксисѣ фигурной съ большими по прилежиѣ поступать.

3) Корнелия Непота такъ о конструкціи, какъ о толкованіи вѣнцее стараніе приложить. Которыя обрѣтаются труднѣйшія въ этимологіи, о тѣхъ учениковъ и синтаксическихіа регулы, рѣдко во употребленіи бывающія, вопрошать будетъ. Фразесы изъ всѣхъ главъ въ дневныя записки давать, которыя ученики въ домѣхъ наизусть изучать должны. Большіе въ наукѣ иногда главу одну и другую на нѣмецкой языкѣ переводятъ и какаго либо императора житіе зѣло тщательно истолкованное опять повторять.

4) Въ екзерциціяхъ пероводныхъ на латинской языкъ такъ тщиться долженъ учитель располагать, чтобъ и на историческую иногда правоучительную предлагалъ задачу. Въ исторіяхъ тщательно послѣдовать Непоту и его фразесы употреблять изволилъ бы трудиться, чтобъ во всякомъ погодѣ исторію отъ созданія міра до Константина Великаго кратко окончалъ. А въ правоучительныхъ пуцахъ по своему разсужденію учитель поступаетъ, какъ понравится о добродѣтеляхъ ли, или о порокахъ, или о иныхъ какихъ вещахъ, до общаго житія касающихся, предлагать.

Фразесн къ сочиненію ученикамъ задавать долженъ хорошіе, свойственныя къ выбору нарядныхъ изъ Цицероновой книги о должностяхъ и изъ другихъ творцовъ и искусныхъ языка латинскаго, какъ онъ самъ собою учениемъ своимъ приобращаетъ. А екзерциціи ученики дома сочинять должны, которыя товарищъ въ классѣ при всѣхъ слушающихъ исправлять долженъ.

5) Черезъ одинъ часъ просодии обучать долженъ, чтобъ третьей классы ученики, незнающіе оную, всеконечно во второй классъ не пришли. Регулы же только лучшіе, наипаче оныя о послѣднихъ слогахъ на память выучить новеллы, которые ежели третьяго класса ученики добре растолкованіе въ памяти держать будутъ, и ежели стиха гекзаметра и пентаметра нѣкую силу познають, то во истинну въ семь классѣ довольно имъ будетъ.

6) Черезъ одинъ такожде часъ исторію отъ созданія свѣта даже до созданія Рима изъ Христофора Целларія обучать будетъ.

7) Къ исторіи географію инымъ часамъ присовокуплять; толковать же долженъ на глубусѣ, которая суть удобнѣйшая къ понятію, а наипаче которая суть нужнѣйшая какъ-то: Европу, Азію, Африку, Америку, Ливантію и Гиспанію, Францію, Галлію, Германію, Британію, Дацкую землю, Швецію, Польшу, Венгерскую и Турецкую земли, на послѣдокъ Россію въ кратцѣ показывать долженъ. Знать должны во первыхъ ученики главнѣйшіе рубежья, рѣки, провинціи, грады царствующіе, и грады славыншіе, имена царей или Рѣчи Посполитой, какое состояніе есть; отъ прочихъ же въ семь классѣ воздержаться заблагоразсудии.

О второмъ классѣ.

1) Во второй классъ никто примется, который Корнелія не довольно хорошо толковать можетъ; екзерцицію безъ всякаго погрѣшенія грамматическаго не сочинить и по латински такъ говорить не будетъ, чтобы ума своего смысла нѣкакъ (?) словами изъяснить не возмогъ.

2) Учить будутъ въ семь классѣ копректоръ и одинъ товарищъ.

3) Товарищъ I въ грамматикѣ тому, который проучится, еще надлежитъ извѣстныя задачи ученикамъ (sic) задавать, синтаксису же во первыхъ вѣрно обучать.

4) Экзерциціи предлагать долженъ такимъ же способомъ, какими въ третьемъ классѣ повелѣно есть, только бы по большѣе были, наче же съ французсами, а въ историческихъ екзерциціяхъ надлежитъ всю иттологію

вератцѣ толковать, чтобы та вещь къ разумленію пѣнтамъ могла подать помощь. Въ право же учительныхъ экзерциціяхъ его разсужденію соизволяются.

Данъ будетъ здѣсь ученикамъ лексиконъ Гедерихіа латинской, котораго употреблять они должны.

5) Юлія Бесара книги о междуособной брани гражданской чрезъ шесть мѣсяцевъ толкуючи, окончить долженъ. Ежели же въ семь разстояніи еще что-нибудь времени оставаться будетъ, то да присокупить книги отъ войнъ александровской и гишпанской, а о французской войнѣ книгъ, для многихъ трудностей, употребить не подобаетъ. Вся же съ великимъ прилежаніемъ и съ стараніемъ толковать надлежитъ, и фразесы, ученнями, наставленіемъ учительскимъ, собранныя, на память, елико быти можетъ, тѣ жь ученики изучать имѣють.

6) Прозодію въ семь классѣ и повторять и больше толковать подобаетъ, наипаче же избраннымъ Геронима Фрейера поэтамъ прилежать надлежитъ.

Показать учитель въ началѣ долженъ свойства вокабулъ и якоже чрезъ тропы принесены бывають, что изъ сихъ пѣнты себѣ набирають, чего ораторы не дѣлають и что въ прочихъ наукахъ и въ стихотвореніяхъ состоятъ, и симъ подобныя нынѣ вещи. Меньшіе же перемѣшанные стихи по регуламъ прозодіи наипаче въ свой порядокъ складывать должны; а большіе ученики съ гекзаметровъ сущихъ должны дѣлать пентаметры, а изъ пентаметровъ дѣлать сущіе гекзаметры.

7) А въ исторіи, которую толковать будетъ отъ созданія свѣта даже до Константина Великаго, въ томъ подражать долженъ Христофору Целларію.

Въ географіи то протвердши, что третьей классы ученикамъ толковано было, немногіе по своему хотѣнію, нѣкіе такожде изъ древней географіи присоковущаютъ имѣють.

8) Конректоръ реторики первый фундаментъ учить будетъ, для сего же сходиться и совѣтовать долженъ съ ректоромъ.

Отъ худихъ же такъ всенародныхъ, какъ суесловныхъ реторовъ воздержаться, и не долженъ давать что къ приуготовленію сладкорѣчія никакой пользы не имѣють. На умѣ все такъ наипаче содержать долженъ, чтобы ученики силѣ всякой рѣчи и свойству аки бы природному, послѣдовать и троповъ отвѣтъ възскаивать, отъ орацій же метеорныхъ за временемъ беречися, навикнувъ которыя вещи, во всякомъ сладкорѣчій много помогутъ; напослѣдокъ въ періодахъ и въ оныхъ многомъ различіи и образахъ связуемыхъ, и въ кратчайшихъ эріяхъ, которыя настав-

ленія словами приказаны были, самимъ употребленіемъ всегда и дѣйствительно показывать.

9) Избраннымъ Цицероновымъ епистоламъ, отъ Христофора Целларія изданнымъ, такъ обучать, что не токмо оныя толковать должны, своди съ риторическими правилами, но также иногда сочиняючи письма народныя, подражать имъѣютъ.

10) Въ греческихъ Ивана Вуллера грамматику присовокупить; а понеже прочая зѣло суть латвыя (легкія), ежели пристойно и дѣйствительно протолкуеть, то наставленіемъ словеснымъ сіе наче дѣлаться будетъ, тѣмъ больше дѣла въ той вещи положено есть.

Да чтобъ въ толкованію греческихъ скоро привести учениковъ можно было, въ ученіи грамматики и толкованіи новаго завѣта разумно дѣло свое расположить должны.

О первомъ классѣ.

1) Въ сей классъ никто принять не будетъ, развѣ кто все то умѣть будетъ, чему во второмъ классѣ обучаютъ, и во первыхъ безъ погрѣшенія противъ грамматики и писать и говорить по латинѣ будетъ.

2) Ректоръ долженъ школьничковъ краснорѣчію обучать, и понеже все то ученіе такъ въ познаніи правилъ, какъ въ подражаніи всякаго изряднаго автора и стила добраго содержитсяъ — въ семъ дѣлѣ такъ поступать надлежитъ, чтобъ за правила риторическія, до цицероновой науки пристойныя, держался, а нинихъ риторовъ отъ терніевъ и не потребностей воздержался. Къ подражанію примѣры цицероновы да предлагается, котораго ораціямъ такъ обучить, чтобъ ученики не токмо смыслъ растолкованной имѣли, но и самое искусство и краснорѣчія силу такъ изъ правилъ риторическимъ, какъ и гражданскаго разумѣнія усматривали. Того ради до всякой ораціи предполагать должны, которыя до исторіи и до всей причины и до расположенія надлежать, чтобъ покуда школьнички до толкованія приступили, вещь всю и аки весь курсъ орацій имѣли, толково послѣ удобнѣе будетъ въ глаголахъ и сентенціяхъ силу, искусство и краснорѣчіе съ правилами риторическими сравнивать. Въ наставленіи стила съ меньшими учениками періодовъ разныя роды ренетовать должны. Часто также изъ Цицеронова нѣкоего изобильнаго мѣста простыя періоды или изъ Плиніевыхъ и Сенековыхъ епистолъ періоды сочиненныя показывать тщиться будетъ, чѣмъ бы лучше и изобиліе себѣ ученики приуготовить возмogli и что по членамъ, и что кратко надобно говорить, разумѣли бы. Второе же стараніе будетъ съ меньшими учени-

намъ въ хрѣтахъ и епистолахъ такъ по членамъ, какъ кратко по расположеніямъ предложеннымъ, три рода орацій зѣло краткіе сочинять будутъ, однако же елико можно на подобіе тѣхъ орацій, которыя въ Цицеронѣ уже разумѣютъ, а что въ дѣйствіи положено есть, то прилежно познавать должны и часто изъ оныхъ двое или трое нѣкую орацію или изъ Ливія, или изъ Саллюстія, или изъ Квинта Курція, или также изъ Цицероновыхъ орацій нѣкоторыя части связывать надлежитъ и можетъ сей бытъ подвигъ въ похвалу; который другою дѣйствіемъ сочиненнымъ прилично риторическимъ правиламъ побѣдить.

2) Понеже, якоже вышепомянуто есть, чтобъ школьники русскіе въ извѣстныя часы іеромонаха, богословію толкующаго, слушали, и въ то же время ректоръ нѣмецкихъ вторыхъ въ первый классъ собравшихся богословію толковать будетъ.

3) А проректоръ въ Титъ Ливіи шесть первыхъ книги толковать будетъ, въ которыхъ въ сей римской исторіи фундаментъ и формы почти всѣ и республики оной и магистратовъ ясно описуются. Въ которомъ стараніи такъ поступать долженъ и кунно стила историческаго и ораторскаго разности такъ словами обучить, Ливію подражая, упражненіями наставлятъ также долженъ.

3) Дабы первой классы ученики разность стила умѣли, проректоръ одинъ часъ во всякую недѣлю опредѣлить долженъ для толкованія тѣхъ историковъ, которыхъ Иванъ-Матвѣй Гезнеръ въ хрестоматіи латинской надалъ.

4) Исторію отъ Константина Великаго почти до нашихъ временъ чрезъ два часа толковать долженъ, чтобъ ученики младше вѣщія вещи, на Востокѣ и Западѣ учиненныя, знали; для которой вещи предводителя Христофора Целларія употребить имѣютъ. Ко исторіи географію присокупить такъ, чтобъ вмѣстѣ древніа народовъ и градовъ мѣста показать могъ, и также внѣшнее странъ и городовъ состояніе.

5) Въ логикѣ, которую проректоръ учить будетъ, покуда для сего употребленія въ Академіи новая сочинена будетъ, надлежитъ Христіана Волфія, какъ предводителя, давать, чтобъ молодые дѣти, кунно терминъ школьныя хотя мало познавши, до высочайшихъ наукъ приступить могли.

И ниже единымъ токмо терминамъ обучать долженъ, но силу оныхъ и употребленіе ясно показывать надлежитъ, да какій конецъ логика имѣеть, всякій ученикъ елико можетъ постызавъ долженъ. Нанослѣдовъ и слушать также долженъ большихъ учениковъ, колико они по правиламъ аристотелевнымъ въ диспутахъ сильны.

6) Въ *Виргиліи* проректоръ четыре токмо книги *Енеиды* толковать должень: предписать во первыхъ надлежить натуру стиха эпическаго, согласіе митологій, которое *Виргилій* описуеть.

Тогда же не токмо глаголы толковать надлежить, но такожде всю силу и изобиліе и художества поэты, такъ въ глаголахъ и сентенціяхъ, какъ въ числѣхъ ораціи и сихъ подобныхъ и въ прочихъ фигурахъ риторическихкихъ.

7) Употреблять же подобаеть въ свободные часы *Геронима Фрейера* избранныхъ поэтъ, чтобъ ученики роды стиховъ по естеству и разумію своему раздѣлять могли. А иногда съ *Сафика* стиха передѣлывать должны на фалевцикъ, или на элегіатическій, или съ гекзаметровъ да дѣлають амбическіе (не наруша смысла), или изъ ораціи простой разныя стихи дѣлать; которыхъ, правда, такъ обучаться подобаеть, понеже не всякіе разуми до поэтики способны суть, того ради никто до того принужденъ не будетъ, но паче побуждать надлежить младенцевъ утѣхою и забавою нежели понужденіемъ приневоливать.

8) Конректоръ погречески такъ обучать будетъ: да которые въ грамматикѣ труднѣйшія суть, чрезъ извѣстныя задачи вопрошивать будетъ, ванпаче же въ переводѣ на латинской языкъ съ греческаго прилежно наставлятъ должень, для которой вещи новаго завѣта употребить и *Ивана Матія Гезнера* христоматіи греческой.

9) Всѣ же ректоры кромѣ того два приказа себѣ врученны имѣтъ будутъ: первый дабы никому въ семь классѣ не попускали говорить развѣ только по латини; второе какъ возможно до выписыванія и собиранія вещей всякихъ наставляли.

Напоследокъ чтобъ въ ортографіи никакого несогласія не было, всѣ увѣщаваются, которые въ гимназіи учить будутъ, чтобъ пригнѣялися къ *Целларіевой* ортографіи, которая за исправнѣйшую имѣется и въ типографію академическую введена была, и такъ юноши въ самихъ употребленіяхъ согласіе сохранять научатся.

О изслѣдованіяхъ.

Да вѣдаеть Академія, что по снмъ опредѣленіямъ юноши учиться будутъ. Два во всякій годъ изслѣдованія или истазанія будутъ: едино лѣтнее въ іюнѣ мѣсяцѣ; второе—зимнее въ декабрѣ мѣсяцѣ въ послѣдніе дни предъ святками.

2) На оба истазанія превосходительнѣйшій Ея Императорскаго Ве-

личества камергеръ, Академіи Наукъ главнѣйшій командиръ и прочіе академики за нѣсколько прежде дней ректоромъ призываны будутъ.

3) Родителямъ дѣтей, во Академіи учащихъся изъ наемныхъ, приходитъ и дѣтей своихъ ученіе вѣдать, ежели похотятъ, сонзволяется.

О дняхъ гулянья.

Во весь годъ дни гуляшій токмо тѣ мы установили, которые здѣсь порядкомъ расположимъ:

1) День рожденія Ея Императорскаго Величества, такожде день тезоименитства Ея Величества и день возшествія на престолъ. 2) Отъ 23 декабря до перваго января. 3) 6 января въ праздникъ Богоявленія. 4) 11 февраля въ праздникъ очищенія св. Маріи, у нѣмцевъ. 5) 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія. 6) Въ недѣлю Святую (страстную) всю и въ послѣдующую до самаго перваго воскресенія послѣ пасхи. 7) 9 мая въ праздникъ св. Николая. 8) Въ праздникъ Вознесенія Господня. 9) Въ праздникъ пятидесятницы, четыре дни. 10) 24 іюня въ праздникъ св. Іоанна Предтечи. 11) 29 іюня въ праздникъ св. Апостола Петра и Павла. 12) 11 іюля посѣщенія св. Маріи. 13) 6 августа въ праздникъ Преображенія Господня. 14) 15 августа въ праздникъ успенія Пресвятыя Богородицы, у русскихъ. 15) 30 августа въ праздникъ св. Александра Невскаго. 16) 8 сентября въ праздникъ рождества Пресвятыя Богородицы, у русскихъ. 17) 14 сентября воздвиженіе Честнаго Креста. 18) 1 октября Покровъ Пресвятыя Богородицы. 19) 8 ноября Михаила Архангела. 20) 21 ноября Введеніе Пресвятыя Богородицы. 21) 30 ноября святаго апостола Андрея Первозваннаго. 22) 6 декабря въ день св. Николая.

Послѣ лѣтнаго свидѣтельства пасіе дни, для безмѣрнаго жара, въ гимназіи позволены будутъ, но только на двѣ недѣли, чтобъ юношескіе умы вельми долгою праздностью не повредились.

Сію форму гимназіи по приложеннымъ каталогамъ непремѣнно и всегда отъ всѣхъ храниму быти опредѣляемъ.

ЛЕКЦІИ ПЕРВАГО КЛАССА.

	П о у т р у .			П о п о л у д н и .	
	8—9	9—10	10—11	2—3	3—4
с	Ректоръ реторнику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
з	Ректоръ реторнику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
в	Русскіе къ іеромонаху ходять, перваго и втораго класса къ ректору.	Проректоръ логику.	Проректоръ исторію и географію.		
ж	Ректоръ реторнику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія
з	Ректоръ реторнику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Іон. Маг. Гезнера хрестоматію латинскую.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
т	Русскіе къ іеромонаху ходять, перваго и втораго класса къ ректору.	Проректоръ логику.	Проректоръ исторію и географію.		

ЛЕКЦИИ ВТОРАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8—9	9—10	10—11	2—3	3—4
с	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе историческое.	Конректоръ, выборные Цирцеронови епистоли.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, репетицію грамматики съ практикою.
с	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе историческое.	Конректоръ, выборные Цирцеронови епистоли.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, репетицію грамматики и проч.
ф	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ ректору.	Товарищъ I, исторію римскую отъ созданія Рима до Константина Великаго.	Товарищъ I, географію.		
г	Товарищъ I. Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе моральное или правоучительное.	Конректоръ, реторику.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, просодію и выборныя стихотворенія.
г	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе моральное.	Конректоръ, реторику.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, просодію и выборныя стихотворенія.
г	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ ректору.	Товарищъ IV, арифметики.	Товарищъ IV, арифметики.		

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

6

ЛЕКЦИИ ТРЕТЬЕГО КЛАССА.

	П о у т р у .			П о п о л у д н и .	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
с	Товарищъ II, Корнелія Не- пота.	Товарищъ II, Корнелія Не- пота.	Товарищъ II, обученіе ис- торическое.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, краснописа- ніе.
з	Товарищъ II, Корнелія Не- пота.	Товарищъ II, Корнелія Не- пота.	Товарищъ II, обученіе ис- торическое.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, краснописа- ніе.
в	Русскіе къ іе- ромонаху хо- дятъ, вѣмцы къ товари- щу I.	Товарищъ II, этимологию.	Товарищъ II, исторію отъ сотворенія свѣта до рим- ской монар- хіи.		
г	Товарищъ II, Корнелія Не- пота.	Товарищъ II, Корнелія Не- пота.	Товарищъ II, обученіе мо- ральное.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, арметнику.
д	Товарищъ II, Корнелія Не- пота.	Товарищъ II, Корнелія Не- пота.	Товарищъ II, обученіе мо- ральное.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, арметнику.
е	Русскіе къ іе- ромонаху хо- дятъ, вѣмцы къ товари- щу I.	Товарищъ II, этимологию.	Товарищъ II, географію.		

ЛЕКЦІИ ЧЕТВЕРТАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8—9	9—10	10—11	2—3	3—4
с	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, екзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, краснописаніе.	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.
с	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, екзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, краснописаніе.	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.
з	Русскіе къ іеронимаху ходять, нѣмцы ходять въ третій классъ.	Товарищъ III, этимологію и вокабули.	Товарищъ III, этимологію и вокабули.		
з	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, екзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, арифметикю.	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.
с	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, екзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, арифметикю.	Товарищъ III, разговоры Кастеліоновы.
з	Русскіе къ іеронимаху ходять, нѣмцы ходять въ третій классъ.	Товарищъ III, этимологію.	Товарищъ III, релетидія.		

ЛЕКЦИИ ПЯТАГО КЛАССА.

	П о у т р у .			П о п о л у д н и .	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
с	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, какъ пятого, такъ и четвертаго класса краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходять.
з	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, пятого и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходять.
и	Русскіе къ іеромонаху ходять, товарищъ IV нѣмцамъ катехизисъ толкуеть	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.		
р	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, пятого и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходять.
е	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, этимологию.	Товарищъ IV, пятого и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходять.
ѣ	Русскіе къ іеромонаху ходять, товарищъ IV нѣмцамъ катехизисъ толкуеть	Пятаго класса въ четвертый классъ ходять.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходять.		

ПРИБАВОКЪ.

О преолажѣ французскаго языка.

Въ школы французскія тотъ только принять будетъ, который или латинскаго языка или нѣмецкаго довольно уже обучился.

И тако большіе изъ нѣмецкой школы, которые никакъ не учатся красноречивію и арифметикѣ нужды имѣть не будутъ, также и перваго класса благороднѣйшіе, которые греческаго языка учиться не имѣютъ, отъ 3 — 4 часа въ ученіи французскаго языка упражняться будутъ.

Прочіе перваго класса принуждены будутъ въ тотъ часъ по гречески учиться, но и имъ, ежели которые пожелаютъ, будетъ время учиться французскаго языка отъ 4 — 5, въ который часъ и изъ прочихъ прилежнѣйшіе присутствовать могутъ.

II.

ДОНЕСЕНІЕ БАРОНА КОРФА О ПРИСЫЛКѢ ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ *).

Въ правительствующій сенатъ

изъ Академіи Наукъ

ДОНОШЕНІЕ.

Въ данномъ 16 дня прошедшаго мѣсяца доношеніи предложено правительствующему сенату, что къ распространенію наукъ въ здѣшнемъ государствѣ весьма полезно, чтобъ при Академіи семинаріумъ изъ тридцати шлехетныхъ юношей учредить; при чемъ и образъ ихъ воспитанія

*) Черновое донесеніе писано, съ поправками рукою Шумахера, по нѣмецки, а русскій переводъ сдѣланъ Адоуровымъ; хранится въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 18; бѣловое донесеніе тамъ же, въ книгѣ № 791.

и обученія, такожде ежегодное оныхъ содержаніе на особливыхъ листахъ подъ литерою А. В. и С. показано; но понеже отъ сего учрежденія не прежде какъ по прошествіи нѣкотораго времени способные люди прозойти могутъ, того ради предлагаю я правительствующему сенату: не со-
 благоволено ли будетъ приказать, чтобъ между тѣмъ изъ монастырей, гимназій и школъ въ здѣшнемъ государствѣ дватцать человѣкъ чрезъ означенныхъ къ тому отъ Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобъ съ нѣвѣшняго времени они у профессоровъ сей Академіи лекціи слушать и въ высшихъ наукахъ съ пользою происходить могли. А понеже Академія на ихъ содержаніе, такожде на книги и взыскать денегъ не имѣетъ, того ради надлежало бы особливую сумму на то опредѣлить. По моему мнѣнію каждаго человѣка меньше ста пятидесяти рублей ежегоднаго жалованья безъ трудности здѣсь содержать не можно, включая при томъ потребныя имъ книги, о которыхъ книжная лавка во всякой годъ правительствующему сенату счетъ подавать будетъ; потому что учащимся, ежели они свои науки прилежно продолжать имѣютъ, способность въ житіи позволить надлежитъ. Когда сіе предложеніе подтверждено будетъ, то прошу потребныя къ тому опредѣленіе учинить.

Колѣ.

Мая 18 дня
1785 года.

Слушано мая 20 дня
1785 года.

III.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БАРОНА КОРФА О НЕДОСЛАНЫХЪ ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

Въ правительствующій сенатъ.

изъ Академіи Наукъ

ДОНОШЕНІЕ.

Прошедшаго октября 15 дня сего года по присланному изъ правительствующаго сената указу велѣно во Академію Наукъ для слушанія у профессоровъ лекцій изъ высшихъ наукъ выслать изъ Москвы изъ учениковъ достойныхъ въ наукахъ, кои есть въ Спасномъ училищномъ мо-

настырѣ двадцать человекъ, о чемъ въ Москву въ сенатскую контору и въ святѣйшій правительствующій синодъ и вѣдѣніи изъ сената посланы. А прошедшаго ноября 27 дня присланныи письмомъ изъ Москвы того Спаскаго монастыря отъ архимандрита и ректора Стефана объявлено, что по присланному къ нему изъ святѣйшаго правительствующаго синода указу изъ московской славяно-греко-латинской Академіи учениковъ двѣнадцать человекъ выбраны и для посылки въ московскую синодальнаго правленія канцелярію отъ него при доношеніи представлены. А чего для неполное число, о томъ онъ не объявилъ.

Того ради правительствующаго сената Академія Наукъ покорно проситъ, дабы повелѣно было означенныхъ учениковъ полное число двадцать человекъ во Академію выслать, а буде въ Спаскомъ монастырѣ не нѣдется, то бъ повелѣно было изъ другихъ училищныхъ монастырей выслать же.

Колѣ.

Декабря 19 дня
1786 года.

IV.

ДОНЕСЕНІЕ АДЮДУРОВА О ВѢДСТВЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ВОСПИТАННИКОВЪ.

Въ правительствующій сенатъ

ДОНОШЕНІЕ.

Отъ опредѣленнаго при Академіи Наукъ именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, главнаго оныхъ Академіи командира, дѣйствительнаго камергера Ея Императорскаго Величества, барона фонъ-Корфа, велѣно мнѣ надъ присланными сюда изъ Москвы учениками нѣтъ смотрѣніе, при которомъ я съ того времени, какъ оные ученики явились въ канцелярію Академіи Наукъ, а именно: января съ 2 дня прошлаго 1786 года, и по сіе время нахожуся. Въ томъ же 1786 году въ декабрѣ мѣсяцѣ опредѣлила академическая канцелярія, чтобъ оные ученики обучались у находящихся при здѣшней гимназіи учителей. А понеже показанные ученики мнѣ прошедшаго декабря 20 дня объявили, что они за нѣмнѣишемъ у себя платя къ онымъ учителямъ ходить не могутъ, то представляя я о томъ еще того же дня въ академической канцеляріи сло-

весно, а потомъ 21 дня и письменно, по которону моему доношенію присланъ ко мнѣ 27 декабря изъ академической канцеляріи отъ 24 дня того жъ декабря мѣсяца указъ, по силѣ котораго велѣно мнѣ до прибытія главнаго Академіи командира, дѣйствительнаго камергера барона фонъ-Корфа, какъ по объявленію сихъ учениковъ, что они у себя платья не имѣютъ, такъ и о всякихъ другихъ нуждахъ доносить въ правительствующемъ сенатѣ. Но понеже оныя ученики кромѣ показаннаго недостатка въ платьѣ нинѣ уже лишены и дневной пищи, потому что экономъ Фелтенъ, которому ихъ по опредѣленной цѣнѣ пропитаніемъ содержать повелѣно было, опредѣленіемъ академической канцеляріи отъ нѣ содержанія съ нынѣшняго (sic) 1736 года по его доношенію ученикъ свободенъ. Того ради правительствующему сенату симъ покорнѣйше доношу, не соблаговолено ли будетъ помянутымъ ученикамъ, до дальняго разсмотрѣнія, опредѣлить и выдавать кормовыя деньги, или по высокому своему разсмотрѣнію ихъ какимъ нибудь другимъ способомъ отъ онаго бѣднаго состоянія, въ которомъ они уже чрезъ толь долгое время, а особливо нинѣ находятся, избавить. Они всѣ собственнаго иждивенія у себя не имѣютъ, и для того весьма не въ состояніи себя не только самими нужными вещами, но и дневною пищею содержать. О семъ доносить Академія Наукъ адъюнктъ Василій Адодуровъ.

Генвара 8 дня
1737.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 5.

Т Р У Д Ы

ЮГОСЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

СТАТЬЯ Н. Н. СРЕЗНЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вос. соотр., 9 лис., № 12.)

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-
петербургъ, Январь 1868 г.**

Непрѣѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ П. И. КЕППЕНА.

СТАТЬЯ АКАД. А. А. КУНИКА.

Литературная дѣятельность покойнаго Акад. Кеппена, съ перваго взгляда, представляется весьма многостороннею, но въ ней бросается въ глаза то общее направленіе, которое этотъ почтенный ученый, при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея его службы, очертилъ словами: «Вся моя жизнь была посвящена Россіи»

Петръ Ивановичъ Кеппенъ родился въ Харьковѣ, 19 февраля 1793 года. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, онъ, на 14 году жизни, поступилъ въ губернскую чертежную, гдѣ, подъ руководствомъ землемѣровъ, занимался межеваніемъ и снятіемъ плановъ и такимъ образомъ приобрѣлъ техническія свѣдѣнія, послужившія ему впоследствии въ пользу при его топографическихъ и картографическихъ работахъ. Въ то же время онъ сталъ посѣщать незадолго предъ тѣмъ учрежденный Харьковскій университетъ. Въ 1810 году онъ оставилъ службу въ чертежной и поступилъ въ число вольныхъ слушателей упомянутого университета. Получивъ въ немъ, въ 1814 году, степень магистра правовѣдѣнія, Кеппенъ отправился въ Петербургъ и снова опредѣлился на службу, при Почтовомъ Департаментѣ. Здѣсь онъ скорѣ сближился съ тогдашними дѣятелями науки и литераторами, и вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ учрежденіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности.

Число людей, занимающихся изслѣдованіемъ русскихъ древностей, было въ то время весьма ограничено, такъ что каждый, кто успѣвалъ чѣмъ-либо заявить о себѣ на этомъ поприщѣ, обращалъ на себя вниманіе русскаго мецената того времени, Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова. Составленное Кеппеномъ въ 1818 году извлеченіе изъ сочиненія Лерберга о Югорской землѣ было замѣчено этимъ сановникомъ, который пожелалъ свести съ авторомъ личное знакомство. Видя молодаго усерднаго чиновника достойнымъ поощренія, графъ познакомилъ его съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, О. П. Козодавлевымъ, въ вѣдомствѣ котораго состояло тогда почтовое управленіе. Такимъ образомъ Кеппенъ, сдѣлавшись извѣстенъ своему высшему начальнику, получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при немъ, и кромѣ того былъ назначенъ вторымъ редакторомъ издававшейся при Министерствѣ газеты «Сѣверная Почта». Въ это время у него явилось желаніе познакомиться съ внутренними обстоятельствами Россіи основательнѣе, чѣмъ это было для него возможно около 1810 года, при первыхъ его разъѣздахъ и путешествіяхъ по ней. Въ 1819 году, онъ отправился въ командировку для обрѣзванія почтовыхъ станцій по Бѣлорусскому тракту до Кавказа, въ продолженіе коей онъ не только удѣлствовалъ свою склонность къ наблюденіямъ, но и составилъ топографскія, этнографическія и статистическія замѣтки о тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя лежалъ его путь, а также собралъ богатые матеріалы для изученія классическихъ и другихъ древностей на берегахъ Чернаго моря. Но прежде, чѣмъ онъ тронулся съ Кавказа въ обратный путь, до него достигла вѣсть о кончинѣ его начальника и покровителя, Козодавлева. Вскорѣ по возвращеніи своемъ, Кеппенъ, не сочувствуя мистицизму, которымъ въ то время были одержимы нѣкоторые государственные люди, предпочелъ оставить службу и воспользовался представившеюся ему свободой, чтобы, въ сообществѣ своего друга А. С. Березина, совершить путешествіе въ чужіе края. Въ 1822 году, Кеппенъ отправился изъ Кіева въ Вѣну, и почти во всѣхъ частяхъ Австрійской Имперіи познако-

мился и вступилъ съ сношенія съ извѣстнѣйшими учеными и литераторами. Особое вниманіе его обратили на себя только-что начавшія тогда изысканія въ области славянской археологіи, этнографіи и лингвистики, такъ что, благодаря вышеупомянутымъ знакомствамъ, онъ сдѣлался первымъ посредникомъ между славистами запада и юго-запада и сѣверо-восточными изслѣдователями славянства.

Возвратясь, въ 1824 году, чрезъ Германію и Польшу, въ Россію, нашъ ученый снова опредѣлился на службу, чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, Адмиралѣ А. С. Шишковѣ. По этой должности, онъ принималъ дѣятельное участіе въ мѣрахъ для приведенія учебныхъ заведеній къ лучшему устройству. Въ эту же пору, онъ предпринялъ обширный трудъ по статистикѣ просвѣщенія въ Россіи, но не успѣлъ довести этотъ трудъ до конца, потому что вскорѣ для его дѣятельности открылось новое поприще.

Еще въ 1819 году, когда онъ впервые посѣтилъ Крымъ, въ немъ родилось желаніе поселиться когда нибудь на южномъ берегу этого полуострова и тамъ окончить дни свои. Для этой цѣли онъ, воспользовавшись представившимся ему въ 1827 году случаемъ, перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ качествѣ помощника главнаго инспектора шелководства. Съ 1829 года онъ поселился въ Крыму, объѣзжая ежегодно, по должности, пространство между Днѣстромъ и Волгою, и по порученію графа (впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя) М. С. Воронцова, берега Таврическаго полуострова, гдѣ собиралъ матеріалы для своего Крымскаго Сборника.

По возвращеніи въ Петербургъ, Кеппенъ принялъ на себя редакцію С. Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей, изданіемъ которыхъ онъ и завѣдывалъ съ іюля 1834 по декабрь 1835 года. Въ январѣ 1837 года, онъ былъ избранъ въ Адъюнкты Академіи Наукъ по части статистики. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ порученіе обревизовать находящіяся въ Таврической губерніи селе-

нія Государственныхъ крестьянъ и колоніи иностранныхъ поселенцевъ.

Окончивъ это порученіе, Кеппенъ возвратился въ Петербургъ, чтобы продолжать свою ученую дѣятельность въ Академіи, которая, для получения свѣдѣній, нужныхъ для его изслѣдованій, нерѣдко вступала въ сношенія съ различными вѣдомствами и учреждениями какъ въ столицѣ, такъ и внѣ ея. Кроме того, получивъ въ 1838 году мѣсто во вновь утвержденномъ тогда Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, онъ нашелъ возможность постепенно расширять свои труды въ области русской статистики и этнографіи. Развѣзды по Россіи, которые отъ времени до времени онъ предпринималъ по порученію Академіи или Министерства Государственныхъ Имуществъ, имѣли также немалое значеніе для хода его занятій; при этихъ развѣздахъ, онъ не только повѣрялъ и исправлялъ на мѣстѣ собранныя оффиціальнымъ путемъ данныя касательно нѣкоторыхъ мѣстностей, но и составилъ себѣ правильный взглядъ на обстоятельства и условія, которыя въ отдаленной столицѣ были понимаемы невѣрно или односторонне.

29 декабря 1859 года отпраздновано пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности Кеппена, и это торжество послужило поводомъ къ единодушнымъ и теплымъ заявленіямъ, со стороны избраннаго круга государственныхъ людей и ученыхъ, того уваженія, которое приобрѣлъ себѣ юбиляръ своею неутомимою дѣятельностію. Вскорѣ затѣмъ, по причинѣ разстройства здоровья, Кеппенъ былъ принужденъ окончательно переѣхать въ Крымъ, гдѣ и скончался, 23 мая 1864 года, въ имѣніи своемъ Карабагѣ.

Не задолго до своей кончины, Кеппенъ отправивъ въ Академію значительную часть своихъ рукописныхъ матеріаловъ, предоставилъ ихъ въ полное ея распоряженіе. Другая часть собранныхъ имъ матеріаловъ, по его завѣщанію, передана въ послѣдствіи также въ Академію, въ копіяхъ. Всѣ эти рукописныя книги и тетради Академія положила хранить въ I-омъ Отдѣленіи

своей библиотеки, съ тѣмъ, чтобы онѣ, согласно волѣ покойнаго, были доступны для каждаго, желающаго ими пользоваться.

Ниже мы помѣщаемъ списокъ рукописныхъ трудовъ и матеріаловъ Кеппена. При этомъ не лишнимъ считаемъ замѣтить, что лишь меньшая, сравнительно, часть ихъ написана на нѣмецкомъ языкѣ.

Необходимость систематическаго указателя сочиненій, изданныхъ этимъ, столь трудолюбивымъ авторомъ, конечно, была ощущаема многими, и еще долго будетъ сознаваема, такъ какъ труды Кеппена не скоро устарѣютъ. Впрочемъ, задача составителя, въ этомъ случаѣ, значительно облегчалась тѣмъ, что самъ Кеппенъ, по случаю изданія въ свѣтъ описанія его «Юбилея», сообщилъ своимъ сослуживцамъ, завѣдывавшимъ этимъ изданіемъ, списокъ сочиненій своихъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ. Такъ какъ это описаніе, украшенное портретомъ юбиляра, было напечатано только въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, то пользованіе онымъ для специалистовъ было затруднительно. Предлагаемый при семъ систематическій указатель можетъ лучше удовлетворить потребности тѣхъ, которые пожелаютъ справляться съ сочиненіями Кеппена. Однако, въ этомъ указателѣ, при исчисленіи отдѣльныхъ сочиненій, по необходимости должно было отступить отъ строго систематическаго порядка, потому что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ географическая, этнографическая и статистическая стороны не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга, такъ что въ отдѣльныхъ рубрикахъ пришлось болѣе или менѣе слѣдовать порядку хронологическому. Тѣ немногія сочиненія, которыя не вошли въ изданный въ 1860 году списокъ сочиненій Кеппена, помѣщены здѣсь подъ надлежащими рубриками.

Впрочемъ, къ нашему указателю не слѣдуетъ прилагать строгаго библиографическаго масштаба, хотя мы и соблюдали должную точность въ выпискѣ заглавій, и пр. Невадо также упускать изъ виду, что Кеппенъ, въ особыхъ оттискахъ своихъ ста-

тей, нерѣдко измѣнялъ заглавія, которыя давалъ имъ вначалѣ. Когда заглавіе принадлежитъ особому оттиску, то оно въ указателѣ отмѣчено звѣздочкою.

Что касается до сокращеній въ заглавіяхъ періодическихъ изданій, въ коихъ помѣщены сочиненія Кеппена, то должно замѣтить, что, когда въ указателѣ цитируются Мемуары Академіи, то разумѣется только шестая серія оныхъ, выходившая въ свѣтъ съ 1833 по 1860 годъ, нѣсколькими, независимыми другъ отъ друга, отдѣлами *). Въ нашемъ указателѣ означены томы и заглавія отдѣловъ Мемуаровъ, напр.: *Mémoires. Série VI^m. Sciences mathématiques et physiques, Tome...*; *Mémoires, Série VI-me. Sciences politiques, histoire et philologie, Tome...*

Въ Бюллетенѣ Академіи напечатано много статей Кеппена, которыя впрочемъ не трудно находить и цитировать, такъ какъ *Bulletin Scientifique (publié par l'Acad. Imp. des Sciences)*, состоящій изъ 10 томовъ, издавался съ 1831 по 1841 годъ; *Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques* (съ сокращеннымъ заглавіемъ: *Bulletin historico-philologique*), составляющій 16 томовъ, выходилъ въ свѣтъ съ 1842 по 1859 годъ, и наконецъ *Bulletin publié par l'Académie* издается съ 1859 года. Съ 1849 года, помѣщенные въ Бюллетенѣ статьи, относящіяся до исторіи и быта обитающихъ въ Россіи народовъ, перепечатываются въ особомъ изданіи, подъ заглавіемъ: *Mélanges Russes tirés du Bulletin etc.*, съ цѣлью, чрезъ продажу отдѣльными выпусками, сдѣлать ихъ болѣе доступными для специалистовъ. Въ нашемъ указателѣ показаны также выпуски *Mélanges Russes*, въ которыхъ напечатаны статьи Кеппена.

Если бы кто нибудь взялъ на себя трудъ подробно описать тѣ изъ сочиненій и статей Кеппена, которыя заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе драгоценные матеріалы для ближайшаго знакомства съ народами и областями Русской Имперіи,

---

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ раздѣленіи можно найти въ *Catalogue des livres publiés en langues étrangères par l'Académie Imp. des sciences. 1867.*

тогда оказалъ бы важную услугу наукѣ, потому что только тогда сдѣлалось бы возможно пользоваться этими трудами съ полнымъ удобствомъ. Черезъ это исполнилось бы, хотя отчасти, одно изъ желаній покойнаго, который предполагалъ составить сборникъ отдѣльныхъ статей своихъ, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ.

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ, ИЗДАННЫХЪ П. Н. КЕШЕНОМЪ.

Географія.

1. *Ueber die beim militärisch-topographischen Depot erscheinende neue Karte des europäischen Russlands, — ein Beitrag zur nähern Kenntniss unsers Vaterlandes.*

(Эта записка, представленная Академіи 1 сентября 1837 г., осталась ненапечатанною.)

2. **Разборъ сочиненія г. Омдекона, подъ заглавіемъ: Geographie des Russischen Reichs, nach den neuesten Quellen bearbeitet.*

(Этотъ разборъ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Двѣнадцатомъ Присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 11 апрѣля 1842 г., стр. 289—298.)

3. *Bericht über die Schrift des H-rn Paulowskij: Географія Россійской Имперіи.*

(Тринадцатое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1844 г., стр. 107—110.)

4. **Главыя озера и лиманы Россійской Имперіи. Спб. 1859.*

(Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1859 г., декабрь, Т. XXVII, отд. 2, 40 стр. in-8°.)

5. *Vorläufiger Bericht über die Areal-Berechnung von Sibirien.*

(17 октября 1856.—Bulletin historico-philologique. T. XIV. № 13=Mélanges Russes, T. III. Livr. 3, pp. 343—344.)

6. **Areal und Bevölkerungs-Verhältnisse des Kaiserthums Russland. Im Auszuge aus dem Russischen.*

(21 октября 1859. Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences. T. I. pp. 257—276—Mélanges Russes. T. IV. livr. 1 pp. 27—50. Извлечение из этой статьи напечатано въ Geographische Mittheilungen Петермана за 1860 г.).

7. *Ueber den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga. Ein Bericht an die Commission zur Untersuchung der Frage über den Einfluss der Verminderung der Wälder auf die Verminderung des Wassers in der obern Wolga. Mit einer Karte und einem Vorworte (p. 165—198) des Akademikers v. Baer.*

(22 января 1841.—Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches Bd. IV, p. 199—268).

8. **Ueber einige Landes-Verhältnisse zwischen dem untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere.*

Спб. 1845, 135 стр. in-8°, съ раскрашеною таблицею. Изъ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches von К. Е. Ваер und Gr. v. Helmersen, Bd. XI. стр. 3—135. Тутъ же, на ст. 87—135, напечатано разсужденіе Ф. Тецмана о степяхъ южной Россіи: Ueber die südrussischen Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement belegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen.

9. **Объ Алексюковскихъ летучихъ пескахъ.* 18 стр. in-8°. (Лѣсной Журналь 1841 г., ч. I, кн. 3.)

10. *О сравнительной высотѣ Осташкова и Астрахани, или объ отъсной высотѣ Волги.*

(Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1818 г., Т. II стр. 284—302). Переводъ (съ нѣмецкаго) статьи Л. И. Пандлера, съ дополненіемъ.

11. **Ueber den Inhalt des Manganari'schen Atlas des Schwarzen Meeres.*

(St. Petersburgische Zeitung 1845, № 37.)

12. **Wege und Pfade des Taurischen Gebirges.*

(21 декабря 1838. — Mémoires de l'Académie, VI Série, Sciences mathématiques et physiques, T. II, pp. 359—382. Из-

влечение въ Bulletin scientif. T. V, № 8). Особые оттиски этой статьи изданы съ заглавиемъ: *Taurica. Als Fortsetzung der Krim'schen Sammlung (Крымскій Сборникъ). St. Petersburg 1840.*

13. **Ueber die Temperatur von 130 Quellen der Taurischen Halbinsel.*

(1 февраля 1839.—Mémoires de l'Académie. Sciences mathématiques etc. T. II, pp. 383—421.) Извлечение изъ этого сочинения, напечатанное въ Bulletin Scientifique, T. V. столбцы 337—342, составляетъ вторую часть вышеупомянутой книжки (см. № 12): *Taurica. Als Fortsetzung der Krim'schen Sammlung (Крымскій Сборникъ). St. Petersburg 1840.*

14. **Описание Туакской (или Штеповой) пещеры въ Крыму.*

(Соревнователь 1821 г. Ч. XIV.) Извлечение изъ этой статьи напечатано М. Строевымъ въ первой части изданной имъ Библиотеки полезныхъ свѣдѣній о Россіи. Спб. 1836 г. стр. 48—58.

15. *О Крымскихъ пещерахъ. Дополненіе къ описанію Туакской пещеры.*

(См. выше № 14.—Русскій Зритель, изд. въ Москвѣ М. П. Погодинымъ и другими литераторами за К. Θ. Калайдовича 1829 г., №№ 5 и 6, стр. 132—136.)

16. *О пространствѣ Кавказскаго края.*

(Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества 1859 г. кн. 10). Эта статья напечатана на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавиемъ: *Die Russisch-Kaukasische Statthalterschaft: officielle Zusammenstellung und Areal-Berechnung der dem Russischen Scepter, am Ende des Jahres 1859, unterworfenen Kaukasischen Länder* въ журналѣ Петермана за 1860, № 1.)

Этнографія.

17. *Этнографическая карта Европейской Россіи. Изда-на Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Спб. 1851 года.*

Вмѣстѣ съ этою картою, состоящею изъ 4 листовъ, издано, на двухъ языкахъ, объясненіе къ ней, подъ заглавіями: 1) *Объ этнографической картѣ Европейской Россіи Петра Кеппена, изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ*. Спб. 1852. 40 стр. in-8°, съ таблицею, и 2) *Ueber die Anfertigung der Ethnographischen Karte des Europäischen Russlands*. (20 февраля 1852. — Bulletin historico-philologique, Т. IX. столб. 323—316, avec une planche, = Mélanges Russes, Т. II livr. 2, p. 137—164).

Въ 1854 г., Р. Латамъ (R. G. Latham) въ Лондонѣ издалъ эту карту въ маломъ масштабѣ, при сочиненіи: *The native Races of the Russian Empire, составляющемъ 2 част. Ethnographical library*).

При выходѣ въ свѣтъ третьяго, исправленнаго изданія этнографической карты Кеппена, онъ напечаталъ въ Вѣстникѣ Императорскаго Географическаго Общества (1856 г. Часть 16, стр. 83—95) статью, подъ заглавіемъ: *О третьемъ изданіи этнографической карты Европейской Россіи*.

Въ 1851 году, подъ наблюденіемъ Кеппена, былъ изготовленъ въ 3-хъ экземплярахъ 80-листовой этнографическій атласъ Европейской Россіи, изъ которыхъ одинъ находится въ I Отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ, а другой въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

18. *Хронологическій Указатель Матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. Составленъ подъ руководствомъ Петра Кеппена*. Спб. 1861 г. VIII (Предисловіе Кеппена) и 510 стр. въ 8°.

Во время моего знакомства съ Кеппеномъ, предметомъ нашей бесѣды нерѣдко бывали инородцы въ Россіи и ихъ отношеніе къ господствующему въ ней племени. Незадолго до его послѣдняго отъѣзда въ Крымъ, я обратилъ его вниманіе на то, что собранныя имъ для его этнографической карты свѣдѣнія объ исторіи инородцевъ было бы полезно дополнить другими, по крайней мѣрѣ тѣми, которыя можно найдти въ Полномъ Собраніи Законовъ

(съ 1649 года), и затѣмъ привести въ порядокъ и напечатать. Для этого дѣла я рекомендовалъ ему Б. П. Ламбина, который и принялся съ ревностію за исполненіе задачи. Въ сочиненіи, заглавіе котораго приведено выше, сообщаются свѣдѣнія о слѣдующихъ инородцахъ: Албанцахъ, Армянахъ, Башкирахъ, Болгарахъ, Вогулахъ, Води, Валахахъ, Вотякахъ, Грекахъ, Грузинахъ, Евреяхъ, Зырянахъ, Ижорахъ, Калмыкахъ, Карелахъ, Летгахъ, Лапландцахъ, Мещерякахъ, Мордвинахъ, Нѣмцахъ, Пермьякахъ, Самоѣдахъ, Сербяхъ, Татаряхъ, Французахъ, Цыганахъ, Черемисахъ и Чувашихъ.

*19. Города и селенія Тульской губерніи въ 1857 г. Изда-
но Императорскаго Академіею Наукъ, на основаніи приход-
скихъ списковъ Тульской губерніи, подъ наблюденіемъ П. И.
Кешена. Спб. 1858. XX, 214 стр. in-8°.*

Въ 1856 г. въ Историко-Филологическомъ Отдѣленіи Академіи былъ возбужденъ вопросъ о предположеніи издать въ свѣтъ составленный изслѣдователемъ славянскихъ древностей Ходаковскимъ указатель названій важнѣйшихъ русскихъ мѣстностей. П. И. Кешену и мнѣ было поручено обсудить это предположеніе. Мы вскорѣ убѣдились, что составленный Ходаковскимъ, находящійся нынѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, имевшій, значеніе котораго для славянской археологій и этнографіи было признано еще Шафарикомъ, не можетъ быть напечатанъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ Академіи. Вслѣдствіе сего, мы предложили Отдѣленію пригласить мѣстные приходскіе причты въ различныхъ епархіяхъ Европейской Россіи доставлять въ Академію топографическія и этнографическія свѣдѣнія объ ихъ приходсахъ, вписанныя на особыхъ бланкахъ, которые съ этою цѣлью были напечатаны въ потребномъ числѣ экземпляровъ и разсланы по разнымъ губерніямъ. На основаніи подобныхъ, постепенно присылавшихся списковъ, Академія, въ видѣ опыта, издала описаніе Тульской губерніи. Впослѣдствіи (съ 1861 года) Центральный Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предпринялъ изданіе обширнаго труда,

подъ заглавіемъ: «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», при составленіи коихъ онъ пользуется матеріалами, собранными Академіею съ 1856 года. Къ сожалѣнію, въ этомъ изданіи не обращено вниманія на этнографическую сторону.

20. **Ueber die Nicht-Russische Bevölkerung der Aranage-Güter.*

(24 Февраля 1842.—Mémoires de l'Acad. VI Série; Sciences politiques, d'histoire etc. T. VI, p. 223—232.)

24. **Ueber die Zahl der Nicht-Russen (унороды) in den Gouvernements Nowgorod, Twer, Jaroslaw, Kostroma und Nishnij-Nowgorod.*

(11 марта 1842.—Bulletin historico-philologique, T. I, столб. 85—96.)

22. **Ueber die Bewohner fremder Confessionen in Russland, im Jahre 1853.*

(9 февраля 1855.—Bulletin historico-philologique, T. XII, столб. 214—222=Mélanges Russes, T. II, livr. 3, p. 479—503.)

23. **Ueber die Zahl der Hebräer in Russland und deren Verhältniss zur übrigen Bevölkerung, in denjenigen Provinzen, wo solche geduldet werden.*

(6 марта 1840.—Bulletin scientifique, T. VII, столб. 91—96). На русскомъ языкѣ напечатано, подъ заглавіемъ: **О числѣ Евреевъ въ Россіи въ 1838 году* (С. Петерб. Вѣдомости 1841 г. № 76.)

24. **Der Litauische Volksstamm. Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX Jahrhunderts.*

(7 февраля 1861.—Bulletin historico-philologique, T. VIII, столб. 273—292,=Mélanges Russes, T. II, livr. 1, p. 1—22.) Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Ч. XXXIV (1851 г., кн. 4) вскорѣ затѣмъ появилась статья, подъ заглавіемъ: *Новыя свѣдѣнія о численности и обитаницахъ Литовскаго племени.*

25. **Zahl und Vertheilung der Deutschen im Königreiche Polen, im Jahre 1851.*

(27 января 1851.—Bulletin historico-philologique, Т. XII, столб. 225—242, = *Mélanges Russes*, Т. II, livr. 5, p. 508—530.)

26. *Die Deutschen im St. Petersburgischen Gouvernement. Ein Capitel aus dem erklärenden Texte zur Ethnographischen Karte des St. Petersburgischen Gouvernements.*

(11 января 1850. — Bulletin historico-philologique, Т. VII, № 23, 24.) Это сочинение появилось въ продажѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber die Deutschen im St. Petersburgischen Gouvernement. Mit einem Vorworte über die Ethnographische Karte des genannten Gouvernements und einem Anhangе über die auf derselben vorkommenden Dorfnamen.* St. Petersburg 1851; 45 p. in-8°. На русскомъ языкѣ, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1850 г. Ч. XXXII, кн. 11, стр. 181—209.

27. **Die Bewohner Kur- und Livlands im Allgemeinen und die Liven insbesondere.*

(24 апрѣля 1846. — Bulletin historico-philologique, Т. III, столб. 257—261.)

28. **Die Bewohner Estlands.*

(19 Juni 1846. — Bulletin historico-philologique, Т. III, столб. 346—347.)

29. *Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St. Petersburgischen Gouvernements, in August 1848.*

(15 сентября 1848. — Bulletin historico-philologique, Т. VI, № 22.)

30. **Водъ и Вотская пятина.*

(Журналъ Министерства Народ. Просвѣщ. 1851 г. май и июнь.) Особые оттиски этой статьи напечатаны съ заглавіемъ: *Водъ въ С. Петербургской губерніи. Отрывокъ изъ пояснительнаго текста къ этнографической картѣ С. Петербургской губерніи.* Въ нѣмецкомъ переводѣ, эта статья вошла въ составъ изданной въ 1867 г. книги: *Erklärender Text zur Ethnographischen Karte des St. Petersburgischen Gouvernements v. P. Köppen.* (См. ниже № 141.)

31. *Die von Ingriern bewohnten Dörfer im St. Petersburgischen Gouvernement.*

(30 сентября 1853.—Bulletin historico-philologique, Т. IX, столб. 145—154, =Mélanges Russes, Т. II, livr. 4, p. 355—368.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Селенія, обитаемая Ижорами въ С. Петербургской губерніи*, въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ, Т. II, стр. 412—422).

32. Ueber die Bevölkerung von Polen und Finnland.

(6 сентября 1830.—Bulletin scientifique, Т. VI, № 13; столб. 208.)

33. Finland in ethnographischer Beziehung.

Съ раскрашеною картою (13 ноября 1846.—Mémoires de l'Acad. VI Série etc. Sc. politiques etc., Т. VII, p. 431—463). Извлеченіе изъ этого сочиненія, съ тою же самою картою, въ Bulletin histor.-philologique, Т. IV, столб. 1—8.

34. *Die reisenden Finnländer.

(St. Petersburg. Zeitung 1848, № 146.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Странствующие Финляндцы и производимыя ими этнографическія изслѣдованія*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ 1848 г. № 154; отсюда статья перепечатана въ нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

35. *Zur Kenntniss Finnlands in ethnographischer Beziehung.

(2 іюня 1848.—Bulletin de la Classe histor.-philologique, Т. V, столб. 161—168.) Въ этомъ сочиненіи сообщается отчетъ о путешествіи, совершенномъ по порученію Академіи, съ этнографическою цѣлью, магистромъ Вареліусомъ.

36. *Die Bolgaren in Bessarabien. Ein Bruchstück aus einer noch ungedruckten Reise.

(2 сентября 1853 г.—Bulletin histor.-philologique, Т. XI, № 13 и 14, =Mélanges Russes, Т. II, livr. 4, p. 369—378, съ таблицею на двухъ листахъ.)

37. Die Karatajen, ein Mordwinen-Stamm.

(20 октября 1843.—Bulletin histor.-philologique, Т. I, столб. 369—372). На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Каратаи*,

Мордовское племя, въ С. Петербург. Вѣдомостяхъ 1845 г. № 268.

38. **Ueber die Bewohner des Russischen Armeniens.*

(6 марта 1840. — Bulletin scientifique, T. VIII, столб. 16—20.) Изъ соч. Шопена; напечатано также на русскомъ языкѣ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1841 г. № 157), подъ заглавіемъ: *О жителяхъ Армянской Области.*

39. **Ueber das Astrachan'sche Gouvernement und die Kalmyken in Russland.*

(13 сентября 1839. — Bulletin scientifique, T. VI, столб. 271.)

40. *Nachträgliche Instruction an Hrn. Dr. Castrén, bei seiner Abreise nach Sibirien.*

(15 марта 1844. — Bulletin histor.-philologique, T. I, столб. 373—384.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Дополнительная инструкция г. Кастрену*, въ Журналѣ Министерства Народ. Просвѣщенія 1845, № 8.

41. **O Кургизахъ подвластныхъ Россіи.*

6-е Приложеніе къ сочиненію Акад. Кеппена о девятой ревізіи, 14 стр. in-4°.

СТАТИСТИКА.

42. **Разборъ сочиненія г. Ободовскаго: Теорія статистики, въ настоящемъ состояніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи статистики.*

(Девятое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1840 г., стр. 113—157. Особые оттиски изданы съ заглавіемъ: *О сущности статистики. Изложеніе П. Кеппена.* Спб. 1840. 45 ст. in-8°.

43. **О выводѣ среднихъ чиселъ для статистическихъ образованій.*

(С. Петербург. Вѣдомости 1845 г. № 10.) Извлеченіе изъ этой статьи на нѣмецкомъ языкѣ напечатано въ Bulletin histor.-

philologique, Т. II, столб. 186—192, подъ заглавіемъ: *Zur Handels-Statistik des Russischen Reiches* (17 января 1845), и перепечатано въ Mittheilungen der Kaiserl. freien ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Erstes Tertialheft 1845, стр. 102—110, а также въ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland Эрмана (Berlin 1845, 8. Bd. IV, p. 3 и слѣд. Ср. ниже № 70.)

44. **Bericht über Hrн. Gorlow's Schrift unter dem Titel: Обзоръніе экономической Статистики Россіи.*

(Семнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1848 г., стр. 115—129.)

45. *Herrn Latkin's Nachrichten von dem nordöstlichen Theile des Archangel'schen Gouvernements.*

(17 ноября 1843.—Bulletin historico-philologique, Т. I, столб. 257—268). На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: **Путешествіе г. Латкина по сѣверо-восточной части Архангельской губерніи*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ 1844 г. №№ 140, 141.

46. **Bericht an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften über Hrн. Dr. Bergsträsser's Versuch einer Beschreibung des Olones'schen Gouvernements im Jahre 1838.* (Опытъ описанія Олонейской губерніи, составленный К. Бергштрессеромъ. Спб. 1838.)

(Осьмое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1839 г., стр. 201—241.)

47. **Kurser Bericht über eine im Jahre 1846 von St. Petersburg nach Kasan, Wjatka und Wologda gemachte Reise.*

(30 октября 1846.—Бэра и Гельмерсена: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, 13 Bändchen стр., 1—37.)

48. *Разборъ сочиненія г. Редактора (Одесскаго) Главнаго Статистическаго Комитета, Ст. Сов. А. А. Скальковскаго, подъ заглавіемъ: Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края.*

(Восемнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, 17 апрѣля 1849 г., стр. 179—197.)

49. *Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken, durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh, im Jahre 1850. Mit einer Karte. St. Pet. 1852. VI, XVI, 256 и 108 стр. in-8°.*

50. *Bericht über Hrn Sawelejskij's Schrift: Статистика Царства Польскаго.*

(Тринадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ награды. 17 апрѣля 1844 г., стр. 111—117.)

51. *Разборъ сочиненія г. Шопена: Статистическое описаніе Армянской Области, составленный Академиками Брюссе и Кенпеномъ.*

(Десятое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ награды. 17 апрѣля 1841 г., стр. 169—209.)

52. *Оразведеніи сарачинскаго племени въ Кавказской области.* (Сѣверныя Муравей 1830 г., № 27, стр. 225—227.)

53. *Staats-Handbuch Russlands, oder Verzeichniss der Kaiserlich-Russischen Staatsbehörden und der vorzüglichsten dabei angestellten Beamten. Vom Jahre 1835. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. XLIV и 336 стр. in-8°.*

54. **Russlands Gesamt-Bevölkerung im Jahre 1838.* (16 августа 1839 г.—Mémoires de l'Acad. VI Série. Sciences politiques etc, T. VI, p. 49—222 и 285—322.)

Подъ тѣмъ же заглавіемъ была напечатана въ 1840 году, въ Bulletin Scientifique de l'Acad. T. VIII, столб. 2—19 (съ особыми оттисками in-4°), статья «составляющая собственно приложение къ сочиненію о потребности хлѣба въ Россіи». Въ переводѣ на русскій языкъ, вышеозначенная записка была помѣщена въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1840 г., въ №№ 222—226, подъ заглавіемъ: **Общее народонаселеніе Россіи въ 1838 году.* Впослѣдствіи, для устранения нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу этого труда, П. И. Кенпенъ издалъ небольшую статью, подъ заглавіемъ: *Ueber Russlands Bevölkerung,* въ Нѣмецкихъ С. Петербург. Вѣдомостяхъ за 1841 г., № 199.

55. *Таблица о народонаселеніи Россіи по губерніямъ и уѣздамъ въ 1838 году.*

(Мѣсяцословъ на 1840 годъ, стр. 84—97.) Та же таблица, на нѣмецкомъ языкѣ, помѣщена въ St. Petersburg. Kalender für das J. 1840, стр. 86—99, подъ заглавіемъ: *Tabelle der Bevölkerung Russlands, nach Gouvernements und Kreisen, im Jahre 1838*. Особые оттиски вышли въ свѣтъ подъ заглавіями: *О числѣ жителей въ Россіи въ 1838 году* и *Russlands Bevölkerung im Jahre 1838*.

56. **Ueber Russlands Städte, mit besonderer Hinsicht auf deren Bevölkerung.*

(30 октября 1840.—Въ извлеченіи, это сочиненіе напечатано въ Bulletin scientifique, Т. VIII, столб. 145—161.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *О городахъ Россійской Имперіи*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ за 1841 г. № 127.

57. **О числѣ жителей и умноженіи ихъ въ Россіи по 1842 г.*

(С. Петерб. Вѣдомости 1841 г. № 203).

58. *Ueber die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen, in den verschiedenen Provinzen.*

(13 января 1843.—Mémoires de l'Acad. VII Série. Sciences politiques etc. Т. VII, р. 401—429.) Въ этомъ сочиненіи впервые обнародованны точныя данныя о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи.

59. *Ueber die Dichtigkeit der Bevölkerung in den Provinzen des Europäischen Russlands.*

(8 августа 1845 г.—Bulletin historico-philologique, Т. III, столб. 1—32.) На основаніи этого сочиненія составлены К. С. Веселовскимъ двѣ статьи: 1) «О степени населенности Европейской Россіи», помѣщенная въ Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1845 г. (Декабрь № 12, стр. 274—296) и 2) «Пространство и степень населенности Европейской Россіи» — въ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд.

Статистическимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. I, Спб. 1851, стр. 1—29, in-8°.)

60. *Schriften über die Bewegung der Bevölkerung in Russland.* 8 p. in-8°.

Этотъ указатель составленъ Кеппеномъ «въ августѣ 1847 г.»

61. **Ueber die Bevölkerung des Grossfürstenthums Finnland am Schlusse des Jahres 1840.*

(14 января 1842.—Bulletin scientifique, Т. X, столб. 255—256.)

62. *О народныхъ переписяхъ въ Россіи.*

Это довольно пространное изслѣдованіе, представленное Академіи 8 декабря 1848 г., остается доннынѣ неизданнымъ. Замѣтка 1860 г.—Сравн. статью Г. Рейна: «*О народныхъ переписяхъ въ Финляндіи», помѣщенную Кеппеномъ въ С. Петербург. Вѣдомостяхъ на 1849 г. № 37.

63. **Нѣсколько словъ по поводу свѣдомости о народонаселеніи Россіи, составленной при Статистическомъ Отдѣленіи Совета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ А(лександромъ) К(рыловымъ).*

(С. Петерб. Вѣдомости 1850 г. №№ 79—81.)

64. **Народонаселеніе Россіи по губерніямъ и уѣздамъ, за исключеніемъ регулярныхъ войскъ въ 1851 году.*

(Мѣсяцословъ на 1855 годъ.) Эта статья вышла въ свѣтъ также особою брошюрою, подъ заглавіемъ: *Предварительныя свѣдѣнія о числѣ жителей въ Россіи, по губерніямъ и уѣздамъ, въ 1850 году. На основаніи данныхъ 9-ой народной переписи и другихъ показаній изложилъ П. К.* Спб. 1854, 17 стр. in-8°.

65. **Die Bevölkerung Russlands nach Provinzen und Kreisen, mit Ausnahme der regulären Truppen im Jahre 1851.*

(St. Petersburger Kalender für das Jahr 1855.) Особые оттиски, подъ заглавіемъ: *Vorläufige Uebersicht der Bevölkerung Russlands, zur Zeit der neunten Volkszählung im Jahre 1851.* 20 стр. in-8°.

66. *Десятая ревизія. О числѣ жителей въ Россіи, въ*

1851 году. Изъясдованіе П. Кеппена. Спб. 1857. XVIII
і 297 стр. in-4°.

67. *О числѣ крепостныхъ людей мужескаго пола по 8-й
и 9-й ревизіи, съ показаніемъ крепостнаго процента, т. е.
числоваго отношенія крепостныхъ людей къ общему числу
жителей. 12 стр. in-4°.

68. *Разборы сочиненія г. Штукенберга подъ заглавіемъ:
*Beschreibung aller im Russischen Reiche gegrabenen schiff- und
flossbaren Canäle, составленные Академиками Кеппеномъ
и Бэромъ.*

(Десятое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ на-
градъ. 17 апрѣля 1841 г. Спб. 1841, стр. 123—146.) Этотъ
отзывъ составленъ на нѣмецкомъ языкѣ.

69. *Разборы сочиненія г. Штукенберга: *Hydrographie
des Russischen Reiches, составленные Академиками Кеппе-
номъ и Бэромъ.*

(Принадлежащій Кеппену разборъ этого сочиненія И. Шту-
кенберга напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Двѣнадцатомъ Пр-
сужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля
1843 г. стр. 235—250.)

70. *Разборъ сочиненія г. Ст. Сов. Неболсина, подъ загла-
віемъ: *Коммерческая Статистика.*

(26 марта 1846.—Пятнадцатое присужденіе учрежденныхъ
П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1846, стр. 129—151.)

71. **Zur Handels-Statistik des Russischen Reichs.*

(17 января 1845.—Bulletin histor.-philologique, Т. II, столб.
186—192.)

72. *Ueber die Zahl der Postpferde in Russland und die
damit verbundene Besteuerung.*

(8 мая 1840.—Bulletin scientifique, Т. VIII, столб. 78—80.)

73. **Ueber den Briefverkehr im Russland.*

(31 мая 1841. 53 стр. in-4°.) Это сочиненіе сначала было
назначено для помѣщенія въ V томѣ Мемуаровъ Академіи (Scien-
ces politiques etc.) и уже было отпечатано; но тогдашнее Глав-

ное Почтовое Управление представило возраженія противъ нѣкоторыхъ, сдѣлавшихся извѣстными, мѣстъ этого труда, вслѣдствіе чего въ Мемуарахъ было помѣщено другое сочиненіе. Однако, прежде чѣмъ былъ оконченъ V томъ Мемуаровъ, вышеупомянутое сочиненіе появилось на русскомъ языкѣ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№№ 242—244. 24—26 октября 1841 г.), подъ заглавіемъ: *О письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи*. На нѣмецкомъ языкѣ, въ St. Petersburger Zeitung 1841 (№№ 245 и 246) могло быть помѣщено только начало сего сочиненія. По-французски же было напечатано извлеченіе изъ него, подъ заглавіемъ: *Notices sur les postes en Russie*, въ Supplément d'Intérieur au Journal de St. Pétersbourg, 9 Dec. 1841, p. 169—173.

74. **Ueber den Kornbedarf Russlands.*

(16 августа 1839.—Mémoires de l'Acad. Sciences politiques etc. Série VI, T. V, 1842, p. 498—580.) Извлеченіе изъ этой статьи, на нѣмецкомъ языкѣ, въ Bulletin Scientifique T. VII, столб. 2—16, и на русскомъ, подъ заглавіемъ: *О потребленіи хлѣба въ Россіи*, въ Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ, 1840 г. № 6 стр. 402—421.

75. *О транспортныхъ заведеніяхъ въ Россіи.*

(Журналъ для акціонеровъ 1859 г. № 149.)

76. **О мочальномъ промыслѣ. Сводныя, собранныя П. Кешеномъ.*

(Журналъ Министерства Госуд. Имуществъ, 1841 г., № 3, стр. 13—72.) Извлеченіе изъ этой статьи, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber die Benutzung der Linden-Rinde in Russland*, было представлено Академіи 28 мая 1841 годъ и напечатано въ Bulletin scientifique, T. IX № 8. Въ переводѣ на французскій языкъ, это извлеченіе озаглавлено: *Fabrication en Russie de nattes et autres objets en écorce de tilleul* и напечатано въ Supplément d'Intérieur (Journal de St. Pétersbourg, 16 aout 1841), p. 113—116.

77. **Крупчатая мельница и круторушныя въ Ельцѣ.*

(Журналъ Мин. Госуд. Имуществъ 1851 г., Часть XLI,

стр. 261—268. Изъ неизданныхъ путевыхъ записокъ Акад. П. Кеппепа. Ср. № 49.)

78. *О винодѣліи на Южномъ берегу Крыма.*

(Сѣверный Муравей 1830 г., № 23, стр. 193—198.)

79. *Объ успѣхахъ винодѣліи на Южномъ берегу Крыма.*

(Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ 1831 г., Ч. V, стр. 128—175.)

80. **О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи.*

Спб. 1832 г. XXXII, 264 и VIII (опечатки) стр. in-8°, съ 4 таблицами. Это сочиненіе печаталось въ отсутствіе автора, который окончилъ этотъ трудъ еще за нѣсколько лѣтъ до появленія онаго въ свѣтъ, но впослѣдствіи не успѣлъ издать приготовленные имъ поправки и указатели къ этому труду. Ср. №№ 78 и 79, написанные уже по приведеніи вышеупомянутаго труда къ окончательной редакціи.

81. *О шелководствѣ въ Россіи.*

(Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ 1834 г. Ч. XIV, стр. 105—120.)

Библиографія.

82. **Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № 1. Обзорніе источниковъ для составленія Исторіи Россійской Словесности.* Спб. 1819, 92 стр. in-8°.

(Сначала появились въ журналѣ: Соревнователь просвѣщенія и благотвор. 1819 г., V, стр. 69—108 и 226—266, а потомъ и особо; № 1, одна книжка, содержащая обзорніе источниковъ для составленія исторіи русской словесности).

Это обзорніе переведено на польскій языкъ С. Б. Линде и напечатано имъ въ числѣ прибавленій къ его переводу «Опытъ краткой исторіи русской литературы Н. И. Греча: *Dodatki do Mikolaia Grecza Rysu historyi Literatury Rossyyskiéy; zebrane i Убѣмаzone przez J. B. Linde. Warszawa, 1823. in-8, стр. 521—578.*

83. *Материалы для истории просвещения въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № II. Библиографическіе листы 1825 года.* Спб. 1826 г.

Это изданіе, состоящее изъ 725 столбцевъ in-4°, въ которомъ помѣщались также свѣдѣнія о литературной дѣятельности другихъ славянскихъ племенъ (ср. № 88), выходило въ свѣтъ съ начала 1825 г. по августъ 1826.

84. *Материалы для истории просвещенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № III.* Спб. 1827, 260 стр. in-4.

Изъ этой книги, посвященной графу Д. Н. Блудову, изданы особо:

Статья IV. *Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ ведомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* Спб. 1827; 46 стр. in-4°.

Статья VI. *О Кормчей книгѣ. Введеніе къ сочиненію барона Г. А. Розенкаммба.* Спб. 1827; 14 стр. in-4°

Статья VII. *О происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ.* Спб. 1827; 106 стр. in-4°.

Эта послѣдняя статья переведена на нѣмецкій языкъ для литературнаго Латышскаго общества, которое напечатало ее въ 3 книжкѣ своего: *Magazin herausgegeben von der Lettisch-Lithauischen Gesellschaft* (Mitau, 1829, in-8 стр. 1—112) и особо, подъ заглавіемъ: *Ueber den Ursprung, die Sprache, und Literatur der lithauischen (oder lettischen) Völkerschaften; aus dem Russischen übersetzt von Peter v. Schrötter.* Переводъ этого сочиненія на польскій языкъ напечатанъ Рогальскимъ въ *Dziennik Wileński* (1828. Т. V), подъ заглавіемъ: *O początkach, języku i literaturze narodów Litewskich, przez Piotra Keppena; przekład Leona Rogalskiego.*

85. *Описаніе славянскихъ древностей въ Сирміи.*

(Сѣверный Архивъ, издав. Ѳ. Булгаринымъ. Ч. V. Спб. 1823, стр. 18—33.) Извлечено изъ писемъ Кеппена къ К. Ѳ. Калайдовичу.

86. *Собрание Славянских памятниковъ, находящихся въ Россіи. Книга I. Памятники, собранные въ Германіи.* Спб. 1827.

Это первое отдѣленіе, изданное на иждивеніе графа Н. П. Румянцова, состоитъ изъ XXXII и 187 страницъ небольшого in-folio, съ X таблицами, гравированными на мѣди. Въ числѣ другихъ памятниковъ, Кеппенъ помѣстилъ здѣсь сдѣланный имъ самимъ снимокъ такъ называемыхъ Фрейзингскихъ отрывковъ, которые въ то же время были, въ отношеніи языка, объяснены Востоковымъ. Впослѣдствіи Шмеллеръ описалъ эту рукопись въ *Gelehrte Anzeig. der K. Bayerischen Academie d. Wissensch. Jahrg. 1837, Bd. V, 2, столб. 107—110.* «Грамматическія объясненія на три статьи Фрейзингской рукописи», составленныя Востоковымъ, были недавно снова изданы, въ концѣ сочиненія: «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. . . . Издавъ, по порученію II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, И. Срезневскій Спб. 1865. (Ср. въ этой книгѣ стр. 82—89 и послѣсловіе издателя.)

87. Въ 1827 и 1828 годахъ, Кеппенъ помѣстилъ въ нѣсколькихъ выпускахъ Московскаго Вѣстника различныя письма о тогдашней литературной дѣятельности славянскихъ народовъ.

88. **Литература Славянскихъ народовъ.*

(Письмо 1-ое къ Редактору Журнала Минист. Народ. Просв. 1836 г. февраль (Ч. IX) стр. 423—432; июль (Ч. XI) стр. 208—222; августъ (Ч. XI) стр. 420—427; сентябрь (Ч. XI) стр. 649—659.)

89. *Списокъ памятникамъ, служащимъ къ составленію Исторіи художествъ и отечественной Палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кеппеномъ. Напечатанъ иждивеніемъ Ею Сіят. графа Александра Андреевича Толстаго. Москва, 1822, X, VIII и 120 стр. in-8°.*

Предисловіе къ этой книгѣ подписано Кеппеномъ въ Кіевѣ 30 декабря 1821 г.; въ это время онъ собирался отправиться въ путешествіе свое въ Австрію, въ продолженіе котораго изданіемъ списка завѣдывалъ другъ его К. Ѳ. Калайловичъ. Матеріалы,

которые Кеппенъ еще въ двадцатыхъ годахъ собрать для продолженія этого труда, въ особенности по славянской палеографіи, переданы имъ въ 1861 году въ здѣшнее Русское Археологическое Общество.

90. *Письмо къ издателю Московскаго Телеграфа о составленіи словаря Харьковскихъ писателей.*

(Московск. Телегр. 1828, № 11, стр. 410—419. Перепечатано въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы», изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 209—214.)

91. *Рецензія сочиненія: Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bearbeitet von J. Fr. v. Recke und C. E. Napierski, Bd. 1, A.—F., Mitau 1827. Bd. XVI, 626 p. in-8°*

(Московск. Телегр. 1828, № 2 ст. 228—234. Перепечатано въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы», изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 205—209.)

92. *Извлеченіе изъ сочиненія: Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. Von Fr. v. Adelung. St. Petersburg 1815 (Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языкованіи.)*

Эта статья, представленная Кеппеномъ вмѣстѣ съ И. А. Гарижскимъ, Вольному Обществу Любителей Россійской Словесности, напечатана въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія 1818, I, стр. 271—304.

93. *Ueber die von P. Köppen gesammelten russischen Sprachproben.*

(15 марта 1861.—Bulletin de l'Acad. T. III, столб. 506—511=Mélanges Russes, T. IV, Livr. 2, pp. 210—217.) Въ напечатанномъ здѣсь письмѣ Кеппена изъ Карабага въ Крыму, отъ 17 февраля 1861 г., онъ говоритъ о томъ, какъ составилось его собраніе образцовъ бѣлорусскаго и малороссійскаго нарѣчій, впоследствии переданное имъ въ Академію, въ которой оно хранится въ трехъ томахъ in-folio.

94. *Notiz über einige Handschriften des Cicero «de republica».*

(29 Juni 1839.) Эта записка не была напечатана.

95. **Ueber ein der St. Wladimir-Universität zu Kiew gehörendes, bisher unbekanntes (Batta-) Manuscript.*

(23 августа 1839.—Bulletin scientifique, T. VI, столб. 203—208; приложена литографированная таблица. На русскомъ языкѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. Часть XXIV, Отд. II, стр. 61—68.) *Неизвестная рукопись, принадлежащая Университету Св. Владимира въ Кіевѣ.*

96. Донесеніе, представленное С. Петербургскому Вольному Обществу Любителей Россійской Словесности: *Обозрѣніе всѣхъ языковъ и ихъ нарѣчій, составленное Θ. П. Адельмутомъ (Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte von Fr. Adeling. St. Petersburg. 1820, XIV н 158 стр. in-8°.)*

(Соревнователь просвѣщ. и благотв. 1820 г. X, стр. 189—225.)

97. *Literärnotizen, betreffend die Magyarischen und Sächsischen Dialekte in Ungarn und Siebenbürgen. Sr. Excellenz dem Herrn Fr. v. Adeling mitgetheilt von Peter Köppen. St. Petersburg 1826; 32 стр. in-8°.*

Археологія.

98. *Planъ города Омска съ окрестностями. 1821.*

Этотъ планъ снятъ самимъ Кеппеномъ, и гравированъ на мѣди.

99. **Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien 1823.*

Это сочиненіе первоначально было напечатано, въ видѣ рецензіи на сочиненіе Рауль-Рошета о Босфорѣ Киммерійскомъ, въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, T. XX, стр. 259—351. Особые оттиски, посвященные Государственному Канцлеру Румянцову (108 стр. in-8°, съ 2 таблицами) были изданы съ пре-

бавленіями. Объ этомъ сочиненіи упомянуто: 1) въ *St. Petersburgische Zeitschrift von Aug. Oldekor*. Mai 1823, 2) *Nouvelles Annales des voyages, publiées par Euyriès et Malte-Brun*, T. XIX, pp. 132—142. Juillet 1823; 3) Тамъ же, въ письмахъ Рауль-Рошета и Летронна къ Мальте-Брѣну, T. XIX (Août 1823) стр. 274—282 и 282—289; 4) Акад. Келлеръ писалъ противъ этого сочиненія, сначала на французскомъ языкѣ, въ своемъ *Ceraphe* (Спб. 1823 г.), именно въ концѣ своей рецензій сочиненія Рауль-Рошета: *Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore Cimmerien*: стр. 232—234, а потомъ въ особой книжкѣ, изданной имъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: 5) *Beurtheilung einer Schrift: «Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. St. Petersburg. 1823 in-8°; 6) въ *Heidelberger Jahrbücher der Literatur*. 1823. (November) № 70—71, pp. 1130—1134; и 7) въ *Bibliothèque Universelle*. 1824, Septembre.

100. **Olbisches Psephisma zu Ehren des Protogenes*.

(Съ нѣмецкимъ переводомъ д-ра Эйхенфельда.) Wien 1823, 14 p. in-8°. Это одна изъ греческихъ надписей, изданныхъ сперва въ *Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. Во французскомъ переводѣ Мальте-Брена напечатана въ *Nouvelles Annales des Voyages*. Juillet 1832, pp. 132—142. Ср. *Lettre de M. Raoul-Rochette sur l'inscription d'Olbia à Mr. Malte-Brun*, въ *Nouv. Ann. des Voyages*, T. XIX (Août 1823) pp. 274—282. *Lettre à Mr Malte-Brun sur quelques locutions relatives à l'expression des comptes monétaires, dans le décret des habitans d'Olbie par Mr Lettronne*; тамъ же, стр. 282—289. *Bulletin des Sciences etc.* par M. le B-n de Ferussas, 1824, № 2 pp. 109—110.

101. *Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Ein Schreiben an den Herrn Staatsrath und Ritter H. v. Köhler, zur Würdigung seiner Beurtheilung der im Jahre 1822 im XX. Band der Wiener Jahrbücher der Literatur gedruckten Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Von dem Verfasser derselben*. Wien, 1823. 16 p. in-8°.

Объ этой антикритикѣ объявлено въ *Allgemeines Repertorium*

der neuesten in- und ausländischen Literatur Бека, 1824, т. I, стр. 55 и 56, а также въ пространной Энциклопедіи Эрша и Грубера и въ изданіи генералъ-суперъ-интендента Зонтага: Ostsee-Provinzen-Blatt, 1824, № 20, стр. 88. Эта антикритика перепечатана въ изданномъ Академіею собраніи сочиненій Акад. Кёлера: Gesammelte Schriften, herausgegeben von Ludolf Stephani. St. Petersburg. 1850. (Bd. II, Serapis Th. II, pp. 225—246.)

102. *Древности сѣвернаго берега Понта. Сочиненіе Петра Кеттена. Переводъ Средне-Камашева. Издано Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Москва 1828. 178 стр. in-8°.*

Переводъ сочиненія: Alterthümer am Nordgestade des Pontus, изданный поименованнымъ Обществомъ, съ дополненіями автора.

103. **Nachricht von einigen in Ungern, Siebenbürgen und Polen befindlichen, und bisher nur wenig oder gar nicht bekannten Alterthümern. Wien. 1823.*

24 стр. in-8°, съ 3 гравированными на мѣди таблицами. Напечатано въ первый разъ въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1823. Bd. XXIV. Ср. Allgemeines Repertorium der neuesten in- und ausländischen Literatur für 1824. Herausgegeben von Chr. Dan. Beck. Leipzig. Bd. I, p. 56—59.

104. *Die dreygestaltete Hekate und ihre Rolle in den Mysterien; nach einem Standbilde im Baron Bruckenthal'schen Museum zu Hermanstadt in Siebenbürgen. Wien 1823. 24 p. in-4°*

Это сочиненіе, находящееся въ нѣкоторой связи съ предыдущимъ, было первоначально напечатано историографомъ Гормайромъ въ его изданіи: Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst. Ср. разборъ этого сочиненія, написанный Крейцеромъ, въ Heidelberger Jahrbücher der Literatur. November 1824, № 71, стр. 135—141.

105. *Крымскій Сборникъ. Съ Картою Южнаго берега Крыма и принадлежащимъ къ ней указателямъ.* Спб. 1837.

Спеціальное заглавіе этой книги: *О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. Издано по распоряженію Г-на Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора Графа М. С. Воронцова.* Спб. 1837; XVI и 412 стр. in-8°. Подробное извѣстіе объ этомъ важномъ для археологін и топографіи сборникѣ помѣщено въ Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands. Bd. II. Berlin 1842. стр. 105—117. Ср. №№ 12 и 13. Карта состоитъ изъ 4 листовъ.

106. **Ueber Alterthum und Kunst in Russland.* Wien 1822, 32 p. in-8

Особый оттискъ изъ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur. Bd. XX. Anzeigebblatt (стр. 1—27) подъ заглавіемъ: *Ueber Völker- und Länderkunde in Russland.* Эта статья, въ переводѣ на польскій языкъ г. Линде, напечатана имъ въ его переводѣ труда Н. Греча (Ср. № 82.)

107. **Ueber Tumuli in Russland.*

(8 іюля 1836.—Bulletin scientifique de l'Acad. T. I. столб. 137—141.)

108. **Списокъ извѣстнѣйшимъ курганамъ въ Россіи.*

(Сѣверная Пчела 1837 г. №№1, 2 и 3). Изданъ также особою брошюрою, съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ (35 стр. in-12°). Сначала былъ напечатанъ на 10 стр. in-folio. Подобный экземпляръ, на которомъ также означено: «Спб. 1 января 1837», находится у А. А. Котляревскаго.)

109. **Ueber einige Tumuli des südlichen Russlands.*

(15 іюня 1838.—Bulletin scientifique etc. T. IV, столб. 277—279).

110. *Ueber einige im Melitopol'schen Kreise des Taurischen Gouvernements veranstaltete Nachgrabungen.*

(2 августа 1839. — St. Petersburg. Zeitung 1839, № 197, р. 32.)

111. **Kurse Uebersicht der in den Jahren 1842—1844 an der Nordseite des Asow'schen Meeres geöffneten Tumuli.*

Съ приложениемъ таблицы. (15 дек. 1843—Bulletin historico-philologique, Т. II, столб. 193—203.)

112. *Ueber einen Gräberfund im Moskau'schen Gouvernement.*

(15 апрѣля 1839.—Bulletin scientifique, Т. V, столб. 383—384.)

113. **O древностиахъ въ Тверской Карелии. Извлеченіе изъ писемъ Ѡ. Н. Глинки къ П. И. Кеппену.*

(Журн. Мин. Внут. Дѣлъ 1836 г., стр. 633.) Къ письмамъ Глинки присовокуплены примѣчанія Кеппена.

114. **Die Slawisch-Russische Schrift vom XI bis zum XV Jahrhundert* (Литограф.).

Издано вмѣстѣ съ сочиненіемъ: *Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der Slawisch-Russischen Schrift vom XI bis zum XV Jahrhundert.* (26 ноября 1847.—Bulletin historico-philologique, Т. V, столб. 33—42.) Ср. также статью П. И. Кеппена, напечатанную въ трудахъ Общества Исторіи и Древностей, Часть V, кн. I. Москва 1830, стр. 300—301, подъ заглавіемъ *Нѣчто о Тмутараканскомъ камнѣ.*

115. **Der Rogvolod'sche Stein vom Jahre 1171 und die Steinschriften in der Düna.*

Съ литограф. таблицей. (24 февраля 1854.—Bulletin historico-philologique, Т. XII, № 3=Mélanges Russes, Т. II. Livr. 4-е, р. 390—405.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *О Роговолодовомъ камнѣ 1171 г. и Домскихъ надписяхъ.* (5 мая 1854 г.—Ученыя Записки Импер. Акад. Наукъ, по I и III Отдѣленіямъ, Т. III, стр. 59—70.)

Біографія и Исторія.

116. Автобіографическая записка, П. И. Кеппена.

(Юбилей Петра Ивановича Кеппена. 29-го декабря 1859 г. Спб. 1860. Въ листъ, стр. 5—7.)

117. *Письмо издателя: «Библиографическія Листовы» къ Ею Святельству, Князю П. А. Ширинскому-Шихматову.*

(Чтенія въ Имп. Общ. исторіи. Москва 1864, кн. II. Смѣсь стр. 144—160. — Это письмо написано въ 1825 г., по поводу извѣстнаго доноса Магницкаго, Попечителя учебнаго Казанскаго округа.)

118. **Vactschisaraj zur Zeit der Cholera, 1830, nebst einem Vorworte des Herrn D. Lichtenstaedt.*

Особый оттискъ изъ *Russischer Mercur*, изд. Ольдекопа. С. Петербургъ. 1831, 33 стр. in-8°.

119. **Samuel Gottlieb Linde, eine biographische Skizze.*

Вѣна. 1823. 16 стр. in-8°. (Ивъ XXIII части Вѣнс. Jahrbücher der Litteratur.)

120. *Еще нѣкоторыя сѣдѣнія о В. Н. Карамзинѣ.*

(Чтеніе въ Имп. Обществѣ Исторіи при Моск. Университетѣ. 1863. Кн. III. Смѣсь стр. 131—132.)

121. **Дмитрій Ивановичъ Языковъ.*

(Спб. Вѣдомости 1845 г. № 19.)

122. **Христіанъ Христіановичъ Стевенъ.*

(Таврич. Губ. Вѣдом. за 1863 г. № 19.)

123. *Источники Римской Исторіи изъ Іоанна фонъ-Мюллера.*

(Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1818 г., II, стр. 27—33. Переводъ не былъ оконченъ.)

124. **Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ, въ Россійско-Императорскомъ титулѣ упоминаемой.*

Извлеченіе изъ книги: *Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg.* St. Petersburg 1816. (Соревнователь просвѣщ. и благотв. 1818, IV, 97—125.)

125. **О Волжскихъ Болгарахъ.*

(Журналъ Минист. Народн. Просв. 1836 г. октябрь. Ч. XII, стр. 64—79.)

Статьи различнаго содержанія.

126. *Theses ex Dissertatione: De reparatione damni per bellum illati a civitate ipsa praestanda, excerptae aliaequae, quos publice defendendas suscepit Candidatus Petrus de Koerren. Charkoviae 1814. 4 pag. in-4°.*

Самая диссертація, написанная Кеппенемъ для полученія степени магистра, не была напечатана.

127. *Разборъ сочиненія Днѣств. Ст. Соевѣтн. М. К. Михайлова, подъ заглавіемъ: Политическая экономія.

(Четырнадцатое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1845 г., стр. 225—243.)

128. *Разборъ сочиненія г. Горлова, подъ заглавіемъ: Теорія Финансовъ.

(Одиннадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1842 г., стр. 179—210.)

129. *О выгодахъ и нравахъ Россійскихъ писателей.*

(Московскій Телеграфъ 1826 г. № 7 стр. 205—214.) Издаю вторично, особою брошюрою (12 стр. in-8°), въ числѣ только 30 экземпляровъ.

130. **О семинаріяхъ для образованія преподавателей въ сельскихъ училищахъ.*

(С. Петерб. Вѣдомости 1848 г. № 47.)

131. **Объ устройствѣ училищъ. Выписки и замѣчанія П. Кеппена.* Спб. IV, 122 и VIII стр. in-8°.

Извлеченіе изъ сочиненія Ф. Тирша: Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern. Stuttgart und Tübingen. XXXII и 492 стр. in-8° (Сынъ Отечества 1827 г. Част. XIII и XIV.) Эта статья въ 1827 году переведена на польскій языкъ г. Рогальскимъ, въ Вильнѣ.

132. *1828-й годъ въ отношеніи къ просвѣщенію въ Россіи.*

(Московск. Телеграфъ 1829 г. № 4 стр. 429—449. № 6 стр. 117—127.)

133. *Ueber das Beobachten periodischer Erscheinungen der Natur.*

(14 декабря 1828 г.) Разсужденіе того же содержанія на русскомъ языкѣ издано въ 1845 г. (Ср. № 134.)

134. *О наблюденіи периодическихъ явленій природы.*

(Журналъ Минист. Госуд. Имущ. 1845 г. № 9. стр. 252—262). Это сочиненіе содержитъ въ себѣ «наблюденія по предметамъ растительнаго царства, дѣланныя въ урочищѣ Карабагѣ на южномъ берегѣ Крыма».

135. **Die Heuschrecken in der Krym, im Jahre 1859.*

Москва 1859 г. in 8. Извлеченіе изъ письма къ первому секретарю Московскаго Общества испытателей природы Ренару (Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou, 1859. № III, p. 296—300.)

136. *Ueber Pflanzen-Aclimatisirung in Russland.*

Донесеніе Академіи Наукъ. (8 февраля 1856 г. — Bulletin historico-philologique T. XIII № 20 et 21 = Mélanges Russes, T. III, livr. 2 p. 141—172.)

137. *Ueber einige aus dem südlichen Russland mitgebrachte und dem mineralogischen Museum übergebene Steinarten.*

(26 октября 1838 г. — Bulletin scientifique, T. V, № 2.)

138. *St. Petersburgische Zeitung. Jahrgang 1834, 1835.*

Во вторую половину 1834 и во весь 1835 годъ, эта газета издавалась подъ редакціею Кеппена, который помѣстилъ здѣсь довольно много своихъ собственныхъ статей, относящихся преимущественно до Россіи.

139. *О Черномъ Морѣ и Кавказѣ.*

(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть XII. Спб. 1836, стр. 465—484.)

140. Въ 1817—1819 годахъ Кеппенъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи уставовъ Филантропическаго Общества и Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности (см. списокъ сочиненій Кеппена, приложенный къ изданному въ 1860 г. описанію его юбилея, № 1—3.)

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

141. Въ издававшемся въ 1835—1837 Энциклопедическомъ Словарѣ, напечатано Кеппеномъ много болѣе или менѣе пространныхъ статей различнаго содержанія.

142. *Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements.*

St. Pet. 1867. (Съ предисловіемъ А. Куника.) 150 стр. in-4°.

Рукописи, завѣщанныя П. И. Кеппеномъ Академіи и хранящіяся въ ея библиотекѣ *.)

А. Древности.

1. *Могилы* (о курганахъ вообще въ Россіи).
2. *Могилы облизу Керчи.* Сюда же принадлежать нѣкоторыя бумаги и рисунки Дюбрю (Dubrug.)
3. *Боспоръ и Пантикапея.*
4. *Греческая надпись и при ней изслѣдованіе объ Астаровѣ.*
5. *Facsimile der Arkadischen Inschrift* (Издано въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur. Bd. XXIV. Сравн. выше № 103.)
6. *Древности Крыма.*
7. *Планы древнихъ укрѣпленій въ Крымѣ.*
8. *Виды Крымскихъ укрѣпленій* (Матеріалы и рисунки, содержащіяся въ №№ 4, 5 и 6, за исключеніемъ немногихъ, служили для изданія Крымскаго Сборника. См. № 105.)
9. *Древности разнаго рода.*

В. Лингвистическіе матеріалы.

1. *Объ именахъ* (личныхъ и собственныхъ.)
2. *Руси.*
3. *Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ* (3 тома in folio. Ср. выше № 93.)
4. *Переходъ буквъ.*

*) Почти всѣ эти рукописи тщательно переплетены. Одна изъ тетрадей, а именно содержащая въ себѣ замѣтки и матеріалы объ Ольвіи, по желанію Кеппена, передана въ Одесское Общество Исторіи и Древностей.

С. Географія, статистива и этнографія.

1. *Нивеллировки и пр. свѣдѣнія.*
2. *Указатель къ сочиненіямъ Лепехина, изготовленный Дм. Ив. Языковымъ.*
3. *Матеріалы для ближайшаго познанія горной части Крыма. (Нѣсколько тетрадей, отчасти топографическаго содержанія, переданныхъ въ Академію зинмою 1865 года по завѣщанію покойнаго Кеппена.)*
4. *Дѣла по Главной Соляной Конторѣ съ 1770 по 1776 годъ.*
5. *Вѣдомости Коммерцъ-Коллегіи о томъ, сколько по приходящимъ иностраннымъ кораблямъ было въ приходъ и отходъ товаровъ съ 1758 по 1773 годъ.*
6. *О числѣ помѣщиковъ и изъ крестьянъ по 8-ой народной переписи 1834 года.*
7. *Вѣдомость о числѣ помѣщиковъ и изъ крестьянъ въ Тамбовской Губерніи. 1843 года.*
8. *Вѣдомость о числѣ государственныхъ крестьянъ каждаго народа и племени въ Вятской губерніи по 8-ой ревизіи, 1834 года.*
9. *Перечневая вѣдомости о числѣ душъ и податей въ 1838 г.*
10. *Списокъ жителямъ города Москвы, имѣющимъ въ ономъ свои дома.*
11. *Статистическое описаніе Воронежской губерніи 1810 г. М. П. Штера.*
12. *Вѣроисповѣданія (Ср. выше № 22.)*
13. *Вѣдомости объ инородцахъ Ковенской губерніи. 1847 года.*

Д. Смѣсь.

1. *Сравнительныя свѣдѣнія (Прочіе матеріалы Кеппена, относящіеся до славянской палеографіи, находятся въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ.)*
2. *Нумизматика и Метрологія.*

3. *Библиографія 1826 года.*

4. Собрание писемъ литературнаго содержания, полученныхъ Кеппеномъ отъ разныхъ лицъ.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ Кеппена, найдена слѣдующая собственноручная его записка:

ПРЕДМЕТЫ ПО КОМЪ СОБИРАЮТСЯ МАТЕРІАЛЫ.

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

	Съ котораго врем. собираются.
1. <i>О названіяхъ рыкъ, — для пониманія исторіи о переселеніи народовъ . . . . .</i>	съ 1815 г.
2. <i>Сравнительныя свѣдѣнія . . . . .</i>	» 1825 »
3. <i>Для исторіи художествъ въ Россіи . . . . .</i>	» 1820 »
4. <i>Географическія и Этнографическія синонимы. . . . .</i>	» 1820 »
5. <i>Этнографія (смѣсь). . . . .</i>	» 1823 »
6. <i>Землеописаніе Россіи съ XIV по XVIII вѣкъ, Идрографія (дополненіе къ ней). . . . .</i>	» 1819 »
7. <i>Валы и окопы, заступки и пр. . . . .</i>	» 1827 »
8. <i>Могилы (Тумулі). . . . .</i>	» 1819 »
9. <i>Имена (собственныя и проч.) . . . . .</i>	» 1819 »
10. <i>Нравы и обычаи, народныя преданія, баснословіе и проч. (Большая часть была сообщена И. М. Снѣгиреву въ Москвѣ) . . . . .</i>	» 1819 »
11. <i>Разныя древности. . . . .</i>	» 1819 »
12. <i>Нумизматическія разныя замѣчанія . . . . .</i>	» 1819 »
13. <i>Кавказъ . . . . .</i>	» 1816 »
14. <i>Разныя статистическія свѣдѣнія о Россіи . . . . .</i>	» 1827 »
15. <i>Для статистики Новороссійскихъ губерній. . . . .</i>	» 1827 »
16. <i>Иностранныя поселенцы въ Россіи . . . . .</i>	» 1827 »
17. <i>Судакъ . . . . .</i>	» 1827 »

Грав. Ул. Николаевский 1868 г.

справки м. Московск.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ:
ТОМЪ II, № 7.

ОТЧЕТЪ
ПО
ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ЗА 1867 ГОДЪ.

ОСТАВЛЕННЫМЪ
АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТИЧЕО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.
ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лн. № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-Петербургъ, Май 1868 г.

Непримѣнный Секретарь, Академикъ К. Весселовскій.

О Т Ч Е Т Ъ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ,

ЗА 1867 ГОДЪ.

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ 29 ДЕКАБРЯ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ
А. В. НИКИТЕНКО.

Дѣятельность Отдѣленія выражается въ трудахъ его наличныхъ членовъ, обсуживаемыхъ въ обычныхъ засѣданіяхъ его. Произведенія стороннихъ лицъ, предлагаемыя на судъ Отдѣленія, подвергаются также предварительно спеціальному разсмотрѣнію одного изъ членовъ, отчетъ коего и служитъ основаніемъ для окончательнаго о нихъ вывода въ академическомъ собраніи. Вотъ почему, имѣя честь представить благосклонному вниманію вашему, мм. гг., обзорѣніе занятій Отдѣленія за истекающій годъ, я прямо обращаюсь къ тому, что сдѣлано каждымъ изъ нашихъ сочленовъ.

Ординарный Академикъ И. И. Срезневскій продолжалъ заниматься разработкою и объясненіемъ памятниковъ Славянскаго и древне-Русскаго языковъ и литературы. Какъ часть этихъ трудовъ, онъ читалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія начало своихъ изслѣдованій о нарѣчіяхъ старо-Славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ. Между прочимъ, онъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые писаны юсовымъ письмомъ, и въ представленномъ нѣтъ по этому предмету обзорѣніи указалъ на данныя, заставляющіе

ція полагать, что и въ этихъ памятникахъ, резко отличающихся не только отъ Русскихъ, но и отъ Сербскихъ и Хорватскихъ, нельзя искать того чистаго старо-Славянскаго языка, для котораго создана азбука, и что въ нихъ видѣется особое мѣстное нарѣчіе. — Не вполне твердо установившееся и до сихъ поръ наше правописаніе побуждаетъ искать въ составѣ и образованіи языка его истинныхъ основаній. Предварительнымъ и важнымъ для этого пособіемъ должно служить историческое обозрѣніе правописанія, какое употреблялось у насъ въ прежніе вѣка. Г. Срезневскій, занявшись этимъ обозрѣніемъ, обозначилъ главныя черты древняго русскаго правописанія, какъ оно образовалось въ XI и XII столѣтіяхъ, и показалъ его видоизмѣненія въ долгій періодъ господства рукописей и въ послѣдовавшій за тѣмъ періодъ печатанія книгъ исключительно церковными буквами, когда утвердились первоначальныя основанія и привычки новаго правописанія. — По порученію Археологическаго Общества, Академикъ Срезневскій совершилъ ученую поѣздку въ Кіевъ для осмотра тамошнихъ древностей. Случаемъ этимъ онъ рѣшился воспользоваться, чтобы произвести тамъ нѣкоторыя изысканія, и до исторіи литературы относящіяся, сколько могли ему позволить время и главная задача его командировки. Съ этою цѣлію обозрѣлъ онъ богатое собраніе древнихъ рукописей, принадлежащихъ достопочтенному ученому Епископу Чигиринскому Порфирію. Собраніе это составлено преосвященнымъ во время продолжительныхъ странствованій его по Востоку. Академикъ между этими рукописями нашелъ многія чрезвычайно любопытныя по части славянской филологіи и лингвистики. — Къ дѣятельности г. Срезневскаго въ истекающемъ году принадлежитъ также разсмотрѣніе ученыхъ трудовъ, исполненныхъ сторонними лицами. Онъ представилъ свой отзывъ о сочиненіи профессора Харьковскаго университета П. А. Лавровскаго: «изслѣдованіе о коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ». Одобривъ вполне трудъ ученаго Харьковскаго профессора, Академикъ изъявилъ надежду, что авторъ окончательно подкрѣпитъ свои выводы и допол-

ннть свои изслѣдованія сравненіемъ названій родства и свойства у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ въ простомъ быту, а не въ высшемъ только кругу и литературѣ. — Академія передала на разсмотрѣніе Отдѣленію присланное ей второе изданіе словаря нѣмецко-русскаго языка г. Павловскаго, а Отдѣленіе, съ своей стороны, возложило этотъ трудъ на г. Срезневскаго. Академикъ отозвался, что словарь этотъ, предназначенный для нѣмцевъ, въ такой же мѣрѣ, если не болѣе, пригоденъ и для русскихъ, изучающихъ нѣмецкій языкъ. Онъ обработанъ весь, съ начала до конца, съ одинаковымъ тщаніемъ. Излишняго, что можно было бы пропустить, не много; немного и забытыхъ словъ. Сравнить словарь этотъ съ другими словарями, по мнѣнію рецензента, не возможно: это до сихъ поръ единственный словарь, къ которому можно обращаться съ увѣренностію, что найдемъ нужное. Г. Срезневскій заключаетъ, что если первое изданіе этого полезнаго ученаго труда заслужило въ 1856 году почетный отзывъ Академіи, то тѣмъ болѣе достойно одобренія это второе, значительно улучшенное изданіе, и конечно, въ настоящемъ своемъ видѣ, словарь г. Павловскаго имѣлъ бы полное право на Демидовскую премію, если бы таковая нынѣ существовала. — Членъ корреспондентъ Академіи В. И. Григоровичъ доставилъ г. Срезневскому нѣсколько важныхъ рукописей Юго-западнаго Славянскаго письма XII вѣка и нѣсколько другихъ славянскихъ литературныхъ памятниковъ. По разсмотрѣніи ихъ, Академикъ нашелъ въ этомъ собраніи наиболѣе замѣчательные памятники: Паремейникъ XIII вѣка, Триодъ, чрезвычайно разнообразную по содержанію, заключающую въ себѣ, между прочимъ, «канонъ отцемъ» на сыропустную субботу, гдѣ упоминается о трехъ святыхъ славянскихъ Кириллѣ Философѣ, Меодіи и Иоаннѣ Рыльскомъ, и книгу «апостольскихъ чтеній», столь же древнюю, быть можетъ, какъ и извѣстная рукопись И. И. Шафарика. Вышеки изъ этихъ памятниковъ, какъ и изъ другихъ, Академикъ предполагаетъ помѣстить въ печатаемомъ имъ сборникѣ памятниковъ юсоваго письма. — Г. Срезневскій заявилъ также

Отдѣленію объ изданіи, предпринятомъ три года тому назадъ въ Загребѣ, подъ названіемъ *Книжесеникъ*. По его мнѣнію, изданіе это включаетъ въ себѣ много любопытныхъ статей, особенно гг. Ягича, Рачскаго и Богишича по части древней Славянской филологіи и археологіи. — Имѣя въ виду сочиненія, которыя могли бы подходить въ семь году подъ правила Ломоносовской преміи, Отдѣленіе не могло не обратить вниманіе на обширный и важный трудъ двухъ нашихъ пользующихся почетною извѣстностію ученыхъ гг. Горскаго и Невоструева: «Описанія рукописей, хранящихся въ Синодальной Московской Библиотекѣ». Оно поручило г. Срезневскому вмѣстѣ съ г. Бычковымъ рассмотреть составленное ими описаніе, вслѣдствіе чего первый въ своей запискѣ въ краткомъ и ясномъ очеркѣ сперва изобразилъ всѣ предшествовавшіе труду гг. Горскаго и Невоструева, болѣе или менѣе удовлетворительные опыты описей памятниковъ нашей древней словесности, находящихся въ разныхъ книгохранилищахъ, потомъ указалъ на огромное, образцовое описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума, покойнаго знаменитаго нашего филолога Востокова и перешелъ къ сочиненію гг. Горскаго и Невоструева. Онъ отдалъ полную справедливость этому истинно ученому превосходному труду, коего началомъ и совершеніемъ наша наука обязана покровительству незабвеннаго святителя, Митрополита Московскаго Филарета, и въ заключеніи выразилъ свое убѣжденіе, что составители его заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ, кому дорога отечественная наука, и что если какое либо ученое произведеніе въ настоящее время можетъ имѣть право на Ломоносовскую премію, то это безъ сомнѣнія произведеніе гг. Горскаго и Невоструева, съ чѣмъ совершенно согласилось и Отдѣленіе.

Ординарный Академикъ Я. К. Гротъ окончилъ въ семь году печатаніе четвертаго тома сочиненій Державина, къ которому присоединилъ подробный алфавитный указатель ко всѣмъ вышедшимъ доселѣ четыремъ томамъ. Указатель этотъ будетъ служить большимъ облегченіемъ для тѣхъ, которые пожелаютъ изу-

чить Державина и эпоху его. Продолжая занятія свои по изданію Державина, онъ приготовилъ къ печати обширную переписку поэта съ разными лицами, которая, кромѣ интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ самому Державину, заключаетъ въ себѣ многія данныя для характеристики современныхъ ему лицъ. Г. Гротъ уже приступилъ къ печатанію пятого тома, куда должна войти и эта переписка.—Извѣстно, что нѣкоторое время у насъ было распространено мнѣніе, будто бы Карамзинъ, образуя новыя формы литературной рѣчи, заимствовалъ для этого образцы изъ Французскаго и Англійскаго языковъ. Для приведенія въ ясность этого понятія и установленія правильнаго взгляда на одну изъ важнѣйшихъ сторонъ литературной дѣятельности Карамзина, Академикъ Гротъ рѣшился тщательно изслѣдовать этотъ предметъ по самымъ фактамъ и пришелъ къ убѣжденію, что Карамзинъ, движимый желаніемъ, свойственнымъ таланту, излагать мысли свои изящно по примѣру знаменитыхъ писателей Англій и Франціи, не могъ довольствоваться тяжелыми оборотами тогдашней нашей литературной рѣчи и принялъ за образецъ легкую и живую конструкцію русской разговорной рѣчи; слѣдовательно тутъ вовсе не было подражанія Французскому и Англійскому синтаксису, а напротивъ господствовала настоящая русская логика языка. Академикъ изложилъ эти мысли въ сочиненіи своемъ, подъ названіемъ: *Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка*. Въ этой монографіи онъ представляетъ также любопытныя черты того, съ какими чувствованіями встрѣтили современные Карамзину писатели нововведенія его въ литературномъ языкѣ. Нѣкоторые журналы, какъ напр. издававшійся подъ редакціей Крылова и Клушина «С. Петербургскій Меркурій» и «Россійскій Магазинъ» Туманскаго весьма непріязненно отзывались о Карамзинѣ вообще и о его слогѣ, между тѣмъ какъ за него сильно подвизался Подшиваловъ въ своемъ журналѣ: «Полезное и пріятное препровожденіе времени». Подшиваловъ вообще былъ однимъ изъ жаркихъ приверженцовъ Карамзина и его реформы въ языкѣ. Въ составленномъ имъ «сокращенномъ курсѣ русскаго слога» онъ

видимо старается приблизить теоретическія свои положенія къ новымъ воззрѣніямъ на литературный языкъ и слогъ, вытекающимъ изъ опытовъ Карамзина. Такимъ образомъ монографія Академика Грота служитъ къ уясненію нѣкоторыхъ важныхъ явленій въ исторіи нашего языка и литературы въ концѣ прошедшаго столѣтія. — По порученію Отдѣленія тотъ же академикъ разсматривалъ изданный г-мъ Макаровымъ русско-французскій словарь. Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ этомъ трудѣ, г. Гротъ находитъ, что онъ удовлетворяетъ большей части требованій, существующихъ для изданій подобнаго рода, и что, вслѣдствіе этого, онъ долженъ сдѣлаться надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучить одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другаго. Особенно онъ будетъ нуженъ при переводахъ съ русскаго языка на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Академикъ Пекарскій, занимаясь разработкою матеріаловъ для исторіи Академіи, привелъ въ извѣстность многія любопытныя данныя, извлеченныя имъ изъ ея архивовъ. Плодомъ этихъ изысканій было, между прочимъ, напечатанное, по опредѣленію Отдѣленія, сочиненіе: «Жизнь и Литературная переписка Петра Ивановича Рычкова». Рычковъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей прошедшаго столѣтія. Онъ родился съ рѣшительнымъ призваніемъ къ наукѣ, и только крайній недостатокъ тогдашнихъ способовъ образованія былъ причиною, что онъ не сдѣлался ученымъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Находясь на службѣ въ Оренбургскомъ краѣ, онъ все время, оставившееся ему отъ служебныхъ занятій, посвящалъ умственнымъ трудамъ и изученію естественныхъ произведеній страны, промышленности и вообще всего, что относилось до исторіи и этнографіи. Его «топографическое описаніе» Оренбургскаго края вмѣстѣ со статьями, какія посылалъ онъ въ находившееся подъ редакціей Академика Миллера періодическое изданіе: «Ежемѣсячныя сочиненія», приобрѣло ему уваженіе Академіи и званіе ея члена-корреспондента. Знаменитый исторіографъ Миллеръ находился въ по-

стоянныхъ дружественныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Академикъ Лепехинъ и Палласъ, во время ученаго ихъ путешествія по Россіи, при посѣщеніи Оренбургскаго края, пользовались его указаніями и свѣдѣніями. Это-то достопримѣчательное лице, представлявшееся смутно и неясно въ исторіи нашей литературы, по недостатку положительныхъ о немъ свѣдѣній, съ помощію изданной Академикомъ Пекарскимъ монографіи, является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, какъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ русскихъ дѣятелей въ моментъ едва только пробудившейся у насъ высшей мысли и знанія. Кромѣ свѣдѣній, относящихся непосредственно къ Рычкову, въ сочиненіи г. Пекарскаго находится много любопытныхъ подробностей вообще о ходѣ нашего образованія и нравахъ эпохи.—Въ засѣданіяхъ Отдѣленія онъ читалъ свою записку «о редакторахъ, сотрудиникахъ и ценсурѣ русскихъ журналовъ въ 1764 и 1765 годахъ», основанную на добытыхъ имъ въ Академическомъ архивѣ данныхъ, особенно относящихся къ первому русскому ученому журналу, который былъ издаваемъ при Академіи Наукъ Академикомъ Миллеромъ, подъ названіемъ, какъ выше упомянуто, «Ежемѣсячныя сочиненія». Здѣсь г. Пекарскій, между прочимъ, открылъ слѣды участія разныхъ сотрудиниковъ изданія, которые оставались въ безвѣстности, а между тѣмъ они трудились въ свое время много и добросовѣстно для пользы зарождавшихся въ Россіи науки и литературы. Академикъ вообще весьма справедливо полагаетъ, что обязанность исторіи воскрешать въ памяти потомковъ имена людей, не пользовавшихся громкою извѣстностію, но тѣмъ не менѣ бывшихъ значительными органами умственнаго движенія въ свое время. Въ названной нами монографіи его находятся также нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могутъ служить матеріаломъ для исторіи цензуры въ Россіи—исторіи, безъ сомнѣнія, весьма важной не только въ отношеніи къ литературѣ, но и въ отношеніи къ ходу всего нашего образованія. Занимаясь, какъ я имѣлъ честь сказать выше, приготовленіемъ матеріаловъ къ исторіи Академіи, г. Пекарскій въ истекающемъ году окончилъ разборъ прежнихъ ака

дешифровочныхъ дѣлъ въ 322-хъ фоліантахъ, обнимающихъ періодъ времени отъ 1726 по 1765 годъ. Затѣмъ оставалось приступить къ изученію отдѣльныхъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ изъ исторіи Академіи, о которыхъ сохранились въ дѣлахъ болѣе или менѣе любопытныя подробности. Изъ этихъ эпизодовъ нѣкоторые окончательно обработаны, напр. слѣдствіе о поступкахъ Академическаго Совѣтника Шумахера и о борьбѣ его съ Академиками за присвоеніе себѣ чрезмѣрной власти по управленію Академіи. Въ настоящее время г. Пекарскій занимается изученіемъ актовъ для описанія извѣстной, но исторически неразработанной Камчатской экспедиціи. Она продолжалась десять лѣтъ; въ ней участвовало пять членовъ Академіи, и результаты, достигнутые четырьмя изъ нихъ, высоко цѣнятся въ исторіи наукъ, и особенно въ области естествознанія. Несмотря на это, на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ бы хотя вкратцѣ было изложено все то, что приобрѣтено наукою въ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательномъ ученomъ путешествіи. Найдя въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ для описанія его, много характеристическихъ подробностей о бытѣ русскихъ и инородцевъ Восточной Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, Академикъ предпринялъ, независимо отъ исторіи Академіи, составить особую монографію, которая будетъ заключать въ себѣ сводъ всего, что можетъ касаться исторіи и этнографіи названныхъ странъ. Наконецъ, къ трудамъ г. Пекарскаго въ нынѣшнемъ году принадлежитъ его разборъ сочиненія г. Чистовича: «Феофанъ Прокоповичъ». Сочиненіе это прежде было уже на разсмотрѣніи г. Пекарскаго, который, признавая его достоинство, положилъ однако возвратитъ автору для исправленія и пополненія нѣкоторыхъ мѣстъ. Авторъ воспользовался замѣчаніями рецензента и представилъ Академіи въ нынѣшнемъ году свой трудъ на соисканіе Уваровской преміи. Г. Пекарскій одобрилъ его, вслѣдствіе чего Академія присудила автору Уваровскую награду. Къ рецензіи своей академикъ присоединилъ нѣкоторые, имъ самымъ добытые факты и свои изслѣдованія, относящіяся къ Тео-

фану Прокоповичу и его времени. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ письмо Теофана къ Архіепископу Кіевскому, бывшему впоследствии Митрополитомъ, Рафаилу Заборовскому, о причинахъ крайняго упадка школъ Кіевского братскаго монастыря. Причины эти, заключавшіяся въ небреженіи и своекорыстіи ближайшихъ распорядителей монастырскимъ имуществомъ, были очень хорошо извѣстны знаменитому Іерарху, во время его ректорства въ Кіевской Академіи, и онъ изображаетъ ихъ въ своемъ письмѣ со свойственными ему остроуміемъ и силою слова. Вообще памятникъ этотъ можетъ служить весьма полезнымъ матеріаломъ какъ для біографіи и характеристики Теофана, такъ и общественныхъ нравовъ. Любопытны также приведенные г. Пекарскимъ документы о совращеніи въ царствованіе Анны Іоанновны въ католичество княгини Ирины Долгорукой, свидѣтельствующіе о томъ, какъ ревностно и искусно католическая и иезуитская пропаганда пользовалась издавна всякимъ случаемъ, при свободномъ доступѣ иностранцевъ въ Россію, дѣйствовать на слабые умы нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ и отторгать ихъ отъ православія.

Академикъ А. Ѡ. Бычковъ, осматривая лѣтомъ нынѣшняго года, по порученію Археографической Коммиссіи, бібліотеку Ярославскаго Спасскаго монастыря, ознакомился съ богатымъ собраніемъ рукописей, въ ней хранящихся. Всѣхъ рукописей, по его исчисленію, находится въ ней 204, изъ которыхъ 13 писаны на пергаментѣ, а остальные на бомбицинѣ и бумагѣ. Между первыми болѣе замѣчательныя: 1) псалтырь XIII вѣка, уставомъ на 177-ти листахъ, 2) слова Никона Черногорца, также XIII вѣка, полууставомъ въ два столбца разныхъ почерковъ, 262 листа; переводъ ихъ и грамматическій составъ языка значительно отличаются отъ перевода и языка этихъ же словъ въ рукописяхъ XV вѣка. Изъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ, обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) Іоаннъ Лѣствичникъ, уставомъ XVII вѣка; въ концѣ ея помѣщено: «толкованіе неудобъ познаваемымъ писаннымъ рѣчемъ, понеже положени суть рѣчи въ книгахъ отъ

начальныхъ переводчикъ ово словенски, ино сербски, а другая болгарски и гречески». 2) Два другіе списка того же Іоанна Лѣствичника тоже любопытны по разницѣ лицъ, ихъ писавшихъ, и мѣстъ, гдѣ они написаны; 3) Патерикъ печерскій и нѣкоторыя другія. Тотъ же академикъ представилъ копію съ письма Оленина Державину о разговорѣ перваго съ Императоромъ Александромъ I по поводу перваго представленія на театрѣ трагедіи Озерова: *Эдитъ въ Афинахъ*, и читалъ записку свою о нѣкоторыхъ рукописяхъ съ подлинными и подправленными приписками Салакадзева. По поводу вопроса объ удостоеніи сочиненій Ломоносовскою преміей, г. Бычковъ, разсматривавшій вмѣстѣ съ Академикомъ Срезневскимъ описаніе Славянскихъ рукописей гг. Горскаго и Невоструева, представилъ и свое мнѣніе. Оба Академика пришли къ одинаковому результату, т. е., что трудъ гг. Горскаго и Невоструева, какъ трудъ высокаго ученаго достоинства, заслуживаетъ вполне награду Ломоносовскою преміей. Г. Бычковъ указалъ въ особенности на нѣкоторыя подробности въ немъ, изъ которыхъ видно, съ какою тщательностію и съ какимъ глубокимъ знаніемъ дѣла они объяснили все, что относится къ содержанію и значенію для нашей науки и литературы памятниковъ, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, такъ что ихъ трудъ будетъ служить необходимымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося исторіей нашей вообще и исторіей словесности.— Г. Бычковъ, въ продолженіе истекающаго года, занимался также редакціей Бѣлорусскаго словаря Носовича и наблюденіемъ за его печатаніемъ.

Въ Бозѣ почившій Митрополитъ Московскій Филаретъ, до конца дней своихъ не переставая принимать дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ церковныхъ и общественныхъ событіяхъ, сопровождалъ нѣкоторыя изъ нихъ краснорѣчивымъ изліяніемъ своихъ чувствованій. Такъ онъ выразилъ свои человѣколюбивыя христіанскія воззрѣнія по поводу подписки въ пользу бѣдствующихъ Крѣтянъ; потомъ онъ написалъ и напечаталъ: всеподданнѣйшее письмо въ день торжественнаго вшествія 22 апрѣля въ Москву Го-

сударя Императора съ Государемъ Цесаревичемъ и съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Замѣчательна также его рѣчь 5 августа, въ день совершившагося пятидесятилѣтія въ его святительскомъ служеніи, предъ собраніемъ, привѣтствовавшимъ его съ этимъ днемъ. За тѣмъ были написаны и много отвѣтныя посланія на поздравительныя адреса, присланные къ нему отъ разныхъ мѣстъ и лицъ по поводу празднованія также пятидесятилѣтія.

Преосвященный Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій Макарій:

1) пересмотрѣлъ, исправилъ, въ иныхъ мѣстахъ дополнилъ, а въ другихъ сократилъ и напечаталъ вторымъ изданіемъ свой трудъ — исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго Князя Владиміра, какъ введеніе въ свою исторію русской церкви;

2) пересмотрѣлъ, исправилъ и напечаталъ вторымъ изданіемъ три первые тома самой этой исторіи;

3) напечаталъ третьимъ изданіемъ Православное Догматическое Богословіе въ 2-хъ томахъ.

4) издалъ нѣсколько новыхъ «словъ и рѣчей», и между прочимъ, рѣчь по случаю чудеснаго спасенія жизни Государя Императора въ 25-й день мая;

5) занимался продолженіемъ «исторіи русской церкви» въ періодъ раздѣленія ея на двѣ митрополіи, съ половины XV до конца XVI вѣка.

Академикъ М. П. Погодинъ издалъ:

1) Историко-критическихъ опытовъ 2-ю часть,

2) собраніе разсужденій о польскомъ вопросѣ съ 1831 по 1867 годъ,

3) издавалъ политическую и литературную газету; «Русскій»,

4) оканчиваетъ печатаніе Древней Русской Исторіи.

Сверхъ того приготавливаетъ къ изданію описаніе совершеннаго имъ путешествія по разнымъ странамъ Европы и ко святымъ мѣстамъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ посѣтили С. Петербургъ представители раз-

ныхъ Славянскихъ племенъ проѣздомъ на Московскую этнографическую выставку. 11 мая нашею церковію празднуется день знаменитыхъ преподобныхъ первоучителей Славянскихъ, Кирилла и Меодія. Славянскіе гости, между коими были и члены-корреспонденты нашей Академіи гг. Палацкій и Эрбенъ, отслушавъ литургію въ Исаіевскомъ Соборѣ, пожелали обозрѣть академическіе музеумы и кабинеты, и какъ въ тотъ же день должно было происходить въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности обыкновенное очередное засѣданіе, то они и были приглашены въ него. Въ присутствіи ихъ засѣданіе было открыто краткимъ объясненіемъ Академика Грота о значеніи собранія. Потомъ Академикъ Срезневскій обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на нѣкоторыя особенно замѣчательныя вновь вышедшія Западно-Славянскія и Русскія книги, какъ то: К. Я. Эрбена, «Лѣтопись Нестора» въ Чешскомъ переводѣ, В. Дювернуа «объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи», «Славянскій именованіе» священника Морошкина, В. Макушева: «Задунайскіе Адриатическіе Славяне» и нѣкоторыя другія. Г. Срезневскій обозначилъ кратко ихъ содержаніе и указалъ на значеніе ихъ въ кругу Славянской науки. Затѣмъ г. Гротъ представилъ собранію только что вышедшій томъ сочиненій Державина, причемъ для Славянскихъ посѣтителей объяснилъ въ краткихъ словахъ какъ значеніе вообще Державина въ нашей литературѣ, такъ и необходимость полнаго изданія его сочиненій съ примѣчаніями и приложеніями.

19 Декабря совершилось столѣтіе со дня рожденія покойнаго знаменитаго нашего ученаго и Іерарха, Евгенія Болховитнинова. Одаренный умомъ въ высшей степени любознательнымъ и проныцательнымъ, одушевленный жаркою любовію къ христіанскому и научному просвѣщенію своего отечества, этотъ мудрый святой, въ продолженіе всей своей жизни, дѣлилъ труды свои между заботами объ управленіи ввѣренною ему паствою и отечественною наукою и оказалъ послѣдней важныя услуги своими историческими и критическими изысканіями. Имя высокопреосвя-

ценнаго Евгенія по многимъ вопросамъ знанія въ этомъ родѣ приобрѣло значительный авторитетъ въ кругу ученыхъ и занимаетъ въ немъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Поэтому Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, питая глубокое уваженіе къ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые своими трудами содѣйствовали утвержденію въ отечествѣ нашемъ строгаго научнаго образованія, вознамѣрилось день рожденія святителя, по истеченіи столѣтія, ознаменовать особеннымъ чрезвычайнымъ засѣданіемъ. Засѣданіе это почтили своимъ присутствіемъ гг. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Президентъ Академіи и нѣкоторые изъ почетныхъ членовъ ея и членовъ корреспондентовъ. Здѣсь были прочтаны рѣчи, приготовленныя Академиками Срезневскимъ, Гротомъ и Бычковымъ. Г. Срезневскій опредѣлилъ ученія заслуги митрополита Евгенія, и систематически обзрѣвъ его сочиненія, прочиталъ отрывки изъ любопытной переписки его съ бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета, Городчаниновымъ. Г. Гротъ изобразилъ эпизодъ изъ жизни покойнаго архипастыря, относящійся къ знакомству его съ Державиннымъ, съ которымъ, какъ извѣстно, онъ былъ постоянно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Тотъ же Академикъ передалъ нѣсколько свѣдѣній, изъ коихъ видно, между прочимъ, какими вѣрными и ясными понятіями и воззрѣніями отличался ученый митрополитъ даже въ отношеніи къ изящной литературѣ, и какъ Державинъ нерѣдко пользовался его совѣтами. Академикъ Бычковъ исключительно обратилъ вниманіе собранія на извѣстные, составленные Евгениемъ два словаря русскихъ писателей и сообщилъ также нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этомъ важнѣйшемъ изъ его ученыхъ трудовъ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности въ истекающемъ году понесло горестныя утраты — смерть похитила нѣсколько лицъ изъ среды нашей. — Въ хронологическомъ порядкѣ печальныхъ событій, мнѣ предстоитъ прежде всего грустная обязанность заявить передъ вами о смерти достойнаго нашего сочлена, экстраординарнаго Академика, Петра Спиридовича Биляр-

скаго. Это былъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ и просвѣщенныхъ труженниковъ науки, которые всѣ свои силы посвящаютъ изысканіямъ, пролагающимъ путь въ святилище ея истинъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства житейскія, при самомъ началѣ его дѣятельности, отвлекали его отъ занятій, близкихъ сердцу и наиболѣе соответствовавшихъ его способностямъ. Билярскій родился 1819 года. Окончательное образованіе онъ получилъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ и былъ удостоенъ степени кандидата въ 1838 году; въ 1840 году онъ уволенъ изъ духовнаго вѣдомства для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Службу свою началъ онъ съ 1844 года въ Комитетѣ Правленія Академіи Наукъ въ званіи канцелярскаго чиновника 1-го разряда. Отсюда въ 1850 году онъ перешелъ въ Правительствующій Сенатъ и занялъ въ немъ мѣсто протоколиста общаго собранія. Все время, остававшееся ему отъ службы, онъ употреблялъ для ученыхъ изслѣдованій, занимавшихъ его умъ еще въ высшихъ курсахъ академическаго ученія, и такимъ образомъ онъ не прерывалъ союза своего съ наукою, съ которою соединяли его природныя влеченія духа. Усилія, однако, соединить въ своей дѣятельности столь разнородныя задачи, какъ канцелярская работа и наука, не обошлись безъ вредныхъ для него послѣдствій—отъ этого значительно потерпѣло его здоровье, которымъ онъ и впослѣдствіи не наслаждался вполне. Только со вступленіемъ его въ должность члена учебнаго комитета по военно-учебнымъ заведеніямъ, въ 1856 г. начинается болѣе благопріятный періодъ въ его жизни. Онъ получилъ возможность сосредоточить и время и способности свои въ предметахъ, всегда занимавшихъ его мысли. Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, покойный Я. И. Ростовцевъ, умѣлъ вполне понять и оцѣнить и обширность познаній Билярскаго, и свѣтлый умъ его, и готовность ревностно содѣйствовать образованію молодыхъ людей. По его избранію, онъ сдѣланъ былъ главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ по части русскаго языка и словесности. Билярскій вполне оправдалъ оказанное ему довѣріе. Лица, дѣйствовавшія

въ качествѣ наставниковъ подъ наблюдениемъ и руководствомъ его, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ было важно и благодѣтельно вліяніе его на ихъ труды и вообще на ходъ преподаванія русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ старался утвердить это преподаваніе на твердыхъ началахъ. Извѣстно, что въ этой области ученія возникло-было у насъ ложное направленіе, въ силу котораго, подъ предлогомъ развитія въ юношахъ самостоятельнаго мышленія, многое предоставлялось ихъ произволу и случайному набѣгу идей. Особенно это ослабленіе правилъ и умственной дисциплины вредно отражалось на практическихъ упражненіяхъ молодыхъ людей, которые, дѣйствуя безъ правильной методы, привыкали, какъ говорится, идти куда глаза глядятъ и не давать себѣ отчета ни въ ходѣ своихъ мыслей, ни въ выраженіи ихъ. Биларскій твердо противопоставлялъ этому умственному своеволю строгость систематическаго изученія; онъ требовалъ притомъ, чтобъ анализъ фактовъ языка и словесности подчинялся правиламъ, и разумную, на психологическихъ и историческихъ данныхъ основанную теорію, по справедливости, считать необходимымъ условіемъ основательнаго литературнаго образованія.

Несмотря на вѣдшія препятствія, затруднявшія ученую дѣятельность Биларскаго, она не могла не обратить на себя вниманія людей науки. Труды его были признаны достойными академическаго званія, и онъ былъ въ 1860 году избранъ сперва въ адъюнкты Академіи Наукъ, по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а потомъ, въ 1863 году, произведенъ въ экстраординарные академики. Съ тѣмъ вмѣстѣ на него была возложена обязанность члена въ комитетѣ академическаго правленія. Но Биларскій уже чувствовалъ такое истощеніе силъ, которое требовало серіозныхъ заботъ о жизни. Думая поправить свое здорье въ болѣе благоприятномъ климатѣ, онъ принялъ предложенное ему мѣсто ординарнаго профессора по кафедрѣ русской словесности въ новооткрытомъ университетѣ въ Одессѣ, куда и отправился 1865 года. Но не долго легѣла его надежда возстановить

утраченныя силы: къ общему сожалѣнію, послѣ продолжительной болѣзни, онъ скончался 2-го минувшаго января.

Ученые труды Билярскаго посвящены были языковѣднѣю и преимущественно изслѣдованіямъ по части языка древне-славянскаго. Многія статьи его были помѣщаемы въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія», коего долгое время онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ. Въ числѣ этихъ статей, особенное вниманіе обратили на себя критическіе разборы сочиненій Миклошича и Ганки. Въ 1847 году онъ напечаталъ свое замѣчательное произведеніе о *средне-болгарскомъ евангеліи*. Точныя изслѣдованія привели его къ выводу, что для славянской филологіи необходимо изученіе языка болгарскихъ рукописей и что съ этимъ изученіемъ тѣсно связано изясненіе историческаго хода, не только болгарскаго, но и церковно-славянскаго языка. Затѣмъ Билярскій издалъ свои историко-филологическія изслѣдованія о *реймскомъ Евангеліи*, гдѣ онъ критически оцѣниваетъ все, что было писано объ этомъ древнемъ и знаменитомъ памятникѣ славянской письменности. Академія увѣнчала этотъ превосходный трудъ Демидовскою наградой. Задачу языковѣднѣя Билярскій понималъ въ обширномъ и глубокомъ значеніи: отъ историческо-сравнительныхъ изслѣдованій объ элементахъ языка онъ обращался къ первоначальнымъ общимъ его условіямъ. Чтобы усвоить этотъ способъ изученія нашей литературѣ, онъ перевелъ на отечественный языкъ знаменитое твореніе В. Гумбольдта о *различіи организма челоуческаго слова*, и издалъ его въ 1859 году. Кромѣ важности своего содержанія, эта книга имѣетъ для нашей литературы еще то особенное значеніе, что представляетъ прекрасный образецъ точнаго и искусстваго изложенія на русскомъ языкѣ самыхъ утонченныхъ философскихъ понятій. Кто знаетъ, какъ трудно передавать на нашемъ языкѣ подобныя понятія, заимствованныя изъ нѣмецкой науки, тотъ отдастъ полную справедливость Билярскому, успѣвшему побѣдить всѣ предстоящія ему трудности. Послѣдній ученый трудъ, совершенный имъ съ обычнымъ его знаніемъ и рвеніемъ, было собраніе матеріаловъ

для біографіи Ломоносова, извлеченныхъ изъ академическихъ архивовъ и изданное ко дню празднованія Ломоносовскаго столѣтняго юбилея. Всѣ, занимающіеся исторіей русской словесности, оцѣнили по достоинству этотъ огромный сборникъ, представляющій многія любопытныя данныя не только для біографіи Ломоносова, но и вообще для исторіи нашего образованія въ прошедшее столѣтіе.

Второю жертвою смерти въ кругу нашемъ былъ Н. И. Гречъ, членъ-корреспондентъ Академіи по Отдѣленію русскаго языка и словесности, скончавшійся 12-го января. Гречъ принадлежалъ у насъ къ числу дѣятелей умственной среды, которые не пролагаютъ новыхъ путей въ области науки или искусства, но которыхъ дарованія и труды освѣщаютъ, такъ сказать, пути уже открытые и помогаютъ другимъ идти по нимъ поступью надежною и твердою. Они въ то же время оказываютъ обществу ту неоцѣненную услугу, что, служа ревностно интересамъ литературы, мысли, знанія, тѣмъ связываютъ его тѣсно съ высшими задачами гражданственности. Общество нуждается въ этихъ людяхъ точно также, какъ оно нуждается въ просвѣщенныхъ и честныхъ сановникахъ, не имѣющихъ власти устанавливать новые законы для государства, но твердо соблюдающихъ законы, какіе уже установлены и искусною рукою приводящихъ въ движеніе пружины народной безопасности и благоденствія. Посвятивъ жизнь свою высокимъ цѣлямъ отечественной образованности. Н. И. Гречъ сочувствовалъ глубоко всѣмъ ея требованіямъ, а для нѣкоторыхъ былъ незамѣнимымъ, просвѣщеннымъ труженникомъ и руководителемъ. Педагогъ, публицистъ, журналистъ, лингвистъ, писатель, подававшій постоянно примѣръ чистоты и правильности отечественнаго языка, для которыхъ былъ заботливымъ хранителемъ и уважаемымъ авторитетомъ въ литературѣ, онъ, въ то же время, являлся или участникомъ, или начинателемъ то того, то другаго дѣла, обѣщавшаго полезныя умственные результаты.

Н. И. Гречъ родился въ С.-Петербургѣ 3-го августа 1787 года. Одинъ изъ предковъ его, славянинъ чешскаго происхожденія, въ началѣ XVII столѣтія искалъ въ Россіи убѣжища отъ преслѣдованій католическаго духовенства и такимъ образомъ сдѣлался родоначальникомъ русской фамиліи Гречей. Дѣдъ Николая Ивановича получилъ высшее образованіе въ университетахъ марбургскомъ и лейпцигскомъ. Поступивъ на службу въ Россію, онъ былъ сперва учителемъ въ митавской гимназіи, потомъ инспекторомъ классовъ въ с.-петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ и, наконецъ, удостоенъ былъ званія преподавателя всеобщей исторіи наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу и супругѣ его великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Отецъ Н. И. служилъ нѣсколько времени секретаремъ въ Сенатѣ, и умеръ въ отставкѣ, оставивъ семейство свое въ крайней бѣдности. Начальное воспитаніе, всегда служащее основаніемъ нравственнаго характера человѣка, Гречъ получилъ въ домѣ родительскомъ подъ руководствомъ умной и заботливой матери, а первоначальныя познанія въ наукахъ—въ юнкерской школѣ при Сенатѣ для образованія гражданскихъ чиновниковъ. Стремленіе къ дальнѣйшему умственному развитію побудило его, по окончаніи курса въ юнкерской школѣ, искать мѣста не для службы, а для приобрѣтенія знаній, соответствующихъ его внутреннему призванію и способностямъ. Онъ рѣшился слушать лекціи въ педагогическомъ институтѣ, преобразованномъ потомъ въ с.-петербургскій университетъ. Но тутъ встрѣтила его тяжкая борьба, большею частію постигающая людей даровитыхъ какъ бы для испытанія ихъ силъ и для показанія, что превосходство, какимъ они надѣлены отъ природы надъ людьми обыкновенными, даромъ не дается—это была встрѣча съ бѣдностію. Гречъ долженъ былъ учиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только заботиться о своемъ содержаніи, но и помогать своему семейству. Въ свободное отъ институтскихъ лекцій время онъ давалъ частныя уроки. Юношескіе его годы такимъ образомъ протекли въ школѣ науки и въ школѣ нужды. Съ 1806 года началась его служебная карьера въ званіи канцеляр-

скаго служителя с.-петербургскаго ценсурнаго комитета, гдѣ вскорѣ онъ былъ сдѣланъ секретаремъ. Такъ-какъ главною задачей его жизни были наука и литература, то и въ службѣ онъ старался избирать должности, имѣвшія съ ними соприкосновеніе. Такимъ образомъ онъ былъ учителемъ русской словесности въ главномъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра (съ 1809 по 1813 годъ), смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ, потомъ старшимъ учителемъ гимназіи (съ 1813 по 1817 годъ). Въ 1819 году, по волѣ въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, онъ учредилъ классы въ с.-петербургскомъ и гатчинскомъ воспитательныхъ домахъ, и вскорѣ затѣмъ ввелъ систему взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера между нижними чинами гвардейскаго корпуса; въ 1842 и 1843 годахъ преподавалъ русскую словесность въ пажескомъ корпусѣ. Впродолженіе своей служебной дѣятельности въ кругу народнаго образованія, Гречъ участвовалъ въ дѣлахъ и по другимъ вѣдомствамъ — въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ, состоя при министерствѣ, основалъ и издавалъ журналъ этого министерства съ 1829 по 1831 годъ, въ министерствѣ финансовъ, въ которомъ съ 1836 по 1843 годъ находился въ качествѣ члена общаго присутствія по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли. Здѣсь съ успѣхомъ было исполнено имъ порученіе осмотрѣть за границей разныя техническія учебныя заведенія, за что и былъ онъ удостоенъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Незадолго до своей кончины онъ состоялъ членомъ ученаго комитета по министерству народнаго просвѣщенія, а по увольненіи изъ него, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, съ производствомъ его въ тайные совѣтники.

Для Академіи преимущественно важны его литературные и ученые труды. Здѣсь личность Греча является уже въ томъ значеніи, въ какомъ предстоитъ ей занять мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія и образованности. Оцѣнка подобныхъ трудовъ опредѣляется болѣе всего потребностями времени, которыми они были вызваны и важностію, какою для него имѣли. Каждая эпоха пред-

лагаетъ свои задачи; честное и разумное содѣйствіе къ ихъ рѣшенію исторія принимаетъ съ благоволеніемъ и потомство не отказывается въ справедливости передовымъ умамъ, подвизавшимся въ этомъ смыслѣ. Они видятъ въ этомъ не только удовлетвореніе потребностямъ времени, но и необходимое подготовленіе успѣховъ будущаго. Одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ въ литературной дѣятельности Греча былъ основаніе въ 1812 году и изданіе журнала «Сынъ Отечества». Годъ этотъ, какъ извѣстно, былъ высокознаменательнымъ, роковымъ моментомъ въ нашей исторіи—это былъ какъ бы моментъ испытанія, которому Провидѣнію угодно было подвергнуть народъ русскій для пріобрѣтенія права быть народомъ великимъ. Государству угрожала утрата политической самобытности. Для спасенія ея недостаточно было привести въ движеніе весь механизмъ государственнаго управленія; надлежало явиться на сцену народному духу съ его возбужденною непоколебимою преданностію къ вѣрѣ, престолу и отечеству—и ему надлежало сосредоточиться въ одной нераздѣльной силѣ, въ силѣ общественнаго мнѣнія, значеніе и важность котораго познаются особенно въ рѣшительныя минуты и которое оказывается тогда могучимъ, ничѣмъ не замѣнимымъ дѣятелемъ. Но общественному мнѣнію нуженъ органъ — печатное повсюду распространяющееся слово, и въ XII году этимъ органомъ было основанное Гречемъ періодическое изданіе. Замѣчательнъ поводъ, по которому дано ему названіе. Предпріятіе Греча встрѣтило всеобщее горячее сочувствіе во всѣхъ лучшихъ кругахъ петербургскаго общества. Надлежало немедленно приступить къ его осуществленію; но издатель былъ въ недоумѣніи, какъ ему назвать свой трудъ. Въ это время Николаю Ивановичу сообщили горестную вѣсть, что братъ его, служившій въ арміи, получилъ тяжелую рану и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ со словами на устахъ: «благодареніе Богу! я умираю, какъ сынъ отечества». Пусть же, сказалъ Гречъ, изъ этихъ благородныхъ словъ будетъ извлечено и имя для новаго изданія, посвященнаго отечеству. Изданіе это имѣло въ свое время блистательный успѣхъ. Тутъ на-

ходили себѣ мѣсто выраженія высокихъ патріотическихъ чувствованій, одушевлявшихъ всѣ сословія, и общество получало возможность слѣдить за ходомъ чрезвычайныхъ событій эпохи, поддерживая, вмѣстѣ съ тѣмъ, свою связь и нравственное единство съ движеніемъ нашихъ побѣдоносныхъ военныхъ силъ. Литераторъ тогдашняго времени не могъ посвятить своей дѣятельности предмету, болѣе достойному и общеплезному, и Гречъ исполнилъ свое дѣло съ одушевленіемъ и ревностію, соотвѣтственными важности его. По окончаніи гигантской борьбы съ Наполеономъ, журналъ «Сынъ Отечества» не переставая слѣдить за современною политикою, съ 1815 года сдѣлался преимущественно литературнымъ. Онъ не проводилъ никакого особеннаго, или новаго умственнаго направленія, но отличался весьма удачнымъ и искуснымъ выборомъ статей, какой только возможенъ былъ въ тогдашнемъ состояніи нашей литературы. Важную часть въ немъ составляла современная библиографія съ изложеніемъ содержанія вновь выходившихъ сочиненій и краткими, но болѣею частію умными и мѣткими критическими замѣчаніями. Здѣсь Гречъ особенно наблюдалъ за неприкосновенностію духа и законовъ русскаго языка. При этомъ не излишнимъ нахожу упомянуть, что часть дохода, доставляемаго журналомъ, Гречъ жертвовалъ на воспитаніе одного изъ сиротъ, отецъ коего убитъ былъ въ войну XII года. Еще въ 1866 году оставалось отъ этого гречевскаго капитала 4399 рублей, какъ то видно изъ отчета по комитету раненыхъ.

Въ 1834 году въ обществѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ родилась мысль объ изданіи «Энциклопедическаго Лексикона». Мысль эта, пробѣжавъ во многихъ умахъ, по обширности своей и трудности исполненія, вѣроятно разрѣшилась бы одними добрыми желаніями, еслибы Гречъ не принялъ ее къ сердцу со свойственною ему горячностію. Сильнымъ вліяніемъ своимъ на тогдашнія литературныя дѣла, онъ далъ ей характеръ серьезнаго предпріятія; онъ вошелъ въ сношеніе съ бывшимъ держателемъ типографіи Плюшаромъ, который принялъ на себя

изданіе будущаго Лексикона. На призывъ Греча отозвались съ живѣйшимъ сочувствіемъ всѣ тогдашніе дѣтели науки и литературы. Богѣе ста человекъ собралось ихъ у него, и въ этомъ собраніи рѣшено было, испросивъ разрѣшеніе правительства, приступить немедленно къ приготовительнымъ работамъ. Главнымъ редакторомъ единогласно былъ избранъ Гречъ; всѣ предметы, входившіе въ составъ Лексикона, раздѣлены были на разряды, и каждый изъ разрядовъ, по общему соглашенію, былъ ввѣренъ особому редактору. Едвали когда-нибудь въ литературѣ нашей являлось столько одушевленія и единодушной готовности на общее дѣло, какъ въ этотъ замѣчательный моментъ изданія Энцикл. Лексикона. Есть еще живые свидѣтели прошедшаго, которые могутъ подтвердить, съ какою энергіей, добросовѣстностію и знаніемъ занимался Гречъ этимъ громаднымъ дѣломъ; онъ былъ и душою и главнымъ его двигателемъ. Работы по Лексикону быстро подвигались впередъ, публика доказывала ему полное вниманіе и сочувствіемъ, и подпискою, которая возрасла до такихъ размѣровъ, до какихъ она никогда у насъ не доходила въ подобныхъ случаяхъ, именно до 7,000 подписчиковъ, уже при самомъ началѣ изданія. Къ сожалѣнію, Гречу не суждено было продолжать и довершить постройку этого зданія науки, которое должно было послужить прекраснымъ памятникомъ учено-литературной дѣятельности своего времени. Возникшія вскорѣ недоразумѣнія между редакціей и издателемъ, и надобно сказать по совѣсти, не по винѣ первой, положили преграду благородному и общеплезному начинанію при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ успѣха. На седьмомъ томѣ Гречъ принужденъ былъ, несмотря на оказанныя имъ услуги дѣлу, отказаться отъ званія главнаго редактора; съ нимъ большая часть участниковъ прекратила также свою дѣятельность—и хотя послѣ того издано было еще нѣсколько томовъ, но, утративъ главныя силы свои, Лексиконъ, наконецъ, долженъ былъ прекратиться къ общему сожалѣнію.

Этотъ печальный опытъ не охладилъ усердія Греча къ подобнымъ трудамъ. Въ 1835 году генералъ баронъ Зеделеръ,

приобрѣвшій почетную извѣстность какъ ученый специалистъ въ предметахъ, касающихся военныхъ знаній и исторіи, рѣшился, въ сотовариществѣ съ Гречемъ, издать военный Энциклопедическій Лексиконъ. Гречъ принялъ на себя редакцію по литературной части. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ несъ на себѣ эти новые труды, не оставляя прочихъ литературныхъ занятій; Лексиконъ, при настойчивости и любви къ дѣлу барона Зеделера и ревностномъ содѣйствіи Греча, былъ доведенъ до конца.

Съ 1825 года Гречъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ, началъ издавать литературно-политическую газету «Сѣверную Пчелу». Извѣстно, что газета эта долгое время была у насъ единственнымъ источникомъ свѣдѣній о современной общественной жизни, имѣла огромный кругъ читателей и вообще пользовалась большою благоклонностью публики.

Изящная словесность во вторую мнувшую четверть вѣка сильно занимала собою и общество, и писателей. Это эстетическое расположеніе умовъ протекло свѣтлою струей въ исторіи нашей интеллектуальной жизни и не осталось безъ благотворныхъ для ней послѣдствій. Такіе писатели, какъ Жуковский, Крыловъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, не говоря уже о второстепенныхъ, какъ напримѣръ, Баратынскій, Языковъ, Подолвскій и другіе, съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ направленіяхъ возбуждали и развивали въ сердцахъ чувство прекраснаго и воспитывали, такъ сказать, мысль для всѣхъ возвышенныхъ интересовъ, которые должны занимать людей, не погрязшихъ исключительно въ житейскихъ мелочахъ. Къ этимъ писателямъ, по справедливости, слѣдуетъ отнести и романистовъ Загоскина и Лажечникова. Въ общемъ настроеніи тогдашней литературы не могъ не принимать участія и Гречъ. Онъ не обладалъ поэтическимъ талантомъ, или силою творчества; однако, романы его—*Поездка въ Германію* и *Черная женщина*, также какъ наблюденія и замѣтки, писанныя имъ во время путешествій его во Англіи, Франціи, Германіи и Италіи въ 1837, 1841, 1843 и 1846 годахъ, по пріятному и чистому изложенію своему, по мно-

гимъ мѣткимъ и вѣрнымъ взглядамъ на вещи, составляли занимательное чтеніе и съ достоинствомъ поддерживали въ публикѣ участіе къ литературѣ.

Важнѣйшій трудъ Греча былъ посвященъ отечественной наукѣ—это его русская грамматика. Считая по справедливости правильность и чистоту въ выраженіи мыслей на отечественномъ языкѣ и, слѣдовательно, основательное знаніе его за одно изъ главныхъ требованій образованности, онъ лучшую часть своихъ умственныхъ силъ и жизни посвятилъ на усовершенствованіе и распространеніе способовъ его изученія. Онъ дѣйствовалъ уже благотворно въ этомъ направленіи, какъ преподаватель, какъ журналистъ и какъ писатель. Долговременная практика, сопровождаемая тщательнымъ наблюденіемъ, дала ему, наконецъ, возможность вникнуть въ составъ и элементы русскаго слова и приступить къ полному систематическому сочиненію о немъ — и это сочиненіе явилось въ 1827 году подъ названіемъ пространной и практической грамматики. Не мѣсто и не время здѣсь излагать подробно значеніе этого обширнаго труда. Настоящей, вполне удовлетворительной русской грамматики не существуетъ и теперь. Мы еще находимся въ періодѣ разработки матеріаловъ для кодификаціи законовъ нашего языка и, вѣроятно, пройдетъ довольно времени, пока эта кодификація сдѣлается возможною при тѣхъ великихъ требованіяхъ, какія предлагаются современной наукой. Поэтому, конечно, и трудъ Греча далеко нельзя считать законченнымъ. Одни изъ существенныхъ его недостатковъ состоятъ въ отсутствіи историческихъ и сравнительныхъ данныхъ съ соплеменными русскому языку славянскими нарѣчіями и устраненіе изъ круга изслѣдованій элементовъ языка народнаго, который собственно и есть неизсякаемый источникъ богатствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познанія его законовъ. Гречь очевидно въ своихъ грамматическихъ началахъ находился подъ вліяніемъ прежней школы языкоученія, считавшей идею общей или философской грамматики за главныя руководящія истины въ составленіи грамматики частной. Несмотря, однако, на эти недостатки, грамматика

Греча представляет богатый запасъ полезныхъ правилъ и указаній при употребленіи языка и служила для нѣсколькихъ генерацій важнѣйшимъ пособіемъ въ его изученіи. Гречь долго не переставалъ заботиться о возможномъ облегченіи этого изученія. Для употребленія въ школахъ имъ неоднократно была издаваема сокращенная грамматика; въ 1832 г. онъ издалъ уроки русской грамматки и вслѣдъ затѣмъ руководство къ преподаванію ея въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1839 и 1840 годахъ читалъ публичныя лекціи о языкѣ, привлекавшія множество слушателей; онъ умѣлъ сдѣлать свои чтенія не только наставительными, но и пріятными. Преданность его интересамъ русскаго языка, безъ преувеличенія можно сказать, доходила до страсти — и страсть эта не покидала его до конца жизни. Такъ онъ слѣдилъ съ живымъ участіемъ за важнымъ трудомъ В. И. Даля — его словарь, и, далекій отъ всякаго соперничества съ яцами, дѣйствовавшими въ одномъ съ нимъ кругу, онъ помогалъ постоянно составителю своими совѣтами и занимался корректурою его книги не задолго еще до своей смерти. Мы видѣли присылаемые ему г. Далемъ изъ Москвы корректурные листы, исписанные его примѣчаніями и поправками; замѣтно, что дрожащая рука ему уже измѣняла; но богатство знанія и вѣрный взглядъ ума оставались прежніе, нестоцнявшіеся ни отъ лѣтъ, ни отъ трудовъ. Задолго до этого времени, въ 1835 г., онъ оказывалъ подобную же радужную услугу Рейфу при изданіи имъ извѣстнаго словаря, о чемъ свидѣтельствуеетъ самъ издатель въ предисловіи къ своему труду.

Гречу мы обязаны также первымъ опытомъ исторіи русской словесности. До него не было у насъ даже покушенія представить факты ея въ послѣдовательномъ систематическомъ порядкѣ. Гречь принялся за этотъ тяжелый, многосложный трудъ, не имѣя предъ собою никакихъ предварительныхъ изысканій и пособій, которыми такъ богато наше время, ничего, кромѣ однихъ не вполне собранныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, и свѣдѣній, какія онъ могъ почерпнуть въ сихъ послѣднихъ и со-

брать отъ разныхъ близкихъ и знакомыхъ ему лицъ. Кромѣ ознакомленія съ замѣчательнѣйшими въ литературѣ нашей дѣятелями и ихъ произведеніями, авторъ, безъ всякихъ претензій на модные философскіе взгляды и блестящія, хотя нерѣдко произвольныя умозаключенія, указываетъ на общій ходъ просвѣщенія у насъ въ каждомъ данномъ періодѣ и, такимъ образомъ, даетъ книгѣ своей, въ извѣстномъ смыслѣ, характеръ прагматическій. Долгое время она была у насъ единственнымъ пособіемъ при историческомъ изученіи отечественной словесности.

Говоря объ ученомъ и литературномъ дѣятелѣ, недолжно забыватьъ въ немъ и человѣка. Если къ заслугамъ ума и знанія присоединяется доброта и благородство сердца, то человѣкъ, совмѣщающій въ себѣ эти качества, приобретаетъ двойнѣ право на наше уваженіе и любовь. Гречъ, обладая рѣдкими умственными способностями, которыя онъ доказалъ своими произведеніями и всею многолѣтнею своею общественною дѣятельностію, былъ въ то же время истинно добрымъ и благороднымъ человѣкомъ. Въ подтвержденіе этого я могъ бы привести многіе факты, еслибъ не боялся слишкомъ увеличить объемъ моей рѣчи. Самое теплое, исполненное любви, расположеніе онъ оказывалъ людямъ литературнаго круга, нуждающимся въ совѣтѣ, руководствѣ и поддержкѣ, особенно молодымъ писателямъ. Никто, изъ имѣвшихъ къ нему дѣло или надобность, не отходилъ отъ него, не получивъ того, что только въ состояніи былъ онъ дать—совѣта, ободренія, или возможной матеріальной помощи. И это дѣлалось у него такъ просто, деликатно, какъ-будто не онъ одоужалъ другихъ, а другіе его одоужали. Это былъ характеръ, который, въ истинномъ смыслѣ, можно было назвать человѣчественнымъ. Всѣ, лично знавшіе его, конечно, помнятъ, какъ въ обращеніи съ людьми онъ былъ привлекателенъ и любезенъ, какимъ блестящимъ остроуміемъ сопровождалась его бесѣда! Нѣкоторыя изъ его остроумныхъ изреченій долго повторялись въ обществѣ. Былъ одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей въ литературѣ своего времени, онъ, вопреки обыкновенію многихъ изъ своихъ прошедшихъ, ва-

стоящихъ и, вѣроятно, будущихъ собратій, очень скромно, уютно носилъ съ собою свою знаменитость, спрятавъ ее въ чувстваванія и поступкахъ простаго, привѣтливаго и добродушнаго человѣка. Эта-то воздержность въ присвоеніи себѣ извѣстныхъ достоинствъ и давала ему болѣе всего права на признаніе ихъ въ глазахъ людей мыслящихъ и серьезныхъ. Я не могу еще не припомнить одной прекрасной черты его характера: онъ былъ чуждъ духа нетерпимости въ мнѣніяхъ. Случалось и ему, по пылости его сердца, вдаваться въ споры и горячо отстаивать какое-нибудь изъ своихъ убѣжденій; но пылъ его обыкновенно разрѣшался, наконецъ, какою-нибудь остротой,—этимъ и оканчивались личные его счеты съ противникомъ; что же касалось до убѣжденій, то они, безъ вражды и пререканій, предоставлялись отвѣтственности того, кто ихъ имѣлъ. Никто и никогда не могъ упрекнуть Греча, чтобы онъ не отдавалъ должной справедливости заслугамъ людей, подвизавшихся на одномъ съ нимъ поприщѣ. Я приведу одинъ только примѣръ. Гречъ, по весьма естественнымъ причинамъ, дорожилъ своими грамматическими трудами и распространеніемъ ихъ въ школахъ. Между тѣмъ явилась грамматика Востокова, которая признана была во многомъ превосходящею его и одобрена была, какъ руководство для учащихся. И чтожь? Ни однимъ словомъ, ни дѣломъ Гречъ не далъ почувствовать, что онъ видитъ въ Востоковѣ своего соперника. Напротивъ, рѣдко кто, до послѣднихъ дней нашего знаменитаго филолога, оказывалъ столько сочувствія къ его трудамъ и уваженія къ его лицу, какъ Гречъ. Онъ слишкомъ высоко стоялъ въ литературномъ кругу, чтобы самому не имѣть враговъ; его нерѣдко старались поразить отвратительнымъ оружіемъ, которое позоръ человѣческой испорченности дѣлаетъ всего позорнѣе—оружіемъ клеветы; но тутъ онъ платилъ болѣе сѣтованіемъ за оказанную ему несправедливость, чѣмъ ненавистію.

Подобныя черты характера не должны быть забыты, какъ прекрасный примѣръ сочетанія достоинствъ сердца съ достоинствами ума и знанія.

Наконецъ, мм. гг., мы должны занести въ наши лѣтописи новую, самую свѣжую горестную утрату и не для одной Академіи, но для цѣлой Россіи. Ноября 19-го скончался великій архипастырь православной церкви, сочленъ нашъ, высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ. Недавно еще Россія праздновала пятидесятилѣтіе его святительскаго служенія; недавно мы слышали въ общемъ академическомъ собраніи выраженіе его чувствованій къ намъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ его на нашъ поздравительный адресъ—«съ глубокимъ уваженіемъ—писалъ онъ къ г. президенту нашему—«принялъ я слово Императорской Академіи наукъ въ день совершившагося пятидесятилѣтія моего въ епископствѣ. Чѣмъ болѣе свѣтло ся воззрѣше на мою посильную дѣятельность, тѣмъ сильнѣе освѣщаетъ оно для меня мое недостаточество, чтобъ соответствовать оному. Прискорбно мнѣ думать, что, принадлежа Академіи въ теченіе долгаго времени, я не нашелъ свободы отъ занятій болѣе строго для меня обязательныхъ, чтобъ положить мою лепту въ сокровищницу ученыхъ трудовъ Академіи. Но когда и при семъ Академія простираетъ ко мнѣ благовольтельное вниманіе, тѣмъ болѣе глубоко чувствую, тѣмъ усерднѣе приношу ей мою совершенную благодарность. Да продолжаетъ умы, въ ней соединенные, озарять вѣчная истина, дабы они во всѣхъ областяхъ мысли и природы открывали и являли истинны просвѣтительныя и полезныя для человѣчества». Еще не изгладилась отрадная впечатлѣнія, возбужденныя въ насъ этимъ полнымъ жизни выраженіемъ его сочувствія къ намъ и нашей дѣятельности, какъ насъ постигла скорбная вѣсть, что мы его лишились. Пусть же нѣсколько не искусныхъ, но искреннихъ словъ напомнятъ вамъ, мм. гг., о свѣтлой жизни, уже угасшей для міра, но соединявшей въ себѣ многое, чтò не должно и не можетъ угаснуть для потомства. Слова мои ничего не прибавятъ къ тому, чтò уже сказано другими и чтò знаете и чувствуете вы; но когда повтореніе касается и лица, и дѣлъ, столь намъ драгоценныхъ, оно уже не можетъ быть ни излишнимъ, ни неумѣстнымъ.

Высокопреосвященный Филаретъ родился 1784 года въ Коломнѣ не далеко отъ Москвы, гдѣ суждено было ему совершить большую часть его архипастырскихъ подвиговъ, и въ этомъ средоточіи нашей народности, сдѣлать имя свое столь достолюбезнымъ и досточтимымъ въ народѣ. Мы не знаемъ обстоятельствъ его дѣтства, юношескаго возраста и первоначальнаго умственнаго развитія. Онъ учился и получилъ окончательное образованіе въ Сергіевско-Лаврской семинаріи, гдѣ послѣ и оставался нѣкоторое время учителемъ риторики, а въ 1808 году принялъ монашеское постриженіе. Надобно, однако, полагать, что и въ раннемъ возрастѣ, и въ періодъ своего ученія онъ заявлялъ уже свое умственное и нравственное превосходство. Необыкновенныя дарованія не могутъ не возвѣщать о себѣ прежде, чѣмъ окажутся во всемъ своемъ блескѣ. Безъ сомнѣнія, не напрасно прилагало о немъ попеченіе—лицо тоже высокихъ дарованій—предшественникъ его и въ санѣ, и въ славѣ, митрополитъ Платонъ. Когда юный Филаретъ былъ призванъ въ Петербургъ, гдѣ предстояло болѣе широкое поприще уже проявившимся его духовнымъ силамъ, знаменитый іерархъ просилъ Св. Синодъ о возвращеніи его въ Москву, говоря: «Какъ я особлво о немъ прилагалъ, въ разсужденіи его воспитанія, стараніе, то сіе много послужитъ къ успокоенію моей старости». Получивъ степень бакалавра богословскихъ наукъ въ Александро-Невской духовной Академіи, Филаретъ въ 1812 году былъ уже ея ректоромъ. Съ того времени слава его, какъ писателя и проповѣдника, начала быстро возрастать. Первые рѣчи его, произнесенныя въ церкви Александро-Невской Лавры, и потомъ слово въ Казанскомъ соборѣ при гробѣ князя Кутузова-Смоленскаго, произвели глубокое впечатлѣніе въ тогдашнемъ обществѣ, особенно послѣднее по искусному сліянію въ немъ религіознаго и патріотическаго чувства. Въ то же время его занимали глубокомысленныя ученія изысканія, плодомъ коихъ были изданныя въ 1815 году *разговоры между испытваемымъ и увѣреннымъ о православной греко-россійской церкви*, обширное твореніе *начертаніе церковно-библейской*

исторіи и въ томъ же году *записки на книгу бытія*. Позже онъ составилъ *Пространный Катихизисъ*, принятый, съ одобреніемъ Святейшаго Синода, руководствомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Такимъ образомъ Филаретъ соединилъ въ лицѣ своемъ достоинства первокласснаго проповѣдника съ достоинствомъ великаго ученаго въ области Богословія. Для полноты его духовнаго и общественнаго призванія и примѣненія силъ и обширности его знаній и способностей, ему оставалось только сдѣлаться правительственнымъ лицомъ въ дѣлахъ церкви. Его умъ, дарованія и характеръ вскорѣ открыли ему путь и на эту высоту. Въ 1817 году онъ былъ удостоенъ сана епископа-викарія ревельскаго. Затѣмъ, въ 1819 году, онъ переведенъ былъ на епископскую кафедру въ Тверь, съ правомъ засѣдать въ Синодѣ, а въ 1820 году въ Ярославль; въ слѣдующемъ же году былъ возведенъ въ санъ архіепископа московскаго и наконецъ, въ 1826 году—въ санъ митрополита. Съ сего времени дѣятельность Филарета, въ продолженіе всей его жизни, раздѣлялась между правительственными заботами о благоустройствѣ вѣрной ему церкви и назиданіемъ своей паствы силою христіанской проповѣди. Авторитетъ ученаго богослова, снисканный прежними его твореніями, утвердилъ за нимъ на прочномъ основаніи то вліяніе въ церкви и обществѣ, къ какому открывали ему путь его постъ и дарованія.

Изображеніе полустолѣтней обширной дѣятельности нашего архипастыря и ея вѣрная оцѣнка принадлежатъ исторіи. Мы въ немногихъ только чертахъ можемъ коснуться значенія этой высокой личности, какъ современники, побуждаемые естественнымъ сочувствіемъ къ тому, чему были сами свидѣтелями. Мы не имѣемъ права, да и возможности говорить о тѣхъ качествахъ, какими Филаретъ ознаменовалъ себя, какъ іерархъ и ученый богословъ — это требуетъ спеціальнаго изученія. Я позволю себѣ обратить вниманіе ваше, мм. гг., только на то, въ какомъ свѣтѣ вообще представляется онъ передъ людьми своей эпохи. Вамъ извѣстно, что не всегда высокой санъ служитъ ручательствомъ

и высокаго общественнаго значенія лица. Мѣра этого значенія опредѣляется не однимъ употребленіемъ власти, или атрибутами извѣстнаго положенія, ни даже внѣшнимъ исполненіемъ обязанностей, но тѣмъ вліяніемъ, какое дается лицу довѣріемъ, уваженіемъ и любовью общества, и эти преимущества снискиваются одними качествами душевными. Вы знаете, какъ высоко стоялъ въ общественномъ мнѣніи почившій святитель, какимъ блескомъ было окружено его имя и какое дѣйствіе производилъ онъ на умы всѣхъ, къ нему приближавшихся. Въ способностяхъ и стремленіяхъ его духа была властительная сила, независимая отъ той, какую давало ему его положеніе. Къ драгоцѣннымъ особенностямъ нашей православной церкви принадлежитъ то, что іерархи ея, чуждые всѣхъ притязаній на мірскую власть и мірское преобладаніе, не были, однако, чужды горячаго участія въ судьбахъ отечества. Исторія наша представляетъ многочисленные примѣры, какъ они постоянно въ знаменательные или трудные дни, издревле, являлись передъ лицомъ властей и народа, принося съ собою то утѣшеніе и одобреніе, то урокъ и назиданіе — они являлись дѣятелями общественными въ благороднѣйшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Филаретъ былъ одушевляемъ такими же стремленіями. Инокъ по строгому образу жизни и исполненію уставовъ своего знанія, онъ былъ въ то же время человѣкомъ жизни въ значеніи лучшихъ ея задачъ и требованій. Отъ древнихъ предшественниковъ своихъ онъ отличался тѣмъ, что, къ смиренной и благочестивой простотѣ ихъ сердца, присоединялъ обширную и богатую образованность вѣка, которая однако не скрывала отъ его пронизательнаго взора и удручающихъ его язвъ. По высотѣ и просвѣщенію своего ума, Филаретъ знакомъ былъ со всѣми вопросами, волнующими общество, видѣлъ тѣту многоаго изъ того, что превозносилось ученіями школъ и партій; но отдавалъ полную справедливость тому, что составляетъ лучшее достояніе и славу вѣка — успѣхамъ науки. Онъ всѣмъ сердцемъ желалъ этихъ успѣховъ и для любезной сердцу его Россіи. Злоупотребленія, какими иногда затмѣваютъ область знанія умы поверхностные и шаткіе, онъ не считалъ по-

водомъ препятствовать или угрожать движенію ума человѣческаго, заблужденіямъ коего онъ всегда готовъ былъ противопоставить слово убѣжденія и вѣчной истины, какъ самую дѣйствительную мѣру въ дѣлѣ мысли. Можно сказать, что духъ его равно обнималъ все небесно-святое, на сколько оно доступно человѣку, и все великое на землѣ — а самымъ великимъ для него здѣсь было отечество, преуспѣвающее въ развитіи умственныхъ силъ своихъ и нравственно-религіозномъ ихъ настроеніи, такъ же какъ и во внѣшнемъ величіи и благосостояніи. И надобно сказать, что условія подобнаго преуспѣянія онъ понималъ не только какъ пастьеръ словеснаго стада, но и какъ мужъ государственный, глубоко изучившій высшія и истинныя потребности человѣческихъ обществъ. Люди съ великими нравственными и умственными силами, на какомъ бы попріицѣ и на сколько бы они ни успѣли ихъ проявить, составляютъ у народа, такъ-сказать, настоящій фондъ его внутренняго могущества, и одно изъ условій на занятіе почетнаго мѣста между народами образованными и первенствующими. И народъ инстинктивно ихъ понимаетъ; онъ окружаетъ ихъ своею любовію и удивленіемъ, чествуетъ ихъ, какъ хранителей своей исторической чести, и гордится ими, чтобъ имѣть право гордиться собою. Въ ихъ имени и славѣ онъ почерпаетъ довѣріе къ самому себѣ и уясняетъ ими степень, до которой можетъ простираться его участіе въ ходѣ общихъ дѣлъ человѣчества. Отраднымъ чувствомъ наполняется сердце гражданина, когда, представляя себѣ все прекрасное и благородное, чѣмъ успѣлъ проявить себя извѣстный дѣятель, онъ можетъ сказать: «это членъ нашей народной семьи!» Такое чувство возбуждалось въ каждомъ Русскомъ при имени Филарета въ Москвѣ, здѣсь и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи. Съ особеннымъ блескомъ и силою оно выразилось въ день празднованія его пятидесятилѣтняго епископскаго служенія. Всѣмъ намъ памятно то одушевленіе, съ каковымъ маститый архипастырь былъ привѣтствованъ въ этотъ достопамятный день отъ всѣхъ сословій и обществъ обширнаго нашего Царства. Это была праведная почеть, оказанная всена-

родно высокимъ нравственнымъ и умственнымъ достоинствамъ, проявившимъ себя въ подвигахъ наставника и хранителя вѣры, глубокомысленнаго богослова, гениальнаго оратора церкви и преданнаго сына Россіи, послужившаго Царству Божию въ духѣ вѣчной истины и царству земному въ ревностномъ и плодотворномъ содѣйствіи его духовному совершенствованію.

Слѣдя съ академической точки зрѣнія за дѣятельностію Филарета, мы, какъ я уже имѣлъ честь замѣтить, не можемъ останавливаться на его ученыхъ трудахъ, такъ-какъ между нами нѣтъ ни одного компетентнаго судьи для нихъ. Но при разнообразіи этой дѣятельности, въ ней является одна сторона, прямо и непосредственно принадлежащая Академіи — это заслуги, оказанныя имъ русскому слову твореніями его слова, заслуги, содѣлавшія его членомъ и украшеніемъ Академіи по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Объ этомъ то я и прошу позволенія вашего, мм. гг., изложить передъ вами нѣсколько мыслей.

При изученіи, съ художественной точки зрѣнія, произведеній слова въ различныхъ его направленіяхъ, можетъ показаться, что витія церкви во многомъ лишены средствъ, какими пользуется краснорѣчіе свѣтское. Послѣднее основываетъ преимущественно силу свою на элементахъ такъ-называемаго возбужденія страстей, и это, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій двигать человѣческими сердцами. Напротивъ, главная задача церковнаго витійства заключается въ умиротвореніи всякихъ страстныхъ влеченій, въ покореніи ихъ божественной волѣ и закону божественной премудрости. Но для достиженія цѣли своего призванія оратору церкви нѣтъ вовсе и надобности въ средствахъ, къ какимъ прибѣгаетъ ораторъ свѣтскій. Въ томъ-то и состоитъ великое значеніе христіанства, что оно открываетъ человѣчеству виды другой будущности и другія воззрѣнія на свою судьбу, вводятъ его совершенно въ новый кругъ нравственныхъ интересовъ и соотношеній, что оно дѣйствуетъ на него убѣжденіями, какихъ не въ состояніи дать намъ никакая земная мудрость. Діалектика страстей и всяческихъ житейскихъ отношеній преклоняется здѣсь

передъ иною вышшею діалектикой, единственный источникъ коей— слово Божіе. Великіе умы, отцы и проповѣдники церкви исключительно въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ почерпали воодушевленіе, силу, красоту, содѣлавшія имена ихъ бессмертными въ исторіи христіанскаго образованія. Ихъ ораторское творчество состояло не въ томъ, чтобъ изобрѣтать мысли, а въ томъ, чтобъ уяснить смыслъ и значеніе вѣчныхъ истинъ и благодатныхъ обѣтованій. Но требовалась особенная мощь генія, чтобъ эти истины и обѣтованія проводить въ сердца, всегда колеблемыя иными противоположными наклонностями и стремленіями. Наши замѣчательнѣйшіе духовные ораторы, слѣдуя за высокими образцами первобытной церкви, усвоили своему слову въ особенности просвѣтительный характеръ, что, однако, не препятствуетъ дарованію дѣйствовать природою данными ему индивидуальными способами. Филаретъ занимаетъ между нашими проповѣдниками одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто. Въ его краснорѣчіи вполне преобладаетъ величіе и глубина христіанскаго міровоззрѣнія. Но въ немъ есть также свои особенности, видимо отличающія его отъ другихъ нашихъ духовныхъ ораторовъ. Такъ оно не доходитъ прямо и непосредственно къ сердцу, но устремляется къ нему чрезъ высшія сферы мысли, руководимое проразумѣніемъ истинъ и духа божественнаго откровенія. Нужно подняться на извѣстную высоту, чтобъ ощутить всю его силу. То, что плѣняетъ васъ въ самомъ началѣ, дѣлается привлекательнѣе, когда вы его станете изучать. Назиданіе становится полнѣе, проникаетъ въ васъ глубже по мѣрѣ того, какъ вы слѣдите за витіей въ стройномъ и разнообразномъ движеніи его идей, пока, наконецъ, вы совершенно не исполнитесь одушевленія, которымъ объято и проникнуто все его слово. Я говорю о движеніи идей, потому что именно оно, независимо отъ другихъ качествъ, составляетъ неподражаемую красоту его рѣчей. Въ изгибахъ, въ переходахъ, раздѣленіи и сближеніи ихъ витаетъ духъ, самовластно, свободно распоряжающійся богатствомъ содержанія, достающагося ему безъ малѣйшихъ усилий, какъ-будто все это составляло обычный, ежедневный,

такъ сказать, обиходъ его ума. Распиряя поучительное дѣйствіе возвышаемыхъ имъ истинъ не только на теоретическую сторону мысли, но и на практическую сферу жизни, витія съ необыкновеннымъ искусствомъ касается нерѣдко предметовъ, съ которыми связывались важные вопросы общества и времени. Слушатели видѣли, какъ эти вопросы теряли свою односторонность, измѣняли свои отношенія къ общимъ задачамъ жизни, какъ прояснялись они и очищались въ горнилѣ его свѣтлаго духа. И сколько благихъ поученій, сколько уроковъ высшей мудрости, сколько живыхъ поощреній къ исполненію своихъ обязанностей почерпали они въ его святыхъ архипастырскихъ бесѣдахъ! Я не могу не обратить вниманія вашего, мм. гг., и на тѣ изъ рѣчей Филарета, гдѣ гений его является съ другой стороны, — на тѣ изъ рѣчей, которыми онъ привѣтствовалъ особъ Царствующаго Дома, посѣщавшихъ въ разное время первопрестольную столицу. Это также истинно образцовыя произведенія по строгой опредѣленности мысли, по искусному примѣненію ея къ данному случаю, по сосредоточенности, сжатости и силѣ выраженія. Витія каждый разъ находятъ такую точку отправленія, которая непримѣтно совпадаетъ съ какимъ-либо знаменательнымъ событіемъ, важнымъ для отечества, или драгоцѣннымъ сердцу Августѣйшаго лица, къ коему была обращена рѣчь. И для каждаго изъ поводовъ къ своему слову, онъ всегда находитъ и новыя идеи, и новыя обороты выраженія съ неизякаемою полнотою чувства. Притомъ, какая обдуманность, какое тонкое соблюденіе всѣхъ условій времени и обстоятельствъ и вмѣстѣ, какое благородство въ тонѣ! Чувствуешь глубоко и достоинство говорящаго вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ говоритъ, и высокое положеніе слушающаго, и святость мѣста, гдѣ раздавались эти полныя благочестія и изящества слова.

Возвышенному значенію содержанія въ рѣчахъ знаменитаго нашего проповѣдника соотвѣтствуютъ и качества его языка. Онъ является и здѣсь гениальнымъ художникомъ и глубокомысленнымъ знатокомъ. Строгая соразимѣрность въ общемъ тонѣ и характерѣ выраженія съ духомъ и величіемъ, свойственными хри-

стіанской проповѣди, составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ его слова. Онъ не позволяетъ себѣ ни одного изысканнаго оборота, ни одного образа, которые бы изобличали рассчитанное стремленіе овладѣвать умами силою возбуждаемаго въ нихъ эффекта. Что кажется въ нихъ необыкновеннымъ, то необыкновенно только по своеобразію ихъ изящества. Это настоящій уполномоченный свыше глашатай божественныхъ истинъ, который на столько проникнуть ими, на столько увѣренъ въ животворномъ ихъ дѣйствіи, что не считаетъ нужнымъ искать, для ихъ возвеличенія, пособій гдѣ-нибудь, кромѣ ихъ самихъ. Но, говоря, какъ власть имѣющій въ смыслѣ идей, имъ проповѣданныхъ, онъ въ то же время говорилъ и какъ власть имѣющій надъ всѣми способами и богатствами отечественнаго слова, — и дѣйствительно, онъ имѣлъ эту власть, онъ приобрѣлъ ее законно, по праву гения и глубокаго знанія. Какъ искусный домостроитель, онъ понималъ въ совершенствѣ качества и цѣнность всякаго матеріала, входящаго въ составъ его словесныхъ построеній, располагалъ ими безъ расточительности, но и безъ скупости. Ему доступны были всѣ правильные, всѣ на духѣ языка основанные способы словопотребленій и словосочетаній, — всѣ, я разумѣю, какіе могъ онъ считать соответственными роду и цѣли его витійства. Онъ всегда находилъ слово, какое ему нужно и какое указывается самымъ понятіемъ или его отгѣнкомъ — будетъ ли это живописующій и характеристическій эпитетъ, или то господствующее въ рѣчи слово, на которомъ опирается все ея зданіе. У него вы не видите того рода повторительныхъ поясненій, которыя у многихъ такъ часто употребляются въ дополненіе къ сказанной мысли потому только, что эта мысль не успѣла выразиться отчетливо и явственно, и нуждается въ подпорѣ, которая, однако, не столько ее поддерживаетъ, сколько растягиваетъ и ослабляетъ. Чтѣдъ сказалось у него, то сказалось опредѣлительно и окончательно. Отъ того рядъ его выраженій можно уподобить золотой цѣпи, гдѣ каждое звѣно представляется раздѣльно вылитымъ и отчеканеннымъ. Какъ мысль его, полная внутренней силы, упругая и вмѣстѣ

гибкая въ богатыхъ и разнообразныхъ подробностяхъ своего развитія, двигается свободно и многосторонно, простираясь то въ высоту, то въ сущность вещей, то углубляется, то паритъ, такъ и рѣчь его течетъ свободно, безпрепятственно по всѣмъ извилинамъ, по всѣмъ направленіямъ его думъ. Обращаясь къ анализу слога съ этой стороны, не должно терять изъ виду, что въ нашемъ неизмѣримо богатомъ, но еще не вполне развитомъ и установившемся языкѣ для выраженія мыслей высшаго умозрѣнія, архитектоника рѣчи представляетъ не малыя трудности для самыхъ избранныхъ писателей. Мы еще не приобрѣли достаточной опытности для сложныхъ построений рѣчи въ этомъ смыслѣ. Одна сильная природная и усовершенствованная логика, въ соединеніи съ особеннымъ дарованіемъ, въ состояніи группировать и концентрировать различныя частности и развѣтвленія одной и той же идеи въ одномъ и томъ же періодѣ, или оборотѣ рѣчи такъ, чтобы все зданіе ея представляло гармоническое и вполне удовлетворительное цѣлое. И съ этой стороны слогъ Филарета заслуживаетъ особеннаго удивленія и изученія. Конечно, это внѣшняя сторона языка; но кто не овладѣлъ ею вполне, тотъ всегда въ опасности будетъ сказать или больше, тѣмъ должно было, или не сказать того, что онъ хотѣлъ.

Въ подтвержденіе изложенной здѣсь слабой характеристики Филарета, какъ духовнаго витія, я могъ бы привести и самыя мѣста изъ его рѣчей. Но это увлекло бы меня за предѣлы предмета моей собственной рѣчи и не соответствовало бы цѣли настоящаго собранія. Можетъ быть, по-крайней-мѣрѣ, я долженъ бы назвать нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр., «слово въ недѣлю третью по пятидесятницѣ, въ недѣлю по Воздвиженіи, въ недѣлю двадесять-четвертую, слово при вступленіи святителя въ управленіе московскою паствою, къ восприемлющимъ обѣтъ сердобольныхъ вдовъ, при открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, передъ присягою для избранія судей, при освященіи Святотроицкой единовѣрческой церкви, рѣчи въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Павловичу, въ день его тезои-

меншества 1823 года, Императору Николаю Павловичу во время открывшейся въ Москвѣ губительной болѣзни, при заложениі храма Христа-Спасителя, слова нынѣ достославно царствующему Государю Императору, рѣчь къ преосвященному епископу Дмитровскому Кириллу по случаю посвященія его въ епископскій санъ, или по тому же случаю высокопреосвященному Исидору». Но если изъ этого указанія вы, мм. гг., должны были бы заключить о высокомъ достоинствѣ краснорѣчія нашего почившаго архипастыря, то гораздо вѣрнѣе назвать всѣ четыре изданныя обширные томы его словъ и рѣчей. Всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, составляютъ великолѣпный памятникъ высшей отечественной словесности, такъ-какъ жизнь, дѣятельность и характеръ его составляютъ безсмертный памятникъ въ исторіи нашей церкви и въ исторіи отечества.

Такимъ образомъ, мм. гг., чтя въ почившемъ святителѣ нашемъ великаго дѣятеля церкви и отечества, Императорская Академія Наукъ всегда будетъ чтить въ немъ и великаго дѣятеля мысли и слова, обогатившаго нашу словесность своими образцовыми произведеніями.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ТОМЪ II СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ номеръ статьи; остальные же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго номера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга. Имена, встрѣчающіяся въ статьѣ академика Пекарскаго «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» не вошли въ этотъ общій списокъ, а составляютъ содержаніе особаго указателя, помѣщеннаго при самой статьѣ.

Аврамовъ, Илья, студентъ, занимавшійся при Ломоносовѣ. XXVIII, XLIII, XLIII.

Аделунгъ, Ф. Ф. Извлеченіе П. Кеннена изъ его сочиненія о заслугахъ, оказанныхъ Екатериной II сравнительному языкованію. 6. 25. — Донесеніе П. Кеннена о его Обзорѣнн всѣхъ языковъ. 6. 26.

Аделуревъ, адъюнктъ академической. 4. 25, 26, 27, 87, 88.

Академія Наукъ. Сношенія ея съ Татищевымъ. VI. Работы Пекарскаго по исторіи ея. XXXIX. См. также въ подробномъ указателѣ къ ст. подъ № 1. Изданіе при Академіи учено-литературнаго журнала. 4. 3 — 13. Учрежденіе и устройство при Академіи гимназій и семинаріи. 4. 57 — 88.

Академія Югославянская наукъ и художествъ въ Загребѣ. Ея основаніе, уставъ, составъ, дѣятельность, первыя изданія. 5. 1—14. 7. 4.

Акклиматизація растений въ Россіи, по Кенпену. 6. 33.

Аксаковъ, К. С. 3. 77.

Албанцы. Свѣдѣнія объ Албанцахъ въ Россіи, у Кеннена. 6. 11.

Александръ Новскій, великій князь. XLVIII, XLIX.

Александръ Навловичъ, императоръ. О разговорѣ его съ Державинымъ по поводу трагедіи «Эдипъ въ Лейвахъ». XXXIII.

Алексѣй Михайловичъ, царь. Между столбами приказа тайныхъ дѣлъ его времени хранится карта съ изображеніемъ р. Невы и пр. III.

- Алешки.** Статьи Кеппена объ алешковскихъ летучихъ пескахъ. **6.** 8.
Анна, греческая царевна. XLVII.
Апраксинъ, Ф. М., графъ. Письмо къ нему Геннинга. IV.
Армяне. Свѣдѣнія объ Армянахъ въ Россіи у Кеппена. **6.** 11. — О жителяхъ Армянской области, по Шопену. **6.** 15, 17.
Архивъ, московскій главный министерства иностранныхъ дѣлъ, библиотека, поступившая въ него отъ академика Миллера. XIV—XXI.
Архивъ югославянской исторіи, по врем. изданіе на Сербо-Хорв. яз. **5.** 3.
Астарооъ, изслѣдованіе Кеппена о ней. **6.** 34.
Астрахань. Статья Панслера о сравнительной высотѣ ея. **6.** 9.
Афанасьевъ. **3.** 105.
Бакчисарай. Статья Кеппена о немъ, во время холеры 1831, года. **6.** 31.
Барковъ, Иванъ, воспитанникъ при Академіи. **4.** 31—34.
Барсовъ, академическій корректоръ. **4.** 9, 24.
Барсовъ, магистръ академическій. **4.** 34.
Батта. Статья Кеппена о баттачской рукописи Кіевскаго универс. **6.** 31.
Банкиры, Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11.
Бенсей. **3.** 48.
Бергштрессеръ, Б. Его Описаніе Олонецкой губерніи. **6.** 16.
Верезинъ, А. С. совершаетъ вмѣстѣ съ Кеппеномъ путешествіе по Европѣ. **6.** 2.
Бессарабія. Статья Кеппена о болгарскомъ народонаселеніи. **6.** 14.
Бетлингъ, О. Н., академикъ. **3.** 28, 204
Бецкій, И. И. объявляетъ Ломоносову повелѣніе Екатерины касательно картинъ изъ русской исторіи. XLVI. Докладъ его о назначеніи Миллера въ Моск. воспитательный домъ. **4.** 12.
Библиографія. Статьи и Матеріалы Кеппена по этой части. **6.** 22 и слѣд. — 36.
Библиографія, русская историческая, изд. 4 и 5-й выпуски ея. III, XLIV.
Биларскій, П. С., академикъ. Некрологъ его. **7.** 13—17.
Блудовъ, Д. Н., графъ. Ему посвящены Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, Кеппена. **6.** 23.
Бобровичъ, **3.** 114, 117, 118.
Богиничъ, В., хорватскій писатель. Его сочиненіе о правыхъ обычаяхъ у Славянъ. **5.** 7. Его извѣстіе о рукописи, въ которой помѣщена записка 1551 г. объ обычаяхъ Хорватовъ. **5.** 11. **7.** 4. Участіе его въ «Книжевникѣ». II.
Богонимъ. Свѣдѣнія о нихъ въ книгѣ Ягача. **5.** 12. Книга о нихъ. **5.** 11.

Болгаре. Свѣдѣнія Кенпена о болгарскихъ колоніяхъ въ Россіи. **В.** 11, 14.

Болгаре (волжскіе). Статья Кенпена о нихъ. **В.** 31.

Болховитиновъ. См. Евгений.

Боннъ. **З.** 4, 27, 28, 30, 34, 48, 57, 100, 102, 103, 107.

Борисъ Александровичъ, великій князь тверской. О договорной грамотѣ его. **XXXVIII.**

Борисъ Годуновъ, царь. **Л.** 4. 52.

Боспоръ (кимерійскій). Матеріалы и статьи Кенпена о древностяхъ боспорскихъ. **В.** 26 — 28, 34.

Браунъ, академикъ. **Ч.** 20, 32.

Броссе, М. И., академикъ. Рецензія его на соч. Шопена объ Армянской Области. **В.** 17.

Брусицъ, Спир., хорватскій писатель. Его сочиненіе о моллюскахъ. **Б.** 8.

Брюсъ, Яковъ, графъ. Письмо къ нему Татищева. **В.**

Буславъ, Ф. П., академикъ. **З.** 35, 102, 105, 107, 111, 117.

Бумштанъ. **З.** 101.

Бычковъ, А. Ф., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7.** 9, 13. Окончилъ печатаніемъ Описаніе книгъ гражданской печати за время Петра Великаго, хранящихся въ Импер. Публ. Библиотекѣ. **IV.** Сообщилъ часть Супрасльскій рукописи. **IV.** Докладъ его объ обзорѣнн имъ библиотеки ярославскаго Спасскаго монастыря. **VIII.** Доставилъ въ копіи письмо Державина по поводу разговора его съ имп. Александромъ Павловичемъ о первомъ представленіи «Эдипа въ Афинахъ». **XXXIII.** Предлагаетъ сообщить г. Кеневичу автографъ 15 басенъ Крылова. **XXXVIII.** Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. **XL.** Сообщилъ письмо Н. А. Чистовича о напечатаніи отъ Академіи Наукъ изслѣдованія его о Феофанѣ Прокоповичѣ. **XLII.** Доставилъ листки псалтыря безъ толкованій. **XLII.**

Валахи. Свѣдѣнія, собранныя Кенпеномъ, объ нихъ училищахъ въ Россіи. **В.** 10.

Вареліусъ, магистръ. Отчетъ о его этнографическомъ путешествіи по Финляндіи. **В.** 14.

Вацерадъ. **З.** 79.

Веберъ. **З.** 30, 48, 109.

Веденскій, С., студентъ академической и переводчикъ. **Ч.** 39.

Веселовскій, К. С., академикъ. Статья его о степени населенности Европейской Россіи. **В.** 18.

Виноградовъ, Д. **Ч.** 24.

Виноградовъ, Я. **Ч.** 24.

Винодѣле въ Россіи. Статья Кенпена о немъ. **В.** 22.

- Витовтъ**, великій князь литовскій. Договорная грамота съ нимъ вел. кн. Бориса Александровича тверскаго. XXXVIII.
- Вишнякъ**, Августъ, содержатель частнаго пансіона. XXIX.
- Владиміръ**, великій князь. XLVII, XLVIII.
- Владиміръ**, Мономакъ. XLVIII.
- Властарь**, Матвей. О переводѣ греческаго сборника его. XI.
- Вогуды**. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. 6. 11.
- Водникъ**. 3. 105.
- Водь**. Статья Кеппена о ней. 6. 11, 13.
- Войско** Донское. Путешествіе Кеппена по землѣ Войска Донскаго. 6. 17.
- Волга**. Статьи Кеппена и Бера объ убьихъ водъ ея. 6. 8.
- Волковъ**, Д. В. 4. 53.
- Волковъ**, С. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ ежемѣс. сочиненіяхъ. 4. 38—40.
- Воронцовъ**, А., графъ. Его сотрудничество въ Ежем. соч. 4. 36.
- Воронцовъ**, М. С., графъ. По его распоряженію изданъ Крымскій Сборникъ Кеппена. 6. 3, 29.
- Воронцовъ**, Р. А., графъ. 4. 35.
- Востоковъ**, А. Х., академикъ. Его объясненія Фрейзинскихъ отрывковъ. 6. 24. 3. 101, 106, 114. О списанныхъ имъ отрывкахъ Супрасльской рукописи. IV. Объ окончаніи памятника надъ его могилой и пожертвованіяхъ на оныя. XXIX.
- Вотьяки**. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. 6. 11.
- Вѣронсовѣданіе** въ Россіи. Рукописные матеріалы, собранныя Кеппеномъ. 6. 35. См. еще Иновѣрцы.
- Ганка** 3. 13, 14.
- Ганушь**. 3. 104.
- Гекате**, богиня. Сочиненіе Кеппена о ней. 6. 28.
- Геннингъ**. Письмо его къ гр. Ө. М. Апраксину. IV, V.
- Гильсфердингъ**, А. Ө. 3. 32, 35, 40, 69, 70, 104, 105, 107, 109, 115.
- Глинка**, Ө. Н. Его нисѣма къ Кеппену о древностяхъ въ Тверской Карелии. 6. 30.
- Глинцынъ**, А. М., князь. Письмо къ нему Ломоносова. XLIII, XLVI.
- Голубцовъ**, Иванъ. Сотрудничество его въ Ежемѣс. сочиненіяхъ. 4. 21, 22, 48. Воспитаніе его. 4. 24 — 29.
- Горловъ**, проф. Рецензіи Кеппена на его Экономическую статистику Россіи и Теорію Финансовъ. 6. 16, 32.
- Города** Россійской Имперіи. Статья Кеппена о нихъ. 6. 18.
- Горы** Таврическія. См. Крымъ.
- Горскій**, А. В. О присужденіи ему Ломоносовской преміи за Описаніе рукописей Московской синодальной бібліотеки. 7. 4, 50. Принесъ

въ даръ Академіи Наукъ портретъ покойнаго митрополита Филарета московскаго. ХLI.

Греки въ Россіи. Свѣдѣнія Кеппена объ ихъ селеніяхъ въ Россіи. **В. 11.**

Греть, Н. И., академикъ. Некрологъ его. **7. 17—27.**

Григоровичъ, В. И. Доставилъ важныя рукописи, подаренныя ему въ Слѣпченскомъ монастырѣ. **7. 3. 1. ХХХ, ХХХVIII.**

Гришау, астрономъ академикъ. **4. 22.**

Гротъ, Я. А., академикъ. Его труды въ 1867 г. **7. 4** и слѣд. **12, 13.** По возвращеніи изъ путешествія заявилъ о затрудненіяхъ въ книжныхъ сообщеніяхъ между Россіей и другими славянскими странами. **XII.** Докладъ его о способѣ печатанія переписки Державина. **XIII.** Разсматривать, по порученію Отдѣленія, русско-французскій словарь Макарова, **XIII,** и сообщилъ о немъ отзывъ. **XXI.** Представилъ списки пожертвованій на памятникъ Востокову. **XXIX.** Отзывъ его о словарѣ В. И. Дала. **XXX.** О передачѣ ему копій съ письма Державина къ Оленину по поводу перваго представленія «Эдина въ Аѳинахъ». **XXXIII.** Заявилъ о доставленіи Г. К. Рѣпискинымъ двухъ бумагъ для біографіи Державина. **XXXIII.** Представилъ рукопись г. Кеневича о басняхъ Крылова. **XXXVII.** Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. **XLI.** Читалъ полученныя имъ отъ А. В. Горскаго, П. И. Саввантова и К. Г. Рѣпискаго письма. **XLI.**

Грузинцы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **В. 11.**

Губерніи. Свѣдѣнія, наданныя или собранныя Кеппеномъ, о нихъ.

Объ Архангельской г. **В. 16.**

— Астраханской г. **В. 15.**

— Вологодской г. **В. 16.**

— Воронежской г. **В. 35.**

— Вятской г. **В. 16, 35.**

— Казанской г. **В. 19.**

— Ковенской г. **В. 35.**

— Костромской г. **В. 12.**

— Нижне-Новгородской г. **В. 12.**

— Новгородской г. **В. 12.**

— Олонцкой г. **В. 16.**

— Орловской г. **В. 17.**

— С.-Петербургской г. **В. 13, 34.**

— Тамбовской г. **В. 35.**

— Тверской г. **В. 12.**

— Тульской г. **В. 11, 17.**

— Ярославской г. **В. 12.**

Даль, В. И. 3. 101, 106. О словахъ, прибавленныхъ и пропущенныхъ въ его Словарѣ. **XXII, XXV.** Отзывъ акад. Грота о Словарѣ его. **XXXI.**

Даничиць, Юрій, сербскій писатель и секретарь юго-славянской академіи. **З.** 101. **Б.** 7. Его сочиненія о ѣ и ѣ. **Б.** 8—10. Обзоръ записей при рукописяхъ. **Б.** 8.

Деллаш, Н. I., академикъ. Его проектъ о способѣ для повѣрки часовъ жителей Петербурга. **XIII, XIV.**

Демидовъ, Александръ. Ошибочно приписано ему стихотвореніе Дубровскаго. **Ч.** 29, 30.

Державинъ, Г. Р. Объ изданіи IV и V томовъ соч. его и указателѣ къ первымъ томамъ. **7.** 4 и слѣд. О копіи съ письма его къ Оленину по поводу разговора съ имп. Александромъ Павловичемъ о первомъ представленіи «Эдипа въ Демнахъ». **XXXIII.** О доставленіи матеріаловъ для біографіи его. **XXXIV, XLII.** Чтеніе акад. Грога о сношеніяхъ Державина съ митрополитомъ Евгениемъ. **XLI.** О способѣ печатанія переписки его въ изданіи его сочин. **XIII.**

Дюссенбахъ. **З.** 73, 114.

Дмитрій самозванецъ. **L.** 4. 52.

Дивиръ. О земляхъ при нижнемъ Дивпрѣ. **Б.** 8.

Древности. Статьи Кеппена о древностяхъ сѣвернаго Черноморья. **Б.** 28 — 30. О древностяхъ въ Польшѣ, Венгріи и Трансильваніи. **Б.** 28. Письмо Кеппена о славянскихъ древностяхъ въ Сирміи. **Б.** 23. Письма Ф. Н. Глинки о древностяхъ Тверской Карелии. **Б.** 30. О русскихъ древностяхъ, Кеппена. **Б.** 29. Рукописные матеріалы, касающіеся Крымскихъ и разнородныхъ древностей. **Б.** 34.

Дубровскій, А. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **Ч.** 29 — 37.

Дубрюкъ (Dubrux). Бумаги и рисунки его, касающіеся Крымскихъ древностей. **Б.** 34.

Дювернуа, В. **7.** 12.

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій. О празднованіи столѣтняго юбилея его. **7.** 12. **XL.** О двухъ спискахъ его изсгѣдованія о славянскомъ переводѣ библіи. **XLI.**

Евреи. Статьи Кеппена о числѣ и устройствѣ Евреевъ въ Россіи. **Б.** 11, 12.

Ейлеръ, Л., академикъ. Левціи его при Академіи. **Ч.** 28. Покровительствуетъ Котельникову и Румовскому. **Ч.** 30, 34, 35.

Ейлеръ, сынъ, академикъ. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. **XXVIII, XXIX.**

Екатерина II, императрица. Извлеченіе изъ соч. Аделунга объ услугахъ, оказанныхъ ей сравнит. языкознанію. **Б.** 25. Заботы о приобрѣтеніи для Московскаго архива иностранной коллегіи бібліотеки Миллера. **XVI.** Повелѣніе ея объ осмотрѣ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. **XXVIII, XXIX.** Порученіе Ломоносову касательно содержанія для картинъ изъ русской исторіи. **XLIII, XLVI.**

- Влецъ.** Статья Кеппена о крупчатыхъ мельницахъ въ немъ. **В.** 21.
- Влагитъ, И. П.** Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 14.
- Елисавета Петровна, императрица.** Повелѣніе ея о правописаніи представляемыхъ ей дѣловыхъ бумагъ. XXXIII. Жалоба къ ней отъ синода на Ежем. сочиненіа. **4.** 44, 45.
- Евфаній Славинскій.** Свѣдѣнія о немъ. **XI.**
- Ермоловъ, П. А.** Доставилъ три записки Державина и письмо къ нему отъ Губдича. **XLII.**
- Забой.** **З.** 5, 6.
- Заведенія транспортныя въ Россіи.** Статья Кеппена. **В.** 21.
- Завислейскій.** Рецензія Кеппена на его статистику Царства Польскаго. **В.** 17.
- Залокаръ.** **З.** 106.
- Зусевъ, академикъ.** Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. **XXVIII, XXIX.**
- Зыряно.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **В.** 11.
- Иванъ Васильевичъ, великій князь.** **XLIX.**
- Иванъ Васильевичъ, царь.** **L.**
- Ижора.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о ней. **В.** 11, 13.
- Имена лицъ, рѣкъ и пр.,** собранныя Кеппеномъ. **В.** 34.
- Инострѣцы въ Россіи.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **В.** 12, 35.
- Инородцы.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **В.** 10, 12, 34.
- Ирина Федоровна, царица.** **L.**
- Іоаннъ Лѣствичникъ.** Рукопись. **IX.**
- Кавказъ.** Статьи Кеппена о немъ. **В.** 9, 33, 17.
- Калайдовичъ.** **З.** 109. Издаеть списокъ русскимъ памятникамъ, составленный Кеппеномъ. **В.** 24.
- Калмыки.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **В.** 11, 15.
- Камень Роголодовъ 1171 г.** Статья Кеппена о немъ. **В.** 30.
- Камень Тмутараканскій.** Письмо Кеппена о немъ. **В.** 30.
- Каницъ, директоръ Казанской гимназій.** О письмахъ его къ Державину. **XIII.**
- Кантемиръ, А., князь.** Жалоба Синода на изданіе его перевода. **4.** 44.
- Карзинъ, В. Н.** Біографическія свѣдѣнія Кеппена о немъ. **В.** 31.
- Караджичъ.** **З.** 103, 115, 117.
- Карамзинъ, Н. М.** **З.** 106. О значеніи его въ исторіи русскаго литературнаго языка. **7.** 5.
- Каратаи, мордовское племя.** Статья Кеппена о немъ. **В.** 14.
- Кареллы.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **В.** 11.
- Карта южнаго берега Брима, изд. Кеппеномъ.** **В.** 29.

Карта Европ. Россіи, над. военно-топогр. Дено. Отзывъ Кенпена о ней. **6.** 7.

Кастрень, М. Дополнительная инструкция, составленная Кенпеномъ, при отъздѣ въ Сибирь. **6.** 15.

Кёлеръ (Köhler), академикъ. Его полемика съ Кенпеномъ, **6.** 27, и Рауль-Рошетомъ о Черноморскихъ древностяхъ. **6.** 27, 28.

Кеневичъ, В. Ф. О напечатаніи его «Библиографическихъ и историческихъ примѣчаній къ баснямъ Крылова». XXXVII.

Керъ, З. 102.

Киргизы, подвластные Россіи. Статья Кенпена о нихъ. **6.** 15.

Киркоръ, З. 117.

Клоцъ, графъ, З. 27.

Клузь, З. 117.

Книга коричая. Статья Кенпена о ней. **6.** 23.

Книжевникъ, повременное изданіе на Сербо-хорват. яз. **5.** 3.

Кобске, Д. Ф. Доставилъ собственноручную записку Державина. XIII.

Ковринъ, М. А. 24.

Козицкій, Г. Воспитаніе на счетъ Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 37, 38.

Козодавлевъ, О. П., министръ внутр. дѣлъ, покровитель Кенпена **6.** 2.

Комитетъ (центральный статистическій). Издаеть съ 1861 г. «Списки населенныхъ мѣстъ». **6.** 11.

Коммерцъ-коллегія. Вѣдомости ея съ 1758 по 1773 годъ. **6.** 35.

Кондратовичъ, Кириакъ. Пребываніе его въ Екатеринбургѣ. V.

Константиновъ, А., академическій магистръ. **4.** 34.

Контора (главная соляная). Дѣла ея съ 1770 по 1776 г. **6.** 35.

Корень, баронъ, президентъ Академіи. Представляетъ о проектѣ академіка Делля. XIII, XIV. Его заботы объ образованіи русскихъ при Академіи. **4.** 22—24, 57, 58, 85—87.

Котельниковъ. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4.** 30—34.

Красильниковъ, Матвей. Статья его въ Ежем. соч. **4.** 48.

Крейцеръ (Creutzer). Его разборъ сочиненія Кенпена о Гекатѣ **6.** 28.

Крешиниъ, П. Представленіе его о бумагахъ князя Меншикова. VII.

Крестьяне. Статистическія свѣдѣнія о нихъ. **6.** 20, 35.

Кремаренковъ, В., академическій студентъ и переводчикъ. **4.** 39.

Кружалы, аббатъ, историографъ временъ Петра Великаго. III.

Крыловъ, Александръ. Вѣдомость, составленная имъ о народонаселеніи Россіи. **6.** 19.

Крыловъ, И. А. О напечатаніи къ его юбилею труда г. Кеневича о

басняхъ его. XXXVII. Автографы 15 басенъ его въ Имп. Публичной библиотекѣ. XXXVIII. О празднованіи столѣтняго юбилея его. XXXIX.

Крымъ. Крымскій сборникъ, Кеппена. **6.** 29. Рукописные матеріалы для описанія Крымскихъ древностей, Кеппена. **6.** 34. О вынодѣли на Южномъ берегу Крыма, Кеппена. **6.** 22. Сочиненія и рукописные матеріалы Кеппена для ближайшаго познанія горной части Крыма. **6.** 8, 35. Статья Кеппена о саранчѣ въ Крыму въ 1859 г. **6.** 33.

Куникъ, А. А., академикъ. Побуждаетъ Кеппена къ изданію матеріаловъ для исторіи инородцевъ въ Россіи. **6.** 10. Предлагаетъ вмѣстѣ съ Кеппеномъ Академіи Наукъ собирать приходскіе списки для собранія этнографическихъ матеріаловъ. **6.** 11. Письмо Кеппена къ нему объ образцахъ белорусскаго и малороссійскаго нарѣчій. **6.** 25. Предисловіе его къ объяснительному тексту Этнографической карты С.-Петербургской губерніи, Кеппена. **6.** 34. Участіе его въ составленіи плана «Русской истор. библиографіи». III. Доставилъ сдѣланный подъ его надзоромъ снимокъ съ «привилегіи», данной Ломоносову на учрежденіе стекляннй фабрики. XXXVII. Участвуетъ въ празднованіи столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XI.

Кунъ. **3.** 48, 116.

Кургановъ, Н. Статья его въ Ежем. сочин. **4.** 48.

Курганы. См. Могилы.

Курляндія. Статья Кеппена о ея народонаселеніи. **6.** 13.

Курціи. **3.** 34, 75, 101, 113.

Лавровскій, П. А. Его изслѣдованіе «О коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ» въ настоящемъ томѣ сборника № 3.

Ламбинъ, В. П. Надастъ матеріалы для исторіи инородцевъ Европейской Россіи, собранныя Кеппеномъ. **6.** 10.

Ламбины, П. и В. Изданіе въ свѣтъ составленнаго имъ 4 и 5 вып. «Русск. истор. Библиографіи. III. XLIV.

Ланонцы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Лассонъ. **3.** 25, 26, 27, 28, 57, 104.

Латамъ (Latham). Издалъ Этнографическую карту Кеппена въ уменьшенномъ видѣ. **6.** 10.

Латкинъ. Его путешествіе по Архангельской губерніи. **6.** 16.

Лебедевъ, Василій. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 21, 22, 48. Воспитаніе его. **4.** 24—28.

Лемке. **3.** 22.

Лео, Гейнр. **3.** 102.

Ленскій, академикъ. Указатель къ его сочиненіямъ, изготовленный Д. Языковымъ. **6.** 35. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ, XXVIII, XXIX.

Лербергъ, академикъ. Его изслѣдованія объ Югорской землѣ, переведено въ извлеченіи П. Кеппеномъ. **6.** 2, 31.

- Детройт.** Его статья объ ольвійскомъ псефисмѣ. **В.** 27.
- Детты.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **В.** 11.
- Дивы.** Свѣдѣнія, сообщенныя Кеппеномъ, о нихъ. **В.** 13.
- Динде.** **З.** 40. Перевелъ Кеппеномъ «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи» на польскій языкъ. **В.** 22. Біографія его, составленная Кеппеномъ. **В.** 31.
- Литературы славянскихъ народовъ.** Свѣдѣнія, сообщенныя Кеппеномъ. **В.** 24.
- Литовцы.** Свѣдѣнія о нихъ, напечатанныя Кеппеномъ. **В.** 12, 23.
- Люблиндія.** Свѣдѣнія, напечатанныя Кеппеномъ о ея народонаселеніи. **В.** 13.
- Лихтенштедтъ,** докторъ. Пишетъ предисловіе къ сочиненію Кеппена о холерѣ въ Бахчисараѣ. **В.** 31.
- Домошосовъ,** Михаилъ Васильевичъ. О первомъ присужденіи учрежденной въ память его преміи. **7.** 4. О воспитаніи его въ московскихъ духовныхъ школахъ. **XIV.** Его прошеніе о чинѣ и пенсіи. **XIV, XXVI—XXVIII.** Мысли его о картинахъ изъ русской исторіи. **XLIII, XLVI—LII.** См. также подробный указатель къ статьѣ подъ № 1. Споры по поводу изданія Миллеромъ при Академіи журнала. **4.** 4, 5, 8, 9, 12, 13. О вызовѣ его изъ Москвы въ Академію Наукъ. **4.** 22—26. Приписаны ему несправедливо стихи Дубровскаго. **4.** 36, 37. Цензурныя придирки къ Миллеру. **4.** 45—48, 51—56. О снимкѣ съ «привилегіи», данной ему на учрежденіе стеклянной фабрики. **XXXVII.**
- Лоттнеръ.** **З.** 106, 107.
- Лѣса.** Статья Кеппена о нихъ въ приволжскихъ странахъ. **В.** 8.
- Любичъ,** Симонъ, хорватскій писатель. Его сочиненіе о Римской надписи въ Далмаціи. **В.** 8. Его Обзоръ хорватской исторіи. **В.** 11.
- Люди крѣпостные.** См. Брестыяне.
- Магницкій,** попечитель Казанскаго учебнаго округа. Доносъ его на издателя Библиографическихъ листовъ, П. Кеппена. **З.** 31.
- Мадьяры.** Библиографическая статья Кеппена о мадьярскихъ нарѣчіяхъ. **В.** 26.
- Макарій,** архіепископъ Харьковскій. **З.** 117. Труды его въ 1867 г. **7.** 11.
- Макаровъ.** **З.** 113.
- Макаровъ,** Ник. Петр. Отзывъ акад. Грота о русско-французскомъ словарѣ его. **7.** 6. **XIII, XXI.**
- Максъ-Миллеръ.** **З.** 72, 74.
- Макушевъ,** В. **7.** 12.
- Мальте-Бронъ.** Переводитъ на французскій языкъ статью Кеппена объ ольвійскомъ псефисмѣ. **В.** 27.
- Манаѣ.** **XLIX.**
- Манганари.** Отзывъ Кеппена объ его Атласѣ Чернаго моря. **В.** 8.

Марса Посадица. XLIX.

Насонъ, Иванъ, содержатель пенсіона и авторъ Записокъ о Россіи. XXIX.

Матковичъ, Петръ, хорватскій писатель. Его сочиненіе о Московской этнографической выставкѣ и объ успѣхахъ географіи въ Россіи. 5. 8.
Модеръ, секретарь академической канцеляріи. 4. 26.
Меншиковъ, Александръ Даниловичъ, князь. Разборъ бумагъ его въ Академіи. VII.

Металнискій. 3. 105, 115.

Метрологія (русская). Рукописные матеріалы, собранные Кеппеномъ. 6. 35.

Мещеряки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. 6. 11.

Никлошичъ. 3. 4, 64, 101, 105, 114, 117. Объ изданной имъ части Супральской рукописи. IV.

Никуцкій. 3. 101, 111.

Миллеръ, Герардъ Фридрихъ, академикъ. 7. 6, 7. Его библиотека. III, XIV—XXI. Представленіе о сохраненіи бумагъ, касающихся русской исторіи. VII. VIII. См. также подробный указатель въ ст. подъ № 1. Изданіе имъ Ежемѣсячи сочиненій. 4. 2, 4 — 13. Отзывъ о своихъ академическихъ сотрудникахъ. 4. 18, 40. Нападки на него Ломоносова по цenzурѣ Ежемѣс. сочиненій. 4. 45 — 48, 51 — 56.

Миллеръ (Johannes von Müller). Его статьи объ источникахъ Римской исторіи переведена П. Кеппеномъ. 6. 31.

Миллеръ, О. Ф., магистръ. 3. 89, 113. Доставилъ Пекарскому рукопись Рыбникова. VII.

Милютинъ, В. А. 4. 1, 2, 29, 49.

Мишинъ, Косма. L.

Михалъ, первый митрополитъ Киевскій. XLVII.

Михалъ Осдеревичъ, царь. Изображенія событій изъ его царствованія. XLVI.

Могиламъ. Статья Кеппена о курганахъ въ Россіи вообще. 6. 29, 36. Въ южной Россіи. 6. 29. Въ Московской губерніи. 6. 30. Рукописныя свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о курганахъ вообще въ Россіи и о Керченскихъ могилахъ. 6. 34.

Модерахъ, адъютантъ Академіи. Разборъ имъ бумагъ кн. Меншикова. VII.

Мещѣенко, адъютантъ Академіи. Осмотръ имъ школъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Мордва. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. 6. 11.

Море Черное. Статья Кеппена о немъ. 6. 33.

Москва. Рукописный списокъ жителямъ ея. 6. 35.

Мотенисъ, Н. Воспитаніе на счетъ Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 37, 38.

- Мстиславъ Владиміровичъ**, великій князь, XLVII, XLVIII.
- Мухомовъ**, издатель Историческаго сборника, въ которомъ помѣщена грамота велик. кн. Бориса Тверскаго. XXXVIII, XXXIX.
- Надписи**. Греческія надписи Кеппена. 6. 34. Русскія Двинскія надписи, изданныя Кеппеномъ. 6. 30.
- Народонаселеніе Россіи**. Стаття Кеппена о немъ. 6. 7, 17, 18.
- Нарѣчія** (русскія). Матеріалы, собранныя для познанія ихъ Кеппеномъ. 6. 25.
- Нартовъ**, А. К. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 14, 48.
- Неболсинъ**. Рецензія Кеппена на его Коммерческую статистику. 6. 20.
- Невоструевъ**, К. И. О присужденіи ему Ломоносовской преміи за «Описаніе рукописей Московской синодальной бібліотеки». 7. 4, 10.
- Неснѣяновъ**, Яковъ. 4. 24.
- Нессельманъ**. 3. 103.
- Несторъ**. 3. 8, 45, 88.
- Николай Навловичъ**, императоръ. Заботы его о сохраненіи историческихъ матеріаловъ. VIII.
- Николъ Черногорець**. Отрывокъ изъ словъ его. VIII.
- Неваковичъ**, Стоянъ, сербскій писатель. Его Исторія сербской письменности. 5. 11.
- Новотный**. 3. 81, 116.
- Носовичъ**, И. И. О печатаніи Вѣлорускаго словаря его. 7. 10. IV.
- Нумизматика** (русская). Рукописныя матеріалы, собранныя Кеппеномъ по ея части. 6. 35, 36.
- Нѣмцы**. Стаття Кеппена о ихъ числѣ и селеніяхъ въ Россіи и Польшѣ. 6. 11, 12, 13, 34.
- Ободовскій**. Рецензія Кеппена на его Теорію статистики. 6. 15.
- Общество** (С.-П.—ское археологическое). Приобрѣло въ 1861 г. матеріалы Кеппена по части славянской палеографіи. 6. 1, 25.
- Общество** (вольное) любителей руссійской словесности въ С.-Петербургѣ основано при содѣйствіи П. Кеппена. 6. 33.
- Общество** Человѣколюбивое въ С.-Петербургѣ основано при содѣйствіи П. Кеппена. 6. 33.
- Озера** Руссійской имперіи. Стаття Кеппена о нихъ. 6. 7.
- Озеровъ**, В. А. О письмѣ Державина къ Оленину по поводу перваго представленія трагедіи «Эдипъ въ Аеннахъ». XXXIII.
- Олего**, князь. I, II.
- Оленинъ**, А. Н. О сдѣланной имъ копіи съ письма Державина. XXXIII.
- Ольвія**. Планъ города Ольвіи, изданный Кеппеномъ. 6. 26. Ольвійскій псефисмъ, изданный Кеппеномъ. 6. 27. Рукописныя замѣтки Кеппена объ Ольвіи поступили въ Одесское общество исторіи. 6. 34.
- Ольга**, великая княгиня. XLVII.

Ольденкогъ. Рецензія Кеппена на его Географію Россійской имперіи. **С.** 7.

Орловъ, Н. М. О снимкѣ съ принадлежащей ему привилегіи, данной Ломоносову на учрежденіе стеклянной фабрики. **XXXVII.**

Останковъ, городъ. О сравнительной высотѣ его по Памслору. **С.** 8.

Остерманъ, графъ, кабинетъ-министръ. Письмо къ нему Таттицева. **V.**

Навинскій, Григорій. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 35.

Навловскій. Отзывъ акад. Срезневскаго о Нѣмецко-русскомъ словарѣ его. **7.** 3. **XXXIV.** Рецензія Кеппена на его Географію Россійской имперіи. **С.** 9.

Навскій. **З.** 110.

Налацкій, Ф. Ю. **7.** 12.

Налеографія, русская. Труды Кеппена по этой части. **С.** 24, 30.

Напутники, славянскіе вѣдъ Россіи, собранныя и изданныя Кеппеномъ. **С.** 24, 25.

Напслоръ. Его статья о сравнительной высотѣ Останкова и Астрахани. **С.** 8.

Напутникасы. Рукописныя свѣдѣнія Кеппена о ней. **С.** 34.

Некарскій, П. П., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7.** 6. Доставленныя имъ свѣдѣнія: о до-петровской картѣ съ изображеніемъ р. Невы и пр. **II.** О библиотекѣ академика Миллера. **III.** Объ окончаніи печатаніемъ 4 и 5 выпусковъ «Русской историч. библиографіи». **III, XLIV.** Объ изданіи въ свѣтъ изслѣдованія о П. Рымковѣ. **VI, VII.** О разсказѣ въ летописной формѣ 1700 года. **VII, XXXVIII.** О проектѣ Делиля для новѣрки часовъ въ Петербургѣ. **XIII, XIV.** О подробностяхъ первоначальнаго воспитанія Ломоносова. **XIV.** О прошеніи Ломоносова о чинѣ и пенсіи. **XIV.** О частныхъ училищахъ въ Петербургѣ 1780 г. **XXVIII, XXIX.** Написалъ изслѣдованіе «Редакторъ, сотрудники и цензура русскаго журнала въ 1755—1764 годахъ». **XXXIII.** Доставилъ извѣстіе о повелѣніи императрицы Елисаветы на счетъ правописанія дѣловыхъ бумагъ. **XXXIII.** О ходѣ работъ своихъ по исторіи Академіи. **XXXIX.** О грамотѣ Тверскаго князя Бориса Александровича. **XXXVIII.** О мысляхъ Ломоносова касательно картинъ изъ Русской исторіи. **XLIII, XLVI—LII.** Изслѣдованія его, вошедшія въ настоящій томъ сборника: **1.** Жизнь и литературная дѣятельность П. И. Рымкова. **1—184.** **4.** «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ». **1—88.** О замѣчаніяхъ его касательно изслѣдованія г. Чистовича о Феофанѣ Прокоповичѣ. **XLII.**

Нерники. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **С.** 11.

Неграновичъ, Вождаръ, сербскій писатель. Его книга о Богомилахъ. **С.** 11.

Нещоры, крымскія. Статья Кеппена о нихъ. **С.** 9.

Никто. **З.** 26, 28, 31, 33, 48, 57, 72, 75, 89, 104, 108, 114.

Нинте, М. А. О снимкахъ съ болонской псалтири, сдѣланныхъ подъ его наблюденіемъ. XXXII.

Писатели, русскіе. Статья Кеннена о правахъ ихъ. **В.** 32.

Писатели, харьковскіе. Статья Кеннена о нихъ. **В.** 25.

Погодинъ, М. П., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7.** 11.

Пожалостникъ, Ив. Петр. О заказѣ ему вырѣзать на мѣди портретъ митрополита Филарета Московскаго. **XLI.**

Пожарскій, Д. М. князь. **LI.**

Полетика, Г. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 14, 15.

Польша. Статья Кеннена о народонаселеніи ея. **В.** 12, 14. Статистика Польши Завилейскаго. **В.** 17.

Помѣщики. О числѣ ихъ по 8 ревизіи. **В.** 35.

Порфирій, епископъ чигиринскій. О его рукописяхъ и древностяхъ. **XII.** 7. 2.

Полановъ, А., академическій студентъ. **4.** 39.

Поневскій, Н. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 29—35.

Поневъ, Н., академикъ. Просмотръ имъ акад. журнала. **4.** 10. Воспитаніе его. **4.** 23—28. Участіе въ помѣщеніи стиховъ въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 49, 50.

Порошинъ, С. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 14, 43. Отзвмы его объ академическихъ переводчикахъ. **4.** 22.

Поттъ, З. 21, 29, 57, 74, 109.

Почта. Статья Кеннена о письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи. **В.** 20. Статьи Кеннена о числѣ почтовыхъ лошадей. **В.** 20.

Почта, сѣверная. Основаніе ея. **В.** 2.

Прокудинъ-Горскій, Михаилъ. **4.** 49.

Промыслъ начальный. Свѣдѣнія, собранныя Кенненомъ о немъ. **В.** 21.

Пресвѣщеніе въ Россіи. Труды Кеннена по исторіи его. **В.** 22, 23, 32.

Протасовъ, академикъ. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. **XXVIII, XXIX.**

Протогевъ, ольвійскій гражданинъ. Псефисмъ въ честь его. **В.** 27.

Пшени сарачинское. Кенпенъ о разведеніи его въ Кавказской области. **В.** 27.

Разумовскій, К. Г., графъ. См. о немъ въ подробномъ указателѣ въ ст. подъ № 1. Предложеніе его надавать русской журналъ. **4.** 4, 5. Распоряженіе его о томъ. **4.** 8, 10, 11, 15, 19, 41, 45.

Разумовъ, Алексій. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4.** 38—40.

Рауль-Рометь, французскій академикъ. Рецензія Кеннена на его сочиненія о Восторѣ Киммерійскомъ. **В.** 26. Письмо его о критикѣ Кеннена. **В.** 27. Замѣчанія Келера о трудѣ его и о критикѣ Кеннена. **В.** 27.

Рачскій, Фр., каноникъ, хорватскій писатель, одинъ изъ издателей

Книжевника, Б. 3. Предсѣдатель югославянской академіи. Б. 7. Его изданіе грамотъ, относящихся къ исторіи хорватовъ и сербовъ. Б. 8. 7. 4.

Рачскій, Участіе его въ Книжевникѣ. II.

Редеди, князь косожскій. XLVII, XLVIII.

Рейнъ, проф. гельсингфорскій. Его статья о народныхъ переносахъ въ Финляндіи. С. 19.

Рече (фонъ-деръ). Извѣстіе Кеппена о его Словарѣ инфляндскихъ писателей. С. 25.

Ренъ. З. 112.

Ренель. З. 118.

Рихманъ, академикъ. 4. 32.

Рогальскій, Леонъ. Перевелъ на польскій языкъ сочин. Кеппена о языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ. С. 23.

Рогѣда или Горислава, княжна полоцкая. XLVIII.

Розенкампфъ, баронъ. Извѣстіе Кеппена объ его трудѣ о Кормчей книгѣ. С. 23.

Розенкампфъ. З. 118.

Романовъ, Ф. Н., бояринъ. I.

Рукопись фрейзингская. Изданы Кеппеномъ и объяснены Востоковымъ. С. 24.

Рушицовъ, Н. П., графъ. Представилъ П. Кеппена министру внутр. дѣлъ Козодавлеву. С. 2. На его иждивеніи издано Кеппеново собраніе слав. памятниковъ, находящихся внѣ Россіи. С. 24. Ему Кеппенъ посвятилъ свою книгу о Черноморскихъ древностяхъ. С. 26.

Руновскій, С., академикъ. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 30 — 34.

Рыбниковъ. Принадлежность ему рукописи съ автописнымъ рассказомъ о 1700 годѣ. VII.

Рычковъ, Д. Н. Приноситъ въ даръ рукописи его предка. XXXVII.

Рычковъ, Петръ Ивановичъ. 7. 6. Исслѣдованіе о немъ напечатано акад. Пекарскимъ. VI, VII, въ отдѣлѣ № 1. Письма его и бумаги подарены Академіи правнукомъ его Д. Н. XXXVII. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 14, 15. Письмо Миллера. 4. 54, 55.

Рѣвнскій, Г. К. Доставилъ матеріалы для біографіи Державина. XXXIV. Заявилъ о разрѣшеніи оставить въ Академіи Наукъ дѣла съ подлинными письмами Державина. XLI, XLII.

Рѣки. Рукописное собраніе Кеппена объ ихъ названіяхъ. С. 34, 36.

Саввантовъ, П. И. Доставилъ свидѣнія о ирготовительныхъ трудахъ митрополита Евгенія къ исслѣдованію о славянскомъ переводѣ библіи. XLI.

Савитри. З. 116.

Сажко, Либера, танцовщица. 4. 49, 50.

Самодѣи. Свидѣнія о нихъ, собранныя Кеппеномъ. С. 11.

Сарагча. Статя Кенпена объ ихъ появленіи въ Крымъ въ 1859 г. **В. 33.**

Сатъшанъ. **З. 116.**

Сахаровъ. **З. 115.**

Сборникъ Крымскій. Сочиненіе П. Кенпена. **В. 28.**

Святославъ Игоревичъ, великій князь. **LI.**

Святославъ Ярославичъ, великій князь. **LI.**

Слѣдцы сравнительные. Матеріалы, собранныя Кенпеномъ. **В. 35, 36.**

Сербиневичъ, К. С. **XL.**

Сербс-хорватскій народъ. **Б. 12.** Исторія его литературы. **Б. 12.**

Сербы. Объ ихъ селеніяхъ въ Россіи. **В. 11.**

Сибирь. Статя Кенпена о ней. **В. 7.** Его же дополнительная ин-струкція М. Кастрену. **В. 15.**

Синсонъ Немецкій. Свѣдѣнія о немъ. **XI.**

Синсонъ Гедерскій. **4. 45.**

Синодъ, свят. прав. Представленіе его императрицѣ о безбожныхъ статьяхъ въ Ежем. сочиненіяхъ. **4. 43—45.**

Скальковскій, А. А. Рецензія Кенпена на его Статистич. описаніе Новороссійскаго края. **В. 16.**

Словесность русская. Обзоръ источниковъ ея, составленное Кенпеномъ. **В. 22.**

Смогиревъ, И. М. Получилъ отъ Кенпена большую часть собран-никъ нѣхъ извѣстій о народныхъ преданіяхъ и обычаяхъ. **В. 36.** Объясне-ніе нѣхъ одной пословицы. **XXV.**

Собраніе законовъ. Извлеченіе изъ нихъ для исторіи инородцевъ въ Россіи. **В. 10.**

Соймоновъ, Ф. И. **4. 11, 49, 55.**

Соколовъ, Ф. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4. 30—35.**

Сослови въ Россійской имперіи. Свѣдѣнія, напечатанныя Кенпеномъ, о нихъ. **В. 18.**

Сосуревъ. Воспитаніе его при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочн. **4. 30—35.**

Списки приходскіе, собранныя Академіею Наукъ на пользу Этногра-фіи Россіи. **В. 10.**

Спиревичъ, художникъ. О рисованномъ имъ портретѣ митрополита Филарета Московскаго. **XLI.**

Срезновскій, И. И., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7. 1** и сл. **12, 13.** Сообщилъ объ юго-славянской рукописи XII вѣка и другихъ, доста-вленныхъ В. И. Григоровичемъ. I. Докладъ о загребскомъ изданіи «Кни-жовникъ». II. Ему сообщена часть супральской рукописи. IV. По воз-вращеніи изъ командировки представилъ фотографическій портретъ митрополита Евгенія и прочелъ записку о рукописяхъ епископа Порфирія,

которыя видѣлъ въ Кіевѣ. XII. Прочелъ записку о сдѣланныхъ имъ снимкахъ и спискахъ съ доставленныхъ ему рукописей. XXIX. Представилъ два снимка съ болонской псалтыри XII вѣка и заявилъ о возможности испросить присылку ея въ Академію. XXXII. Отзывъ его о 2-мъ изданіи Нѣмецко-русскаго словаря г. Павловскаго. XXXIV. Доложилъ о содержаніи печатаемыхъ имъ дополненій въ сборнику юсоваго письма. XXXVIII. Прочелъ статью свою о трудахъ загребской юго-славянской Академіи. XXXIX. Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XL. Читалъ записку о псалтыри безъ толкованій, относимой имъ къ XI вѣку. XLII. З. 102, 118. Иадалъ снова Востоково объясненіе фрейзингскихъ отрывковъ. 6. 24.

Старковъ, 4. 24.

Статистика Россіи. Труды Кеннена по этой части. 6. 15 и слѣд.

Степанъ, Хр. Хр., ботаникъ. Біографія его, составленная Кенненомъ, 6. 31.

Стефанъ, архимандритъ Спасскаго монастыря. 4. 23, 24.

Стрессъ, М., издатель Библіотеки полезныхъ свѣдѣній о Россіи. 6. 9.

Стрессмайеръ, Іосифъ, епископъ Босенскій и Срѣмскій. Его участіе въ основаніи Юго-славянской академіи. 5. 4. Избранъ ея покровителемъ. 5. 6.

Стрыйковскій. З. 79.

Судакъ. Исслѣдованія Кеннена о немъ. 6. 36.

Сумароковъ, А. П. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. 4. 14, 17. Ссылки его на Козницкаго и Мотониса. 4. 37. Ссоры съ Тредиаковскимъ за стихи. 4. 41 — 43.

Сумароковъ, П. И. Записка къ нему Державина. XLII.

Сумбска, царица Казанская. XLIX.

Сухомлиновъ, М. И. XL.

Татары. Свѣдѣнія, собранныя Кенненомъ, о нихъ. 6. 11.

Татищевъ, В. Н. Свѣдѣнія о немъ изъ Екатеринбургскаго архива IV—VI. См. также въ подробномъ указателѣ къ ст. подъ № 1, о его исторіи. 4. 53.

Таубертъ, И. И., академическій совѣтникъ. См. подробный указатель въ статьѣ подъ № 1. Причина недовольства на него Сумарокова. 4. 17. Объясненія съ нимъ по поводу стиховъ къ тавцовщичѣ. 4. 49. Жалоба на него Ломоносова. 4. 51. Письмо къ нему Миллера. 4. 56.

Тверь. Письмо Ф. Н. Глинки къ П. И. Кеннену о древностяхъ въ Тверской Карелии. 6. 30.

Темловъ, А., капитанъ. Его статья въ Ежем. соч. 4. 48.

Темловъ, В., академическій переводчикъ. 4. 22.

Темловъ, Г. Н. 4. 6, 31.

Тещманъ, Ф. Его статья о южно-русскихъ стенахъ. 6. 8.

Тиртъ, Ф. Его сочиненіе объ ученыхъ училищахъ извлечено Кеппеномъ на русскомъ языкѣ. **6.** 32.

Тиходратовъ, З. 117.

Толстой, Фед. Андр., графъ. Его издвигеніемъ напечатанъ Кеппеновъ «Списокъ памятникамъ». **6.** 24.

Торбаръ, Иосифъ, хорватскій писатель, одинъ изъ издателей Книжечника. **5.** 3. Его сочиненія о перелетныхъ птицахъ. **5.** 8.

Торговля, винная, въ Россіи. Сочиненіе Кеппена о ней. **6.** 22.

Трѣдіаковскій, В. К. Переводъ его проекта академика Делла. XIII. См. также подробный указатель въ ст. подъ № 1. Споръ по поводу цензуры и пр. съ Ломоносовымъ. **4.** 5, 8, 9. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 15 — 17, 48. Экзаментъ Шестаковскаго. **4.** 20. Выборъ воспитанниковъ для Академіи въ Новгородѣ и Москвѣ. **4.** 31, 32. Лекціи его. **4.** 32. Пререканія съ Сумароковымъ и доносъ на него. **4.** 41, 42, 43. Жалобы на него Ломоносова. **4.** 51.

Труберъ, З. 70.

Труды Юго-славянской Академіи. Ея повременное изданіе. **5.** 7 — 11.

Тула. См. Губерніи.

Тютчевъ, Ф. И. XL.

Уваровъ, А. С. графъ. Объ историческихъ задачахъ для сознанія установленныхъ ихъ наградъ. XXXVII.

Уликъ, гиттенмейстеръ. Донесенія его Татищеву. VI.

Устраловъ, Н. Г., академикъ. Участвуетъ въ празднованіи юбилея митрополита Евгения. XL.

Училища сельскія. Статья Кеппена о нихъ. **6.** 32.

Фостъ, З. 11.

Филаретъ, митрополитъ Московскій. Труды его въ 1867 г. **7.** 10. Некрологъ его. **7.** 28 — 38. О доставленномъ А. В. Горскимъ портретѣ высокопреосвященнаго. XLI.

Финляндія и финляндцы. Статья Кеппена по части этнографіи и географіи ея. **6.** 14, 19.

Финеръ, Э. Извѣстія его объ академическихъ воспитанникахъ. **4.** 32 — 34.

Фотій, митрополитъ. Сборникъ поученій и посланій его. XI.

Французы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ объ ихъ поселеніяхъ въ Россіи. **6.** 11.

Ходаковскій. Его Археологическо-этнографическій именовсловъ, находящійся въ Имп. публичной библиотекѣ. **6.** 11.

Хрущевъ. Его переписка съ Татищевымъ. V.

Художества въ Россіи. Труды Кеппена по исторіи ея. **6.** 29, 36.

Цейгеръ, академикъ. **4.** 22.

Цицеронъ, Ц. Записки Кеппена о рукописяхъ его сочиненія: De republica. **6.** 26.

- Цыгане русскіе.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.
- Чадовъ, А.** **4.** 24.
- Черошцы.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.
- Черкасовъ, И. А.,** баронъ. Объявленія его о повелѣніи императрицы Елисаветы касательно правописанія. XXXIII.
- Черкасскій, князь.** Его переписка съ Татищевымъ. **V.**
- Чистовичъ, И. А.** Разсмотрѣніе акад. Пекарскимъ его изслѣдованія о Теофанѣ Прокоповичѣ. **7.** 8. О напечатаніи этого изслѣдованія на счетъ Академіи. XLII.
- Чуваши.** Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.
- Чушинъ, Н. К.** Собранныя имъ матеріалы о В. Н. Татищевѣ. VI—IV.
- Шайноха.** **3.** 99.
- Шафарикъ.** **3.** 13, 102, 108. Его отзывъ объ Археологическо-этнографическомъ именованіи. **6.** 11.
- Шафарикъ, И. И.** О принадлежащей ему рукописи XII вѣка. **7.** 3. I, XXX.
- Шелководство въ Россіи.** Статья Кеппена о немъ. **6.** 22.
- Шестаковский, О.,** академическій адъюнктъ. Приключенія его. **4.** 19, 21.
- Шимановичъ.** **3.** 83, 114.
- Шинкевичъ.** **3.** 3, 22, 23, 81, 102.
- Ширинскій-Шихматовъ, П. Андр.,** князь. Письмо Кеппена къ нему о доносѣ Магницкаго. **6.** 31.
- Шинкаревъ, П.** Наказанъ за бранные отзывы о нѣмцахъ. **4.** 24, 25, 26.
- Шинковъ, А.,** министръ народн. просвѣщ. Отношенія Кеппена къ нему. **6.** 3.
- Шлейхеръ.** **3.** 3, 104, 108.
- Шлецеръ.** См. о немъ въ подробномъ указателѣ въ ст. подъ № 1.
- Шмеллеръ.** Его описаніе рукописи фрейзингскихъ отрывковъ. **6.** 24.
- Шонегъ.** Его описаніе Армянской области. **6.** 17.
- Шроттеръ, Петръ.** Перевелъ на нѣм. языкъ сочиненіе Кеппена о языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ. **6.** 23.
- Штелингъ, Я.** **4.** 36, 37.
- Шгерь, М. П.** Его описаніе Воронежской губерніи. **6.** 35.
- Штрессмайеръ.** См. Стросмайеръ.
- Штруде-де-Бирмонъ, академикъ.** Разборъ имъ бумагъ князя Меншикова. VII. Его лекціи. **4.** 32.
- Штукенбергъ, И.** Рецензія Кеппена на его Описаніе русскихъ каналовъ и русскую гидрографію. **6.** 20.
- Шуваловъ, И. И.** **4.** 51.
- Шуйскій, И. В.** князь. I, LII.
- Шульгинъ, И. П.** XI.
- Шувалеръ, совѣтникъ академич.** **7.** 8. См. въ подробномъ указателѣ

къ ст. подъ № 1. Вліаніе его на академическія дѣла. 4. 6. Отзывъ его о русскомъ журналѣ. 4. 9. Требованіе диссертацийъ отъ магистровъ. 4. 34.

Эйлеръ. См. Ейлеръ.

Эрбенъ, К. Я. 7. 12.

Юго-славянская академія наукъ и художествъ въ Загребѣ. Ея основаніе, уставъ, составъ, дѣятельность, первыя изданія. 5. 1 — 14. 7. 4.

Юнгманъ. 3. 6, 40, 65, 105, 114.

Ягичъ, В., хорватскій писатель, одинъ изъ издателей Книжевника. 5. 3. 7. 4. Его исторія хорватской письменности. 5. 12 — 14. Участіе его въ Книжевникѣ. II.

Языковъ, Дм. Ив. Его біографія, составленная Кеппеномъ. 6. 31. Его Указатель къ сочиненіямъ академика Лепехина. 6. 35.

Яромскій, Филиппъ. Воспитаніе его при Академіи и сотрудничество его въ Ежемѣс. сочи. 4. 30 — 35.

Ододръ Ивановичъ, царь. L. 4. 53.

Ододръ Ростиславовичъ, великій князь. XL. IX.

Осоевъ Прокоповичъ. Исслѣдованіе о немъ г. Чистовича. 7. 8. XIII. Переписка съ Татищевымъ. V. Ученики изъ его семинаріи въ Академіи Наукъ. 4. 30.

ПОПРАВКА. Въ I-мъ томѣ «Сборника статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи Наукъ», на стр. LV вкралась важная ошибка: въ строкахъ 4 и 6 снизу напечатано имя *Бутурлина*, тогда какъ рѣчь идетъ о *Болтинѣ*, котораго сочиненіе 1788 года тамъ и названо. Таже ошибка вкралась и въ указатель, гдѣ на стр. 2 вм. *Бутурлина* слѣдовало поставить *Болтинъ*.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip—Series 458